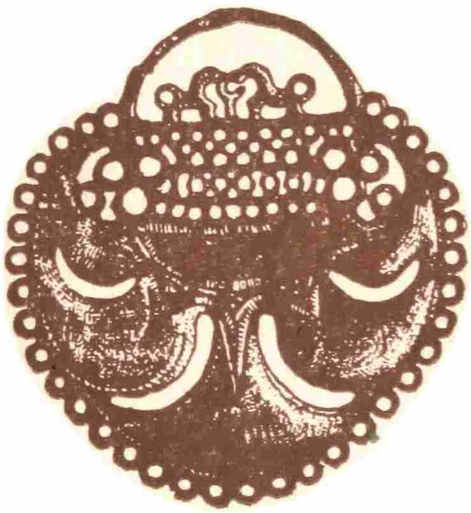
ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



3
1988

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

1988 3

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Журнал основан в 1957 году

Выходит 4 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Б. А. РЫБАКОВ (главный редактор)

И. И. Артеменко, В. И. Козенкова (отв. секретарь), Г. А. Кошеленко, В. В. Кропоткин, Л. Р. Кызласов, В. П. Любин, В. М. Массон, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев, Б. Б. Пиотровский, С. А. Плетнева (зам. главного редактора), А. А. Формозов, В. П. Шилов

СОДЕРЖАНИЕ

Сергин В. Я. (Москва). Классификация палеолитических поселений с жилищами на территории СССР 5
Пряхин А. Д., Беседин В. И. (Воронеж). О выделении воронежской культуры эпохи бронзы 21
Согомонов А. Ю. (Москва). Субпротогеометрическая керамика на Востоке: типология, хронология, дисперсия 37
Гоняный М. И., Кренке Н. А. (Подольск, Москва). Структура расселения дьяковцев в бассейне р. Пахры 54
Марченко К. К., Житников В. Г., Яковенко Э. В. (Ленинград, Ростов-на-Дону, Керчь). Елизаветовское городище — греко-варварское торжище в дельте Дона 63
Макаров Н. А., Чернецов А. В. (Москва). К изучению культовых камней 79
Нахапетян В. Е. (Москва). Знаки строителей на камнях Маяцкого городища 91
Кулаков В. И. (Москва). Птица-хищник и птица-жертва в символах и эмблемах IX—XI вв. 106
Раппопорт П. А. (Ленинград). О методике изучения древнерусского зодчества 118
Туревич Ф. Д. (Ленинград). Западная Русь и Византия в XII—XIII вв. 130

Публикации

Буров Г. М. (Симферополь). Запорный лов рыбы в эпоху неолита в Восточной Европе 145
Стефанова Н. К., Кокшаров С. Ф. (Свердловск). Поселение бронзового века на р. Конде 161
Игнатов В. Н., Скрипкин А. С. (Волгоград). Комплексы сарматского времени из Прикубанья 175
Внуков С. Ю. (Москва). Широкогорлые светлоглиняные амфоры Северо-Западного Крыма 198
Щукин М. Б. (Ленинград). Керамика киевского типа с поселения Лепесовка 207
Артемьева Н. Г. (Владивосток). Жилища Лазовского городища 215
Белоцерковская И. В. (Москва). Керамика Огубского городища 225

© Издательство «Наука», «Советская археология», 1988 г.

Заметки

Калиева С. С. (Кустанай). Клад Аксу в степном Притоболье . . . 240
Мишина Т. Н. (Москва). Энеолитический комплекс телля «Плоская могила» у с. Юнаците (НРБ) 244
Сергацков И. В. (Волгоград). Новые находки скифского времени в Волгоградской области 249
Сингх Р. Н. (Индия). Техника изготовления стеклянных бус и колец в Райхате 251
Полегайлов А. Г., Осадчий Е. И. (Киев). Свинцовая гирька из Изяслава на р. Горыни . . 253
Нестеров В. С. (Обнинск). Об одной находке с Огубского городища 254

Критика и библиография

Горелик А. Ф. (Ворошиловград). *Телегін Д. Я.* Мезолітичні пам'ятки України (IX—VI тисячоліття до н. э.). Київ, 1982. *Телегин Д. Я.* Памятники эпохи мезолита на территории Украинской ССР. (Карта местонахождений). Киев, 1985 257
Матюшин Г. Н. (Москва). *Телегін Д. Я.* Мезолітичні пам'ятки України (IX—VI тисячоліття до н. э.). Київ, 1982. *Телегин Д. Я.* Памятники эпохи мезолита на территории Украинской ССР. (Карта местонахождений). Киев, 1985 262
Кольцов Л. В. (Москва). *Couraud Claude* L'Art Azilien. Origine-Survivance. XX-e supplément a «Gallia Prehistoire». P., 1985 . . 267
Габяшев Р. С., Марков В. Н., Халиков А. Х. (Казань). Археология и этнография Марийского края. Вып. 1—9. Йошкар-Ола, 1976—1985. Серийное издание Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории 271
Щапова Ю. Л. (Москва). *Teresa Stawiarska.* Szkla z okresu wplywów rzymskich z Pólnocnej Polski. Studium technologiczne. Wroclaw; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Lódź, 1984 277
Макарова Т. И. (Москва). *Плешанова И. И., Лихачева Л. Д.* Древнерусское декоративно-прикладное искусство в собрании Государственного Русского музея. Л., 1985 284

Хроника

Ставиский Б. Я. (Москва). 25 лет регулярных исследований буддийского культового центра в Старом Термезе 289
Седов В. В. (Москва). X Всесоюзная конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии 292
Мунчаев Р. М., Гуляев В. И. (Москва). Третий советско-американский археологический симпозиум (Вашингтон, 1986) . 295
Могильников В. А. (Москва). Конференция «Скифская эпоха Алтая» 299
Семенов В. А. (Ленинград). Памяти Глеба Алексеевича Максименкова 304

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Зав. редакцией *Е. В. Бубнова*

Технический редактор *Синицына Е. В.*

Сдано в набор 15.04.88 Подписано к печати 07.07.88 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 26,6 Усл. кр.-отт. 96,7 тыс. Уч.-изд. л. 30,9 Бум. л. 9,5
Тираж 3610 экз. Зак. 4548

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

1988 3

SOVIET ARCHAEOLOGY

Editor-in-Chief
B. A. RYBAKOV

Founded in 1957
Published quarterly

CONTENTS

Sergin V. Ya. (Moscow). Classification of the Palaeolithic Settlements with Dwellings on Soviet Territory 5
Pryakhin A. D., Besedin V. I. (Voronezh). On Identification of the Bronze Age Voronezh Culture 21
Sogomonov A. Y. (Vladimir). The Sub-Proto-Geometric Pottery from East (Typology, Chronology and Controversial Problems) 37
Gonyany M. I., Krenke N. A. (Podolsk, Moscow). The Settlement Pattern of the Dyakovo Population According to the Sites in the Pakhra Basin . . . 54
Marchenko K. K., Zhitnikov V. G., Yakovenko E. V. (Leningrad) The Elizavetovskoe Fortified Settlement — A Graeco-Barbarian Market Place in the Don Delta 63
Makarov N. A., Chernetsov A. V. (Moscow). On the Study of Sacred Stones 79
Nakhapetyan V. E. (Moscow). The Signs Left by Builders on the Stones in the Mayak Fortified Settlement 91
Kulakov V. I. (Moscow). Revenous Birds and Sacrificial Birds in 10th 11-th Century Symbols and Emblems 106
Rappoport P. A. (Leningrad). On the Study Methods of Old Russian Architecture 118
Gurevich F. D. (Leningrad). Western Russia and Byzantium in the 12th and 13th Centuries 130

Publications

Burov G. M. (Simferopol). Weirfishing in Eastern Europe in the Eneolithic . 145
Stefanova N. K., Koksharov S. F. (Sverdlovsk). A Bronze Age Settlement on the Konda River 161
Ignatov V. N., Skripkin A. S. (Volgograd). Complexes of Sarmatian Times in the Kuban Basin 175
Vnukov S. Y. (Moscow). Light Clay Amphorae with Wide Necks from the North-Western Crimea 198
Shchukin M. B. (Leningrad). Pottery of the Kiev Type from the Lepesovka Settlement 207
Artemyeva N. G. (Moscow). The Dwellings of the Lazo Fortified Settlement . 215
Belotserkovskaya I. V. (Moscow). Pottery from the Ogubskoe Fortified Settlement 225

Notes

Kaliyeva S. S. (Kustanai). The Aksy Hoard in the Steppes of the Tobol Basin 240
Mishina T. N. (Moscow). The Eneolithic Tell «Ploskaya mogila» at the Unatsite Village in Bulgaria 244
Sergatskov I. V. (Volgograd). New Scythian Finds in the Volgograd Region 249
Singh R. N. (India). The Technology of Glass Beads and Rings in Raihat 251
Polegailov A. G., Osadchiy E. I. (Kiev). A Lead Weight from Izyaslav on the Goryn River . . 253
Nesterov B. S. (Obninsk). A find in the Ogubsky Settlement 254

Reviews

Gorelik A. F. (Voroshilovgrad). *D. Y. Telegin.* The Ukrainian Mesolythic Sites (The Ninth-Sixth Millennia B. C.), Kiev, 1982; *D. Y. Telegin.* The Mesolithic Sites on Ukrainian Territory (Maps), Kiev, 1985 257
Matyushin G. N. (Moscow). *D. Y. Telegin.* The Ukrainian Mesolithic Sites, Kiev, 1982; *D. Y. Telegin.* The Mesolithic Sites on Ukrainian Territory, Kiev, 1985 262
Koltsov L. V. (Moscow). *Couraud Claud.* L'Art Azilien. Origine-Survivance. XX-e supplément a «Gallia Prehistoire». P., 1985 267
Gabyashev R. S., Markov V. N., Khalikov A. Kh. (Kazan). Archaeology and Ethnography of the Mari Area, Issues 1-9, Ioshkar-Ola, 1976-1985 271
Shchapova Y. L. (Moscow). *T. Stawiarska.* Szkla z okresu wplywów z Pólnocnej Polski. Studium technologiczne. Ossolineum, 1984 277
Makarova T. I. (Moscow). *I. I. Pleshakova* and *L. D. Likhacheva.* Old Russian Applied and Decorative Art in the Russian Museum in Leningrad, Leningrad, 1985 284

Chronicle

Stavisky B. Y. (Moscow) et al. Twenty-Five Years of Studies of the Buddhist Centre in Stary Termez 289
Sedov B. B. (Moscow). The 10th National Conference on Scandinavian and Finland Studies 292
Munchayev P. M., Gulyaev V. I. (Moscow). The Third Soviet-American Archaeological Symposium (Washington, 1986) 295
Mogilnikov V. A. (Moscow). «The Scythian Age in Altai» Conference 299
Semenov V. A. (Leningrad). In Memory of Gleb Maximenkov 304

В. Я. СЕРГИН

КЛАССИФИКАЦИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ С ЖИЛИЩАМИ НА ТЕРРИТОРИИ СССР

Несмотря на открытие и изучение на территории нашей страны значительного числа палеолитических поселений, они остаются почти незатронутыми в классификационном отношении. Заложена основа лишь для функционально-хозяйственного разделения памятников нижнего палеолита [1, с. 160—162; 2, с. 35]. Такое положение затрудняет исследование ряда общих проблем, приводит к утрате ценных сведений, необходимых, в частности, и для разрешения классификационных вопросов.

В качестве первоначальной классификационной задачи можно поставить разработку одного аспекта, выработку региональной классификации памятников или рассмотрение классификационных вопросов по памятникам, достаточно хорошо выделяющимся из общего массива по каким-либо признакам. В данной работе избран последний путь. Наличие жилищ как наиболее важных объектов поселений служит основой выявления структуры поселения, а характер остатков жилищ и материалов, залегающих внутри и снаружи жилищ, важен при разрешении других вопросов. Существенно также, что поселения с выявленными жилищами в целом лучше изучены и опубликованы. Но и по ним здесь рассматриваются не все классификационные аспекты, а лишь наиболее назревшие и обеспеченные материалами.

I. *Расположение поселений на местности* (*типы ее заселения*). По связи с определенными формами рельефа исследуемые поселения можно разделить на расположенные в балках, в долинах рек и на водораздельных поверхностях (таблица). Преобладают поселения средней группы, в особенности если учесть, что более половины балочных поселений относится к небольшому Костенковско-Борщевскому р-ну, где к тому же вторая надпойменная терраса в долине могла быть почти полностью смыта рекой [3, с. 80].

Соответственно можно говорить о типах заселения местности: балочном, долинном и водораздельном. Однако в палеолите они не определялись столь глубинными явлениями, как в более поздние эпохи, когда возникновение и трансформации земледелия и скотоводства побуждали к закономерной смене геоморфологически различных участков и ландшафтов. Судя по местоположению памятников среднеднепровского типа и виллендорфско-костенковских, определенные типы заселения не были связаны с традициями отдельных групп населения. Не прослеживается также каких-либо общих изменений в хозяйстве, которым отвечала бы смена типа заселения. Но в отдельных областях или районах ориентация хозяйства, по-видимому, могла влиять на тип заселения. В частности, ряд поселений степной полосы европейской части СССР (жилища на них пока не выявлены) располагается на высотах, что вряд ли обусловлено только уровнями разливов рек (Амвросиевка, Золотовка, Ивашково IV, Срединный Горб и др.). Вероятно, их положение объясняется и необходимостью постоянного наблюдения за передвижениями стад животных в какой-то сезон или круглогодично.

В ряде случаев, несомненно, можно отметить использование геоморфологически различных участков местности в связи с сезонной изменчивостью пищевых ресурсов. Например, предполагая летнее обитание людей на приречных поселениях пункта Ушки I (о чем подробнее будет

Балки и сходные геоморфологические образования	Долины рек	Водораздельные поверхности
Ачинское поселение	Авдеево	Липа IV
Кайсторова балка II	Буреть	Пушкари 1
Кокорево 1	Вороновица 1	Радомышль
Костенки 1	Дубовая балка	Тимоновка 1
Костенки 2	Елисеевичи	Тимоновка 2
Костенки 8	Костенки 19	Юдиново 3
Костенки 11	Костенки 21	
Костенки 13	Кременец	
Костенки 15	Липа I	
Костенки 18	Липа II	
Мезин	Мальта	
Осокоровка	Межирич	
Супонево	Молодова I	
	Молодова V	
	Санный Мыс	
	Студеное 1	
	Толбага	
	Ушки I	
	Ушки IV	
	Юдиново 1	

сказано ниже), зимнее пребывание их обитателей можно предполагать в более высоких участках долины и предгорий. В других случаях в летнее время население могло подниматься из предгорий в более высокие пояса гор. Однако в равнинной местности с меньшим разнообразием и контрастностью форм рельефа отмеченные типы заселения в целом, по-видимому, были слабо связаны с сезонными изменениями. Удаленность от реки и высотные уровни поселений края плато и расположенных на нынешних второй-третьей террасах отличались незначительно. То же можно сказать о поселениях в мелких балках (Осокоровка, Кайсторова балка II) и устьевых частях относительно крупных балок (Костенки 4, Супонево) в сравнении с долинными. В таких условиях едва ли можно полагать большие различия в обеспеченности поселений сырьевыми и пищевыми ресурсами. Поэтому в археологическом отношении данная классификация должна представлять интерес прежде всего с точки зрения защищенности поселений на местности.

У специалистов уже давно сложилось впечатление о выборе для поселений мест, защищенных от холодных ветров бортами балок или речных долин [3, с. 83; 4, с. 420; 5, с. 106]. Изучение памятников с точки зрения их положения на местности относительно возвышающихся над ними участков позволяет провести приблизительную оценку их защищенности. Можно выделить следующие типы: 1 — открытые памятники (Гонцы, Вороновица 1, Пушкари 1, Радомышль, Юдиново 3); 2 — закрытые с запада (Варварина Гора, Кирилловское поселение, Костенки 4, 15, 18, 19, 21; Тимоновка 1, 2); 3 — закрытые с запада и востока (Санный Мыс, Студеное 1); 4 — частично прикрытые с севера (Кокорево 1); 5 — закрытые с севера (Костенки 11, Молодова I, V, Толбага); 6 — закрытые с севера и запада или востока (Костенки 1, 13; Мезин); 7 — закрытые с севера, запада и востока (Супонево). При более обобщенном подходе возможно деление поселений на открытые, закрытые с широтных сторон и закрытые с севера. Но поскольку основное значение имела защищенность с севера, допустимо деление, при котором в качестве открытых определялись бы все поселения, не защищенные с северной стороны.

В выделенных нами группах, естественно, не учтены локальные особенности циркуляции воздушных масс, которые могли значительно менять направления ветров. Еще бо́льшая условность отражения реальной укрытости связана с тем, что нами учитывается только положение памятников относительно более или менее близко расположенных возвышенных линий рельефа. Укрывающая способность прилежащего рельефа зависела и от близости, крутизны, высоты возвышенных участков.

Поэтому фактическая защищенность от ветров большинства поселений варьировала от хорошей до слабой.

Отходя от формальной связи защищенности поселений лишь с ориентировкой близлежащих возвышений рельефа, можно наметить три группы памятников по степени защищенности их от северных ветров: 1 — открытые поселения (водораздельные и открыто-долинные); 2 — прикрытые (прикрыто-долинные и прикрыто-балочные); 3 — укрытые (укрыто-балочные и укрыто-долинные). К группе 1 относятся памятники трех первых типов. Поселения групп 2 и 3 можно было бы поставить в единый ряд по степени усиления укрытости. Но разница их в этом отношении все же настолько велика, что для более четкого отражения данной особенности деление поселений на две группы вполне целесообразно. До изучения аэродинамики различных типов местности, где расположены поселения, их защищенность, естественно, можно определить лишь приблизительно. К укрытым поселениям ориентировочно относятся Мезин, Костенки 1, 2, 11, 13, Ачинское поселение, к прикрытым — Молодова I, V, Супонево, Кайсторова балка II, Кокорево 1.

Приведенные материалы показывают, что защищенность поселений равнин и мелкогорья в целом меньше, чем предполагалось. Наиболее неожиданным является факт слабой или полной неукрытости более половины относительно долговременных поселений, по которым имеются необходимые сведения. Он интересен как свидетельство степени совершенства домостроения, позволявшей переживать продолжительный холодный сезон, не пользуясь защитными свойствами рельефа. Труднее его объяснить. Едва ли полупостоянные поселения намеренно размещали на открытых местах.

Нельзя сводить вопрос и к отсутствию хорошо закрытых участков, хотя в отдельных районах их действительно не было, как например на Нижней Судости, или же они далеко отстояли друг от друга. Поселение основывалось с учетом многих жизненно необходимых факторов: наличия источников воды, древесного топлива, промысловых животных, удобных мест охоты и пр. Если район удовлетворял основным требованиям поселенцев, наличие или отсутствие удобных участков для поселения уже не могло играть решающей роли при обосновании в нем. В выборе участка для поселения отражался уже конкретный учет относительной ценности отдельных мест добычи средств существования, расстояний и путей к ним от площадок, пригодных для разбивки поселения, а также относительная ценность самих площадок по их укрытости, дренированности, характеру почвы, поверхности и т. д. Отмеченные факторы отчасти поддаются оценке в настоящее время, но ряд других не может быть даже выявлен.

II. *Форма поселений.* Взаиморасположение объектов — один из наиболее важных признаков при характеристике поселений любого времени. Для палеолита он относится к числу фундаментальных и по длительности накопления необходимых сведений. Раскопки двух-трех жилищ с хозяйственным окружением (если нет уверенности в том, что они составляли все поселение) дают лишь намек на возможную схему поселения в целом. На широко раскопанных памятниках среднеднепровского типа пока не обнаружено более четырех жилищ. Данные о них могут служить основанием для предварительного суждения о планировке части среднеднепровских поселений. Степень полноты исследования многих палеолитических поселений неопределенна, неясно также, одновременны ли объекты на ряде поселений. Такие многожилищные памятники, как Мальта и в особенности Ушки 1, VI слой, вызывают в этом отношении наибольшие сомнения.

По имеющимся материалам выделяются следующие формы расположения жилищ или жилищно-хозяйственных комплексов на поселениях. 1 — свободная или кучная; объекты не связаны определенной планировкой, их планиграфические взаимоотношения кажутся случайными. Таковы жилища слоя 2 Тельманского поселения [6, рис. на с. 301] (рис. 1, *а*). 2 — дугообразная или полузамкнутая. Выделяется нечетко. Просле-

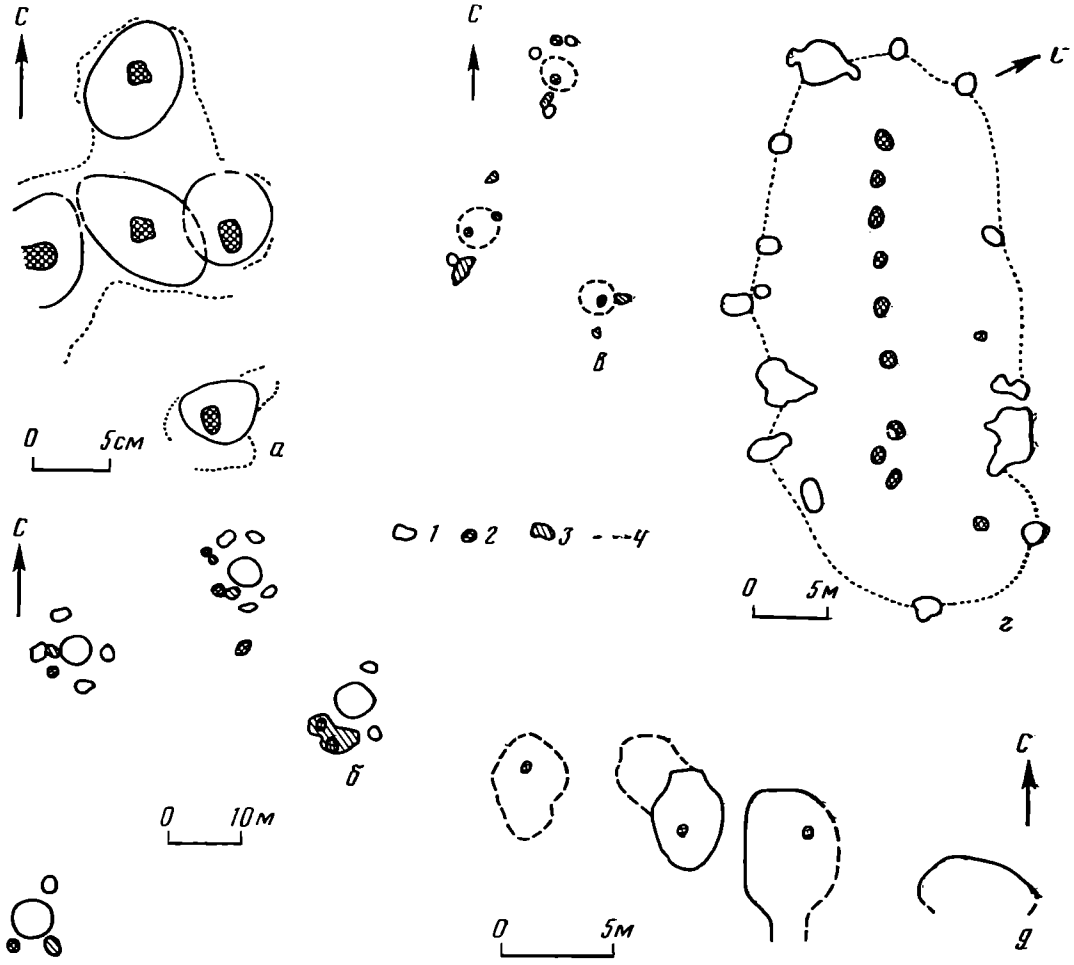


Рис. 1. Расположение объектов на поселениях: *а* — кучное (Тельманское поселение, слой 2); *б* — дугообразное (Добраничевка); *в* — неопределенное (Межирич); *г* — овально-замкнутое (Костенки 1, слой 1, компл. 1); *д* — линейное (Буреть). *1* — граница жилищ и хозяйственных ям; *2* — очаг; *3* — производственный участок; *4* — граница распространения культурного слоя

живается в Добраничевке, где по дуге располагались четыре жилищно-хозяйственных комплекса [7, рис. 2] (рис. 1, *б*). С отсутствием полной замкнутости в планировке поселения проявляются и другие черты ослабления ее замыкающей основы: комплексы расположены неплотно, а входы в жилища ориентированы в одну сторону — к югу с некоторым отклонением к западу или востоку. Дугообразная планировка связывает скопления костей мамонта в Радомышле [7, рис. 1]. Но при отсутствии детальных данных о размещении различных остатков трудно определить эти скопления как развалы жилищ. Расположение комплексов в Межириче [8, рис. на с. 72] (рис. 1, *в*) и, судя по разрозненным планам и указаниям, в Юдинове 1 [9, рис. 1; 10, рис. 9; 11, с. 40; 12, с. 47] может быть истолковано и как дугообразное, и как кучное. 3 — овально-замкнутая (овально-сомкнутая) планировка установлена на памятниках верхнего слоя Костенок 1 и в Авдееве[1] [13, рис. 5; 14, рис. 11; 15, рис. 2] и представляет собой высшее проявление планировочного искусства эпохи палеолита (рис. 1, *г*). Соответствие планировки определенному замыслу выражается в форме поселения, не подсказанной и не обусловленной природным окружением, в подчиненности планировке не только положения жилищ-полуземлянок, но и направлений входов в них и размещения больших ям и очагов. 4 — линейная (рядовая) планировка (рис. 1, *д*). Объекты располагаются бок о бок в связи с линейными деталями рельефа местности — края террасы, мыса и т. п. Такая

[1] В отличие от распространенного в литературе мнения я считаю каждый комплекс костенковско-авдеевского типа самостоятельным поселением и поэтому рассматриваю планировку комплексов как планировку поселений.

планировка жилищ установлена в Бурети [16, рис. 9]. В несколько осложненном виде она была, по-видимому, свойственна Мальтинскому поселению, тянувшемуся неширокой полосой по краю террасы [17, с. 32] с выступанием четырех жилищ из общего ряда [18, с. 209, 210]. Судя по ширине и длине, полосу крупных костей на Кирилловском поселении [19, рис. 37] по аналогии с другими среднеднепровскими поселениями можно связать с наличием жилищно-хозяйственных комплексов, располагавшихся здесь в линию. В Мальте и Бурети во всех немногочисленных случаях, когда направления входов в жилища известны, они обращены в сторону реки [16, с. 17, 18; 17, рис. 2, 4; 20, табл. 1, 2; 21, рис. 34]. Ориентировка входов в одну сторону от линии жилищ — характерная черта рядовой планировки.

Участки наиболее активной и разнообразной деятельности под открытым небом, как правило, располагаются около входов в жилища. Поэтому при кучном и дугообразном размещении комплексов они оторваны друг от друга[2] (рис. 1, *а—в*). При овально-сомкнутой планировке хозяйственно-бытовая деятельность сосредоточивалась главным образом внутри обрамления из жилищ и ям [13, с. 40, 41; 14, с. 43—50; 15, с. 187], а при линейной культурные остатки, находясь в основном вдоль ряда жилищ, могли представлять собой более или менее слитную полосу. За неимением соответствующих планов это приходится предполагать для Бурети и Мальты. На Кирилловском поселении вдоль полосы крупных костей отмечена полоса с очагами, содержащая более мелкие культурные остатки [19, рис. 37].

Кучное расположение объектов на поселениях, по всей вероятности, является наиболее ранним. И хотя понятие «планировка» в узком смысле подразумевает упорядоченное расположение объектов, видимая беспорядочность в данном случае не означает, что жилища размещали неосознанно, как попало. Несомненно, принимались во внимание микрорельеф, характер почвы, возможности естественного обогрева, направление ветра, взаимоотношения с обитателями соседних жилищ и пр. Дело лишь в почти полной недоступности для исследования многих конкретных бытовых и социальных мотивов, которыми при этом руководствовались люди.

Пока вряд ли можно однозначно объяснить возникновение овально-замкнутой планировки. Характер ее наводит на мысль о наиболее последовательной попытке установить контроль над участком местности, выбранным для поселения. Уже кучно расположенные жилища или комплексы образуют некое ядро, противостоящее природному окружению (и тем самым овальная форма поселений ближе к кучной, чем к линейной). Но расположение объектов на ряде виллендорфско-костенковских поселений и на поселениях иных культур свидетельствует об отсутствии острой необходимости в подобном контроле.

Ввиду сравнительной краткости периода проникновения виллендорфско-костенковских памятников на территорию Русской равнины нельзя совсем сбрасывать со счетов вероятность охранного назначения планировки. Однако необходимо особо отметить отражение в овальной планировке сплачивающего социального начала. В то время как население Костенок 4 и Пушкарей 1 объединяло обитание под кровлей больших жилищ, единство обитателей малых жилищ Костенок 1 и Авдеева проявлялось в «сближающей» планировке поселений, имевшей некоторые недостатки, но и свои преимущества.

III. *Сезонная приуроченность поселений.* Из всех известных на нашей территории палеолитических поселений (с жилищами и без них) ни одно временное поселение не имеет убедительного определения сезона своего бытования, а полупостоянное — использования его в определенные сезоны или круглогодично. Остается неясным, когда служили жилища тех или иных типов и развивалась определенная структура поселения, когда был изготовлен и функционировал определенный ком-

[2] Неясность тут существует только в отношении плохо сохранившегося и недостаточно опубликованного Радомышльского поселения.

плекс инвентаря, добыт определенный комплекс фауны и т. д. Устранение этой обезличенности поселений придало бы значительно бо́льшую конкретность изучению хозяйства и бытовой обстановки поселений эпохи палеолита, позволило бы методически правомерно сравнивать материалы различных памятников и делать определенные историко-культурные выводы.

Хотя возможности развернутого исследования сезонности поселений пока отсутствуют, для уяснения соответствующей перспективы представляется необходимой разработка имеющихся материалов. При этом одинаково ценны как биологические свидетельства, основанные на фаунистических коллекциях из раскопок, так и собственно археологические.

Обработка фаунистических коллекций завершается, как правило, лишь определением видов, реже — числа животных. Совершенно отсутствуют публикации фаунистических сборов с разделением на возрастные группы молодых животных, у которых благодаря быстрым ростовым изменениям возможны наиболее дробные градации. Возраст, в котором добывались животные, отсчитанный от вероятного периода размножения, указывает на сезон обитания людей на поселении. Этот метод определения времени обитания поселения используется в зарубежной литературе [22, с. 160—170; 23, с. 179—196]. В наших публикациях, к сожалению, отсутствуют определения черепов оленей по полу, редки замечания о том, сброшены или обломаны их рога, встречающиеся в слое. Остается без определений большая часть костей птиц. Опорой при установлении времени обитания людей на поселении в годичном цикле могут служить пока лишь сведения о находках в культурном слое остатков животных, в жизни которых были хорошо выражены такие сезонные явления, как перелеты и другие миграции, зимняя спячка, смена мехового покрова.

В настоящее время имеются заключения специалистов о вероятных климатических параметрах и географической обстановке отдельных периодов палеолита. Однако неясно, как проявлялись тогда отмеченные сезонные явления у животных, которые и поныне связаны с теми же территориями, обитают далеко за их пределами или вымерли. Данный вопрос потребует длительной работы палеозоологов. Поэтому пока приходится пользоваться комплексными аналогиями географической обстановки определенных областей в позднем палеолите с современными условиями некоторых областей и оценивать сезонные явления в жизни животных времени палеолита по их периодичности у животных, обитающих в областях-аналогах. Различное географическое положение областей обусловливало расхождение в формировании и экологии фауны. Тем не менее сходная климатическая канва должна была отразиться в общем сходстве характера и длительности многих процессов живой природы.

Сезонно обусловленные особенности быта и хозяйственной деятельности людей палеолита также ориентировочно оцениваются здесь в соответствии с климатом области-аналога. Более полные сведения по характеру палеолитических поселений нашей страны в сравнении с зарубежными дают возможность широко использовать археологические наблюдения при установлении сезонов обитания людей на поселениях. Для исследования в данном плане взяты следующие палеолитические поселения: Елисеевичи, Межирич, Костенки 1 (слой 1, компл. 1) и Костенки 8 (слой 1) (рис. 2, 3). Верхний слой Костенок 1 датирован от 24 100±500 до 21 300±400 лет [24, с. 356]. Верхний слой Костенок 8 моложе (27 700±750 лет) — даты второго слоя поселения [24, с. 356] и, по схеме М. В. Аниковича, предшествует слою 1 Костенок 1 [25, рис. 2], хотя возможно и более позднее время отложения слоя. Елисеевичи по четырем определениям датируются от 17 340±170 до 12 970±140 лет [24, с. 356], Межирич — 15 245±1080 и 14 320±270 лет [24, с. 357]. С 30—29 до 25—24 [26, с. 118] или до 24—23 тыс. лет [27, с. 69] в области расположения отмеченных поселений фиксируется брянский интервал с холодным континентальным аридным климатом, сходным с

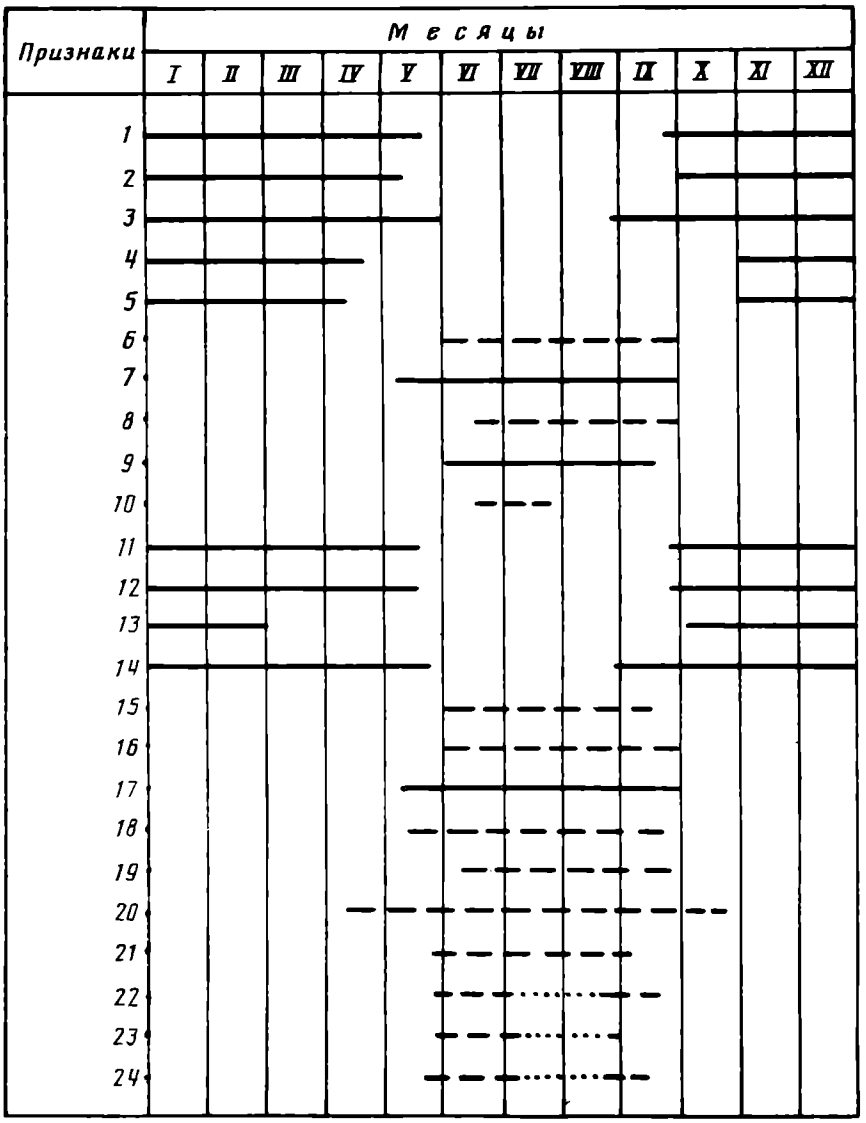


Рис. 2. Признаки, определяющие время использования поселений. *1—10* — Елисеевичи; *11—24* — Межирич. *1* — следы жилищ фундаментальной конструкции; *2* — следы хозяйственно-бытовой деятельности внутри жилища; *3* — ямы для запасов мяса; *4* — многочисленность остатков песцов (к 1948 г. от 287 особей); *5* — многочисленность остатков волков (к 1948 г.— от 36 особей); *6* — добыча большого количества минерального сырья; *7* — многочисленные следы разнообразного производства под открытым небом; *8* — выкапывание ям и вкапывание костей на площади поселения; *9* — использование землекопалок; *10* — находки хрусталиков глаз рыб; *11* — следы жилищ фундаментальной конструкции, утепление их входов; *12* — внутренние очаги; *13* — лампы-светильники; *14* — ямы для мяса; *15* — заглубление черепов и отсыпка завалинок жилищ; *16* — добыча большого количества минерального сырья; *17* — многочисленные следы разнообразного производства под открытым небом; *18* — использование внешних кострищ; *19* — выкапывание хозяйственных ям; *20* — кости орлана-белохвоста; *21* — остатки каменки; *22* — кости лебедя; *23* — кости гусей; *24* — кости утки. Сплошной линией обозначены признаки непрерывного пребывания, прерывистой — присутствие людей на поселении в определенный период, точками — наиболее вероятное время добычи птиц

современным климатом Центральной Якутии [26, с. 119]. Затем распространяется волна криогенеза, совпадающая предположительно с начальными этапами поздневалдайского оледенения [26, с. 119]. Климат времени накопления лёссов, с которыми связаны Елисеевичи и Межирич, еще более холодный и сухой, чем в брянское время [26, с. 119, 120; 28, с. 124], что в целом сближает его с климатом северо-востока Якутии [29, 30].

Представленные на рис. 2—4 признаки делятся на свидетельства непрерывного пребывания людей на поселении в течение определенной части года и свидетельства присутствия людей в течение одного или нескольких моментов определенной части года, внутри которой их хроно-

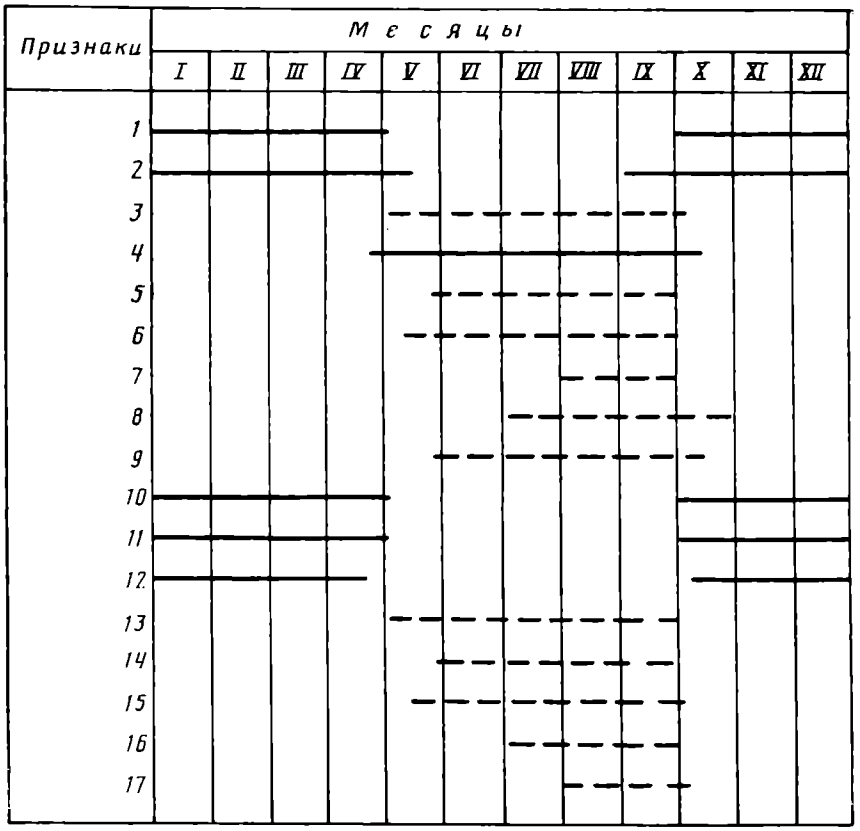


Рис. 3. Признаки времени использования поселений. *1—9* — Костенки 1, слой 1, комплекс 1, 10—17 — Тельманское, слой 1. *1* — полуземляночные жилища; *2* — ямы-хранилища; *3* — добывание большого количества минерального сырья; *4* — размещение многочисленных следов разнообразных производств под открытым небом; *5* — выкапывание углублений для полуземлянок и ям различного назначения; *6* — вбивание и вкапывание костей животных; *7* — сбор ископаемых раковин на бичевнике реки; *8* — остатки сайги; *9* — остатки бобра; *10* — полуземляночное жилище; *11* — внутренний очаг; *12* — ограниченность подавляющей части следов хозяйственно-бытовой деятельности пределами жилища, значительное их количество; *13* — добывание и доставка различного сырья и полуфабрикатов; *14* — выкапывание углубления для жилища; *15*— вкапывание костей перед жилищем; *16* — находка створки перловицы; *17* — находка ископаемой раковины

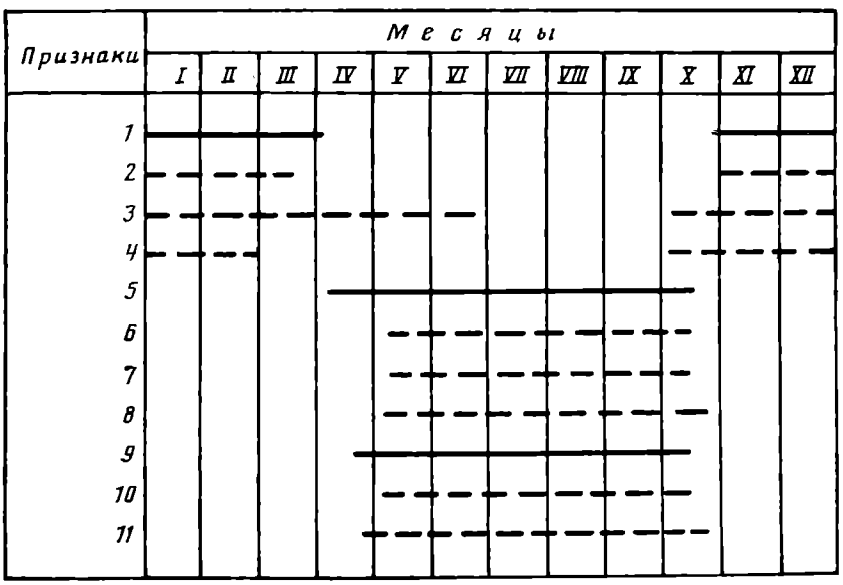


Рис. 4. Признаки времени использования Мальтинского поселения. *1* — фундаментальность конструкции жилищ, внутренние очаги; *2* — находки скелетов и групп анатомически связанных костей песца; *3* — несброшенные рога оленя, самки; *4* — несброшенные рога оленя, самцы; *5* — использование легких и широко открытых жилищ; *6* — многочисленные следы земляных работ; *7* — внешние очаги; *8* — большое количество минерального сырья и каменных плит; *9* — размещение значительной части производств под открытым небом; *10* — кости гуся; *11* — кости рыб

логическое положение не устанавливается. Признаком непрерывного пребывания в холодный период может служить, например, наличие следов фундаментально устроенных жилищ, использование которых в это время всей общиной или ее частью представляется несомненным. Нет оснований считать, что фундаментальные жилища пустовали в остальную часть года, но конструктивные их особенности в данном случае уже не могут фигурировать в качестве факта, удостоверяющего обитание. Признаком непрерывного пребывания людей на поселениях в теплое время служат значительные накопления следов производства каменных орудий на открытых участках поселений, наличие внешних очагов и т. п.

В противоположность данным примерам, для добычи одной или нескольких особей байбака или перелетных птиц, доставки каменного сырья, выкапывания ям-хранилищ и т. п. могло потребоваться время, как правило от нескольких часов до нескольких дней, причем, неясно, в какой момент периода бодрствования добыт байбак, когда добыли птицу в пору пребывания перелетной популяции в данной области, когда в период доступности взято каменное сырье и в сезон протаивания грунта выкопаны ямы. Чем длиннее период времени в каждом подобном случае, тем слабее документируется в течение его обитаемость поселения. Вместе с тем фиксация по какому-либо признаку лишь моментов присутствия людей на поселении в определенный период не является свидетельством обитания только в эти моменты. Фактически, конечно, оно было более продолжительным. Но по отдельным моментам присутствия невозможно судить, длилось ли обитание в течение какой-то части периода или охватывало его целиком. При разграничении признаков в сомнительных случаях вопрос разрешался за счет более строгой оценки порога, отделяющего свидетельства непрерывной жизни на поселении в какой-либо период. Так, в теплое время при производстве различных работ на относительно долговременных поселениях и собирательстве за их пределами должна была постоянно возникать необходимость в землекопных инструментах. Поэтому наличие даже нескольких таких инструментов (Пушкари, Гонцы, Авдеево и др.) скорее всего указывает на непрерывную обжитость поселений в теплый период или значительную его часть. Однако лишь по Елисеевичам, где еще до 1948 г. было обнаружено более пяти целых и 39 обломков землекопалок [31, с. 99], они учтены как признак непрерывной обитаемости. Подобный подход к относительно долговременным поселениям необходим. Каждое из рассматриваемых свидетельств характеризует для них не единичный период внутри года, а одни и те же периоды ряда лет.

Неопределенность вопроса о сроках существования полупостоянных поселений [32, с. 4—11] усложняет разделение признаков, придавая им бóльшую или меньшую условность. Например, в Мальте обнаружены остатки более 68 песцов с признаками добывания для получения шкур [17, с. 32; 20, с. 7; 21, с. 101]. Пригодный для использования мех песцы носят менее 6 месяцев, а высшее его качество ограничено 4 месяцами [33, с. 244; 34, табл. 125, табл. на с. 391]. Имеющееся количество остатков зверьков может засвидетельствовать непрерывную обитаемость поселения в зимние сезоны на протяжении 1—3 лет. Если допустить более продолжительное использование поселения, данный факт будет указывать лишь на несомненность моментов присутствия людей на поселении в течение сезонов охоты на песца.

Кратко прокомментируем некоторые материалы рис. 2—4. Поселения среднеднепровского типа для возможности внутригрупповых сопоставлений отражены одним памятником в северной части ареала и одним в южной (рис. 2). Наличие ям-хранилищ на этих и костенковско-авдеевских памятниках рассматривается как отражение повторяющихся действий по запасанию, хранению и использованию мяса [35, с. 23—31], т. е. как свидетельство непрерывного пребывания людей на поселениях в холодный период. Иногда ямы могли некоторое время пустовать. Но, учитывая большой объем фаунистических остатков на данных поселениях, это случалось не часто. Многочисленные остатки

волков, включая скелеты или анатомические группы их частей в Елисеевичах, введены в таблицу как признак охоты с целью получения меха. Такое истолкование остатков подтверждается здесь исключительно обильными следами пушной охоты на песца. Период добычи волка также определен по времени наличия у него ценного меха [33, с. 183]. Если песцов могли забивать сразу по нескольку животных, с волками это происходило, по всей вероятности, намного реже. Поэтому наличие волка, промышляемого на мех, относительно более значимый признак.

Границы одного из признаков теплого времени года по Елисеевичам (наличие хрусталиков глаз рыб, вероятно, карповых) установлены по обобщенным срокам нереста различных карповых рыб [36, с. 230—264]. В признаках теплого времени по Межиричу, основанных на остатках лебедя [37, с. 255—276], гусей [37, с. 296—317] и утки [37, с. 366—458], выделены периоды основной линьки (смена маховых перьев) как более вероятное время охоты на этих птиц.

Приведенные на рис. 2 данные указывают на непрерывное зимнее и летнее обитание людей в Елисеевичах и Межириче. Летнее пребывание отчасти устанавливается по признакам непродолжительных действий, свидетельствующим о присутствии людей в какие-то моменты этого периода. В обоих случаях таких признаков несколько, они дополняют друг друга и в целом наряду с признаками постоянных действий, указывающими на непрерывную обитаемость поселений, представляют собой достаточно надежную документацию. При этом нельзя сказать, что использование Елисеевичей в холодное время определяется менее твердо, чем Межирича в теплое. К аналогичным выводам склоняют и обработанные материалы других среднеднепровских поселений (Юдиново 1, Мезин, Гонцы). Поэтому маловероятными представляются мнения о том, что поселения данного типа использовались лишь в зимнее время или же поселения северной части ареала заселялись летом, а южной — зимой.

В качестве использовавшихся круглый год могут быть определены Костенки 1 (слой 1, компл. 1) и Мальта, если исходить из одновременности основной части ее объектов (рис. 4). По Костенкам 1 период сбора ископаемых раковин на бичевнике Дона дан по времени от начала межени на Дону, по наблюдениям конца XIX — начала XX в. [38, табл. 27], до наступления осенне-зимних условий, еще при низком стоянии вод. В позднем палеолите обнажение уровня ложа реки, содержащего раковины, могло быть еще более кратковременным. В связи с находками остатков сайгаков в Костенках 1 необходимо отметить, что данные о присутствии этих животных во II тыс. в лесостепи Восточной Европы рассматриваются специалистами как свидетельства захода стад из сухих степей и полупустынь в годы значительной летней засухи с дальнейшим возвращением на южные зимовки [39, с. 302; 40, с. 126; 41, с. 17]. Позднеплейстоценовые перемещения сайгаков, вероятно, в основном были подобны отмеченным. Добывание бобра, зафиксированного в Костенках 1, должно быть связано с активным периодом жизни бобров в безледный период. В наиболее суровой части современного ареала бобра, на реках северо-востока европейской части СССР, ледостав длится 180—230 дней [42, с. 183]. Таков же сезон замерзания рек в Центральной Якутии [43, табл. 2, 3], где бобры еще встречались в недавнее время на Лене [44, с. 249, 250].

Сведения по Мальте (рис. 4) приведены в соответствие с современными природными условиями, поскольку типологической оценки позднеплейстоценового климата Приангарья нет. Ясно лишь, что около 23—24 тыс. лет назад он был суровее [5, с. 260]. Мальта находится в полосе совмещения северной части гнездового ареала серого гуся и южной — таежного гуменника [37, карты 30, 33]. На рис. 4 показано (по данным литературы) время пребывания их в данной полосе [37, с. 295—316; 45. с. 31, 32].

Признаки, характерные для Тельманского поселения слоя 1 (рис. 3), составляют картину, отличающуюся от всех предыдущих памятников.

Подтверждается пребывание людей на поселении в холодное время года, но нет ни одного признака каких-либо длительных действий в теплое время. Для доставки каменного сырья, охры и раковин, сооружения углубленного жилища и вкапывания двух обломков костей мамонта перед ним требовалось, должно быть, не более месяца. Реально работы рассредоточивались, вероятно, на более длительный срок. Имеется важное свидетельство, указывающее на то, что они выполнялись в один или два небольших отрезка теплого периода, причем не в разгар его, а на грани холодного времени. Наружные культурные остатки концентрировались лишь на маленькой площадке перед входом в жилище, где кремень найден в количестве от 45 до 100 экз. на 1 м^2 [46, с. 45]. Едва ли обитатели полуземлянки не воспользовались бы в полную меру окружающим пространством, как это прослеживается на всех круглогодичных поселениях, если бы жили здесь в течение всего теплого периода или основной его части. Это обстоятельство позволяет прийти к заключению, что раскопанный участок был заселен скорее всего с конца лета или с осени, когда производство многих работ через короткое время пришлось переносить в помещение. Часть внешних следов, возможно, осталась от пребывания людей в весеннее время до ухода на новое место.

Большой интерес для определения сезона обитания представляют широко раскопанные поселения пункта Ушки I на Камчатке [47, с. 43—60]. К сожалению, фаунистические остатки с этих поселений почти неопределимы и еще не опубликованы статистические данные по инвентарю в жилищах и на открытых участках. Жилища углубленные и сооруженные на поверхности, часто с каменными очагами. Судя по планам, каменных предметов в жилищах встречалось не более нескольких сотен, орудий — до нескольких десятков. На открытой поверхности каменных предметов и других остатков меньше, но все же сравнительно много, имеются ямы (включая погребение в поселении слоя VII), кострища.

Пребывание людей на поселениях в теплое время, судя по использованию открытых участков, несомненно. Оно подтверждается и тем, что в очаге одного из жилищ поселения слоя VI среди очень мелких обожженных костных осколков есть кости рыб [47, с. 55]. Подобный же характер заполнения свойствен и другим очагам ушковских поселений, причем рыбьи кости в них обычны и, по заключению Е. А. Цепкина, вероятно, принадлежали лососевым рыбам [47, с. 56]. Ход лососевых рыб, по современным наблюдениям, в среднем течении р. Камчатки в основном приходится на июль и август [48, с. 171—192]. Необходимо отметить и встречавшиеся в разных местах слоя VII камешки из утиных желудков [47, с. 51].

В настоящее время место поселений с марта-апреля до осени почти полностью затапливается [47, с. 44]. В бытность поселений этого, по-видимому, не происходило, что согласуется с заключением о более холодном сухом климате, сопутствовавшем отложению отмеченных палеолитических слоев [49, с. 34, 35]. Кроме того, отложения, вмещающие ушковские палеолитические слои, по мнению С. М. Цейтлина, следует рассматривать как часть II надпойменной террасы, испытавшей на рубеже голоцена небольшое погружение [5, с. 253].

Достаточно строгие свидетельства зимнего обитания людей на поселениях пункта Ушки I отсутствуют. Неясен вопрос о зимнем питании. На плане одного из жилищ слоя VII отмечены обгоревшие кости животных [47, рис. 9]. В слое VI указаны остатки зубов бизона [47, с. 56]. Там же [47, с. 58] найдена лопаточка, предположительно из кости мамонта. Но поскольку в материалах широких раскопок другие кости мамонта, видимо, не попадались, кость, возможно, была подобрана в стороне от поселения. К сожалению, не отмечено, к каким животным относились костные угли из очагов. Все же складывается впечатление, что остатки, которые можно было бы отнести к крупным и мелким млеко-

питающим, не столь значительны, чтобы считать их свидетельствами не только летней, но и зимней добычи.

Конструкции ушковских жилищ нейтральны по отношению к сезонам. Подобные жилища могли использоваться и в холодное, и в теплое время. Современный климат Камчатки теплее, чем в конце плейстоцена, и тем не менее лето холодное [50, с. 41], что вынуждало ительменов покрывать жилища на летниках землей [51, с. 43]. Довольно умеренное общее количество культурных остатков в ушковских жилищах также вполне сопоставимо с пребыванием людей на поселениях в теплый период, в особенности в случае неоднократного использования жилищ. Таким образом, поселения пункта Ушки I предварительно можно определить как летники. Связи их с рекой, характерной массовым ходом лососевых рыб — сравнительно легкой и обильной добычи — указывает на то, что ловля и, вероятно, консервация рыбы (сушка, копчение) могли быть главной причиной основания поселений на этом месте. Зимние поселения, должно быть, располагались в сравнительно защищенных местах на краю долины или вне ее.

Некоторые данные для определения сезона обитания имеются и по поселениям пункта Студеное 1 в Забайкалье. Жилище поселения горизонта 19 было окружено камнями, в центре имелся обложенный камнями очаг с прослойкой угля 0,5—1,0 см. В очаге найдены: скребло, 11 отщепов, три чешуйки кремня и кусочек охры; на площади жилища — скребло и отдельные неопределимые обломки костей. Находки вне жилища тоже единичны [52, с. 50, 51]. Судя по крайне малому числу культурных остатков и тонкой очажной прослойке, жилище использовалось в теплый период, вероятнее всего летом, когда обитание и работы в жилище сводились к минимуму. Внутренний очаг мог использоваться для приготовления пищи, сушки одежды, обогрева, защиты от комаров. Однако не следует преувеличивать краткость использования жилища, полагаясь лишь на выявленные до сих пор находки.

Сходные следы обитания обнаружены на поселении горизонта 18. Жилище имело некоторые конструктивные отличия. В очаге и рядом с ним отмечены более значительные накопления углистой массы, на открытом пространстве выявлен необорудованный очажок с заполнением толщиной 8 см [52, с. 51, 52]. Подобные же остатки вскрыты в горизонте 16, где жилище не имело камней по краю [52, с. 53]. Характер остатков горизонта 17 также существенно не отличается от горизонтов 16 и 18. Лишь количество кремня в жилище здесь значительно больше: два скребла, нуклевидный желвак и 244 отщепа [52, с. 52]. Промежуточное положение горизонта 17 в однородной тонкослоистой пачке отложений свидетельствует об относительном постоянстве природных условий периода их образования, благоприятности урочища для посещений человеком в один и тот же сезон. Обработка кремня в жилище горизонта 17 была вызвана, возможно, худшими условиями погоды или существованием поселения в более прохладную часть теплого периода.

В итоге рассмотрения вопроса о сезонной приуроченности ряда поселений выделяются следующие их типы: 1 — круглогодичное, 2 — поселение холодного периода (зимник), 3 — поселение теплого периода (летовье, летник), 4 — стоянка, т. е. поселение, занимающее различный по длительности отрезок холодного или теплого периода или их смежных частей. Пока можно указать лишь стоянки теплого времени.

В годичном периоде жизни общины поселения типов 2—4 дополняли друг друга. При этом перемещения имели челночный (рис. 5, *1*) или цикличный (рис. 5, *2*, *3*) характер.

IV. *Зоны деятельности общины.* Существенный аспект взаимоотношений человека с окружающей средой составляла связь с местностью деятельности обитателей поселения. Можно выделить несколько зон, различающихся по значению в жизнедеятельности обитателей поселения. 1. Площадка, занятая поселением. Это место, обеспечивающее физическое сохранение и возобновление сил членов общины, производственная база, очаг социальной жизни. 2. Окрестности или округа посе-

ления — место наиболее активного использования природных ресурсов. Отсюда поселение снабжалось водой, древесным топливом, нередко и каменным сырьем (Пушкари 1, Мезин, Хотылево 2, Мальта и др.), красителями (костенковские поселения, Мезин, Гонцы и др.). Главным образом здесь добывались камень для сооружения жилищ, очагов и могил (Гагарино, Мальта, Санный Мыс, Студеное 1, ушковские поселения и др.) и дерево для строительства и изделий. В окрестностях поселений проводились некоторые производственные операции (фаунистические и другие находки в тыльной части мыса за Кирилловским поселением [19, с. 752, 753]; культурные остатки, тянущиеся вдоль р. Судости к востоку от Юдиново 1 [31, с. 147, 148]). Здесь же находились участки, удобные

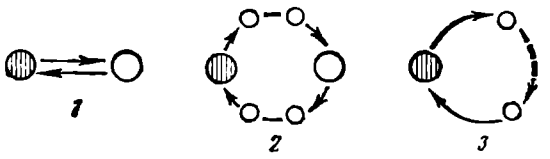


Рис. 5. Возможный характер внутригодичных перемещений по установленной сезонности поселений. *1* — челночные перемещения; *2*, *3* — цикличные перемещения. Заштрихованным кружком обозначено зимнее, свободным — летнее поселение, маленьким кружком — стоянка

для обзора местности. В этой же зоне, вероятно, частично осуществлялись ритуальные действия, игры, иногда хоронили умерших (могила ребенка возле Костенок 18). 3. Широкая зона, основное назначение которой — охота на животных. В противоположность бытующему представлению о варварском отношении палеолитических людей к промысловой фауне, чем дольше пребывала община на одном месте, тем в большей мере она была заинтересована в возможно более длительном сохранении условий успешной охоты, соблюдении определенных правил поведения на местах промысла. В этой зоне мог происходить и частичный или основной сбор кремневого и иного минерального сырья, плодов, трав и т. п. Удаленность внешней границы зоны от поселения определялась главным образом положением пунктов добычливых охот и соответственно расстоянием, на которое еще целесообразно было перетаскивать животных на поселение.

Естественно, не вся деятельность общин замыкалась в указанных зонах. Нередко основные источники кремня, как у большей части костенковских поселений, располагались далеко за пределами зон, и для пополнения запасов требовалось организовывать специальные походы небольших отрядов. Особо ценные источники кремня и других материалов, очевидно, использовались продолжительное время, несмотря на смену мест поселения. За границу зон простирались меновые и иные связи, поддерживаемые с другими общинами. Все выходы за пределы зон имели помимо выполнения конкретной задачи важное ориентирующее значение как для дальнейших перемещений поселения, так и формирования представлений об ойкумене и миросозерцания в целом.

В заключение необходимо отметить, что с увеличением материалов по палеолитическим поселениям все отчетливее выступает возможность классификации поселений по культурному признаку. Вопрос этот пока значительно осложняется недостаточной определенностью культурного ранга той или иной группы памятников, что, однако, не сказывается на принципиальной стороне дела. Как бы ни определялись памятники среднеднепровского типа — в качестве одной археологической культуры или нескольких сходных культур, им свойственны нигде более не встреченный тип жилищ, жилищно-хозяйственных комплексов, внешние сооружения из костей мамонта, широкое использование костей мамонта с отверстиями для строительства и других целей. Определенные черты домостроения устанавливаются на поселениях недавно выделенной толбагинской культуры в Забайкалье [52, с. 96].

В других случаях культуре присущи поселения нескольких типов. Но из этого не следует, что тип поселения несуществен в определении культуры, поскольку основной вопрос состоит в том, достаточно ли своеобразны эти поселения по отношению к инокультурным. Гагаринское поселение содержит иной тип жилища, чем костенковско-авдеевские, однако на определенную связь с последними указывают такие конструктивные детали, как двухкамерные ямы [53, рис. 27]. Несомненно, различалась и структура поселения в целом, но характерные особенности раскопанного комплекса не повторяются в других культурах. Мальта и Буреть включают общий тип жилищ с коридорообразным входом и сходные приемы использования костей животных и каменных плит в конструкции стен жилищ. Как отмечалось, сходна и планировка поселений. Но в Мальте имеются жилища и нескольких других типов, что, возможно, отражает процесс постепенного внутрикультурного расхождения, хотя Буреть изучена не в такой мере, чтобы можно было составить об этом достаточно четкое представление.

Своеобразны жилища и поселения обоих слоев Костенок 4, верхнего слоя Костенок 8, Пушкарей 1 и др. По-видимому, лишь от времени и случая зависит обнаружение близких с ними по культуре и облику поселений. Специфика культуры и характерность жилищ и структуры поселений, вероятно, могут быть выявлены практически на всех хорошо сохранившихся и сравнительно долго использовавшихся поселениях. Благодаря этому со временем появится возможность составить генетическую классификацию типов жилищ и поселений.

Другим, не менее важным аспектом является классификация поселений в зависимости от направленности хозяйственной деятельности их обитателей. Такая классификация станет основой для увязки других аспектов. Однако в настоящее время ввиду слабой изученности структуры, топографии, сезонности, культурной принадлежности и некоторых других сторон подавляющей части поселений, в том числе и с выявленными жилищами, данная задача может быть лишь поставлена. Достаточной полнотой данных для выделения и анализа обладают только поселения Русской равнины со следами хозяйственной деятельности, ориентированной на преимущественную добычу мамонта. Но и они могут быть четко обрисованы лишь в сравнении с поселениями, отражающими иную хозяйственную направленность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Любин В. П.* Ранний палеолит Кавказа//Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М.: Наука, 1969.
2. *Любин В. П.* Нижний палеолит//Каменный век на территории СССР. М.: Наука, 1970.
3. *Величко А. А., Рогачев А. Н.* Позднепалеолитические поселения на Среднем Дону// Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М.: Наука, 1969.
4. *Ефименко П. П.* Первобытное общество. Киев: Изд-во АН УССР, 1953.
5. *Цейтлин С. М.* Некоторые проблемы геологической периодизации и палеогеографии палеолита Сибири//Основные проблемы геологии антропогена Евразии. М.: Наука, 1969.
6. *Литовченко Л. М.* О группе жилищ второго культурного слоя Тельманской стоянки//Вопросы истории и археологии. Минск: Изд-во АН БССР, 1966.
7. *Шовкопляс І. Г* Господарсько-побутові комплекси пізнього палеоліту//Археологія, 1971. № 3.
8. *Гладких М. М., Корнилец Н. Л., Соффер О.* Жилища из костей мамонта на Русской равнине//В мире науки. 1985. № 1.
9. *Поликарпович К. М.* Отчет за 1947 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 2377а.
10. *Budko V. D.*//The Palaeolithic Period of Byelorussia and Adjoining Areas//The Origin of Homo Sapiens. P., 1972.
11. *Абрамова З. А., Грехова Л. В.* Раскопки стоянки Юдиново 1//АО — 1980. М., 1981.
12. *Абрамова З. А.* Раскопки стоянки Юдиново 1//АО — 1981. М., 1982.
13. *Ефименко П. П.* Костенки I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
14. *Рогачев А. Н., Праслов Н. Д., Аникович М. В., Беляева В. И., Дмитриева Т. Н.* Костенки 1 (стоянка Полякова)//Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879—1979. Л.: Наука, 1982.

15. *Рогачев А. Н.* Исследование остатков первобытно-общинного поселения верхнепалеолитического времени у с. Авдеево на р. Сейм в 1949 г.//МИА. 1953. № 39.
16. *Окладников А. П.* Палеолитические жилища в Бурети//КСИИМК. 1941. Вып. X.
17. *Герасимов М. М.* Палеолитическая стоянка Мальта (раскопки 1956—1957 гг.)// СЭ. 1958. № 3.
18. *Формозов А. А.* К характеристике палеолитического поселения Мальта//СА. 1976. № 2.
19. *Хвойка В. В.* Каменный век Среднего Приднепровья//Тр. XI АС. Т. I. М., 1901.
20. *Герасимов М. М.* Мальта. Пелеолитическая стоянка. Иркутск, 1931.
21. *Герасимов М. М.* Раскопки палеолитической стоянки в селе Мальте//Изв. ГАИМК. 1935. Вып. 118.
22. *Leroi-Gourhan A., Brezillon M.* Fouilles de Pincevent. Essai d'analyse ethnographique d'un habitat magdalénienne (La section 36). P., 1972.
23. *Spiess A. E.* Reindeer and Caribou Hunters. An archaeological study. N. Y., 1979.
24. Палеолит СССР. М.: Наука. 1984.
25. *Аникович М. В.* К проблеме синхронизации некоторых позднепалеолитических памятников Костенковско-Борщевского района//КСИА. 1983. Вып. 173.
26. *Величко А. А., Морозова Т. Д.* Изменения природной среды в позднем плейстоцене по данным изучения лёссов, криогенных явлений, ископаемых почв и фауны// Палеогеография Европы за последние сто тысяч лет. М.: Наука, 1982.
27. *Величко А. А.* Палеогеография позднеплейстоценовой перигляциальной зоны//Палеогеография Европы за последние сто тысяч лет. М.: Наука, 1982.
28. *Величко А. А., Грехова Л. В., Губонина З. П.* Среда обитания первобытного человека Тимоновских стоянок. М.: Наука, 1977.
29. Климат СССР. Вып. 5. Л.: Гидрометеоиздат, 1961.
30. Климат Якутска. Л.: Гидрометеоиздат. 1982.
31. *Поликарпович К. М.* Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск: Наука и техника, 1968.
32. *Сергин В. Я.* О хронологическом соотношении жилищ и продолжительности обитания на позднепалеолитических поселениях//СА. 1974. № 1.
33. Млекопитающие Советского Союза. Т. II, ч. 1. М.: Высш. шк., 1967.
34. Млекопитающие Якутии. М.: Наука. 1971.
35. *Сергин В. Я.* Назначение больших ям на палеолитических поселениях//КСИА, 1983. Вып. 173.
36. *Кириллов Ф. Н.* Рыбы Якутии. М.: Наука, 1972.
37. Птицы Советского Союза. Т. IV. М.: Сов. наука, 1952.
38. Природные ресурсы Русской равнины в прошлом, настоящем и будущем. М.: Наука, 1976.
39. *Кириков С. В.* Промысловые животные, природная среда и человек. М.: Наука, 1966.
40. *Банников А. Г., Жирнов Л. В., Лебедева Л. С., Фандеев А. А.* Биология сайгака. М.: Сельхозиздат, 1961.
41. *Жирнов Л. В.* Возвращение к жизни. Экология, охрана и использование сайгаков. М.: Лесная пром-сть, 1982.
42. *Дьяков Ю. В.* Бобры Европейской части Советского Союза. Смоленск: Московский рабочий, 1975.
43. Многолетние характеристики сроков замерзания и вскрытия рек, озер и водохранилищ СССР. М.: Гидрометеоцентр, 1975.
44. *Лавров Л. С.* Бобры палеарктики. Воронеж. Изд-во Воронеж. ун-та, 1975.
45. *Воробьев К. А.* Птицы Якутии. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
46. *Рогачев А. Н.* Многослойные стоянки Костенковско-Борщевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине// МИА. 1957. № 59.
47. *Диков Н. Н.* Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. М.: Наука, 1977.
48. *Берг Л. С.* Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР 1948.
49. *Шило Н. А., Диков Н. Н., Ложкин А. В.* Первые данные по стратиграфии палеолита Камчатки//История и культура народов севера Дальнего Востока. М.: Наука, 1967.
50. Климатические параметры Восточно-Сибирского и Дальневосточного экономических районов. Л.: Гидрометеоиздат, 1979.
51. *Старкова Н. К.* Ительмены. Материальная культура XVIII в.— 60-е годы XX в. М.: Наука, 1976.
52. Геология и культура древних поселений Западного Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1982.
53. *Тарасов Л. М.* Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. Л.: Наука, 1979.

V. Y. Sergin

CLASSIFICATION OF THE PALAEOLITHIC SITES WITH DWELLINGS ON SOVIET TERRITORY

Summary

This is the first ever attempt to classify the Palaeolithic settlements on Soviet territory coupled with a discussion of some relevant problems. The classification is based on the materials from the settlements on which dwellings have been identified (they provide more complete information on the settlement's structure, composition of the collections, topography, etc.). The author has established that contrary to the current opinion that the settlements were always protected against cold northern winds the majority of the settlements had no northern protections. Evidently, when choosing the site the population guided itself by general economic considerations. The seasonal phenomena in the life of people and animals (whose remains were found in the settlements) helped establish (more or less reliably) that there were settlements which were used: (1) throughout the year; (2) during the cold periods; (3) during the warm periods; (4) summer camps. According to their layouts the settlements can be divided into: cluster, arch-shaped, oval-closed, and linear. Three economic zones have been identified at settlements: the settlement proper; the fringes and more distant hunting grounds. There are certain other aspects for classification.

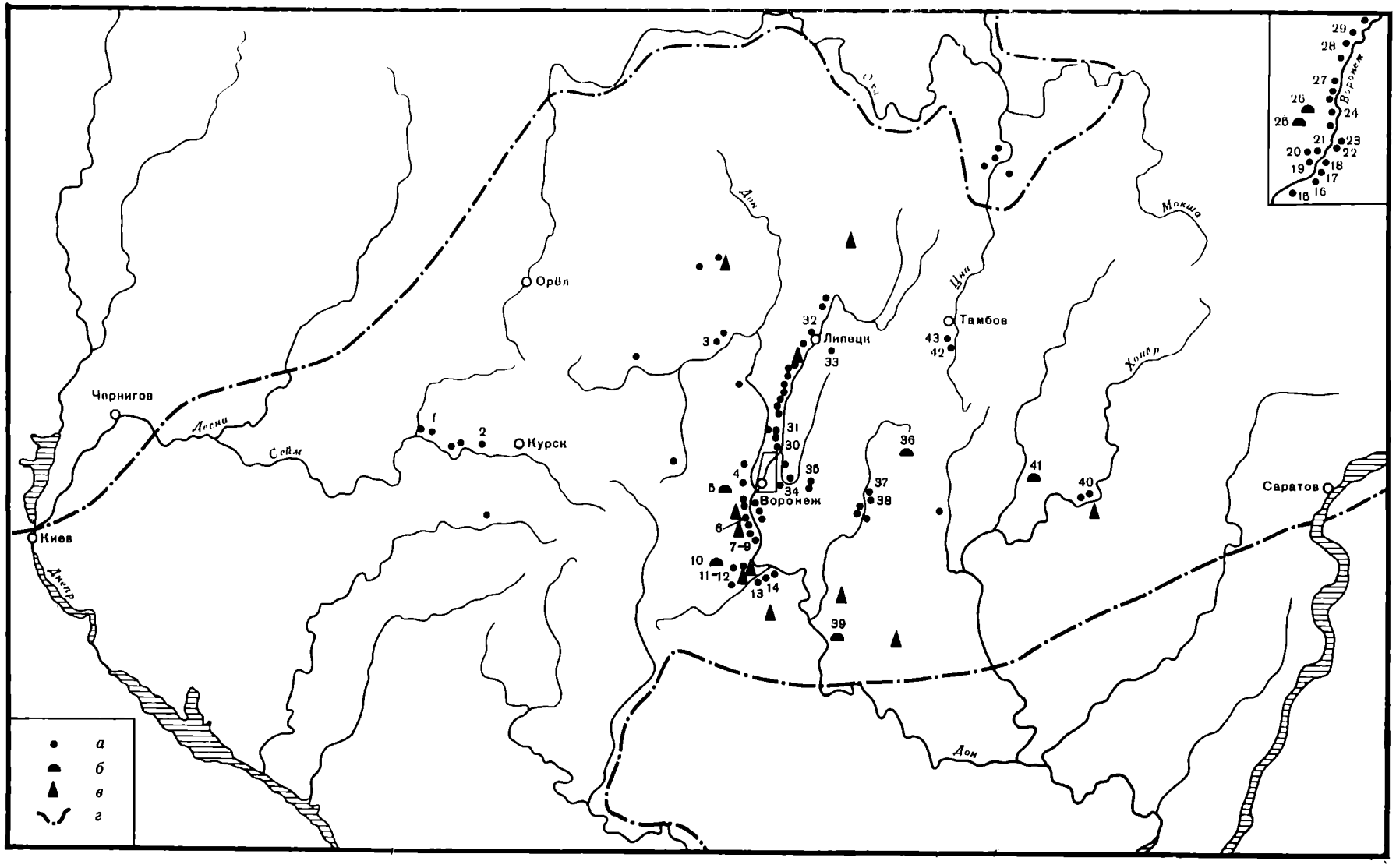
А. Д. ПРЯХИН, В. И. БЕСЕДИН

О ВЫДЕЛЕНИИ ВОРОНЕЖСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Воронежская культура эпохи средней бронзы выделена недавно [1, с. 128—136; 2]. Однако и сегодня продолжают существовать и другие подходы к культурно-исторической интерпретации памятников, которые мы относим к ней. Так, Ю. П. Матвеев включил эти памятники в финальный этап среднедонской катакомбной культуры [3, с. 15], в этом вопросе с ним фактически солидаризуется и Б. Г. Тихонов [4, с. 59]. В рамках среднедонской катакомбной культуры рассматривает такого рода памятники Н. Н. Бондарь [5, с. 31—35], а А. Т. Синюк интерпретирует некоторые из них как позднеэнеолитические иванобугорского типа [6, с. 118, рис. 9, *2—3*, *10—14*; 7, с. 106—109, рис. 6, *2*].

Начало систематических полевых исследований памятников, включаемых нами в воронежскую культуру, относится к концу 1920-х — началу 1930-х годов, когда Юго-Восточной экспедицией ГАИМК под руководством П. П. Ефименко были получены значительные материалы эпохи бронзы при раскопках городищ Малое Боршевское, Кузнецовское и др. Тогда же П. П. Ефименко, а затем и Г. В. Подгаецкий интерпретировали их как катакомбные [8, с. 52, 53; 9, с. 34—36]. Основные работы на этих памятниках развернулись уже в послевоенные годы. Они изучались экспедициями Института археологии АН СССР (городище Кузина Гора, раскопки 1958 г. под руководством А. Е. Алиховой [10, с. 232]; могильник «Частые курганы» и др., раскопки 1954 г. и последующих лет под руководством П. Д. Либерова [11, с. 11—14, 106—108]), Воронежского университета (раскопки Архангельского городища 1952—1953 гг. под руководством А. Н. Москаленко [12, с. 190—194], Воргольского городища, поселений Шиловское, Чижовское 4 и др., изучавшихся в 1960-е и последующие годы под руководством А. Д. Пряхина [1, с. 15, 16], раскопки Животинного городища под руководством А. З. Винникова, городища Чертовицкое II под руководством А. П. Медведева, поселений Чижовское 5, Сенное и других под руководством В. И. Беседина в 1970-е — 1980-е годы [1, с. 16, 17; 13—17]), экспедициями Государственного исторического музея (раскопки 1950-х годов поселений Перикса и др. под руководством Т. Б. Поповой [18]), ряда пединститутов и краеведческих музеев.

К оценке рассматриваемых памятников исследователи, как и прежде, вплоть до начала 1980-х годов обращались преимущественно в связи с проблематикой катакомбной культурно-исторической общности и ее вариантов (П. Д. Либеров, А. Д. Пряхин, О. Г. Шапошникова [11, с. 11—14, 106—108; 19, с. 154—157; 20, с. 96—104; 21, с. 233]). В отношении отдельных памятников, ныне рассматриваемых нами как воронежские, высказывались и другие суждения. Так, И. И. Артеменко отнес материалы эпохи бронзы с поселения на Кузиной Горе к сосницкой культуре [10, с. 232, 233]. С. Н. Братченко обращался к материалам с Архангельского поселения в связи с рассмотрением проблемы происхождения бабинской культуры (многоваликовой керамики) [22, с. 43]. С. С. Березанская предприняла попытку отнести известное погребение из Хохольского кургана к марьяновской культуре [23, с. 46]. Имели место и попытки интерпретации некоторых памятников как абашевских и даже срубных.


Чернигов
Киев
Десна
Сейм
Днепр
Орёл
Курск
Дон
Липецк
Воронеж
Цна
Тамбов
Мокша
Хопёр
Саратов
Воронеж
а
б
в
г

К началу 1980-х годов относится обоснование необходимости выделения воронежской культуры. Одновременно была предпринята и попытка очертить круг ее памятников. Но и на сегодняшний день целый ряд такого рода памятников по-разному оценивается исследователями. Это касается как определения времени их существования, так и культурной интерпретации. Сказанное диктует необходимость их целостной оценки и специального рассмотрения вопроса о правомерности выделения данной культуры эпохи бронзы.

К воронежской культуре эпохи средней бронзы нами ныне отнесены свыше 100 памятников: поселения, погребения и серия отдельных находок (рис. 1). В основном они расположены в районе лесостепного Подонья. Наибольшая группа находится в бассейне р. Воронеж, вследствие чего выделенная культура и названа воронежской. На западе такие памятники известны в верхнем течении рек Сейм и Псёл (Кузина Гора, Марица и др.), на востоке — в бассейне Хопра (Никольевское), на севере — в бассейне южных притоков Оки (Борки, Аксельмеевское и др.). Южная граница их распространения проходит несколько севернее современной границы степи и лесостепи.

Для определения относительной хронологии памятников воронежской культуры важны стратиграфические наблюдения. В двух случаях зафиксировано следование погребений этой культуры за погребениями среднедонской катакомбной культуры: кург. 1 у пос. Хохольский [24, с. 201, 202], кург. 3 Павловского могильника [25, с. 37—39]. Это же соотношение отмечено на ряде поселений (Семилукское городище и др.). В свою очередь в кург. 8 Сасовского могильника погребение воронежской культуры перекрывалось захоронением донской лесостепной срубной культуры [7, с. 106, 107]. Предшествование материалов воронежской культуры срубным хорошо фиксируется на Мосоловском поселении на р. Битюг, которое с 1972 г. исследуется археологической экспедицией Воронежского университета. Причем ранний этап срубного Мосоловского поселка дает абашевско-срубные свидетельства.

Тем самым имеющиеся стратиграфические данные позволяют утверждать, что воронежская культура хронологически следует за развитым этапом среднедонской катакомбной культуры и предшествует донской лесостепной срубной культуре. В соответствии с имеющейся хронологией культур эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи это время конца второй — начала третьей четверти II тыс. до н. э. В пользу такой даты воронежской культуры свидетельствуют и находки ряда своего рода датирующих предметов с ее памятников: обломки литейной формы для отливки втульчатого предмета (копья?) с Малого Боршевского поселения, заготовки псалия из расколотой пополам кости с поселения Животинное, гривны из Хохольского могильника и других вещей [1, 137, 138; 2, с. 72, 73].

Воронежская культура в какой-то степени одновременна доно-волжской абашевской культуре. В пользу последнего свидетельствует и факт наличия на территории лесостепного Подонья погребальных комплексов своего рода синкретического абашевско-воронежского облика [2, с. 74].

На сегодняшний день безусловно лучше изучены поселения воронеж-

---

Рис. 1. Памятники воронежской культуры. *1* — Марица; *2* — Кузина Гора; *3* — Воргольское; *4* — Семилукское; *5* — Хохольский; *6* — Малое Боршевское; *7* — Архангельское; *8* — Большое Сторожевое; *9* — Титчиха; *10* — Сасовский; *11* — Мастище; *12* — Аверинское; *13* — Копанище; *14* — Маяцкое; *15* — Тавровское; *16* — Левобережное у плотины; *17* — Шиловское; *18* — Волковское; *19—21* — Чижовское 2, 4, 5; *22—23* — Университетские I, III; *24* — Кузнецовское; *25* — Подклетненский; *26* — «Частые курганы»; *27* — Белогорское II; *28* — Чертовицкое II; *29* — Животинное; *30* — Ивницы; *31* — Сенное; *32* — Сокольское; *33* — Ярлуковская протока; *34* — Боровое; *35* — Рыкань 2; *36* — Чуриловский 1; *37* — Мосоловское; *38* — Садовое VI; *39* — Павловский; *40* — Никольевка; *41* — Матвеевский; *42* — Перикса; *43* — Голдым 1. Цифрами обозначены памятники, на которых проводились раскопки. *а* — поселения; *б* — погребения; *в* — находки каменных сверленых топоров обушкового усеченно-конического типа; *г* — современные границы лесостепи, по Ф. Н. Милькову

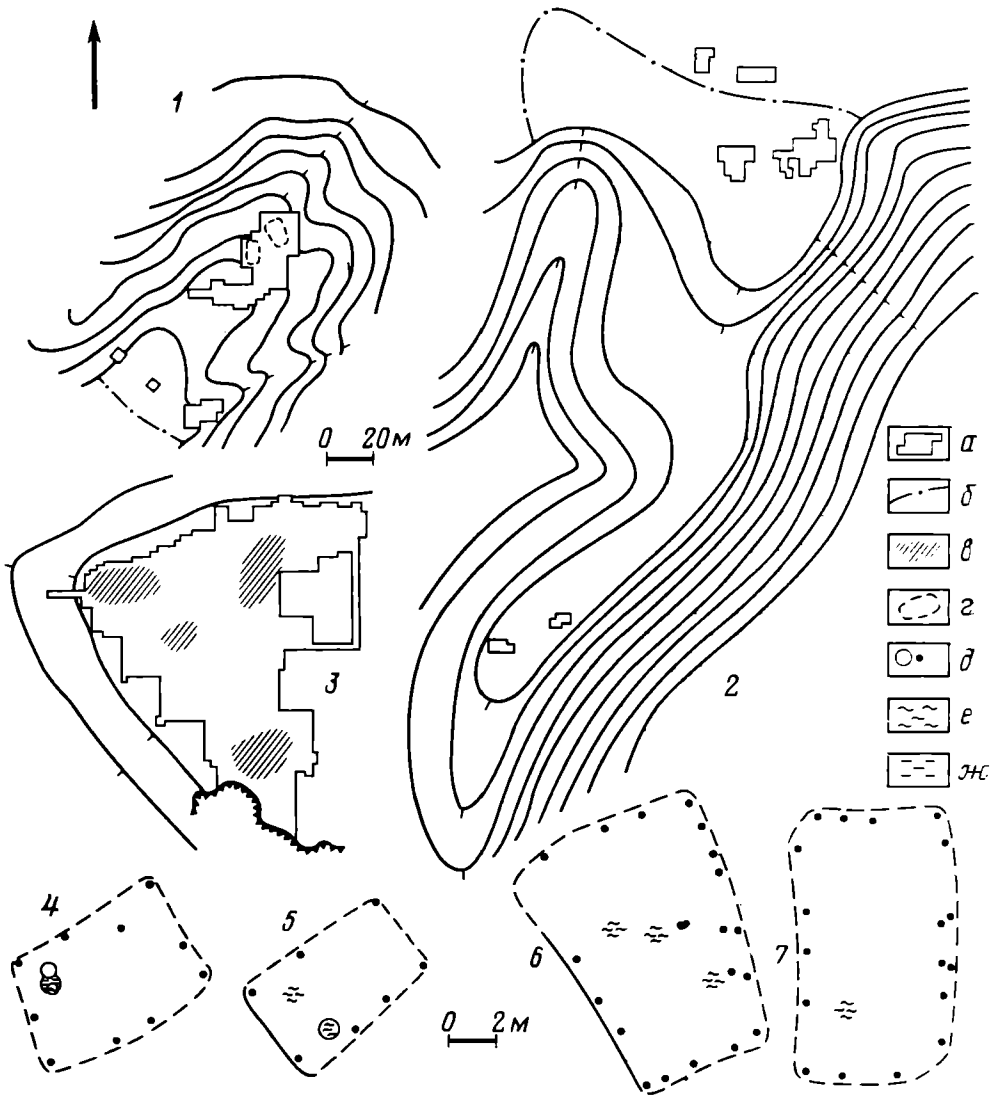


Рис. 2. Планы поселений и построек. *1*, *6*, *7* — Малое Боршевское; *2* — Чертовицкое II; *3* — Мосоловское; *4*, *5* — Сенное. *а* — раскопы; *б* — примерные границы поселений; *в* — скопления керамики на раскопанной площади Мосоловского поселения; *г* — контуры наземных построек; *д* — хозяйственные и столбовые ямы; *е* — зола; *ж* — глина

ской культуры. Всего их известно более 80. На 30 с лишним из них проведены раскопки, в подавляющем числе экспедицией Воронежского университета. Общая вскрытая площадь на поселениях превышает 30 тыс. м², причем около 25 тыс. м² — работами этой экспедиции (Мосоловское — 10 766 м², Шиловское — 4564 м² и т. д.).

Для поселений характерно их преимущественное расположение на высоких береговых мысах и наличие относительно небольшого и слабо насыщенного культурного слоя. Поселки как бы делятся на две группы: небольшие стационарные, площадью до 4 тыс. м² — Малое Боршевское (рис. 2, *1*), Сенное, Воргольское и др.— и менее долговременные, но большие по площади — Чертовицкое II (рис. 2, *2*), Аверинское и др. Меньшим числом представлены низко расположенные бытовые памятники, среди которых наиболее изучены поселения Мосоловское (рис. 2, *3*), Шиловское, Университетские 1 и 3. По преимуществу это места кратковременных стоянок во время сезонных передвижений.

На шести поселениях (Малое Боршевское, Сенное, Кузнецовское и др.) изучены постройки. Как правило, это слабо углубленные или наземные помещения. Основу их конструкции составлял каркас из столбов. Зафиксировано употребление глины для обмазки стен. Внутри построек находилось по одному-два очага. Площадь жилых помещений варьирует от 25—40 до 80 м² (рис. 2, *4*—*7*).

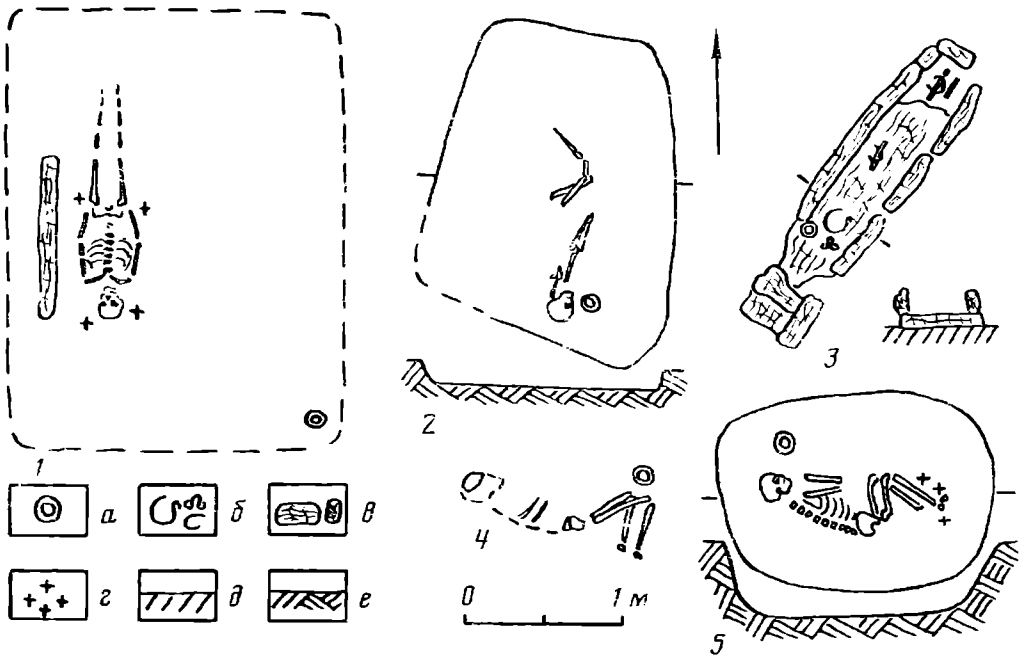


Рис. 3. Планы погребений. *1* — Сасовский могильник, кург. 8, погр. 1; *2* — Чертовицкое II, грунтовое погребение; *3* — Хохольский могильник, кург. 1, погр. 1; *4* — Хохольский могильник, кург. 1, погр. 3; *5* — Павловский могильник, кург. 3, погр. 1. *а* — сосуд; *б* — бронзовые украшения; *в* — дерево; *г* — охра; *д* — чернозем; *е* — материк

Значительно хуже изучены погребальные памятники. Захоронения воронежской культуры известны в семи курганных могильниках длительного накопления (рис. 1) [1, с. 131; 2, с. 63]. Есть и единичные грунтовые захоронения: по одному на площади поселений Чертовицкое II [1, с. 98, 99] и Животинное [26, с. 10, 11].

Относительно небольшое число выявленных погребений воронежской культуры объясняется тем, что бóльшая часть насыпей курганов, имевших, как правило, небольшие размеры, к настоящему времени оказалась запаханной.

Погребения совершены в различных по размерам ямах по обряду трупоположения. Поза погребенных: вытянуто на спине (рис. 3, *1*, *3*) или в слабо скорченном положении на боку (рис. 3, *2*, *4*, *5*). Умершие, как правило, ориентированы головой в юго-западный сектор насыпи. Фиксируются такие особенности погребального обряда, как перекрывание могильных ям бревнами, наличие в них органической подстилки, слабые следы охры в могильной яме и т. д. Погребальный инвентарь представлен керамикой (рис. 4, *1—10*) и в отдельных случаях украшениями из металла и орудиями труда (рис. 4, *11—22*).

В тех случаях, когда погребения воронежской культуры под насыпями были основными, они располагались под центром. Как правило, захоронения сопровождаются остатками тризны, фиксируемой на уровне погребенной почвы: сосуды и кости домашних животных — крупного и мелкого рогатого скота, лошади, свиньи. Каких-либо следов внемогильных конструкций не отмечено.

Одним из важнейших показателей своеобразия воронежской культуры является керамика. По морфологическим признакам она может быть разделена на горшки (рис. 4, *1—4*, *6*, *7*, *9*, *10*; 5), горшковидные сосуды (рис. 6, *1—5*), подколоколовидные сосуды (рис. 6, *6*, *7*), банки (рис. 4, *5*; 6, *8*) и чашки (рис. 4, *8*; 6, *9*, *10*). Преобладают сосуды горшковидных форм с невысокой, зачастую едва выделенной шейкой и слабо профилированным яйцевидным туловом с наибольшим расширением в верхней части. Они характеризуются удлиненными пропорциями. В значительно меньшем количестве представлены банки и чашки. Все сосуды

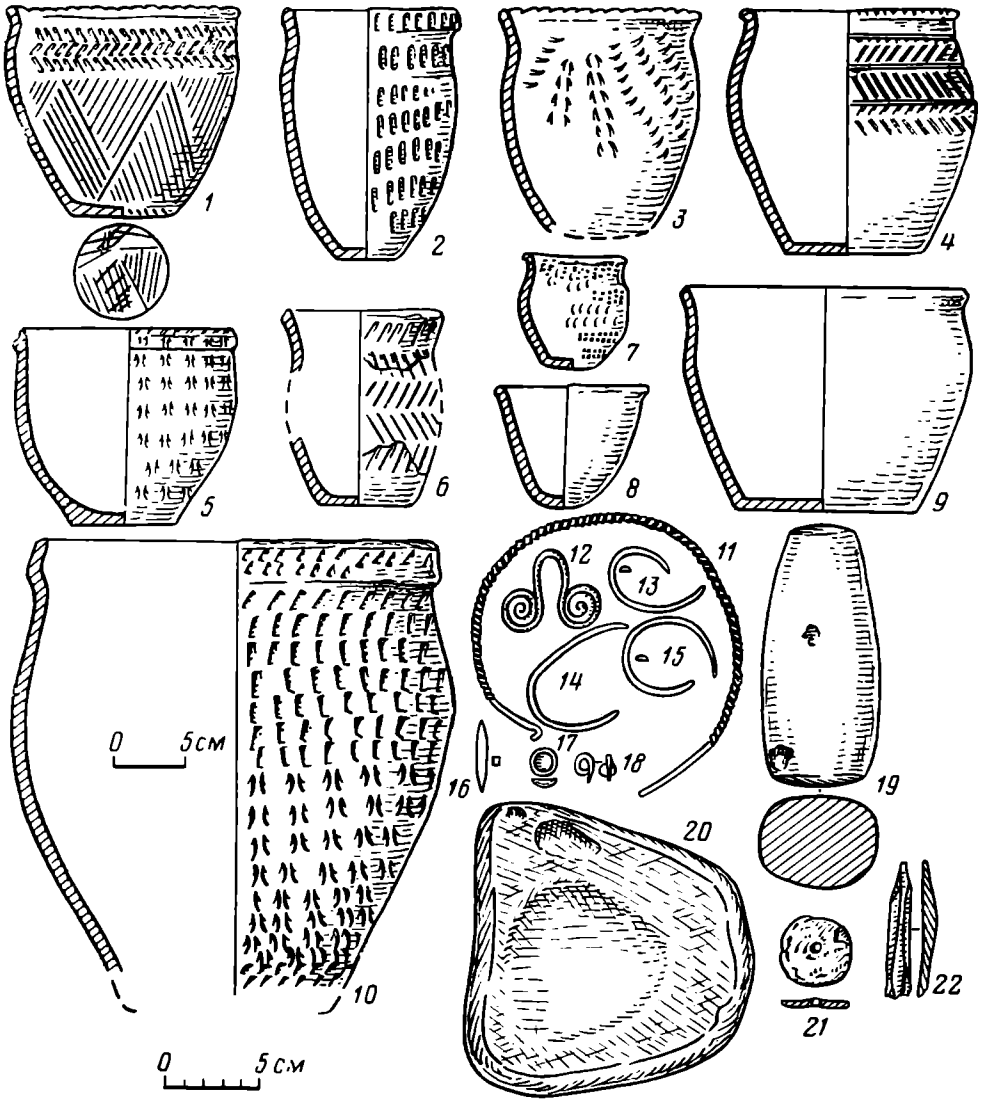


Рис. 4. Инвентарь погребений, *1*, *19—22* — «Частые курганы», кург. 14; *2* — «Частые курганы», кург. 21; *3* — Хохольский, кург. 1, погр. 3; *4* — Павловский, кург. 3, погр. 1; *5* — Сасовский, кург. 8, погр. 1; *6* — Чуриловский 1, кург. 3, погр. 3; *7*, *11—18* — Хохольский, кург. 1, погр. 1; *8* — Чертовицкое II, грунтовое погребение; *9* — Подклетненский, кург. 74, погр. 1; *10* — Животинное, погр. 1. *1—10* — глина; *11—18* — металл; *19—22* — камень

плоскодонные, об округлом днище можно говорить лишь в нескольких случаях и только применительно к маленьким чашкам. Довольно разнообразно оформлен венчик: горизонтально срезанный, округлый, скошенный наружу, приостренный, оформленный в виде воротничка. Шейка, как правило, выделена достаточно четко. Иногда в основании она имеет ребро с внутренней стороны сосуда.

Подавляющее большинство сосудов орнаментировано. Причем орнамент нередко представлен на большей части поверхности. Как правило, свободной от орнаментации оказывается лишь придонная часть. Иногда орнамент наносился и на внутреннюю поверхность шейки и даже тулова. Редко украшалось дно сосуда. Основные технические приемы орнаментации, которыми украшено до 85% сосудов, это разнообразные вдавления, защипы, прочерчивание. Реже применялись оттиски короткого зубчатого или гладкого штампов. Еще реже встречаются такие приемы орнаментации, как валики, оттиски шнура. Единичны вдавления «гусеничного», «рамчатого» и ромбического штампов. Имеющиеся на сосудах орнаментальные композиции следующие: чаще горизонтальные и несколько реже вертикальные ряды прочерченных линий, вдавлений, защипов, выполненный в прочерченной технике «паркетный»

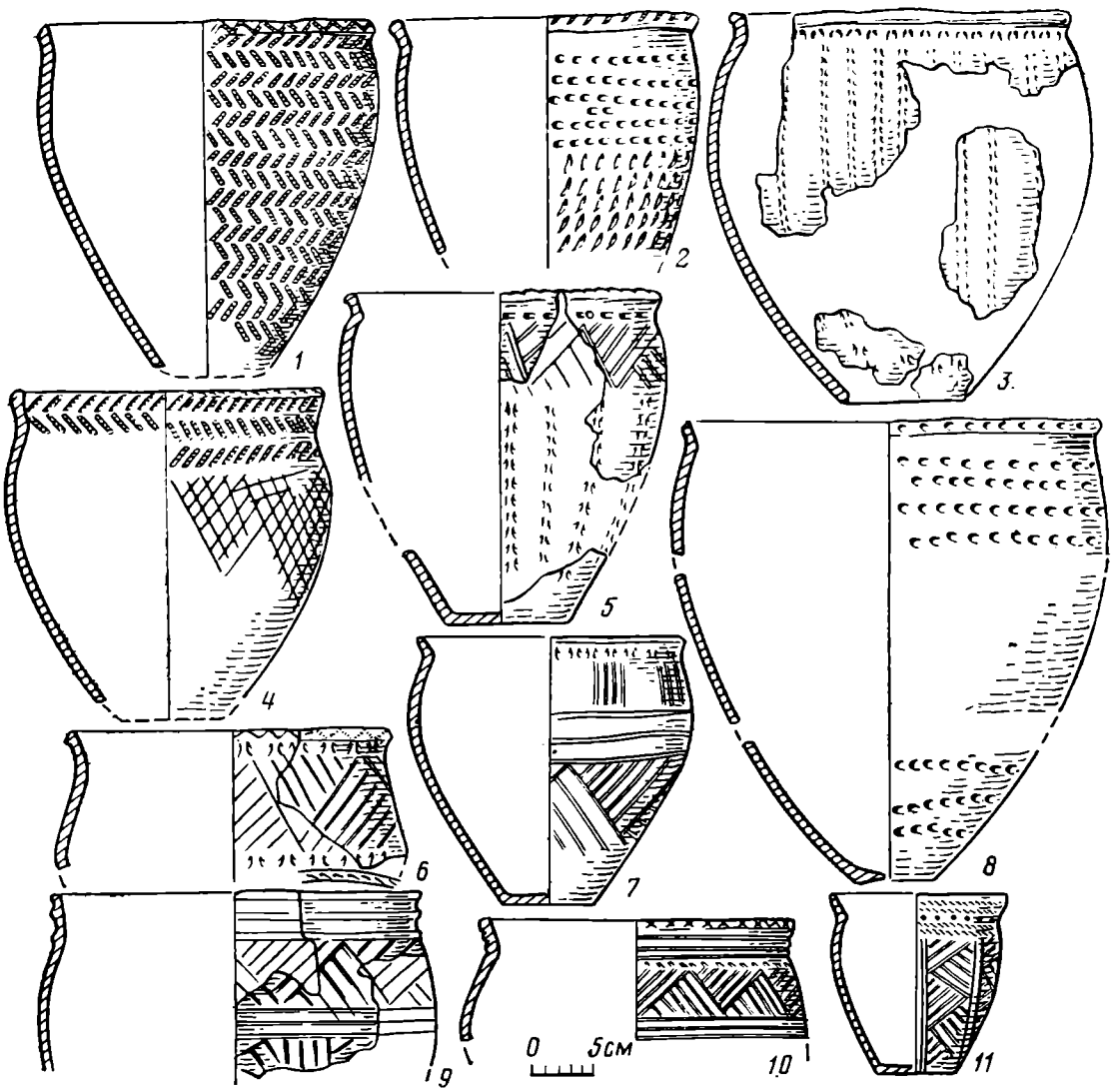


Рис. 5. Керамика с поселений. *1—3, 8, 10* — Сенное; *4* — Сокольское; *5* — Чижовское 5; *6, 9, 11* — Животинное; *7* — Чертовицкое II

узор, заштрихованные треугольники, нанесенная вдавлениями штампа многорядная горизонтальная елочка и др.

Сосуды изготовлены, как правило, из хорошо промешанной глины с обильной примесью мелкого песка. Редко применялся шамот. Единичны случаи употребления в качестве отощителя толченой раковины. Поверхность сосудов после формовки тщательно заглаживалась, нередко подлащивалась. Обжиг костровой, достаточно ровный.

Прочие находки представлены изделиями из камня (включая кремень), металла, кости, глины. Кремневые изделия включают наконечники дротиков и стрел, скребки, скобели, серп, резаки, строгальные ножи и т. д.[1] Сам факт распространения кремневого инвентаря свидетельствует, что он еще играл у населения воронежской культуры определенную роль в хозяйственной деятельности. Кремневые изделия, как правило, имеют низкую технику обработки. Орудия изготавливались на отщепах, у которых нередко лишь слегка подправлялись края. Достаточно грубо изготовлены даже наконечники дротиков и стрел.

На поселениях воронежской культуры значительным числом представлены каменные сверленые топоры (рис. 7, *1—7*). Все они относятся к одному типу обушковых усеченно-конических (по классификации Д. А. Крайнова [27, с. 38—61]). Крайне важно, что такие топоры в лесостепном Подонье встречены только на памятниках с материалами воронежской культуры. Есть данные и в пользу местного производства та-

[1] Трасологический анализ орудий труда выполнен В. В. Килейниковым.

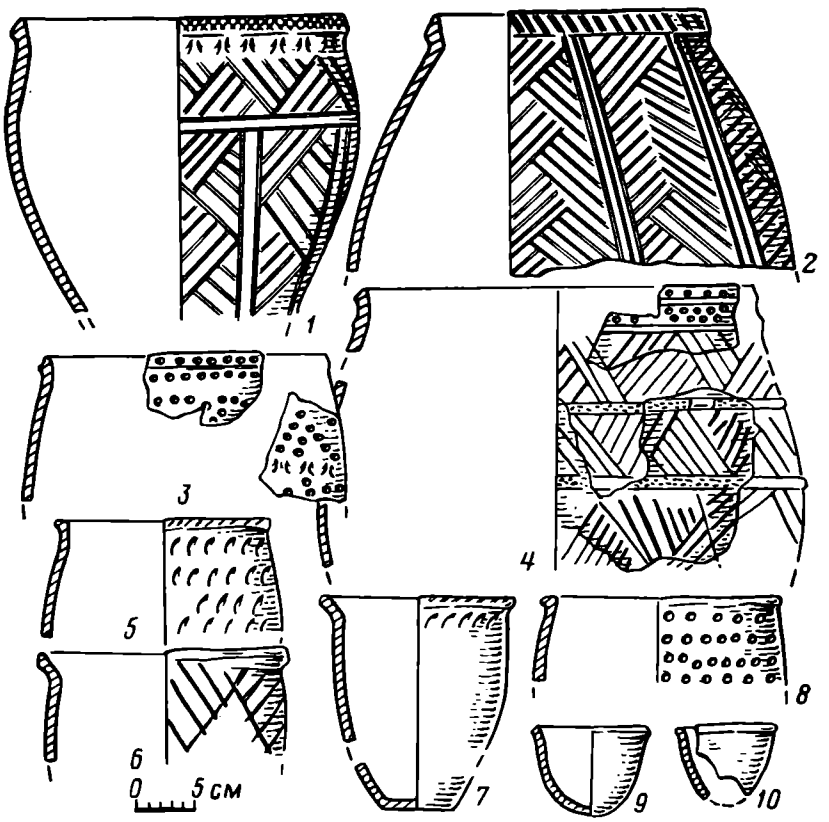


Рис. 6. Керамика с поселений. *1* — Семилукское; *2* — Рыкань 2; *3*, *8* — Чертовицкое II; *4* — Шиловское; *5*, *7*, *9* — Животинное; *6*, *10* — Сенное

кого рода топоров: находки на поселениях воронежской культуры незавершенных в изготовлении топоров (рис. 7, *7*) и сверлин [2, с. 69, рис. 5, *15*). Тем самым есть основание сопоставлять их применительно к данной территории именно с рассматриваемой культурой. Есть находки пестов и терочников (рис. 7, *8*, *9*), часть из которых связывается с обработкой зерна.

Немногочисленны происходящие с памятников воронежской культуры костяные изделия. В их числе уже упоминавшийся обломок заготовки псалия из расколотой пополам кости (рис. 7, *11*) и связываемая с обработкой земли роговая мотыга с Кузнецовского поселения (рис. 7, *12*)

К сожалению, пока трудно сколько-нибудь полно охарактеризовать металл воронежской культуры. Дело в том, что подавляющее число металлических предметов происходит с многослойных памятников, имеющих нарушенную стратиграфию, поэтому отнесение их к воронежской культуре небесспорно. Тем не менее уже сейчас можно говорить, что среди них есть изделия, имеющие близость к металлу абашевской культурно-исторической общности (например, набор металлических украшений из погр. 1 кург. 1 у пос. Хохольский — рис. 4, *11—18*), и отдельные предметы, типологически близкие к металлу катакомбной культурно-исторической общности (например, бронзовый топор с Воргольского поселения [1, с. 119—121, рис. 40, *1*]). Крайне важно, что на бытовых памятниках воронежской культуры представлены и свидетельства металлообработки: небольшие обломки литейных форм, льячек, тиглей и т. д. [2, с. 72]. Известна и серия находок в кург. 14 могильника «Частые курганы» в черте г. Воронежа, включающая каменную наковальню и кузнечный молоток (рис. 4, *19*, *20*). Не исключено, что в данном случае речь идет о разрушенном погребении кузнеца воронежской культуры. Это позволяет говорить о наличии у рассматриваемого массива населения металлообработки.

Достаточно многочисленной категорией находок являются пряслица, среди которых преобладают изделия шаровидной формы. Одно из них

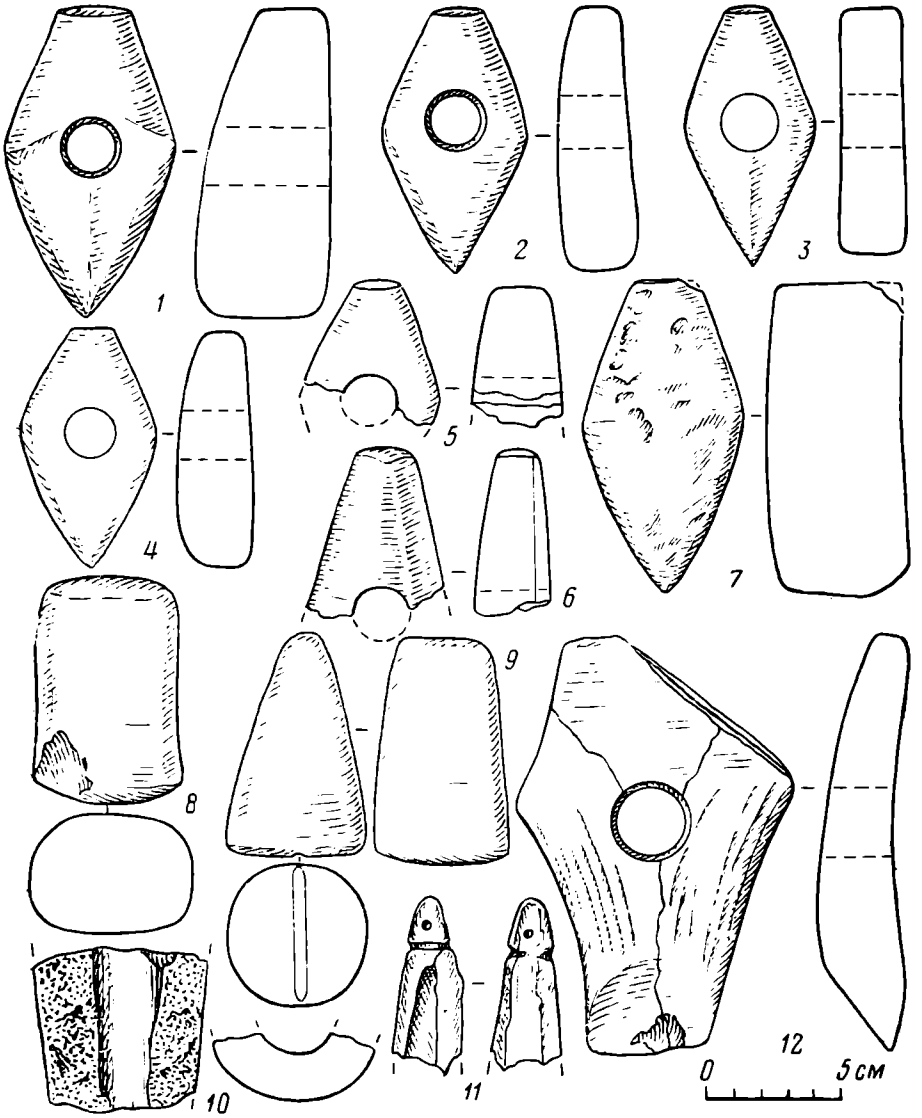


Рис. 7. Находки с поселений. *1* — Шубное; *2*, *10* — Малое Боршевское; *3* — Марица; *4* — Елецкое; *5*, *9* — Архангельское; *6*, *8*, *11* — Животинное; *7* — Губарево 1; *12* — Кузнецовское. *1—9* — камень; *10* — глина; *11*, *12* — кость

каменное (рис. 4, *21*). А в уже упоминавшемся погр. 1 кург. 1 могильника у пос. Хохольский сохранились остатки шерстяной ткани.

Памятники воронежской археологической культуры обладают достаточным уровнем единства. Нами проведено определение коэффициентов сходства керамических комплексов для девяти поселений воронежской культуры, серии с которых составляют части не менее чем от 50 сосудов (поселения Шиловское, Сенное, Воргольское и др.). Важно, что эти поселения относятся как к раннему, так и к позднему этапам этой культуры. Вычисление проводилось по признакам, характеризующим как форму сосудов, так и их орнаментацию. В результате коэффициент сходства между ними, как правило, значительно выше 70, т. е. того предела, который, по Д. Я. Телегину, определяет однокультурные памятники [28, с. 63]. А для близких по времени поселений он нередко превышает цифру 80.

Обладая внутренним единством, памятники воронежской культуры имеют четко выраженное отличие в сопоставлении с распространенными на той же территории памятниками среднедонской катакомбной и доно-волжской абашевской культур[2]. Воронежскую культуру отличает топография местоположения поселений. Так, если для этой культуры

[2] Проведение сопоставления воронежской культуры с донской лесостепной срубной культурой нецелесообразно, поскольку хронологически они не смыкаются.

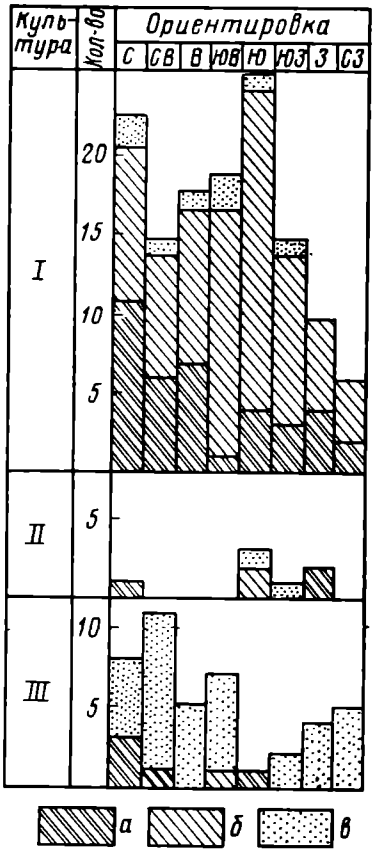


Рис. 8

Рис. 8. Культуры эпохи бронзы лесостепного Подонья. Сравнительная диаграмма ориентировок и положений погребенных. *I* — среднедонская катакомбная культура (по данным Ю. П. Матвеева и А. Т. Синюка); *II* — воронежская культура; *III* — доно-волжская абашевская культура. *а* — положение скорченно на левом боку; *б* — положение скорченно на правом боку; *в* — положение на спине

Рис. 9. График пропорций сосудов воронежской, среднедонской катакомбной и доно-волжской абашевской культур. *а* — сосуды воронежской культуры с поселений; *б* — сосуды воронежской культуры из погребений; *в* — сосуды среднедонской катакомбной культуры; *г* — сосуды доно-волжской абашевской культуры

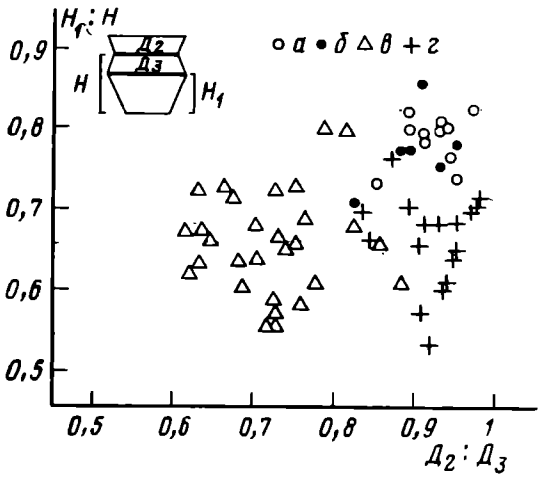


Рис. 9

более характерно расположение поселков на высоких мысах, то поселки среднедонской катакомбной и доно-волжской абашевской культур расположены преимущественно на возвышенностях в пойме рек или на краю первой надпойменной террасы [1, с. 25, 147, 148; 29, с. 65]. Разнится характер жилищ: для воронежской культуры это относительно небольшие однокамерные, близкие к наземным постройки, в то время как для доно-волжской абашевской культуры свойственны большие по площади углубленные жилища, имеющие тамбурную часть [29, с. 66], а на памятниках среднедонской катакомбной культуры преимущественно представлены углубленные в материк котлованы [1, с. 78].

Достаточно четко различия фиксируются и в погребальном обряде. Так, если население воронежской культуры возводило курган над одним захоронением, то для доно-волжских абашевских курганов характерно наличие под одной насыпью нескольких, совершенных с незначительным интервалом захоронений. Нет в воронежской культуре и столь характерных для абашевцев подкурганных внемогильных деревянных конструкций. От воронежских размерами и формой насыпи, а также организацией захоронений отличаются и курганы среднедонской катакомбной культуры.

Существенны различия в устройстве могилы: в воронежской культуре это ямы без какого-либо дополнительного оформления, в среднедонской катакомбной ведущим является захоронение в катакомбе [30, с. 48—50], могильные ямы доно-волжской абашевской культуры имеют различные размеры, а часто и массивные перекрытия. Разнится и ориентировка умерших. При наличии неустойчивой ориентировки для всех трех сравниваемых культур, тем не менее в воронежской преобладает направленность положения умершего в юго-западную четверть круга (рис. 8, *II*), в то время как в среднедонской катакомбной ориентировка южная и северная (рис. 8, *I*), а в доно-волжской абашевской — в вос-

точную половину круга (рис. 8, *III*). Незначительность имеющейся серии захоронений воронежской культуры, где фиксируется положение умершего, не позволяет провести уверенное сопоставление по этому признаку, особенно в сравнении с имеющимися данными по среднедонской катакомбной культуре. Наряду с этим нельзя не отметить, что в воронежской культуре относительно высок процент захоронений на боку, в то время как в доно-волжской абашевской культуре резко преобладает положение умерших на спине [31, с. 39]. Есть отличия в местоположении жертвенной пищи.

Отчетливо выступают различия в керамике. Так, если сосуды воронежской культуры характеризуются удлиненными пропорциями, слабопрофилированным туловом и невысокой шейкой, то для среднедонской катакомбной культуры характерны хорошо профилированные горшки, имеющие высокую раструбную шейку, а для доно-волжской абашевской керамики свойственны традиции колоколовидности. Эти различия достаточно наглядно иллюстрирует график пропорций сосудов (рис. 9). Далее. Если для керамики воронежской культуры более характерна орнаментация вдавлениями, защипами и прочерченными линиями, то для среднедонской катакомбной культуры — различные виды штамповой орнаментации, шнур, тесьма, перевитой шнур, налепные валики, а для сосудов доно-волжской абашевской культуры — горизонтальные прочерченные линии, чаще всего ограниченные боковыми вдавлениями. Различается и технология изготовления сосудов: в воронежской культуре в состав формовочной массы чаще всего вводился мелких песок, в керамике среднедонской катакомбной культуры часто присутствуют и более крупные примеси, а абашевская посуда содержит значительную примесь толченой раковины.

Определенные различия демонстрирует и другой инвентарь. Так, типологически разнятся каменные топоры усеченно-конического типа с памятников воронежской культуры и аналогичные орудия с памятников среднедонской катакомбной культуры, которые относятся к различным типам обушковых и лопастных топоров [30, с. 34; 32, с. 88]. В доноволжской же абашевской культуре каменные топоры почти неизвестны. Разнятся даже пряслица: с поселений воронежской культуры происходят изделия преимущественно шаровидной формы, а с памятников доноволжской абашевской культуры они чаще всего уплощенные. Что касается среднедонской катакомбной культуры, то на памятниках ее находок пряслиц практически нет.

Таким образом, проведенное сопоставление показывает наличие существенной разницы в материальной культуре рассмотренных массивов населения.

В то же время мы далеки от мысли отрицать существование черт, сближающих их. Общие со среднедонской катакомбной культурой традиции проявляются в наличии у некоторых сосудов воронежской культуры биконического тулова, в применении орнаментации защипами и валиками, в использовании такого орнаментального мотива, как вертикальная прочерченная елочка, и т. д. Отдельные общие черты фиксируются и при сопоставлении данных по погребальной обрядности массивов населения среднедонской катакомбной и воронежской культур: случаи положения умерших на боку с вытянутыми к коленям руками, наличие в некоторых могилах следов охры и т. д. Причем такого рода общие черты выявляются прежде всего при сравнении с древностями среднедонской катакомбной культуры наиболее ранних памятников воронежской культуры. Наличие отмеченных общих черт позволяет ставить вопрос о том, что население среднедонской катакомбной культуры приняло какое-то участие в сложении воронежских древностей. Причем саму роль этого участия вряд ли следует преувеличивать.

В общем, рельефно проявляются черты сходства между воронежской и доно-волжской абашевской культурами. Так, на сосудах позднего этапа воронежской культуры представлен созвучный абашевскому орнамент из горизонтальных линий, ограниченных рядами вдавлений. Кера-

мику этих культур сближает и наличие небольшого уплощенного днища, признаков колоколовидности, желобчатости на внутренней поверхности шейки и т. д. Общими чертами обладает и металл обеих культур. Поэтому не случайно, что одно время некоторые из поздних воронежских памятников включались даже в круг абашевских древностей. На наш взгляд, наличие общих черт между двумя культурами свидетельствует об активном их взаимодействии. В пользу такого вывода говорит и наличие в лесостепном Подонье пока еще немногочисленных синкретических воронежско-абашевских комплексов, в которых в достаточно четкой форме при общем единстве признаков фиксируются черты, характерные как для доно-волжской абашевской, так и для воронежской культуры. Таковыми являются погр. 1 (кург. 2) и погр. 1 (кург. 3) абашевского Подклетненского могильника у г. Воронежа [33, с. 5, 8, рис. 9, *1*, 12, *1*] и др. Именно это взаимодействие скорее всего в конечном итоге привело к постепенной ассимиляции населения воронежской культуры доно-волжским абашевским.

Далее обратимся к сопоставлению воронежской культуры с теми культурами, которые территориально примыкают к району лесостепного Подонья и хронологически близки или хотя бы частично одновременны ей. Это балановская культура (по О. Н. Бадеру и А. Х. Халикову [34]) или средневолжская группа фатьяновской культуры (по Д. А. Крайнову [27, с. 11, 218 сл.]) и сосницкая культура (по И. И. Артеменко [10, с. 234, 235; 35, с. 284 сл.]) или сосницкий вариант восточнотшинецкой культуры (по С. С. Березанской [36, с. 130—134])[3].

Сравнение с балановскими памятниками целесообразно проводить применительно к древностям атликасинского этапа, который О. Н. Бадером и А. Х. Халиковым датируется XV—XIV вв. до н. э. [34, с. 77]. С воронежской культурой их сближают такие признаки, как преимущественное расположение поселений на высоких мысах и наличие на них однокамерных, слабо углубленных построек [34, с. 44, 45]. В то же время эти культуры достаточно определенно разнятся между собой. Так, если в воронежской культуре преобладают подкурганные захоронения, то в атликасинское время наряду с курганными широко представлены и грунтовые могильники [34, с. 29, 30]. Существенным отличием атликасинских погребальных памятников является наличие в них отсутствующих в воронежской культуре трупосожжений [34, с. 35, 79]. От воронежских отличаются и погребения с трупоположением атликасинского этапа балановских древностей: в атликасинских погребениях преобладающей ориентировкой является южная для мужчин и северо-восточная для женщин [34, с. 32], в то время как для воронежских характерна ориентировка в юго-западный сектор. Кроме того, в атликасинских погребениях полностью отсутствуют встречающиеся в воронежской культуре захоронения на спине. Резко разнится облик керамики: в воронежской культуре нет характерных для балановских племен бомбовидных сосудов с низким широким туловом и высокой шейкой [34, с. 56]. На воронежской керамике практически отсутствуют и характерные для атликасинской посуды узоры в виде широких круговых лент двойного зигзага, заполненных частыми вертикальными оттисками зубчатого штампа [34, с. 56]. Воронежской керамике не свойственна и характерная для атликасинской примесь шамота [34, с. 56]. И даже в случаях, когда в воронежской культуре и на атликасинских памятниках встречаются близкие по форме обушковые усеченно-конические топоры, нельзя не заметить, что для воронежской культуры они явля-

[3] Мы не считаем целесообразным проводить сопоставление воронежской культуры с выделенной и охарактеризованной С. С. Березанской культурой многоваликовой керамики [23, с. 25—33; 37; 38], (по С. Н. Братченко, бабинской культурой [22]) в силу того, что рассматриваемые ранее как многоваликовые памятники с территории лесостепного Подонья ныне включаются в поздний этап среднедонской катакомбной культуры [1, с. 81—83; 39]. Более того, сама оценка культуры многоваликовой керамики основана на включении в нее таких памятников, что, естественно, искажает общее представление о ней. Тем самым сопоставление воронежской культуры с культурой многоваликовой керамики сейчас затруднено.

ются единственным известным типом топоров, в то время как для атликасинских древностей характерны топоры и другого, короткообушкового типа [34, с. 79].

Таким образом, проведенное сопоставление позволяет говорить о существенном различии воронежских и атликасинских памятников.

Имеющиеся же черты сходства между ними, прежде всего в топографии поселений и характере построек, говорят в первую очередь о сходстве в хозяйстве и в уровне развития общественных отношений у этих массивов населения. Нельзя исключать и наличия каких-то контактов между ними. Об этом свидетельствуют случаи находок на поселениях воронежской культуры единичных фрагментов керамики атликасинского этапа балановской культуры (Елецкое и Лисий Бугор [1, с. 123, рис. 41, *7*, *8*; 2, рис. 4, *16*]).

Значительный интерес представляет сопоставление памятников воронежской культуры с сосницкими, точнее, с наиболее ранними из них (Боромка, Чистый Десняк, Мохов, Гришевка и др.), время которых определяется не ранее XV в. до н. э. [35, с. 316; 36, с. 168]. С воронежскими их сближает расположение некоторых ранних поселений сосницкой культуры на высоких мысах и наличие на отдельных из них наземных жилищ [35, с. 284, 285; 36, с. 44, 45]. В то же время нельзя не заметить, что в отличие от воронежских большая часть сосницких поселений расположена в поймах рек. Кроме того, на поселениях сосницкой культуры отмечается и наличие отсутствующих в воронежской культуре полуземляночных жилищ [23, с. 51]. Существенно разнится погребальный обряд двух культур: характерная для сосницкой традиция кремации умерших в воронежской вообще неизвестна [23, с. 51; 36, с. 60 сл.]. Отчетливо проступают различия в керамике. Сосницкая культура характеризуется бóльшим разнообразием керамических форм: в ней наряду с горшковидными широко представлены и отсутствующие в воронежской культуре тюльпановидные сосуды, кубки и миски [35, с. 297; 36, с. 110—120]. Есть различия и в орнаментации: на сосницкой керамике нет характерных для воронежской посуды защипов и некоторых других элементов орнаментации.

И тем не менее в происходящих с сосницких и воронежских памятников керамических сериях просматриваются и общие черты: широкое применение прочерченной техники орнаментации, совпадение отдельных орнаментальных композиций: «паркетная», заштрихованные треугольники и др., многозональность орнаментации, традиция украшения среза венчика, его оформление в виде воротничка и др. Подчеркнем, что отмечаемые черты сходства свойственны только для наиболее ранних сосницких памятников, что наталкивает на мысль о наличии общей подосновы в формировании тех и других. В качестве такой подосновы выступало скорее всего население среднеднепровской культуры, т. е. данное направление анализа имеет принципиальное значение в плане решения вопроса о происхождении воронежской культуры. Более же подробное рассмотрение этого вопроса не входит в задачу настоящей статьи.

Особо следует остановиться на вопросе о соотнесении выделяемых А. Т. Синюком энеолитических памятников иванобугорского типа с памятниками воронежской культуры. Последнее необходимо еще и потому, что В. И. Погорелов к иванобугорским сейчас относит значительную часть поселений воронежской культуры [40, с. 150].

Начнем с того, что между иванобугорскими и воронежскими памятниками имеется значительный хронологический разрыв. Даже если согласиться с предположением А. Т. Синюка о возможности доживания иванобугорского населения до конца III тыс. до н. э. [6, с. 118], разрыв между ними остается в пределах полутысячелетия. Немаловажно и то, что принципиально разными являются хозяйственные уклады двух массивов населения. Так, по оценке А. Т. Синюка, у иванобугорского населения рыболовство являлось ведущей отраслью хозяйства, сочетавшейся с охотой [41, с. 28], в то время как в основе хозяйства населения воронежской культуры было скотоводство при известном значении земледе-

лия. Различия между ними наиболее рельефно выступают при сравнении погребального обряда. Если для иванобугорских захоронений характерно вытянутое на спине положение умерших с ориентировкой в юго-восточный и северо-западный секторы, для воронежской культуры свойственно преимущественно скорченное положение умерших на боку при ориентировке их в юго-западный сектор.

Существенно разнится керамика, происходящая из иванобугорских захоронений и с памятников воронежской культуры. Иванобугорские сосуды в отличие от воронежских имеют приземистые пропорции, резко отогнутый венчик, сильно профилированное тулово с наибольшим расширением в средней части, округлое дно [6, с. 116, рис. 8, *15—17*]. В целом различается их орнаментация. Сошлемся на обоснование основных признаков иванобугорской керамики с поселений, которое приводится И. Б. Васильевым и А. Т. Синюком [42, с. 126, 127] и фактически повторяется В. И. Погореловым [40, с. 150]. Исследователи называют такие характерные элементы орнаментации иванобугорской керамики, как оттиски разнообразного зубчатого штампа, составленные в ромбы, прямоугольники, рамчатый штамп, глубокие бороздчатые пояски под венчиком, выполненные гребенчатым штампом или путем прочерчивания, пальцевые защипы и некоторые другие. Нетрудно заметить, что подавляющая их часть не является сколько-нибудь характерной для воронежской керамики. Так, скажем, широко встречающиеся на иванобугорской керамике различного рода сложные штампы на воронежской керамике единичны. В то же время такие элементы, как распространенная на воронежской посуде прочерченная «паркетная» орнаментация практически отсутствует на иванобугорской. Можно сослаться и на пример защипной орнаментации, которая на иванобугорской керамике играет в известной степени вспомогательную роль, в то время как воронежские сосуды достаточно часто украшены защипным орнаментом почти по всей поверхности. Наконец, на иванобугорской посуде совершенно нет свойственной для значительной части сосудов воронежской культуры вертикальной композиции рисунка. Сказанное позволяет уверенно членить керамические серии собственно иванобугорского типа энеолитического времени и воронежской культуры средней бронзы. Последнее, конечно, не исключает возможности выявления «местного» компонента в становлении рассматриваемой культуры.

В заключение еще раз подчеркнем факт внутреннего единства памятников, выделяемых в воронежскую культуру средней бронзы, которые обладают достаточно выраженным набором отличительных признаков, что позволяет уверенно вычленять их из круга одновременных и близких хронологически культур и культурно-исторических образований эпохи бронзы Восточной Европы. Тем самым вопрос о том, следует или не следует выделять воронежскую культуру, должен решаться утвердительно.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пряхин А. Д.* Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1982.
2. *Беседин В. И.* Воронежская культура эпохи бронзы//Эпоха бронзы восточноевропейской лесостепи. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984.
3. *Матвеев Ю. П.* История населения среднедонской катакомбной культуры: Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1982.
4. *Матвеев Ю. П., Тихонов Б. Г* Исследование могильника у с. Караяшник//Эпоха бронзы восточноевропейской лесостепи. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984.
5. *Бондарь Н. Н.* К вопросу о взаимоотношениях племен среднеднепровской культуры и населения катакомбной культурно-исторической области//Эпоха бронзы восточноевропейской лесостепи. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984.
6. *Синюк А. Т.* Об энеолитических могильниках лесостепи (бассейн Среднего Дона)// СА. 1984. № 3.
7. *Синюк А. Т* Сасовские курганы на реке Потудани//Древние памятники на территории Восточной Европы. Изв. Воронеж. гос. пед. ин-та. Воронеж, 1983. Т. 227.
8. *Ефименко П. П.* Жилище времени бронзы, открытое на пойме Дона в окрестностях Костенок//ПИДО. 1934. № 5.
9. *Подгаецкий Г В.* Доскифский период на Среднем Дону: Дис. ... канд. ист. наук// Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 35. Оп. 2. № 146.

10. *Артеменко И. И.* Поселение бронзового века на Кузиной Горе//СА. 1961. № 2.
11. *Либеров П. Д.* Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М.: Наука, 1964.
12. *Москаленко А. Н., Пряхин А. Д.* Новые данные о поселениях эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дону//*Либеров П. Д.* Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М.: Наука, 1964.
13. *Винников А. З., Пряхин А. Д.* Раскопки Животинного городища на р. Воронеж// АО—1977. М., 1978.
14. *Медведев А. П., Пряхин А. Д., Беседин В. И.* Комплекс памятников раннего железа у с. Чертовицкое//АО—1978. М., 1979.
15. *Медведев А. П.* Исследование памятников раннего железного века на р. Воронеж//АО—1979. М., 1980.
16 *Беседин В. И.* Исследование поселения эпохи бронзы на окраине г. Воронежа// АО—1980. М., 1981.
17. *Беседин В. И.* Раскопки поселений эпохи бронзы в Воронежской области//АО— 1982. М., 1984.
18. *Попова Т. Б.* Эпоха бронзы на Тамбовщине//СА. 1961. № 3.
19. *Пряхин А. Д.* К вопросу о памятниках раннекатакомбного типа на Верхнем и Среднем Дону//Вопросы истории славян. Вып. 2. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1966.
20. *Шапошникова О. Г* Катакомбная культурно-историческая область//Origini. III. Roma, 1969.
21. *Шапошникова О. Г* Катакомбна культурна область//Археологія Українськоï РСР. Т. I. Київ: Наук. думка, 1971.
22. *Братченко С. Н.* К вопросу о сложении бабинской культуры (многоваликовой керамики)//Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. Киев: Наук. думка, 1977.
23. *Березанская С. С.* Северная Украина в эпоху бронзы. Киев: Наук. думка, 1982.
24. *Пряхин А. Д., Синюк А. Т* Курган эпохи бронзы у пос. Хохольский//СА. 1983. № 3.
25. *Синюк А. Т.* Курганы эпохи бронзы Среднего Дона Павловский могильник. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1983.
26. *Винников А. З.* Отчет о раскопках Животинного городища в 1982 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 9994.
27. *Крайнов Д. А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья. (Фатьяновская культура. II тысячелетие до н. э.). М.: Наука, 1972.
28. *Телегин Д. Я.* Опыт статистического определения индексов родственности неолитических комплексов по элементам орнамента//Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.: Наука, 1977.
29. *Пряхин А. Д.* Поселения абашевской общности. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1976.
30. *Матвеев Ю. П.* История населения среднедонской катакомбной культуры. Дис. канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1983//Архив ИА АН СССР. Р-2. № 2307
31. *Пряхин А. Д.* Погребальные абашевские памятники. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1977.
32. *Пряхин А. Д., Синюк А. Т* Коллекция каменных шлифованных орудий Воронежского краеведческого музея//Из истории Центральночерноземного края. Изв. Воронеж. гос. пед. ин-та. Т. 157. Воронеж, 1976.
33. *Пряхин А. Д.* Отчет о работе археологической экспедиции ВГУ в 1976 году//Архив ИА АН СССР. Р-1. № 6217.
34. *Бадер О. Н., Халиков А. Х.* Памятники балановской культуры//САИ. 1976. Вып. В1—25.
35. *Артеменко И. И.* Среднее и Верхнее Поднепровье в конце энеолита и в эпоху бронзы (середина III — начало I тыс. до н. э.): Дис. докт. ист. наук. М., 1977// Архив ИА АН СССР. Р-2. № 2222.
36. *Березанская С. С.* Средний период бронзового века в Северной Украине. Киев: Наук. думка, 1972.
37. *Березанская С. С.* Об одной из групп памятников средней бронзы на Украине// СА. 1960. № 4.
38. *Березанская С. С.* Основные результаты изучения культуры многоваликовой керамики//Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тез. докл. конф. Донецк: Донецк. ун-т, 1979.
39. *Матвеев Ю. П.* Культурно-историческая оценка памятников с многоваликовой керамикой (по материалам погребальных памятников среднедонской катакомбной культуры)//Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980.
40. *Погорелов В. И.* Поселение Терновое в лесостепном Подонье//Эпоха меди юга Восточной Европы. Межвузовский сборник научных трудов. Куйбышев, 1984.
41. *Синюк А. Т* История населения донской лесостепи в V—II тысячелетиях до н. э. (неолит — энеолит — бронза): Автореф. дис. докт. ист. наук: 07.00.06. М., 1985.
42. *Васильев И. Б., Синюк А. Т* Черкасская стоянка на Среднем Дону//Эпоха меди юга Восточной Европы. Межвузовский сборник научных трудов. Куйбышев, 1984.

A. D. Pryakhin, V. I. Besedin

ON IDENTIFICATION OF THE BRONZE AGE VORONEZH CULTURE

Summary

The authors substantiate their identification of the Voronezh culture of the middle Bronze Age as an independent archaeological entity. It is dated between the end of the second quarter and the early third quarter of the second millennium B. C. Its population lived in the forest-steppe zone of the Don basin and left more than 80 dwellings (of which about 30,000 m^2 have been already investigated), a series of mound burials and scattered ground burials. The people settled on high river banks, in the houses which rested on posts, buried their dead in pits, placing them either on their sides or extending them on their backs with south-west orientation. The cultural layer was insignificant. The Voronezh culture is marked by pot-like elongated vessels with impressed, pinched and incised decorations, the axes shaped as truncated cones and considerable series of flint artefacts. Metal objects are close to the objects from the earlier sites (catacomb metal) and to the Abashevo metal objects (from the later sites).

The authors compare the Voronezh culture and the synchronous or nearly synchronous cultures in the forest-steppe belt of the Don basin (the middle Don catacomb and the Don-Volga Abashevo cultures), in the adjacent areas (Balanovo and Sosnitsa) and the Eneolithic sites of the Ivanov Bugor type. They have identified the set of distinctive features which places the culture apart from its contemporaries. They have also raised the question of the origin and the fate of the Voronezh culture population.

А. Ю. СОГОМОНОВ

СУБПРОТОГЕОМЕТРИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА НА ВОСТОКЕ ТИПОЛОГИЯ, ХРОНОЛОГИЯ, ДИСПЕРСИЯ

В произведениях античных авторов факт проникновения греков в Восточное Средиземноморье в ранний железный век, особенно в IX—VIII вв. до н. э., почти не получил своего отражения [1]. Отсутствуют также и четко фиксированные греческие поселения на Востоке этого времени, за исключением, пожалуй, Аль Мины и ряда предполагаемых ранних греческих колоний на Кипре [2, с. 39—43; 3, с. 130—136]. Единственным источником в изучении налаживающихся греко-восточных контактов на исходе «темных веков» служат находки греческой геометрической керамики на левантийском побережье, в Киликии и на Кипре [2]. Проблематика раннегреческого керамического импорта на Переднем Востоке уже не раз ставилась в специальной литературе [5; 6, с. 85—141; 7, с. 180—194; 8, с. 302—321, 422—424; 9, с. 92—103; 10; 11, с. 7—10]. Систематизация же накопившегося материала и его интерпретационный анализ позволяют поставить актуальные вопросы о различных сторонах этого историко-археологического феномена.

Все три исследуемые зоны Восточного Средиземноморья (Левант, Кипр, Киликия) не одинаковы в своих связях с Эгейским бассейном в течение «темных веков». На Леванте наблюдается археологическая прерывность более чем в два века между последним микенским и раннегреческим импортом [12, с. 142], хотя предметы левантийского производства встречаются в Греции уже с середины XI в. до н. э. [13, с. 34, 35]. Археологическое изучение Кипра, особенно в последние три десятилетия, напротив, подтверждает факт постоянных контактов острова с Эгеидой [14, с. 15—22; 15, с. 261—263; 16, с. 173—178]. Киликия же все еще недостаточно исследована, чтобы можно было в отношении этой зоны делать подобные выводы.

Субпротогеометрическая (далее — СПГ) керамика на Востоке представлена двумя типами сосудов: скифосами и тарелками. Первоначально были известны лишь скифосы, вокруг которых в историко-археологической литературе развернулась основная дискуссия. В особую керамическую группу впервые их выделил В. Десбороу. Он условно именовал их «протогеометрическими», хотя они изготовлялись в эпоху господства в Греции геометрического стиля, но на Кикладских островах и в северо-восточных областях балканской Греции еще долгое время сохранялась стилистика протогеометрической керамики. Десбороу условно отнес их к фессало-кикладской школе [7, с. 192—194], обратив внимание, что СПГ-скифосы встречаются только в определенных районах Греции и Ближнего Востока и начисто отсутствуют в западных греческих колониях. Это дало ему основание датировать всю группу IX — первой половиной VIII в. до н. э. Датировку поддержал Т. Данбебин, предположив,

[1] Традиция сохранила лишь свидетельства полулегендарного характера о миграциях греков в Малой Азии и Северной Сирии в позднебронзовый век и версию о греческой колонизации Кипра [1, с. 107—123].

[2] В статье мы будем придерживаться археологической периодизации геометрической эпохи, основанной на керамической шкале зоны Эгейского бассейна [4, с. 705]: протогеометрический период — 1050—900 гг. до н. э., раннегеометрический — 900—830 гг. до н. э., среднегеометрический — 830—750 гг. до н. э., позднегеометрический — 750—700 гг. до н. э.

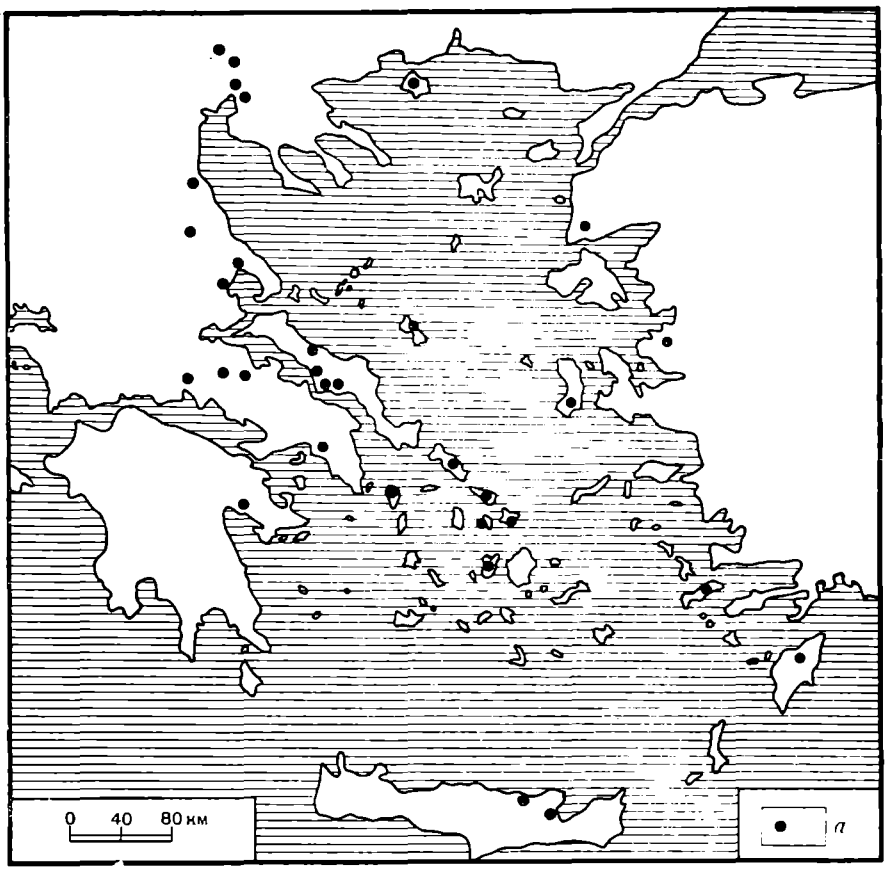


Рис. 1. Распространение субпротогеометрической керамики (*а*) в зоне Эгейского бассейна

что скифосы имели хождение лишь до основания колоний на Западе, т. е. до середины VIII в. до н. э. [17, с. 30]. Такой подход был развит в работах Дж. Бордмана (18, с. 7; 19, с. 19]. Таким образом, в специальной литературе 1950—1960-х годов закрепилась точка зрения, согласно которой эвбео-кикладские центры до середины VIII в. до н. э. на Востоке были представлены СПГ скифосами, а в Западном Средиземноморье во второй половине VIII в. до н. э. — позднегеометрической керамикой. Но уже в середине 60-х годов эта версия перестала удовлетворять специалистов, после того как были обнаружены фрагменты этих скифосов в Сицилии в погребении VIII в. до н. э. в Вилласмундо, в Центральной Италии в Вейях (слой II А) и в округе Рима [20, с. 191, 192; 21, с. 91, 92; 22, с. 570]. С другой стороны, СПГ скифосы стали встречаться в слоях второй половины VIII в. до н. э. [8, с. 157; 23, с. 204, 205; 24, с. 174]. Количество известных образцов этих скифосов резко возросло в результате систематических раскопок центральноэвбейских центров — Лефканди, Халкида, Эретрия [25, с. 26—28; 26, с. 28, 29, 32, 37, 38, 42, 43, 356—366]. В настоящее время известно более 200 экз. СПГ скифосов. Все они классифицированы Р. Кирсли, причем исследовательница исходит не только из их стилистических характеристик, разработанных ранее Десбороу и Колдстримом, но и типологического анализа формы и пропорций [27, 28].

Несмотря на кажущееся однообразие СПГ скифосов, Р. Кирсли удалось выделить шесть основных типов. Все скифосы сравнительно небольших размеров, высотой от 6 до 12 см, венчик четко отделен от тулова, которое имеет округлую форму. Цвет черепка варьирует от ярко-красного до темно-коричневого и нередко содержит слюду. Внешняя поверхность тулова, как правило, орнаментирована двумя группами перекрещивающихся или неперекрещивающихся нависающих концентрических полукружий. К типу I относятся наиболее крупные сосуды, которые в высоту достигают 10—12 см и имеют глубокое сферическое тулово. Но,

пожалуй, их главное отличие заключается в высоком венчике (до 2 см), отделенном небольшой бороздкой от тулова. Скифосы типа II чуть меньше по размерам, хотя общие пропорции сохраняются. Венчик всегда искривлен и отогнут по отношению к тулову. Скифосы типа III отличает уменьшенный по размерам венчик — не более 1,4 см. Для скифосов типов IV и V характерна низкая посадка тулова, сильно укороченный венчик (0,9—1,4 см) и сокращение размеров самих сосудов (7,5—8,5 см), так что заметным образом изменяются пропорции сосудов [28, с. 44]. Скифосы типа VI являются логическим завершением всех серии. Общая высота сосуда сокращается до 6—7 см, венчик имеет изогнутый профиль и сильно отогнут, его высота варьирует от 1 до 1,4 см. В целом сосуд приобретает еще более низкую посадку [28, с. 48].

Форма СПГ скифосов, как видим, не столь консервативна, как их декор. Хронологически все рассмотренные типы распадаются на четыре фазы. Первая (тип I) заходит еще в протогеометрический период, а завершается приблизительно к середине IX в. до н. э. Типы II — III выпадают на вторую фазу — ранне- и среднегеометрический I периоды, т. е. охватывают практически весь IX в. до н. э. СПГ скифосы этих трех типов имели хождение лишь в зоне Эгейского бассейна (рис. 1) и главным образом на островах (Делос, Эвбея, Тенос, Андрос), а также в прибрежных районах Фессалии и Македонии. Единственное исключение, по мнению Р. Кирсли, составляет фрагмент скифоса типа II, найденный в Китионе [29, табл. 16, *2*, 18, *1*]. Типы IV и V выпадают на первую половину и, возможно, третью четверть VIII в. до н. э. Скифосы завершающей серии целиком производились в позднегеометрический период [28, с. 46, 50, 51]. Сосуды типов IV и V уже почти не встречаются в материковых районах Греции, за исключением двух экземпляров из Фессалии и Македонии, зато чрезвычайно распространены на островах Эвбея, Андрос, Делос, Рения, Наксос, Донуса, Крит, Родос, Кос, Фасос и др. [7, с. 185—189; 26, с. 279—302; 28, с. 46; 30, с. 767; 31, с. 58, 59; 32, с. 62—79]. В незначительном количестве они встречаются на Переднем Востоке. Однако наибольшее распространение за пределами Эгеиды получают скифосы типа VI. В Греции они представлены лишь в Центральной Эвбее — Лефканди и Эретрии [28, с. 48, 49].

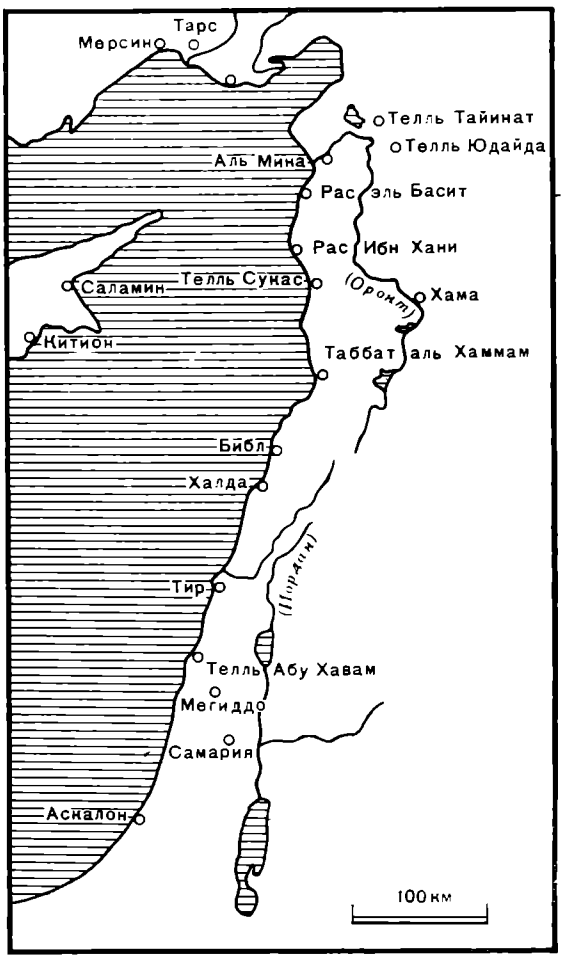


Рис. 2. Распространение раннегреческой керамики на Ближнем Востоке

Обратимся теперь к археологическому контексту находок СПГ скифосов на Ближнем Востоке. Эти скифосы встречаются в 12 левантийских центрах: Аль Мина, Телль Сукас, Таббат аль Хаммам, Рас Ибн Хани, Рас эль Басит, некрополь Халды, Тир, Телль Тайинат, Телль Юдайда, Телль Абу Хавам, Хама и Аскалон, а также в двух отдаленных месопотамских центрах — Телль Халаф, Ниневия [6, с. 98, 99; 7, с. 181—183; 8, с. 312, 313; 9, с. 94, 95; 12, с. 142—144; 17, с. 72; 33, с. 23, 24; 34, с. 2—4; 35, с. 11—14; 36, с. 9; 37, с. 194; 38, с. 153; 39, с. 60; 40, с. 283, 284] (рис. 2).

Рис. 3. Субпротогеометрическая и аттицизированная керамика из Телль Абу Хавам, Мегиддо и Аль Мины, по [12, с. 145]

Наибольшую дискуссию вызвал скифос из поселения Телль Абу Хавам. Он был найден совместно с чашей эгейского производства (рис. 3, *1*, *2*) в слое уровня III. Исследователь памятника Р. Гамильтон полагал, что порт был разрушен Шешонком I приблизительно в 925 г. до н. э., а потому датировал весь слой и полученный из него материал XI—концом X в. до н. э. [3, с. 68]. Первоначально оба сосуда были рассмотрены В. Хёртли, который предположил их фессалийское производство и датировал протогеометрическим временем [41, с. 181]. Согласно приведенной выше типологии, скифос из Телль Абу Хавам относится к типу VI и соответственно был произведен не ранее второй половины VIII в. до н. э. [28, с. 49]. Налицо, как видим, несоответствие почти в два века. Уже в 1950-е годы датировка слоев Телль Абу Хавам была подвергнута пересмотру [42, с. 21—25; 43, с. 34—38]. В настоящее время уровень III телля стратифицируется с середины X по конец IX в. до н. э. Но и эта корректировка все еще не разрешает противоречия, поскольку в конце IX в. до н. э. порт был разрушен и не функционировал вплоть до VI в. до н. э. [44, с. 12]. Найденная в этом же слое чаша, по справедливому замечанию Десбороу, вовсе не фессалийского производства, хотя, возможно, и относится к фессало-кикладской школе [45, с. 217, 218]. Этот тип геометрической посуды, пожалуй, наиболее консервативен и практически не изменялся в течение длительного промежутка времени: он происходит от своих субмикенских — протогеометрических предшественников [26, с. 293—295; 46, с. 88, 89, табл. 30], активно бытовал в раннегеометрическое время [26, с. 295; 47, табл. 21, *13*, 22, *11*, 28, *в*, *с*], а с оп-

ределенными изменениями в форме и орнаменте — в позднегеометрическую эпоху [26, с. 67; 48, с. 418]. Чаша не решает проблемы датировки СПГ скифоса из Телль Абу Хавам. Очевидно, что его никак нельзя датировать ни концом X в. до н. э. [17, с. 72; 49, с. 163], ни концом IX в. до н. э. [12, с. 144; 18, с. 8]. Очень возможно, что его производство выпадает на рубеж средне- и позднегеометрического периодов, однако остается загадкой, как скифос середины VIII в. до н. э. мог попасть в порт, разрушенный в конце IX в. до н. э. Вывод об абсолютной прерывности в обживании Телль Абу Хавам между уровнями III и II вряд ли можно считать окончательным, частичное обживание порта могло быть и в VIII—VII вв. до н. э.

Самая большая группа скифосов (24 фрагмента) была обнаружена во время недавних раскопок Тира [50]. Всего было зафиксировано около 1000 фрагментов импортной керамики, что составляет почти 4% всего керамического материала Тира. По определению П. Бикай, импорт «З» — СПГ скифосы [36, с. 53, табл. XXII, *4*, XXIV, 6]. Самый ранний фрагмент происходит из 10-го стратиграфического слоя, который датируется серединой IX в. до н. э. Незначительное число фрагментов встречается в 8-м слое (последняя четверть IX в. до н. э.). Основное же их число — из 6-го слоя, который совместно с последующим падает на первую половину VIII в. до н. э. (800—760 гг. до н. э.). Наконец, крайне незначительная часть скифосов происходит из самого верхнего слоя, датируемого рубежом VIII—VII вв. до н. э. [37, с. 54, 68]. К сожалению, почти весь импорт дан в издании без описания и с ограниченным числом иллюстраций. Два проиллюстрированных СПГ скифоса, по всей вероятности, относятся к типу VI, однако трудно сказать, действительно ли найденные в Тире скифосы представляют собой гомогенную керамическую группу, хотя очевидно, что подавляющее их большинство выпадает на первую половину — середину VIII в. до н. э., но очень возможно, что наиболее ранние образцы проникают в финикийскую метрополию уже на рубеже IX—VIII вв. до н. э.

Следующую по количеству группу составляют СПГ скифосы из Аль Мины (12 фрагментов). Все сосуды были обнаружены в нижних слоях порта (X—VIII уровни), датированных в свое время Л. Вулли второй половиной VIII — первой четвертью VII в. до н. э. [51, с. 174][3] Большинство скифосов относится к типу VI (рис. 4, *1*, *4*, *7*). Они имеют характерное для этого типа приземистое тулово, плоское основание и небольшой заметно отогнутый венчик. Несколько сосудов тем не менее были произведены, возможно, и ранее (рис. 4, *6*) [12, с. 152; 28, с. 52; 34, рис. 1, *а*, *в*, *d*; 55, с. 208]. В целом же датировка СПГ скифосов из порта Аль Мина как никогда удачно сочетается с археологическим контекстом — середина и вторая половина VIII в. до н. э. К этой же поздней группе относятся хорошо сохранившиеся экземпляры из Телль Тайинат (рис. 4, *6*), Телль Халафа (рис. 4, *5*), Телль Юдайда и Ниневии [7, с. 181, табл. 26, *5*, *6*; 56, с. 84].

Всего по два фрагмента обнаружено в ходе раскопок портов Телль Сукас и Рас Ибн Хани. Скифосы из Телль Сукас сохранились очень фрагментарно, но, судя по всему, относятся к типу VI. Они происходят из слоя G^3, который П. Рийс датировал приблизительно 675—588 г. до н. э. [12, с. 127], хотя сами скифосы исследователь склонен датировать VIII в. до н. э. [12, с. 35]. Скифосы из Рас Ибн Хани также типа VI и обнаружены в слое совместно с ионийской керамикой VII в. до н. э. и кипро-архаической I [40, с. 282—284]. Так что СПГ скифосы завершающей серии как в Эгеиде, так и на Леванте имели хождение и в начале VII в. до н. э.

---

[3] В литературе неоднократно предпринимались попытки удревнения нижних слоев порта на 50—100 лет, особенно в тех случаях, когда исследователи исходили из традиционных датировок СПГ скифосов [2, с. 39, 41; 18, с. 5, 7, 8, 14; 52, с. 91; 53, с. 91, 92]. Анализ местного и кипрского материала из порта не позволяет принять этот вывод: нижние слои порта чисто греческие и никак не могут быть датированы ранее середины VIII в. до н. э. [54, с. 115—118].

Рис. 4. Субпротогеометрические скифосы из Аль Мины, Телль Халафа, Телль Тайинат, по [12, с. 147]

Особый интерес представляет группа СПГ скифосов из Хамы, и прежде всего потому, что происходит из слоя, непосредственно предшествующего разрушению города в 720 г. до н. э. Два скифоса из некрополя VIII в. до н. э. (рис. 5, *3*, *4*), один из святилища (рис. 5, *1*), один из дворцового квартала (рис. 5, *2*) [12, с. 150]. Оба фрагмента из некрополя и стилистически, и типологически старше остальных. Они, вполне возможно, были произведены в первой половине VIII в. до н. э., но маловероятно, что в раннегеометрическое время, как полагает П. Рийс [12, с. 152]. Скифосы из святилища и дворцового квартала однотипны с найденными в Аль Мине, Телль Халафе и Телль Сукасе.

Единичные фрагменты обнаружены в Халде, Таббат аль Хаммам и Рас эль Басит. Скифос из некрополя Халды, очевидно принадлежащей к типу VI, располагался в кремационном захоронении второго уровня функционирования некрополя (конец IX — конец VIII в. до н. э.) [36, с. 194]. Р. Брейдвуд в своем отчете о работах на Таббат аль Хаммам сообщает о находках нескольких фрагментов СПГ скифосов, проиллюстрирован же лишь один [38, с. 191, рис. 4, *9*], но он слишком фрагментарен, чтобы его можно было датировать с определенной точностью, хотя скорее всего он также принадлежит к завершающей серии скифосов, что вполне

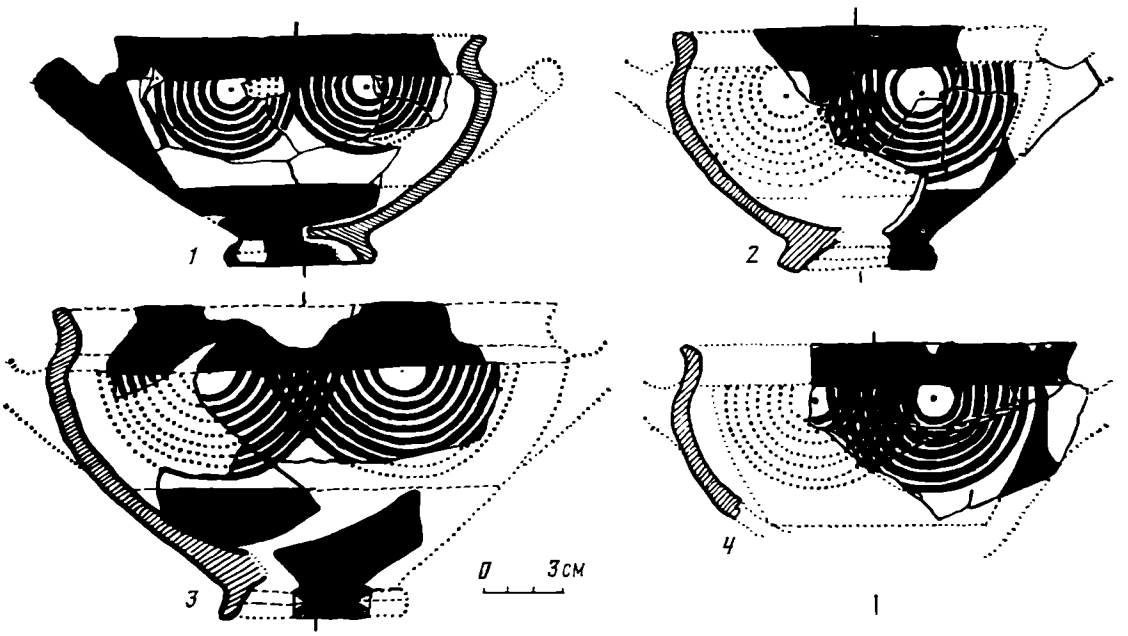


Рис. 5. Субпротогеометрические скифосы из Хамы по [12, с. 153]

соотносится с археологическим контекстом находки — импорт кипро-геометрического III периода [38, с. 193]. Наконец, еще один фрагмент СПГ скифоса был обнаружен в 1974 г. в Рас эль Басите, однако он упоминается в отчете П. Курбена без описания и прорисовки [39, с. 60].

Таким образом, СПГ скифосы проникают на Левант в конце IX в. до н. э., причем наибольший их удельный вес выпадает на середину и вторую половину VIII в. до н. э.[4]

В Киликии СПГ скифосы встречаются лишь в двух центрах — Тарсе и Мерсине. В Тарсе фрагменты скифосов обнаружены в слое, верхней границей которого является разрушение города в 696 г. до н. э. [24, с. 174]. По мнению Дж. Ханфманна, их следует датировать, начиная с 800 г. до н. э. [24, с. 175], однако по типологии Кирсли все они принадлежат к типу VI и датируются скорее второй половиной VIII в. до н. э. [28, с. 49]. Фрагмент скифоса из Мерсина [58, с. 257, рис. 160, *4*] обнаружен в слое III и, судя по описанию, не подходит ни под один из выделенных типов: стенки тулова почти вертикальны, венчик не отделен от тулова и имеет прямой профиль, полукружия же скорее напоминают круги. Как подчеркивает Р Барнетт, черепок фрагмента по своим показателям напоминает местную глину [58, с. 256], так что очень возможно, что скифос является простой местной имитацией.

Широко представлены СПГ скифосы в кипрских центрах. Два скифоса обнаружены в «царской» гробнице Саламина. Оба принадлежат к типу VI [59, с. 178, рис. 35, *46*, с. 190] и встречаются совместно со среднегеометрической керамикой, датированной Дж. Н. Колдстримом второй четвертью VIII в. до н. э. [60, с. 204]. По мнению Десбороу, эти скифосы должны были быть экспортированы на Кипр непосредственно перед серединой VIII в. до н. э. [23, с. 205]. Еще два скифоса происходят из разграбленной могилы конца VIII в. до н. э. из Сол [61, с. 180]. Один скифос завершающей серии найден вместе с позднегеометрической керамикой в «гробнице воина» в Палэпафосе [62, с. 267; 63, с. 133]. Совсем недавно еще один скифос обнаружен в захоронении неопределенного типа в Амафунте [64, с. 957, 958, рис. 33]. По своему внешнему виду он скорее напоминает образцы типа VI, хотя в археологическом контексте встречается с самой разновременной керамикой [64, с. 958]. Кроме этих

[4] Ранее нами высказывалось мнение о том, что СПГ скифосы из левантийских центров в целом датируются второй половиной IX — первой половиной VIII в. до н. э. [57, с. 8, 9]. В настоящее время считаем необходимым внести вышеуказанные хронологические коррективы.

экземпляров, обнаруженных во время раскопок, еще приблизительно дюжина СПГ скифосов известна не из слоя [62, с. 180, 181; 65, с. 23, 24]. Практически все кипрские фрагменты, как видим, датируются серединой и второй половиной VIII в. до н. э. и были найдены в некрополях. Исключение составляют уже упомянутые СПГ скифосы из Китиона, датируемые концом IX — началом VIII в. до н. э. Примечательно, что на Кипре уже в VIII в. до н. э. была налажена местная имитация СПГ скифосов. Причем имитировалась форма сосуда (высокая коническая ножка, ленточная полоска по венчику), тогда как орнамент выполнялся скорее в местных этеокипрских традициях, так что концентрические полукружия нередко игнорировались [61, с. 181—183]. Предполагается, что центром производства этих сосудов мог быть Амафунт [66, с. 256].

Обратимся теперь ко второму типу СПГ посуды — тарелкам. Первоначально они были известны лишь из некрополя Афин и, как подметил В. Десбороу, они, хотя и находятся в геометрическом контексте, тем не менее содержат в себе черты протогеометрической стилистики [7, с. 118]. В настоящее время этих СПГ тарелок известно около 60 экз. Тарелки, как правило, невысокие и посажены на небольшую коническую ножку. Общая высота тарелки не превышает 6—7 см, а диаметр устья 20 см. На внешней стороне тарелки поверх светлого ангоба темной краской наносился декор в виде концентрических полукружий, что стилистически максимально приближает их к СПГ скифосам. Однако по сравнению со скифосами тарелки гораздо труднее поддаются типологизации. Основой для их хронологии поэтому служит археологический контекст находок и стратиграфия поселения Лефканди, где было обнаружено наибольшее количество этих тарелок [26, с. 341]. Традиционно считалось, что их производство начинается не ранее середины IX в. до н. э. и они имели хождение приблизительно в течение столетия [26, с. 341]. Наиболее древний образец обнаружен недавно в ходе раскопок некрополя Тумба в Центральной Эвбее. По контексту он — рубежа X—IX вв. и заметно отличается от остальных образцов тем, что имеет три ряда полукружий [47, с. 232, 228, рис. 6]. В Эгеиде кроме Центральной Эвбеи и Афин СПГ тарелки были обнаружены еще на поселении Асина (Арголида). Предварительный анализ находок и их хронологии был проделан П. Курбеном, однако в применении к ближневосточным экземплярам его датировки представляются несколько завышенными [67, с. 193—204].

Наибольшее количество СПГ тарелок обнаружено при раскопках Тира (семь фрагментов). П. Бикай относит их к импорту «4» [37, с. 53, табл. XXII, *5*, *6*, табл. XXIV, *5*]. Технологический анализ всех фрагментов привел П. Курбена к мысли об их типологическом родстве [67, с. 200, 201, рис. 10]. Стилистически выделяется лишь один фрагмент, который, возможно, имел три ряда полукружий. Бóльшая часть фрагментов стратиграфируется 9—10-м уровнями, т. е. третьей четвертью IX в. до н. э.; меньшая — 2—3-м уровнями, т. е. второй половиной VIII в. до н. э. [37, с. 54]. Разрешая это расхождение почти в век, Курбен предложил датировать все фрагменты первой половиной VIII в. до н. э. [67, с. 202], однако этот «компромисс» не решил проблемы. Скорее экспорт СПГ тарелок в Тир связан с двумя сериями: одна — рубежа IX—VIII вв. до н. э., тогда как другая — конца VIII в. до н. э.

Один фрагмент тарелки найден в слое геометрического времени в Рас эль Басите (рис. 6). Тарелка имеет прямые параллели из Лефканди и Тира, издатель склонен датировать ее третьей четвертью IX в. до н. э. [67, с. 202]. Археологический контекст, как кажется, не дает основания для столь ранней датировки фрагмента. Судя по находкам в этом слое кипрской керамики стиля Бихром III, СПГ тарелка вряд ли выходит за пределы рубежа IX—VIII вв. до н. э.

В Тарсе СПГ тарелки найдены в хорошо стратифицированном слое разрушения. Весь слой датируется первой четвертью VII в. до н. э. [19, с. 6], хотя сам город был разрушен Синнахерибом в 696 г. до н. э. [68, с. 101]. Опубликованные тарелки действительно относятся к заключительной серии их производства — конца VIII в. до н. э. [69, с. 307, табл.

Рис. 6. Субпротогеометрическая тарелка из Рас эль Басита, по [67, с. 197]

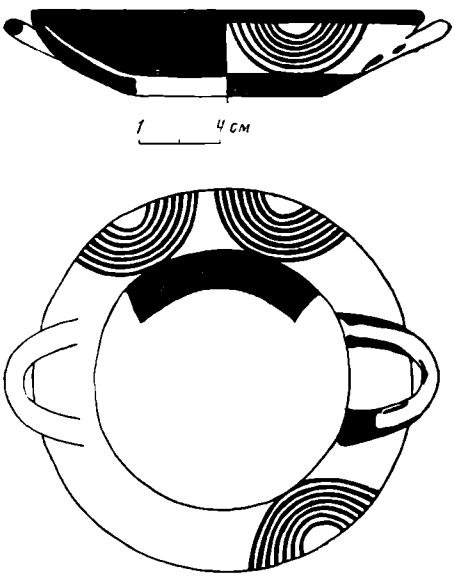


Рис. 6

Рис. 7 Керамика «типа Аль Мина», по [79, с. 165]

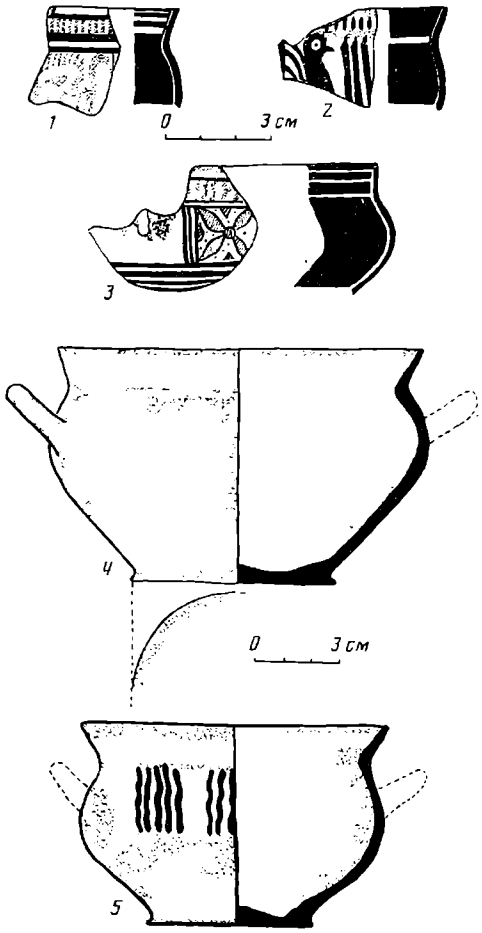


Рис. 7

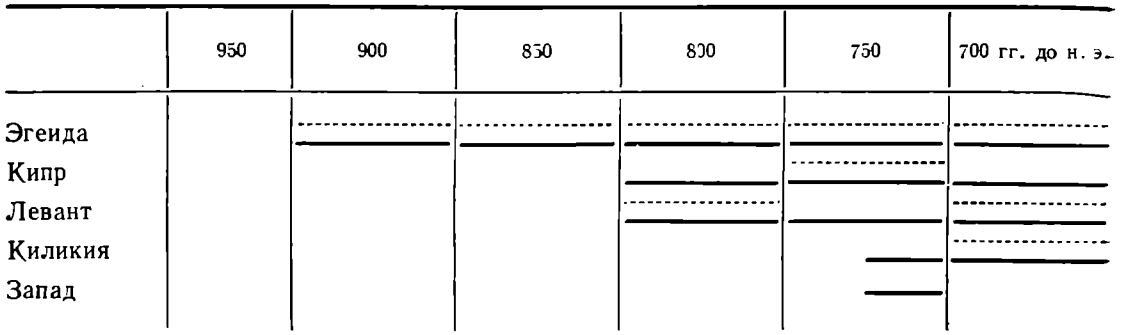
102, 106]. Наряду с поздними экземплярами из Тира они могли быть экспортированы в Тарс в конце VIII в. до н. э., но имели хождение и в начале VII в. до н. э.

На Кипре СПГ тарелки пока обнаружены лишь в «царской» гробнице Саламин и некрополе Амафунта. Саламинские тарелки очень разнообразны и стилистически, и типологически. Например, одни образцы декорированы двумя рядами концентрических полукружий, другие — тремя [59, с. 178, рис. 35]. Однако такая пестрота еще не дает основания для разной датировки этих сосудов. Археологический контекст их находки в целом достаточно однообразен — они были обнаружены совместно со среднегеометрическими скифосами и кратером аттического производства второй четверти VIII в. до н. э. [23, с. 205, 206]. Более поздним временем датируются семь фрагментов тарелок из погребения в некрополе Амафунта [64, с. 956—958, рис. 34].

Итак, СПГ тарелки на Ближнем Востоке представлены тремя хронологическими сериями: 1) конца IX — начала VIII в. до н. э. (Тир, Рас эль Басит); 2) вторая и третья четверти VIII в. до н. э. (Саламин и Амафунт); 3) конца VIII — начала VII в. до н. э. (Тир, Тарс). В значительной мере эта периодизация совпадает с той, что была предложена для хождения СПГ скифосов на Ближнем Востоке. Складывается впечатление, что оба типа СПГ посуды сильно связаны друг с другом как в плане их производства, так и дисперсии. Приведем полученные результаты в виде хронологической диаграммы, где одинарная линия символизирует СПГ скифосы, а двойная (прерывная) — СПГ тарелки (таблица).

Закономерно теперь поставить вопрос о центрах изготовления СПГ керамики. Проблема эта все еще не может считаться окончательно решенной. В свое время В. Десбороу не считал ее продукцией афинских ремесленных мастерских, несмотря на сильное влияние аттической шко-

СПГ керамика в Средиземноморье



лы на стилистику СПГ скифосов и тарелок. Кроме этого, он обратил внимание на заметные отличия между экземплярами с островов Эгейского бассейна, Фессалии и Македонии, что натолкнуло его на мысль о полицентрии производства СПГ керамики [7, с. 192—194]. Уже в 1950-е годы Дж. Бордман предположил, что СПГ скифосы, получившие распространение на Востоке, — кикладского производства, если глина содержит слюду, если же ее почти нет, то — центральноэвбейского [18, с. 6]. В настоящее время, когда раскопки поселения Лефканди дали большой удельный вес известных экземпляров СПГ посуды, большинство специалистов склоняются к признанию за Эвбеей роли основного производителя и экспортера этой керамики [26, с. 301]. Тем не менее все еще высказываются мнения, особенно по поводу завершающей серии СПГ скифосов, о существовании нескольких мастерских [28, с. 52] или даже существовании особой мастерской на Востоке по изготовлению СПГ скифосов [70, с. 69, 70]. По инициативе М. Пофэма был проведен спектрофотометрический анализ 52 черепков из Лефканди, Эретрии, Халкиды, Аль Мины, Кипра и Крита [71, с. 151—161; 72, с. 281—290]. Результаты анализа показали, что подавляющее число исследуемых черепков — центральноэвбейского производства. Источником их глин могла быть Лелантская долина. Однако это еще не дает основания для выделения индивидуальных печей Лефканди, Халкиды и Эретрии, скорее следует говорить о «центральноэвбейской» группе, в которую входят большинство экспортированных на Кипр и Левант сосудов [72, с. 289]. Кроме этого, была выделена часть сосудов, стилистически не отличающихся от эвбейских образцов, но имеющих другие химические показатели. Пофэм полагает, что на Эвбее мог существовать еще один источник глин [72, с. 290]. Наконец, крайне незначительное число исследуемых черепков не подходит ни под один эвбейский критерий [71, с. 160; 72, с. 289] — очень возможно, что часть экспорта была северокикладского производства (Андрос, Тенос, Наксос, Делос и др.). Тот же вывод, по всей видимости, применим и к СПГ тарелкам. Первоначально их производство было налажено в Лефканди [26, с. 341; 47, с. 232], позже они могли изготовляться и на Кикладах [67, с. 203].

Прежде чем обратиться к исторической интерпретации находок СПГ керамики на Востоке, упомянем находки средне- и позднегеометрической керамики, получившей параллельное распространение в ближневосточных центрах. Подлинно аттический кратер был обнаружен в «царской» гробнице в Саламине [59, с. 198—201]. В этой гробнице на удивление большая концентрация эгейской керамики. Мало того, само захоронение не укладывается в погребальные традиции Кипра этого времени: вместо обычного трупоположения — кремация [73, с. 201]. Похожий кратер был обнаружен в богатом захоронении в Амафунте с кипро-геометрической III В керамикой [45, с. 16]. Несколько фрагментов крупногабаритного кратера происходят из дворцового квартала Хамы [74, с. 179]. Донце одного из таких кратеров найдено в Тире [37, табл. II *а*]. Наконец, несколько фрагментов еще одного кратера находились в разных слоях Самарии [12, с. 148; 75, с. 210—213]. Все находки сделаны в разных археологических контекстах, тем не менее, судя по эгейским параллелям, все кратеры датируются второй четвертью VIII в. до н. э.

С определенным хронологическим опозданием (уже во второй половине VIII в. до н. э.) на Востоке получают распространение сосуды эвбейской имитации аттической среднегеометрической керамики, особенно аттических кратеров на высоком подножии [9, с. 93]. Эта «аттицизированная» керамика встречается в самых нижних слоях Аль Мины (рис. 3, *9—11*), Телль Юдайде, Мегиддо (рис. 3, *3—8*), Амафунте, Китионе, Курионе [9, с. 94; 12, с. 146—148; 16, с. 74; 73, с. 205, 206].

Во второй половине VIII в. до н. э. во многих ближневосточных центрах получает распространение позднегеометрическая керамика: скифосы эвбейского и кикладского производства, протокоринфские котилы и арибаллы, их эвбейские имитации, амфоры типа «SOS», позднегеометрические пиксиды коринфского и аргосского производства. Примечательно, что вся эта керамика встречается практически в тех же центрах, где фиксируются находки СПГ и аттической керамики. На Леванте она присутствует в Аль Мине, Рас эль Басите, Телль Юдайде, Хаме, Телль Сукасе, Мегиддо, Самарии; в Киликии — в Тарсе, Мерсине; на Кипре — в Саламине, Пафосе, Китионе, Амафунте, Курионе, Идалионе [2, с. 40, 41; 6, с. 99, 100; 9 с. 92, 93; 11, с. 8; 12, с. 144—150; 17, с. 74; 34, с. 4; 35, с. 13, 17, 18; 36, с. 194; 45, с. 216, 218; 54, с. 118; 65, с. 57—65, 78—80, 82; 66, с. 261, 262; 73, с. 205, 206; 76, с. 9; 77, с. 131—138; 78, с. 104, 105, 113, 114].

На Кипре уже во второй половине VIII в. до н. э. было налажено местное греческое керамическое производство [66, с. 262—266]. Центром керамического ремесла в конце VIII в. до н. э. на северосирийском побережье становится Аль Мина [79, с. 163—169]. Керамика «типа Аль Мина» в основном имитировала позднегеометрический стиль кикладо-эвбейских центров (рис. 7); не исключена возможность и имитации протокоринфских котил [80, с. 13, 14]. Керамическая продукция этого типа получила распространение на Кипре, в Телль Сукасе, Библе, Халде, Рас Ибн Хани [35, с. 16, 17; 40, с. 282; 79, с. 166, 167; 81, с. 939, 940].

Несмотря на столь широкую репрезентативность позднегеометрической керамики на Ближнем Востоке, СПГ керамика все еще представляет собой наиболее значимую керамическую группу на всем Востоке. За пределами Эгеиды она встречается по крайней мере в 20 центрах, 17 из которых — восточносредиземноморские. Закономерно поставить вопрос об исторической интерпретации этих находок. Большинство специалистов видят за ними подтверждение факта греческого проникновения на Передний Восток [2, с. 45; 9, с. 95; 12, с. 129; 13, с. 38; 82, с. 144, 120] [5]. Приведем некоторые аргументы в пользу этой точки зрения.

СПГ керамика, и в первую очередь скифосы, относится к сосудам индивидуального пользования (так называемая «питьевая»), тем самым она вряд ли представляла самоценность для чужеземного потребителя. Более того, по своим техническим качествам и уровню художественного исполнения скифосы уступали синхронным чашам и кубкам кипрского и левантийского производства (например, «самарийским» чашам) и поэтому не могли иметь на Востоке адекватной потребительской и меновой стоимости. Не случайно во всех перечисленных выше ближневосточных центрах наряду с единичными находками СПГ скифосов в большом количестве встречаются местные сосуды идентичного назначения. Картина изменилась в обратную сторону лишь с проникновением на Восток аттической расписной керамики (черно- и краснофигурные стили), когда можно уже говорить о самостоятельно функционирующем рынке греческой керамики, в частности в Аль Мине [2, с. 54]. С другой стороны, малочисленность и чрезвычайная распыленность находок СПГ керамики в прибрежных и материковых центрах Кипра, Сирии, Финикии и Палестины не может указывать даже на случайный обмен ими. Скорее мы имеем дело с достаточно четким фиксатором непосредственного присутствия греков, т. е. с ситуацией, когда носители керамики совпадают с ее

[5] Некоторые исследователи все же предполагают обратное — торговлю керамикой на Востоке [67, с. 203, 204; 83, с. 174; 84, с. 162, 163; 85, с. 50—52].

производителями. Ими были представители эвбейских и кикладских полисов. Равным образом, как кажется, следует расценивать находки сосудов эвбейской имитации аттического среднегеометрического стиля.

Находки же собственно аттической среднегеометрической керамики (и прежде всего кратеры на высоком подножии), напротив, никак нельзя интерпретировать равнозначно. Раннеэвбейское морское предпринимательство достаточно хорошо известно и документировано письменными свидетельствами и археологическими материалами, однако нам ничего не известно об участии Афин в средиземноморской торговле и морском деле IX—VIII вв. до н. э. По поводу находок аттического импорта в «царской» гробнице в Саламине наметились две противоположные оценки. Э. Гьерстад склонен рассматривать ее как показатель межэтнического брака кипрского правителя и афинской аристократки. На афинское происхождение последней указывает, по его мнению, обильный эгейский импорт, богатые ювелирные украшения и обряд кремации [86, с. 89—93]. В. Десбороу видел в этом «обмен дарами» между афинскими и кипрскими аристократическими родами [87, с. 122]. Эту идею о «gift exchange» развил недавно Дж. Н. Колдстрим, главным образом применительно к VIII в. до н. э. [73]. Он обратил внимание на тот факт, что аттические среднегеометрические кратеры встречаются в средиземноморских столицах крупных и малых государственных образований: Саламин, Амафунт, Тир, Самария, Хама, Уэльва, Кносс. Однако, как было показано выше, в восточносредиземноморских столицах находкам аттических кратеров сопутствует СПГ керамика. Очевидно, что оба эти типа керамики на Востоке были тесно связаны друг с другом. В Эгеиде интенсивные социально-экономические и торговые связи Аттики и Эвбеи фиксируются на всем протяжении «темных веков». Это выражается и в обоюдном керамическом импорте, и — что, пожалуй, самое главное — в постоянном аттическом влиянии на местную эвбейскую школу вазописи геометрической эпохи [32, с. 71]. Иными словами, не исключена возможность того, что носителями среднегеометрической аттической керамики на Востоке также были эвбейско-кикладские полисы. Они могли прибегать к «обмену дарами» в виде аттических кратеров в тех случаях, когда нуждались в местном покровительстве, а также при основании своей апойкии на Востоке — Аль Мины. Позднее, когда на Эвбее была налажена имитация аттических сосудов этого типа, то и они экспортировались на Передний Восток. Сопоставив воедино эти два явления, мы лишь получаем дополнительное подтверждение хорошо известного тезиса о лидерстве двух эвбейских полисов в первую волну колонизации — Халкиды и Эретрии (рис. 8).

Обратимся заново к списку тех ближневосточных центров, где была обнаружена СПГ керамика. Практически во всех центрах в слоях поздней бронзы встречается микенская керамика [88, гл. III—V; 89, с. 145; 90, с. 137—165; 91, с. 53—75; 92, с. 121—123; 93, с. 168, 169]. Нет ее лишь в тех центрах, например в Аль Мине, которые были основаны в ранний железный век. Эта корреляция, с одной стороны, указывает на преемственность в освоении греками Востока с микенского времени, но в то же время очевидна разница между микенским и СПГ экспортом на Востоке. Во-первых, в орбиту микенской экспансии было включено гораздо большее число восточносредиземноморских центров. По подсчетам К. Николау, микенская керамика встречается только в 57 левантийских центрах, не говоря уже о почти повсеместном ее распространении на Кипре [92, с. 122]. Во-вторых, микенская керамика в отличие от СПГ сама по себе представляла предмет эгейско-восточного торгового обмена (например, изящная посуда типа алебастров и фляжек) либо являлась тарой для экспорта оливкового масла [94, с. 5]. Микенская III С керамика вообще является показателем миграции части эгейских народов в Восточное Средиземноморье [93, с. 170, 171]. Тем не менее эти обширные позднебронзовые торговые связи, сохраняющиеся на всем протяжении «темных веков» в виде прямого контакта Кипра с Эгеидой [3, с. 114—123; 16, с. 173—178; 95, с. 45, 49—57, 342, 346—348], сыграли

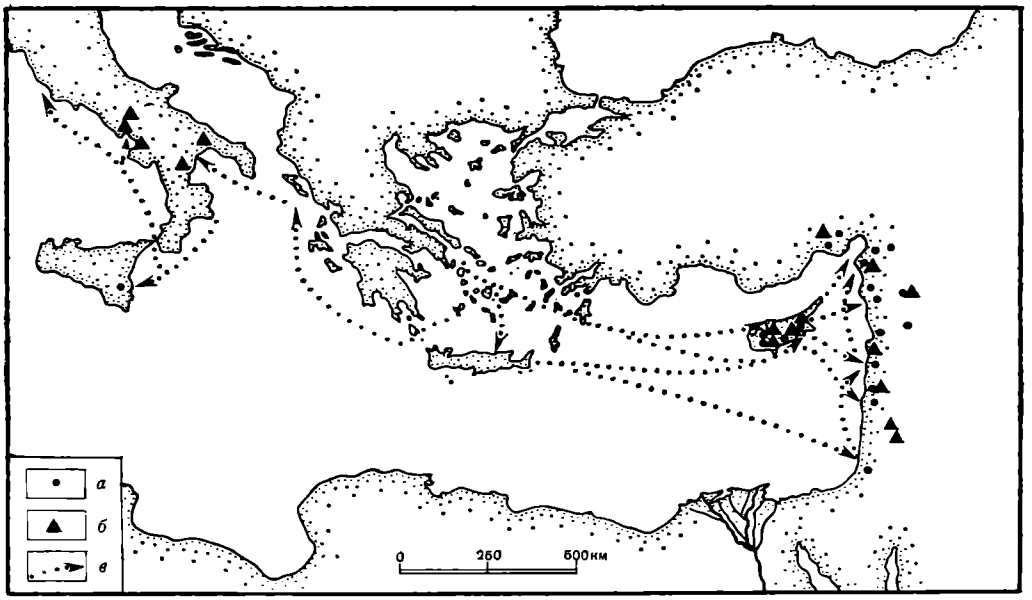


Рис. 8. Схема распространения субпротогеометрической и среднегеометрической керамики в Средиземноморье. *а* — субпротогеометрическая керамика; *б* — среднегеометрическая (аттическая и эвбейская); *в* — пути распространения

принципиальную роль в возрождении греко-восточных отношений в ранний железный век.

Ближневосточные центры, где встречается СПГ керамика, сами по себе не однотипны. Следует отличать крупные урбанистические центры (Китион, Хама, Тир, Саламин, Амафунт, Самария, Тарс) от малых урбанистических образований, призванных быть посредниками в греко-восточном обмене. Впоследствии в них проживало смешанное греко-финикийское население (Телль Сукас, Рас Ибн Хани, Рас эль Басит, Таббат аль Хаммам). Единственным чисто греческим образованием этого времени следует признать апойкию Аль Мину. В целом же эта «открытость» многих восточносредиземноморских портов для посещения и даже проживания в них греков, по всей видимости, была достаточно типичным явлением [96, с. 238, 239; 97, с. 53, 54, 58, 59; 98, с. 60; 99, с. 137].

Наконец, еще один вопрос — почему из восточносредиземноморских регионов, где встречается СПГ керамика, выпадает почти все южное побережье Малой Азии и Египет. Обратимся к гидрологическому фактору[6]. Схема среднемноголетней установившейся циркуляции поверхностных вод в восточном бассейне Средиземного моря позволяет выделить основное североафриканское течение, которое протянулось от Гибралтара до Леванта (рис. 9). Оно в значительной степени облегчает передвижение по морю из Эгеиды в Египет, особенно если учесть практически постоянно дующий северный ветер. Не случайно в своей вымышленной биографии Одиссей, повествуя о путешествии с Крита в Египет, подчеркивает, что «...мы в открытое море вышли и с быстропопутным, пронзительнохладным Бореем, плыли, как будто по стремю, легко» [101, с. 583, XIV, 252—254]. Не менее легким было морское плавание в сторону Кипра и обратно, облегченное главным образом левантийским циклоническим круговоротом. Расположенный между Критом и Кипром, в разные времена года он то расширяется, то сокращается, причем летом результирующее течение на его поверхности доходит до 25 см/с. Плавание к левантийскому побережью тем самым легко осуществлялось либо через Кипр, либо, минуя остров, посредством северных пластов североафриканского течения. Так же беспрепятственно греческие суда могли плыть вдоль левантийского побережья с юга на север. Наиболее затруднительным для греческой навигации этого времени, пожалуй, было результирующее течение, идущее вдоль южноанатолийского

[6] Сводка гидрологических особенностей моря Леванта сделана по [100].

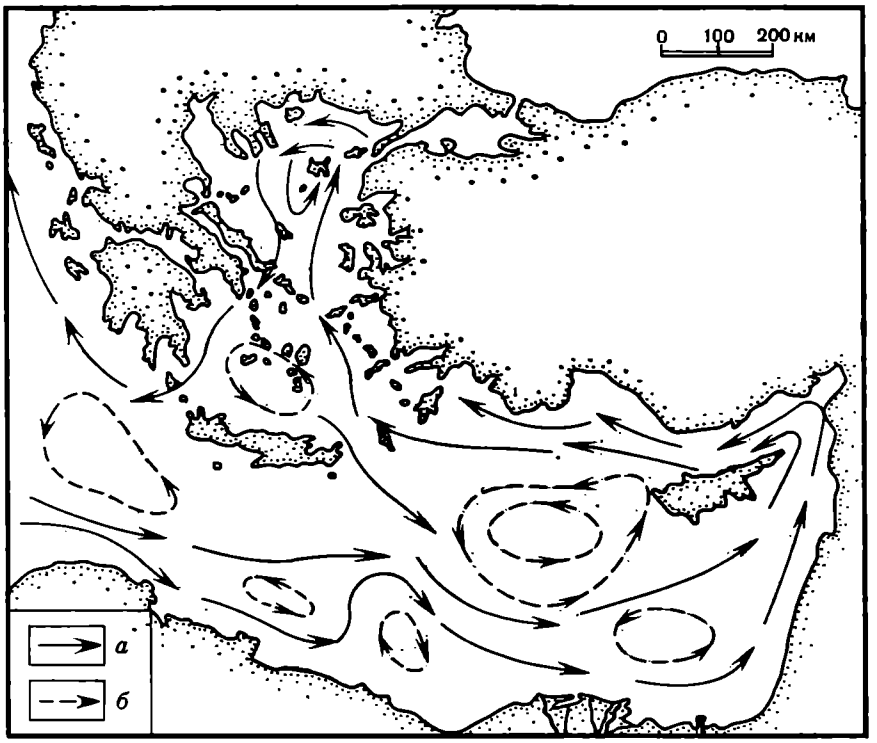


Рис. 9. Схема гидрологии моря Леванта. *а* — течения и циркуляция поверхностных вод; *б* — циклонические и антициклонические круговороты

побережья с востока на запад. Этим обстоятельством может объясняться отсутствие ранней греческой керамики на южном побережье Малой Азии. Плавание же в Киликию, как кажется, осуществлялось через Кипр, не случайно поэтому СПГ керамика в Киликии — не ранее второй половины VIII в. до н. э. Таким образом, за исключением южноанатолийского пути, ничто с гидрологической точки зрения не могло препятствовать плаванию греков в Восточном Средиземноморье, гораздо сложнее в этом смысле было плавание в Эгейском море [100, с. 342—351]. Что касается Египта, где напрочь отсутствуют всякие следы пребывания греков вплоть до середины VII в. до н. э., то объяснение этому скорее всего кроется в «закрытости» Египта для греков до начала правления XXVI династии, когда он первоначально был «открыт» для наемников, а впоследствии для торговцев [7]

ЛИТЕРАТУРА

1. *Gjerstad E.* The Colonization of Cyprus in Greek Legend//Op. Arch. 1944. V III.
2. *Boardman J.* The Greeks Overseas. L., 1980.
3. *Karageorghis V.* Cyprus from the Stone Age to the Romans. L., 1982.
4. *Hammond N. G. L.* The Peloponnese//CAH. 1982. V. III, 1.
5. *Illiffe J. H.* Pre-hellenistic Greek Pottery in Palestine//QDAP. 1932. V. 2.
6. *Clairmont C.* Greek Pottery from the Near East//Berytus. 1955. V. IX.
7. *Desborough V. R. d'A.* Protogeometric Pottery. L., 1952.
8. *Coldstream J. N.* Greek Geometric Pottery. L., 1968.
9. *Coldstream J. N.* Geometric Greece. L., 1977.
10. *Wenning R.* Griechische Importe in Palästina aus der Zeit vor Alexander der Grosse. Vorbericht über ein Forschungsprojekt//Boreas. 1981. V. 4.
11. *Braun T. F. R. G.* The Greeks in the Near East//CAH. 1982. V. III. 3.
12. *Riis P. J., Sūkās J.* The North-East Sanctuary and the First Settling of Greeks in Syria and Palestine. København, 1970.

[7] После того как статья была сдана в печать, были опубликованы результаты повторного анализа материалов раскопок Р. В. Гамильтоном холма Абу Хавам, подтверждающие более позднюю датировку СПГ скифоса оттуда, как, впрочем, и всего уровня III поселения [102, 103]. В качестве дополнительного свидетельства был обнаружен неопубликованный ранее фрагмент греческого скифоса второй половины VIII в. до н. э. [103, с. 69; 104, с. 169—171; 105, с. 85, 86].

13. *Desborough V. R. d'A.* The Background to Euboean Participation in Early Maritime Enterprize//Tribute to an Antiquity. Essays presented to Marc Fitch. L., 1976.
14. *Coldstream J. N.* Cypro-Aegean Exchanges in the 9th and 8th Centuries B. C.// Praktica tou Prōtou Diethnous Kyprologikou Synedriou A. Nicosia, 1972.
15. *Coldstream J. N.* Some Cypriot Traits in Cretan Pottery, c. 950—700 B. C.//The Relations Between Cyprus and Crete c. 2000—500 B. Acts of the International Archaeological Symposium. Nicosia, 1979.
16. *Karageorghis V.* Cyprus Between the Orient and the Occident in the Eleventh Century B. C.//Archéologie au Levant. Recueil à la mémoire de Roger Saidah. Lyon, 1982.
17. *Dunbabin T. J.* The Greeks and their Eastern Neighbours. L., 1957.
18. *Boardman J.* Early Euboean Pottery and History//BSA. 1957. V. 52.
19. *Boardman J.* Tarsus, Al Mina an Greek Chronology//JHS. 1965. V. 85.
20. *Ridgway D., Dickinson O. A. P. K.* Pendent Semicircleses at Veii: a Glimpse// BSA. 1973. V. 68.
21. *La Rocca E.* Due Tombe dell'Esquilino//Dialoghi di Archeologia. 1974/5. V. 8.
22. *Voza G.* L'attività della Soprintendènza alle antichità della Sicilia Orientale//Kokalos. 1976/7. V. 22/3.
23. *Desborough V. R. d'A.* The Low-Footed Skyphoi with Pendent Semicircles//Arch. Anz. 1963. H. 2.
24. *Hanfmann G. M. A.* On Some Eastern Greek Vases Found at Tarsus//The Aegean and the Near East. Studies presented to Hetty Goldman. N. Y., 1956.
25. *Popham M. R., Sackett L. H.* Excavations at Lefkandi, Euboea 1964—1966. L., 1968.
26. *Lefkandi I.* The Iron Age. Text. L., 1980.
27. *Kearsley R. A.* The Pendent Semicircle Skyphoi. M. A. thesis. Sidney University, 1979.
28. *Descoedres J.-P., Kearsley R.* Greek Pottery at Veii: another look//BSA. 1983. V. 78.
29. *Karageorghis V. et al.* Excavations at Kition 4. The non-Cypriot Pottery. Nicosia, 1981.
30. *Boardman J.* The Islands//CAH. 1982. V. III, 1.
31. *Cambitoglou A., Green J. R.* Zagora I. Sydney, 1971.
32. *Snodgrass A. M.* The Dark Age of Greece. Edinburgh, 1971.
33. *Hamilton R. W.* Tell Abu Hawam//QDAP. 1935. V. IV.
34. *Robertson M.* The Excavations at Al Mina, Sueidia IV. The early Greek Vases// JHS. 1940. V. 60.
35. *Ploug G.* Sūkās II. The Aegean, Corinthian and Eastern Greek Pottery and Terrakottas. København, 1973.
36. *Saidah R.* Objets grecs d'époque géomètrique decouvérts récemment sur le littoral libanais (à Khaldé près de Beyrouth)//IX Congrès International d'archéologie classique//AAAS. 1971. V. 21.
37. *Bikai P. M.* The Pottery of Tyre. Warminster, 1978.
38. *Braidwood R.* Repport on Two Sondages on the Coast of Syria, South of Tartous// Syria. 1940. V. 21.
39. *Courbin P.* Rapport sur la 4-ème Campagne de fouille (1974) à Ras el Basit//AAAS. 1975. V 25.
40 *Bounni A., Lagarce E. et J., Saliby N.* Rapport préliminaire sur le deuxième Campagne de fouilles (1976) à Ibn Hani (Syrie)//Syria. 1978. V. 55.
41. *Heurtley W. A.* Note on Fragments of Two Thessalian Protogeometric Vases found at Tell Abu Hawam//QDAR. 1935. V. IV.
42. *Maisler B.* The Stratification of Tell Abu Hawam on the Bay of Acre//BASOR. 1951. № 124.
43. *Van Beek G. W.* The Date of Tell Abu Hawam, Stratum III//BASOR. 1955. № 138.
44. *Anati E.* Tell Abu Hawam//Encyclopedia of Archaeological Excavations in the Holy Land. V. I. L., 1975.
45. *Desborough V. R. d'A.* A Group of Vases from Amathus//JHS. 1957. V. 77.
46. *Desborough V. R. d'A.* Late Burials from Mycenae//BSA. 1973. V. 68.
47. *Popham M. R., Touloupa E., Sackett L. H.* Further Excavations of the Toumba Cemetery at Lefkandi, 1981//BSA. 1982. V. 77.
48. *Callipolotis-Feytmans D.* Tombes de Callithéa en Attique//BCH. 1963. V. 87.
49. *Albright W. F.* Northeast-Mediterranean Dark Ages and the Early Iron Age Art of Syria//The Aegean and the Near East. Studies Presented to Hetty Goldman. N. Y., 1956.
50. *Bikai P. M.* Tyre: Report of an excavation. Berkeley, 1976.
51. *Woolley L. C.* Excavations at Al Mina, Sueidia I—II//JHS. 1938. V. 58.
52. *Smith S.* The Greeks Trade at Al Mina//AJ. 1942. V. 22.
53. *Taylor du Plat J.* The Cypriot and Syrian Pottery from Al Mina, Syria//Iraq. 1959. V. 21.
54. *Gierstad E.* The Stratification at Al Mina (Syria) and its Chronological Evidence// Acta archaeologica. 1974. V. 45.
55. *Dickinson O. T. P. K.* Rev. on: Eretria. Fouilles et recherches. Ausgrabungen und Forschungen. VI. Berne, 1978//JHS. 1981. V 101.
56. *Hrouda B.* Tell Halaf IV. Die Kleinfunde aus historische Zeit. B., 1962.
57. *Сосомонов А. Ю.* Греческая колонизация Леванта: этнические и социокультурные контакты эпохи архаики//ВДИ. 1985. № 1.

58. *Garstang J.* Prehistoric Mersin. Yümük Tepe in the Southern Turkey. Oxford, 1953.
59. *Dikaios P.* A «Royal» Tomb at Salamis, Cyprus//Arch. Anz. 1963. H. 2.
60. *Coldstream J. N.* The Chronology of the Attic Geometric Vases//Arch. Anz. 1963. H. 2.
61. *Catling H. W. A* Pendent Semicircle Skyphos from Cyprus and Cypriot Imitations// Report of the Department of Antiquities, Cyprus. Nicosia, 1979.
62. *Karageorghis V.* Une Tombe de Guerrier à Palaepaphos//BCH. 1963. V 87.
63. *Karageorghis V., Kahil L.* Témoignage Eubéens à Chypre et Chypriotes à Eretrie// Antike Kunst. 1967. B. 10.
64. *Aupert P. et al.* Rapport sur les travaux de la mission de l'Ecole Française à Amathonte en 1977//BCH. 1978. V. 102.
65. *Gjerstad E. et al.* Greek Geometric and Archaic Pottery Found in Cyprus. Stockholm, 1977.
66. *Coldstream J. N.* Geometric Skyphoi in Cyprus//Report of the Deparment of Antiquities, Cyprus. Nicosia, 1979.
67. *Courbin P.* Une assiette cycladique à Ras el Basit//Archéologie au Levant. Recueil à la mèmoire de Roger Saidah. Lyon, 1982.
68. *Bing J. D.* Tarsus: a forgotten colony of Lindos//JNES. 1971. V 30. № 2.
69. *Goldman H.* Excavations at Gözlü Küle. Tarsus III: The Iron Age. Princeton, 1963.
70. *Graham A. J.* The Foundation of Thasos//BSA. 1978. V. 73.
71. *Popham M. R., Hatcher H., Pollard A. M.* Al Mina and Euboea//BSA. 1980. V 75.
72. *Popham M. R., Pollard A. M., Hatcher H.* Euboean Exports to Al Mina, Cyprus, and Crete: a Reassessment//BSA. 1983. V. 78.
73. *Coldstream J. N.* Gift Exchange in the Eighth Century B. C.//The Greek Renaissance of the Eight Century B. C.: Tradition and Innovation. Proceedings of the 3-nd International Symposium at the Swedish Institute in Athens. Stockholm, 1983.
74. *Fugmann E.* Hama IV: I. L'architecture des périodes préhellénistiques. København, 1958.
75. *Crowfoot J. W., Kenyon K. M.* Samaria-Sebaste III. L., 1957.
76. *Ridgway D.* The First Western Greeks: Campanian Coast and Southern Etruria//Archaeology into History I: Greeks, Celts and Romans. Studies in Venture and Resistance. New Jersey, 1973.
77. *Francis E. D., Vickers M.* Greek Geometric Pottery at Hama and its Implication for Near Eastern Chronology//Levant. 1985. V. XVII.
78. *Johnston A. W., Jones R. E.* The «SOS» Amphora//BSA. 1978. V 73.
79. *Boardman J.* Greek Potters at Al Mina?//An. St. 1959. V. IX.
80. *Descoeudres J.-P.* Euboeans in Australia//Eretria VI. Bern, 1978.
81. *Dunand M.* Fouilles de Byblos. V. II. P., 1958.
82. *Cook R. M.* Die Bedeutung der bemalten Keramik für den griechischen Handel// JDAI. 1959. B. 74.
83. *Courbin P.* Ras el Basit, Al Mina et Tell Sukas//Rev. Ar. 1974. № 1.
84. *Stucky R. A.* Ras Schamra-Leukos Limen. Die nach-ugaritische Besiedlung von Ras Schamra. P., 1983.
85. *Stucky R. A.* Tribune d'Echmoun: ein griechischer Reliefzyklus des 4. Jahrhunderts v. Chr. in Sidon. Basel, 1984.
86. *Gjerstad E.* A Cypro-Greek Royal Marriage in the 8th Century B. C.//Studies Presented in Memory of Porphyrios Dikaios. Nicosia, 1979.
87. *Desborough V. R. d'A.* A Postscript to an Appendix//Studies Presented in Memory of Porphyrios Dikaios. Nicosia, 1979.
88. *Stubbings F. H.* Mycenaean Pottery from the Levant. Cambridge, 1951.
89. *Hankey V.* Mycenaean Pottery from the Middle East: notes on finds since 1951// BSA. 1967. V. 62.
90. *Courtois J.-C.* Sur divers groupes de vases mycéniens en Méditerranée orientale// The Mycenaeans in the Eastern Mediterranean. Nicosia, 1973.
91. *French E. B.* A Reassessment of the Mycenaean Pottery at Tarsus//An. St. 1975. V. 25.
92. *Nicolaou K.* The Mycenaeans in the East//Studies in the History and Archaeology of Jordan I. Amman, 1982.
93. *Hankey V* Pottery and People of Mycenaean IIIC Period in the Levant//Archéologie au Levant. Recueil à la mémoire de Roger Saidah. Lyon, 1982.
94. *Immerwahr S. A.* Mycenaean trade and colonisation//Archaeology. 1960. V. 13.
95. *Desborough V. R. d'A.* The Greek Dark Ages. L., 1972.
96. *Polanyi K.* Ports of Trade in Early Societies//Primitive, Archaic and Modern Societies. Essays of Karl Polanyi. N. P., 1968.
97. *Revere R. B.* No Man's Coast. Ports of trade in the Eastern Mediterranean//Trade and Market in Early Empires/Eds Polanyi K., Arensberg C. M., Pearson H. W. Glencoe, 1957.
98. *Starr Ch. G.* The Economic and Social Growth of Early Greece. 800—500 B. C. N. Y., 1977.
99. *Snodgrass A. M.* Archaic Greece. The Age of Experiment. L., 1980.
100. Гидрология Средиземного моря. Л.: Гидрометеоиздат, 1976.
101. *Гомер.* Одиссея/Пер. Жуковского В. М., 1967.
102. *Balensi J., Herrera M. D.* Tell About Hawam 1983—1984, Rapport préliminaire//Revue Biblique. 1985. V. 92.
103. *Balensi J.* Revising Tell Abu Hawam//BASOR. 1985. № 257.

104. *Herrera M. D., Balensi J.* More about the Greek Geometric Pottery at Tell Abu Hawam//Levant. 1986. V. 18.
105. *Kearsley R. A.* The Redating of Tell Abu Hawam III and the Greek Pendant Semicircle Skyphos//BASOR. 1986. № 263.

A. Y. Sogomonov

THE SUB-PROTO-GEOMETRIC POTTERY FROM EAST (TYPOLOGY, CHRONOLOGY AND CONTROVERSIAL PROBLEMS)

Summary

Two types, skythoi and plates with overhanging rims, represent the sub-proto-geometric pottery in eastern Mediterranean. Towards the end of the «dark ages» these types had gained popularity outside the Aegean region. The skythos appeared on Cyprus in the latter half of the 9th century B. C. and in the Levant late in the same century. The pottery of this type is mainly dated to the middle and second half of the 8th century B. C. While bearing witness to the ties which predated Greek colonisation, the pottery coincided with the first Greek westward and eastward colonisation. The finds of these ceramics in the East speak about the Greek presence in Middle Eastern centres rather than of trade ties. The central Euboean poleis (Lefkandi, Eretria and Chalcis) and, possibly, their Cycladic partners produced the middle Geometric pottery. The same population groups exported the Attic middle Geometric pottery to the East and «presented» it to local rulers. The hydrological factor was probably responsible for the absence of the early Greek ceramics on the southern coast of Asia Minor; in Egypt lack of this pottery can be explained by the fact that the country did not admit Greeks.

М. И. ГОНЯНЫЙ, Н. А. КРЕНКЕ

СТРУКТУРА РАССЕЛЕНИЯ ДЬЯКОВЦЕВ В БАССЕЙНЕ р. ПАХРЫ

До сих пор специалистами по дьяковской культуре структура расселения дьяковцев специально не исследовалась, хотя структура и динамика расселения являются важнейшими характеристиками при реконструкции хозяйственного уклада и социальной структуры древних обществ. В этом — значимость данной темы.

До недавнего времени в Подмосковье были слабо изучены неукрепленные дьяковские поселения. Еще в начале 70-х годов казалось вполне вероятным [1, с. 79], что дьяковцы, по преимуществу скотоводы, жили в укрепленных городищах и лишь в середине I тыс. н. э. у них в связи с распространением земледелия изменилась структура расселения: население перешло с городищ на селища. Эта концепция подвергалась критике в работах И. Г. Розенфельдт и Р. Л. Розенфельдта [2, с. 191; 3, с. 8], которые отметили, что резкого изменения в структуре расселения в середине I тыс. н. э. не происходило. Данное утверждение опиралось на результаты раскопок Жуковского селеща А. Г. Векслером [4] и открытие других ранне- и позднедьяковских селищ.

Интенсивные целенаправленные разведки, проведенные авторами в среднем течении р. Пахры [5—7] — в регионе, где уже ранее проводились значительные разведки и раскопки [8—13], позволяют на качественно новом уровне проанализировать структуру расселения дьяковцев.

Памятники начального этапа дьяковской культуры (до V в. до н. э.). К памятникам начального этапа дьяковской культуры, древнее V в. до н. э., мы относим поселения, содержащие сетчатую и гладкостенную керамику, орнаментированную гребенчатым штампом. О том, что керамика с гребенчатым штампом не производилась после V в. до н. э., свидетельствует факт её отсутствия в керамических комплексах городища Кузнечики, нижнего слоя городища Боршева, нижнего слоя городища Дьяково. Возникновение городища Кузнечики по наличию ранних типов стрел А. Ф. Дубынин относил ко второй четверти — середине I тыс. до н. э. [8, с. 164]. Нижний слой городища Боршева датируется V—IV вв. до н. э. рядом предметов скифского круга [14, с. 8; 15]. Для нижнего слоя Дьякова городища имеется серия радиоуглеродных дат V—III вв. до н. э., а также здесь найдены датирующие предметы того же возраста [16, с. 25—28].

В бассейне Пахры обнаружено четыре памятника с керамикой, орнаментированной гребенчатым штампом. Это городища у поселков Володарка, Щербинское, поселения Дубровицы II и Беляево (рис. 1, *1*, *7*, *13*, *14*). Указанные памятники расположены в сходных топографических условиях, в непосредственной близости от р. Пахры, на коренных берегах или останцах на высоте 10—20 м над водой. Неизвестно, имели ли эти поселения укрепления. Размеры поселений, существовавших в период производства керамики с гребенчатым штампом на месте Щербинского и Володарского городищ, не могут быть с точностью установлены. Поэтому неясно, превосходили они по площади поселение Дубровицы II или нет. Так как в Дубровицах даже при небольших раскопках было найдено довольно значительное количество керамики с гребенчатым штампом (рис. 2, *5*), то можно предположить, что поселение функционировало интенсивно и мало чем уступало Щербинскому городищу на начальном этапе его существования. Этого нельзя сказать про поселе-

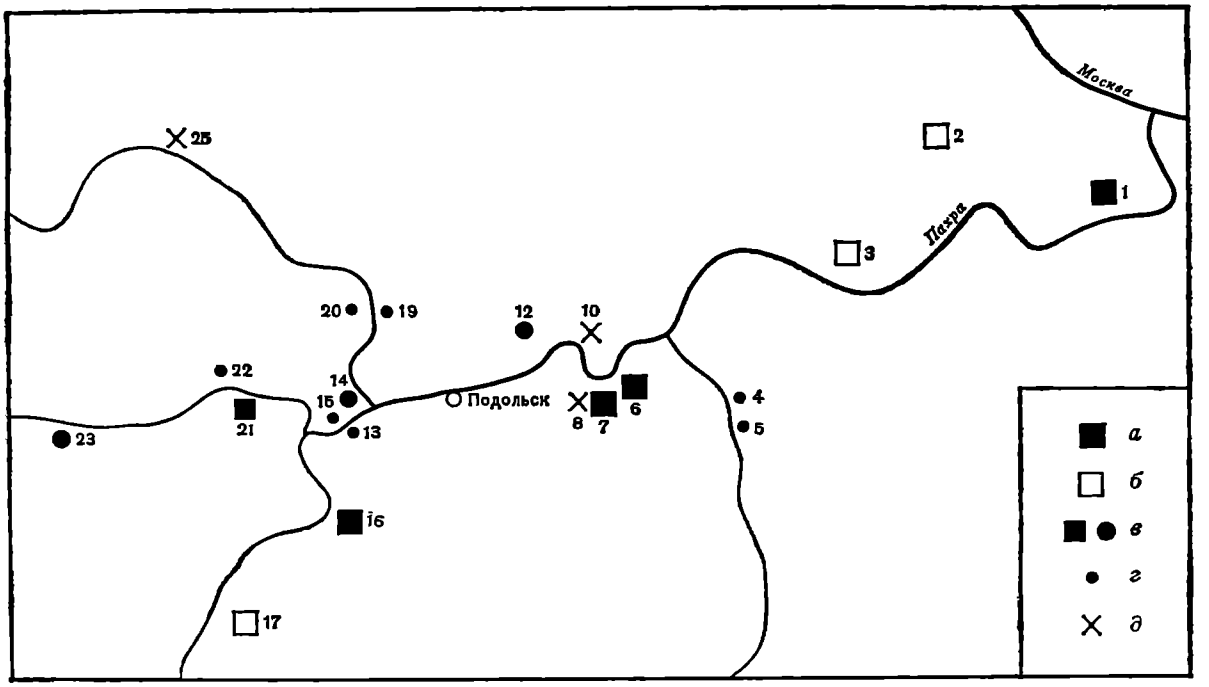


Рис. 1. Раннедьяковские памятники в бассейне р. Пахры. *а* — крупные городища (площадью более 1000 м²); *б* — городища, размер которых в раннедьяковское время неясен; *в* — укрепленные и неукрепленные поселения средних размеров (площадью 500—1000 м²); *г* — мелкие селища; *д* — единичные находки. *1* — Володарка; *2* — Коробово; *3* — Сьяново; *4* — Домодедово; *5* — Константиновское; *6* — Борисоглебское; *7* — Щербинское; *8* — селище Конопелка I; *10* — селище Бяконтово; *12* — Борисово; *13* — Беляево; *14* — Дубровицы II; *15* — Дубровицы III; *16* — Кузнечики; *17* — Роднево; *19* — Рыбино; *20* — Студенцы; *21* — Луковня 2; *22* — Луковня 1; *23* — Красное; *25* — местонахождение у пос. Десна

ние Беляево, очень небольшое по размерам (таблица) и бедное находками.

Как видно из приведенных данных, недостаток источников не позволяет в деталях реконструировать систему расселения в бассейне Пахры в период зарождения дьяковской культуры, однако некоторые важные выводы могут быть сделаны с достаточной долей надежности. Памятники типа Щербинского городища, Дубровицы II, Володарского городища являлись наиболее крупными структурными единицами в системе поселений того времени. Они сравнительно редко и равномерно располагались вдоль течения р. Пахры, с интервалом в 10—20 км, и, вероятно, являлись крупными базовыми поселениями, к которым тяготели более мелкие, типа Беляево, т. е. наблюдается двухуровневая структура расселения. Небольшое количество памятников начального этапа дьяковской культуры свидетельствует о сравнительно низкой плотности населения; данных о заселении на данном этапе притоков Пахры нет.

Памятники раннедьяковского времени (V в. до н. э. — рубеж эр). К памятникам раннедьяковского времени относятся поселения, где была найдена текстильная (сетчатая) непрофилированная керамика, более поздняя, чем керамика с гребенчатой орнаментацией. Данная в подзаголовке верхняя дата является ориентировочной, так как определение времени исчезновения сетчатой керамики на москворецких памятниках требует специального исследования. Здесь лишь отметим, что данные, полученные при раскопках в 1962 г. Михайловского городища на Озерне и Дьякова городища в 1981—1984 гг., как будто свидетельствуют о том, что сетчатая керамика на дьяковских памятниках бассейна р. Москвы резко исчезает примерно на рубеже эр.[1]

[1] Сетчатая непрофилированная керамика отсутствует в верхнем слое Дьякова городища, начало отложения которого, судя по радиуглеродным датировкам, нужно относить ко II—I вв. до н. э. В материалах Михайловского городища хорошо представлена эпоха рубежа эр — первых веков н. э. Здесь найдены железная подвязная фибула верхнеднепровской серии, возраст которой вряд ли может быть моложе I в. н. э. [17, с. 58], а также грузики соответствующего возраста [18, с. 90—97]. Сетчатая керамика состав-

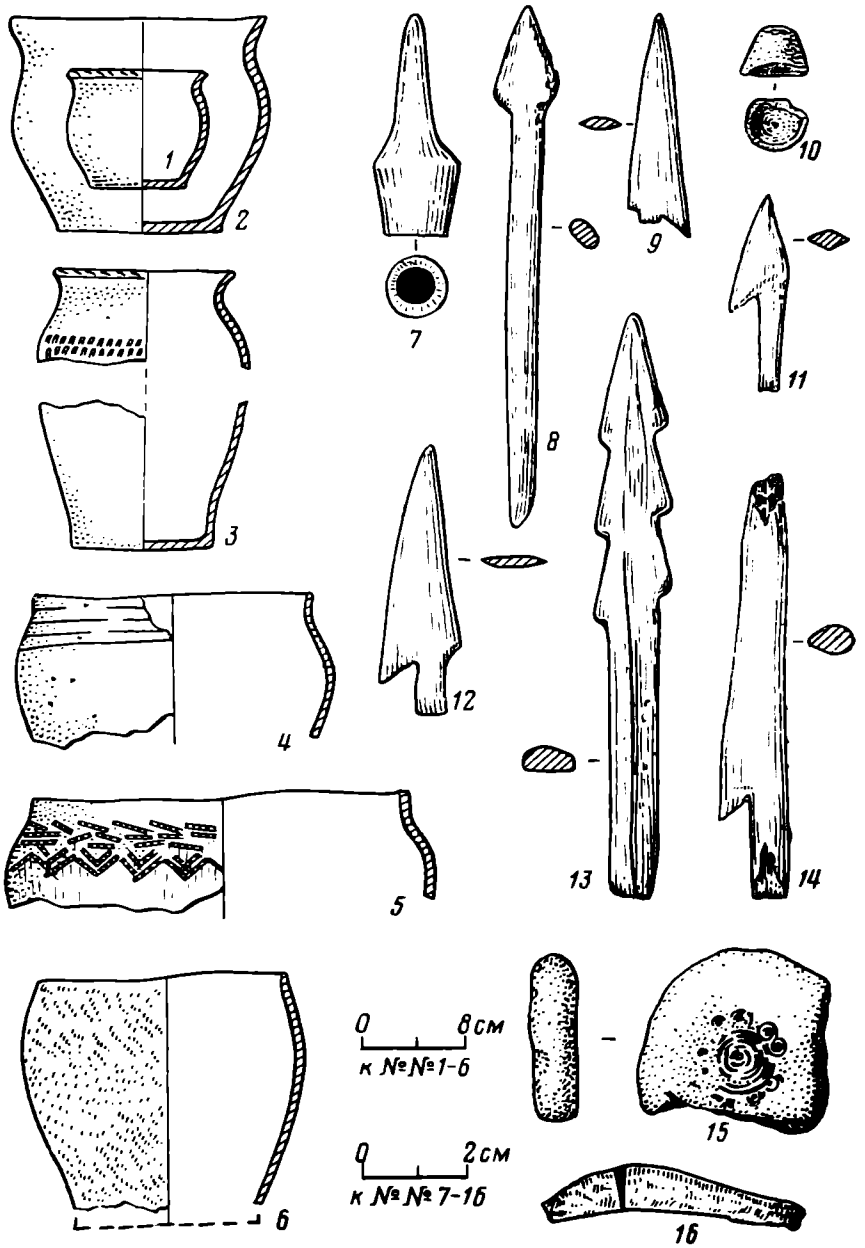


Рис. 2. Новые находки на дьяковских поселениях в бассейне р. Пахры. *1—3* — селище Бяконтово; *4, 5, 7, 8, 10, 11, 13—16* — селище Дубровицы II; *6* — селище Красное; *9* — городище у пос. Володарка; *12* — городище Борисоглебское; *1—6, 10, 15* — глина; *7—9, 11—14* — кость; *16* — железо

В бассейне р. Пахры выявлено 20 памятников и местонахождений с непрофилированной текстильной керамикой (рис. 1). Их можно классифицировать следующим образом.

1. Крупные городища, площадью более 1000 м², с культурным слоем, интенсивно насыщенным сетчатой керамикой и находками, — у поселков Володарка, Борисоглебское, Сьяновское, Щербинское, Кузнечики.

2. Мысовые поселения средних размеров, неукрепленные или укрепленные валами. Их площадь — в пределах 500—1000 м², культурный слой или совсем небольшой мощности (городище Луковня 2), или сравнительно мощный, насыщенный находками (поселения Дубровицы II, Борисово, Красное).

3. Небольшие неукрепленные поселения, расположенные на открытых участках в пойме, на коренных берегах рек (Беляево, Дубровицы III, Рыбино, Студенцы, Константиново). Особенность их в том, что они не

ляет в комплексе керамики Михайловского городища всего 0,8%. Эти 30 фрагментов сетчатой керамики, вероятнее всего, происходят от существовавшего на месте Михайловского городища небольшого поселения I тыс. до н. э.

Данные о дьяковских поселениях в бассейне р. Пахры

Название памятника	Площадь поселения, м²	Размер раскопов, м²	Керамика с гребенчатым штампом	Текстильная керамика	Позднедьяковская керамика и инвентарь
Городище Володарка	2400	160	+	+	+
Городище Коробово	1000	1	—	+	+
Городище Сьяново	3000	пм *	—	+	+
Селище Домодедово		пм	—	+	?
Селище Константиновский	200	пм	—	+	?
Городище Борисоглебское	1400	27,5	—	+	+
Городище Щербинка	1700	1584	+	+	+
Селище Конопелка I	Менее 2000	пм	—	1 фр.	122 фр.
Селище Стрелково I	Менее 1000	пм	—	—	+
Селище Бяконтово		4	—	2 фр.	255 фр.
Селище Стрелково II		пм	—	—	+
Селище Борисово	500—900	1	—	60 фр.	—
Селище Беляево	600	пм	+	+	+
Селище Дубровицы II	800—1000	20	+	+	—
Селище Дубровицы III	500—1000	пм	—	+	—
Городище Кузнечики	1300	1200	—	+	+
Городище Роднево	1200	0,5	—	?	+
Селище Кутьино	Менее 1000	пм	—	—	+
Селище Рыбино	Менее 800	4	—	+	—
Селище Студенцы	Менее 800	4	—	+	—
Городище Луковня 1	1200	1050	—	+	+
Городище Луковня 2	400	8	—	+	?
Селище Красное	500—700	2	—	90 фр.	50 фр.
Поливаново		пм	—	—	+
Десна		Раскопки	—	+	—

Примечание. пм — подъемный материал.

* Сбор подъемного материала.

имеют четких естественных границ (оврагов и т. п.) Точную площадь этих поселений определить трудно, так как все известные нам памятники такого типа долгое время распахивались, однако ясно, что она была небольшой, так же как и мощность культурного слоя. В ряде случаев или из-за недостаточности исследований (городища Роднево, Коробово), или из-за интенсивной строительной деятельности в позднедьяковское время (городище Луковня 1) оказалось затруднительным определить, к какой из трех групп относится поселение.

4. Местонахождения единичных фрагментов сетчатой керамики при отсутствии культурного слоя соответствующего времени (Десна, Бяконтово, Конопелка I).

Если первая группа памятников хорошо изучена и описана в многочисленных публикациях, то три остальные категории памятников до сих пор почти не исследовались и требуют детального рассмотрения.

Городище Луковня 2 расположено на мысу коренного берега, имеет два вала с напольной стороны, размер площадки — около 400 м². Проведенные в 1985 г. небольшие раскопки позволили установить, что внутренний вал был насыпан в период бытования сетчатой керамики, так как в большом количестве ее содержал культурный слой, заходивший под насыпь вала и перекрывавший ее. Внешний вал был насыпан на дерново-подзолистой лесной почве (определение А. Л. Александровского, Институт географии АН СССР), вероятно, одновременно с внутренним. Толщина культурного слоя на площадке не превышает 10—20 см.

Мысовые поселения Борисово, Дубровицы II, Красное сходны с городищем Луковня 2 по своим топографическим и размерным характеристикам, однако не имеют в настоящее время валов с напольной стороны. Возможно, в древности валы существовали, так как во всех трех случаях места, где могли располагаться валы, подверглись перепланировке в результате позднейшей хозяйственно-строительной деятельности. Толщина культурного слоя на площадках поселений Борисово и Дуброви-

цы II достигает 0,6 м. На площадке поселения у с. Красное культурного слоя почти нет, но на склонах его мощность достигает 1,4 м, причем нижний горизонт культурного слоя сохранился в неперемешанном виде и содержит развалы слабопрофилированных текстильных сосудов (рис. 2, *6*). Подобная керамика преобладает и в керамических комплексах поселений Дубровицы II и Борисово. Сосуды аналогичной формы хорошо известны по нижним слоям городищ Кузнечики, Щербинское, Дьяково и Боршева. На двух последних они надежно датируются V—III вв. до н. э. Необходимо отметить, что на поселениях Борисово и Дубровицы II материалы позднедьяковского времени не зафиксированы. Поселение Красное функционировало и в позднедьяковское время, но, вероятно, менее интенсивно, чем в раннедьяковское, о чем свидетельствует состав керамического комплекса (таблица).

Поселения третьей группы расположены в самых различных топографических условиях. Их высота над уровнем воды колеблется от нескольких (Дубровицы III) до двух десятков метров (Студенцы). Все эти поселения, за исключением селища у пос. Константиновский, перекрыты слоями древнерусских селищ домонгольского времени. Текстильная керамика при сборах подъемного материала на поселениях третьей группы локализовалась на участках очень ограниченных размеров: 10×20 м (Константиновский), 20×40 (Рыбино), 20×30 (Беляево), 30×30 м (Дубровицы III). В шурфах, заложенных на ряде поселений этого типа, процент текстильной керамики повышался в предматериковом пласте, т. е. многолетняя распашка не до конца уничтожила стратиграфическую последовательность керамических комплексов.

К местонахождениям единичных фрагментов текстильной керамики нами отнесены пункты Бяконтово, Конопелка I, где при больших сборах подъемного позднедьяковского и средневекового керамического материала было найдено всего лишь один-два текстильных черепка. В двух курганах у древнерусского поселения близ пос. Десна на уровне погребенной почвы было найдено несколько фрагментов текстильной керамики, причем следов дьяковского культурного слоя не было обнаружено ни А. К. Станюковичем при раскопке курганов [19, с. 47], ни нами при повторном обследовании.

Реконструкция структуры расселения в раннедьяковское время требует выяснения, существовали ли выявленные поселения с текстильной керамикой одновременно. По этому поводу могут быть высказаны следующие соображения. Во-первых, поселения, отнесенные нами к первой и второй группам, имеют мощные слои раннедьяковского времени, интенсивно насыщенные находками. Это дает основание предположить, что они существовали в течение длительного времени и, следовательно, по крайней мере в какой-то период, функционировали одновременно. Одновременность ранних слоев городищ Щербинское, Кузнечики, Борисоглебское, у пос. Володарка, поселений Дубровицы II, Красное подтверждается обнаруженными на них комплексами керамики и находок. Из новых находок, важных для синхронизации памятников, упомянем стрелы с одним шипом и скосом на противолежащей стороне, найденные на городищах Борисоглебское, Володарское, Дубровицы II (рис. 2, *9*, *11*, *12*). Такие же стрелы были найдены на Щербинском городище и городище Кузнечики [8, рис. 4; 9, табл. II]. Исследователи единодушно датируют эти стрелы V — IV или IV в. до н. э. [1, с. 32; 9, с. 222; 14, с. 79]. Сложнее обстоит дело с синхронизацией поселений третьей группы, на которых не проводилось раскопок и было найдено лишь незначительное количество текстильной керамики, представленной преимущественно стенками сосудов. Если исходить из предположения, что многие крупные и средние поселения с мощным культурным слоем существовали в течение всего или почти всего раннедьяковского периода, то, следовательно, мелкие поселения третьей группы существовали совместно с ними. При этом невозможно доказать, что все выявленные мелкие поселения существовали синхронно. Однако количественное соотношение между числом зафиксированных поселений трех групп, вероятной, приближается к коли-

чественному соотношению между поселениями этих групп, существовавшими в древности одновременно. Это предположение основывается на том, что возможная неодновременность мелких поселений компенсируется, вероятно, значительным количеством поселений этого класса, еще не выявленных или уничтоженных позднейшей хозяйственной деятельностью. По поводу дьяковских мелких поселений необходимо заметить, что незначительность культурного слоя на них еще не говорит об их кратковременности или сезонности, так как в современных деревнях, существующих, как правило, не менее 300 лет, культурный слой также очень незначительный.

Учитывая вышеизложенные данные, на наш взгляд, можно сделать следующие замечания о поселенческой структуре раннедьяковского времени: 1) плотность населения в регионе значительно увеличилась по сравнению с начальным периодом сложения дьяковской культуры; 2) появляются новые памятники разных классов; 3) население по-прежнему тяготеет к долине р. Пахры, но осваиваются и ее притоки на довольно значительной протяженности; 4) система расселения имела двух- или трехуровневую структуру (колебание в установлении количества уровней определяется тем, что неясно, насколько реальны функциональные различия между поселениями первой и второй групп); 5) маленькие поселения или остатки таких поселений (о последних свидетельствуют единичные находки керамики) чаще всего обнаруживались вблизи более крупных поселений и, вероятно, образовывали с ними единый хозяйственный организм.

Относительно функциональной интерпретации раннедьяковских поселений можно предположить следующее. Два комплекса данных свидетельствуют о том, что раннедьяковские поселения оставлены земледельческим населением. Во-первых, карпологический анализ образцов из нижнего слоя Дьякова городища, проведенный Н. А. Кирьяновой (Институт археологии АН СССР), показал, что в период отложения этого слоя, в раннедьяковское время, дьяковцы уже возделывали зерновые культуры (ячмень, пшеницу, просо). Во-вторых, само расположение раннедьяковских памятников — показатель того, что это скорее поселения земледельцев-скотоводов, нежели преимущественно скотоводов. Памятники расположены очень плотно и приурочены к одному и тому же пойменному ландшафту, т. е. маловероятна сезонная миграция. Сравнение расположения в среднем течении р. Пахры раннедьяковских и древнерусских памятников XI — XIII вв. (рис. 3, *II*), земледельческий характер которых вряд ли может оспариваться, показывает, что древнерусские селища концентрируются в долине Пахры примерно с той же плотностью, что и раннедьяковские. Различий в топографической приуроченности древнерусских и дьяковских памятников не наблюдается, часто прослеживалось перекрытие раннедьяковского слоя славянским. Отсюда предположение о наличии сходства в хозяйственной направленности тех и других поселений не выглядит безосновательным [2].

Памятники позднедьяковского времени и первая волна славянской колонизации (рубеж эр — X в.). К позднедьяковским относятся памятники, где была найдена гладкостенная профилированная или лощеная керамика, а также вещи первой — третьей четверти I тыс. н. э. Таких памятников в изучаемом районе обнаружено 16 (рис. 3, *I*). Среди них крупные городища: Луковня 1, Володарка, Коробово, Сьяновское, Борисоглебское, Щербинское, Кузнечики, Роднево; на некоторых из них проводились значительные раскопки. Известны также небольшие селища и

---

[2] Система славянского расселения в целом сильно отличается от дьяковской. У славян наблюдается другое количественное соотношение городищ и селищ, гораздо выше плотность заселения притоков Пахры, наиболее крупный древнерусский центр в регионе — Перемышль-Московский — расположен на р. Моча. Эти различия, вероятно, в значительной степени обусловлены различиями социальной структуры дьяковцев и славян. Здесь же мы обращаем внимание на сходство в плотности заселения и топографической приуроченности дьяковских и славянских поселений именно в долине среднего течения р. Пахры.

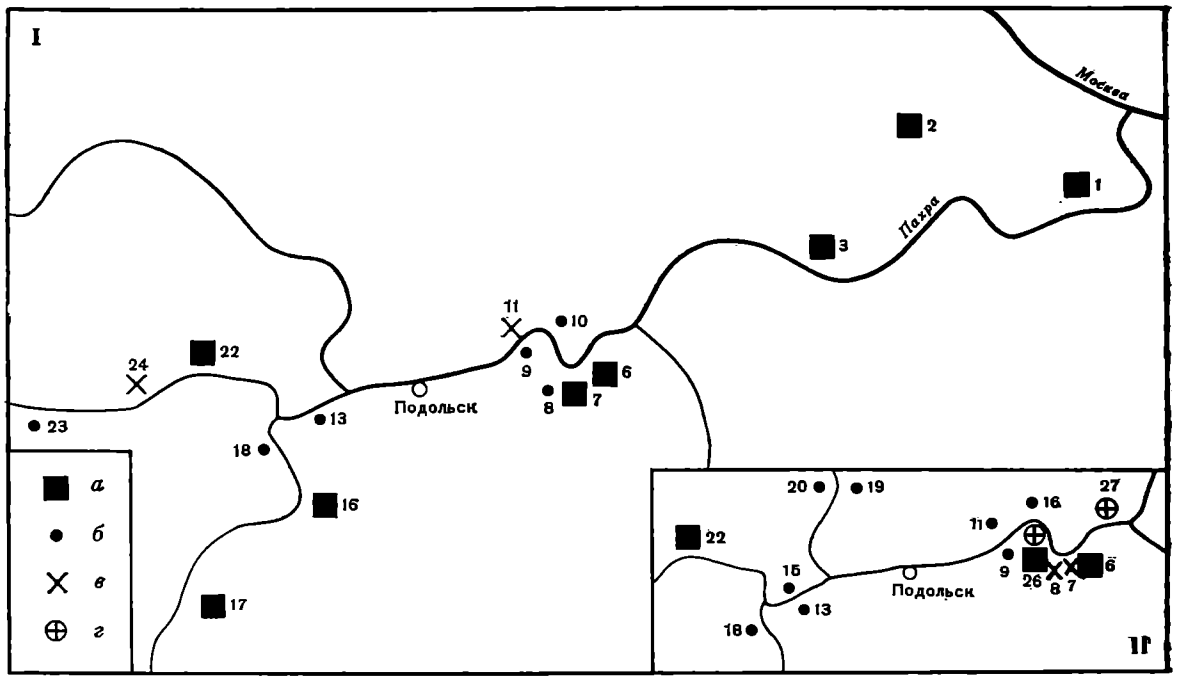


Рис. 3. Позднедьяковские и древнерусские памятники в бассейне р. Пахры. *I* — позднедьяковские памятники; *II* — древнерусские поселения X—XIII вв. *а* — городища; *б* — селища; *в* — единичные находки; *г* — поселения со славянской лепной керамикой. *1* — Володарка; *2* — Коробово; *3* — Сьяново; *6* — Борисоглебское; *7* — Щербинское; *8* — Конопелка I; *9* — Стрелково I; *10* — Бяконтово; *11* — селище Стрелково II; *13* — Беляево; *15* — Дубровицы III; *16* — Кузнечики; *17* — Роднево; *18* — Кутьино; *19* — Рыбино; *20* — Студенцы; *22* — Луковня 1; *23* — Красное; *24* — местонахождение Поливаново; *26* — селище и городище Покров; *27* — Макарово

местонахождения: Стрелково I, Стрелково II, Бяконтово, Конопелка I, Беляево, Кутьино, Поливаново. Селища располагались на высоком коренном берегу или на повышениях в пойме. Все перечисленные позднедьяковские селища плохо сохранились. Об их размерах трудно судить, так как керамику, вероятно, сильно растащило при распашке. Ясно лишь, что площадь большинства перечисленных селищ не превышала 1000 м². Памятники Стрелково II, Бяконтово, Кутьино сохранились фрагментарно. Селище Бяконтово, расположенное на высоком берегу Пахры, интенсивно распахивается, дьяковской керамики на пашне нет. Лишь в одном месте, на самом краю коренного берега, было обнаружено пятно гумусированного слоя размером 1 м². Заложенный на этом месте шурф показал, что слой сохранился благодаря древней западине, или яме, в которой были найдены развалы трех сосудов (рис. 2, *1*—*3*). По углю из ямы была получена радиоуглеродная дата 1810±50 лет (ГИН-4569), т. е. конец I — начало II в. н. э. Позднедьяковская керамика на селище Стрелково II была зафиксирована лишь под насыпями древнерусских курганов. Вне курганов дьяковская керамика не найдена. Видимо, памятник был полностью разрушен древнерусским поселением, курганами и позднейшей распашкой. Интересно отметить, что анализ почвенного профиля под насыпями курганов показал, что часть из них насыпана на пашне, возможно, позднедьяковского времени.

При определении степени синхронности позднедьяковских памятников может быть использована та же логика, которая применялась нами для раннедьяковских памятников. Крупные городища с мощным позднедьяковским культурным слоем, очевидно, существовали длительное время и, следовательно, на значительных временных отрезках синхронно. Одновременность селищ между собой не может быть строго доказана, однако то, что они существовали совместно с городищами, доказывается сходством керамики и вытекает из предположения о том, что городища функционировали весь позднедьяковский период. Во всяком случае, никаких данных об асинхронности селищ и городищ у нас нет.

Сравнение структур расселения ранне- и позднедьяковского времени

в бассейне Пахры показывает, что тип структуры оставался одинаковым, хотя есть данные, свидетельствующие о том, что непосредственной преемственности между этими структурами могло и не быть. Так, большое количество раннедьяковских памятников в позднедьяковское время уже не функционирует (Луковня 2, Борисово, Студенцы, Рыбино и др.). В позднедьяковское время возникает новый крупный центр — городище Луковня 1. На новых местах возникают и некоторые мелкие поселения (Конопелка I, Бяконтово, Стрелково I, Стрелково II). Таким образом, около рубежа эр происходят какие-то события, вызвавшие запустение ряда поселений и основание новых. Это хорошо согласуется с представлением о том, что именно в первые века н. э. в Подмосковье продвигаются племена балтов [2, с. 197; 20]. В соотношении количества селищ и городищ, а также в их взаиморасположении не происходит существенных изменений. Обследование одного из наиболее доступных для разведок участков долины р. Пахры возле Щербинского городища показало, что позднедьяковские поселения располагались очень плотно. Несомненно, вся площадь поймы и прилегающих террас была хозяйственно освоена. О земледельческом характере этого хозяйства свидетельствует сама структура расселения (часто расположенные крупные стационарные поселения, между которыми находились более мелкие). О развитом земледелии у поздних дьяковцев свидетельствуют результаты палинологических и карпологических исследований образцов из позднедьяковского слоя Дьякова городища [21, 22].

Наиболее ранняя волна славянской колонизации в бассейне Пахры представлена поселениями с исключительно лепной керамикой. Датировка этих поселений X — XI вв. весьма вероятна [23, с. 99]. Изменение этой даты возможно лишь в сторону ее удревнения. Лепная славянская керамика была найдена в двух пунктах: в с. Покров и у д. Макарово (рис. 3, *11*). Последний пункт был выявлен разведками 1985 г. Эта керамика по своей профилировке, орнаментации, технологическим признакам легко отличается от дьяковской. Довольно большие раскопки, проведенные в 1981 и 1985 гг. А. К. Станюковичем и А. А. Юшко на поселении Покров, позволили установить, что никаких следов славяно-дьяковских контактов не наблюдается[3]. В значительной керамической коллекции, собранной на этом поселении, не было найдено ни одного дьяковского черепка, нет и следов дьяковских влияний на покровскую керамику. Это представляется вполне закономерным. Как уже отмечалось, район вблизи Щербинского городища был настолько плотно заселен в позднедьяковское время, что невозможно представить, чтобы здесь могли разместиться сходные по типу хозяйства дьяковские и славянские поселения. Функционирование позднедьяковских Щербинского и Борисоглебского городищ в окружении славянских поселений нереально, т. е. можно с большой долей вероятности утверждать, что система славянских поселений X — XI вв. с лепной керамикой хронологически не пересекается с позднедьяковскими памятниками, которые исчезают раньше. После обнаружения поселений Покров и Макарово совершенно в ином свете, чем представлялось ранее, выглядят единичные находки привозных вещей X — XI вв. (в том числе серебряной подвески с головой быка) на Щербинском городище. Связь этих находок с населением, жившим на поселениях Покров и Макарово, расположенных в 1,5-2 км от Щербинского городища, кажется весьма вероятной. Поэтому данные находки ни в коем случае не могут быть использованы в качестве аргумента в пользу продления интервала существования дьяковской культуры до X в. [2, с. 189, 190].

Выводы. 1. Первые редкие дьяковские поселения появляются в бассейне р. Пахры ранее V в. до н. э. В V — III вв. до н. э. количество дьяковских памятников в исследованном регионе резко увеличивается.

---

[3] Авторы приносят благодарность А. А. Юшко и А. К. Станюковичу за любезно предоставленную возможность ознакомиться с неопубликованными материалами раскопок поселения Покров.

2. Выявленная структура ранне- и позднедьяковских поселений в бассейне Пахры хорошо согласуется с палинологическими и карпологическими данными о существенной роли земледелия у дьяковцев, что подтверждается и сходством топографического расположения древнерусских и дьяковских поселений.

3. Следов контактов дьяковцев и славян в бассейне р. Пахры, несмотря на обнаружение наиболее ранних для Подмосковья славянских памятников, пока не прослеживается.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Смирнов К. А.* Дьяковская культура//Дьяковская культура. М.: Наука, 1974.
2. *Розенфельдт И. Г.* Керамика дьяковской культуры//Дьяковская культура. М.: Наука, 1974.
3. *Розенфельдт Р. Л.* Древнейшие города Подмосковья и процесс их возникновения //Русский город. М.: Изд-во МГУ, 1976.
4. *Векслер А. Г.* Позднедьяковские находки на Жуковском селище под Москвой// Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978.
5. *Гоняный М. И., Станюкович А. К.* Новые памятники Подмосковья//АО-1981. М., 1983.
6. *Гоняный М. И.* Разведочные работы в Южном Подмосковье//АО-1982. М., 1984.
7. *Кренке Н. А.* Отчет о раскопках на территории Государственного музея-заповедника «Коломенское» и разведках в Подольском и Истринском р-нах Московской обл. в 1985 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1. № 11073.
8. *Дубынин А. Ф.* Городище Кузнечики в Подмосковье//СА. 1970. № 1.
9. *Дубынин А. Ф.* Щербинское городище//Дьяковская культура. М.: Наука, 1974.
10. *Векслер А. Г* Раскопки Луковнинского городища в Подмосковье//АО-1982. М., 1984.
11. *Розенфельдт Р. Л.* Разведки и раскопки дьяковских городищ в Подмосковье в 1960—1963 гг.//КСИА. 1964. Вып. 102.
12. *Розенфельдт Р. Л.* Новые находки на городищах железного века у г. Подольска// СА. 1972. № 2.
13. *Трубникова Н. В.* Городище у пос. Володарка под Москвой//Экспедиции Государственного Исторического музея. М., 1969.
14. *Крис Х. И., Чернай И. Л.* Городища дьякова типа Боршева и Селецкое//КСИА. 1980. Вып. 162.
15. *Крис Х. И., Чернай И. Л., Данильченко В. П.* О раннем периоде дьяковских городищ//Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984.
16. *Кренке Н. А.* Раскопки Дьякова городища в 1981 г.//КСИА. 1984. Вып. 178.
17. *Амброз А. К.* Фибулы юга европейской части СССР//САИ. 1966. Вып. Д1-30.
18. *Смирнов К. А.* Новые городища дьякова типа в бассейне Москвы-реки//КСИА. 1964. Вып. 102.
19. *Станюкович А. К., Кулешов Ю. Г* Отчет о комплексных археолого-геофизических исследованиях на территории Ленинского р-на Московской обл. 1978 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1. № 7298.
20. *Седов В. В.* Балтская гидронимика Волго-Окского междуречья//Древнее поселение в Подмосковье. М.: Наука, 1971.
21. *Гунова В. С., Кренке Н. А.* Археолого-палеогеографические исследования в среднем течении Москва-реки//Вестн. МГУ. Сер. 5. География. 1985. № 1.
22. *Кирьянова Н. А.* Определение зерен из раскопок Дьякова городища 1983 г.//*Кренке Н. А.* Отчет об археологических раскопках на территории музея-заповедника «Коломенское» в 1983 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1. № 9804.
23. *Станюкович А. К.* Ранние этапы славянского заселения Подмосковья//Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М.: Наука, 1985.

M. I. Gonyany, N. A. Krenke

THE SETTLEMENT PATTERN OF THE DYAKOVO POPULATION ACCORDING TO THE SITES IN THE PAKHRA BASIN

Summary

The topography, sizes and locations of the settlements show that in the middle of the first millennium B. C. the settlement pattern in the region consisted of large, medium and small settlements concentrated in the Pakhra valley. This pattern persisted throughout the entire Dyakovo period. High population density in the early and later Dyakovo settlements and finds of seeds of cultivated plants indicate that the Dyakovo population tilled land and bred cattle. There are no traces of contacts between the Dyakovo population and the Slavs in the settlements dated to the initial stages of Slavic colonisation of the south of Moscow Region. It seems that the Dyakovo settlements suddenly disappeared prior to Slavic colonisation.

К. К. МАРЧЕНКО, В. Г. ЖИТНИКОВ, Э. В. ЯКОВЕНКО

ЕЛИЗАВЕТОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ — ГРЕКО-ВАРВАРСКОЕ ТОРЖИЩЕ В ДЕЛЬТЕ ДОНА

В скифский период Елизаветовское городище на Дону являлось одним из крупнейших поселений степной зоны Северного Причерноморья [1]. Остатки этого поселения находятся на основном острове дельты Дона, примерно в 3 км к северо-востоку от станицы Елизаветинской Азовского р-на Ростовской обл. и в 23 км от морского побережья дельты. С востока, юга и запада городище окружено обширным курганным могильником. С севера раскинулась низменная болотистая равнина, образовавшаяся, по-видимому, на месте древнего лимана, связывавшего дельту с Таганрогским заливом и Азовским морем [2, с. 77 сл.].

В плане поселение имеет форму, напоминающую трапецию, площадью около 55 га. Западная. южная и восточная стороны окружены линией оборонительных сооружений, состоящих из рва и двух валов — напольного и внутреннего. Северная, наиболее длинная сторона городища, протяженностью 1 км, примыкает к крутому обрыву высотой до 6,5 м. От нее в глубь площади памятника отходит вторая, аналогичная первой линия обороны, охватывающая дугой центральную, наиболее возвышенную часть поселения, так называемый «акрополь», площадью около 12 га.

В настоящее время имеются все основания полагать, что не позднее середины IV в. до н. э. Елизаветовское городище превратилось в поселение городского типа [3, с. 211 сл.]. По своей роли оно по праву может считаться своего рода «столицей» всего Нижнего Подонья, а отчасти, вероятно, и Северо-Восточного Приазовья.

Пограничное положение «столицы» — на стыке трех крупнейших этнических массивов: скифского, савроматского (сарматского) и меотского, с одной стороны, и в непосредственной близости от эллинских городов Боспорского государства — с другой, наличие удобных речных дорог и богатство природных ресурсов дельты Дона — сделали Елизаветовское поселение главным, если не единственным, центром оптовой «международной», а также межплеменной торговли всей юго-восточной части геродотовой Скифии [4; 5, с. 148 сл.]. В этом основном значении Елизаветовское городище не имеет себе равных среди местных поселений Северного Причерноморья скифского периода для выяснения механизма зарождения и развития варварских и, что особенно важно, греко-варварских контактов и взаимоотношений.

В результате многолетних раскопок городища добыт огромный археологический материал, позволяющий дать не только развернутую характеристику отдельным элементам материальной культуры жителей дельты Дона скифского периода, что во многом уже сделано [4; 6, с. 12 сл.; 7, с. 204 сл.; 8, с. 162 сл.], но и рассмотреть основные этапы истории самого поселения — от момента его возникновения и начала прямых экономических и культурных связей с греками до гибели городища и основания здесь, в дельте, большой колонии боспорян.

Анализ накопленных археологических материалов и наблюдений дает возможность в настоящее время выделить в истории Елизаветовского городища по меньшей мере четыре отдельных этапа, так или иначе связанных с различными сторонами жизни всего населения Нижнего Подонья и его взаимоотношениями с жителями соседних областей и грека-

ми Боспора [ср. 9, с. 44—51]. Разумеется, необходимо отдавать себе полный отчет в том, что все эти этапы могут быть построены почти исключительно на основе археологических реалий, а поэтому достаточно условны и схематичны.

Первый этап — конец VI — V в. до н. э.— охватывает период становления Елизаветовского поселения. Конкретная форма этого процесса до недавнего времени однозначно не улавливалась. Имевшаяся на сей счет крайне скудная информация позволяла почти с одинаковой степенью гипотетичности предполагать два принципиально различных пути формирования поселения [10, с. 61]: первый — в виде постепенного превращения постоянного зимника одной из кочевых орд Подонья под воздействием торговых контактов с греками в стационарное поселение с торговой ориентацией экономики; второй — в форме одноактного создания в самом конце VI или начале V в. до н. э. сравнительно небольшого неукрепленного постоянного поселения, располагавшегося в северной, прибрежной части городища.

Негативные результаты поиска остатков сколь-либо выраженного культурного слоя V в. до н. э. заставляют ныне отдавать предпочтение первому из вышеупомянутых вариантов.

Судя по данным материалов самого Елизаветовского поселения, начало регулярных посещений кочевниками скифского периода района будущего городища следует относить ко времени не позднее конца VI в. до н. э. К этому же времени, по всей видимости, надлежит относить и начало более или менее регулярных непосредственных контактов этих кочевников с эллинами. Такая дата вполне надежно подкрепляется целой серией обломков ионийских, в том числе и хиосских пухлогорлых, амфор с окрашенными венцами и широкими вертикальными полосами краски на ручках, обнаруженных на территории городища, в культурных напластованиях IV в. до н. э. [4, с. 14, 15; 11, с. 131]. Отметим также, что среди наиболее ранних находок этого рода имеются единичные экземпляры греческих остродонных амфор, датируемых третьей четвертью VI в. до н. э. К их числу, например, следует отнести один фрагмент хиосской амфоры с так называемым «воронкообразным» горлом [12, л. 16]. Однако эти последние материалы вряд ли могут служить хорошей основой для значительного удревнения указанного выше рубежа. Они в лучшем случае являются свидетельством самых первых и, судя по их «уникальности», весьма редких посещений греками дельты Дона. Отсутствие же среди находок на Елизаветовском городище греческой керамики VI в. до н. э. иного, нежели обычная винная тара, назначения, т. е. столовой и бытовой, лишь подчеркивает крайнюю непродолжительность этих визитов.

Невозможность значительного удревнения начала освоения кочевниками скифского периода дельты Дона подтверждается и данными практически полностью раскопанного могильника, расположенного в окрестностях городища. Среди довольно представительной группы наиболее ранних погребений этого, генетически, несомненно, связанного с Елизаветовским поселением памятника до сих пор не обнаружено ни одного комплекса старше начала V в. до н. э. [13, с. 98]. Да и их, судя по всему, единицы. Серийные же погребения в могильнике появляются и того позже — с конца первой — начала второй четверти этого столетия. Именно этим временем, очевидно, и может быть более или менее уверенно датировано возникновение постоянного стойбища-зимника степняков на территории будущего городища.

Время превращения этого зимника в стационарное поселение с относительно стабильным оседлым составом населения точно не устанавливается. По всей видимости, указанное событие было растянуто на несколько десятилетий и завершилось не ранее конца V или даже самого начала IV в. до н. э. Во всяком случае, нам до сих пор неизвестны остатки долговременных построек и хозяйственных комплексов ранее начала IV в. до н. э. Как отмечалось выше, не обнаружено здесь пока и сколько-нибудь выраженного культурного слоя V в. до н. э. И это, заметим, не-

смотря на довольно значительный объем археологических работ на Елизаветовском городище, где только за период с 1966 по 1982 г. была полностью исследована площадь, равная более чем 6000 м².

Практически единственным свидетельством жизни на территории памятника в течение всего V в. до н. э. оказываются обломки местной лепной и греческой кружальной керамики, находимые в более поздних культурных напластованиях. Весьма примечательно также и то, что насыщенность слоя такого рода находками крайне невелика и более или менее одинакова для самых различных районов городища. Естественно, какое-либо серьезное заключение о культурно-хозяйственном типе общества, оставившего нам столь скудные следы своей жизнедеятельности, на основании только этого материала сделать весьма затруднительно. Более того, может показаться даже, что размеры греко-варварской торговли V в. до н. э. в дельте были крайне невелики и не имели тенденции к увеличению. Однако это не так.

Что касается наших представлений о культурно-хозяйственном типе населения дельты Дона того времени, то из-за скудости и невыразительности ранних находок на самом поселении и недостаточной изученности материалов Елизаветовского могильника пока приходится ограничиваться более или менее оправданными предположениями. Впрочем, даже первое приближение к накопленным ныне обширным и в подавляющем большинстве случаев весьма стандартным материалам погребений V в. до н. э. дает некоторое основание говорить, что последние представляют собой наиболее древнюю часть родового могильника, оставленную сравнительно небольшой гомогенной кочевой ордой, находившейся в то время, по-видимому, в начале разложения родоплеменных отношений.

Судя по данным лепной керамики, обнаруженной в погребениях могильника, эта орда скорее всего принадлежала к скифской этнокультурной общности [14, с. 155; 15, с. 24—28]. Несколько более аморфная лепная керамика самого Елизаветовского поселения содержит следы слабого влияния на культуру этих скифов со стороны савроматских племен и более заметного меотского воздействия [6, с. 133]. Вместе с тем неоднократно фиксируемое в научной литературе своеобразие погребального обряда и материальной культуры населения дельты в сравнении с культурой обитателей соседних районов Подонья скифского и более раннего периодов заставляет думать, что оно не было автохтонным в полном смысле этого слова, а, вероятно, пришло сюда во второй половине — конце VI в. до н. э. [16, с. 18; 17, с. 114].

Новый район кочевания орды, по всей видимости, был выбран не случайно. Среди всех территорий Нижнего Подонья — Северо-Восточного Приазовья ему не было равного по богатству природных ресурсов и удобству для создания хорошо защищенного естественными рубежами зимнего стойбища. Мало того, есть веские основания думать, что в период раннего железного века дельта Дона могла предоставить в распоряжение своим обитателям значительно более благоприятные, чем в настоящее время, условия для проживания, в том числе: незатопляемые в период весенних половодий обширные участки суши, богатейшие пастбища для скота, огромные, практически неисчерпаемые запасы ценнейших пород рыбы, деловую древесину и даже какой-то фонд земель, годных для земледелия [2]. Не менее привлекательной для пришельцев стала, вероятно, и возможность установления прямых торговых контактов с греками, эпизодически посещавшими дельту, по-видимому, для добычи рыбы. Сам факт быстрого и явно беспрепятственного освоения столь богатого маргинального района степной зоны Северного Причерноморья вновь прибывшими кочевниками свидетельствует, скорее всего, в пользу отсутствия у них в это время каких-либо серьезных конкурентов среди аборигенного населения Подонья — Северо-Восточного Приазовья.

Вернемся, однако, к определению уровня греко-варварской торговли V в. до н. э. в дельте Дона.

Значительно более правильное представление о динамике и объеме закупок в дельте продукции греческих виноделов и ремесленников устанавливается по материалам Елизаветовского могильника, где было обнаружено несравненно большее, чем на городище, количество импортной керамики V в. до н. э., включающей в себя помимо амфор Хиоса, Самоса, Лесбоса, Менды и Фасоса различную аттическую расписную и чернолаковую посуду: килики, скифосы, тарелки, чашки, лекифы и даже одну панафинейскую амфору [13, с. 99 сл.]. Такое отличие могильника от городища, по всей видимости, закономерно. Оно отражает крайне невысокую степень эллинизации местного населения того времени. Думается, вино и столовая греческая керамика приобретались жителями Елизаветовского зимника не столько для употребления их в повседневном быту, сколько на случай чрезвычайных событий, к числу которых, несомненно, следует относить и отправления погребального обряда.

Как бы там ни было, но сам факт наличия здесь, в большинстве погребений V в. до н. э., относительно дорогой и высококачественной античной посуды заставляет предполагать все же относительно широкое развитие торговых связей греков с варварами дельты Дона, гораздо более широкое, чем в любом другом внутреннем районе Северного Причерноморья того времени [13, с. 101].

Детальный анализ ранней греческой керамики из Елизаветовского могильника, проведенный И. Б. Брашинским. позволяет сделать целый ряд важных выводов и наблюдений о динамике торгового обмена. Так, например, установлено, что объем ввозимых в дельту товаров, сравнительно небольшой в первой половине V в. до н. э., заметно возрастает во второй половине этого же столетия. Одновременно с увеличением объема ввозимой продукции отмечается некоторое расширение круга экспортеров; в это же время изменилось и соотношение отдельных статей импорта в сторону значительного роста удельного веса вина. Наконец, со второй половины V в. до н. э. жители зимника спорадически начинают вести торговлю греческими изделиями с населением соседних с дельтой районов Северо-Восточного Приазовья [4, с. 91 сл.].

Фиксируемый рост объема торгового обмена в дельте, несомненно, потребовавший резкого гарантированного увеличения производства местных товаров и вызванный к жизни (отчасти, возможно, в связи с этим) переход к посреднической торговле не могли не способствовать ускорению оседания кочевников района. Отныне, т. е. со второй половины V в. до н. э., одним из важнейших видов хозяйственной деятельности какой-то (первоначально, конечно, весьма небольшой) части обитателей стойбища стал торговый обмен. В результате, как уже отмечалось выше, в конце V или самом начале IV в. до н. э. на месте будущего городища возникло первое стационарное поселение дельты, базовой функцией которого оказывается торговля.

Хронологические рамки второго этапа истории Елизаветовского городища охватывают период продолжительностью около 50 лет, т. е. практически всю первую половину IV в. до н. э. Как представляется ныне, в течение этого промежутка времени сравнительно небольшое постоянное поселение скифов дельты превращается в крупнейшее варварское торжище всего Северо-Восточного Причерноморья [ср.: 9, с. 49; 10, с. 61, 62].

Первое, что совершенно необходимо отметить касательно облика Елизаветовского поселения на данном этапе,— отсутствие у него каких-либо искусственно созданных рубежей обороны, что, по всей видимости, свидетельствует в пользу относительно мирной, т. е. не отягощенной внешней угрозой, обстановки в низовьях Дона [18, с. 256, 257].

Размеры открытого стационарного поселения этого времени точно не определены. Если судить, как это иногда делается, только по распространению вещественных находок, можно думать, что оно было весьма значительным и охватывало площадь около 40 га. Однако такой вывод оказался бы явно ошибочным. Совершенно очевидно, что далеко не вся эта территория была занята долговременными жилыми и хозяйственны-

ми сооружениями. И те и другие концентрировались главным образом в северной половине «акрополя» городища, т. е. рядом с берегом древнего лимана, соединявшего поселение с Азовским морем. Здесь же, на «акрополе», вполне надежно фиксируются и остатки культурного слоя первой половины IV в. до н. э. При этом мощность последнего весьма значительна и местами — опять-таки на севере «акрополя» — достигает 0,5 м и более.

Отмеченное несоответствие ареала вещественных находок первой половины IV в. до н. э. и площади, занятой под застройку, явно не случайно. Следует думать, что оно так или иначе отражает уровень седентаризации населения дельты Дона того времени. Создается впечатление, что одни жители (их, вероятно, было относительно немного) уже полностью перешли к оседлому образу жизни в условиях небольшого стационарного поселения, возникшего на территории обширного стойбища, другие же все еще продолжали более или менее регулярно откочевывать отсюда вместе со своими стадами на летние пастбища.

Данная картина ничуть не противоречит и материалам Елизаветовского могильника. Синхронные погребения этого памятника представляют достаточно признаков (обычай насыпать курганные насыпи над погребенными, наличие полного набора боевого оружия, присущего конным воинам, сопровождение усопших мясной жертвенной пищей и т. д.), указывающих на теснейшую связь населения дельты Дона IV в. до н. э. с кочевым миром [ср. 19, с. 50].

Как бы то ни было, социально-политическая роль кочевничества, его традиции и религиозные представления должны были оставаться доминирующими и на втором этапе развития Елизаветовского поселения. Другое дело — быт и экономика. В этих сферах жизнедеятельности все более важную роль стали играть черты, свойственные оседлости.

Первое, на что необходимо обратить внимание в этой связи — на местную лепную керамику поселения, представленную значительно более богатым, нежели это обычно фиксируется у степняков, набором форм и типов изделий, среди которых отметим различного рода кухонные горшки, корчаги, кувшины, игрушки, светильники и курильницы [6, с. 133]. Не менее показательным в этом же смысле оказывается и монументальный характер отдельных жилых и хозяйственных комплексов первой половины IV в. до н. э. [1, 7, 8]. Их обнаружено пока немного — всего четыре, что со всей определенностью указывает на относительную малочисленность таких сооружений и крайне низкую плотность застройки территории поселения этого времени. Все они представляют собой один тип довольно больших (от 24 до 45 м^2), прямоугольных, сильно заглубленных (до 2,4 м) землянок с мощной каркасно-столбовой конструкцией стен и двускатным перекрытием. Внутренняя площадь таких построек, как правило, делилась камышовыми перегородками, обмазанными глиной, на несколько (до шести) относительно небольших помещений. В полу и торцовых бортах землянок устраивались обширные погреба-хранилища в виде ям и разного рода углублений.

Опыт реконструкции одного из таких строительных комплексов дан на рис. 1.

Одним из основных видов экономической деятельности значительной части обитателей долговременных сооружений первой половины IV в. до н. э., по всей видимости, являлась торговля. Такой принципиально важный для понимания памятника вывод базируется на анализе вещественных материалов, выявленных при раскрытии по крайней мере двух из четырех ныне известных строительных комплексов того времени [7, с. 207—210; 8, с. 167, 168]. В составе этого материала особое место занимают предметы узкоспециализированного, торгового назначения — три греческие четырехугольные свинцовые гири весом в четверть мины, мину и двойную, или, как ее еще называли в древности, торговую, аттическую мину. Здесь же найдены и остатки самого товара — склад винной тары и большое количество различных, главным образом стеклянных, украшений.

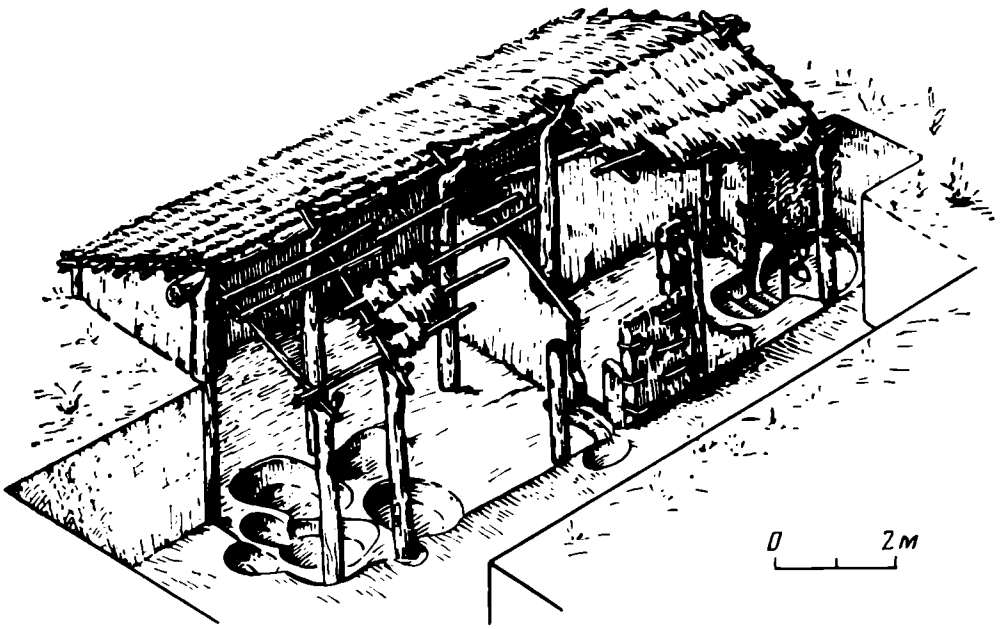


Рис. 1. Строительный комплекс 7 первой половины IV в. до н. э. Реконструкция К. К. Марченко

Весь этот набор, а также наличие среди предметов из землянок греческой культовой статуэтки в виде сидящей на троне богини позволяют видеть в обитателях этих сооружений греков. Можно думать, таким образом, что эллинские купцы или их агенты не только более или менее постоянно жили среди местного населения, но и вели с ним непосредственный торговый обмен, превратив часть долговременных домов аборигенов в места складирования и продажи своих товаров.

Работы Т. Н. Книпович, Д. Б. Шелова и особенно И. Б. Брашинского раскрывают со всей возможной полнотой содержание, характер, динамику и даже объем торговли на Елизаветовском поселении, ее влияние на его культуру и хозяйственное развитие [4; 5, с. 148—160; 19, с. 53—59; 20].

Как установлено, торговый обмен на поселении в течение всего V — начала III в. до н. э. был по типу натуральным, т. е. не предусматривал использование денег в качестве общепринятого эквивалента стоимости. Равным образом установлено, что начало IV в. до н. э. было ознаменовано резким расширением экономических контактов в дельте. Международные и межплеменные торговые операции приобретают здесь отныне ярко выраженный оптовый и отчасти «пульсирующий» характер [3, с. 212, 213]. Среди экспортеров этого времени на первое место выдвигается Гераклея Понтийская. Весьма значительным по-прежнему остается ввоз хиосской продукции; далее, по мере убывания объема реализуемого в дельте товара, идут Фасос, Менда и, наконец, Синопа. Судя по накопленным археологическим материалам, основной статьей греческого экспорта в Нижнее Подонье окончательно становится вино. По подсчетам И. Б. Брашинского, на территорию Елизаветовского поселения в течение всего IV — первой трети III в. до н. э. ежегодно могло поступать в среднем до 3 тыс. и даже более декалитров вина, для перевозки которого в амфорах требовалось не менее десятка сравнительно небольших купеческих судов, способных свободно плавать по мелководному Азовскому морю [5, с. 156—160].

Конечно, такой объем поставок может показаться, на первый взгляд, весьма умеренным, особенно в сравнении с соответствующей статьей импорта почти любого эллинского города Северного Причерноморья. Нельзя забывать, однако, что речь в данном случае идет о типично варварском поселении внутреннего района, причем число постоянных жителей городища в первой половине IV в. до н. э. вряд ли превышало

одну-две сотни человек. Следует думать, таким образом, что ввоз вина на территорию этого населенного пункта значительно перекрывал его собственные потребности [4, с. 98]. Более того, создается впечатление, что существенная часть импортируемой продукции греческих виноделов предназначалась не столько для самих елизаветовцев, сколько для торгового обмена с жителями соседних с дельтой районов Подонья и Северо-Восточного Причерноморья.

Последнее заключение хорошо подкрепляется и данными археологии этих районов. Анализ состава привозных изделий, прежде всего амфор, обнаруженных на поселениях и в могильниках скифского времени Миусского полуострова, бассейна Северского Донца и в Среднем Подонье, дает веские основания полагать, что большая часть довольно значительного греческого импорта поступала сюда в IV в. до н. э. через посредство Елизаветовского торжища [4, с. 86—88; 19, с. 57—59]. Констатация этого факта позволяет видеть в последнем уже на данном этапе развития крупнейший центр посреднической и межплеменной торговли всего Северо-Восточного Причерноморья скифского периода.

Само собой разумеется, что вино не было единственным видом заморской продукции, пользовавшимся спросом у жителей дельты. Еще об одном — украшениях — коротко упоминалось выше. Судя по находкам на городище и в погребениях Елизаветовского могильника, наибольший успех у местных модниц имели самые разнообразные по форме и цветовой гамме стеклянные и пастовые подвески и бусы средиземноморского производства, в том числе и довольно редко встречаемые на других памятниках Северного Причерноморья скифского периода, например в виде бородатой мужской головы с выпученными глазами, выполненной из многоцветной, так называемой финикийской, пасты [8, с. 169].

Помимо вина и украшений на территорию Елизаветовского поселения в первой половине IV в. до н. э. начало поступать и заметно большее количество изделий греческих гончаров. В основном это были сосуды для питья вина: аттические чернолаковые и краснофигурные килики, скифосы и канфары. Однако наряду с ними в обиход населения постепенно входят и другие категории кружальной керамики, прежде всего чернолаковые и простые рыбные блюда, различные миски, тарелки и кувшины, кухонные кастрюли, мортары, котлы, светильники и т. д. Центром производства львиной доли простой и хозяйственной посуды, по всей видимости, являлся Боспор. Весьма примечательно наличие в слое и комплексах того времени и некоторого, правда очень небольшого, числа таких узкоспециализированных и в общем-то совершенно не характерных для быта варваров предметов, как леканы, флаконы, аски, лекаиды, солонки, пелики и кратеры [4, с. 48 сл.]. Впрочем, последними могли пользоваться не только или, точнее, не столько местные жители, но и преимущественно сами греки, жившие на городище.

Удельный вес этой привозной продукции в керамическом комплексе поселения первой половины IV в. до н. э. все еще относительно невелик — не более 10% (оценка удельного веса кружальной керамики в комплексе дана относительно местной лепной посуды, без учета обломков амфор). Однако со временем ее роль все более и более возрастает. Заметим также, что транзитная варварская торговля столовой и хозяйственной посудой через Елизаветовский торговый центр, судя по всему, была невелика и уж во всяком случае значительно менее объемна, чем торговля вином в амфорах [4, с. 104]. В основном она охватывала лишь ближайшую округу поселения — Нижнее Подонье и Северо-Восточное Приазовье — и то в небольшом масштабе [4, с. 86].

Последняя из более или менее твердо фиксируемых ныне частей импорта в дельту Дона — предметы вооружения. Ее наличие устанавливается по крайне редким, почти единичным находкам особенно дорогих мечей с золотой отделкой ножен, выполненной, по всей видимости, греческим торевтом, и остаткам панцирей, происходящих из отдельных, наиболее богатых погребений Елизаветовского могильника [21, с. 183 сл.; ср., 22, с. 105]. Нельзя полностью исключать греческого происхождения

и какой-то части обычного скифского оружия, находимого практически в каждом мужском и некоторых женских погребениях этого же памятника (такого, например, как акинаки, или наконечники копий), могущего быть изготовленным боспорскими ремесленниками, хорошо знакомыми с запросами и вкусами местных воинов. Настаивать, впрочем, на таком предположении при нынешнем состоянии источников, естественно, нельзя.

Невозможно по этой же причине решить и другой вопрос: существовали ли еще какие-нибудь виды продукции, ввозимые греками на территорию Елизаветовского торжища в первой половине IV в. до н. э. Кажется, и перечисленного вполне достаточно для того, чтобы правильно оценить широту торговых контактов в дельте Дона того времени.

Развитие торговли на Елизаветовском поселении, увеличение спроса на местном рынке на относительно дорогие товары эллинского производства закономерно вели к необходимости еще более значительного, чем на первом этапе, расширения добычи и накопления местных продуктов, в приобретении которых были заинтересованы греческие купцы. Наиболее существенные изменения в этой связи произошли, по-видимому, в организации рыболовства.

Как установлено, именно в конце V — начале IV в. до н. э. в разных местах дельты, но непременно в непосредственной близости от основных русел Дона возникает целый ряд (около 15 единиц) относительно небольших населенных пунктов — стоянок, в культурном и хозяйственном отношении полностью связанных с Елизаветовским поселением [4, с. 81 сл.; 19, с. 53 сл.]. Судя по материальным остаткам, обнаруженным при исследовании этих стоянок, одним из основных занятий обитавших там людей в течение всего времени их существования была добыча рыбы [23, с. 139, 140]. Объем добываемой там рыбы, по нашим оценкам, намного превышал насущные потребности самих рыболовов и, следовательно, хотя бы частично мог идти на экспорт.

Еще более впечатляющие следы роста добычи рыбы открыты на самом Елизаветовском поселении. В первую очередь это чрезвычайно обильные остатки ихтиофауны — кости и чешуя рыбы. Огромные скопления отбросов рыбы фиксируются в культурных напластованиях поселения практически повсеместно. Местами они образовывают линзы плотно спрессованной чешуи рыб мощностью до 0,2 м и более, занимающие площади в несколько десятков квадратных метров. Совершенно очевидно, что такие пласты включают в себя очистки огромного количества промысловой рыбы. Весьма важно также отметить, что они, по всей видимости, представляют собой не кухонные отбросы, а остатки рыбоперерабатывающего производства, которое, судя по объему отходов, было крупномасштабным, несомненно, товарным, рассчитанным не столько на внутреннее потребление, но в большой мере, очевидно, на экспорт.

Весьма обильны и красноречивы на Елизаветовском поселении и находки орудий рыболовства. Все они также свидетельствуют в пользу промыслового характера лова. Это прежде всего многочисленные каменные грузила от больших ставных сетей и неводов, требующих «артельной» организации труда [1, с. 46, рис. 26, *с*]. С развитием промыслового рыболовства связаны также и костяные орудия (иглы и челноки) для плетения сетей, в большом числе встречаемые уже в самых ранних культурных напластованиях городища [1, с. 47, рис. 27].

Что касается видового состава рыб, служивших объектом промысла, то на первом месте стояли карповые (сазан) и осетровые (осетр, белуга), много также окуневых (судак). Обращает на себя внимание и то, что объектом рыбного промысла являлись главным образом крупные экземпляры перечисленных выше рыб. Состав ихтиофауны свидетельствует о том, что рыбаки Елизаветовского поселения вели лов как в протоках дельты Дона, так и в Азовском море.

Экспортировались ли помимо рыбы какие-либо другие виды местной продукции, сказать, к сожалению, трудно: на сей счет у нас нет прямых

данных. Думается, еще одной важной статьей экспорта могла быть продукция животноводства кочевников, вывоз которой из дельты Дона (Танаиса) прямо засвидетельствован сообщением Страбона (XI, 2, 3), но, правда, более позднего времени.

Как представляется, расширение торгового обмена на Елизаветовском поселении в первой половине IV в. до н. э., потребовавшее резкого увеличения поставок туземных товаров, должно было вести к дальнейшему усилению наметившихся ранее тенденций в жизни местного общества. В первую очередь необходимо назвать седентаризацию и, судя по данным курганного могильника, где появляется небольшое число богатых погребений [21], имущественное расслоение общины. В полной мере, однако, указанные тенденции реализовались уже на следующем, третьем этапе истории варварского торгового центра в дельте Дона.

Третий этап — середина IV — начало III в. до н. э. На этом этапе Елизаветовское торжище предстает перед нами в виде вполне оформившегося поселения городского типа, в числе функций которого наряду с отмеченной ранее торговой более или менее отчетливо проявляются функции центрального места обширного района Нижнего Подонья и отчасти Северо-Восточного Приазовья, административная, религиозная и функция убежища [3]. Одновременно с этим третий этап характеризуется наивысшим расцветом самого поселения, его торговой, хозяйственной и, что особенно симптоматично, производственной деятельности.

Как установлено, в середине IX в. до н. э. Елизаветовское поселение впервые окружается двумя довольно мощными линиями обороны, что, по всей видимости, может быть связано с самым началом активизации сарматских племен в степном междуречье Волги и Дона.

К настоящему времени остатки ранних укреплений исследованы лишь в южной части городища. Здесь выявлены следы линий, идущих параллельно более поздним, видимым в рельефе, но сдвинутым относительно их в напольном направлении на 25—40 м.

Наиболее изучена внешняя линия. Она состояла из трех основных, функционально связанных воедино элементов, а именно: клинообразного в поперечном сечении рва шириной от 11 до 14 м, высокого земляного вала, насыпанного в непосредственной близости от напольной щеки рва, и широкой (около 6—7 м) глинобитно-земляной стены сложной конструкции, возведенной с внутренней стороны рва, в 2 м от его края (рис. 2).

Не позднее конца третьей четверти IV в. до н. э. все ранние оборонительные сооружения были полностью срыты, территория снивелирована и впоследствии стала использоваться жителями поселения в хозяйственных и производственных целях.

Как долго Елизаветовское поселение оставалось лишенным оборонительных линий, неясно. Скорее всего, этот отрезок времени был весьма непродолжительным, и конец IV в. до н. э. ознаменовался созданием новых мощных укреплений, просуществовавших на сей раз вплоть до прекращения функционирования торжища [18, с. 256].

Конфигурация новых рубежей обороны, надо думать, в общем повторяла более раннюю схему. Весьма сходной оказалась и большая часть основных элементов оборонительных линий, таких, например, как клинообразные в поперечном сечении рвы и земляные валы, насыпанные у их внешних щек. Вместе с тем в структуре вновь созданных укреплений появились и совершенно иные, ранее неизвестные дополнения в виде облицовки камнем внутренней, наиболее отвесной щеки внешнего рва, каменной стены шириной около 2,0 м, возведенной у внутреннего края оборонительного рва «акрополя» (рис. 3), каких-то каменных сооружений, выполнявших, по-видимому, функцию привратных башень, фланкировавших южный въезд на городище, и т. д. Не приходится сомневаться, что отмеченные нововведения призваны были содействовать общему усилению обороноспособности поселения. Можно предполагать также, что сама идея применения крайне дефицитного в условиях дельты камня в

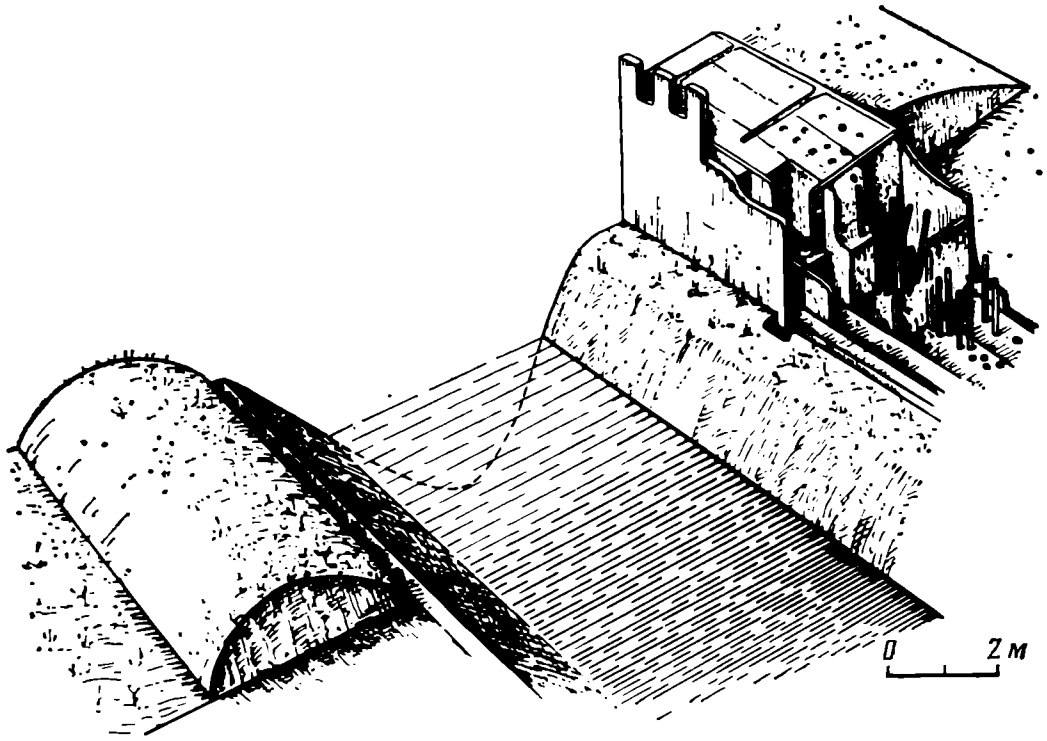


Рис. 2. Внешняя оборонительная линия городища середины IV в. до н. э. Реконструкция К. К. Марченко

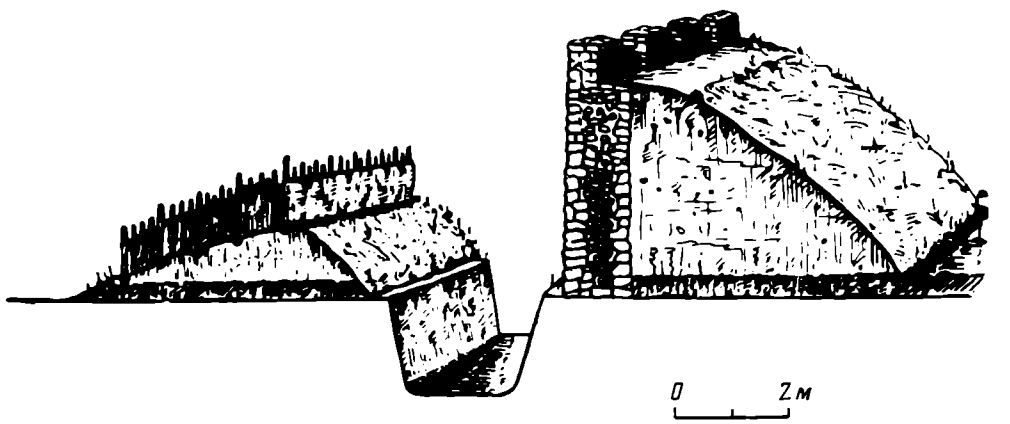


Рис. 3. Оборонительная линия «акрополя» городища второй половины IV — начала III в. до н. э. Реконструкция К. К. Марченко

фортификационном деле елизаветовцев появилась вследствие дальнейшего углубления и развития греко-варварских контактов.

Практически одновременно с возведением первых рубежей обороны на территории городища резко расширяется строительство новых долговременных жилых и хозяйственных построек, что безусловно указывает на усиление процесса седентаризации местного населения. Имеющаяся в нашем распоряжении информация со всей очевидностью свидетельствует в пользу того, что подавляющее большинство жилых комплексов второй половины IV — начала III в. до н. э., как и в более раннее время, было сосредоточено в пределах «акрополя»; периферийная же (бо́льшая) часть городища использовалась в иных целях — хозяйственных, производственных и, несомненно, оборонительных.

К настоящему времени изучены остатки более чем 20 долговременных построек третьего этапа. Топография комплексов позволяет утверждать, что застройка территории «акрополя» шла без заранее выработанного плана, т. е. была более или менее хаотичной [1, с. 27, рис. 7]. Весьма примечательно также и то, что абсолютное большинство такого

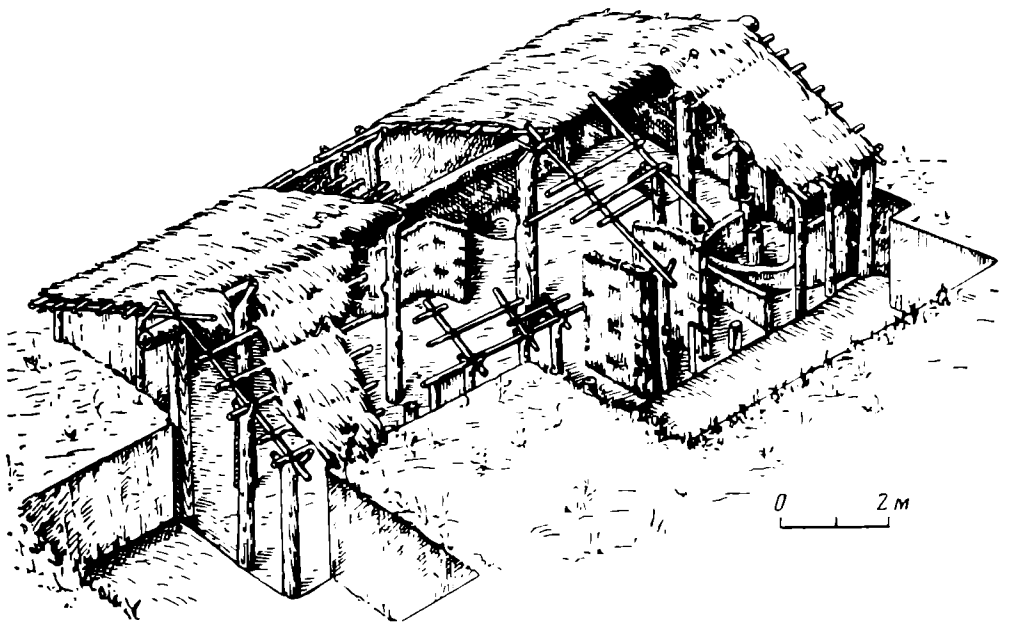


Рис. 4. Строительный комплекс 1 второй половины IV — начала III в. до н. э. Реконструкция К. К. Марченко

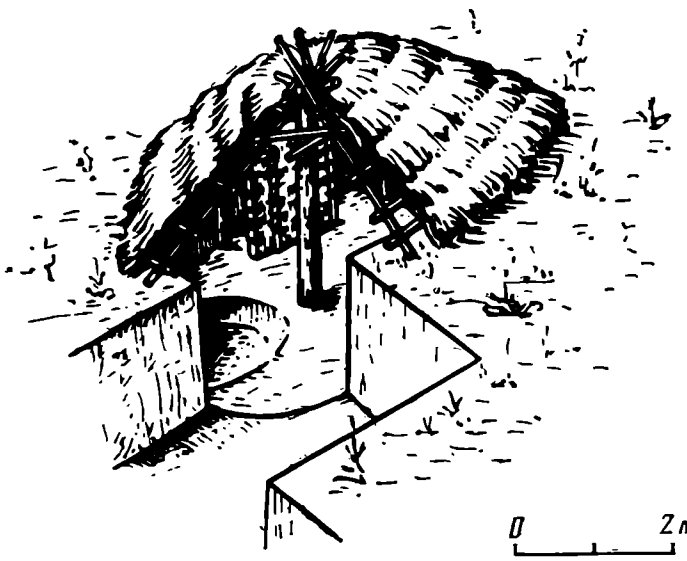


Рис. 5. Строительный комплекс 5 второй половины IV — начала III в. до н. э. Реконструкция К. К. Марченко

рода домов строилось в это время по облику и подобию ранних землянок и отличалось от последних, как правило, лишь своими относительно более крупными размерами — до 100 м и более (рис. 4).

Вместе с тем среди традиционных прямоугольных многокамерных землянок появляется и некоторое количество сооружений иного рода: небольшие (около 7—10 м²) круглые землянки с шатровым типом перекрытия (рис. 5) и наземные четырехугольные глинобитные дома явно хозяйственного назначения. Наиболее показательной чертой, характеризующей развитие строительного дела елизаветовцев второй половины IV — начала III в. до н. э., является, однако, появление новых строительных материалов — сырца и камня, что явно указывает на определенное воздействие эллинской культуры на местную строительную практику [8, с. 164].

Как и в более раннее время, основным видом экономической деятельности населения городища оставалась торговля. Более того, на третьем этапе она достигла максимального развития, что, в частности, хорошо заметно по материалам керамического комплекса поселения, в котором удельный вес греческой столовой и бытовой посуды увеличивается до

25% — цифры, совершенно невероятной для варварских памятников внутренних районов Северного Причерноморья скифского периода. Привычка пользоваться такой посудой у елизаветовцев в это время заходит так далеко, что появляются попытки ее имитации в лепной технике [6, с. 133].

Параллельно с развитием местного рынка наблюдается и некоторое расширение посреднической торговли Елизаветовского городища. С конца IV в. до н. э. греческая продукция отсюда начинает проникать еще в один район Приазовья — Задонье [4, с. 84, 85, 105, 106; 24, с. 15 сл.].

Вместе с тем есть основания полагать, что номенклатура ввозимых в дельту греческих товаров, как, впрочем, и соотношение основных статей импорта в целом, изменилась весьма немного. Более отчетливо, чем раньше, прослеживается, пожалуй, ввоз дорогих украшений и оружия [25, с. 168 сл], что само по себе указывает на продолжающееся социально-имущественное расслоение жителей поселения. Однако в общем балансе поставок предметы такого рода имели все-таки крайне небольшой удельный вес и, возможно, далеко не всегда выполняли функцию обычного товара, а выступали в роли даров наиболее влиятельным варварам.

Гораздо более заметные изменения происходят в это время в составе греческих экспортеров. Их список существенно расширяется за счет Коринфа, Херсонеса, Колхиды, Родоса и различных малоазийских центров. Существенно меняется и соотношение объемов ввоза. Так, например, во второй половине IV в. до н. э. практически исчезает вино из Хиоса; к концу этого же столетия резко сокращается ввоз продукции из Гераклеи, Фасоса и Аттики; одновременно с этим резко усиливаются позиции Синопы и возрастает роль Херсонеса [4, с. 89 сл.].

Широта и своеобразие греческого импорта в дельту, необычно большой для Северо-Восточного Причерноморья вес продукции Херсонеса, а также некоторые другие черты позволяют сделать вывод об относительной независимости торговли Елизаветовского городища от Боспорского государства [4, с. 99].

Как установлено, значительное увеличение греческого импорта на городище вызвало дальнейший рост добычи рыбы в дельте. Можно предполагать, что с середины IV в. до н. э. рыбная ловля превращается в аналог производящей отрасли хозяйства елизаветовцев — насколько она, по всей видимости, была эффективной.

Мощный толчок в это же время получает развитие местных промыслов: прядения, ткачества, обработки камня, кости, дерева, выделки шкур, изготовления лепной керамики и т. д. Со второй половины IV в. до н. э. в составе жителей поселения выделяется прослойка ремесленников — металлургов и ювелиров, выпускавших самую разнообразную продукцию из бронзы и железа — от простой медной проколки и украшений до практически полного вооружения конного воина. Многочисленные находки металлических шлаков, медных и железных крич, готовых изделий из металла и их полуфабрикатов, находки остатков производственных печей, колосников, сопел, льячки, каменной наковальни и, наконец, каменных литейных форм [1, с. 45, рис. 25, *а*, *в*],— все это дает право говорить о том, что Елизаветовское городище превратилось в крупный и, по-видимому, единственный ремесленный центр Нижнего Подонья — Северо-Восточного Приазовья.

Завершая таким образом краткую характеристику Елизаветовского городища середины IV — начала III в. до н. э,. мы можем еще раз констатировать в облике его материальной культуры резкое усиление черт, свойственных оседлому образу жизни. Создается впечатление, что в это время они в чисто внешнем выражении даже превалировали над кочевыми. Последние наиболее упорно сохранялись лишь в погребальном обряде елизаветовцев. Как скоро дальнейшее развитие процесса седентаризации под влиянием все расширяющихся и углубляющихся торговых и культурных контактов с эллинами привело бы к окончательному оседанию местного общества, да и смогло ли бы это произойти в дейст-

вительности, остается только догадываться: не позднее 290—280 гг. до н. э. естественное развитие Елизаветовского поселения оказалось прерванным. Начался последний, четвертый и принципиально новый этап истории греко-варварских взаимодействий в дельте Дона.

Результаты археологических исследований последних лет (1982—1985 гг.) заставляют думать, что в это время на «акрополе» Елизаветовского городища, на площади, ранее занятой землянками местного населения, возникает греческая колония [26, с. 234—236]. Степень изученности остатков последней не позволяет пока однозначно определить форму ее выведения.

Наименее вероятным все же представляется ныне насильственный захват греками территории варварского поселения. Накопленные данные дают основание предполагать, что обитатели землянок имели возможность в относительно спокойной обстановке покинуть свои насиженные места, унося при этом с собой все мало-мальски ценные вещи [7, с. 221].

Сомнительной, хотя и не невозможной, кажется пока и другая форма вывода колонии — вследствие мирного (дружеского) соглашения обоюдно заинтересованных в дальнейшем расширении торговых и культурных контактов аборигенов и эллинов. Как представляется, такая форма должна была бы вылиться на начальной фазе своей реализации в тот или иной вид сосуществования различных укладов жизни — варварского и эллинского. На поверку же ничего похожего до сих пор не наблюдается.

Значительно более правдоподобной и исторически более оправданной в настоящее время выглядит последняя из теоретически допустимых возможностей, а именно: греческие колонисты пришли на Елизаветовское поселение, уже покинутое всеми или же большей частью его жителей. Наиболее вероятной причиной ухода местного населения могла быть угроза нападения со стороны резко усилившихся к началу III в. до н. э. сарматов. Весьма примечательно, однако, то, что промежуток времени между прекращением существования скифского городища и моментом, с которого началась история греческого поселения на его «акрополе», был, по всей видимости, минимальным. Именно по этой причине, надо думать, новым хозяевам дельты — греческим колонистам — пришлось провести предварительно, т. е. до начала строительства своего поселения, нивелировку территории под застройку, включавшую в себя, судя по всему, засыпку целого ряда котлованов больших землянок и расчистку поверхности от остатков наземных сооружений своих предшественников.

Что же представляла собой эллинская колония на месте Елизаветовского городища, кто являлся ее метрополией и какие, собственно говоря, цели преследовались при ее создании? На все эти первоочередные вопросы в настоящее время могут быть даны, к сожалению, лишь самые предварительные ответы. Начнем с последних двух.

Хорошо известно, что единственной реальной силой среди греческих государств Северного Причерноморья первой половины III в. до н. э., способной так или иначе контролировать положение в Нижнем Подонье, был Боспор. Равным образом известно, что единственная из до сих пор открытых в этом районе греческих колоний — Танаис — была выведена сюда в III в. до н. э. именно Боспорским государством, всемерно стремившимся в то время упрочить свои позиции в дельте Дона — неисчерпаемом источнике ценнейших пород рыбы, пользующейся постоянным и все возрастающим спросом на внешнем («международном») рынке. Среди причин, побуждавших боспорян расширять свое присутствие в дельте, наряду с внутренним, ухудшившимся в это время финансовым положением, например, [19, с. 39, 40], вполне могла существовать и «внешняя», а именно — прекращение функционирования в начале III в. до н. э. Елизаветовского торгового центра, до тех пор вполне удовлетворявшего все потребности греков в донской рыбе и прочих видах местной продукции. В таких условиях полноценной заменой варварскому тор-

Рис. 6. Елизаветовское городище. Раскопки 1985 г.

жищу могло стать только создание собственных опорных пунктов в Нижнем Подонье, и в первую очередь, естественно, на месте старого и хорошо известного боспорянам скифского эмпория. То, с какой быстротой отреагировал Боспор на исчезновение своего традиционного торгового партнера в дельте и приступил к выводу сюда своей собственной колонии, лишь еще раз подчеркивает его крайнюю заинтересованность в получении местных товаров.

Таким образом, кажется, у нас есть некоторые основания предполагать базовой функцией греческого поселения на территории Елизаветовского городища торговлю с соседними варварскими племенами и добычу рыбы на экспорт. В этом основном качестве новая боспорская колония являлась как бы естественным и прямым наследником Елизаветовского торгового центра.

Что касается характеристики облика самой колонии, то в силу недостаточной изученности городища и крайне плохой сохранности его остатков, расположенных в самой верхней части культурных напластований, она поневоле может быть дана лишь в очень обобщенной форме. Не приходится сомневаться, впрочем, что вновь открытое греческое поселение занимало весьма значительную площадь — всю или же большую часть «акрополя» Елизаветовского городища и, таким образом, было намного больше, чем второй, возникшей примерно в это же время эмпорий Боспора в дельте Дона — Танаис.

Установлено, что буквально все из ныне изученных строительных комплексов поселения были возведены одновременно и, вероятно, по заранее разработанному плану. Система застройки площади — сотовая, с разбивкой на отдельные кварталы и районы. К настоящему времени более или менее надежно удалось выявить местонахождение лишь двух районов — западного и центрального. Последние отделены друг от друга большой поперечной улицей шириной от 5,0 до 6,5 м, проходившей с севера на юг через центральную часть «акрополя». Значительно менее широкие улицы — от 1,5 до 2,5 м — находились внутри районов.

Судя по имеющимся данным, все дома греческого поселения принадлежали к типу наземных построек на сырцовых и каменных цоколях с сырцовыми стенами (рис. 6). Площадь домов, по всей видимости, сильно варьировала — от нескольких десятков до 350 м² и даже более. Можно думать, что если не все, то во всяком случае большинство построек такого рода состояло из нескольких (до 10 и более) прямоугольных помещений площадью от 8 до 25 м², объединенных в блоки, окружавшие с двух или более сторон прямоугольный же двор площадью до

100 м². Полы некоторых помещений и поверхность отдельных дворов были замощены каменными плитами. Один или два дома колонии имели черепичную крышу, остальные — камышовую.

Большинство жителей колонии составляли, по-видимому, выходцы из Боспора. В пользу этого помимо облика самих строений поселения и характера застройки его площади, прямо указывающих на чисто эллинскую строительную традицию, со всей определенностью свидетельствует состав вещественных материалов, обнаруженных при раскрытии комплексов. В числе материалов наиболее показательными в этом смысле являются многочисленные обломки культовых и жанровых терракотовых статуэток боспорского изготовления, большая серия разного рода граффити на керамике, каменные жертвенники-эсхары и известняковая боспорская стела, обнаруженная с базой в кладке цоколя одного из домов греческого поселения [11, с. 130]. В этом же смысле, наконец, могут быть истолкованы и регулярные находки медных боспорских монет.

Вместе с тем совершенно очевидно, что наряду с греками на территории колонии проживали и варвары, в пользу чего свидетельствует присутствие в материалах лепной керамики. В этнографическом и технологическом отношениях, однако, последняя довольно резко отличается от лепной посуды более раннего времени, т. е. собственно варварского торжища.

Как уже отмечалось выше, основой хозяйственной деятельности населения вновь созданного эмпория в дельте Дона были скорее всего торговля и рыбная ловля, что, кстати сказать, находит прямое подтверждение в конкретных археологических материалах. Есть все основания думать, что одним из главных поставщиков импортной продукции в это время помимо Боспора становится Синопа, окончательно оттеснившая на более скромное место Гераклею Понтийскую. Весьма значительным по-прежнему остается ввоз вина из Херсонеса Таврического и Колхиды; разнообразная керамическая продукция поступает из городов Малой Азии. Вместе с тем создается впечатление, что при сохранении относительно высокого уровня торговой активности в «международной» сфере новый эмпорий как посредник в связях эллинов с варварскими племенами Подонья довольно быстро начинает терять завоеванные ранее позиции. Данное обстоятельство, по всей видимости, во многом может быть объяснено развитием неблагоприятных тенденций в степных и отчасти лесостепных районах Северо-Восточного Причерноморья, вызванных усилением военной экспансии кочевых орд сарматов на запад. Весьма примечательно, что именно посредническая торговля одной из первых наиболее четко и однозначно отреагировала на изменение конъюнктуры. Дальнейшее ухудшение общего положения в регионе привело не позднее 260 г. до н. э. к прекращению существования самого боспорского эмпория на территории Елизаветовского городища. С этого времени и до конца античной эпохи единственным форпостом греческой цивилизации в Нижнем Подонье становится сильно укрепленный Танаис.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Brašinskij I. B., Marčenko K. K.* Elisavetovskoje, Skythische Stadt im Don — Delta. München, 1984.
2. *Марченко К. К.* Дополнения к палеогеографии района Елизаветовского городища на Дону//Изв. СКНЦВШ. 1977. № 1.
3. *Брашинский И. Б., Марченко К. К.* Елизаветовское городище на Дону — поселение городского типа//СА. 1980. № 1.
4. *Брашинский И. Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V—III вв. до н. э. Л.: Наука, 1980.
5. *Брашинский И. Б.* Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья). Л.: Наука, 1984.
6. *Марченко К. К.* Лепная керамика V—III в. до н. э. городища у станицы Елисаветовской на Нижнем Дону//СА. 1972. № 1.
7. *Брашинский И. Б., Марченко К. К.* Строительные комплексы Елизаветовского городища на Дону//СА. 1978. № 2.
8. *Житников В. Г., Марченко К. К.* Новые данные о строительных комплексах Елизаветовского городища на Дону//СА. 1984. № 3.

9. *Брашинский И. Б.* Периодизация и хронология греко-варварских взаимодействий на Нижнем Дону — Северо-Восточном Приазовье//Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1983.
10. *Марченко К. К.* Основные этапы истории Елизаветовского поселения на Дону// Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1983.
11. *Марченко К. К.* Греческий эмпорий на территории Елизаветовского городища// АО-1982. М., 1984.
12. *Брашинский И. Б.* Отчет о работе Южно-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1980 г.//Рукописный архив ЛОИА АН СССР. КП-2558.
13. *Брашинский И. Б.* Аттическая расписная и чернолаковая керамика V в. до н. э. из Елизаветовского могильника//Тр. ГЭ. 1976. Т. XVII.
14. *Копылов В П., Марченко К. К.* Лепная керамика Елизаветовского могильника на Дону//СА. 1980. № 2.
15. *Брашинский И. Б., Марченко К. К.* К вопросу об этнической атрибуции Елизаветовского городища на Дону//Древности Евразии в скифско-сарматское время. М.: Наука, 1984.
16. *Каменецкий И. С.* Население Нижнего Дона в I—III вв. н. э.: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1965.
17. *Максименко В. Е.* Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1984.
18. *Марченко К. К.* Оборонительные сооружения Елизаветовского городища на Дону// СА. 1974. № 2.
19. *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М.: Наука, 1970.
20. *Книпович Т Н.* Опыт характеристики городища у станицы Елизаветовской по находкам экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры в 1928 г.// Изв. ГАИМК. 1985. Вып. 104.
21. *Шилов В. П.* Ушаковский курган//СА. 1966. № I.
22. *Грач Н. Л.* Круглодонные серебряные сосуды из кургана Куль-Оба (К вопросу о мастерских)//Тр. ГЭ. 1984. Т. XXIV.
23 *Брашинский И. Б., Марченко К. К.* Раскопки и разведки в дельте Дона//АО—1971. М., 1972.
24. *Головка Н. Н., Лукьяшко С. И.* Новые данные о херсонесском импорте на Нижнем Дону//Очерки древней этнической и экономической истории Нижнего Дона. Ростов-н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1980.
25. *Шилов В. П.* Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г.//СА. 1961. № 1.
26. *Марченко К. К.* Новая греческая колония в дельте Дона//Всесоюз. археол. конф. «Достижения советской археологии в XI пятилетке». Тез. докл. Баку, 1985.

K. K. Marchenko, V. G. Zhitnikov, E. V. Yakovenko

THE ELIZAVETOVSKOE FORTIFIED SETTLEMENT — —A GRAECO-BARBARIAN MARKET PLACE IN THE DON DELTA

Summary

The authors trace the history of one of the largest Scythian market places in the Northern Pontic steppes and divide it, according to archaeological finds, into four stages.

The first stage (between the late 6th and the 5th centuries B. C.) embraces the period of a seasonal winter camp where nomad Scythian tribes traded with the Greeks. It ends with this camp becoming a permanent settlement.

During the second stage which covered the first half of the 4th century B. C. a relatively small unfortified Scythian settlement turned into the largest Barbarian market-place of the entire north-eastern Pontic area.

The third stage between the mid-4th and early 3rd centuries B. C. was the heyday of economic activities and cultural life of the Scythian period in the Don delta. The Elizavetovskoe fortified settlement had become, by that time, an urban-type centre with administrative and religious functions, which offered protection to people in case of a military threat.

The fourth, and the last, stage started not later than 290-280 B. C. with an appearance of a large Greek colony established by the Kingdom of Bosporus.

Н. А. МАКАРОВ, А. В. ЧЕРНЕЦОВ

К ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТОВЫХ КАМНЕЙ

При изучении славянского язычества — темы, которой посвящено значительное количество исследований последних лет [1—7],— существующие археологические материалы до сих пор используются далеко не полностью. Лишь такие яркие, но сравнительно редкие памятники, как идолы [8—10] и святилища [11—14], полноценно привлекаются исследователями к изучению дохристианской религии славян. Между тем археологически известны также разнообразные амулеты [15—19] и дохристианские погребальные комплексы[1]. Анализ последних как памятников духовной культуры для всей территории, занятой славянами в дохристианский период,— задача, до сих пор не выполненная, несмотря на то, что эти материалы чрезвычайно многочисленны и разнообразны.

В последнее время в научный оборот начала вводиться группа памятников, распространенных в Восточной Европе не только у славян, но также в пределах ареала балтских и финно-угорских народов. Это служившие объектами поклонения культовые камни, представляющие собой или необработанные природные объекты, или предметы, имеющие на своей поверхности выемки, знаки и изображения, сделанные человеком, или иные следы обработки.

Упоминания о подобных камнях нередко встречаются в краеведческой литературе и некоторых этнографических работах [21, с. 635; 22, с. 57; 23, с. 682; 24, с. 18; 25, с. 165; 26, с. 10; 27, с. 116; 28, с. 9, 10; 29, с. 41, 42; 30, с. 161; 31]. Они стали также темой специальных археологических исследований и публикаций. Можно указать работу А. А. Формозова, посвященную одному из таких камней с территории Новгородчины [32]. Исследователь на основании изучения имеющихся на камне изображений относит его к первобытности. Наиболее обстоятельные работы, посвященные культовым камням в пределах значительных ареалов, основаны на материалах с территории Эстонии [33, с. 166—169], Латвии [34, с. 89—98; 35, с. 247—251; 36, с. 53, 54] и Финляндии [37, с. 65—77].

В настоящее время создались благоприятные условия для сбора и каталогизации культовых камней в пределах лесной зоны Восточной Европы[2], что обусловлено развертыванием широких обследований в связи с созданием Свода археологических источников по отдельным областям нашей страны. В число памятников, подлежащих регистрации в связи с этой работой, включены и культовые камни.

Недавно из печати вышла специальная статья А. А. Александрова [44], посвященная культовым камням в пределах части восточнославянского ареала — на Псковщине. Подобный почин следует, несомненно, всячески приветствовать, и появление работ, посвященных той же теме, для других территорий Русского Севера было бы крайне желательно. Вместе с тем следует отметить, что изучение культовых камней представляет значительные трудности, многие из которых А. А. Александро-

[1] Новейший обзор погребального обряда и курганных древностей в пределах всего восточнославянского ареала сделан В. В. Седовым в вышедшем в 1982 г. томе «Археологии СССР» [20].

[2] Отметим ряд новых публикаций, посвященных культовым камням, появившихся в основном уже после сдачи данной статьи в печать [38—42]. Важные данные о традициях почитания камней на Крайнем Севере приведены в статье И. С. Гурвича [43].

ву преодолеть не удалось. В ряде случаев его статья представляет собой по сравнению с рядом работ его предшественников даже шаг назад в методическом отношении. Несомненно, на недостатки этой работы необходимо указать именно теперь, когда изучение культовых камней находится еще в начальной стадии, а методика их обследований и описания только разрабатывается.

Собирая материалы о культовых камнях на территории Европейского Севера, один из авторов данной статьи имел возможность конкретно ощутить те трудности, с которыми приходится сталкиваться при описании и попытках интерпретации подобных памятников.

Прежде всего следует отметить, что культовые камни — природные объекты, несущие на себе минимальные следы человеческой деятельности, а иногда совершенно лишенные таких следов. Имеющиеся на них «изображения» крайне примитивны. В ряде случаев трудно ответить на вопрос, являются ли выемки и знаки на камнях искусственными или они образовались в результате естественного разрушения камня. Но даже тогда, когда происхождение выемки на камне бесспорно искусственное, натурное изучение не дает непосредственной информации о времени ее появления и той этнокультурной среде, с которой связано происхождение подобных «знаков».

Еще в начале XX в. многие камни служили объектами почитания, им приписывалась целительная сила; воду, собиравшуюся в углублениях, считали целебной и использовали для питья и омовений. У камней устраивались коллективные молебны. В качестве жертв на камни клали хлеб, ягоды, деньги, воск, лен, овечью шерсть, приносили сюда и части одежды. Нередко объектом почитания служил не столько сам камень, сколько местность, в которой он находился. При этом степень «святости» камней с выемками была неодинаковой: некоторые из них служили лишь топографическими ориентирами, с которыми были связаны местные предания, и не являлись объектами поклонения; о целительных свойствах, приписывавшихся другим камням, было известно населению целых уездов, и приношения им совершали паломники, приходившие за десятки верст. Связь между внешними признаками камня и степенью его почитаемости не прослеживается. Часто объектом почитания были камни, не имеющие выемок; форма и поверхность их не были ничем примечательны.

Религиозные верования, связанные с культовыми камнями, имеют черты глубокого архаизма. В то же время почитание многих камней нельзя безоговорочно относить к языческой традиции, поскольку оно было тесно связано с культом христианских святых. По народным представлениям, оставленный на камне след часто принадлежал какому-либо святому, рядом с почитаемыми камнями ставили не только поклонные кресты, но иногда деревянные и каменные часовни. Древнерусские письменные источники упоминают камни, связанные с Христом, Богородицей и святыми среди христианских святынь Востока, в их числе есть и камни-следовики [45, с. 108, 109; 46, с. 8; 47, с. 15, 16; 48, с. 105, 108]. Почитание подобных реликвий нередко поддерживалось местными церковными властями.

Культовые камни, почитавшиеся в качестве христианских святынь, представлены на многих древнерусских миниатюрах. В рукописях XVI в. они обычно изображены шарообразными (обобщенная идеальная форма необработанного камня). Точно так же в виде шара представлен и культовый камень, служивший объектом поклонения коми-язычников, на известной миниатюре Лицевого летописного свода, посвященной деятельности Стефана Пермского и опубликованной А. В. Арциховским [49, с. 134, 135, рис. 37]. Есть на миниатюрах Свода и изображения камней-следовиков из числа христианских святынь Востока (с отпечатком «десницы божией» и ступни Христа)[3].

[3] См. миниатюры Второго Остермановского тома Лицевого летописного свода (БАН, 31.7, 30, л. 312 и 312 об.; Латевский том ГПБ, F IV. 233. л. 599).

Таким образом, даже при самом обобщенном рассмотрении комплекс религиозных представлений, относящихся к культовым камням, оказывается достаточно разнородным. По-видимому, если для этнографов и краеведов интерес представляют все камни, поклонение которым имело место, то для археологов интересны только те, которые имеют следы обработки в древности, а также камни, поклонение которым в ранние времена как-то документировано (например, связанные с культурным слоем, включающим остатки жертвенного комплекса).

Первоочередной задачей для археолога являются точное описание культового камня и установление естественного или искусственного характера углублений, если они имеются. Большое значение также имеют анализ топографической ситуации и выявление связи камня с какими-либо другими памятниками археологии. Это едва ли не единственный возможный способ датировки культовых камней, поскольку раскопки с целью поиска жертвенных комплексов часто оказываются безрезультатными. Только после проведения подобных обследований камень может считаться описанным как археологический объект.

А. А. Александров собрал сведения о 67 культовых камнях, известных на территории Псковской обл. В статье не указаны прямо те критерии, на основании которых те или иные камни отнесены к категории культовых, но из текста следует, что таким критерием являлось для автора прежде всего наличие на камнях «изображений», хотя существование устной традиции, считающей камень «святым», также принималось во внимание. Из текста статьи ясно также, что квалифицированному археологическому обследованию подвергались не все камни, о многих из которых А. А. Александров судит по сведениям местных жителей и краеведов. Между тем отличить искусственное углубление на камне от естественного, выбитую выемку — «след» от природной неровности не всегда легко даже специалисту-археологу. Автор статьи не фиксирует внимание на этом вопросе. Создается впечатление, что он исходит из априорного убеждения, что все «выемки» и «изображения» на камнях искусственные и в задачу исследователя входят только их классификация, выделение изображений ступни с имитацией обуви, босой ступни, конского копыта, медвежьей лапы, овечьего следа и т. п. Описание этих изображений и фотодокументация сведены к минимуму, поэтому судить о том, как они выглядели, читателю трудно. Так, например, неясно, о чем идет речь, когда А. А. Александров упоминает следовики с «отпечатком» босой или обутой ступни. Если обутая ступня — не просто обобщенный силуэт, а, действительно, изображение отпечатка ноги, на котором специально моделированы детали обуви, а босая ступня трактована с выделенными пальцами ног, то эти черты следует ясно оговорить. Аналогичным образом, говоря об изображениях следов различных животных, следует указывать, на чем основывается определение. Существование изображения следа, допускающего точное видовое определение соответствующего животного, в принципе возможно, однако известно, что выемки на камнях-следовиках чаще всего имеют очень простую форму и могут рассматриваться лишь как обобщенное изображение следа. Если же автор, говоря о том, чьи следы представлены на камнях, воспроизводит местную традицию, то об этом необходимо ясно сказать. Здесь же отметим, что для того, чтобы материал можно было считать введенным в науку, все искусственные изображения на камнях должны быть представлены в виде фотографий. У А. А. Александрова же информация о 67 культовых камнях сопровождается лишь тремя фотографиями, причем фотография самой распространенной категории камней — с выемкой в виде человеческого следа — вообще отсутствует. Если рассматривать статью этого исследователя как предварительный обзор материала, который предполагает в дальнейшем исчерпывающую публикацию, то и в этом случае нельзя ограничиваться только перечислением разновидностей изображений, имеющихся на камнях; нужно было представить их графически хотя бы на сводной таблице. Без нее в ряде случаев вообще непонятно, о чем идет речь

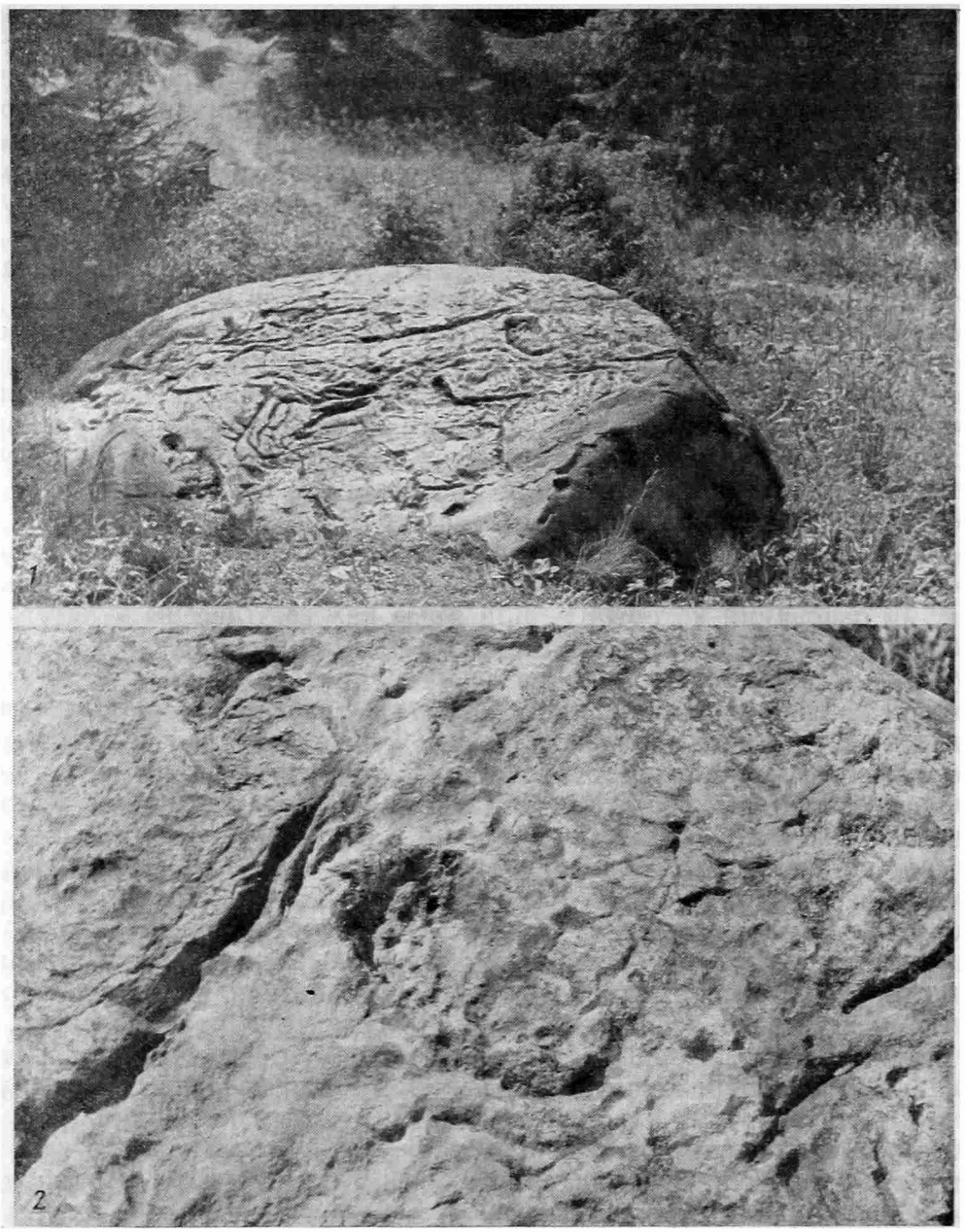


Рис. 1. Камень Кирилла Белозерского. *1* — общий вид; *2* — углубление в форме следа

(А. А. Александров пишет об изображении ключа, котла и т. п.). Камни, представленные на двух фотоснимках, по-видимому, вопреки мнению автора статьи не имеют следов обработки. Выемка на камне, представленном на рис. 2, которую А. А. Александров считает изображением конского копыта, очевидно, является случайным сколом. Выпуклое изображение креста на камне на рис. 3 образовалось вследствие неравномерного разрушения камня, имеющего слоистую структуру с разной плотностью в разных частях. Это наводит на мысль, что и среди остальных камней, которые рассматриваются в статье, немало природных объектов без всяких следов обработки.

Естественный характер углублений в форме следа на некоторых культовых камнях, пользовавшихся большой известностью и почитанием, устанавливается вполне определенно. Так, углубление на «камне Кирилла», лежащем на вершине горы Мауры, недалеко от Кирилло-Белозерского монастыря, имеет естественное происхождение (рис. 1). Между тем этот камень является в Белозерье наиболее известным следовиком, о существовании которого знало население всего бывшего Кирилловского уезда и который был неоднократно описан в числе ре-

ликвий Белозерского края [50, л. 13; 51, с. 5; 52, с. 57; 53, с. 32]. В районе Александро-Ошевенского монастыря на Каргополье известны два следовика[4], почитание которых продолжалось вплоть до начала XX в. На одном из камней выемка («след») выкрошилась, и судить о ее искусственном или естественном характере в настоящее время невозможно. «След» на другом камне представляет собой природное углубление, однако местные жители считали его отпечатком ноги Александра Ошевенского и ежегодно устраивали здесь большие моления. В Полужье Г С. Лебедев также обследовал культовый камень с естественным углублением и следами обработки на поверхности. В XVI—XIX вв. на камне стояла часовня [54, с. 18]. И. Хаутала, автор обобщающей работы о культовых камнях Финляндии, считает большинство чашеобразных выемок малого диаметра искусственными, но отмечает случаи, когда объектами почитания в живой этнографической традиции являлись камни с естественными выемками [37, с. 70, 71]. А. В. Цауне, суммировавший материал о следовиках Латвии, также склоняется к выводу, что выемки на них имеют естественное происхождение. При этом он основывается на целом ряде наблюдений, указывая, что бесспорные следы обработки на этих камнях отсутствуют, выемки располагаются бессистемно, а сами камни имеют крупнозернистую структуру и легко разрушаются под воздействием атмосферных явлений [35, с. 249]. Разумеется, приведенные факты не дают основания считать все выемки в форме следа природными, но они достаточно ясно указывают, что вопрос о происхождении выемок заслуживает особого рассмотрения и не может быть обойден.

Представление А. А. Александрова, будто все камни, бывшие объектом почитания, непременно должны нести какое-либо изображение, едва ли справедливо. Хорошо известны культовые камни, на поверхности которых углубления как искусственного, так и естественного происхождения вообще отсутствуют. Известный Антониев камень, лежавший в паперти собора Рождества Богородицы в новгородском Антониеве монастыре, лишен каких-либо знаков (если не считать несохранившегося изображения Антония Римлянина и Богоматери, написанного красками на залевкашенной поверхности камня, о котором известно по документам XVI—XVII вв.). Почитание этого камня началось до того, как он был перенесен в паперть собора и на нем было написано изображение Антония [55]. Отсутствуют выемки и на камне Прокопия Устюжского, вмонтированном в стену паперти Прокопиевского собора в Великом Устюге и в течение долгого времени служившем объектом религиозного почитания. То же самое можно сказать и о знаменитом «синем камне», лежащем на берегу Плещеева озера под Переяславлем-Залесским. Э. Манкер, автор капитального исследования о саамских святилищах, где основными объектами поклонения были камни, суммировав сведения о 507 культовых местах, отметил лишь два случая, когда камни были обработаны. В остальных случаях почитались природные объекты, иногда имевшие причудливую форму [56, с. 304].

Мы не сомневаемся, что среди 67 культовых камней, данные о которых собраны А. А. Александровым, немало камней с искусственными выемками и немало также камней с естественными углублениями, которые, действительно, были культовыми. Но в эту же сводку, по-видимому, попали и данные о природных объектах, никогда не бывших предметами почитания.

Статья А. А. Александрова имеет название «Следы язычества на Псковщине», причем из него не следует, что автор связывает рассматриваемые камни с каким-то конкретным этносом. Действительно, такая привязка, учитывая отсутствие каких-либо оснований для датировки, едва ли может быть произведена. При дальнейшем изложении автор, однако, явственно склоняется к тому, чтобы под словом «язычество»

---

[4] См. Приложение в конце статьи.

подразумевалось только язычество восточных славян[5]. Поэтому все поиски объяснения культового значения камней в его статье устремлены исключительно в сферу культа и мифологии славянских народов.

А. А. Александров связывает почитание камней с культом бога Велеса. Это положение по существу ничем не обосновано, кроме того, что среди приношений камням встречались животные продукты, в том чиле шерсть. Между тем говорить о преимущественной связи культа камней исключительно с одним божеством или хотя бы в целом только с высшими божествами славянского пантеона можно только, если для этого имеются веские основания. То, что углубления на камнях трактуются как следы разных существ и имеют разные размеры, скорее свидетельствует в пользу того, что почитание камней могло быть связано с культом различных сверхъестественных персонажей языческой мифологии (причем, вероятно, главным образом низших). Среди верховных божеств восточнославянского Олимпа лишь один связан в древнерусских текстах с камнями — бог Род («то ти не Род сидя на воздусе мечет на землю груды и в том рождаются дети»[6]).

В исследованиях по славянской языческой мифологии горы, камни и священные деревья обычно рассматриваются как атрибуты Перуна, а отнюдь не Велеса.

Неудачна и аргументация А. А. Александрова о связи культовых камней с лешим. Действительно, по народным преданиям леший мог изменять рост: в лесу (в своей стихии) он великан, на открытом пространстве — ниже травы. Тем не менее разные размеры изображений человеческой стопы едва ли связаны с этим поверьем. Скорее пестрота размеров, равно как и наличие на камнях наряду с человеческими «следами» также и звериных, говорит о том, что культ камней мог быть связан с широким и разнообразным кругом мифологических персонажей (нельзя исключать и возможности их связи с представлениями об оборотничестве). Если поклонение лешему-великану как хозяину леса вполне вероятно, то его культ в образе карлика, потерявшего свою силу в чужой среде, совершенно необъясним и маловероятен.

Таким образом, интерпретации А. А. Александрова крайне сомнительны, даже если исходить только из славянской мифологии[7].

Между тем почитание ряда камней, несомненно, связано с дославянской эпохой. О почитании камней в дохристианский период у восточных славян из письменных источников мы ничего не знаем (хотя вполне вероятно, что оно существовало). Для датировки всех культовых камней Псковщины или их части недостаточно глухой ссылки на работу дру-

---

[5] В опубликованных ранее тезисах, посвященных той же теме, А. А. Александров склонен связывать почитание культовых камней с балтским этносом. Он указывает, что «письменные источники не дают сведений о культе камней у славян» [57, с. 17].

[6] В этом не вполне ясном тексте следует выделить две черты, которые вводят его в контекст древнерусских верований. Бог, сидящий «на воздусех» и мечущий оттуда камни, очевидно обнаруживает черты громовержца. На возможность сближения Рода и Перуна указывал в свое время еще Ф. И. Буслаев [58, с. 361]. Связь бросания камней с неба с рождением детей напоминает сообщение Ипатьевской летописи о веверицах и оленях, выпадающих из тучи в северных странах [59, стб. 277]. Сопоставление этого отрывка летописи с цитатой о Роде показывает, что образ громовержца и тучи в славянской мифологии был непосредственно связан с идеей плодородия.

[7] Материалы по народным верованиям и обрядам восточных славян XV—XVII вв. и данные этнографии свидетельствуют о чрезвычайном разнообразии представлений, связанных с камнями. Обычное во многих русских заговорах упоминание про «латырь бел-горюч камень» [60], возможно, навеяно представлениями о культовых комплексах, включавших почитаемые камни. Отметим упоминание в «Домострое» «стрелок громовных» и «топорков», т. е. первобытных кремневых орудий, в числе амулетов. Там же имеется и не вполне ясный термин «днокамение» [61, с. 22], несомненно, связанный с представлениями о камне. В письменных источниках упоминаются чародейские средства из камней, якобы находимых в голове, теле или гнезде реальных или мифических существ [58, с. 34, 35; 62, с. 102]. Амулеты в виде необработанных камней (иногда с естественным отверстием) — популярный образчик крестьянской хозяйственной магии («куриный бог»). Камень как чародейское средство упоминается в заговоре XV в. от зубной боли («положи челюсть на камени...») [63, с. 356]. Многократно фиксировалась связь камня с погребальным культом (камни в насыпи, обкладки жальников, камни или кирпичи в могильной яме — «каменные подушки» и т. п. [64]).

гого автора, где говорится об их «микрорегиональной связи» с длинными курганами. Находки культовых камней-следовиков и одного с чашечными углублениями на вершинах нескольких курганных насыпей, в том числе одной сопки, также не является свидетельством того, что сооружение курганов и начало почитания находящихся ныне на них камней одновременно. Камни могли попасть на вершину кургана уже после того, как обычай насыпания последних ушел в прошлое. Едва ли можно принять безоговорочно и положение автора о том, что чашечные углубления на камнях появляются в более раннее время, чем изображения следов. Действительно, изображения отпечатка руки или ноги на камне (скале) известны уже в каменном веке.

Известные по этнографическим данным примеры почитания камней совершенно не обязательно представляют собой традицию, непосредственно восходящую к раннему средневековью. Ошевенские следовики, почитание которых продолжалось еще в начале XX в., находятся на территории, до XV в. не заселенной, и, вполне вероятно, начало их почитания связано со становлением местного культа Александра Ошевенского, а не с дохристианским периодом в истории края. В Антониево-Сийском монастыре почитанием пользовался «камень Антония Сийского», представляющий собой прямоугольную плиту с уступом — очевидно, архитектурную деталь, попавшую на территорию монастыря во время каких-то строительных работ, т. е. не ранее конца XVI в. [65].

В Северном Белозерье, на р. Индоманке, одним из авторов обследован камень с одиночным чашечным углублением, находящийся в нескольких десятках метров от селища XVI—XVII вв. и могильника того же времени, причем более ранние памятники в этой округе неизвестны [66, л. 9, 10].

Первые документальные известия о почитании «камня Антония Римлянина» в Новгороде восходят к середине XVI в. [55]. Часовня, стоявшая на камне с выемкой в Полужье, на оз. Врево, согласно Г. С. Лебедеву, была построена в XVI в. [54]. Интересные сведения о почитании культовых камней в Переяславской округе в XVII в. содержатся в «Житии Иринарха Борисоглебского» [67, с. 26]. По-видимому, значительное оживление культа камней приходится в севернорусских областях на XVI—XVII вв., и почитание некоторых камней впервые началось в этот период.

В конце своей статьи А. А. Александров касается найденных на территории Псковщины каменных изваяний. Два из них, по его мнению, близко соответствуют описанию Вундерера. Отметим, что историки традиционно не склонны полностью доверять сведениям этого автора[8]. Вероятно, следовало хотя бы упомянуть о существовании таких сомнений. Едва ли можно безоговорочно атрибутировать одного из идолов как Услада. Существование такого божества представлялось сомнительным почти всем исследователям славянского язычества. А. А. Александров упорно следует в своих представлениях о восточнославянском пантеоне недостоверной Густынской летописи (он ссылается на нее даже в тех случаях, когда аналогичные сведения есть в более авторитетных летописных текстах). Сомнительно и определение второго идола как Хорса. В отличие от описания Вундерера нет змеи, на которой он должен стоять. Наличие стрелы, тем более громовой (как ее называет сам А. А. Александров), скорее свидетельствует о том, что это Перун. Однако при отсутствии оснований для точной датировки изваяний атрибуция затруднена. Еще одно изваяние с территории Псковщины описано таким образом, что понять, что это такое, нельзя даже при самом

[8] См., например, у К. Бестужева-Рюмина: «...рассказывает такие чудеса, будто во Пскове он видел идолов Услада (которому и идола никогда не было) и Корша (т. е. Хорса), будто супруга Феодора называлась Арня Втовя, дочь епископа Триверского и т. п.» [68, с. 188]. Характерный курьез в описании Вундерером языческих идолов: по его словам, Услад был представлен... с крестом в руках. А. А. Александрова эта черта не смущает, он даже привлекает именно это место описания для определения одного из рассматриваемых им изваяний.

богатом воображении — «идол... представляет собой изображение женской груди». Несмотря на свидетельства Вундерера и приводимые А. А. Александровым русские тексты, трудно поверить в то, что псковичи в XVI в. все еще поклонялись идолам. Слова «идолослужение» и «кумирослужение» в церковных поучениях нередко употреблялись в значении «нечестивые языческие обряды», а не буквально.

Изучение язычества восточных славян — очень важная тема, в которой много нерешенных и запутанных вопросов. Поэтому введение в научный оборот новых материалов, конкретизирующих наши представления,— насущная задача всех исследователей, касающихся данной проблемы. При этом необходим очень строгий подход к материалу, иначе может получиться, что мы не столько обогащаем науку новыми материалами, сколько засоряем научные публикации необоснованными предположениями, якобы вытекающими из них.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Материалы о почитании Ошевенских следовиков [9]

В настоящей работе публикуются материалы о двух камнях-следовиках, обследованных одним из авторов в Каргопольском р-не Архангельской обл. [69, с. 49, 50]. Оба камня находятся на территории Ошевенского погоста, в верхнем течении р. Чурьеги (бассейн р. Онеги), вблизи бывшего Александро-Ошевенского монастыря. Первый из них лежит в 100 м к югу от монастыря, в старой сосновой роще рядом с небольшим озером. Камень имеет неправильную четырехугольную форму. Его длина — 4, ширина — 3, высота — 1,5 м. Верхняя плоскость камня немного наклонна, середина ее сильно выкрошилась, так как на камне разводили большой костер, повредивший «след». Ныне углубление имеет круглую форму диаметром 40 см, но, по рассказам местных жителей, неповрежденное углубление было овальным в плане и действительно напоминало человеческий след. Согласно легенде, «след» появился на камне после того, как на нем отдыхал монах Александр, основатель монастыря, пришедший в незаселенный край, чтобы выбрать место для обители.

Опрос многочисленных информаторов (старожилов пожилого возраста) позволил восстановить подробную картину обрядности, связанной с культовым комплексом, в который входили ошевенские следовики.

Объектом почитания служили роща, озеро и камень. Последний был известен по всему Каргополью. На молебен сюда приходили за 60—80 верст. Большие молебны устраивались 9 мая (день св. Николая) и в июне. Во время этих праздников молящиеся наступали босыми ногами на «след Александра Ошевенского», считая, что это излечивает болезни ног. Сосны, растущие вокруг озера, было запрещено рубить, и запрет этот строго соблюдался, в то время как весь остальной лес около Ошевенска вырублен. В роще на берегу озера объектами поклонения являлись четыре деревянных креста, к которым молящиеся привязывали платки, полотенца и клали деньги. Делалось это обычно в случае болезни, причем для излечения от головной боли к кресту привязывали головной платок, для избавления от боли в спине — передник, для избавления от боли в ногах — ботинки и т. д. При этом головные платки привязывали к верхней части креста, а ботинки — к нижней (очевидно, крест в какой-то мере ассоциировался с антропоморфным образом).

Материалы «Жития Александра» позволяют относить основание монастыря к 30-м годам XV в. [70, с. 110]. Александр переселился на Чурьегу вслед за своим отцом, пришедшим сюда из Белозерья. Согласно «Житию», «Александр обходивше многа места и приидоша на некое место Богом наставляем, угодно бе к монастырскому строению. Около же

[9] Материалы о следовиках были собраны Н. А. Макаровым в 1979 г., в ходе работ Северной экспедиции Института археологии АН СССР (начальник экспедиции — С. В. Ошибкина).

Рис. 2. Камень с углублением в виде следа в окрестностях Ошевенска

его блата и дебри» [71, л. 48 об.]. «Житие Александра Ошевенского» не содержит упоминаний о камне. Однако почитание рощи, в которой лежит камень, имеет достаточно древнюю историю. Указание на это содержится, в частности, в «Кратких исторических сведениях Каргопольского Александро-Ошевенского монастыря по 1843 г.», составленных письмоводителем монастыря Макаром Кожемятниковым. «Монастырь расположен на ровном и сухом месте над рекою Чурьегою, протекающей с восточной стороны. От монастыря подле эту реку сосновая роща, с самого пришествия Александра на сие место она никем истребляема не была, как при нем, равно и поныне» [72, л. 27а]. Сосновая роща, находящаяся у монастыря, но на правом берегу Чурьеги, изображена на иконе Александра Ошевенского первой половины XVIII в. [73, с. 337]. Вероятно, иконописцу пришлось перенести рощу на другой берег реки, так как композиция иконы не давала возможности изобразить участок к юго-востоку от монастыря, где она находилась в действительности. Рукопись Кожемятникова проливает свет и на происхождение летнего празднования памяти Александра. В день официального празднования — 20 апреля в монастыре собиралось лишь немного богомольцев «по случаю водоразлития от снега в вешнее время, поэтому постановлено по древнему положению вторично память отправлять Петрова поста в первое воскресение (а кем именно, того неизвестно) по случаю тогда удобного и сухого пути...» [72, л. 34].

Второй следовик находится в местности Валдово, в 1,5 км к северо-востоку от монастыря, также на берегу небольшого озерка. Рядом стоит «святое дерево» — две сосны, растущие из одного корня (рис. 2, 3). Камень лежал на паперти ныне не существующей часовни Всех Скорбящих. В деревне сохранилось предание о том, что часовня была построена «по завету» (обету), после спасения охотника, чуть не утонувшего в озерке, но сумевшего выбраться на берег. Камень представляет собой обтесанную плиту прямоугольной формы размером 1×1,5 и высотой 0,3 м, расколотую пополам. Посредине плиты хорошо прослеживается «след» — овальное углубление длиной 40 и шириной 15 см, вероятно, естественного происхождения. Сбоку на камне высечено число 1876 — год строительства часовни, во время которого камень-следовик и был обтесан. Выемка-«след» имеет шероховатую поверхность, более выщербленную, чем обработанная верхняя грань плиты. По легенде, происхождение «следа» связано с тем, что на камень ступил ногой Александр Ошевенский.

Рис. 3. «Священная» сосна в окрестностях Ошевенска. Фото 1979 г.

Обряды, совершавшиеся у этого следовика, близки описанным выше. Большие моления устраивались здесь в Вербное воскресенье и за неделю до Троицы и собирали жителей двух-трех ближайших деревень. Во время молений те, у кого болели ноги, разувались и наступали босыми ногами на «след». В озеро и в дупло одной из сосен бросали деньги, к соснам приносили части одежды, причем каждый старался привязать свое приношение как можно выше, для чего приходилось залезать на деревья.

Когда же началось почитание ошевенских следовиков? Наши разведки по берегам р. Чурьеги не выявили здесь каких-либо археологических памятников древнее XV—XVI вв. Безрезультатными были и разведки, проведенные здесь А. Я. Брюсовым [74, л. 2]. Ошевенск удален от крупных рек и озер, в непосредственной близости от которых находятся все археологические памятники (от мезолитических до раннесредневековых), известные в настоящее время на Севере. Между тем, судя по каргопольской платежнице и сотной, к середине XVI в. существующая здесь система деревень уже сложилась [75, с. 265]. Поэтому версия «Жития Александра Ошевенского», согласно которой, его отец поселился в начале XV в. на неосвоенной территории, выглядит вполне правдоподобной. Следовательно, культ ошевенских следовиков не древнее XV в. Можно предполагать, что он оформился именно в это время.

Ошевенские следовики являются составной частью своеобразного культового комплекса, который включал священные деревья, водоемы, камни, культовые сооружения (кресты, часовню). Местный святой выступал покровителем этой сакральной зоны и одновременно ее учредителем, сообщившим чудесные свойства перечисленным объектам. Главное из этих свойств — способность давать исцеления. Судя по содержанию легенд, культ камней в известной мере носил характер почитания первого поселенца, положившего начало хозяйственному освоению микрорегиона и оставившего здесь первый человеческий след.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Токарев С. А.* Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957.
2. *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М.: Наука, 1974.
3. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1981.
4. *Winke F.* De Godsdienst der Slaven. Roermond, 1969.

5. *Ledic F.* Mythologia slavena (tragom kultova i vjerovanja starih slavena) V. I, II. Zagreb, 1969, 1970.
6. *Łowmianski H.* Religia poganskich Slowian, a jej upadek. Warszawa, 1979.
7. Symposium international et pluridisciplinare sur le paganisme Slave. Bruxelles — Gand, 21—24 mai 1980. Contributions//Slavica Gandensia, 7/8. Gand, 1980/1981.
8. *Гуревич Ф. Д.* Збручский идол//МИА. 1941. № 6.
9. *Гуревич Ф. Д.* Каменные идолы Себежского музея//КСИИМК. 1954. Вып. 54.
10. *Рыбаков Б. А.* Святовит-Род//Liber Josepho Kostrzewski octogenario a veneratoribus dicatus. Warszawa, 1968.
11. *Седов В. В.* Древнерусское языческое святилище в Перыни//КСИИМК. 1953. Вып. 50.
12. *Русанова И. П.* Языческое святилище на р. Гнилопять под Житомиром//Культура Древней Руси. М.: Наука, 1966.
13. *Куза А. В., Соловьева Г Ф.* Языческое святилище в земле радимичей//СА. 1972. № 1.
14. *Тимощук Б. А., Русанова И. П.* Славянские святилища на среднем Днестре и в бассейне Прута//СА. 1983. № 4.
15. *Гольмстен В. В.* Лунницы Российского исторического музея//Отчет Исторического музея за 1913 г. М., 1914.
16. *Орлов А. С.* Амулеты-змеевики Исторического музея//Отчет Государственного Исторического музея за 1916—1925 гг. М., 1926.
17. *Журжалина Н. П.* Древнерусские привески-амулеты и их датировка//СА. 1961. № 2.
18. *Даркевич В. П.* Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве//СА. 1961. № 4.
19. *Седов В. В.* Амулеты-коньки из древнерусских курганов//Славяне и Русь. М.: Наука, 1968.
20. *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. Археология СССР. М.: Наука, 1982.
21. *Богатырев П. Г* Верования великоруссов Шенкурского уезда//ЖС. 1916. № 3—4.
22. *Даль В. И.* О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб.; М., 1880.
23. *Неуступов А. Д.* Народная медицина в Кадниковском уезде//Изв. АОИРС. 1912. № 15.
24. *Романов Е. Р.* Белорусский сборник. Вып. IV. Вильно, 1891.
25. *Снегирев И. М.* Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 1. М., 1837.
26. *Соколовы Ю. М. и Б. М.* Живая старина в Белозерском крае//Тр. Предварительного комитета по подготовке XV АС. Т. I. СПб., 1911.
27. *Порфиридов Н. Г.* Камни с изображениями и знаками//НИС. 1940. Вып. 7.
28. *Троицкий Н. И.* Следы язычества на пространстве между верховьями рек Оки и Дона//Памятная книжка Тульской губернии за 1893 год. Тула, 1892.
29. *Трусман Ю. А.* Полуверцы Псково-Печерского края//ЖС. 1980. № 1.
30. *Якушкин Е. И.* Молитвы и заговоры в Пошехонском уезде//Тр. ЯГСК. 1868. Вып. V.
31. *Янчук Н. А.* По Минской губернии//Труды этнографического отдела ОЛЕАЭ. 1889. Кн. IX, вып. 1.
32. *Формозов А. А.* Камень «Щеглец» близ Новгорода и камни-«следовики»//СЭ. 1965. № 5.
33. *Tallgren A. M.* Zur Archäologie Eestis. V II. Dorapt, 1925.
34. *Caupe A.* Dobumakameni Latvija//Archeologia un Etnografia. XI. Riga, 1974.
35. *Caupe A.* Pedakameni Latvija//Dabas un vestures kalendars. Riga, 1971.
36. *Цауне А. В.* Культовые камни на территории Латвии//Археология Пскова и Псковской земли. Тез. докл. семинара. Псков, 1983.
37. *Hautala J.* Survivals of the Cult of Sacrifice Stones in Finland//Temenos. 1965. 1.
38. *Рыбаков Б. А.* Сампо и сейды//Новое в археологии СССР и Финляндии. Доклады Третьего советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии. Л.: Наука, 1983.
39. *Сакса А. И.* Исследование новых средневековых памятников на Карельском перешейке//Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.: Наука, 1985.
40. *Дучиц Л. В.* Культовые валуны, каменные идолы и кресты на территории Белоруссии//Археология Пскова и Псковской земли. Тез. докл. семинара. Псков, 1985.
41. *Матулис Р.* Литовские жертвенные камни//Археология Пскова и Псковской земли. Тез. докл. семинара. Псков, 1985.
42. *Шорин М. В.* Вопросы изучения культовых камней на территории Новгородской области//Изучение истории и культуры Новгородской земли. Тез. докл. конференции. Новгород, 1987.
43. *Гурвич И. С.* Культ священных камней в тундровой зоне Евразии//Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.: Наука, 1968.
44. *Александров А. А.* О следах язычества на Псковщине//КСИА. 1983. Вып. 175.
45. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце двенадцатого столетия. СПб., 1872.
46. Хождение Игнатия Смолянина//ППС. 1887. Т. IV Вып. 12.
47. Повесть Епифания о Иерусалиме и сущих в нем местах//ППС. 1896. Т. IV, вып. 11.
48. Патриаршая, или Никоновская летопись//ПСРЛ. 1965. Т. XI.
49. *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М.: Изд-во МГУ, 1944.

50. *Макаров Н. А.* Отчет о разведках в Архангельской и Вологодской областях в 1980 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1. № 7956.
51. *Макарий.* Описание Ферапонтовской волости. Б. м., б. г.
52. *Шевырев С. П.* Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. М., 1856.
53. *Арсений.* Белозерская обитель и ее основатель преподобный Кирилл. СПб., 1901.
54. *Лебедев Г. С.* Памятники Дремяцкого плато в Верхнем Полужье//АО—1979. М., 1980.
55. *Макаров Н. А.* Камень Антония Римлянина//Новгородский сборник. 2(12). Л.: Наука, 1984.
56. *Manker E.* Lapparnas Heliga ställen//Acta Lapponica. V XIII. Uppsala, 1957.
57 *Александров А. А.* Следы язычества на Псковщине//Археология Пскова и Псковской земли. Тез. докл. семинара. Псков, 1982.
58. *Буслаев Ф. И.* Сочинения. Т. II. СПб., 1910.
59. Ипатьевская летопись//ПСРЛ. 1962. Т. II.
60. *Майков Л. Н.* Великорусские заклинания//Записки Русского географического общества по Отделению этнографии. Т. II. СПб., 1868.
61. Домострой по Коншинскому списку и подобным. М., 1908.
62. *Турилов А. А., Чернецов А. В.* О письменных источниках изучения восточнославянских народных верований и обрядов//СЭ. 1986. № 1.
63. *Тихонравов Н. С.* Памятники отреченной русской литературы. Т. II. СПб., 1863.
64. *Макаров Н. А.* Каменные подушки в погребениях древнерусских городских некрополей//СА. 1981. № 2.
65 *Макаров Н. А.* Отчет о работах Онежского-Сухонского археологического отряда в 1983 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1. № 10604.
66. *Макаров Н. А.* Отчет о разведках и раскопках в Вологодской области в 1981 г.// Архив ИА АН СССР. Р-1. № 8481.
67 Житие преподобного Иринарха, затворника Ростовского Борисоглебского монастыря. СПб., 1909.
68. *Бестужев-Рюмин К.* Русская история. Т. I. СПб., 1872.
69. *Ошибкина С. В., Макаров Н. А.* Отчет о работе Северной экспедиции в 1979 г.// Архив ИА АН СССР. Р-1. № 7451.
70. *Яхонтов И.* Жития святых севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881.
71. ГИМ. Синодальное собрание. № 413.
72. Краткие исторические сведения Каргопольского Александро-Ошевенского монастыря по 1843 г.//Научный архив КФ АН СССР. ЯФ VIII. Оп. 1. № 16.
73. *Мильчик М. И.* Северный деревянный монастырь на иконах XVII—XIX вв.//Памятники культуры. Новые открытия. Л.: Наука, 1979.
74. *Брюсов А. Я.* Отчет о результатах работ Архангельской археологической экспедиции в 1961 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1. № 2277.
75. Платежная книга Каргопольского уезда//САС. 1972. Вып. 2.

N. A. Makarov, A. V. Chernetsov

ON THE STUDY OF SACRED STONES

Summary

The authors deal with a numerous category of finds represented by sacred stones. Some of these cultic objects were just stones, other bear signs or images, or other traces of processing. Natural or man-made depressions on stones were often considered to be the trace of some supernatural or mythological persons. In Eastern Europe these stones are found mainly in the forest zone and are not connected with any particular ethnos. As a rule there are no dating features. The authors surmise that worship of sacred stones was a relatively late phenomenon which developed in the 15th-17th centuries. They supply descriptions of the rites connected with the cult of two stones which allegedly bear the foot traces of Alexander of Osheven (15th century).

В. Е. НАХАПЕТЯН

ЗНАКИ СТРОИТЕЛЕЙ НА КАМНЯХ МАЯЦКОГО ГОРОДИЩА

Маяцкое городище после первых же раскопок, проведенных в начале века А. И. Милютиным, а затем Н. Е. Макаренко [1, 2], привлекло внимание исследователей находками уникальных рунических надписей, рисунков и тамгообразных знаков на каменных блоках крепостных стен. Последние были определены Н. Е. Макаренко как знаки собственности. Он отметил сходство по характеру и назначению маяцких знаков со знаками в Плиске, но ввиду малочисленности и фрагментарности находок не стал делить их на группы, отделы наподобие знаков постановки (signes lapidaires), знаков каменотесов (signes d'appareil) и др. Однако проблема была поставлена [2, с. 33, 34].

Несравнимо большую серию знаков дали раскопки городища, проведенные Советско-Болгаро-Венгерской экспедицией под руководством С. А. Плетневой [3]. Помимо рисунков и знаков С. А. Плетнева выделяет следующие три категории изображений: «знаки мастеров», нанесенные массивными орудиями; знаки — граффити; беспорядочно нарисованные линии — «черты и резы».

Знаки Маяцкого городища очень разнообразны как по типам, так и по размерам и рельефности начертаний (рис. 1, *1*, *2*) Техника их нанесения соответственно тоже различна. Первая группа — изображения, процарапанные на мягком меловом блоке чаще острым, иногда тупым орудием. Линия получалась одинарная, неглубокая, обычно 1,5—2, реже 3 мм глубиной. В этой технике выполнены все рисунки и надписи на стенах городища, а также большая часть тамгообразных и геометрических форм знаков. Это группа граффити. Большинство граффити появилось после того, как стены были сложены, но какая-то часть могла быть нацарапана во время постройки, подобно тому как появились граффити на кирпичах Саркела и Плиски [4, 5], и даже после разрушения стен крепости. Вторая группа — знаки, глубоко прочерченные острым предметом. Глубина рельефа 4—5 мм. Глубже вырезать знак трудно, так как мел при своей податливости хрупок, края знака начинают крошиться и он теряет четкость. Глубокие линии знаков обычно вырезались сначала с одной, затем с другой стороны, при этом выемка получалась треугольной в сечении, а в глубине ее можно заметить две параллельные тонкие линии, оставленные острием. Такая техника позволяла делать более широкие и глубокие (до 1,5 см) линии. Так выполнены многие знаки мастеров на стенах Плиски [6, с. 212]. Наконец, последние две группы, третья и четвертая, нанесены орудиями, применявшимися при обработке блоков: теслом и зубилом. Следы тесла видны практически на всех блоках городища. Ширина его ударной части 5—7 см. Знаки выбивались или прямыми ударами, образуя уступы (рис. 2, *1*), или наклонными ударами с двух сторон. Глубина рельефа колеблется от 0,5 до 2 см. Два знака вытесаны особенно глубоко: один на 3, другой на 4 см. Знаки, выбитые инструментом типа зубила, имеют неровные края, по центру углубления заметны частые округлые выбоины. Подобная техника отмечается также для знаков Плиски [6, с. 212].

Еще А. И. Милютиным было отмечено, что блоки Маяцкого городища имеют только две гладкие поверхности, остальные же отесаны довольно небрежно [1, с. 154]. Наблюдение было сделано для блоков так называемой «цитадели». Блоки крепостной стены, имеющей два панциря и забутовку, тщательно отесывались и даже заглаживались только для

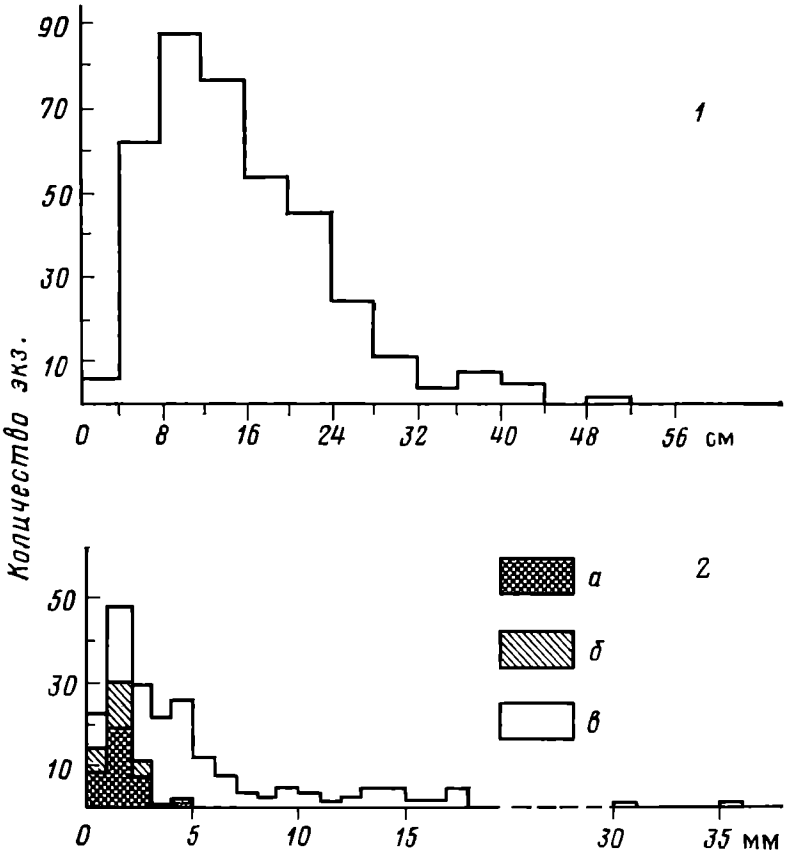


Рис. 1. Размеры знаков на камнях Маяцкого городища (*1*) и глубина рельефа знаков (*2*). *а* — на стене; *б* — на лицевой грани блоков; *в* — на неровной поверхности блоков

фасада. Благодаря этому обстоятельству, а также тому, что мягкий мел быстро выветривался, довольно легко отличить лицевую поверхность блока от грубо обработанных торцовых сторон, более светлых, часто со следами подтески при подгонке его к соседнему блоку (рис. 2). Характер поверхности камня, на которую нанесен знак, дает возможность определить, вырезан он во время постройки или на уже сложенной стене. Корреляция глубины рельефа знаков с характером поверхности блоков, проведенная для 193 знаков городища преимущественно последних трех лет раскопок (табл. 1), показала, что на поверхности стен Маяцкого городища знаки, вырезанные глубже чем на 3 мм, практически не встречаются. Только один знак в форме буквы «ипсилон», видимо, случайно попал в фас кладки. Второй случай, когда знак глубиной более 3 мм попал на лицевую сторону блока,— это знак «птичья лапа», нанесенный на блоке, упавшем со стены. Его глубина 5 мм. Еще два стоящих рядом, глубоко вырезанных знака были обнаружены Н. Е. Макаренко в самом низу кладки стены. Точная глубина их неизвестна, но, судя по приведенному Н. Е. Макаренко рисунку, они также не отличаются особой рельефностью [2, с. 20].

Знаки с глубоким рельефом на поверхности стены не вырезались. Выбитые или глубоко (глубже 3 мм) врезанные знаки характерны исключительно для периода постройки крепости. При возведении стен блоки с подобными знаками старались уложить меченой стороной внутрь, чтобы знак не был виден, как не были видны на стенах Саркела знаки на кирпичах. Е. П. Алексеева отмечала аналогичный прием на блоках Хумаринского городища: знаки помещались большей частью не на внешней, а на внутренней стороне блоков [7, с. 115]. Но даже те знаки строителей Хумаринского городища, которые при укладке стены попали на ее фас, не были видны, так как их покрывал слой штукатурки. На Хумаринском городище, как и на Маяцком, знаки на уже уложенной стене выполнены в иной технике. Х. Х. Биджиевым обнаружены

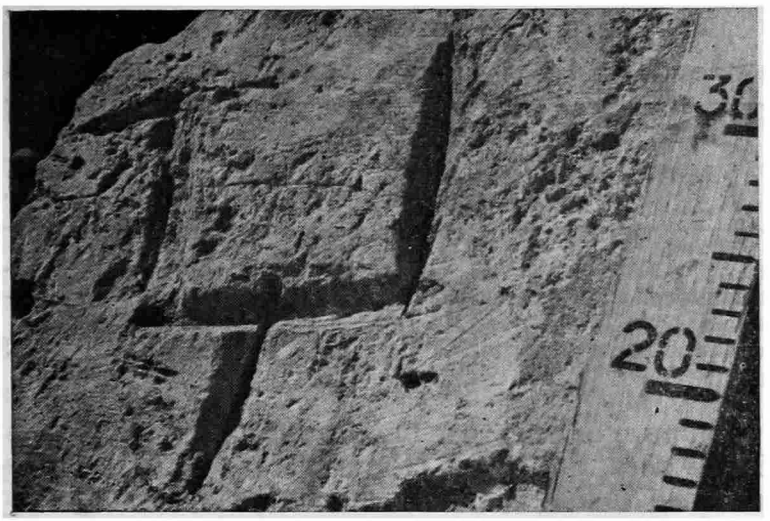


Рис. 2. Изображения двузубца на грубо обработанной стороне блока (*1*) и на лицевой грани (*2*)

знаки на штукатурке, нанесенные охрой, которые возобновлялись после повторной побелки на одних и тех же местах [8, с. 84]. Совсем иная традиция существовала у строителей внутреннего города Плиски: массивные знаки мастеров часто встречаются на нижних трех рядах на поверхности стен. В их расположении исследователями отмечается закономерность, связанная с обычаем метить тамгой мастера участок возводимой им стены [6, с. 219].

Конечно, не все знаки, оставленные на камнях, являются знаками мастеров. Среди них могут быть тамги обитателей крепости, не участвовавших в ее постройке, тамги людей, посещавших крепость, различные знаки, имеющие значение апотропеев, незавершенные или примитивные рисунки, краткие надписи, знаки, применявшиеся для разметки при работе, имеющие чисто техническое значение.

Одним из критериев при выделении из всего массива графических начертаний знаков, сделанных строителями стен, является рельефность знака, практически гарантирующая то, что он появился во время постройки. Тамги, нанесенные строителями, должны периодически повторяться, т. е. если знак, даже выбитый теслом, встречен на памятнике

Таблица 1

Корреляция глубины рельефа знака с характером поверхности блока

Место нанесения знака на блоке	Глубина рельефа, мм		
	0—3	4—5	6—10
На стене	36	1	—
На лицевой поверхности блоков из завалов	21	1	—
На неровной поверхности блоков из завалов	45	53	36

только один раз, то его лишь предположительно можно назвать тамгой строителя. Более того, во время строительства на камнях могли рисовать символические знаки, призванные защитить возводимую постройку от злых сил, подобно тому как в Дунайской Болгарии знак |Y|, нанесенный на черепицу, кирпичи и квадры, должен был предохранять от беды и несчастья [9, с. 71].

Для магических знаков характерно широкое распространение на всей территории обитания племен со сходными идеологическими представлениями и устойчивость формы знака. Среди знаков Маяцкого городища периода постройки пока можно к этой категории отнести только «вавилон», известный по находкам в Саркеле, на Северном Кавказе и памятниках Первого Болгарского царства. Магическое значение его неоднократно отмечалось [4, с. 11; 10; 11, с. 149]. Возможно, с накоплением материала к разряду сакральных будут отнесены и некоторые другие знаки периода постройки.

Знаки, являющиеся тамгами, должны распадаться на близкие по типам группы, а отдельные типы знаков выстраиваться в эволюционный ряд [6, с. 213]. Поэтому необходимо обратиться к типологии знаков Маяцкого городища. Всего для построения типологии отобрано 137 отдельных знаков или сочетаний знаков, чье отношение к периоду строительства кажется нам бесспорным.

Знак **черта** (рис. 3, *1—3*) известен в качестве тамги по этнографическим источникам и археологическим материалам [12, с. 183, 185]. Однако черта может быть нанесена для разметки блоков при строительных работах, ограничивать поле изображения (см. знак № *80*), наконец, появиться случайно.

Параллели образуют три типа: близко расставленные, широко расставленные, перечеркнутые (рис. 3, *4—8*). Аналогичные знаки процарапаны на кладке стен, где они расположены вертикально.

Следующие типы знаков, нанесенные во время постройки,— множество параллельных линий, перечеркнутые параллельные линии, редкая сетка (рис. 3, *9—13*). Они, видимо, служили для разметки блоков при их подтеске. Нанесены они довольно тонкими линиями и не образуют устойчивых типов даже при сопоставлении с близкими изображениями на лицевых гранях блоков и на стенах. Поэтому данные типы к разряду тамг не отнесены.

Перпендикуляр. Все знаки группы однотипны. Можно выделить только два варианта этого типа: перпендикуляр с длинным (рис. 3, *14—20*) и перпендикуляр с коротким основанием (рис. 3, *21—24*). Оба эти варианта образуют композиции со знаком «черта» (рис. 3, *25*, *26*). Интересно, что знаков-граффити этой группы не обнаружено.

Группа **косых крестов** образует две подгруппы: большие и малые знаки, которые различны не только по размерам и технике нанесения, но, видимо, и своим функциям. Большие кресты (рис. 4, *27—36*), перечеркивающие весь блок или большую его часть, вырезались неглубоко (до 0,5 см), но на неровной, изнаночной поверхности. В девяти случаях зафиксировано, что линии знака срезаны ударами тесла. Из этого можно заключить, что крестом перечеркивали блок до того, как его окончательно подтесывали, подгоняя к другим камням. Подправив отмечен-

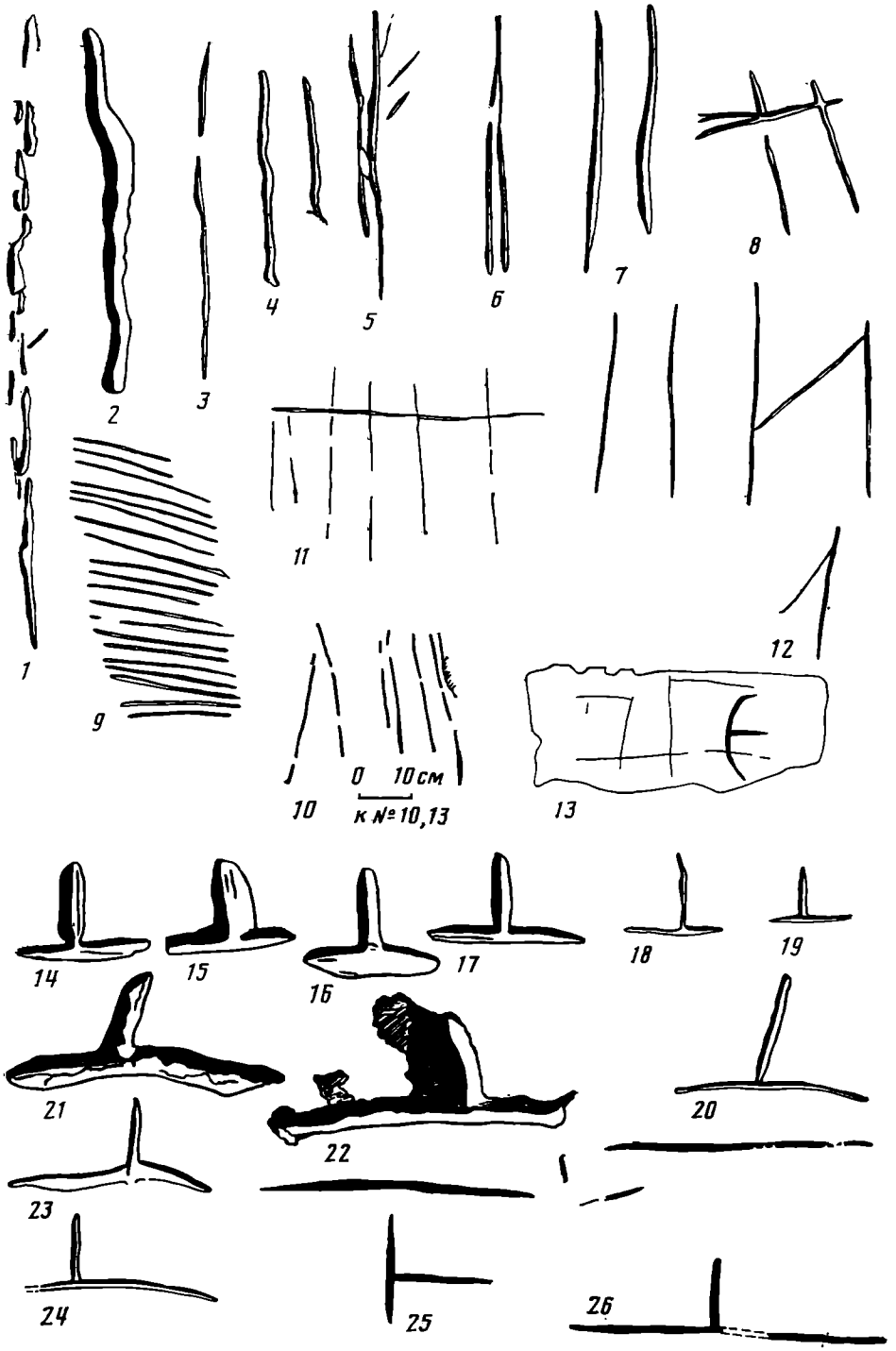


Рис. 3. Знаки «черта», «параллели» и «перпендикуляр»

ные блоки, мастера иногда оставляли на них свой знак (рис. 4, *2*, *27*, *28*)[1]. Кресты этой подгруппы, за исключением одного, превращенного в подобие орнамента (рис. 4, *36*), можно отнести к той же категории, что и знаки 9—13. Подтверждением служит то, что на расчерченном сеткой блоке дополнительно нанесен массивный знак (рис. 3, *13*).

Малые косые кресты образуют следующие типы: крест, крест с дугой (рис. 4, *42*), крест, вписанный в угол (рис. 4, *43*), и крест с двумя загнутыми концами (рис. 4, *44*)[2].

Прямые кресты. Один знак этой группы также служил, видимо, для разметки, как и косые кресты, поскольку частично стесан (рис. 4, *45*).

[1] Нумерация знаков на рис. 3—9 сплошная. Знаки, входящие в композиции с другими типами знаков, повторены в некоторых случаях дважды, но под своим первым номером (№ *2*, *13*, *27*, *28*).

[2] Знаки № *44*, *97*, *116* и *137*, опубликованные Н. Е. Макаренко [2], даны в произвольном масштабе.

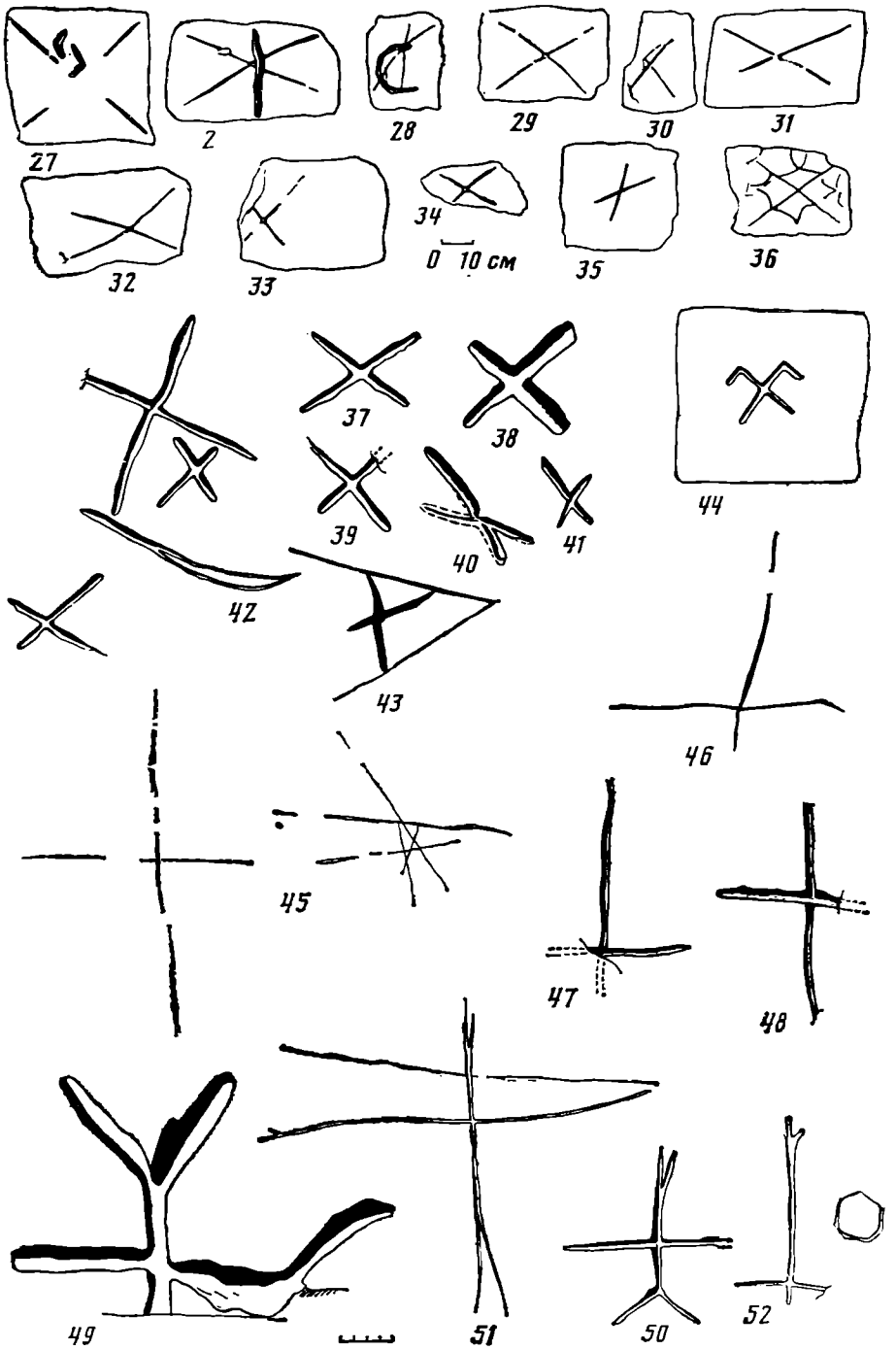


Рис. 4. Знаки в виде косых, прямых и процветших крестов

Тип 1 — прямой крест (рис. 4, *46—48*). Тип 2 — крест с процветшими концами; представлен знаками различных вариантов (рис. 4, *49—52*). Тип 3 — прямой крест с одним загнутым концом (рис. 5, *53—57*). Вариантами его являются крест с П-образным завершением конца и перевернутый зеркально знак с дополнительной перекладиной у основания (рис. 5, *56*, *57*). Тип 4 — прямой крест с ограниченными концами (рис. 5, *58*).

Большую группу составляют знаки, в основе которых лежит **угол** (рис. 5, *59—66*; 6, *67—88*). Она делится на подгруппы: угол, двузубые вилы или «ипсилон», двусторонние двузубые вилы, «птичья лапа». Собственно «угол» представлен различными по начертанию вариантами (рис. 5, *59—62*). Усложненными типами этого знака являются: удвоенный знак (аналогичный по форме, процарапан на стене) и сочетание знаков — угол и черта; угол, черта и двузубые вилы; угол и две пары параллелей; угол удвоенный и перечеркнутые параллели (рис. 5, *27*,

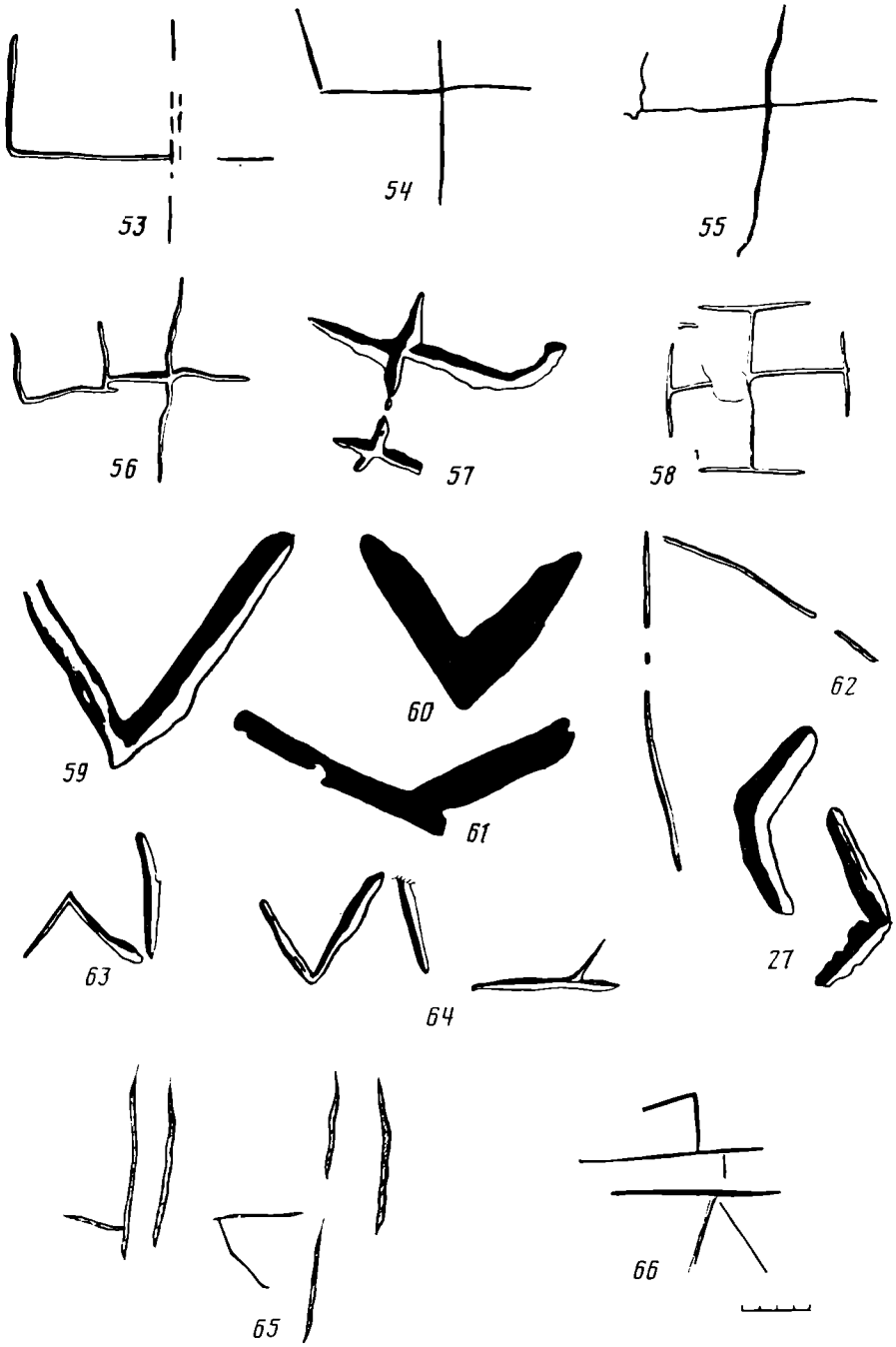


Рис. 5. Знаки «крест с загнутым концом», «крест с ограниченными концами», «угол»

63—66). Знак «двузубые вилы» представлен двумя различными типами: знак в форме буквы «ипсилон» и знак «ветка» в виде прямой черты с отходящим от ее верхней части косым-отростком. Оба типа знака составляют композиции с одной или несколькими прямыми (рис. 6, *72*, *75*, *77—80*). Усложненными типами знака являются знаки *71*, *73* и *76*, где к стволу его добавлены отростки.

Соответственно двумя аналогичными типами представлены знаки «двусторонние двузубые вилы». Оба типа знака лежат в основе усложненных типов с отростком в середине ствола (рис. 6, *82—84*). Один знак (рис. 6, *81*) образует композицию с выбитой рядом с ним дугой.

Знак, в основе которого лежит трезубец **«птичья лапа»**, представлен тремя разными типами (рис. 6, *85—87*). К этой же группе с натяжкой можно отнести опубликованный Н. Е. Макаренко сложный знак. То, что он выпадает из типологического ряда, ставит под сомнение его принадлежность к тамгам (рис. 6, *88*).

Двузубцы. Односторонние двузубцы представлены двумя типами: простой и с горизонтальным отростком на левом «зубе» (рис. 7, *89—96*).

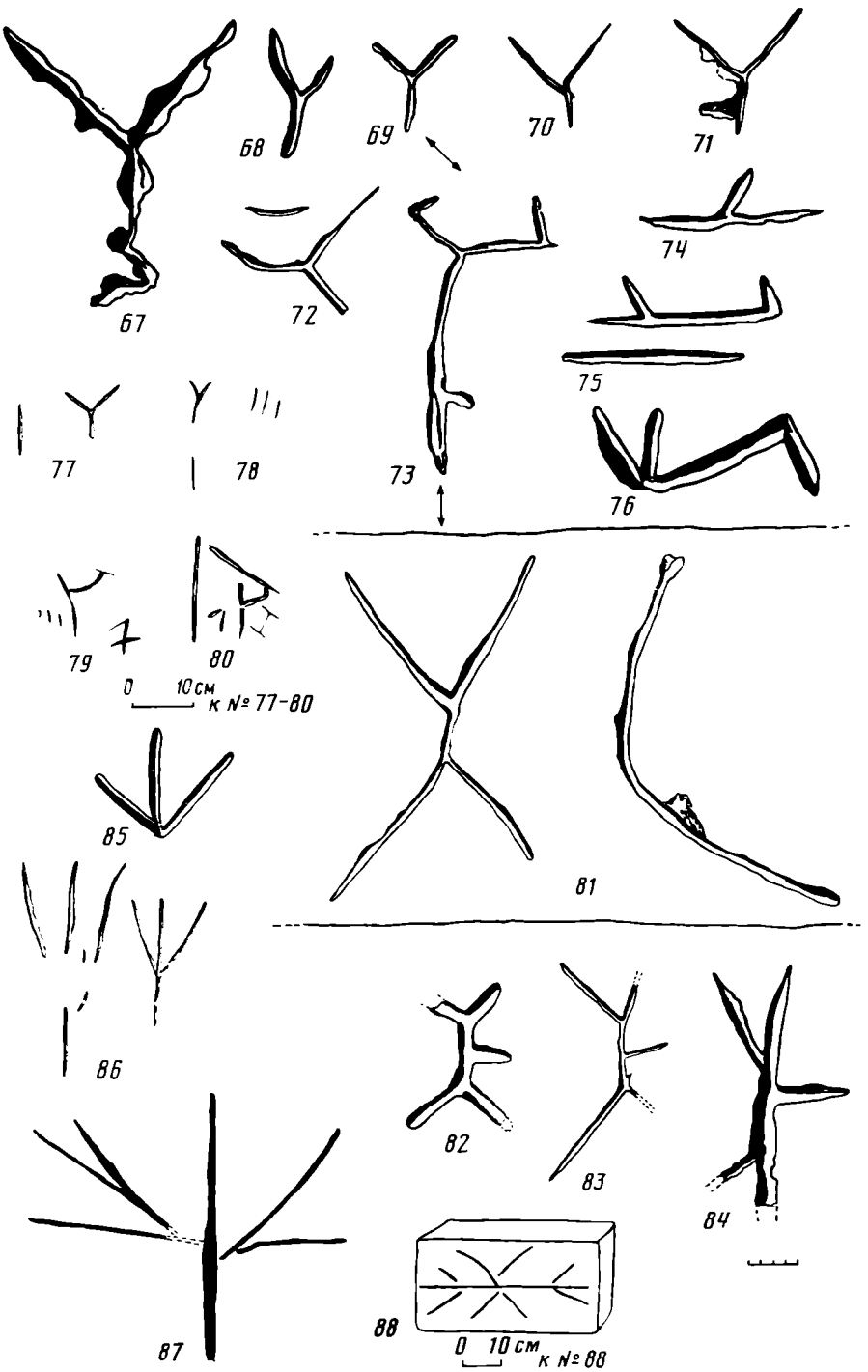


Рис. 6. Знаки «двузубые вилы» и «птичья лапа»

К сожалению, три знака фрагментарны. Двусторонний двузубец только один (рис. 7, *97*). Он опубликован Н. Е. Макаренко.

F-образные, Е-образные и Ж-образные знаки представлены по три экземпляра каждая группа (рис. 7, *98—106*).

Знаки в виде геометрических фигур — круга, прямоугольника, треугольника, имеющиеся среди знаков на камнях Маяцкого городища, выполнены в технике граффито. Исключением является **«вавилон»** (рис. 8, *107*) и **ромб**. Знаки, образованные на основе последнего, составили довольно большую группу (рис. 8, *108—118*). Они разнотипны: ромб (рис. 8, *108*); фигура, представляющая собой нечто среднее между ромбом и пятиугольником, с отходящей от одного угла линией, возможно, является вариантом знака «ромб с одной продолженной стороной» (рис. 8, *109*, *111*). Четыре знака — производные от него более сложные типы (рис. 8, *112—115*). Ромб с дугой, к сожалению, сохранившийся фрагментарно, также можно причислить к категории тамгообразных,

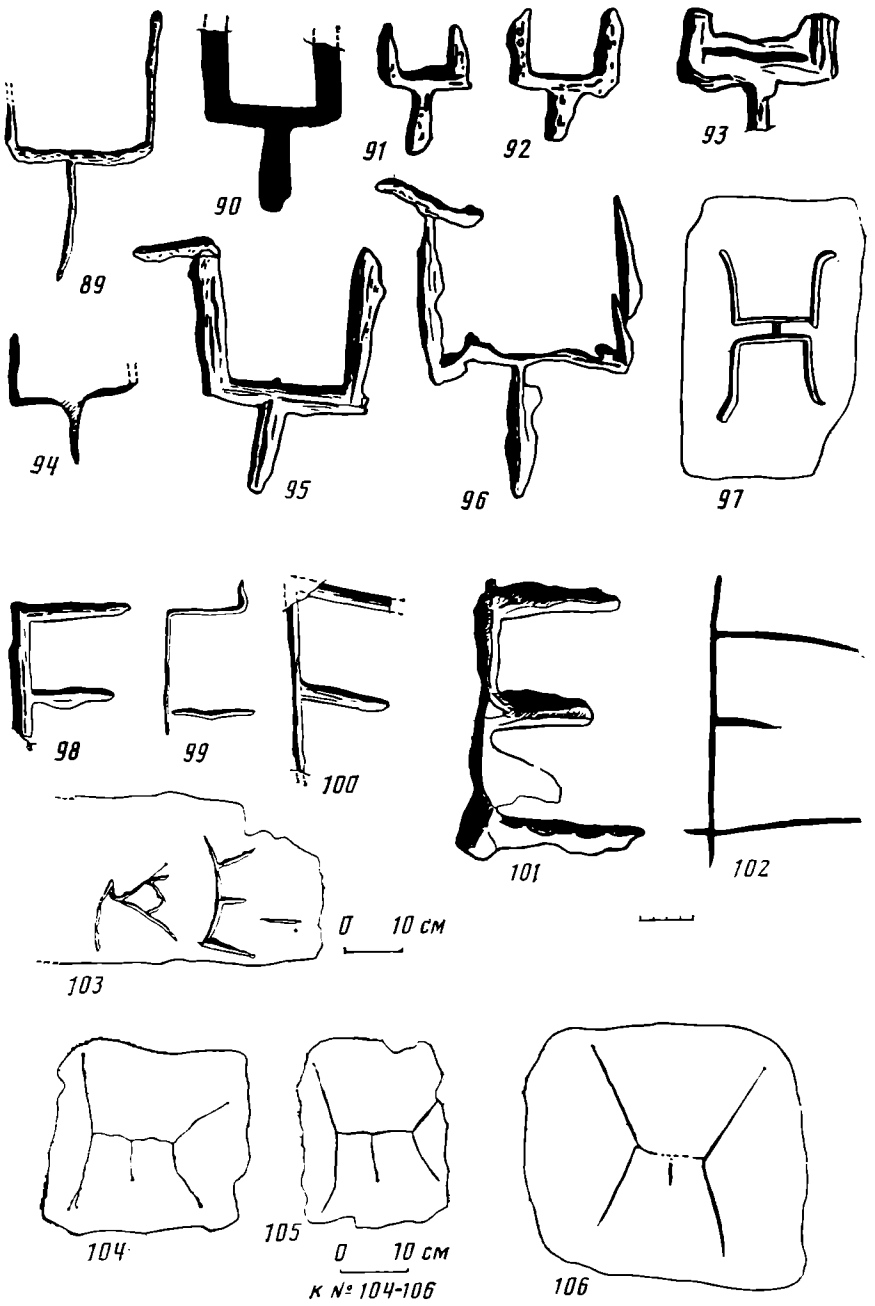


Рис. 7 Двузубцы и знаки в виде букв «F», «Е» и «Ж»

поскольку он имеет аналогии среди знаков-граффити на стенах крепости (рис. 8, *118*). Два квадрата и круг с чертой — единичные знаки, и их отношение к категории тамг проблематично (рис. 8, *117*, *119*).

Дуги. Простая дуга (3 экз.) образует тип 1, составляющий композицию с прямой линией; тип 2 — дуга с перекладиной, также образующей сочетание с прямой линией; тип 3 — дуга с вписанным в нее углом; вариант этого типа — дуга с отростком у края (рис. 8, *120—126*).

П-образные знаки — последняя, двенадцатая группа знаков, представленных сериями (рис. 9, *127—130*).

Остальные виды знаков представлены 1—2 экз. (рис. 9, *132—135*). Знаки *131* и *136*, которые имеют аналогии среди категории граффити, видимо, также можно считать тамгами. Знак *137*, подобно знакам *117* и *119*, не имеет аналогичных или близких типов.

Обратимся к некоторым особенностям образования более сложных знаков. Самый простой и распространенный способ — добавление «отпятнышей» (№ *71*, *75*, *82*, *96*, *112*, *125* и др.). Реже встречается прием зеркального удвоения знака (№ *27*, *81*, *97*) [13, с. 103]. Перевернутый знак отмечен в одном случае (№ *57*), но при симметричности основного

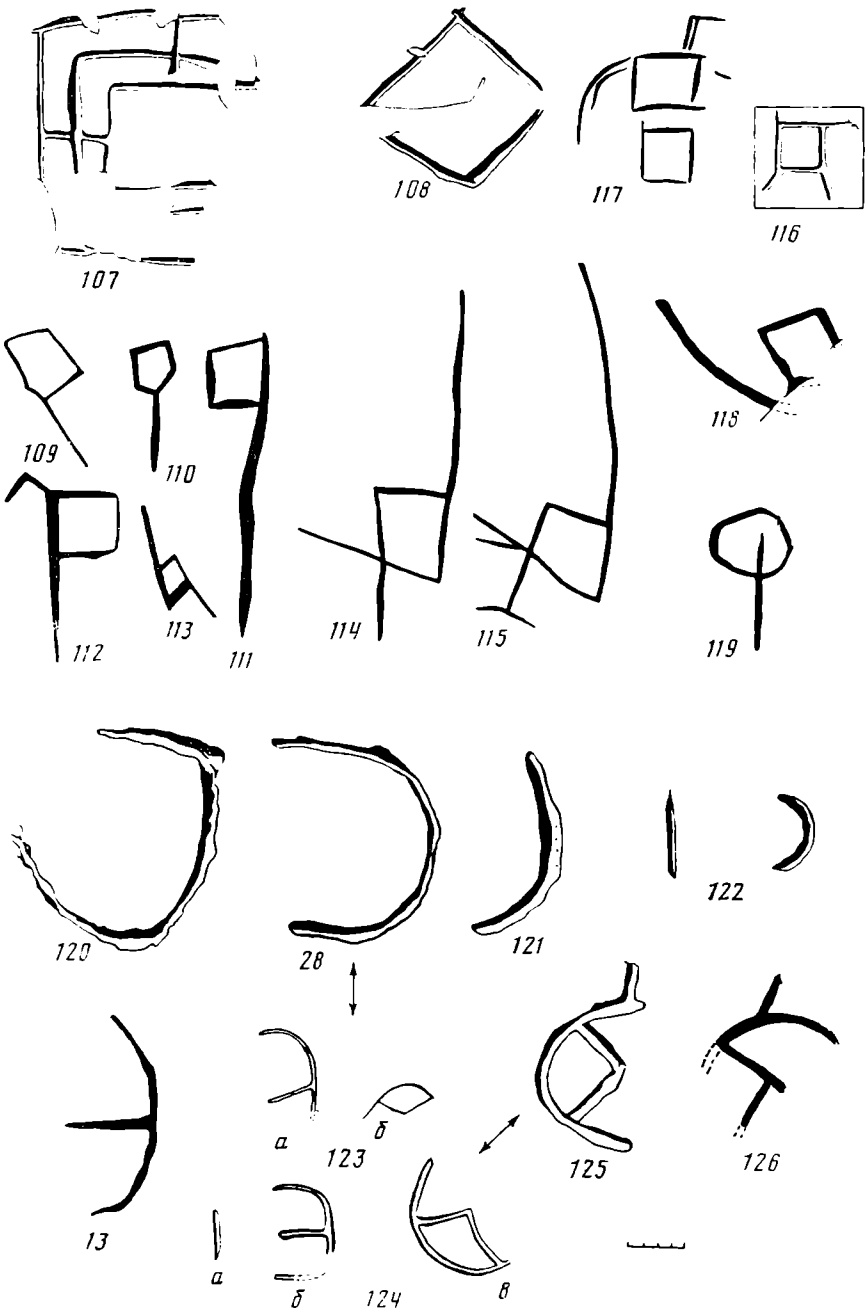


Рис. 8. Знаки «вавилон»; группа знаков, имеющая в основе ромб; дуги

числа знаков этот прием проследить почти невозможно (см. также № *111* и *112*). Распространенным приемом не только на Маяцком городище, но и в Саркеле среди знаков на кирпичах было добавление к знаку одной, двух или трех параллельных черт (№ *25*, *26*, *51*, *63*, *66*, *72*, *75*, *77—80*, *103*, *122*, *124*) или дуги (№ *42*, *81*, *118*).

Развитие тамги не всегда шло по линии усложнения, имел место и обратный процесс — «порча» родового знака, когда от исходного типа отсекалась какая-то деталь [14], но на нашем материале вряд ли удастся его проследить.

Способы образования более сложных знаков из простых, которые прослеживаются на материалах Маяцкого городища, аналогичны отмеченным для знаков Саркела. Повторяются даже такие детали, как усложнение знака путем присоединения к основному элементу прямых линий, дуги или угла. «Наиболее резкой особенностью» саркельских знаков М. И. Артамонов назвал способ образования новых знаков путем составления в различные композиции фигур, выступающих в других случаях как самостоятельные знаки [4, с. 93, 94]. Чаще всего встречае-

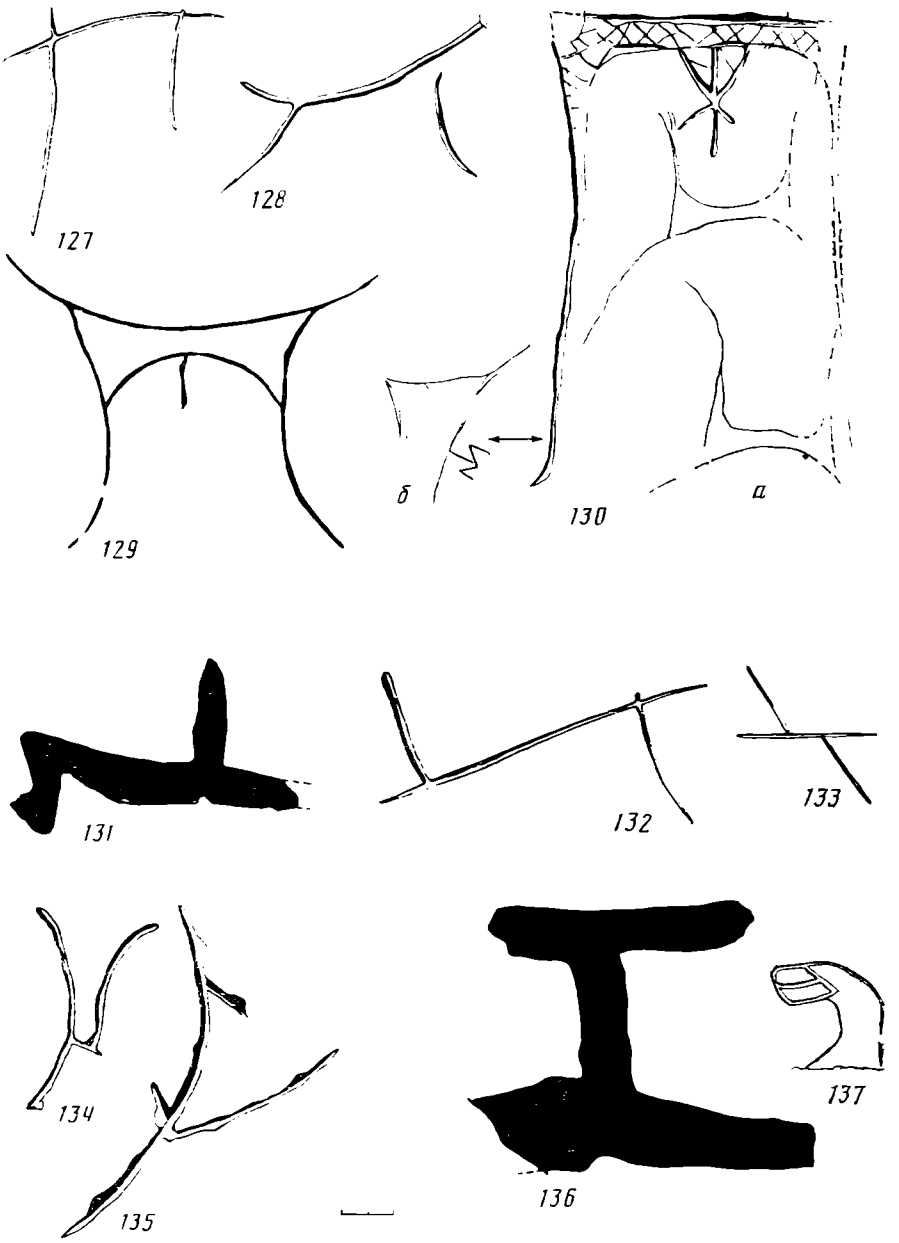


Рис. 9. Знаки П-образные и редкие типы знаков

мые в композициях типы знаков и на Маяцком городище, и в Саркеле почти идентичны. Это одна или две черты (в Саркеле — 25, на Маяцком — 11 случаев), дуга (соответственно 16 и 2), угол (7 и 3), «ипсилон» (4 и 5), перпендикуляр (7 и 2) и косой крест (2 и 3) Единственное отличие — часто встречающийся в композициях и вообще распространенный среди знаков на кирпичах Саркела Г-образный знак, который на Маяцком городище не обнаружен. По этнографическим данным известно, что иногда примитивный знак, поставленный не на самой тамге, а рядом с ней, играл роль отпятныша [13]. Отметим, что знаки, составляющие композиции, выполнены одним инструментом, «одной рукой» (№ *63*, *64*, *75*, *77*, *81*).

Продолжая сравнение маяцких и саркельских знаков, следует отметить, что на кирпичах присутствуют сделанные по сырой глине рисунки человеческих фигур, коней, геометрические фигуры, звезды, сетки, лесенки, кресты в круге, волны. Все перечисленные изображения единичны, за исключением рисунков коней, но они отличаются от изображений животных, известных как клейма на крымских черепицах, тем, что не подчиняются какой-либо определенной схеме, а различны как в общем контуре рисунка, так и в проработке деталей. Все перечисленные типы начертаний присутствуют на Маяцком городище исключительно в каче-

стве граффити, что говорит о том, что на обоих памятниках они не были связаны с системой производства.

Сопоставление типологического набора знаков каменотесов Маяцкого городища с графическим фондом обнаруженных здесь надписей показало, что только такие универсальные в силу своей примитивности знаки, как вертикальная черта, дуга и угол, имеют аналогии среди знаков письменности. Всего три знака из трех десятков букв. При этом следует отметить такие различия, как бо́льшая развернутость буквенных знаков в виде дуги и угла. Так что совпадение здесь только самое общее. Отсутствие буквенных знаков является характерной особенностью и Маяцкого городища, и Саркела. Буквенные знаки появляются на строительном материале в качестве тамг на более поздней стадии развития общества [15, с. 193; 16].

Реконструкция принадлежности тамги, даже если удалось определить, что знак действительно является тамгой,— вопрос крайне сложный. Наряду с личными тамгами могли изображаться родовые, племенные и фратриальные, общие у многих людей [8, с. 81; 17; 18]. Могла существовать семейная тамга, общая у нескольких взрослых мужчин, строивших крепость. Возможно, этим объясняется существование однотипных знаков, выполненных в различной технике, имеющих разные пропорции и размеры, но относящихся по своей форме к одному типу. Общая схема типологического набора аналогична той, которую отмечают М. И. Артамонов для Саркела и Х. Х. Биджиев для Хумаринского городища: большое количество близких, различающихся в деталях знаков, восходящих к нескольким исходным типам. Она, как считает М. И. Артамонов, указывает на то, что род уже распался на отдельные семьи, но связь этих семей еще прочна [4, с. 96; 8, с. 87]. Маяцкое городище по степени разветвленности типологических рядов занимает промежуточное положение между этими двумя памятниками. Система знаков Саркела — наиболее сложная.

Необходимо отметить еще одно интересное явление, характерное как для знаков Маяцкого городища, так и для Саркела и Плиски [19, с. 100, рис. 18, *3*, *34*, *35*, *41*, *43*, *44*, *52*, *59*],— поставленные рядом на одном камне два одинаковых или близких по типу знака (знаки № *42*, *64*, *86*, *117*, *123*, *124*, *130*), иногда нанесенные разными резцами (знаки № *123*, *130*, *124*).

Обычно знак наносился только на одну сторону блока, но есть камни с двумя и даже тремя мечеными гранями. Характерно, что на разных гранях вырезались знаки, близкие типологически. Каменный блок со знаками каменотесов на трех сторонах пока найден только один. Все знаки расположены на длинных и широких гранях камня. Они разнотипны, но восходят к одному элементу — знаку в виде буквы «ипсилон» (рис. 6, *69*, *73*, *81*). У второго блока помечены две смежные длинные грани: на одной выбит знак «перпендикуляр», а на другой значительно глубже выбит знак в виде «Н», возможно образованный от знака «перпендикуляр» путем добавления к нему горизонтальной черты (рис. 9, *136*). На двух камнях на разные их грани нанесены дуги. Причем знаки на разных сторонах близки, но не тождественны и представлены разными типами одной группы (рис. 8, *28*, *123* и *124*, *125*). На первом и втором блоках знаки процарапаны на одной грани и глубоко врезаны на другой. Такое же различие в технике наблюдается при нанесении П-образных знаков на разные грани еще одного блока (рис. 9, *130*, *а*, *б*).

Надо сказать, что глубоко врезанные знаки обычно наносились на длинную сторону блока. Очень редко встречаются знаки, выбитые на короткой стороне. Насколько строго придерживались этого обычая, сказать трудно, так как целиком сохранившихся квадров со знаками не так много и часть имеет кубическую форму. Но подобная закономерность отмечена не только на Маяцком городище, но и в Плиске [19, с. 99]. Знаки-граффити, найденные на блоках, упавших со стен, наоборот, занимают по большей части их короткую грань.

Таблица 2

Распределение групп знаков Маяцкого городища по участкам

Место расположения	Знаки																
	черта	параллели	перпендикуляр	малый косой крест	прямой крест и процветший	крест с загнутым концом	«угол»	«двузубые вилы» («циклоп»)	двусторонние «двузубые вилы»	«птичья лапа»	двузубец	Г-образный	Е-образный	Ж-образный	ромб	дуга	П-образный
Западный угол	2				1	1	1	3	3		4	1			1		
Ворота		2	1	1	1	1	2		1	1				3	8		
Южный угол		1	4	5			1	2				1	2			2	3
Юго-восточная стена	1	1	3	1	5	4	3	7		1	2	1	1		1		
Северо-восточная стена			4				2				1					7	
Северо-западная стена		1	1					2									1

На короткой грани блока вырезан П-образный знак-граффити. Достаточно гладкая поверхность грани и то, что на ней имеются еще рисунки животных, выполненные уже другим резцом, говорят о том, что она была лицевой. Массивный типологически близкий знак вырезан на длинной грани. Видимо, при нанесении на блок знаков было уже известно, как камень будет уложен в стену, или же вытесывали камни для одного участка и возводили на нем стену люди, связанные родством и имеющие близкие по начертанию тамги.

При исследовании строительного материала восточной крепостной стены Плиски Т. Балабановым было отмечено, что отдельные ее участки сложены из камней различного происхождения, а блоки из различных пород камня помечены разнотипными знаками, тогда как на камнях одного вида знаки схожи. Он делает вывод, что типы знаков связаны с определенными карьерами, из которых блоки доставлялись на определенные отрезки стены. В наиболее важных местах (ворота) использовались камни из разных карьеров [20, с. 128]. Возможно, на Маяцком имела место такая организация процесса строительства, при которой последовательные операции — вытесывание блока, его окончательная обработка и укладка в стену — находились в руках близких по крови людей.

Для проверки этого предположения необходимо обратиться к топографии находок знаков на городище. К сожалению, она сможет дать только ряд отдельных наблюдений, поскольку на стенах крепости, как отмечалось выше, метки каменотесов не ставились, сами стены уникального памятника не разбирались и все знаки мастеров найдены на каменных блоках, упавших со стены. Это обстоятельство лишает возможности просчитать расстояние, на котором ставились знаки, их распределение по рядам кладки, соотношение со знаками-граффити на поверхности стен, частоту встречаемости меченых блоков.

Если сопоставить количественное распределение близких типов меток на раскопанной площади городища, то получится достаточно пестрая картина (табл. 2). При этом следует учитывать, что количество обнаруженных меток во многом определяется как степенью раскопанности отдельных стен, так и сохранностью блоков. Наибольшее количество знаков приходится на участок юго-западной стены в районе ворот и далее до южного угла городища, а также на внешний и внутренний панцири юго-восточной стены. На северо-восточной и северо-западной стенах заложены только небольшие раскопы. Редко встречаются знаки на местах прежних раскопов Н. Е. Макаренко, разобравшего завалы [2, с. 8, рис. 4]: участок северо-западной стены, часть юго-западной стены от ворот до западного угла, участок юго-восточной стены около южного угла.

Если смотреть в целом, то ни общий подсчет знаков, ни детальное размещение их на плане не позволяют выделить участки, которым соответствует только один тип или хотя бы одна группа знаков. Можно говорить о преобладании тех или иных групп знаков на определенных участках крепости. Для района западного угла наиболее характерными являются двузубец и «ипсилон», для района ворот — ромб, для южного угла — косой крест и перпендикуляр, для юго-восточной стены характерно разнообразие типов знаков, но преобладают знаки, образованные от прямого креста и угла. На раскопанном участке северо-восточной стены больше всего дуг и знаков «перпендикуляр».

При более детальном рассмотрении топографии находок отмечается такая ее особенность, как постоянные находки одинаковых или типологически близких знаков на блоках, лежащих рядом или на близком расстоянии друг от друга. Так, в западном углу крепости рядом с землянкой лежали три каменных блока, меченные двузубцами (знаки № *89*, *95*, *96*). Немного поодаль от них — еще один двузубец (№ *90*). В развале камней, упавших с юго-восточной стены, два двузубца также найдены в одном квадрате (№ *92*, *93*). В смежных квадратах находились знаки «E» и «F»: три в южном углу (№ *99*, *101*, *103*) и два у юго-восточной стены (№ *98*, *102*). Здесь же на стене был вырезан знак в виде «E». Похожая ситуация отмечается на другом участке той же стены, но с ее внутренней стороны: в завале найдены недалеко друг от друга три знака «крест с загнутым концом» (№ *53*, *54*, *57*); на том же участке на стене вырезан аналогичный знак. Рядом в районе ворот лежали все три камня с однотипными Ж-образными знаками. В восточном углу крепости рядом найдены два однотипных знака (№ *82*, *83*), также более нигде не встреченные. Наиболее ярки примеры — пять блоков, меченных разнотипными знаками группы «дуги», найденных в одном квадрате при раскопках северо-восточной стены (рис. 8, *28*, *121—126*), а также разнообразные знаки, в основе которых лежит ромб, нанесенные на камнях участка завала у ворот протяженностью менее 20 м (рис. 8, *109—119*).

В ряде отмеченных случаев однотипные знаки, найденные рядом, выполнены в различной технике. Знаков, принадлежавших к одному типу и выполненных «одной рукой», очень мало. В крупных сериях однотипных знаков «двузубцы» и «перпендикуляр» наблюдаются различия в технике исполнения знаков и в их пропорциях. Удалось отметить только два случая, когда однотипные знаки, сделанные в одной технике и, видимо, одним человеком, найдены на близлежащих камнях: это знаки № *14—16*, выбитые теслом на камнях северо-восточной стены, и глубоко врезанные три Ж-образных знака (№ *104—106*).

Топография знаков позволяет сделать два вывода. Во-первых, расположение типологически близких, но не тождественных знаков рядом на одном камне, на разных гранях одного блока и на близлежащих камнях завалов стен свидетельствует о том, что люди, связанные родством, часто работали на одном участке или же совершали последовательные операции в контакте друг с другом. Во-вторых, участки строившейся крепости не были поделены между определенными группами строителей.

Отметим еще одну особенность маяцких знаков: крайнее разнообразие как размеров, так и глубины рельефа меток каменотесов (рис. 1, *2*). Высота рельефа знаков на средневековой черепице Херсонеса позволила А. Л. Якобсону вывести его в качестве датирующего признака для этой категории строительного материала [21, с. 94]. Анализируя метки на черепицах Баклинского городища, Д. Л. Талис отмечает различную глубину рельефа знаков на одновременных черепицах [22]. Им свойственно также большее типологическое разнообразие — по сравнению с Херсонесом это провинция, ремесло здесь менее развито.

На Маяцком городище отмечается еще более патриархальная картина. Разнообразие знаков, полное отсутствие стандартных типов и размеров не только самих знаков, но и каменных блоков, на которые они нанесены, отсутствие поделенных между строителями участков говорят

о том, что уровень специализации каменотесного дела не был высок. Видимо, крепость строили не организованные строительные артели, возглавляемые опытными мастерами, ставившими определенный знак как отмечающий норму выработки [6], а сами жители, рисовавшие на камнях свои тамги. Подобная организация труда сохранялась довольно долго там, где не оформилось окончательно обособление ремесла. Еще в начале века у ингушей строительство зданий и даже таких сложных сооружений, как башни, а также доставка к месту строительства камня производились всем родом. При этом «камни приносились и клались всеми родственниками и при постройке отмечались крестами, пятнами и другими знаками» [23, с. 136].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Милютин А.* Раскопки 1906 г. на Маяцком городище//ИАК. 1909. Вып. 29.
2. *Макаренко Н. Е.* Археологические исследования 1907—1909 годов//ИАК. 1911. Вып. 43.
3. *Плетнева С. А.* Рисунки-граффити на стенах Маяцкого городища//Маяцкое городище. М.: Наука. 1984.
4. *Артамонов М. И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону//ИГАИМК. 1953. 131.
5. *Овчаров Д.* Български средновековни рисунки-графити. София, 1982.
6. *Макарова Т. И., Плетнева С. А.* Типология и топография знаков мастеров на стенах внутреннего города Плиски//Сборник в памет на проф. Станчо Ваклинов. София, 1984.
7. *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М.: 1971.
8. *Биджиев Х. Х.* Хумаринское городище. Черкесск, 1983.
9. *Бешевлиев В.* Първобългарите. Бит и култура. София, 1981.
10. *Аладжов Ж.* Символ на света в някои прабългарски паметници//Археология. 1980. Кн. 1.
11. *Марковин В. И.* Наскальные изображения в предгорьях Северо-Восточного Дагестана//СА. 1958. № 1.
12. *Полубояринова М. Д.* Знаки на золотоордынской керамике//Средневековые древности евразийских степей. М.: Наука, 1980.
13. *Чернецов А. В.* Полевые меты крестьян Подмосковья в начале XX в.//СЭ. 1982. № 6.
14. *Чернецов В. Н.* К истории родового строя у обских угров//СЭ. 1947. Т. VI—VII.
15. *Холостенко Н. В.* Исследования Борисоглебского собора в Чернигове//СА. 1967. № 2.
16. *Кочкина А. Ф.* Рунические знаки на керамике Биляра//СТ. 1985. № 4.
17. *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа. М.: Наука, 1974.
18. *Афанасьев Г. Е.* Большая семья у алан//СА. 1984. № 3.
19. *Дончева-Петкова Л.* Разкопки на западната крепостна стена в Плиска. Проучвания на южния сектор през 1973—1977 г.//Плиска — Преслав. Т. 4. София, 1985.
20. *Балабанов Т.* Разкопки на северната и източната крепостна стена в Плиска 1977—1978//Плиска — Преслав. Т. 4. София, 1985.
21. *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979.
22. *Талис Д. Л* Черепица с метками из раскопок Баклинского городища//СА. 1968. № 2.
23. *Крупнов Е. И.* Средневековая Ингушетия. М.: Наука, 1971.

V. E. Nakhapetyan

THE SIGNS LEFT BY BUILDERS ON THE STONES IN THE MAYAK FORTIFIED SETTLEMENT

Summary

More than three hundred property signs (*tamgas*) were discovered on the chalk blocks of which the Mayak settlement (the Saltovo-Mayak culture) had been built. Some of them were just barely visible, while others were cut deeply into chalk (Fig. 2). There were deep-cut signs on the blocks' inner side: in all probability, they appeared in the process of construction. The majority of them fall into three groups similar in type and different in details (Figs. 3-9) which is typical of the *tamgas*. The author indicates that there was a certain similarity between the ways the more complex types of signs in Mayak and Sarkel were formed. Similar signs are often met with on one and the same stretch of the wall or on the sides of one and the same block. It looks as if the signs were left by the people who worked together and belonged to one family. No one particular sign corresponds to a certain area. This fact and the varying types and sizes of the signs testify that they were left by the dwellers who build their own fortification and not by a construction team.

В. И. КУЛАКОВ

ПТИЦА-ХИЩНИК И ПТИЦА-ЖЕРТВА В СИМВОЛАХ И ЭМБЛЕМАХ IX—XI вв.

В процессе раскопок грунтовых могильников Ирзекапинис (бывш. Возегау) [1, с. 224—227, рис. 8] и Вольное (бывш. Шульштайн) [2, рис. 36, *а*) в Калининградской обл. обнаружено 12 однотипных, плакированных серебром щитовидных подвесок конского оголовья с изображением хищной птицы. Кроме того, из трех погребений могильника Ирзекапинис происходит четыре железные конские подвески с трезубцами. Аналогичные по схеме изображения трезубцев найдены на камнях из погр. 147 данного могильника и на святилище у курганного могильника в уроч. Дубки (бывш. Кунтерштраух). Подобные находки, уникальные для всего бассейна Балтики, требуют подробного анализа.

В германских древностях VI в. Центральной Европы одним из подтипов пластинчатых фибул была застежка в виде фигурки птицы, по форме серповидного клюва и относительно небольших крыльев соответствующей ворону [3, с. 277; 4, рис. 102, табл. XI, *4*]. Одиночная фибула, скреплявшая плащ на плече мужчины, изображала птицу с симметрично поставленными крыльями (рис. 1, *3*), а парные фибулы, скреплявшие одежду на плечах женщины,— профильные фигурки воронов со сложенными крыльями (рис. 1, *1*). Подобные изображения птиц, восходящие к античной традиции [5, табл. 15, *23*], воспроизводились на женских фибулах Центральной Европы вплоть до IX в. (рис. 1, *3*, *4*). Близкие по контуру рисунка к фибулам VI в. фигурки птиц в археологическом материале Скандинавии VIII—IX вв. позволяют выяснить смысловое значение этих иконографических типов. Ворон в полете, с узором, условно воспроизводящим маховые мускулы предплечья, является, видимо, тотемным символом наряду с изображением других животных [6, рис. 115, 120]. Профильное изображение птицы, судя по ковру из княжеского погребения в Осеберге, представляет собой будущую жертву [7, рис. 13].

Примерно в это же время образ жертвенной птицы приобретает несколько иную иконографию — фигура анфас со сложенными крыльями [8, фигура 81] (рис. 2). Показательно, что изображена здесь и вторая птица, у головы которой находится треугольник — традиционный для скандинавов-язычников символ бессмертия [9, с. 88], характеризующий ожившую в ином мире жертву. Такому аспекту жертвоприношения, описанному Ибн-Фадланом и Саксоном Грамматиком, справедливо отводится видное место в культовой практике Северной и Восточной Европы IX—X вв. [10, с. 164].

В этот период известно значительное количество изображений птиц на наконечниках ножен мечей, они объединяются в два типа. Тип 1 (25 наконечников, «шведско-варяжская группа», по П. Паульсену [11, с. 22—32]) — изображения птицы, фигура которой имеет единый контур с симметрично поставленными крыльями, с головой, повернутой налево (рис. 3). Орнамент на таких наконечниках линейный и циркульный. Подобные наконечники становятся известными первоначально в Восточной Европе в конце IX в. [12, рис. 118] и к началу XI в. распространяются в бассейне Балтики (рис. 4). Тип 2 (15 наконечников, «скандинавская группа», по П. Паульсену [11, с. 17—22]) — изображения птицы с широко распластанными крыльями, вытянутой вертикально головой анфас. Птица изображена со спины, рисунок исполнен в «стиле Борре», иконо-

Рис. 1. Фибулы VI—IX вв. *1* — Северо-Восточная Франция; *2*— Грац, Австрия; *3* — Цезены, Италия; *4* — Замков, окр. Деммин, ГДР; *1—4* — бронза

Рис. 2. Прорисовка изображения на памятном камне в Лэрбро-Хаммарс I, Готланд, Швеция

графическими чертами которого являются миндалевидное туловище птицы, непосредственно не связанное единым контуром с крыльями, горизонтальная полоса, пронизывающая тело птицы выше крыльев. Последняя черта не характерна для находящихся в движении зверей «стиля Борре». С другой стороны, статичное тело Христа на известном камне из Еллинге также пронизано такой полосой. Наконечники с роскошно выполненными изображениями типа 2, судя по декоративным деталям, появляются в Скандинавии не ранее 900 г. [11, с. 35] и равномерно представлены в археологическом материале от Норвегии до Белозерья (рис. 4).

Выяснить смысловое значение изображений типа 2 позволяют наконечники с производными от этих изображений фигурами (рис. 3, *8*). В данном случае основой рисунка является повторенный в основных чертах корпус птицы типа 2, однако голова у нее заменена треугольником, символизирующим бессмертие. Итак, изображение птицы типа 2 представляет собой, по-видимому, образ жертвы, приносимой, возможно, Одину, и является культовым символом [13, с. 66]. Рисунок этой птицы воспроизводит положение пернатой жертвы, прикреплявшейся в распластанном виде на завершающем этапе жертвоприношения к какой-то плоскости (стена постройки, шест с перекладинами и т. п.). Подобные традиции культовой практики известны у средневековых народов Скандинавии [14, с. 158] и зафиксированы в Польше в XIX в. [15, с. 375, 376].

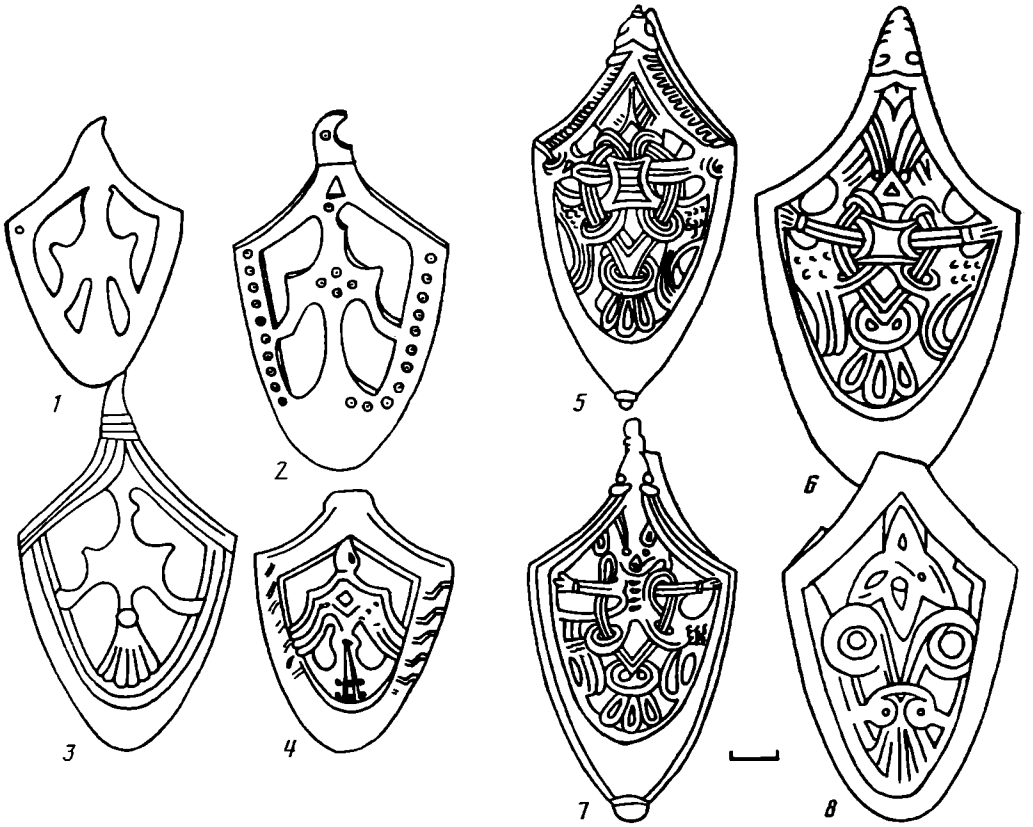


Рис. 3. Наконечники ножен меча с изображением птицы типа 1 (*1—4*) и 2 (*5—8*). *1* — Сарское городище, Ярославская обл.; *2* — погр. 92 могильника Ржевское, Калининградская обл.; *3* — Готланд, Швеция; *4* — погр. 634 могильника Бирка, Швеция; *5* — Оланд, Швеция; *6* — поселение Крутик близ с. Городище, Вологодская обл.; *7* — Гнездовское поселение, Смоленская обл.; *8* — могильник Лёбертсхоф, Калининградская обл.; *1—8* — бронза

Принадлежность изображений птиц на большинстве налобных конских подвесок из погребений могильника Ирзекапинис к типу 1 не вызывает сомнения. Как наконечники ножен, так и конские подвески пруссов содержат не только общие тенденции изображения птицы (повернутый налево клюв, четко обозначенные плечевые мускулы), они сходны в деталях (полоса зигзагообразного орнамента, окружающая птицу). Изображения такого рода встречены среди дружинных древностей Восточной Европы X в. на круглых подвесках (рис. 5, *1—3*). Две категории описанных выше предметов можно причислить к кругу дружинной символики (наряду с изображениями драконов и четвероногих хищников, известными в основном в западной части Северной Европы) и считать дружинной эмблемой [13, с. 148, 149]. Если наконечники ножен мечей и налобные подвески коней определены социальной принадлежностью членов полиэтничных дружин севера и востока Европы в X—XI вв., то круглые подвески скорее всего являются атрибутами женщин, связанных с этой социальной прослойкой общества.

Самое раннее изображение птицы типа 2 (VIII — начало IX в.) происходит из Старой Ладоги из остатков длинного дома [16, с. 71]. Найденный здесь деревянный цилиндр несет на себе рисунок птицы в «стиле Борре» и четырехконечный астральный символ. Сходные изображения первой половины X в. известны на граффити диргемов из кладов севера Древней Руси. Сакральный характер этих изображений четко прослеживается в сочетании рисунка птицы с атрибутами культа (жертвенные ритон и нож для закланий).

В археологическом материале Восточной Европы X—XI вв. известны подвески в форме многоугольника. Относительно их атрибуции и характера встречаемых на них изображений высказывалось несколько предположений [17, с. 58], включая трактовку последних как знаков Рюриковичей. Эти знаки, по мнению некоторых исследователей, происходят

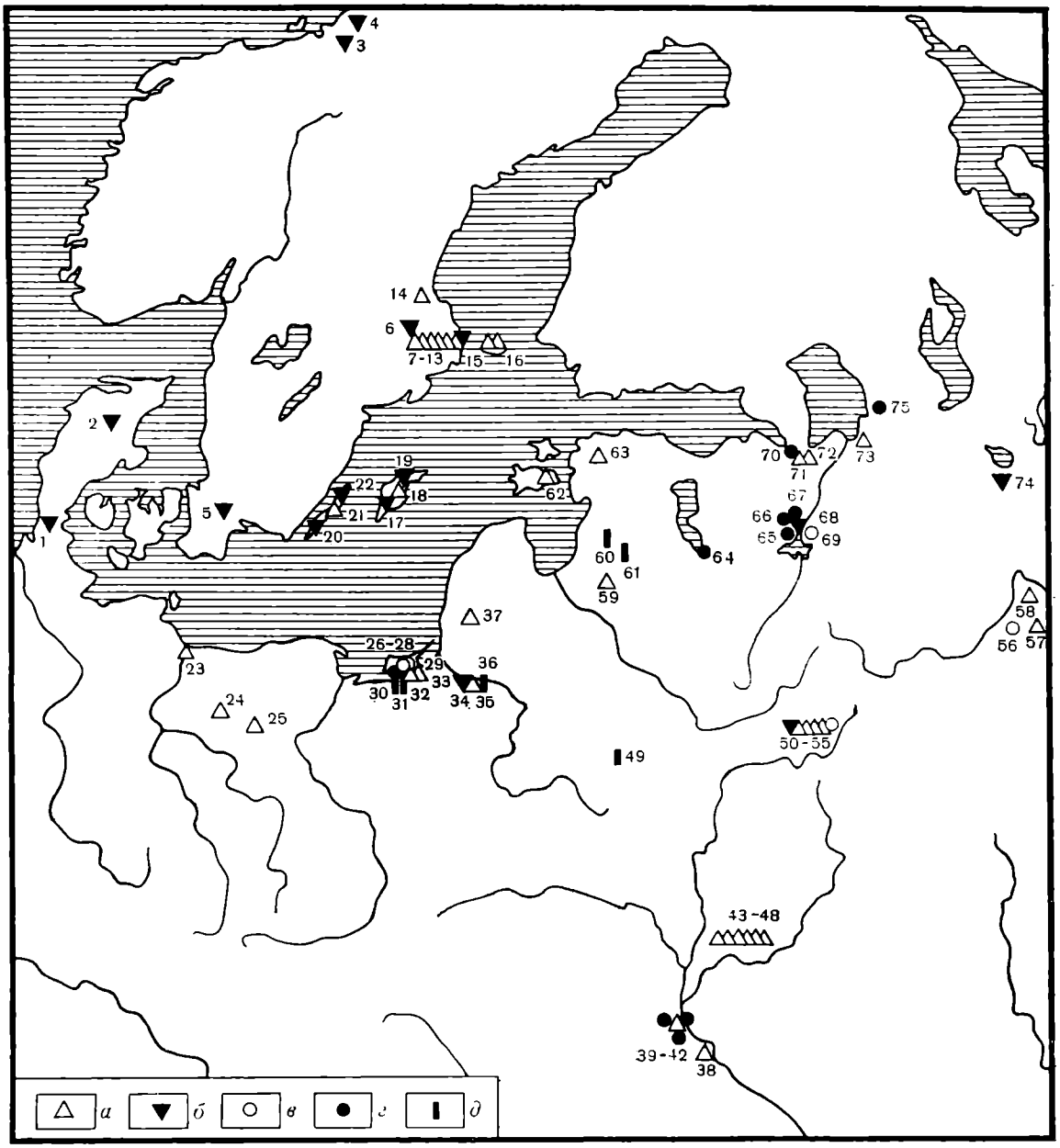


Рис. 4. Схема распространения предметов X—XI вв. с изображениями птиц типов 1 и 2 и производных от них эмблем. *а* — наконечники ножен мечей с изображениями типа 1; *б* — наконечники ножен мечей с изображениями типа 2; *в* — подвески с изображениями типа 1; *г* — подвески и другие предметы с изображениями типа 2; *д* — предметы вооружения с изображениями типа 2; *1* — Хэдэбю; *2* — Хальд; *3* — Рервик; *4* — Квальнес; *5* — Пэппинге; *6* — Гротбакке; *7—13* — Бирка; *14* — Хэдесунда; *15, 16* — Салтвик; *17—19* — Готланд; *20—22* — Оланд; *23* — Волин; *24* — Скетч; *25* — Брудно Старе; *26—28* — Ирзекапинис; *29* — Вольное; *30* — Муромское; *31* — Лёбертсхоф; *32, 33* — Кауп; *34—36* — Ржевское; *37* — Жасинас; *38* — Киевская обл.; *39—42* — Киев и его окрестности: *43—48* — Шестовицы; *49* — Городище; *50—55* — Гнездово; *56* — Осинова Пустынь; *57* — Тимерево; *58* — Сарское Городище; *59* — Асоте; *60* — Турайдас-Путели; *61* — Кримулдас Лиепенес; *62* — Эзель; *63* — Тынь-ялът; *64* — Псков; *65—69* — Новгород; *70—72* — Старая Ладога; *73* — Залющик; *74* — Крутик; *75* — Свирьстрой; *76* — Туров

от изображения птицы [18, с. 68, 69]. Вариант рисунка, считающийся «парадным знаком» Рюриковичей, в деталях совпадает с иконографической схемой изображений птицы типа 2 — в обоих случаях центром рисунка является миндалевидная фигура, увенчанная в своей закругленной части треугольной головой (направленность головы вверх или вниз у данных изображений требует дополнительного осмысления), горизонтальная полоса, пронизывающая миндалевидную фигуру у ее закругленной части. На примере двух подвесок из Новгорода (рис. 6, *10*, *11*) явствует, что эта горизонтальная полоса имеет тенденцию к совмещению с верхними частями крыльев, что схематично, в виде «линейного знака»

представлено на третьей подвеске из Новгорода (рис. 6, *5*). Итак, можно предположить, что оба варианта знаков Рюриковичей восходят к единому архетипу. Среди скандинавских древностей X в. известны подвески сходных размеров и очертаний, несущие рунические заклинания и, несомненно, являвшиеся амулетами [19, с. 168, 169]. Видимо, соответствующий текст несет на себе и одна из новгородских подвесок (рис. 6, *10*) [20, с. 72]. Сакральное значение подвесок такого рода подчеркивается находкой, сделанной на ятвяжском городище Каукай (рис. 6, *8*). Трехлопастной крест, ритон [21, с. 76], стрела [22, с. 161] — символы, сопоставимые с жертвоприношениями Тору, производившимися конунгами

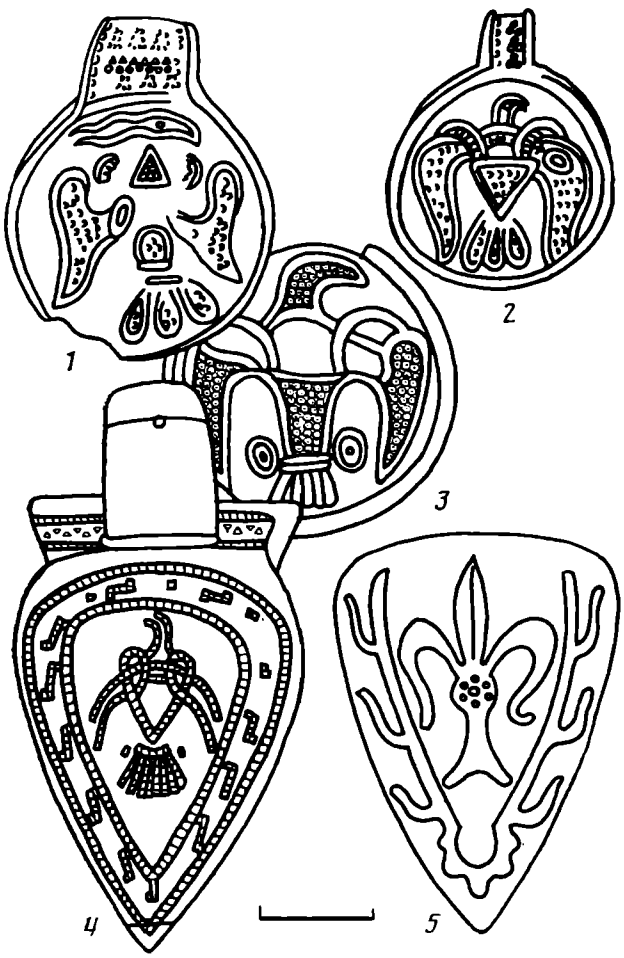


Рис. 5. Предметы с изображением птицы типа 1 и производными от него. *1* — подвеска из клада в Гнездово, Смоленская обл.; *2* — подвеска из кургана близ Осиповой Пустыни, Владимирская обл.; *3* — подвеска из Новгорода; *4* — налобная подвеска конского оголовья из погр. 10 могильника Ирзекапинис, Калининградская обл.; *5* — древнейший дворянский герб Швеции (1219 г.); *1—3* — серебро; *4* — бронза с плакировкой серебром

Скандинавии. Такая же символика представлена на граффити диргема из «клада неизвестного происхождения» [23, табл. IX, *1*] (рис. 6, *4*). На другой стороне диргема граффити воспроизводит «линейный знак», вторичный упрощенному варианту изображения птицы типа 2. В результате можно констатировать, что знак на граффити связан с культом жертвоприношения, являвшимся неотъемлемой функцией конунгов Скандинавии [24, с. 103] и князей Древней Руси [25, с. 34], сочетавших как военную, так и жреческую власть в одном лице. Таким образом, изображения на многоугольных (форма предмета связана непосредственно с контуром нанесенного на него знака) подвесках X—XI вв. являются скорее всего символом искупительной жертвы, приносимой князем ради процветания подвластного ему народа. В раннем средневековье эти подвески, несомненно, служили оберегами, что подчеркивается взаимовстречае-

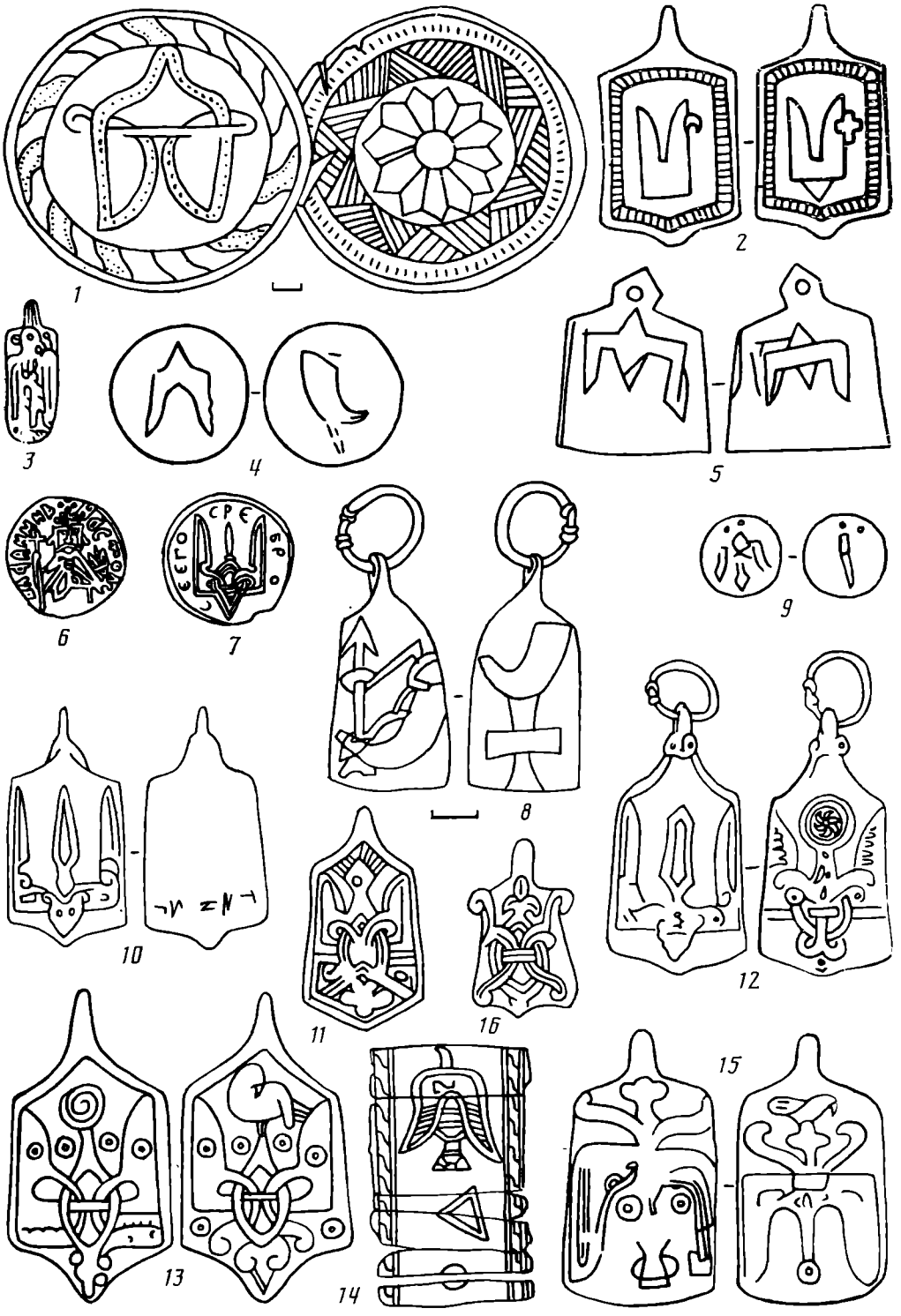


Рис. 6. Предметы с фигурами, производными от изображения птицы типа 2. *1* — предмет из Саркела; *2* — подвеска из Пскова; *3* — подвеска из погр. 557 могильника Бирка, Швеция; *4* — диргем из клада «неизвестного происхождения»; *5* — подвеска из яруса 26 (954—973 гг.) Троицкого раскопа в Новгороде; *6* — аверс монеты Владимира Святославича (тип I), Киевский клад 1876 г.; *7* — реверс монеты Владимира Святославича (типа II), Нежинский клад 1852 г.; *8* — подвеска из городища Каукай, Алитусский р-н, ЛитССР; *9* — диргем-подвеска из клада на Свирьстрое; *10* — подвеска из яруса 25 (1006—1025 гг.) Неревского раскопа в Новгороде; *11* — подвеска из Неревского раскопа в Новгороде; *12* — подвеска из сопки в урочище Победище, Ленинградская обл.; *13* — подвеска из окрестностей Киева; *14* — развертка изображения на цилиндре из Волина, ПНР; *15* — подвеска из Новгорода, аналогичные в Киеве и Белгороде; *16* — подвеска из Калининской обл. *1*, *5* — кость; *4*, *6*, *7*, *9* — серебро; *2*, *3*, *8*—*13*, *15*, *16* — бронза; *14* — дерево

мостью их в составе ожерелий с другими подвесками-апотропейонами (крестиками и т. п.). О сакральном значении данных изображений свидетельствует как рисунок жертвенного ножа на обороте сделанной из диргема подвески из клада на Свирьстрое (аверс подвески содержит рисунок направленной головой вверх жертвенной птицы типа 2 — рис. 6, *9*), так и астральные и солярные элементы на многоугольных подвесках. Маленькие фигурки птиц, встречающиеся на них, предположительно обозначают новую жизнь жертвы в потустороннем мире (рис. 6, *13, 15*). Видимо, изображение на обеих сторонах подвесок сходных, но неадекватных символических изображений соответствует земной смерти и небесной жизни жертвенной птицы. Так и на камне из Лэрбро-Хаммарс I над жертвенником взлетает ожившая птица, оставляя внизу свой смертный образ (рис. 2).

Известно, что жертвенной птицей у скандинавов являлся петух [10, с. 163], что подчеркивается непосредственной связанной с ним солярной символикой [26, с. 310]. Птица с отсутствующим хвостом, гипотетически считаемая знаком Святослава [27, с. 38—41], иконографически весьма сходна с изображением в верхней части камня в Лэрбро-Хаммарс I, которое связывается с петухом, зовущим эйнхериев в последний бой [28, с. 160, рис. 7]. Итак, элементы иконографии изображения птицы типа 2 можно сопоставить с аспектами жертвенного культа, творящегося руками князя-жреца. Вполне логично предположить, что символ княжеской жертвы, отражавший его высшую сакральную функцию, стал впоследствии эмблемой [13, с. 149] всей полноты его власти. В это время христианские конунги Скандинавии также имеют знаки, символизирующие их власть [21, с. 207].

Главное отличие персонального знака-эмблемы князя Владимира Святославича от сакральных символов княжеской жертвы — единичность изображения на предмете. Даже камень, считаемый заготовкой рыболовного грузила и несущий на одной стороне упрощенный вариант изображения птицы-жертвы, на другой стороне снабжен солярным знаком [29, с. 150, рис. 10].

На территории Восточной Европы известны изображения жертвенных птиц, не связываемые с эмблематикой Рюриковичей, однако представленные на предметах также единично. Самое раннее из них отмечено на налобной подвеске конского оголовья из погр. 91 могильника Ирзекапинис, датирующегося серединой X в. по стремени с прямоугольным держателем ремня. Орнамент на стремени не встречается позднее этого времени [30, с. 127, 133]. При изображении спаренного триплета традиция сакральных символов княжеской жертвы сохраняется. Однако данный знак (рис. 7, *12*), конструктивно отражающий переходной этап между «парадными» и «линейными» знаками, является, по-видимому, принадлежностью вождя дружины. Княжеская принадлежность знака подкрепляется целым рядом факторов. Размеры могильной ямы — 2,05 × × 1,35 м — самые крупные не только для могильника Ирзекапинис, но и для всего массива прусских трупосожжений IX—XI вв. Кроме коня, снабженного роскошно украшенным оголовьем с железными (конский головной панцырь?) и бронзовыми накладками с орнаментом северного происхождения, которому соответствовала упомянутая выше подвеска, в могиле находились еще два коня (вернее, их черепа) с обычным для конского снаряжения пруссов-дружинников оголовьем. Расположенный в западной части могильной ямы конский череп был снабжен подвеской с изображением птицы типа 1 — дружинной эмблемой. Видимо, данный конь принадлежал дружиннику, ушедшему в иной мир вместе со своим князем. Это традиционно для погребальной обрядности пруссов X—XIII вв. Соответствующее сообщение содержится в Лифляндской хронике под 1253 г. [31, с. 192, 193]. Следующий этап развития княжеской эмблемы у пруссов отражают подвески оголовья коня из погр. 87 (рис. 7, *8, 9*) и 132 могильника Ирзекапинис. Здесь изображение представлено уже в виде «линейного знака», причем одно из них является аналогом знака князя Владимира Святославича. Погребения 87 и 132 по комплек-

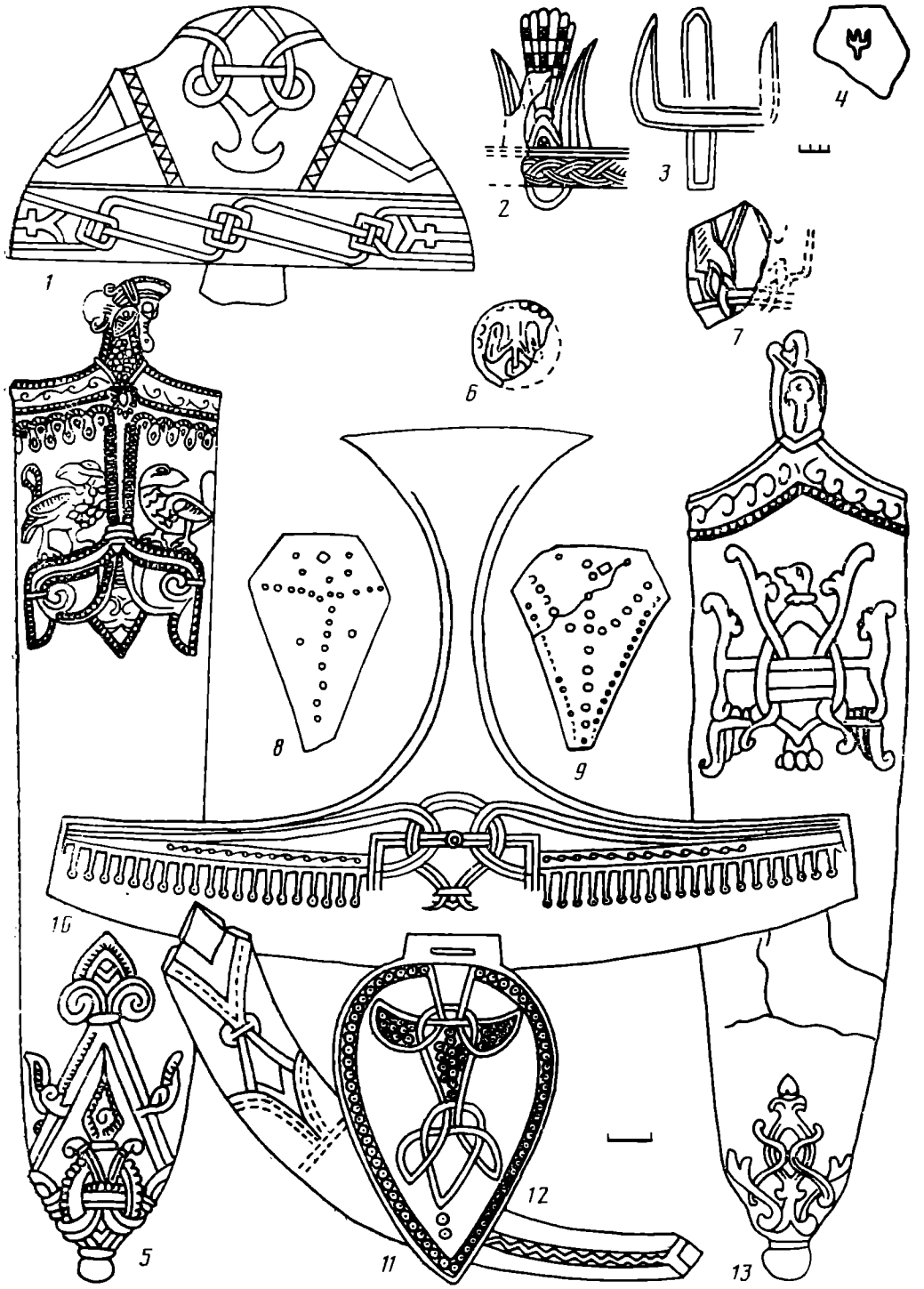


Рис. 7. Предметы вооружения с фигурами, производимыми от изображений птиц типа 2. *1* — навершие рукояти меча из погр. 53 могильника Ржевское, Калининградская обл.; *2* — развертка изображения на проколке (?) из кург. 2 могильника Шестовицы, Черниговская обл.; *3* — знак на камне святилища Дубки, Калининградская обл.; *4* — клеймо на сосуде с городища у д. Городище, Минская обл.; *5* — наконечник ножен меча-сабли из погр. 22 могильника Турайдас-Путели, ЛатССР; *6* — накладка конского оголовья из погр. 64 могильника Ирзекапинис, Калининградская обл.; *7* — фрагмент обкладки шкатулки из кург. 4 могильника Кауп, Калининградская обл.; *8*, *9* — подвески конского оголовья из погр. 87 могильника Ирзекапинис, Калининградская обл.; *10* — топор из погр. б/№ могильника Муромское, Калининградская обл.; *11* — псалий из погр. б/№ могильника Вольное, Калининградская обл.; *12* — подвеска конского оголовья из погр. 91 могильника Ирзекапинис, Калининградская обл.; *13* — наконечник меча-сабли из кург. 4 могильника Кримулдас Лиепенес, ЛатССР; *1*, *10* — железо с плакировкой серебром; *8*, *9*, *12* — железо с серебрением; *4* — керамика; *2*, *7*, *11*—кость; *3* — камень; *6* — бронза; *5*, *13* — серебро

сам датируются второй половиной X в. и также содержат останки далеко не рядовых воинов. Кроме того, трезубцы найдены на камнях из, судя по обряду, жреческого погр. 147 могильника Ирзекапинис (середина IX в.) и на святилище в уроч. Дубки (рис. 7, *3*). Поблизости от последнего находился курган, где раскопками было обнаружено погребение дружинника с рабыней (?), совершенное по обряду, имеющему полные аналогии в славянских древностях Новгородчины конца X — начала XI в. [32, рис. 261].

Процесс трансформации культовых символов, в изобразительном отношении имевших североевропейские черты («плетенка»), у пруссов шел отличным от Скандинавии путем. Прецеденты хорошо известны в раннесредневековой археологии Восточной Европы и справедливо связываются с процессом ассимиляции скандинавского элемента местным этносом [33, с. 178]. Символ княжеской жертвы стал эмблемой княжеской власти в дружине пруссов не позднее середины X в. На монетах Владимира Святославича княжеский знак появляется позже, после того как князь, будучи в 977—980 гг. «за морем», «вернулся съ варязи Ноугороду» [34, с. 54]. Княжеская эмблематика, известная на предметах вооружения балтов вплоть до середины XI в., так и не вышла на уровень личного знака определенного князя. Все известные знаки такого рода (рис. 7, *1, 5, 10, 11, 13*), три из которых находились на мече [35, с. 59], повторяют известную схему жертвенной птицы без существенных дополнений. Исключение могут составить знаки прусских военачальников (рис. 7, *6*), начертания которых четко фиксируются в более поздних знаках конкретных литовских князей [36, с. 71]. Знаки на многоугольных подвесках, известных в Прибалтике до начала XIII в. [37, с. 68], не имеют значения личных знаков конкретного князя. Эти подвески, как и аналогичные предметы на Руси, имели сакральное значение, о чем уже выдвигал предположение В. П. Петренко [17, с. 59]. Распространение подвесок, повторяющих встречавшийся ранее на монетных граффити символ княжеской жертвы, в массе начинается с конца X в., после крещения Руси. Этот аспект является, видимо, отражением языческой реакции на процесс христианизации [33, с. 79]. Символ жертвы, принесенной князем за свой народ, противопоставляется кресту — символу жертвы, принесенной Христом за человечество.

Возможно, что и во времена Владимира Святославича символ на его монетах не всегда связывался конкретно с его личностью. На это косвенно указывает знак на деревянном цилиндре из Волина (рис. 6, *11*), княжеская принадлежность которого доказана [29, с. 152]. Являясь практически копией «линейного знака» прусских князей и Владимира, сопровождаемый треугольником — символом бессмертия, этот знак значительно моложе своих аналогов и является обобщенной эмблемой княжеской власти. Данный знак — результат частичного слияния традиций изображения птиц типов 1 и 2. Сходный процесс вызвал к жизни и синкретический образ на подвеске из клада в Гнездове (рис. 5, *1*). Туловище птицы изображено в виде сакрального треугольника, голова рассечена на две части[1]. Амулеты круглой формы с изображением птиц с одной или двумя головами хорошо известны в древностях Восточной Европы XI—XIII вв. Логично предположить, что не все они отражают восточную традицию птицы-хранителя Анки-Гаруды [38, с. 225], а являются отголоском более древнего символа княжеской жертвы или эмблемы дружинников. Этот вопрос наряду с принципами образования персональных знаков князей Руси после Владимира Святославича требует дальнейшего специального рассмотрения. Представляет интерес то, что при наличии явно рудиментарной горизонтальной полосы «знак Святослава» из Саркела (рис. 6, *1*) явно вторичен относительно стандартного изображения птицы типа 2 и повторяющего это изображение знака Владими-

[1] Полный аналог такому варианту рисунка птичьей головы представлен на наконечнике ножен меча из погр. 175 могильника Ржевское (бывш. Линкунен) в Калининградской обл. [30, табл. 14, *1*].

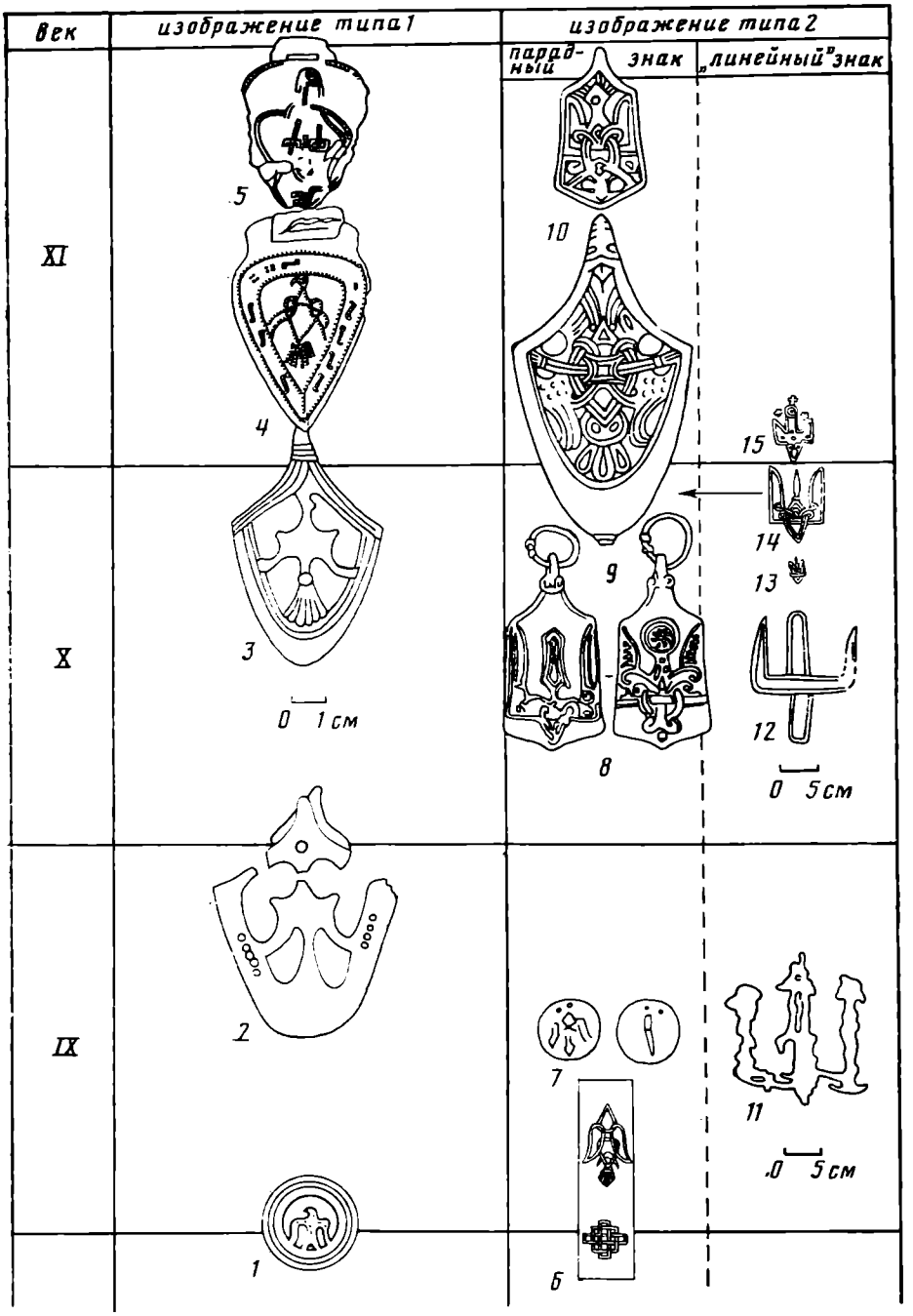


Рис. 8. Хронологическая таблица изображений птицы-хищника и птицы-жертвы. *1* — Майнц; *2* — Шестовицы, кург. 9; *3* — о. Готланд; *4* — Ирзекапинис, погр. 52; *5* — Ирзекапинис, погр. 65; *6* — Старая Ладога, Земляное городище, горизонт E_2; *7* — Свирьстрой, клад; *8* — уроч. Победище, сопка; *9* — Крутик, поселение; *10* — Новгород, Неревский раскоп, 22-й ярус; *11* — Ирзекапинис, погр. 147; *12* — уроч. Дубки, святилище; *13* — Киевский клад 1876 г.; *14* — Княжа Гора; *15* — собрание Стокгольмского музея. *1* — серебро с эмалью; *2*, *3*, *8*—*10* — бронза; *4*, *5* — бронза с плакировкой серебром; *6* — дерево; *7*, *13*—*15* — серебро; *11*, *12* — камень

ра. Как подвеска из погр. 91 могильника Ирзекапинис (рис. 7, *12*) соединяет на лицевой стороне два изображения (у других предметов — на разных сторонах, что является признаком сакральности изображений), так и в знаке князя Святополка на одной плоскости совместились детали двух фигур, представленные порознь на подвеске из Пскова (рис. 6, *2*), несших вполне логично противопоставленные символы Солнца и Луны.

Проделанная работа позволяет сделать следующие выводы. 1. В период с конца IX по начало XI в. в Восточной Европе и Прибалтике сосуществуют две тенденции в изображении птиц. Первая представляет птицу-хищника (ворона — в скандинавской и русской традициях спутника воина [39, с. 127]), эмблему дружинника. Эта изобразительная тенден-

ция известна и на круглых подвесках женщин, входивших в состав знати. Вторая заключается в изображении птицы-жертвы (петуха, в русском фольклоре связанного с Солнцем [39, с. 129]), известном первоначально на граффити монет в составе сакральных кладов. Этот образ сначала в земле пруссов, а затем и в Киевской Руси становится эмблемой княжеской власти. Сходную функцию имеет этот образ и на конечниках ножен мечей, исполненных в «стиле Борре». Многоугольные подвески конца X—XI вв. с сакральным символом птицы-жертвы несут наряду с христианскими крестиками, как отражение «неполного крещения», функцию оберегов. Итоговая хронологическая таблица графически отражает развитие изображений птицы типов 1 и 2 в IX—XI вв. (рис. 8). 2. XI в. является переломным этапом в развитии воинской эмблематики Восточной Европы. Княжеские знаки Руси, утеряв с усилением христианства свое сакральное значение, становятся эмблемами государственной власти конкретных князей. Сходный процесс происходит, по-видимому, у древних пруссов и литовцев. Ворон, бывшая дружинная эмблема, занимает место на государственных и дворянских гербах европейских стран [40, прилож., рис. 1]. В средневековой европейской геральдике образ хищной птицы трансформируется, с утратой многовековой языческой традиции, из ворона — спутника Одина в орла, в античной мифологии — спутника Юпитера, а в римской традиции, перенятой феодальными государствами Европы, в символ имперской власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кулаков В. И.* Результаты раскопок грунтового могильника у поселка Клинцовка в 1977 г.//Acta baltico-slavica. 1980. XIII.
2. *La Baume W.* Altpreussische Zaumzeug//Alt-Preussen. 1944. 9. H. 1/2.
3. *Карташев Н. Н.* Систематика птиц. М.: Высш. шк., 1974.
4. *Кузнецов Б. А.* Определитель позвоночных животных фауны СССР. Ч. 2. М.: Просвещение, 1974.
5. *Амброз А. К.* Фибулы юга европейской части СССР//САИ. 1966. Вып. Д1-30.
6. *Arvidsson G.* Valsgärde 7 Uppsala, 1977
7. *Herrmann J.* Wurzeln an der Wende der Antike zum Mittelalter//Wikinger und Slawen. B., 1982.
8. *Lindqist S.* Gotlands Bildsteine. B. I. Stockholm, 1941.
9. *Klindt-Jensen O.* The World of the Viking. Milan, 1970.
10. *Петрухин В. Я.* Погребения знати эпохи викингов//Скандинавский сборник. XXI. Таллин, 1976.
11. *Paulsen P.* Schwertorbänder der Wikingerzeit. Stuttgart, 1953.
12. *Спицын А. А.* Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева//ИАК. 1950. Вып. 15.
13. *Лосев А. Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Планета, 1976.
14. *Гуревич А. Я.* Походы викингов. М.: Наука, 1976.
15. *Мержинский А. Ф. Ромове*//Тр. X АС. М., 1899.
16. *Рябинин Е. А.* Новые открытия в Старой Ладоге//Средневековая Ладога. Л.: Наука, 1985.
17. *Петренко В. П.* Раскопки сопки в урочище Победище близ Старой Ладоги//КСИА. 1968. Вып. 3.
18. *Рапов Л. М.* Знаки Рюриковичей и символ сокола//СА. 1968. № 3.
19. *Петренко В. П., Кузьменко Ю. К.* Младшерунические надписи//*Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи. М.: Наука, 1977.
20. *Молчанов А. А.* Подвески со знаками Рюриковичей и происхождение древнерусской буллы//ВИД. 1976. Т. VII.
21. *Стурлусон С.* Круг земной. М.: Наука, 1980.
22. *Welin U. S. Linder.* Grafitti on Oriental Coins in Shwedish Viking Age Hodres//Årsbeättelse III, Humanistiska vetenskapssamfundet. Lund, 1956.
23. *Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К.* Классификация и интерпретация граффити на восточных монетах (коллекция Эрмитажа)//Тр. ГЭ. 1981. Т. XXI.
24. *Ковалевский С. Д.* Образование классового общества и государства в Швеции. М.: Наука, 1977.
25. *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова//МИА. 1949. № 11.
26. *Топоров В. Н.* Петух//Мифы народов мира. Т. 2. М.: Сов. энциклопедия, 1982.
27. *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси. Т. I. М.: Наука, 1970.
28. *Петрухин В. Я.* О картине мире у скандинавов-язычников//Скандинавский сборник. XXIII. Таллин, 1978.
29. *Янин В. Л.* Археологический комментарий к Русской Правде//Новгородский сборник. М.: Наука, 1982.

30. *Mühlen B.* Die Kultur der Wikinger in Ostpreussen//Bonner Hefte zur Vorgeschichte. 9. Bonn, 1975.
31. *Janssen H.-L.* Mittelalterliche Berichte von Totenbrauchen der Balten//Prussia. 1939. H. 1—2.
32. *Gaerte W* Urgeschichte Ostpreussen. Königsberg, 1929.
33 *Петрухин В. Я.* Об особенностях славяно-скандинавских этнических отношений в раннефеодальный период//Древнейшие государства на территории СССР. М.: Наука, 1983.
34. Повесть временных лет. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
35. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 1//САИ. 1966. Вып. Е1-36.
36. *Gudavucius E.* Žymenys ir ženklai Lietuvoje XII—XX a. Vilnius. 1980.
37. *Мугуревич Э. С.* Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига: Зинатне, 1965.
38. *Галкин Л. Л.* Символика джучидских монет//Проблемы советской археологии. М.: Наука, 1978.
39. *Афанасьев А. Н.* Древо жизни. М.: Наука, 1983.
40. Сведения о гербах, государственных и национальных цветах и кокардах западноевропейских государств. Ч. IV. СПб., 1911.

V. I. Kulakov

RAVENOUS BIRDS AND SACRIFICIAL BIRDS IN 10th-11th-CENTURY SYMBOLS AND EMBLEMS

Summary

Since Roman time there existed in the German world a tradition to use the image of bird as an embellishment. The author identifies two types of such images in Northern and Eastern Europe: (1) an outline of a bird with the symmetrical wings and the turned head; (2) a bird with its wings widespread and its head held high seen from its back. These images appeared on sword sheathes, on women's ornaments and arms. Certain specific features indicate that the first type represented an eagle (an emblem of armed hosts rooted in totems) and the second type represented a sacrificial bird of Scandinavian kings and Old Russian Grand Princes. Type 2 went through several stages to become the sign of the Ryurik dynasty. The Prussians were the first to use non-personal signs of princely power. Vladimir Svyatoslavich, a Novgorodian prince, probably saw such signs when in exile in Prussia. Different historical destinies of Northern and Eastern Europe determined the evolution of both types. While in the north of Europe the military emblem became just another heraldic element, in Old Russia the symbol of a sacrifice to the prince shed its meaning in the early 11th century to become a personal sign of princely power. The evolution of the armed host and the statehood in the Prussian and Lithuanian lands preserved for the bird of the second type the role of the military chieftain's sign of non-personified power up till the late 11th century.

П. А. РАППОПОРТ

О МЕТОДИКЕ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ЗОДЧЕСТВА

Полноценное изучение памятников зодчества возможно лишь в том случае, если известен их подлинный первоначальный облик. Ошибочные выводы историков архитектуры очень часто объяснялись тем, что исследователи исходили из понимания памятника в его искаженном виде. В отношении древнерусского зодчества такие ошибки бывали особенно многочисленны, поскольку ни одна из древних построек не дошла до наших дней неискаженной. Даже наилучше сохранившиеся здания за века своего существования, как правило, сильно изменили свои формы. Поэтому даже в хорошо сохранившихся памятниках обычный обмер сооружения совершенно недостаточен для того, чтобы понять, как это здание выглядело вскоре после постройки.

Выяснением первоначального облика памятников занимаются, как правило, архитекторы-реставраторы. В процессе консервационных и реставрационых работ обычно удается установить места утрат древней кладки, а также места более поздних переделок. Задача, решить которую стремится архитектор-реставратор,— не только укрепить разрушающееся здание, но и исследовать его настолько, чтобы иметь возможность графически воссоздать первоначальный облик. Таким образом, каждый архитектор-реставратор должен быть по существу и исследователем.

В очень редких случаях, когда графическая реконструкция оказывается полностью документированной и не вызывает ни малейших сомнений в своей достоверности, может быть поднят вопрос о восстановлении памятника в натуре. Среди памятников русской архитектуры домонгольского времени удалось восстановить в первоначальном виде Пятницкую церковь в Чернигове и Петропавловскую в Смоленске (П. Д. Барановский), Борисоглебскую церковь в Чернигове (Н. В. Холостенко), в дореволюционные годы — Успенский собор во Владимире-Волынском (Г. И. Котов) и церковь Спаса-Нередицы в Новгороде (П. П. Покрышкин). При отсутствии совершенно достоверных данных о верхних частях здания приходится ограничиваться частичным восстановлением. Так, Пятницкая церковь в Новгороде восстановлена лишь на половину своей первоначальной высоты (Г. М. Штендер). Следует также иметь в виду, что поздние пристройки и перестройки древнего памятника могут сами представлять значительный исторический и историко-архитектурный интерес, а поэтому их уничтожение в процессе реставрации возможно только в том случае, если они безусловно не представляют ни исторической, ни художественной ценности [1, с. 17]. К сожалению, существует опасная тенденция «воссоздания» древних памятников без документального обоснования, исходя из соображений, которые только самому автору реконструкции кажутся убедительными. Наиболее яркий пример тому — постройка заново Золотых ворот в Киеве[1]. Такие «новоделы», конечно, не имеют никакого исторического значения и отражают лишь запоздалые отклики романтических реставраций XIX в.

Изучение любого памятника древнерусского зодчества, даже наилучше сохранившегося, будет неполным без археологических раскопок. Поэтому такие исследования входят в программу любого реставрационного

[1] Совершенно справедливо отозвался на эту «реставрацию» В. В. Косточкин [2, с. 8; 3, с. 47].

задания [4, с. 58]. Раскопки могут дать очень ценные сведения о памятнике, устройстве его фундаментов, первоначальных полах, а также об окружающем здание культурном слое, который может многое рассказать о судьбе сооружения.

Довольно часто над поверхностью земли возвышается не целое здание, а только его часть, тогда как остальные части уничтожены и от них сохранились лишь фундаменты. В таком случае даже план памятника может быть установлен только с помощью археологических раскопок. Так удалось выявить первоначальный план киевской церкви Спаса на Берестове, собора Выдубицкого монастыря и ряда других построек. Иной раз раскопки совершенно меняют наши представления о первоначальном облике даже хорошо сохранившихся зданий, и памятники эти предстают перед нами в новом, часто неожиданном виде. Когда в 1954—1955 гг. Н. Н. Воронин обнаружил раскопками остатки галерей у церкви Покрова на Нерли и сделал попытку графической реконструкции, многим казалось, что новый, гораздо более пышный облик этого памятника нарушает достоверность его архитектурного образа. А между тем задача, которую поставил перед зодчим заказчик Андрей Боголюбский, несомненно требовала именно такого торжественного облика. Ведь это должно было быть сооружение, которое отмечало въезд на территорию княжеской резиденции, имевшей исключительно парадный характер и долженствовавшей символизировать власть и величие владимирского «самовластца». Конечно, не может быть и речи о каких-либо намерениях восстановить галереи этой церкви в натуре, однако первоначальный архитектурный образ храма лучше раскрывает все же не современное его состояние, а графическая реконструкция Н. Н. Воронина.

Но если археологические раскопки играют значительную роль при изучении хорошо сохранившихся памятников древнерусской архитектуры, то при изучении плохо сохранившихся зданий археологический метод становится большей частью основным методом их изучения. В настоящее время на всей территории Древней Руси сохранилось в более или менее целом состоянии всего около 30 построек домонгольского времени. Если даже добавить к этому те памятники, которые были уничтожены сравнительно недавно, а также те здания, которые сохранились частично, хотя бы на половину своей первоначальной высоты, то и тогда общее количество памятников не достигнет 60, причем это относится ко всей территории Руси и ко времени от конца X до середины XIII в., т. е. к двум с половиной векам русской истории [5, с. 3]. Между тем в полном каталоге памятников русского зодчества X—XIII вв. зарегистрировано около 200 объектов [6]. Следовательно, примерно 3/4 всех известных памятников выявлено исключительно путем раскопок.

Археологические раскопки памятников русского зодчества получили широкое распространение лишь после Великой Отечественной войны; это сравнительно молодой раздел историко-архитектурной науки. Естественно, на первых порах методика исследований была очень слабо разработана. Часто архитектурно-археологические раскопки проводились по обычной археологической методике, не учитывающей специфику памятников архитектуры [7, с. 17]. Порой это приводило к потере важнейших сведений, причем потере безвозвратной, поскольку многие постройки в процессе раскопок, а особенно после них, сильно разрушались. В настоящее время методика архитектурно-археологических исследований уже достаточно разработана, и даже самые слабые следы разрушенных памятников при внимательном археологическом изучении теперь дают возможность получать серьезные данные для включения таких памятников в общую картину развития древнерусской архитектуры.

Детальный обмер, обследование кладок, зондажи, археологические раскопки — все эти методы должны быть по возможности применены при изучении памятников. Конечно, в зависимости от состояния изучаемого объекта значение каждого метода может значительно меняться; некоторые из них становятся ведущими, другие — второстепенными или даже полностью неприменимыми. Важно, чтобы все сведения, какие могут

быть получены, были бы действительно получены. Чем большее количество хорошо проверенных и документированных данных будет известно по каждому сооружению, тем бóльшие возможности получит исследователь для интерпретации памятника и определения его места и значения в истории архитектуры.

В каждом произведении искусства важно соотношение его содержания и формы. Однако в памятниках архитектуры, являющихся памятниками не только искусства, но и техники, форма выражается двояко — как форма художественная и как форма конструктивная [8, с. 9]. Изучение памятников зодчества в соответствии с этими тремя основными сторонами архитектуры может проводиться в историческом, искусствоведческом и техническом аспектах. Исторический аспект позволяет прежде всего раскрыть содержание архитектурного произведения, искусствоведческий — его художественную, а технический — конструктивную форму. Такое разделение, конечно, условно, поскольку четких границ между этими аспектами нет и вряд ли возможно вести исследование памятника зодчества, строго ограничиваясь рамками одного из этих аспектов. Тем не менее обычно при изучении здания основное внимание все же уделяется одной из сторон. Подобное изучение вполне закономерно и может дать ценные научные результаты, но такие результаты следует рассматривать лишь как часть сведений, которые можно извлечь из памятника. Полностью оценить заложенную в произведении зодчества информацию можно только при комплексном изучении, учитывающем все три стороны проблемы.

Исторический аспект изучения связан главным образом с историей памятников на основании письменных источников. При этом письменные источники должны привлекаться в полном объеме: летописи, церковная литература, художественные произведения, свидетельства иностранных путешественников и пр. Обязательно должна учитываться не только литература, синхронная возведению памятника, но и вся более поздняя, которая может содержать сведения о дальнейшей судьбе постройки, ее ремонтах и перестройках. Как правило, должны быть тщательно изучены не только опубликованные источники, но и архивные документы. Очень большое значение могут иметь сведения о политических событиях и экономической обстановке, времени возведения здания, даже в том случае, если сам памятник в этих источниках не упоминается. Наконец, при изучении храмов играет роль даже само название церкви, т. е. какому святому она была посвящена.

Изучение памятников русского зодчества домонгольского периода и сопоставление этих памятников со сведениями письменных источников показывают, что постройка каменно-кирпичных зданий была в это время дорогостоящим предприятием, доступным лишь князьям и высшим церковным иерархам. Это была архитектура высшей прослойки господствующего класса. Строительные артели и стоявшие во главе этих артелей зодчие были, как правило, связаны с княжескими дворами [9, с. 80]. Переезд строителей из одной земли в другую почти всегда был связан с междукняжескими династическими отношениями. Лишь в Новгороде со второй половины XII в. появились свободные строители, работавшие по боярским заказам.

Только при тщательном изучении исторической обстановки можно понять, какие сведения возможно извлечь из данного памятника. Использование произведений зодчества в качестве иллюстраций, обогащающих и делающих более ярким и образным изложение истории, конечно, правомерно, но основная цель их изучения все же не в этом. Памятник архитектуры прежде всего не иллюстрация истории, а самостоятельный исторический источник [10, с. 41]. В каждом памятнике заключен целый комплекс исторической информации, и эту информацию необходимо выявить и понять. Особого рассмотрения заслуживает также функциональный подход к изучению памятников как одна из сторон исторического аспекта [11, с. 21].

Во многих случаях изучение памятников зодчества раскрывает такие стороны жизни общества, которые не зафиксированы никакими другими источниками. Это относится и к политической истории, и к борьбе идеологической, и к экономике. Так, исследование памятников зодчества Владимира-Волынского показало, что их строили мастера переяславльской строительной артели. Об этом безусловно свидетельствует строительная техника, и особенно система формовки кирпичей [12, с. 265]. В самом же Переяславле монументальное строительство в это время полностью прекратилось. Обращение к письменным источникам позволяет объяснить эту ситуацию. В 1154 г. умер киевский и волынский князь Изяслав. Его старший сын Мстислав, сидевший в Переяславле, не пытался бороться за киевский стол, а, бросив Переяславль, возвратился в свою вотчину Волынь. При этом он забрал с собой всю переяславльскую строительную артель, которая и начала в 1156 г. строительство Успенского собора во Владимире-Волынском, где до этого монументальных зданий не было. Поступок Мстислава даже более определенно, чем письменные источники, указывает на его политические взгляды. До него волынские князья не вели на Волыни монументального строительства, так как считали себя потенциально киевскими князьями и, заняв киевский стол, вели строительство в Киеве. Мстислав же, очевидно, понимал, что процесс дробления Руси усиливает значение отдельных земель-княжеств и, следовательно, основное внимание необходимо уделять укреплению «своей» земли и своего положения в ней. Этому способствовало не только усиление оборонительных сооружений стольного города Волыни, но и развитие здесь монументального строительства и огромный размер заложенного здесь собора. Впрочем, это не помешало Мстиславу в 1167 г. все же занять киевский стол.

Другой пример — открытие при археологических раскопках в Смоленске круглой постройки, оказавшейся латинской церковью [13, с. 140]. На основании археологических и письменных источников (особенно текста договора 1229 г.) было известно, что Смоленск являлся крупнейшим экономическим центром, через который шла значительная часть торговли Руси с северо-западом Балтики и Скандинавией. Считали, что экономический расцвет Смоленска относится к XIII в. Между тем наличие церкви североевропейских купцов, построенной в 70—80-х годах XII в., свидетельствует, что крупная внешнеторговая роль Смоленска определилась по крайней мере со второй половины XII в.

Подобные примеры, когда изучение памятника зодчества раскрывает неизвестные (или во всяком случае малоизвестные) стороны исторического процесса, многочисленны. Можно без преувеличения сказать, что каждый памятник архитектуры является источником богатой исторической информации. Следует отметить, что это обстоятельство иной раз приводило к неправомерному «перекосу» внимания исследователей. Получение общеисторических сведений казалось основной задачей изучения памятников зодчества. При всем значении этой информации она все же является лишь частным вопросом в их исследовании, а основной частью должно быть раскрытие общей картины развития архитектуры.

Второй аспект изучения зодчества — искусствоведческий. Этот аспект дает возможность исследовать художественную сторону здания, позволяет дать детальный и тонкий анализ композиции, форм, стилистики, впечатления, которое данное произведение производит на зрителя. Без такого анализа нельзя понять памятник архитектуры как произведение искусства, а следовательно, нельзя понять и пути развития архитектурных форм. Раскрытие архитектурного образа, т. е. выяснение того, с помощью каких художественных приемов выражено содержание архитектурного произведения,— задача искусствоведческая. А. В. Луначарский писал: «...в том и заключается очаровательная сила искусства, что оно, придавая тому или иному жизненному содержанию художественную форму, подымает способность его проникновения в человеческие сердца до неслыханной силы» [14, с. 502]. И далее: «Отсюда ясно, что все чисто художественные и формальные проблемы приобретают колоссальный ин-

терес. И с этой точки зрения всякое пренебрежение к чисто художественным, специфическим вопросам искусства является признаком варварства» [14, с. 314].

Сложность художественного анализа состоит прежде всего в том, что по отношению ко всем памятникам зодчества, возведенным до XVIII в., у нас нет письменных источников, в которых были бы изложены художественные приемы, из которых исходил автор постройки. Следовательно, единственным источником могут служить только сами памятники. Поэтому всегда существует опасность того, что художественный анализ может оказаться субъективным, что он внесет в понимание памятника такие черты, которых в памятнике в действительности нет и которые отвечают лишь взглядам современного искусствоведа, а не современника строительства. Очевидно, что художественный анализ должен выполняться крайне осторожно и быть тщательно аргументирован объективными доказательствами.

Другая опасность искусствоведческого анализа заключается в том, что он подчас проводится отвлеченно, рассматривая только художественную сторону и не учитывая специфики архитектурного произведения: его техники, функциональных особенностей, системы организации строительного производства и пр. Так, непонимание коренного различия в организации и производстве работ по возведению каменно-кирпичных и деревянных сооружений привело Н. И. Брунова к мысли, что древнейшие киевские здания строились плотниками, научившимися вести кирпичную кладку. А отсюда следовали выводы, что византийская кладка из плинфы со скрытым рядом была изобретена в Киеве в качестве подражания деревянному срубному строительству из венцов, а «отчетливое расчленение киевской Софии на отдельные ячейки было подготовлено, вероятно, привычкой плотников компоновать здание из отдельных срубов» [15, с. 196]. В том, что опасность одностороннего искусствоведческого подхода к памятникам архитектуры была вполне реальна, убеждает, например, дискуссия, развернувшаяся по этому поводу между искусствоведами и архитекторами — историками архитектуры в 1935 г. [16, с. 12—37]. В тех же случаях, когда художественный анализ опирается на хорошо проверенные и правильно понятые факты, а также учитывает специфику данного вида искусства, он дает очень много для понимания памятников. Положительные примеры этого в советском искусствоведении уже достаточно многочисленны: в области древнерусской архитектуры — работы М. А. Ильина, А. И. Комеча, монументальной живописи — В. Н. Лазарева, скульптурного декора — Г. К. Вагнера и ряда других исследователей. М. А. Ильин изложил даже основные задачи, которые стоят в этой области перед исследователями древнерусского зодчества [17, с. 246].

При художественном анализе памятников зодчества большую роль играет изучение системы пропорциональных построений сооружения. В западноевропейской искусствоведческой литературе широкое распространение получил формальный метод, при котором на чертежах памятников зодчества строятся сложнейшие геометрические фигуры, а из них выводятся также очень сложные, часто иррациональные числовые соотношения. В итоге получаются выводы, в которых основным достижением оказывается, например, заключение, что в основе пропорций Парфенона господствуют прямоугольник $\sqrt{5}$ и золотое сечение, а в Миланском соборе — равносторонний треугольник и прямоугольник $\sqrt{3}$ [18, с. 28]. Конечно, нельзя отрицать, что формальный метод имеет определенные достоинства, так как позволяет понять некоторые закономерности построений зданий, но только такие закономерности, которые помогают нам при изучении памятников и не имеют никакого отношения к приемам, которыми пользовался автор произведения. Значительно бóльшую ценность имеют попытки вскрыть те закономерности построения, которые использовали сами древние зодчие. Так, Б. П. Михайлов писал, что задача его работы «заключается в том, чтобы раскрыть античную теорию архитектуры, которая строилась на представлении самих творцов великих произведений

античного зодчества и лежала в основе их плодотворной деятельности» [19, с. 6].

В изучении древнерусского зодчества формальный метод также получил распространение. Его наиболее ярким выразителем был А. И. Некрасов. Хотя он всячески подчеркивал, что «пытался всегда показать обусловленность тех или иных архитектурных решений всей совокупностью исторической обстановки, а формальные и геометрические моменты рассматривать как выражение художественных воззрений данной эпохи», в практическом анализе памятников А. И. Некрасов всюду склонялся к отвлеченным геометрическим и математическим выводам, подчас в очень усложненной форме [20, с. 13].

Опасной тенденцией является и увлечение цифровыми закономерностями, начиная от золотого сечения и рядов Фибоначчи до попыток выявления в каждом памятнике многочисленных различных мер. Дело доходит до таких курьезов, когда в одном и том же памятнике оказываются якобы использованными различные меры, отражающие к тому же социальную иерархию,— меры княжеские, церковные, народные и пр. [21, с. 63]. При таком большом количестве различных мер и их производных можно конечно подобрать соответствие любому имеющемуся в памятнике размеру, а тем самым и «доказать» что угодно. Критика отвлеченных искусствоведческих построений при анализе памятников зодчества была уже убедительно высказана несколькими авторами [22, с. 3; 23, с. 25].

Третий аспект изучения памятников зодчества — строительно-технический. На необходимость изучения строительной техники исследователи архитектуры указывали уже давно, в отношении древнерусских памятников об этом еще в дореволюционные годы писал В. В. Суслов [24, с. 138]. Однако практически эти вопросы привлекали мало внимания и почти не разрабатывались. Лишь в недавнее время строительно-техническая сторона памятников древнерусской архитектуры стала предметом специального изучения. Первые же попытки исследований в этой области дали важнейшие результаты, показали, насколько полнее и ярче раскрывается картина истории древнерусского зодчества при комплексном его изучении, учитывающем и вопросы строительной техники, строительного производства.

За последние 20 лет археологическими раскопками было открыто несколько кирпичеобжигательных печей и печей для выжигания извести, относящихся к домонгольскому времени[2]. Это позволило в значительной степени понять процесс изготовления кирпича-плинфы и строительного раствора, благодаря чему удалось выяснить, какой смысл имели знаки на плинфах, уже давно вызывавшие большой интерес и недоумение исследователей [26, с. 28]. Детальное изучение самих плинф дало возможность составить шкалы датировки памятников по формату их кирпичей[3]. Очень интересные результаты дает технологический анализ строительных растворов [29, с. 152]. Так, состав раствора может с большой точностью указать на строительную традицию мастеров: принимали ли участие в возведении сооружения приезжие каменщики из Византии или же византийская традиция здесь уже полностью сменилась местной. В ряде случаев, при очень плохой сохранности остатков раскапываемого памятника, анализ раствора может оказаться одним из решающих факторов при определении того, к какой архитектурной школе этот памятник относится.

Своеобразная система деревянных субструкций под фундаментами древнейших киевских построек давала основание исследователям полагать, что строителями были мастера, приехавшие из Малой Азии, с Кавказа или Балкан. Изучение этих конструкций опровергло такие предпо-

---

[2] См., например, о раскопках кирпичеобжигательной печи рубежа XII—XIII вв. в Смоленске [25, с. 49].

[3] Это удалось сделать с большой точностью для памятников Смоленска и Новгорода [27, с. 89; 28, с. 196].

ложения и показало, что мастера принадлежали к столичной (константинопольской) строительной школе.

Детальное изучение древнерусских кирпичных кладок, в частности обнаружение «двойных» швов раствора, позволило уточнить производительность труда древних каменщиков. Это в свою очередь дало возможность подсчитать примерное количество каменщиков, участвовавших в строительстве, а затем и определить примерный состав древнерусской строительной артели — как по составу специалистов, так и по их количеству. В изучении организации процесса возведения зданий многое могут подсказать сохранившиеся в стенах древних памятников отверстия от пальцев строительных лесов.

Пренебрежительное отношение к изучению строительно-технической стороны памятников нередко приводило к существенным ошибкам в понимании процесса развития архитектуры. Характерным примером может служить вопрос о смене системы кирпичной кладки в Киеве в первой половине XII в. В это время кладка из плинфы со скрытым рядом сменилась равнослойной плинфяной кладкой. Этот перелом в технике кладки сопровождался резкими изменениями в композиции зданий, их стилистике и даже в архитектурных деталях. Тем не менее большинство исследователей древнерусской архитектуры полагали, что все эти изменения были вызваны внутренним развитием киевского зодчества и обязаны деятельности одной и той же строительной организации, т. е. киевской строительной артели. Между тем сравнительное изучение обоих типов кладки показывает, что такие изменения не могли произойти внезапно, если здесь продолжали работать одни и те же мастера, поскольку различия в системе кладок здесь касаются не только характера перевязки швов и внешнего облика поверхностей стен, но коренным образом меняется сам процесс работы. А коренные различия в организации работы каменщиков для эпохи средневековья безусловно свидетельствуют о смене строительной традиции, т. е. о переходе строительства в руки других мастеров. Естественно, такое заключение приводит к совершенно иным историко-архитектурным выводам [30, с. 52].

Изучение строительно-технических особенностей памятников зодчества позволяет подойти к проблеме раскрытия методов работы древних мастеров, т. е. выяснения, как проектировали древнерусские зодчие, как они производили разбивку плана, намечали высоты здания и т. д. Сложность решения данной задачи усугубляется полным отсутствием подобных сведений в письменных источниках. Сами же памятники свидетельствуют, что зодчие обладали какими-то достаточно разработанными инструкциями, позволявшими им возводить здания, существенно отличавшиеся одно от другого как пропорциями, так и деталями. Весьма вероятно, сведения о системе построения храмов передавались в качестве традиции от мастера к мастеру и были даже в какой-то степени зафиксированы письменно. Во всяком случае, древнерусский зодчий, не пользуясь чертежами, обладал знаниями, позволявшими ему заранее наметить размеры не только плана, но и верхних частей здания. Так, в Дмитриевском соборе во Владимире камни с рельефами изготовляли заранее и затем включали в кладку в процессе строительства. Следовательно, зодчий еще до начала строительства мог указать резчику размер камней, намеченных для верхних частей собора.

Чрезвычайно интересны работы тех исследователей, которые пытались выявить системы построения древнерусских храмов с помощью простых геометрических схем. Наиболее серьезный в этом плане является работа К. Н. Афанасьева [31]. Исследователь пришел к выводам, существенным для понимания закономерностей размерных соотношений различных частей храма. К сожалению, даже и эта работа, которая, несомненно, дает много ценных наблюдений в отношении системы построения древнерусских храмов, является все же системой нашего современного анализа и не раскрывает методики, применявшейся древними зодчими. Разнообразие схем построения и примененных мер в разных памятниках, а также усложненная система геометрических по-

строений не дают оснований полагать, что такими методами мог вести разбивку сооружения древний мастер. Кроме того, принимая за первичный размер сторону подкупольного квадрата, Афанасьев входит в противоречие с письменными источниками, где задаваемыми размерами заказываемого храма всегда являлись его наружные габариты. В последние годы было сделано несколько попыток разгадать отдельные черты метода работы древнерусских зодчих, но в целом эта задача еще далека от разрешения[4]. С методом работы мастеров тесно связан и вопрос о применявшихся при строительстве мерах [33, с. 83; 34, с. 48].

Анализ технических приемов, отраженных в памятниках, позволяет выделить почерк различных строительных артелей. На этом основании можно проследить, как работали строительные артели Древней Руси, как они перебазировались из одного княжества в другое, как делились на части или, наоборот, сливались с другими артелями. Появилась возможность подсчитать количество строительных артелей, работавших на Руси в различные периоды XI и XII вв. Выяснилось, что артелей таких было сравнительно немного; даже в начале XIII в. на всей территории Руси их количество не превышало восьми. Таким образом, не каждое древнерусское княжество имело своих мастеров-строителей.

Наконец, исследование технической стороны памятников зодчества может послужить основой для изучения развития самой древнерусской строительной техники. Исследователи неоднократно отмечали, что во второй половине XII — начале XIII в. в памятниках архитектуры Древней Руси явно проступают черты некоторой небрежности кладки, упрощения техники строительства. Казалось, это черты регресса, и кое-кто из ученых был склонен связывать такое явление с потерей высоких традиций византийской архитектуры. Между тем в действительности это признаки прогресса, развития строительной техники, поскольку отказ от излишних запасов прочности, значительное ускорение темпов строительства, экономичность свидетельствуют о накоплении древнерусскими мастерами богатого опыта. Замечательно, что точно такие же явления в то же время происходят и в других областях древнерусского ремесла в связи с массовостью продукции. При этом упрощение строительно-технических приемов в подавляющем большинстве случаев не отражалось на сложности, а порой даже изысканности архитектурных форм памятников. Встречаются памятники, в которых техника исполнения здания явно упрощена и в тоже время конструкция завершения виртуозно усложнена. Исключением являются памятники Новгородской земли, где упрощение коснулось и архитектурных форм, что связано с существенными изменениями социальной обстановки: здесь впервые в истории Руси заказчиками начали выступать не князь и высшие церковные иерархи, а бояре, требовавшие от зодчих ускорения и удешевления строительства.

Таким образом, изучение строительно-технической стороны памятников зодчества позволяет наполнить картину развития архитектуры конкретными чертами реальной строительной деятельности.

Как уже отмечалось, полноценное изучение истории архитектуры должно быть комплексным, учитывающим все три аспекта. При этом изучение должно проводиться не путем механического соединения итогов исследований, проводимых исходя лишь из одного аспекта, а в органическом сочетании всех сторон. Только такое изучение может полностью осветить эволюцию архитектурного образа, исторические связи, развитие архитектурных форм и их взаимосвязь с конструкцией, изменения самой конструкции и пр. В конечном счете комплексное исследование должно выявить реальную многоплановую картину развития архитектуры и общие закономерности этого развития. Такой результат даст для изучения истории культуры определенного периода значитель-

---

[4] Представляет, например, интерес статья М. В. Степанова [32, с. 26].

но больше, чем любые, даже самые яркие, историко-архитектурные выводы частного характера.

Например, исследование общей картины развития русского зодчества предмонгольской поры приводит к выводу, что на рубеже XII—XIII вв. в архитектуре Руси наряду с продолжающимся процессом дифференциации отчетливо начинает проявляться тенденция интеграции — первые, еще очень робкие шаги в сторону сложения общерусского архитектурного стиля [35, с. 29]. Следует отметить, что такие тенденции в русском зодчестве возникли тогда, когда в политической жизни Руси подобные тенденции еще не возникали[5].

Естественно, все явления в развитии архитектуры следует рассматривать в связи с социально-экономическими изменениями в жизни общества. Развитие архитектуры в конечном счете определяется способом производства, и связь эту всегда можно вскрыть при тщательном анализе. Но нельзя сводить все исследования к голой социологической схеме, ибо архитектура, как и всякое искусство, теснейшим образом связана со всеми видами идеологии и зависит от них. Во многом она зависит также от художественных традиций прошлого и, наконец, как и всякое самостоятельно развивающееся явление, имеет собственные, лишь одному ему свойственные особенности развития. Как и всякое историческое явление, архитектуру необходимо изучать в процессе ее диалектического развития: для этого ее необходимо рассматривать в теснейшей взаимосвязи со всеми другими культурно-историческими явлениями в жизни общества[6]. Тесная связь архитектуры с идеологией эпохи не вызывает никаких сомнений.

Г. В. Плеханов писал: «Люди делают не несколько отдельных одна от другой историй — историю права, историю морали, философии и т. д., — а одну только историю своих собственных общественных отношений, обуславливаемых состоянием производительных сил в каждое данное время. Так называемые идеологии представляют собой лишь многообразные отражения в умах людей этой единой и нераздельной истории» [38, с. 40]. Именно поэтому учет особенностей идеологии эпохи — обязательное условие правильного понимания произведений зодчества. Так, в эпоху средних веков в искусстве важны были «отношения не между визуально воспринимаемыми формами, а между некими значениями, которыми наделялись материальные структуры» [39, с. 105]. Важна была поэтому идеальная модель, а не конкретные формы. «Отступления от идеальной формы, вызванные условиями преходящего бытия, попросту игнорировались» [39, с. 115]. Следовательно, и сравнение архитектурных форм памятников с точки зрения современного «рационалистического» их истолкования будет не соответствовать тому, как это понимали люди средневековья.

Задачу строителям всегда ставил заказчик. И тем не менее народные художественные традиции властно проникали в архитектуру через художественные взгляды мастеров. Это могло сказываться как на общей композиции сооружения, так и особенно на его деталях. Так, вряд ли могут быть сомнения в том, что плоскостность резьбы на фасадах собора в Юрьеве-Польском связана с влиянием деревянной резьбы. Очевидно, мастера, воспитанные в среде, где господствовали деревянная архитектура и деревянная резьба, перенесли выработанную там стилистическую манеру и на резьбу по камню.

Архитектурные формы сооружений определялись, однако, не только традициями строительной артели, но и индивидуальностью мастера, художественным вкусом руководителя строительства — зодчего. Детальное изучение памятников позволяет сейчас выделять даже для домонгольского периода не только почерк строительной артели, но порой

---

[5] Замечательно, что параллельный процесс можно отметить и в русской литературе этого времени [36, с. 21].

[6] В качестве хорошего примера попытки выявления социальной роли памятников зодчества можно привести статью М. Х. Алешковского, несмотря на то, что отдельные положения этой статьи вызывают серьезные возражения [37, с. 22].

и почерк отдельных мастеров. Без такой индивидуализации история русской архитектуры всегда будет казаться несколько обобщенной. Несомненно, например, что перелом в киевском зодчестве на рубеже XII—XIII вв. отмечен сложением совершенно нового облика храма, с динамической композицией объема и связанной с этим конструкцией завершения в виде ступенчато повышающихся арок. Есть все основания связывать этот перелом с деятельностью упомянутого в летописи талантливого зодчего Петра-Милонега. Точно так же с творчеством какого-то очень яркого зодчего связано внезапное сложение в конце XII в. нового архитектурного направления в Гродно. Совершенно справедливо отмечал В. Н. Лазарев: «Социальная среда и расстановка общественных сил очень важны, но им нельзя придавать... исключительного значения... иначе роль индивидуальной творческой личности сводится на нет и множественность факторов развития искусственно подменяется одним лишь фактором» [40, с. 313].

В изучении истории архитектуры зачастую острые дискуссии вызывают вопросы о национальном своеобразии зодчества и о внешних влияниях. Следует отметить, что автохтонное развитие архитектуры отдельной страны, не подверженное никаким влияниям архитектуры других стран или районов, — явление исключительное. Как правило, в архитектуре каждой страны можно обнаружить внешние влияния. Это естественное явление, нисколько не нарушающее и не снижающее национального своеобразия зодчества. «На протяжении всего мирового развития действует закономерность, согласно которой заимствования дополняют внутреннее развитие, служат одним из основных источников обогащения и совершенствования культур... Культура каждого народа самобытна, но это проявляется не в мнимом отсутствии в ней чужеземных влияний, а в ее способности поглощать и по-своему перерабатывать эти влияния» [41, с. 251, 252].

Попытки обрисовать исключительно автохтонный процесс развития древнерусского зодчества приводили лишь к конфузу, поскольку оказывались впоследствии полностью опровергнутыми фактическим материалом. Порой такие попытки были вызваны плохим знанием памятников, а порой — откровенно националистическими тенденциями. Встречались и явления противоположного характера, когда внешние влияния видели повсюду, даже в том, где их в действительности не было. Обычно это связано с поверхностным пониманием самого механизма передачи влияний. Ведь в эпоху, когда не существовало чертежей, влияния могли переноситься только вместе с их реальными носителями, т. е. мастерами. Поэтому о влияниях в русском зодчестве домонгольского периода можно говорить лишь тогда, когда имеется не внешнее, иногда случайное сходство, а явные признаки участия в строительстве на Руси иноземных мастеров. Такое участие обычно сказывается не столько в типологии зданий (хотя и такие случаи известны), сколько в их архитектурных формах и строительных приемах.

Обычно иноземные мастера попадали на Русь в результате тесных политических и культурных связей. Поэтому неудивительно, что византийские зодчие несколько раз приезжали в Киев в XI в., а польские мастера начали строительство в Галицкой земле в начале XII в. Но далеко не всегда тесные культурные связи сопровождались приездами строителей; иногда зодчие приезжали как раз из таких краев, связи с которыми бывали спорадическими. Так, Новгород теснее всех остальных русских земель был связан с романским Западом, но в новгородской архитектуре XII в. это никак не отразилось. В то же время сильное романское влияние можно отметить во Владимиро-Суздальской земле, дальше всех русских княжеств отстоявшей от западных рубежей. Изучение внешних влияний ни в коем случае не должно мешать выявлению национальных особенностей зодчества. Изучение процесса переработки влияний, путей кристаллизации самостоятельных национальных форм остается одной из важнейших задач в изучении истории древнерусской архитектуры. В свое время значительный шаг в этом направлении был

сделан Н. Н. Ворониным [42, с. 257]. Появившиеся за последние три десятилетия новые материалы требуют, однако, новых серьезных исследований в данной области.

Архитектура — одна из наиболее ярких и выразительных сторон истории мировой культуры. Это сложное, многоплановое явление, отражающее самые различные материальные и идеологические аспекты общественной жизни, требует для своего исследования глубокого и многостороннего подхода. Лишь правильные методологические установки, комплексность изучения и хорошая изученность памятников могут обеспечить успешное раскрытие картины развития зодчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Давид Л. А.* Некоторые вопросы теории реставрации памятников архитектуры// Теория и практика реставрационных работ. 3. М.: Стройиздат, 1972.
2. *Косточкин В. В.* Зачем?//Архитектура. Строительная газета. Приложение. № 6. 1983, 13 марта.
3. *Косточкин В. В.* Проблемы воссоздания в архитектурном наследии. М.: Знание, 1984.
4. Методика реставрации памятников архитектуры. М.: Стройиздат, 1977.
5. *Раппопорт П. А.* Архитектура Древней Руси и археология//КСИА. 1982. Вып. 172.
6. *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X—XIII вв. Каталог памятников. Л.: Наука, 1982.
7. *Раппопорт П. А.* О методике археологических раскопок памятников древнерусского зодчества//КСИА. 1973. Вып. 135.
8. *Раппопорт П. А.* О некоторых теоретических вопросах истории архитектуры//Проблемы синтеза искусств и архитектуры. Вып. 19. Л.: Изд-во Акад. художеств. СССР, 1985.
9. *Раппопорт П. А.* Строительные артели Древней Руси и их заказчики//СА. 1985. № 4.
10. *Воронин Н. Н.* Архитектурный памятник как исторический источник//СА. 1954. Т. XIX.
11. *Вагнер Г К.* Функциональный аспект в интерпретации архитектурно-археологических фрагментов//КСИА. 1982. Вып. 172.
12. *Раппопорт П. А.* «Старая кафедра» в окрестностях Владимира-Волынского//СА. 1977. № 4.
13. *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Зодчество Смоленска XII—XIII вв. Л.: Наука, 1979.
14. *Луначарский А. В.* Статьи об искусстве. М.— Л.: Искусство, 1941.
15. *Брунов Н. И.* Киевская София — древнейший памятник русской каменной архитектуры//Византийский временник. 1950. Т. III.
16. Проблемы архитектуры. Т. 2. Кн. 1. М.: Изд-во Акад. архит., 1937.
17. *Ильин М. А.* Методологические проблемы изучения русской архитектуры в их историческом аспекте//Русский город. М.: Изд-во МГУ, 1976.
18. *Брунов Н. И.* Пропорции античной и средневековой архитектуры. М.: Изд-во Акад. архит., 1936.
19. *Михайлов Б. П.* Витрувий и Эллада. М.: Стройиздат, 1967.
20. *Некрасов А. И.* Очерки по истории древнерусского зодчества XI—XVII века. М.: Изд-во Акад. архит., 1936.
21. *Пилецкий А. А.* Система размеров и их отношений в древнерусской архитектуре// Естественнонаучные знания в древней Руси. М.: Наука, 1980.
22. *Милонов Ю. К.* Архитектурное творчество и строительная техника//Архитектура и строительная техника. М.: Госстройиздат, 1960.
23. *Гаряев Р. М.* К вопросу об измерении красоты в архитектуре//Архитектура СССР. 1979. № 8.
24. *Суслов В. В.* О сводчатых перекрытиях в церковных памятниках древнерусского зодчества//Тр. 2-го съезда русских зодчих. М., 1899.
25. *Раппопорт П. А.* Из истории строительного производства в древней Руси//Зограф. № 13. Београд, 1982.
26. *Раппопорт П. А.* Знаки на плинфе//КСИА. 1977. Вып. 150.
27. *Раппопорт П. А.* Метод датирования памятников древнего смоленского зодчества по формату кирпича//СА. 1976. № 2.
28. *Раппопорт П. А.* Археологические исследования памятников древнего новгородского зодчества//Новгородский исторический сборник. 1(11). Л.: Наука, 1982.
29. *Медникова Е. Ю., Раппопорт П. А., Селиванова Н. Б.* Древнерусские строительные растворы//СА. 1983. № 2.
30. *Раппопорт П. А.* Зодчество Древней Руси. Л.: Наука, 1986.
31. *Афанасьев К. Н.* Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
32. *Степанов М. В.* К вопросу о методе построения архитектурной формы древнерусскими зодчими//КСИА. 1983. Вып. 175.
33. *Рыбаков Б. А.* Архитектурная математика древнерусских зодчих//СА. 1957. № 1.

34. *Большаков Л. Н.* К вопросу о древнерусской архитектурной метрологии//Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.». Тез. докл. Чернигов, 1985.
35. *Раппопорт П. А.* Русская архитектура на рубеже XII и XIII веков//Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М.: Наука, 1977.
36. *Лихачев Д. С.* Литература эпохи «Слова о полку Игореве»//Памятники литературы Древней Руси. XII век. М.: Изд-во худ. лит., 1980.
37. *Алешковский М. Х.* Архитектура и градостроительство Новгорода и Пскова как источник для изучения их социальной истории//Реставрация и исследование памятников культуры. Вып. 1. М., 1975.
38. *Плеханов Г. В.* О материалистическом понимании истории. М., 1948.
39. *Иконников А. В.* Смысловые значения пространственных форм средневекового города//Культура и искусство западноевропейского средневековья. М.: Сов. художник, 1981.
40. *Лазарев В. Н.* О методологии современного искусствознания//Сов. искусствознание. 1977. Вып. 2. М.: Сов. художник, 1978.
41. *Артановский С. Н.* Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. Л.: Просвещение, 1967.
42. *Воронин Н. Н.* У истоков русского национального зодчества//Ежегодник Ин-та истории искусств. Л., 1952.

P. A. Rappoport

ON THE STUDY METHODS OF OLD RUSSIAN ARCHITECTURE

Summary

The author turns to the methods employed for the study of Russian architecture of pre-Mongol period. He writes that the correlation between the form and content is especially important for architecture where the form has two aspects: the artistic and the constructive. This calls for three approaches to architectural monuments: from the point of view of history, art and construction technology. The study involves an organic combination of the three approaches rather than their thoughtless comparison. The architectural history should be viewed in its organic connection with the general cultural progress and socio-economic development. Consistent and integrated approach and detailed investigation of each particular monument will provide an objective picture of Old Russin architecture.

Ф. Д. ГУРЕВИЧ

ЗАПАДНАЯ РУСЬ И ВИЗАНТИЯ В XII—XIII вв.

Древняя Русь и Византия — давняя и неисчерпаемая тема экономических, политических и культурных взаимоотношений обоих государств. Первым марксистским трудом, в котором была освещена история русско-византийских отношений, является книга М. В. Левченко, опубликованная в 1956 г. [1]. В работе, посвященной советскому византиноведению 1917—1967 гг., З. В. Удальцова, характеризуя состояние изучения русско-византийских контактов, опирается не только на исследования, основанные на письменных источниках, но и на достижения археологов, искусствоведов и других специалистов [2, с. 159—162, 233, 234, 236, 237, 247—249]. Плодотворны результаты последних десятилетий в изучении взаимоотношений Древней Руси и Византии, они базируются на исследованиях письменных свидетельств, памятников архитектуры, монументальной и станковой живописи, прикладного искусства, художественного ремесла, нумизматики и сфрагистики. Появившиеся на эту тему книги и многочисленные статьи нуждаются в специальном рассмотрении.

Задача настоящей работы — показать отношения, которые сложились в XII—XIII вв. у Византии с определенным регионом — Западной Русью, вернее, с Полоцкой и Туровской землями, а также с Понеманьем — Черной Русью, используя все категории источников. Небольшое количество сохранившихся письменных свидетельств обычно исключало Западную Русь из трудов историков, изучавших вопросы русско-византийских связей. Положение изменилось, когда на ее территории в послевоенные годы активно развернулись архитектурно-археологические исследования. В результате полевых работ накопились различные, нередко неожиданные материалы, указывающие на планомерное проникновение византийской культуры в эти земли в XII—XIII вв. Исследование археологических памятников и памятников монументального зодчества показало, что у Западной Руси существовали контакты не только с Константинополем и другими городами Византии, но и с византийской провинцией — Балканскими землями, Северным и Западным Причерноморьем.

Рассмотрение источников по интересующей нас теме целесообразно начать с письменных свидетельств. Летописные и другие данные, запечатлевшие связи Западной Руси с Византией, относятся главным образом к Полоцкой земле. В начале XII в. полоцкие князья породнились с правящей династией. В 1106 г. сын императора Алексея Комнина (1048—1118) женился на дочери Всеслава Брячиславича [3, с. 83].

Под 1130 г. летописец сообщает, что киевский князь Мстислав Владимирович наказал полоцких князей, отказавшихся помочь ему в борьбе с половцами: «Поточи... полотские князе с женами и детьми в Греки». Среди высланных были Давид, Ростислав и Святослав Ростиславичи и два князя Рогволодовичи, которых на трех ладьях отправили в Царьград [4, стб. 293, 303, 304]. Ссылка полоцких князей в Византию была не первым случаем подобных действий. По летописи под 1079 г. известно, что Олега, сына Святослава Киевского, «емше Козаре поточища море Црюгородоу» [4, стб. 196].

Историки не могут должным образом оценить такую форму наказания. Вслед за летописным известием о высылке полоцких князей обычно

приводится текст В. Н. Татищева о том, что Мстислав написал императору Иоанну, своему зятю, «чтобы их тамо велел содержать. Император же, приняв их, определил им довольное содержание и послал в войско бывшее против срацын, где они с похвалой служили» [5, с. 142].

В. Н. Данилевич, известный исследователь истории Полоцкой земли, считает эти слова домыслом Татищева [6, с. 81]. Однако ряд дореволюционных и особенно советских ученых относятся с доверием к сведениям этого историка. Б. А. Рыбаков, сопоставлявший свидетельства Татищева с известиями летописей XII в., считает, что последний мог пользоваться сведениями недошедших до нас рукописей, содержание которых сохранилось лишь в татищевской «Истории Российской» [7, с. 96].

После смерти Мстислава полоцкие князья возвратились на родину (известие под 1140 г.). Вместо пяти уехавших вернулись лишь двое: «Взидоста княжича два ис Царягорода, заточены были Мстиславом великим князем Киевским» [4, стб. 303]. Остальные князья, видимо, к этому времени умерли.

Контакты Полоцкой земли с Византией связаны с именем княжны Ефросиньи. Из посвященного ей жития, которое Е. Е. Голубинский считает произведением домонгольского времени [8, с. 771], следует, что княжна послала своего слугу Михаила в Константинополь к императору Мануилу I (1148—1180) и патриарху Луке «з дары многоценны» и просила прислать ей икону Богородицы. Находившаяся в Эфесе и перевезенная в Константинополь икона, украшенная золотом и драгоценными камнями, была послана Ефросинье. Княжна пожертвовала этот дар основанному ею монастырю. В 1173 г. Ефросинья в сопровождении своего брата Давида и двоюродной сестры Евпраксии отправилась в путешествие к святым местам. Княжна прибыла в Константинополь, где ее приняли император и патриарх, а затем она оказалась в Иерусалиме, поселилась в одном из монастырей. В Палестине Ефросинья умерла и была погребена в монастыре Феодосия Киноварха. Впоследствии ее мощи были перенесены в Киево-Печерскую Лавру [9, с. 214, 215; 10, с. 508, 513].

Из последнего письменного известия, относящегося к Полоцкой земле, можно узнать, что киевский митрополит Никифор поставил епископом Полоцка «Николу Гречина», которого отвергли в Суздальской земле (известие под 1183 г.) [4, стб. 629, 630].

О связи Туровской земли с Византией имеется единственное сообщение Кирилла Туровского, согласно которому князь киевский и туровский был женат на гречанке Варваре. Княгиня построила женский монастырь в Туровской земле. После смерти Святополка поселилась там и там же была похоронена [11, с. VIII, XLVII].

Связи Черной Руси с Византией становятся известными лишь к XIII столетию. В Галицко-Волынском своде — составной части Ипатьевской летописи — под 1255 г. сообщается, что Войшелк, сын литовского князя Миндовга, передавший Новогрудок Роману, сыну Даниила Галицкого, пришел к последнему в Холм, принял монашество и просился идти на Афон (Святую Гору). Даниил указал ему путь через Венгрию: «И не може ити Святое Горы и вороти в Болгарех» [4, стб. 831].

Второе свидетельство такого же характера имеется под 1262 г. Из него следует, что до этого времени Войшелк был язычником: «Воишелк же нача княжити в Новегороде в поганьстве боуда». В Новогрудке князь принимает христианство и отправляется к Даниилу и его брату Васильку, но на этот раз не в Холм, а в Галич. Приняв благословение от настоятеля монастыря в Карпатах (Полонина) Григория, Войшелк «оттоле поиде во Святую Гору». Однако до Афона князь не дошел, «зане мятежь бы велик тогда в тых землях и приде опять в Новъгородок» [4, стб. 858, 859].

Наиболее вероятно, что в обоих летописных сообщениях речь идет об одном и том же хождении на Афон, куда Войшелк направлялся через Венгрию, дошел до Болгарии, но не достиг своей цели из-за волнений,

происходивших в то время в Византии, и был вынужден вернуться в Новогрудок.

Афон, где с XI в. существовал русский монастырь, был излюбленным местом паломничества. Игумен Даниил в начале XII в. писал: «И ту есть на великае море выйти, на лево Иерусалим, а на десно ко Святей горы и к Селуни и к Риму» [12, с. 5]. Войшелк пытался достигнуть Афона, когда привычный днепровский путь был захвачен монголами, и князю пришлось пробираться туда через Венгрию и Болгарию.

Как ни малочисленны письменные источники по интересующей нас теме, но они объединены одним временем (XII—XIII вв.) и в них отразились непосредственные контакты Западной Руси с Византией: брачные союзы, высылка полоцких князей в Константинополь и их возвращение, вручение дара княжне Ефросинье, паломничество.

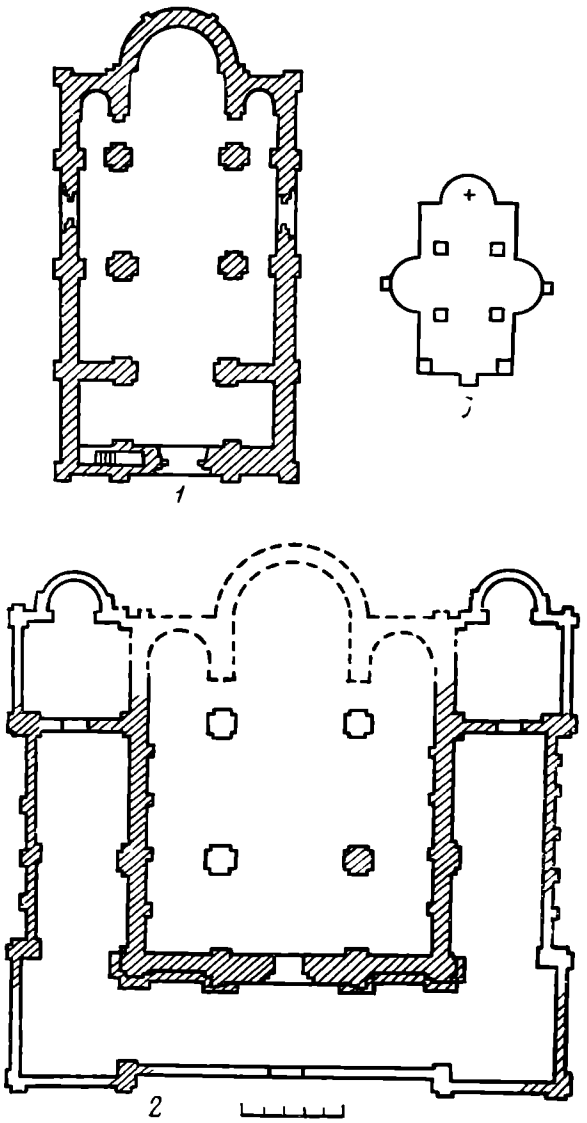


Рис. 1. Планы церквей Западной Руси. *1* — церковь Благовещения в Витебске; *2* — Спасская церковь Ефросиньего монастыря; *3* — церковь Бельчицкого монастыря (по П. А. Раппопорту и Н. Н. Воронину)

Прямые связи с Византией в области материальной культуры наиболее веско устанавливаются по западнорусским памятникам монументального зодчества XII в. Так, церковь Благовещения в Витебске, по заключению М. К. Каргера и П. А. Раппопорта, возвели строители из Византии. На это указывает несвойственная русскому плану одноапсидность храма и типичная для Византии техника кладки из чередующихся рядов тесаного камня и кирпича (рис. 1, *1*) [13, с. 71—76; 14, с. 157]. В такой же технике исполнено основное здание Борисоглебской церкви в Новогрудке, открытой М. К. Каргером. Галерея ее была возведена полоцкими строителями, что устанавливается по характерной кладке из кирпичей со скрытым рядом [15, с. 79—85]. Деятельность византийских строителей ограничилась возведением этих двух храмов. П. А. Раппо-

порт предполагает, что их мог привезти один из полоцких князей при возвращении из ссылки в Константинополь [14, с. 158].

Наряду с архитектурными памятниками, бесспорно возведенными в Западной Руси строителями из Византии, византийский зодчий участвовал в сооружении храма-усыпальницы Ефросиньего монастыря, находившегося вблизи Полоцка и исследованного Е. А. Ащепковым, М. К. Каргером и П. А. Раппопортом. Влияние византийской архитектурной традиции проявляется в одноапсидности храма и сложной форме галерей с расширенными углами (рис. 1, *2*). По мнению П. А. Раппопорта, это может быть объяснено участием византийского зодчего в работе полоцких строителей, или появлением такового до возвращения полоцких князей из Константинополя, или, наконец, творческой связью с византийской артелью, работавшей в Витебске [14, с. 158, 159; 16, с. 240—247; 17, с. 117].

Несколько позднее была построена церковь на Нижнем Замке Полоцка, которая, видимо, служила княжеской усыпальницей и во многом повторяла усыпальницу Ефросиньего монастыря. Вероятно, оба храма были построены одной и той же артелью и зодчим [14, с. 152, 155].

В 1962 г. Н. Н. Воронин опубликовал материалы небольшого уничтоженного храма XII в., находившегося на территории Бельчицкого монастыря под Полоцком. Храм имел одну апсиду, а с севера и юга полукруглые, открытые внутрь выступы (рис. 1, *3*). По мнению автора, этот храм отличался от трех русских по традиции церквей Бельчицкого монастыря и по типу триконхов близок к монастырской архитектуре Афона, Болгарии, Румынии и Сербии. Появление в Полоцке XII в. храма-триконха, как полагает Н. Н. Воронин, свидетельствует о его связи с Балканами и о знакомстве полоцких зодчих с архитектурой балканских стран и, видимо, особенно сербской [18, с. 102—104].

Итак, в Западной Руси два храма строила византийская артель, в двух отразилось участие византийского зодчего, а для пятого характерно знакомство полоцких строителей с архитектурой Балкан. Остается неизвестным, что представлял собой монастырь, основанный княгиней Варварой из Византии в Туровской земле. В Пинске существовал женский Варварин монастырь, который считался одним из древнейших. Однако первое известие о нем относится лишь к 1521 г. [19, № 99].

Значительно труднее определить, какие из византийских предметов искусства, художественного ремесла и быта, известных в Западной Руси, попали туда непосредственно из Византии. Прямое известие об этом существует только для иконы Богородицы, подаренной Ефросинье императором Мануилом. Законный интерес вызывает судьба этого дара. В книге, посвященной древнему Полоцку, Г. В. Штыхов кратко упоминает, что икона, о которой идет речь, хранится в Государственном музее в Ленинграде [20, с. 115]. На этом сообщении следует остановиться особо.

В 1936 г. в Государственный Русский музей из соборной церкви Торопца поступила икона Богоматери Одигитрии, которая именовалась Эфесской (Корсунской) Божьей матерью. Ее размеры 82×60,5 см. На иконе изображены Богоматерь и благословляющий младенец, который держит в руке белый свернутый свиток. От оклада и украшений иконы сохранились следы гвоздей (рис. 2, *1*) [1]. По церковной легенде, эта икона была привезена в Торопец дочерью полоцкого князя, ставшей женой Александра Невского в 1239 г. Как известно, князь венчался в Торопце [21, с. 23]. Н. П. Кондаков придерживался версии, что торопецкая Одигитрия была привезена из Полоцка, и считал икону работой русского мастера XIII—XIV вв. [22, с. 223]. По мнению Н. Е. Мневой, икона из Торопца относится к концу XII в. [23, с. 89].

В начале 1960-х годов изучением торопецкой иконы занялась Н. А. Никифораки, ранее исследовавшая русские иконы способом электронно-оптического преобразования [24, с. 25—37]. Располагая сведе-

[1] Благодарю И. И. Плешанову и А. А. Мальцову, любезно ознакомивших автора с этой иконой.

1 2

Рис. 2. Торопецкая Одигитрия. *1* — современный вид, Государственный Русский музей; *2* — фотография с помощью электронно-оптического преобразования (по Н. А. Никифораки)

ниями о том, что на иконе Русского музея рентгенограммой установлены дописи верхней части лика и многократные описи губ, Никифораки сфотографировала ее с помощью инфракрасных лучей. Изображение предстало другим (рис. 2, *2*). Рисунок Богоматери, как устанавливает исследовательница, строится на строгой соразмерности частей. Голова укладывается точно в три раза по высоте изображения. Личина имеет трехкратное деление, присущее памятникам византийского происхождения. Трактовка одежды сходна с трактовкой одежд фигур, изображенных на мозаиках византийских храмов XI в. (о-в Хиос, Дафни). Плотно облегающий мафорий и ассист Богоматери также характерны для византийских памятников. Все это привело Н. А. Никифораки к заключению, что торопецкая Одигитрия — памятник XII в., который сложился на прочных традициях византийского искусства [25, с. 49—51]. Иначе говоря, Богоматерь Эфесская из Торопца была даром императора Мануила, который потом был переписан.

Исследование Н. А. Никифораки не привлекало к себе внимания историков древнерусской живописи. В 1970 г., спустя 4 года после публикации статьи о новой датировке и атрибуции торопецкой Одигитрии, в обобщающей статье о русской живописи XIII—XV вв. Г А. Вздорнов отнес эту икону к произведениям псковской школы первой половины XIV в. [26, с. 261], не выразив своего отношения к работе Никифораки. Между тем для небольшого количества икон, привезенных в XII в. из Византии на Русь, история их появления известна лишь для Владимирской Богоматери и Богоматери Пирогощей [4, стб. 482]. Итоги исследования Никифораки, если они верны, выявляют новый памятник византийской культуры в Древней Руси, сведения о котором сохранились в агиографической литературе домонгольской поры. Можно пожалеть, что работа такого характера не получила должного отклика специалистов.

В результате археологических работ на территории Западной Руси получены разнообразные материалы, свидетельствующие о проникновении в эти земли многочисленного импорта из Византии и ее провинций. Это вино, масло и другие яства, от которых сохранились многочисленные амфоры (рис. 3, *1*, *2*) стеклянные сосуды (рис. 3, *6*; 4, *1—8*), шелк, бытовые и культовые изделия (рис. 3, *3—5*), стеклянные украшения и грецкие орехи. К ассортименту византийских изделий следует присоединить местные подражания образцам из Византии, которые должны были иметь перед собой западнорусские ремесленники для того, чтобы изготовить копии.

Непосредственно из Византии, очевидно, поступали мелкие и недорогие вещи. В. П. Даркевич резонно отмечает, что при дороговизне дальних перевозок не было смысла экспортировать дешевые товары [27, с. 318]. В Западной Руси таковыми были украшения из стекла — браслеты, бусы, вставки, сваренные по византийскому натриево-кальциево-кремнеземному рецепту, а также дешевые иконки. Наиболее вероятно, что такие изделия доставлялись паломниками. В XII в. хождение к святым местам охватывает широкие слои населения, что подтверждается вопрошанием черноризца Кирика, обеспокоенного тем, что странствование калик превращается в бродяжничество [28, с. 170]. Известно, что паломники Новгорода XII в. промышляли сбытом вещей, привезенных ими из Палестины [29, с. 500, 501; 30, с. 344—347]. В свое время автор настоящей работы предпринял попытку показать, что иконка-литик из Новогрудка (рис. 3, *4*) попала в этот город из Болгарии в результате паломничества князя Войшелка [31, с. 154].

Значительная часть византийского импорта прибывала в Западную Русь через посредничество Киева, являвшегося транзитным пунктом в торговле с Византией. Это в первую очередь громоздкие амфоры с их заполнением. Амфоры и их обломки, происходящие из Северного и Западного Причерноморья,— повсеместные находки в западнорусских городах. В большом количестве они найдены и в Киеве, особенно много за последние годы [32, с. 373]. Из Киева амфоры отправляли по Днепру в западнорусские земли. По мнению Е. А. Рыбиной, Великий Новгород

Рис. 3. Импорт из Византии и ее провинций. *1, 2* — амфоры; *3, 4* — иконки; *5* — пробка от крышки сосуда; *6* — сосуд («кубок Ядвиги»). *1, 2* — глина; *3* — камень; *4—6* — стекло

получал амфоры и другие южные товары тоже днепровским путем [33, с. 263; 34, с. 154].

Для некоторых византийских товаров, найденных в Западной Руси, труднее установить посредничество Киева. Это относится прежде всего к интереснейшим стеклянным сосудам, параллели которым в Киеве неизвестны. Однако находки в Херсонесе синих флаконов, расписанных эмалью и золотом, аналогичных новогрудским и туровским флаконам, а также сосудов с расширенным горлом, сходных с новогрудской находкой (рис. 4, *3*, *5*) [35, с. 249—251], дают основание предполагать, что по-

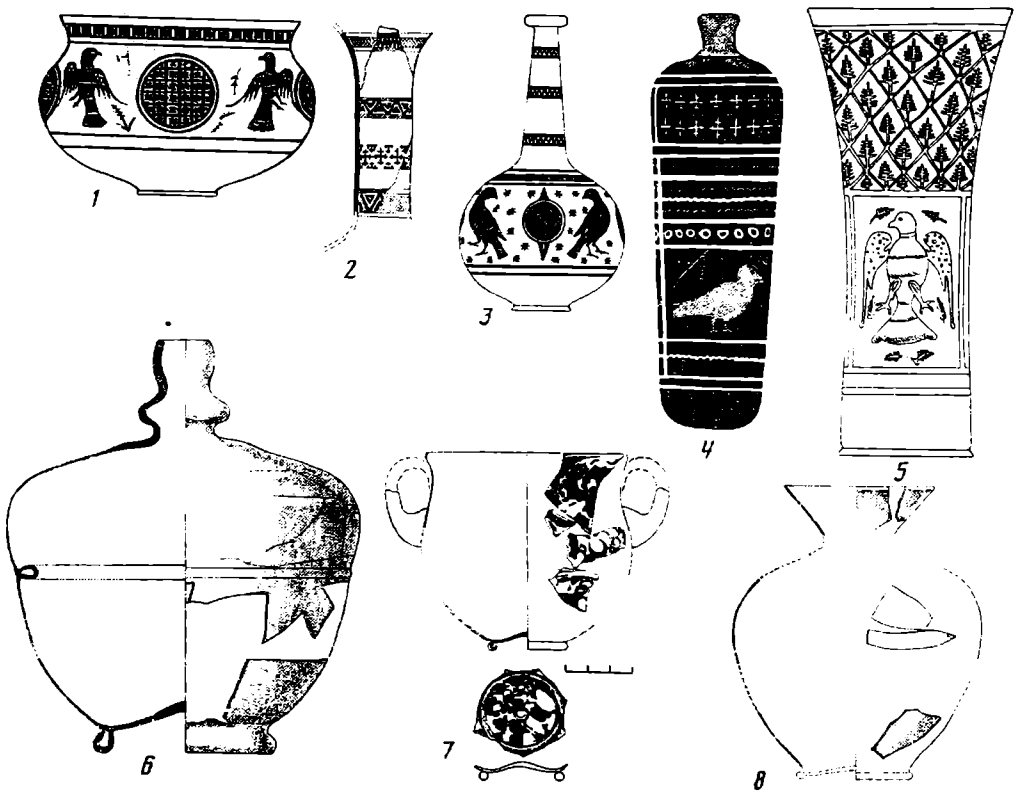


Рис. 4. Стеклянные сосуды из Византии (реконструкция)

следние прибыли в Западную Русь днепровским путем и не могли миновать Киева. Надо полагать, что этим же путем на ладьях отправились в ссылку в Константинополь и вернулись на родину полоцкие князья и совершила паломничество Ефросинья Полоцкая. Весьма своеобразно попадает в Новогрудок кубок из толстостенного дымчатого стекла, найденный в постройке второй половины XII в. На стенках сосуда вырезаны фигуры льва, грифона, а также древо жизни (рис. 3, *6*). Ю. Л. Щапова, исследовавшая этот кубок, полагает, что в нем можно видеть изделие византийской, предпочтительно константинопольской мастерской XII в. [36, с. 214]. Данному кубку известно около 15 параллелей, орнаментированных геральдическими львами, орлами, грифонами, древами жизни и другими фигурами и изображениями. Многие кубки служат церковной утварью, остальные находятся в музеях или частных собраниях. Данная группа сосудов получила в литературе наименование «кубков Ядвиги», по имени жены герцога Силезии (1173—1243), якобы владевшей таким кубком. Некоторые из них так сходны между собой, что, по мнению немецкого исследователя Р. Шмидта, произошли из одной мастерской и, вероятно, сделаны рукой одного мастера [37, с. 58].

Любопытно размещение «кубков Ядвиги» (рис. 5). Три сосуда находятся в Польше (Краков, Вроцлав, Ныса), один — в Амстердаме, два — в Бельгии (Намюр), а все остальные — на территории ГДР и ФРГ (Минден, Гальберштадт, Ассебург, Гота, Кобург и Нюрнберг). Один сосуд встречен в Тюрингии (пункт неизвестен) [38, с. 171—175; 39, с. 45]. Таким образом, бо́льшая часть «кубков Ядвиги» сконцентрирована на немецкой земле. Идентичность новогрудского сосуда с вышеперечисленными кубками позволила автору настоящей работы при первой публикации находки из Новогрудка, которая в то время рассматривалась как импорт из Египта, высказать предположение, что наш кубок и его аналоги попали в Европу одновременно через крестоносцев или следовавших за ними купцов [40, с. 243—246]. Теперь, когда новогрудский сосуд рассматривается как византийское, константинопольское изделие, имеется еще больше оснований видеть в нем добычу крестоносцев.

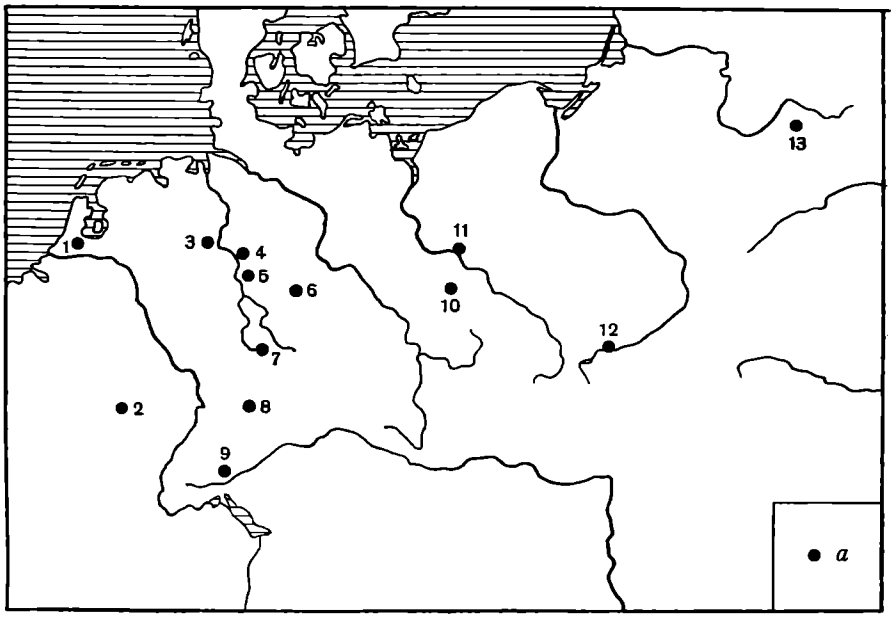


Рис. 5. Распространение «кубков Ядвиги» (*а*). *1* — Амстердам; *2* — Намюр; *3* — Минден; *4* — Гальберштадт; *5* — Ассебург; *6* — Тюрингия; *7* — Гота; *8* — Кобург; *9* — Нюрнберг; *10* — Ныса; *11* — Вроцлав; *12* — Краков; *13* — Новогрудок

Прежде чем доказать это положение, необходимо сделать небольшое отступление в нашем изложении. Ю. Л. Щапова, имевшая возможность осмотреть в Польше два «кубка Ядвиги» (краковский и нысский), пришла к заключению, что они являются подражаниями средневековым сосудам и сделаны в XVII — начале XVIII в. К этому выводу автора привела техника изготовления двух польских сосудов. Состав их стекла остался неизвестным [36, с. 213, 214]. Вывод, сделанный для польских сосудов, Ю. Л. Щапова распространяет на всю европейскую серию «кубков Ядвиги», относя ее также к продукции XVII—XVIII вв. Единственным подлинным «кубком Ядвиги» оказывается, таким образом, новогрудский сосуд [36, с. 216]. Нам представляется, что подобная датировка всех «кубков Ядвиги», часть которых имеет серебряные подставки XIV в. [38, с. 171, 174], нуждается в соответствующей аргументации. Однако, если даже Ю. Л. Щапова права, несомненно, что европейские мастера воспроизводили реально существовавшие византийские сосуды, попавшие в Европу одновременно и в значительном количестве. Наиболее вероятно, что их доставили крестоносцы.

Стремясь определить, как и когда это могло произойти, следует иметь в виду, что один из «кубков Ядвиги», производство которых началось в Константинополе в XII в., во второй половине этого столетия оказался в далеком Новогрудке. Следовательно, всю партию сосудов должны были вывезти не позднее второй половины XII в. На это столетие приходится два крестовых похода — второй (1147—1149 гг.) и третий (1189—1192 гг.). Вывоз кубков трудно связывать с третьим крестовым походом. Осуществляя его, рыцари миновали Константинополь, повернув от Андрианополя на юг [41, с. 167—178]. Во время же крестового похода его участники дважды побывали в византийской столице. Активная роль в этом походе принадлежала немецкому воинству, выступившему из Нюрнберга и Регенсбурга во главе с Конрадом III Гогенштауфеном. В сентябре 1147 г. немецкие рыцари вошли в Константинополь и занялись грабежом. Они также сожгли несколько городских предместий и опустошили императорский дворец, находившийся вблизи города. Вторично крестоносцы побывали в Константинополе, возвращаясь домой из Эфеса [41, с. 140—147]. Можно предположить, что именно с этими событиями связано одновременное появление в Европе «кубков Ядвиги», не только красивых, но и прочных сосудов, осевших главным образом в немецкой земле. Отсюда некоторые из кубков проникают на территорию

Нидерландов и Бельгии и на восток. Среди последних был и новогрудский экземпляр.

Новогрудский «кубок Ядвиги» должен был попасть в этот город тем же путем, которым прибывали в Понеманье западные товары. По В. П. Даркевичу, костяное навершие немецкой работы должно было быть доставлено в Волковыск через Южную Германию, Прагу, Краков, Волынь и Киев и далее по Днепру, Припяти и ее притоку Ясельде в бассейн Немана [42, с. 109]. Другой путь с Запада на Русь В. П. Даркевич восстанавливает из Кельна на Магдебург, Познань, Гнезно и Повисленье через русский Дрогичин [43, с. 99, 100]. В нашем случае намечается вариант пути из Южной Германии на Прагу, Краков и далее по Висле и Западному Бугу через Дрогичин. Товары из Западного Буга на Припять переправлялись волоком [44, с. 220]. Отсюда в Понеманье путь лежал так, как воспроизвел его В. П. Даркевич применительно к навершию из Волковыска.

Для Новогрудка середины XIII в. существовал еще один путь связи с Византией. Это тот путь, которым воспользовался Войшелк, не сумевший попасть на Афон. О нем упоминалось выше. Это путь через Холм или Галич, Венгрию и Болгарию. В последней могла быть приобретена новогрудская иконка-литик.

Появление разнообразного импорта из Византии в Западной Руси не отразилось на проникновении византийских монет на ее территорию. Их найдено совсем немного. В семи пунктах бассейнов Западного Буга, Днепра, Припяти, Березины и Сожа единичные византийские монеты были в составе кладов куфических и западноевропейских монет. В одном случае монета входила в инвентарь погребения, имеются отдельные случайные находки. Младшая из монет относится к 70-м годам XI в., бóльшая же их часть датируется X—XI вв. [45, с. 38]. Следовательно, византийские монеты Западной Руси предшествуют импорту XII—XIII вв. из Византии, найденному в западнорусских землях.

Импорт из Византии, выявленный на интересующей нас территории, пополняет существующие представления о византийском ремесле. Речь идет о тех изделиях, аналоги которым неизвестны ни в самой Византии, ни в ее провинциях. Наиболее отчетливо это проявляется на примере отдельных форм стеклянных сосудов. До сравнительно недавнего времени не были известны параллели новогрудскому кубку из красного стекла, расписанному золотом (рис. 4, *1*) [46, с. 7, 8]. Когда же английский исследователь А. Мигоу, раскапывая крепость Пафос на Кипре, нашел обломки красных стеклянных сосудов с золотой росписью, он реконструировал их в форме кубка из Новогрудка [47, с. 88, 90, рис. 2, *3*]. При раскопках Коринфа найдено много фрагментов из однотонного красного и коричневого стекла, которые восстанавливаются в форме двуручных бокалов [48, с. 44, рис. 29]. Однако такой сосуд, как новогрудский двуручный бокал из сине-белого стекла, поддон и ручки которого сделаны из бесцветного стекла (рис. 4, *7*), аналогий до сих пор не имеет. То же можно сказать о пробке в виде фигуры собаки (рис. 3, *5*) и других византийских стеклянных сосудах.

Подобная картина характерна для отдельных типов амфор. Преобладающим типом амфор Западной Руси, как и всей территории Древней Руси, являются сосуды с раздутым туловом и дуговидными ручками (рис. 3, *2*). Наряду с ними распространены амфоры с грушевидным туловом и высокими, поднятыми над горлом ручками. Оба типа этой керамической тары характерны для Афинской агоры, Кипра, Северного и Западного Причерноморья и других земель Византии и ее провинций [49, с. 343, рис. 23, 27; 50, с. 111, 113, рис. 68, *5—8*, 69, *1*, *2*, *4*; 51, с. 256, 257, рис. 1, *11—13*]. Вместе с тем М. В. Малевской удалось выделить среди новогрудских амфор небольшое количество сосудов, изготовленных по той же технологии, которая характерна для вышеописанных амфор, но несколько отличающихся по форме. Они имеют маленькие ручки ниже горла (рис. 3, *1*), что придает им архаический облик. Немногочисленные параллели таким амфорам известны в отдельных древнерусских городах.

Рис. 6. Подражания византийским изделиям и их творческая переработка. *1* — печать; *2* — пластина от триптиха; *3* — пластинка от ларца; *4* — иконка; *5* — поливная чаша. *1*, *2* — рог; *3* — свинец; *4* — камень; *5* — глина

За пределами Древней Руси подобные сосуды в XII—XIII вв. неизвестны [52, с. 188]. В свете этих данных находки изделий из собственно Византии и Северного и Западного Причерноморья, где выделывались амфоры, неизвестные в тех землях, где они были произведены, дают новые материалы о ремесле византийских земель, которое еще недостаточно изучено.

Привозные вещи порождают местные подражания. А. В. Банк поставила и разработала тему о различных формах воспроизводства византийских изделий. К ним относятся: копирование оригинала или его отдельных деталей, а также творческая переработка и осмысление образца. В своих исследованиях автор обращается и к материалам Западной Руси. А. В. Банк привлекает новогрудскую пластинку из рога с орнаментом в виде звезд, вписанных в круг (рис. 6, *3*). Подобные пластинки, вырезанные из слоновой кости, типичны для константинопольских ларцов. Для пластины из рога от триптиха с погрудными изображениями святых, найденной в Волковыске (рис. 6, *2*), предлагается альтернативное решение: ведь могла быть сделана в византийской провинциальной мастерской или вырезана русским ремесленником по константинопольскому образцу, но вряд ли ее мог изготовить волковыский косторез [53, с. 192]. Сомнение в данном случае излишне. В этом городе выделывались изде-

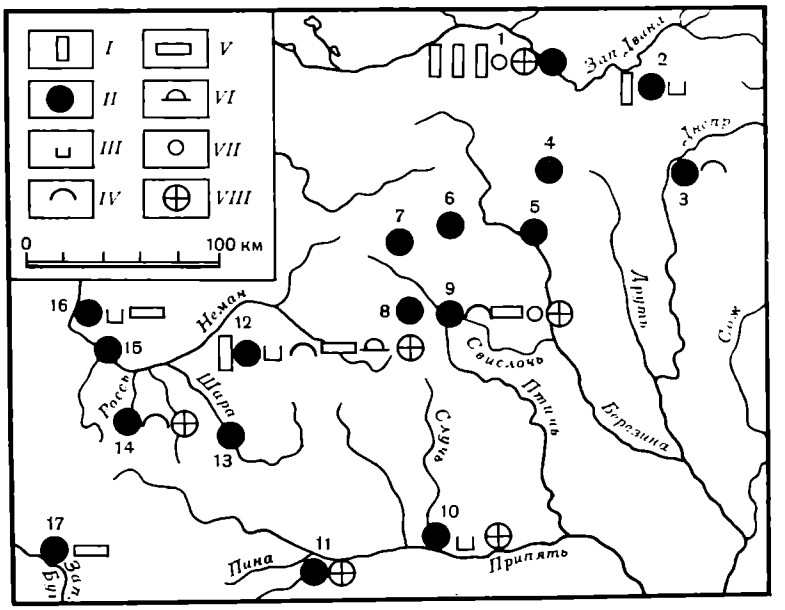


Рис. 7. Проникновение византийской культуры на территорию Западной Руси. I — памятник архитектуры, возведенный византийскими строителями или под влиянием Византии; II — амфоры; III — византийские стеклянные сосуды; IV — византийские стеклянные браслеты и другие украшения из стекла; V — шелк; VI — византийские иконки; VII — грецкие орехи; VIII — подражания византийским изделиям. *1* — Полоцк; *2* — Витебск; *3* — Орша; *4* — Лукомль; *5* — Борисов; *6* — Логойск; *7* — Заславль; *8* — Городище на Менке; *9* — Минск; *10* — Туров; *11* — Пинск; *12* — Новогрудок; *13* — Слоним; *14* — Волковыск; *15* — Турейск; *16* — Гродно; *17* — Брест

лия из кости и рога, которые являются лучшими образцами древнерусского косторезного дела. На них нанесен сложный геометрический и растительный орнамент, выразительно изображены животные. Косторезы Волковыска умели соединять свои изделия с цветным стеклом [54, с. 55—57]. Высокое мастерство ремесленников этого города делает вполне вероятным предположение, что византийская пластина была скопирована именно здесь. По образцу из Византии была вырезана каменная икона (серпентин) с изображением Христа Емануила, которая найдена при раскопках Пинска [55, с. 295—297; 56, с. 145].

Среди археологических находок Западной Руси имеется группа вещей, в которых местные ремесленники отразили свое восприятие византийских вещей. Такова полоцкая каменная резная икона с изображением императора Константина и его матери Елены, между которыми находится восьмиконечный крест. А. В. Банк видит в ней работу русского мастера, отразившего отдаленный византийский прототип [53, с. 193]. Иконография Богоматери Агиосоритисы запечатлена в каменной иконке из Минска (рис. 6, *4*) и свинцовой иконке-вставке из Турова. Этот же тип Богоматери имеется на полоцкой свинцовой печати (рис. 6, *1*) — единственное изображение Агиосоритисы в древнерусской сфрагистике [57, с. 135]. Можно предположить, что еще на одной свинцовой иконке-вставке из Турова, на которой можно рассмотреть святую с крестом, прижатым к груди, воспроизведена великомученица Варвара [58, с. 282] — покровительница гречанки Варвары, жены князя туровского.

По мнению белорусского искусствоведа А. А. Селицкого, византийские художественные вкусы отразились в монументальной живописи Западной Руси. Среди фресок Спасской церкви Ефросиньего монастыря выделяется фигура Богоматери-Агиосоритисы, изображенной во весь рост и повернутой к алтарю [59, с. 25, 26]. Влияние Византии, как полагает Г. П. Лебедев, отразилось в медных позолоченных пластинах с гравированными изображениями апостолов — часть убранства Нижней церкви в Гродно [60, с. 127]. В заключение следует отметить поливную чашу, изготовленную новогрудским гончаром (рис. 6, *5*), в которой, по мнению М. В. Малевской, воспроизводится херсонесская чаша несколько измененных пропорций [61, с. 196, 198].

Таковы материалы и некоторые заключения, относящиеся к теме «Западная Русь и Византия в XII—XIII вв.». На их основе роль Византии в экономической, политической и духовной жизни, осуществляемой как в результате прямых связей, так и через посредников, предстает весьма разнообразной (рис. 7). На протяжении двух столетий византийское влияние в западнорусских землях предстает по-разному. В архитектурных памятниках оно не выходит за пределы XII в., что характерно для всего русского зодчества [62, с. 218]. Импорт из Византии и ее провинций, оказавший определенное воздействие на развитие местного художественного ремесла, поступал непрерывно на протяжении всего рассматриваемого периода. Существенно, что среди западнорусских вещей выявляются некоторые изделия византийского происхождения, которые неизвестны на территории Византии и подвластных ей земель, и тем самым расширяются сведения о характере ремесла страны, экспортировавшей свою продукцию.

К сожалению, трудно сказать, каков был вклад Западной Руси в эти сложившиеся связи. Единственным источником, в какой-то степени отвечающим на этот вопрос, является известие, дошедшее через В. Н. Татищева, о службе полоцких князей в императорских войсках во время их ссылки в Византию. Надо полагать, что Западная Русь была достойным партнером Византии и последняя была вознаграждена за все то, что отдавала.

Разрозненные сведения об отношениях Западной Руси и Византии рисуют по-новому эти отношения. Древнерусская территория, которая при исследовании проблемы русско-византийских отношений находилась вне внимания ученых, оказалась в XII и XIII вв. сферой активного влияния Византии.

Комплексное исследование источников, свидетельствующих о русско-византийских связях, может быть весьма плодотворным для других древнерусских земель. Работы такого рода важны потому, что письменные данные по этой проблеме имеют известную ограниченность. «При наличии большого количества фактов, отражающих русско-византийские связи во всех областях средневековой культуры,— пишет М. В. Левченко,— мы почти лишены исторических свидетельств русских источников об отдельных конкретных моментах в истории сношении Древней Руси с Византией». Такое же положение автор отмечает для византийских свидетельств, особенно скудных для XI—XII вв. [1, с. 4—5]. В этих условиях исследование прочно датированных памятников культуры, связанных с определенной территорией и свидетельствующих о связях с Византией, в сочетании с изучением письменных источников, отражающих эти связи, открывает новые грани в традиционной теме истории русско-византийских отношений. В пользу такого заключения говорят материалы Западной Руси.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М.: Изд-во АН СССР, 1956.
2. *Удальцова З. В.* Советское византиноведение за 50 лет. М.: Наука, 1969.
3. *Мошин В.* Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI и XII в.//Byzantinoslavica. T. IX. Prague, 1947.
4. Ипатьевская летопись//ПСРЛ. 1962. Т. II.
5. *Татищев В. Н.* История Российская. Т. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963.
6. *Данилевич В. Н.* Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV в. Киев, 1896.
7. *Рыбаков Б. А.* В. Н. Татищев и летописи XII в.//История СССР. 1971. № 1.
8. *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Т. I. Ч. 1. М., 1901.
9. Книга степенная царского родословия//ПСРЛ. 1908. Т. 21.
10. Труды Киевской духовной академии. Кн. IV. 1910.
11. Творения святого отца нашего Кирилла епископа Туровского. Киев, 1880.
12. Путешествие игумена Даниила по Святой земле в начале XII века (1113—1115). СПб., 1864.
13. *Каргер М. К.* Церковь Благовещения в Витебске//КСИА. 1978. Вып. 155.
14. *Раппопорт П. А.* Полоцкое зодчество XII в.//СА. 1980. № 3.
15. *Каргер М. К.* Раскопки церкви Бориса и Глеба в Новогрудке//КСИА. 1977. Вып. 160.

16. *Каргер М. К.* Храм-усыпальница в Ефросиньевом монастыре в Полоцке//СА. 1977. № 1.
17. *Раппопорт П. А.* Зодчество XII в. на территории Белоруссии//Древнерусское государство и славяне. Минск: Наука и техника, 1983.
18. *Воронин Н. Н.* К истории полоцкого зодчества XII в.//КСИА. 1962. Вып. 87
19. *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях Российской империи. Т. I. СПб., 1890.
20. *Штыхов Г. В.* Древний Полоцк IX—XIII вв. Минск: Наука и техника, 1975.
21. *Сахаров И.* Исследования о русском иконописании. СПб., 1849.
22. *Кондаков Н. П.* Иконография Богоматери. Т. II. Пгр., 1915.
23. *Антонова В. И., Мнева Н. Е.* Каталог древнерусской живописи XI — начала XVII в. Т. I. М.: Искусство, 1963.
24. *Никифораки Н. А.* Новый метод исследования музейных объектов//Сообщения ВЦНИЛКР. 1963. Вып. 7.
25. *Никифораки Н.* ЭОП и атрибуция произведений искусства//Искусство. 1966. № 10.
26. *Вздорнов Г А.* Очерки русской культуры XIII—XV вв. Ч. II. М.: Изд-во МГУ, 1970.
27. *Даркевич В. П.* Светское искусство Византии в Восточной Европе. М.: Искусство, 1975.
28. *Калайдович К. Ф.* Памятники российской словесности XII века. М., 1821.
29. Хождение новгородских калик в Иерусалим в 1163—1168 гг.//Сообщения православного Палестинского общества. 1898. Вып. 1.
30. *Айналов Д. В.* Некоторые данные русских летописей о Палестине//Сообщения православного Палестинского общества. 1906. Вып. 3.
31. *Гурэвіч Ф. Д.* Каму належаў абразок-літык//ПГКБ. 1982. № 3.
32. Новое в археологии Киева. Киев: Наук. думка, 1981.
33. *Рыбина Е. А.* Из истории южного импорта в Новгород//СА. 1971. № 1.
34. *Рыбина Е. А.* Археологические очерки новгородской торговли X—XIV вв. М.: Изд-во МГУ, 1978.
35. *Колесникова Л. Г.* Восточное стекло из собрания Херсонесского музея//Византийский временник. 1973. Т. 34.
36. *Щапова Ю. Л.* О резном бокале из Новогрудка//Средневековая Русь. М.: Наука, 1976.
37. *Schmidt R.* Die Hedwigsgläser und die Verwandtenglas und Kristallschnittarbeiten// Schlesiens Vorzeit in Bild und Schrift. Neue Folge, 1912. T. VI.
38. *Lamm G. J.* Mittelalterliche Gläser und Steinschnittarbeiten aus dem Nahen Osten. B., 1930.
39. *Pinder-Wilson R. H. A.* Hedwig glass for the museum//British Museum Quarterly. 1960. T. 22.
40. *Гуревич Ф. Д.* Стеклянный резной бокал из Новогрудка//СА. 1963. № 2.
41. *Заборов М. А.* Крестовые походы. М.: Изд-во АН СССР, 1956.
42. *Даркевич В. П.* Костяное навершие из Волковыска//КСИА. 1963. Вып. 96.
43. *Даркевич В. П.* К истории торговых связей Древней Руси//КСИА. 1974. Вып. 138.
44. *Musianowicz K.* Drohiczyn we wczesnem średniowieczu//Materiały wczesnośredniowieczne. 1959. T. VI.
45. *Кропоткин В. В.* Клады византийских монет на территории СССР/САИ. 1962. Вып. Е4-4.
46. *Гуревич Ф. Д., Джанполадян Р. М., Малянская М. В.* Восточное стекло в Древней Руси. Л.: Наука, 1968.
47 *Megaw A. H. S.* More Gilt and Enameled Glass from Cyprus//JGS. 1968. T. X.
48. *Davidson G. K.* A Medieval Mystery. Byzantine glass production//JGS. 1975. T. XVII.
49. *Megaw A. H. S.* Supplementary Excavations on a Castle Site at Paphos Cyprus 1970—1971//Dumbarton Oaks Papers. 1972. № 26.
50. *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979.
51. *Чангова Й.* Средневековни амфори в България//ИАИ. 1959. Т. XXII.
52. *Малевская М. В.* Амфоры Новогрудка XII—XIII вв.//Тез. докл. к конференции по археологии Белоруссии. Минск, 1969.
53. *Бланк А. В.* Константинопольские образцы и местные копии//Византийский временник. 1973. Т. 34.
54. *Зверуго Я. Г.* Древний Волковыск. Минск: Наука и техника, 1975.
55. *Лысенко П. Ф.* Каменная иконка из Пинска//СА. 1968. № 2.
56. *Николаева Т. В.* Древнерусская мелкая пластика из камня XI—XV вв.//САИ. 1983. Вып. Е1-60.
57. *Штыхов Г. В.* Города Полоцкой земли. Минск: Наука и техника, 1978.
58. *Лысенко П. Ф.* Свинцовые иконки из Турова//СА. 1967. № 1.
59. *Сяліцкі* Новое аб фрэсках Спаса-Преабражэнскага сабора ў Полацку//ПГКБ. 1983. № 2.
60. *Лебедев Г П.* О древнем искусстве Белоруссии//Дренерусское государство и славяне. Минск: Наука и техника, 1983.
61. *Малевская М. В.* Поливная керамика древнего Новогрудка//СА. 1969. № 3.
62. *Лазарев В. Н.* Византийское и древнерусское искусство. М.: Наука, 1978.

F. D. Gurevich

WESTERN RUSSIA AND BYZANTIUM IN THE 12th AND 13th CENTURIES

Summary

Scarce written monuments inform us that in the 12th and 13th centuries there existed direct contacts between Western Russia and Byzantium. Architectural and archaeological investigations in Western Russia demonstrated that in the first half of the 12th century a Byzantine construction team erected the Cathedral of the Annunciation in Vitebsk and the main building of the Church of Sts. Boris and Gleb in Novogrudok. A Byzantine architect contributed to the church and the burial vault of St. Efrosinia nunnery and, probably, to the church in the lower castle in Polotsk. According to N. Voronin, one of the churches of the Belchitsky monastery near Polotsk shows that its builders were familiar with Balkan architecture (Fig. 1).

Among the imported goods some of the small and cheap objects (such as glass ornaments and objects used for religious ceremonies) came directly from Byzantium. They were brought, in all probability, by pilgrims. A large number of goods came via Kiev (Figs. 3 and 4). Byzantine imports triggered numerous copies and creative assimilation of the Byzantine traditions (Fig. 6).

Публикации

Г. М. БУРОВ

ЗАПОРНЫЙ ЛОВ РЫБЫ В ЭПОХУ НЕОЛИТА В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Наши познания о рыболовстве эпохи неолита на европейской территории СССР ограничивались до 60-х годов главным образом данными о костях ихтиофауны, гарпунах, удильных крючках [1] и грузилах сетей. Лишь на торфяниковой стоянке Сарнате в Латвии [2, с. 92—95] удалось найти орудия из растительных материалов, в частности сети и ботала. Известна была также ловушка открытого типа из дранки, выявленная в 1878 г. И. С. Поляковым на Оке [3, с. 19; 4]. Но достоверных сведений о рыболовных заграждениях не имелось, хотя исследователи высказывали предположения об их существовании в каменном веке [5, с. 185; 6, с. 206]. Лишь в 1965—1966 гг. обнаружены бесспорные остатки таких сооружений: В. П. Левенком — в Верхнем Подонье [7, с. 151; 8, с. 88, рис. 32, *2—4*] и нами — на р. Юг, близ д. Мармугино Великоустюгского р-на Вологодской обл. [9, с. 7; 10, с. 133—134; 11, с. 286].

Деревня Мармугино давно известна тем, что близ нее, на боровой террасе, в 1904—1911 гг. производил сборы подъемного материала, кремня и керамики, врач К. А. Линовский [12, с. 5] [1]. Открытая здесь стоянка, относящаяся к мармугинскому культурному типу верхневолжско-зауральской (синдорской) гребенчатой керамики [13, с. 168; 14, с. 92] [2], раскапывалась в 1936 г. М. Е. Фосс [15; 16, с. 363], но результаты этих исследований не нашли отражения в печати [3]. 30 лет спустя стоянка и ее окрестности были осмотрены автором, которым при систематическом обследовании старичных торфяников [10, 17, 18] выявлены близ нее древние гидросооружения из дранки [4]. До сих пор были опубликованы только краткие сведения об этом редком памятнике.

В пойменном обнажении на р. Юг, у самой деревни, четко прослеживались два погребенных старичных торфяника, из которых первый, с развалами сооружений, срезан частично вторым (рис. 1). Для их изучения зачищен обрыв на протяжении 300 м и произведено бурение в разных местах (рис. 2). Разрез имеет сложную стратиграфию, дополненную пыльцевыми диаграммами и радиокарбонными датами. Отложения первого торфяника включали глинисто-детритовый сапропель мощностью до 1,5 м и перекрывавший его, сильно заиленный торф толщиной до 1 м, верхняя горизонтальная поверхность которого лежала на 2,2 м ниже уровня поймы (в месте сооружений) и на 1,5 м выше уреза воды в межень. В разрезе по обнажению торфяник имел протяженность более 180 м, но он пересекался рекой наискось, что видно по форме в плане соседнего останца высокой поймы. Ширина старичных отложений составляла 80 м или несколько больше.

---

[1] Великоустюгский краеведческий музей, инв. № 10128—10152, 10190—10250, 10282—10315, 10326—10353, 10377—10606, 10623—10718.

[2] В коллекции имеется также небольшой комплекс ластинского этапа лебяжской культуры (VIII—VI вв. до н. э.).

[3] ГИМ, № 80432. В работах М. Е. Фосс стоянка названа Мармулинской и Мармылинской. Точное же наименование деревни — Мармугино.

[4] Исследования Вычегодско-Двинского отряда Коми филиала АН СССР в сентябре 1966 г.

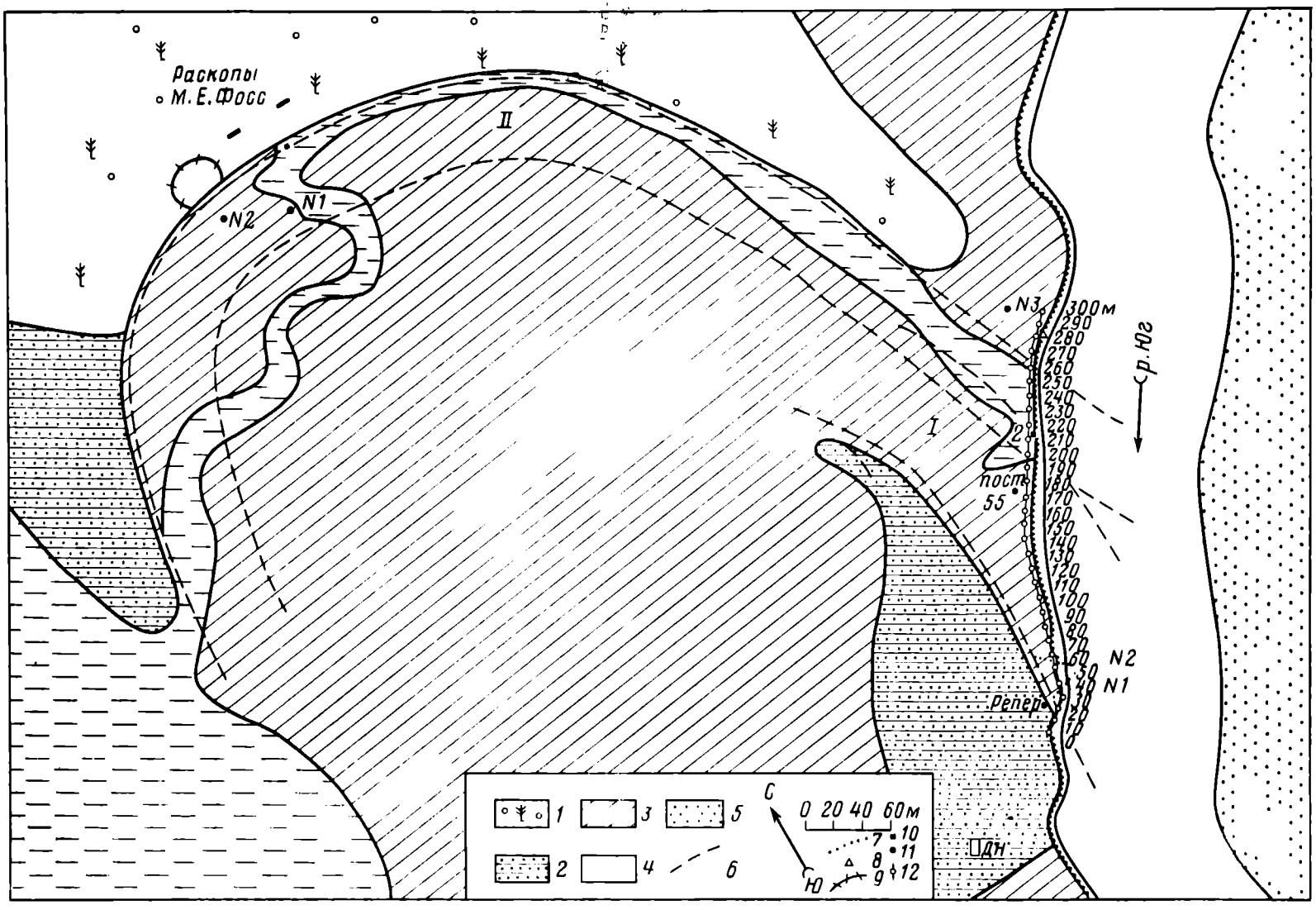


Рис. 1. Схема расположения археологических памятников у д. Мармугино. *1* — боровая терраса; *2* — высокая песчаная пойма; *3* — низкая глинистая пойма; *4* — болотный массив; *5* — пляж; *6* — контуры торфяников; *7* — рыболовные сооружения; *8* — керамика в пойменных отложениях; *9* — распространение подъемного материала на стоянке Мармугино; *10* — раскопы и шурф; *11* — скважины; *12* — линия зарисовки обнажения

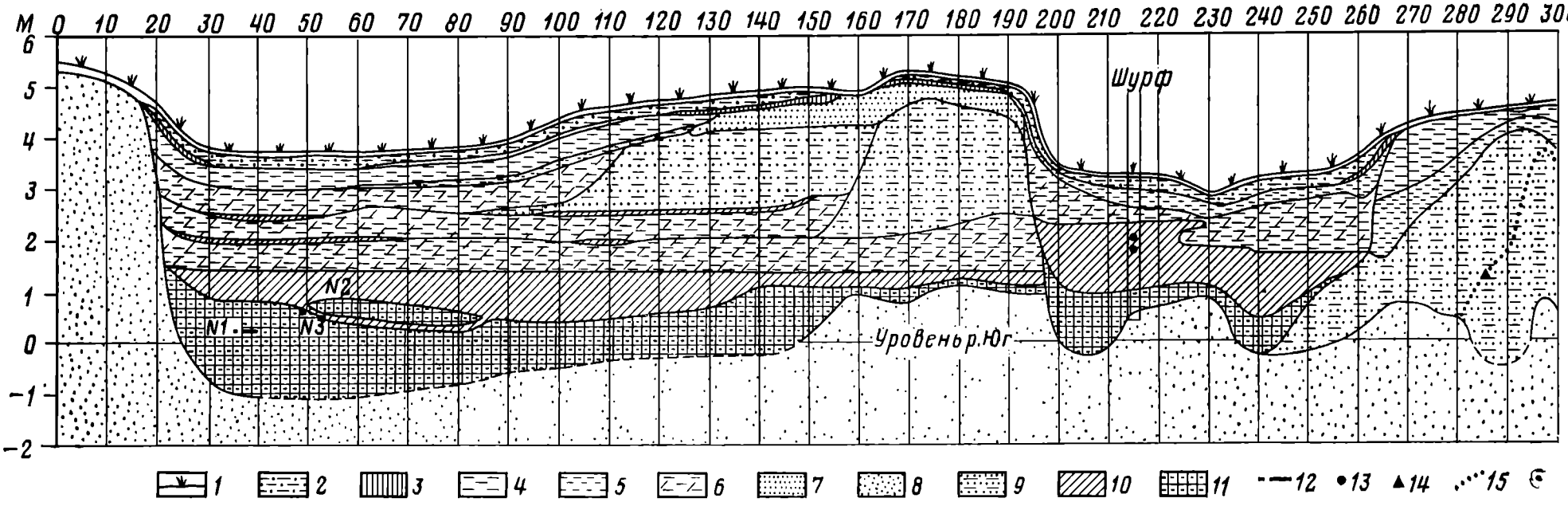


Рис. 2. Стратиграфия мармугинских старичных торфяников (профиль обнажения, показанного на рис. 1. *1* — гумусовый горизонт; *2* — супесь; *3* — углистый слой; *4—6* — глины; *7, 8* — пески; *9* — песчано-глиняные отложения; *10* — запленный торф; *11* — глинисто-детритовый сапропель; *12* — рыболовные сооружения; *13* — древесина из II торфяника, датированная по ^{14}C; *14* — фрагменты глиняного сосуда; *15* — глиняная лента, в которой они обнаружены

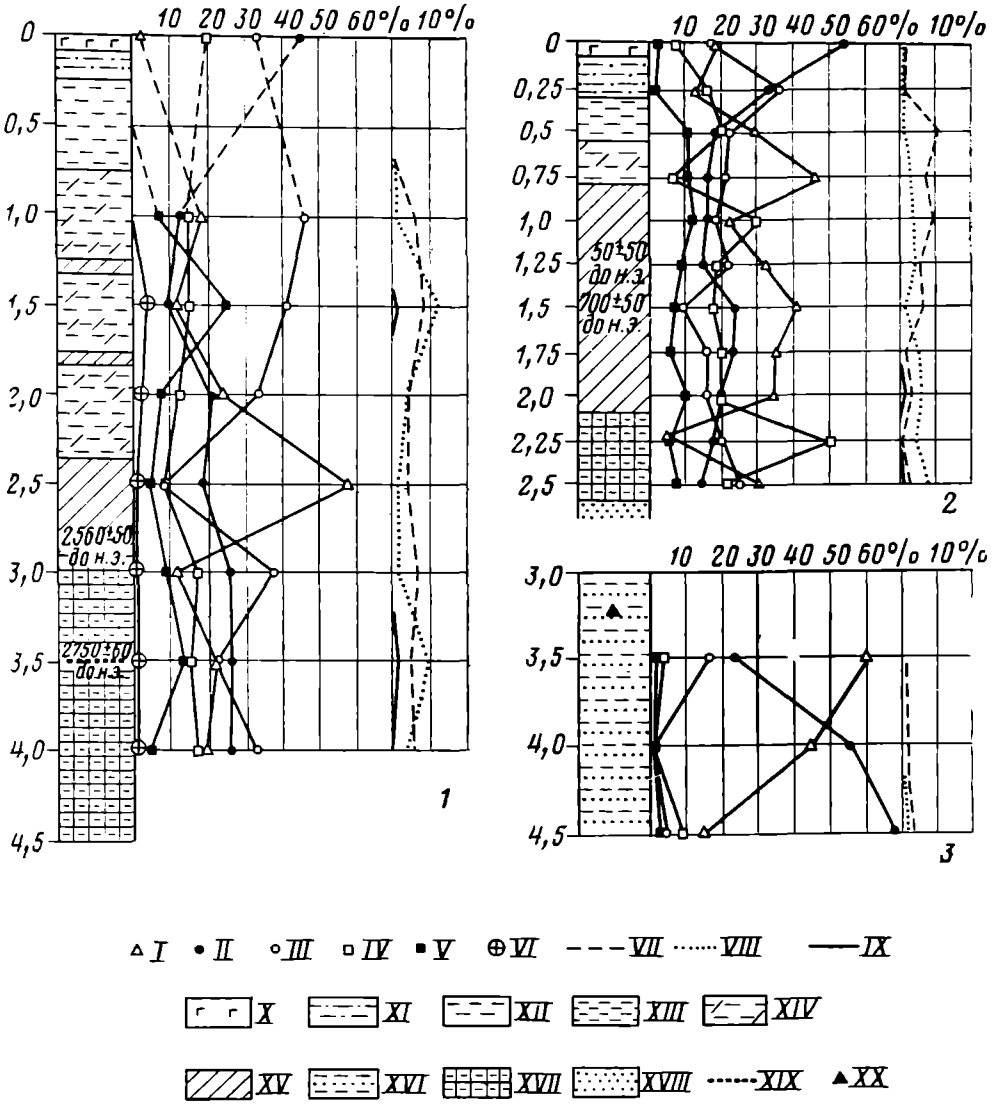


Рис. 3. Пыльцевые диаграммы поймы у д. Мармугино. *1* — № 1; *2* — № 2; *3* — № 3. I — ель; II — сосна; III — береза; IV — ольха; V — смешанный дубовый лес; VI — ива; VII — липа; VIII — вяз; IX — дуб; X—XX — те же условные обозначения, что и на рис. 2

Этот торфяник был перекрыт слоем глины (на высоте 1,5—2,5 м над урезом воды), на котором в свою очередь образовались торфяные линзы и (у самого края второго торфяника) синхронный им нанос в виде чередующихся песчаных и глиняных лент (участок 150—200, высота 2,2—4,7 м). Происхождение его явно связано с перемещением по течению вниз древней речной излучины [19, с. 119], врезавшейся в первый торфяник и аккумулировавший над ним прирусловый вал [5]. Более ранний слой глины сформировался, по-видимому, из взвеси во времена половодий. Можно думать, что образование вала и торфяных линз завершилось тогда, когда близ нынешнего обрыва прорвалась шпора меандра, выработавшего вогнутый дугообразный край надпойменной террасы, на которой находится стоянка. После этого торфяные линзы были погребены под глиняным слоем (на высоте 2—3 м), поверхность которого также подверглась заболачиванию, и только еще позднее вновь отложился песчано-глиняный нанос на участке 80—170. Что касается русла, то оно отошло к югу, где проходит и в настоящее время, а возле Мармугинской стоянки

[5] Как известно, прирусловые валы приурочиваются обычно к выпуклым участкам берега [19, с. 106—110]. В данном случае такие валы отмечены по обе стороны древней реки, поскольку в обнажении прослеживается ее участок между двумя меандрами, из которых один омывал боровую террасу.

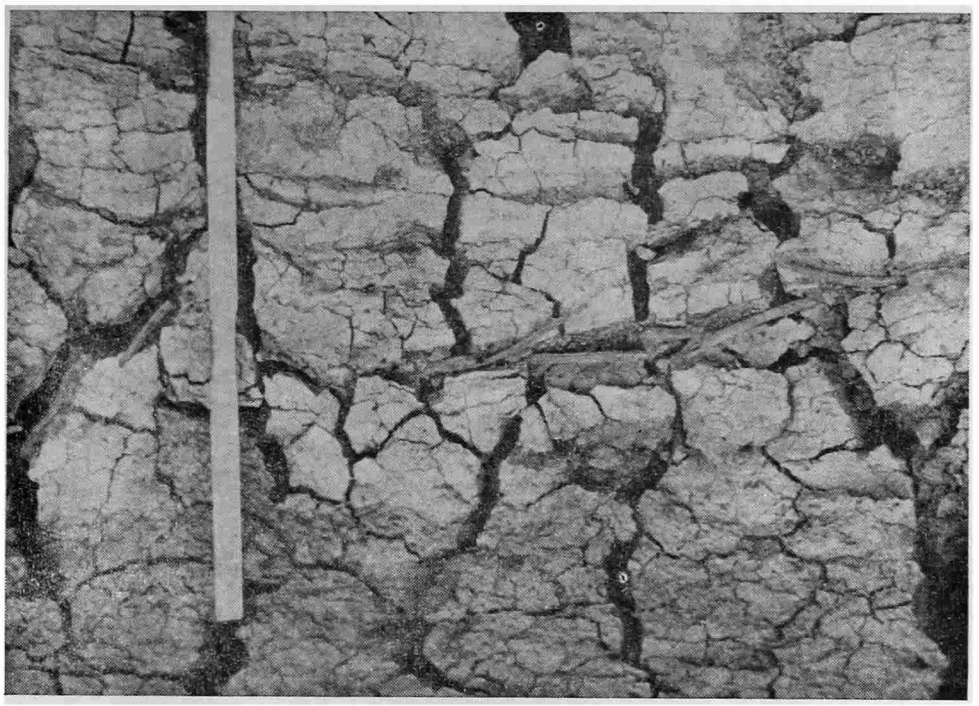


Рис. 4. Сооружение 2. Выход дранки в обнажении

осталась старица второго торфяника[6]. Вывод о том, как появились песчано-глиняный нанос и торф на нижнем слое глины, подтвержден синхронизацией отложений по данным палинологии[7].

Образцы на спорово-пыльцевой анализ (рис. 3) взяты из скважин на месте сооружения 1 (диаграмма 1) и на участке 280—290, где обнаружен глиняный сосуд (№ 3), а также из шурфа на втором торфянике (№ 2). Верхней части диаграммы 1 от нижних торфяных линз (т. е. до глубины 1,7 м) по кривым дуба, вяза, липы, сосны и ели отвечает диаграмма 2. Определяющим моментом здесь служит исчезновение пыльцы дуба, характерное для перехода от суббореала к субатлантику. Очень четко выражены в обоих случаях позднеголоценовый подъем кривой пыльцы сосны и более ранний — пылинок ели. Для диаграммы 2 датирующим является также максимум ольховой пыльцы в ее нижней части [20, с. 25—85, 292; 21, с. 23—68].

При осмотре выхода старичных отложений у останца высокой поймы, где древний водоем достигал максимальной глубины, были замечены в разных точках лучины из дерева хвойной породы, расположенные параллельно друг другу (рис. 4). Эти лучины, выявленные на участке 30—40 и возле отметки 50, занимали три стратиграфических положения, что давало основание различать три разновременных заграждения: одно — в первом случае и два — во втором (рис. 2). Развал сооружения 1 был расположен в 13 м от края торфяника (по линии обнажения), главным образом на глубине 1,25—1,35 м от его погребенной поверхности и на 0,15—0,25 м выше уреза воды; выходы дранки прослежены с небольшим перерывом на протяжении 5 м в верхней сапропелевой толще. Остатки сооружения 2 зафиксированы в 12 м к северу от первого, на глубине 0,55—0,65 м, прямо на линзе сапропеля, которая обнаружена в ранней части торфяной залежи. Стратиграфически ниже, при прослойке торфа между слоем сапропеля и его линзой (глубина 0,80—0,95 м), под самым соору-

---

[6] Ширина этого торфяника — всего около 50 м, а современного русла р. Юг — примерно 100 м. Объясняя это обстоятельство, можно предположить что в древности река близ Мармугинской стоянки распадалась на два рукава (полоя). Второй из них мог протекать там, где сейчас тянется «лыва» — длинный старичный болотный массив, т. е. по правому берегу Юга, вдоль древней террасы, от д. Павшино до устья Лузы.

[7] Автор глубоко признателен А. А. Чигуряевой (Саратовский ун-т им. Н. Г. Чернышевского), выполнившей анализы.

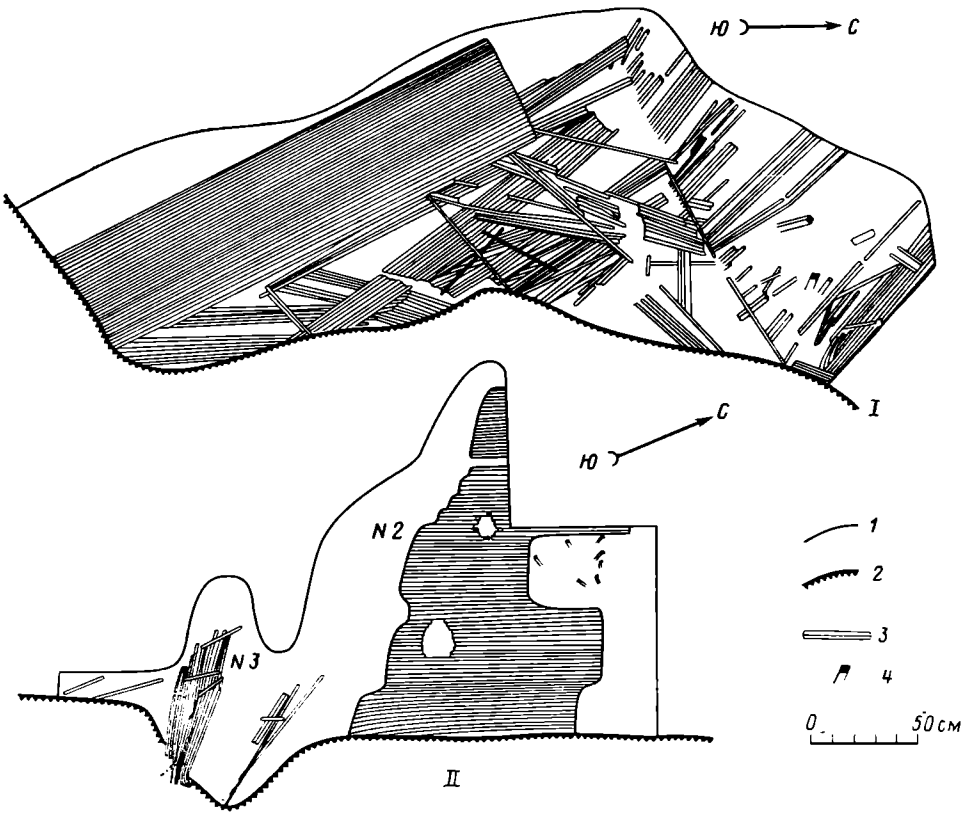


Рис. 5. Планы сооружений 1 (I), 2 и 3 (II). *1* — границы расчисток; *2* — обрыв; *3* — дранка; *4* — свая

жением 2 и в 4 м южнее залегали еще две группы лучин, которые мы приписываем сооружению 3 (рис. 5, II) [8].

Заграждения 1 и 2, исследованные двумя расчистками, были направлены под углом около 60° поперек торфяника — древней речной старицы (рис. 1). Его край и линии этих заборов составляли почти правильный треугольник со сторонами длиной 25—28 м.

Остатки сооружения I (рис. 5, *1*, 6; 7) представляли собой развалы жестких матов, поставленных вертикально. Они были изготовлены с использованием утка из материала, не сохранившегося в торфяниках Европейского Северо-Востока. Это могли быть узкие ремни. О том, что лучины имели переплетение, говорит их расположение впритык, параллельно друг другу в каждой из отдельных деталей, на которые маты распались, разорвав местами уток. Переплетение было, очевидно, двойным (простым), характерным для подобного рода изделий [22, с. 229, 230]. Оно встречено, в частности, на поселении Сарнате (см. ниже).

Когда сооружение разваливалось, большинство лучин упало, приняв горизонтальное положение и сохранив свою первоначальную длину, а остальные обломались. Оставшиеся почти in situ нижние концы поврежденной дранки были слегка наклонены к северо-западу и расположены под углом около 80° к горизонту, на 0,10—0,15 м ниже современного уровня воды в межень Поскольку забор лег на донные осадки на 0,15—0,25 м выше этого уровня сразу же после того, как был оставлен людьми (устойчивость заграждения из лучин невелика), можно думать, что он был погружен в сапропель своими нижними концами примерно на 0,3—0,4 м.

На расчищенном участке заграждение тянулось на 1,8 м с востока-северо-востока (от обрыва) на запад-юг-запад. Это было заметно не только

[8] Не исключено, что выходы дранки имелись и посередине между пунктами 1 и 3, поскольку здесь обнажение торфяника завалено глыбами обрушившейся вышележащей породы. Край поймы, на котором обнаружены сооружения, интенсивно разрушается, что требовало срочных исследований на глубине 2,75—3,85 м в условиях северной осени.

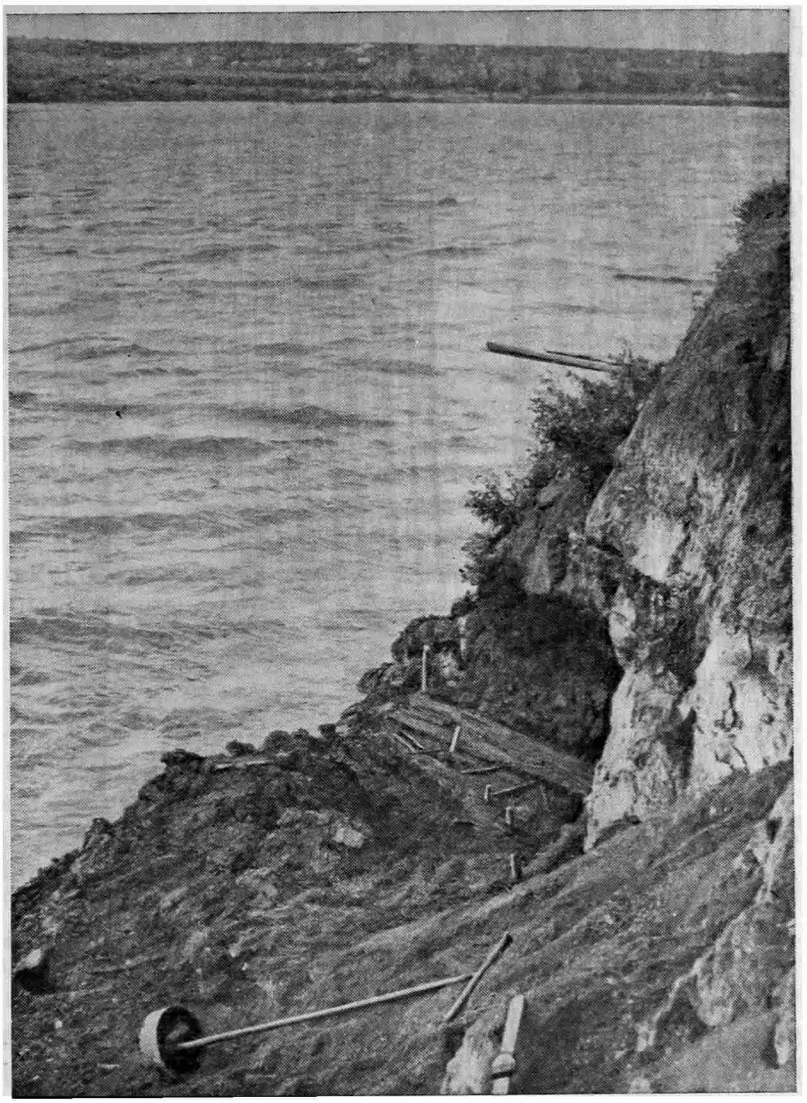


Рис. 6. Сооружение 1. Вид с севера

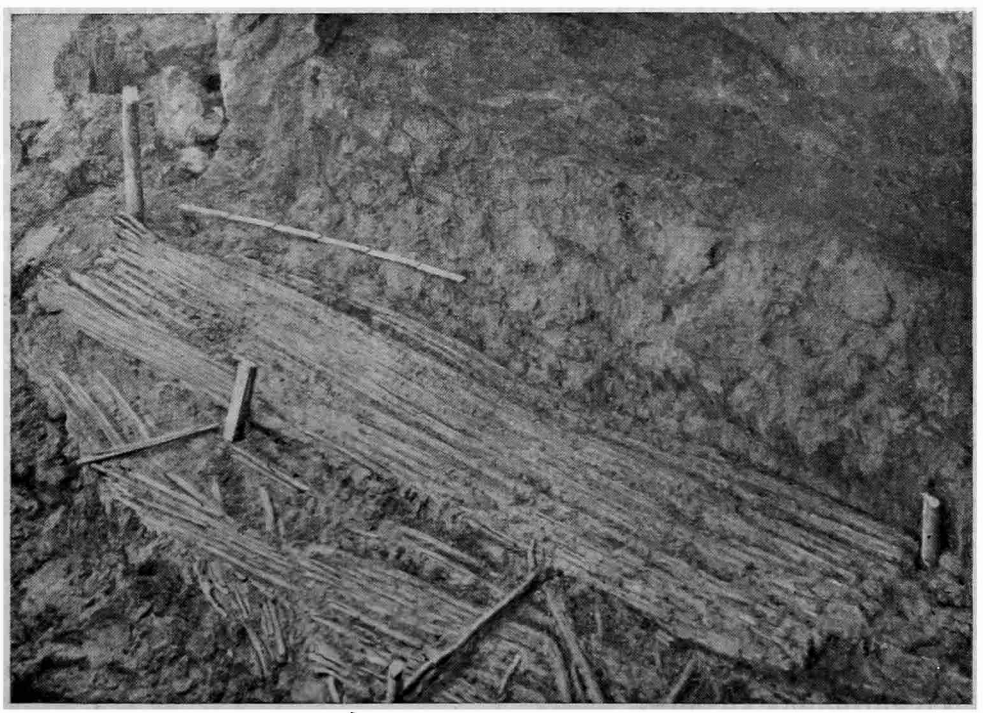


Рис. 7. Сооружение 1. Вид с северо-востока

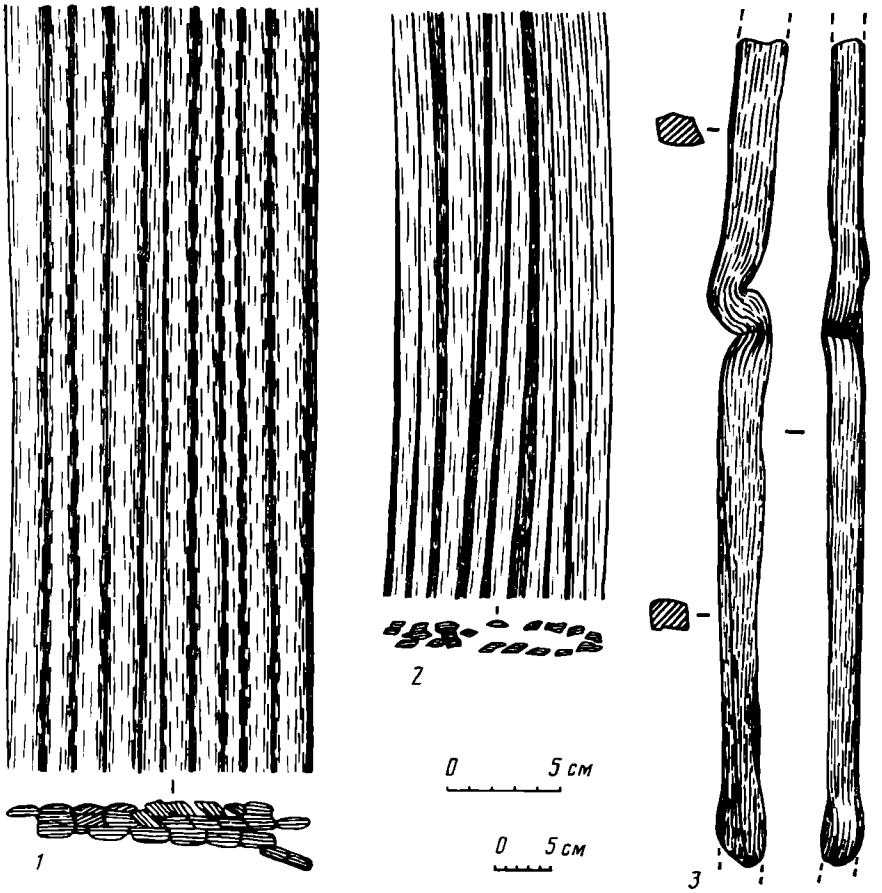


Рис. 8. Фрагменты сооружения 1. *1* — нижняя часть свернутого мата; *2* — верхняя; *3* — свая

по «пенькам». Группы параллельных лучин залегали под бóльшим или меньшим углом к линии забора, перекрывая в ряде случаев одна другую, но нижние концы лучин маркировали ее. Выделяются пять больших связок к югу от этой линии (включая обнаруженную в 1 м к юго-западу от расчистки) и три, обрушившиеся на северо-запад.

Длина дранки была 2,2 м, ширина колебалась в пределах 0,5—2,5 см, толщина — около 0,5 см. Сечение было прямоугольным, ромбовидным, овальным, сегментовидным и случайных очертаний. Чтобы обеспечить сооружению нужную прочность, сечение дранки плавно уменьшали кверху. А так как массивные концы лучин во всех случаях примыкают к линии заграждения, не подлежит сомнению принадлежность их всех одному и тому же сооружению 1.

Обращает на себя внимание самая крупная деталь сооружения, имевшая прямоугольную форму при ширине 0,53 м. Длина соответствовала размеру лучин и равнялась 2,2 м. В этом месте дранка залегала не в один, а преимущественно в три слоя (рис. 8, *1*, *2*), что позволяет говорить не о части прямого забора, а о мате, свернутом в рулон. Особое значение данной детали подчеркивается тем, что она упала к югу от линии заграждения в последнюю очередь. По-видимому, просматривая частично разрушенное заграждение, человек извлек из него мат, показавшийся хорошо сохранившимся, а затем, обнаружив непригодность изделия для дальнейшего применения, свернул его в трубку и опустил на старичное дно. Менее вероятно, что перед нами — упавшая рыболовная камера, поскольку при ширине развала 0,53 м такая камера имела бы поперечник всего около 0,35 м, что не отвечает сравнительным данным, приведенным ниже. Столь тесная западня малопригодна для ловли рыбы и ее вычерпывания сачком.

Судя по всему, расчисткой вскрыты два мата, принадлежавшие сооружению 1, близкие не только по высоте, но и по длине. Мат, выявленный в свернутом виде, вероятно, стоял между развалившимся забором и бере-

гом старицы, впритык к первому; у западного угла расчистки лучины отсутствуют. При этом едва ли приходится сомневаться в том, что забор тянулся до самого берега, от которого до обрыва — около 10 м. Значит, длина сооружения была не меньше, хотя оно прослеживается только на протяжении 1,8 м.

В 0,35—0,45 м к северо-западу от обломанных наклонных лучин находились два бруска, имевшие сечение в среднем 4×4 см и погруженные в сапропель. Один из них исследован на протяжении около 1 м, до глубины 0,35 м от уреза воды. Брусок был расположен под углом 80° к горизонту, и его нижний конец (который извлечь не удалось) находился, очевидно, у самой линии забора. Это бесспорная свая, о чем говорит S-образный профиль предмета на одном из его участков — результат вбивания в дно водоема (рис. 8, *3*). Очевидно, она начала изгибаться, пройдя сквозь мягкий сапропель и достигнув песка. Следовательно, длина сваи могла быть около 3 м. Она служила опорой для мата. Другой брусок, очевидно, тоже был сваей.

Поскольку в старичных отложениях культурного слоя не оказалось, а обломанные лучины стояли почти вертикально, нет сомнений в том, что обнаруженный мат жесткого типа употреблялся для рыболовства на том самом месте, где обнаружен его развал. По-видимому, заграждение было использовано в старице, а не в реке, его выявленные остатки залегали в верхнем горизонте глинисто-детритового сапропеля.

Сооружение 2 (рис. 5, II) представлено горизонтально лежавшим матом, исследованным на протяжении 1,7 м, но, видимо, более длинным, поскольку одним концом он выходил к обрыву. Другой конец был расположен, очевидно, у западного края расчистки. Однако в целом сооружение должно было простираться до самого края торфяника. Расстояние от этого края до обрыва — около 15 м.

Мат имел ширину всего 1 м, поскольку глубина древней старицы резко уменьшилась из-за накопления донных осадков. Лучины были на всем протяжении примерно одинаковой ширины — около 1 см. Место, где мат, ориентированный с северо-запада на юго-восток, стоял, определяется только по «пенькам» на северо-восточном крае «настила». Здесь участок забора обломался. Судя по этим «пенькам», оставшимся почти на первоначальном месте, мат при установке был погружен в донные отложения примерно на 0,3—0,4 м. Обрушился он, лишь слегка деформировавшись и получив форму параллелограмма. Следовательно, переплетение не было повреждено при падении. Свай при расчистке найти не удалось.

Возраст двух заграждений установлен радиоуглеродным анализом [23, с. 78]. Первое из них относится к 2750±60 г. до н. э. (ЛЕ-711: 4700± ±60 лет), второе — к 2560±50 (ЛЕ-703: 4510±50 лет). Близость двух дат и соответствие их стратиграфическим данным убеждают нас в достоверности полученных результатов. Третье сооружение, залегавшее на промежуточном уровне, датируется примерно XXVII в. до н. э.

Где жили мармугинские рыболовы, пока не установлено. У самых сооружений находится стоянка Мармугино, но она непричастна к их созданию, так как значительно моложе. Это доказывается комплексом стратиграфических, палинологических и радиокарбонных данных. В 50 м от края второго торфяника, прорезающего первый и аллювий над ним, на глубине 3,2 м, в слоистых песчано-глиняных отложениях, выявлены фрагменты сосуда, который аналогичен мармугинским (рис. 9, *11*) и, по-видимому, брошен обитателями стоянки на берегу древней излучины.

Сосуд принадлежит к мармугинскому типу, характеризующемуся прежде всего керамикой одноименного поселения в коллекциях К. А. Лиховского (рис. 9, *9*, *10*), М. Е. Фосс (рис. 9, *1*, *3*, *4*, *7*, *8*), Г М. Бурова (рис. 9, *2*, *5*, *6*). Он найден недалеко от Мармугина и в отличие от волго-окской посуды имеет при крупных размерах мелкозернистую примесь дресвы в глиняном тесте, тонкие стенки, небольшие ямки и миниатюрные отпечатки гребенки, у которой слабо заметны зубцы. Такая ямочно-гребенчатая керамика, украшенная нередко двузубым штампом, харак-

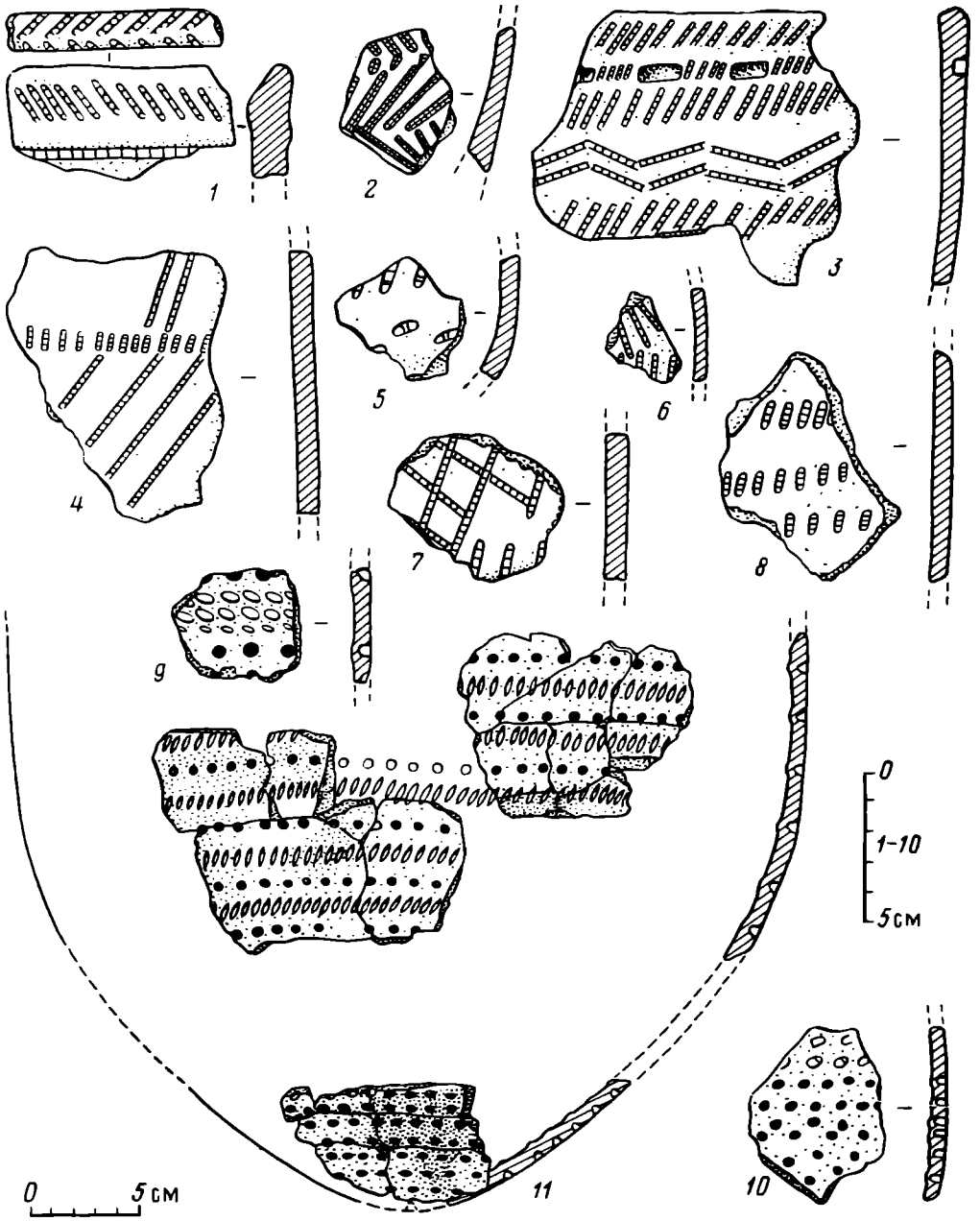


Рис. 9. Керамика Мармугинского поселения (*1—10*) и местонахождения (*11*). *1, 3, 4, 7, 8* — ГИМ; *2, 5, 6, 11* — Коми филиал АН СССР; *9, 10* — Великоустюгский краеведческий музей

терным для Мармугина (рис. 9, *9*, *10*), известна как в комплексе этого поселения, так и на близкой к нему стоянке Кирокса в долине Северной Двины [24, с. 7—8].

Возраст сосуда находится в определенном соотношении с возрастом сооружения 2, имеющего радиокарбонную дату и выявленного на стыке сапропелевой линзы с торфом. Если бы сосуд залегал на песчаном ложе второго торфяника, то находку следовало бы считать моложе сооружения 2 на время отложения торфяного слоя над ним, покрывающей торф глиняной толщи и приуслового вала, формирование которого, как уже отмечалось, прекратилось, очевидно, после образования старицы. Но сосуд был оставлен раньше, когда еще меандр надвигался на первый торфяник, вследствие чего требуется некоторая поправка. Поэтому время сосуда (x) при известной дате сооружения 2 (d) можно вычислить по формуле $x=d—a—b+c$, где a — время накопления торфа над ним, b — продолжительность аккумуляции глины и песчано-глиняного вала над ней, а c — время, ушедшее на продвижение излучины от сосуда к старичным отложениям. Поскольку контакт торфа с сапропелевой линзой да-

тируется по ^{14}C XXVI в. до н. э. (или самым концом XXVII в.), а горизонт сапропеля и торфа мощностью 0,70 м (между сооружениями 1 и 2) накопился примерно за 200 лет, то контакт заиленного торфа, имеющего мощность в данном месте 0,55 м, и покрывающей глины может относиться к XXIII—XXII вв. до н. э. при учете того, что торф откладывается немного медленнее, чем сапропель [25, с. 92].

Что касается величин *b* и *c*, то они представляются примерно равными друг другу. Об этом свидетельствует диаграмма 3, состоящая только из трех спектров[9]. Кривая ели здесь совершает подъем при падении кривой сосновых пылинок. Количество пыльцы березы и ольхи вначале уменьшается, а затем увеличивается. Кривые широколиственных пород развиты слабо, причем вяз представлен несколько лучше, чем липа. На диаграмме такой ход кривые древесных пород имеют на глубине 2,3—3,0 м, которая отвечает времени формирования торфяной залежи. Сходство наблюдается также и в том, что в обоих случаях убывает количество спор папоротникообразных. Поэтому можно думать, что сосуд, найденный несколько выше, чем спектр 3,5 м, относится ко времени, когда началось погребение первого торфяника под аллювиальной толщей, т. е. к концу III тыс. до н. э. Следовательно, сосуд моложе всех выявленных сооружений. Такой дате не противоречат радиокарбонные определения той древесины, которая собрана в верхней толще второго торфяника, приходящейся на середину диаграммы 2. Дерево с глубины 1,2 м относится к 50 г. до н. э. ±50 (ЛЕ-704), а с глубины 1,40—1,45 м — к 700 г. до н. э. ±50 (ЛЕ-705) [23, с. 78]. Значит, верхняя толща торфяника сформировалась в раннем железном веке, а нижняя — в медно-бронзовом.

Таким образом, стоянка и гидросооружения разновременны. Это однако, не означает, что их создатели жили на значительном удалении от мест своего рыболовства. Напротив, диахронность трех заграждений, встреченных в одних и тех же старичных отложениях, свидетельствует косвенно о том, что древние рыболовы обитали где-то поблизости. А поскольку в районе д. Мармугино нет другой боровой террасы, кроме той, на которой находится стоянка, резонно предположить, что жилища неолитических рыболовов располагались по тому краю этой террасы, который был в свое время смыт излучиной второго торфяника. Лишь затем пришли сюда носители мармугинского культурного типа.

Описанному забору 1 практически синхронен по ^{14}C (ЛЕ-725: 2820± ±60 лет до н. э.) жесткий мат, открытый в старичных отложениях на стоянке Подзорово (близ г. Мичуринска, рис. 10), на дне древнего пойменного озера [8, с. 88, рис. 32, *2—4*; 26, табл. 53]. Он был выработан из дерева хвойной породы — лучин шириной около 1 см и толщиной вдвое меньше. Ширина (высота) мата была около 2, а длина — 2,7 м. Переплетение не сохранилось. Между лучинами прослеживались интервалы 0,5—1,0 см. Одним словом, по способу изготовления мат сходен с мармугинскими. Сопровождался посудой ямочно-гребенчатого типа.

Неолитические же изделия из лучин шириной 1—2 и толщиной 0,5 см найдены на торфяниковом поселении Сарнате (III тыс. до н. э.). Здесь в шести пунктах залегали скопления дранки, причем между жилищами и в одном из них лучины, расположенные параллельно друг другу, были скреплены с помощью лыка способом двойного переплетения. Длина дранки из жилища — 2,5 м. В обоих случаях находки выглядели как остатки свитков или трубок, исходя из чего Л. В. Ванкина [2, с. 93—94, табл. XI, XII] заключила, что это — развалы верш. Однако более вероятно, что в Сарнате вскрыты рыболовные маты, хранящиеся, как известно, в свернутом виде [27, с. 16]. Ни деталей каркаса, ни замкнутых поясов из переплетенных лучин при раскопках не встречено. По своим размерам дранка аналогична найденной в составе сооружений, а для верш применяются узкие гибкие лучины толщиной 0,2—0,4 см [28, с. 39—101; 29, с. 97—98; 30, с. 139—141; 31, с. 25—28, рис. 28]. Это объясняется тем, что верша имеет цилиндроконическую форму и должна быть макси-

[9] Выше сохранились только единичные пылинки и споры.

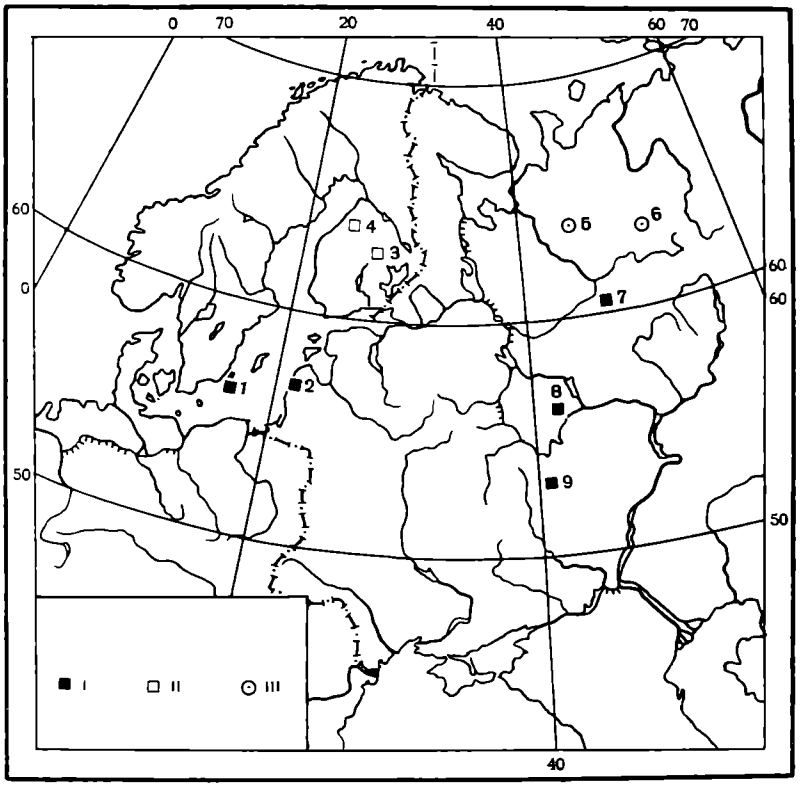


Рис. 10. Карта древних рыболовных заграждений Европы. I — сооружения из дранки (III — середина II тыс. до н. э.); II — из дранки, недатированные; III — из жердей (III в. до н. э.— VIII в. н. э.). *1* — в болоте Шедемоссе на о-ве Эланд; *2* — на поселении Сарнате; *3* — при с. Терво-Хидема; *4* — при с. Нивала-Сарьянкюла; *5* — при поселении Явроньга I; *6* — при Висе II; *7* — на р. Юг у д. Мармугино; *8* — на р. Оке при стоянке Плеханов Бор; *9* — на р. Воронеж при стоянке Подзорово

мально легкой. По тем же причинам между скрепленной дранкой оставляют промежутки до 4 см и более [28, с. 100]. Наконец, расстояния между поясками переплетения у верш невелики, что обусловлено сложностью формы и наличием сравнительно широких просветов между лучинами. Между тем в Сарнате они прижаты друг к другу, а линии оплетки разделены значительными интервалами. К этому следует добавить, что найденные в Нидлесе и Маглебю-Лонг (Дания) верши каменного века делались из гибких прутьев березы и липы толщиной 0,4—0,7 см, положенных на расстоянии 0,3—0,9 см друг от друга и переплетенных через каждые 1,5—3,5 см [32, с. 133—135; 33, с. 150—151]. Примерно таковы же датские верши каменного века из Лилле-Кнабструпа [22, табл. II].

Находкам из Сарнате близки изделия со стоянки Абора I (неолит — ранняя бронза) также в Латвийской ССР. Одно из них изготовлено из лучины длиной 80—115 см (и переплетено лыком через каждые 13—18 см), длина другого — 150 см [34, с. 78, рис. 17]. Им аналогичны вещи из дранки с поселения Швянтойи II В в Литве [35, рис. 25, 7]. Вероятно, и здесь перед нами рыболовные маты, свернутые в рулоны.

Хорошо сохранились три заграждения, относящиеся к концу неолита — началу эпохи металла и раскопанные У. Э. Хагбергом на о-ве Эланд в Балтийском море (Швеция), в Шедемоссе. Заборы из ивовой дранки длиной 30—40, шириной 1,5—3,0 и толщиной 0,5—3,0 см были установлены в мелководном озере и опирались на сваи из стволов ивы или других лиственных пород [36, с. 84—85, рис. 74, 75, 77, 80, 82]. Одно из этих сооружений представляло собой почковидную камеру длиной 1,45 и шириной 0,68 м, от входа в которую (на вогнутой стороне) простиралась вытянутая ромбовидная «прихожая» (6,0×1,1 м), причем перпендикулярно к ней шел прямой забор длиной 20 м. Ловушка имеет две радиокарбонные даты: St-618: 1320±90 лет до н. э. и St-619: 1460±100 лет. Второе сооружение включало два длинных забора (протяженностью 7 и 17 м), поставленных по одной линии с интервалом в 3 м, причем к внутренним

концам этих заборов под прямым углом примыкали два коротких заграждения (длиной 5 и 6 м), составлявших «прихожую» с широкими входами на концах, где могли помещаться ставные сети или вентери. Это крестовидное сооружение датируется до 1400±90 г. до н. э. (St-620).

С упомянутой почковидной камерой сопоставляется сооружение из дранки, открытое при стоянке Плеханов Бор (волго-окского неолита и волосовской культуры) в пойме Оки [3; 37, с. 305, рис. 8]. Здесь, в старичных отложениях, перекрытых песчано-глинистым аллювием мощностью около 4,5 м, И. С. Поляковым вскрыт ряд вертикальных сосновых лучин в виде полукруга диаметром около метра. Длина их была такой же, ширина — примерно 2—3, толщина — 1,5—2,0 см. Рыболовческая функция камеры подтверждена костями рыб, обнаруженными внутри ограды. В. В. Федоров считал сооружение ловушкой без забора [4, с. 5], но он мог просто не сохраниться. Ведь, по описанию И. С. Полякова, не менее половины лучин обрушилось в воду. Связь со стоянкой доказывается находкой керамики в слое с остатками этой ловушки[10].

Обобщая данные о гидросооружениях III—II тыс. до н. э., отметим, что они устраивались из дранки длиной, в зависимости от глубины водоема, от 30 (Шедемоссе) до 250 см (Сарнате). Ширина лучин колеблется от 0,5 до 3,0, а толщина — в пределах 0,5—2,0 см, причем нет прямой пропорциональной зависимости между этими величинами и высотой заграждения: в Плехановом Бору и Шедемоссе использована более широкая и толстая дранка, чем в Подзорове и Мармугине (1). Вместе с тем последнее заграждение состояло из лучин, утончающихся кверху. Длина одного мата составляла в Подзорове 2,7, а в Мармугине, как минимум, 1,7—1,8 м. Можно думать, что при выработке всех матов было использовано двойное переплетение. В Восточной Прибалтике был отмечен уток из растительного сырья, а в других областях его могла заменять кожа. Сами лучины изготовляли из дерева хвойных пород (Мармугино, Подзорово, Плеханов Бор), а иногда (Шедемоссе) — из ивы. Чаще всего применялась, очевидно, древесина сосны, отличающаяся прямоствольностью, небольшой суковатостью и способностью раскалываться на лучины большой длины [39, с. 28]. Именно она встречена на Плехановской стоянке, древесина которой подверглась диагностическому анализу.

Сооружение, состоявшее из камеры и длинного крыла, раскопано в Шедемоссе, а в Подзорове и Мармугине обнаружены, вероятно, заборы ловушек данного типа. Напротив, в черте Плеханова Бора открыта лишь камера без крыльев. Длина забора была не менее 10 и достигала 20 м, а поперечник камеры равнялся 1,0—1,45 м. Что касается стоянок Восточной Прибалтики, то на них найдены изделия из дранки вне мест рыболовства.

Описанные заграждения и изделия напоминают особое рыболовное сооружение из дранки, известное у русских [27, с. 16—28; 28, с. 101—103; 40, с. 13—18; 41, с. 43—45, 53], кетов [42, с. 60—61, рис. 7], латышей [43], финнов, румын [4, с. 63—65, рис. 7—10] и многих других народов [31, с. 28, рис. 31, 32]. У русских оно называется чаще всего котцом. Он состоит из двух частей: камеры (бочки) и одного или двух заборов (крыльев). Камера — жесткий мат, установленный вертикально в виде почковидной фигуры, имеющей узкий вход с вогнутой стороны. Крыло — такой же мат, но прямой в плане или с загнутым концом. Рыба, вошедшая в ловушку, как в вершу или вентерь, не находит выхода обратно и может быть вычерпана сачками.

По этнографическим данным, котец изготовляли в виде матов, так называемых берд [17, с. 16], высотой до 3, а длиной — не более 3—5 м, чтобы они, свернутые в рулоны, могли перевозиться на лодке. Сырьем

---

[10] Два недатированных заграждения (Терво-Хидема и Нивала-Сарьянкюла) открыты в Финляндии, где лучины были скреплены между собой с помощью поперечных деревянных накладок и переплетения из бересты [38, с. 260—262, рис. 220, 221]. Как отмечено Н. Валоненом, в недавние времена она при сооружении рыболовных заборов не применялась. Значит, не исключен значительный, в частности неолитический, возраст открытых сооружений.

для берд служили обычно бревна сосны, ели, кедра и лиственницы, раскалываемые топором и клиньями по сердцевинным лучам на четвертины или более мелкие части — гонты. Этог материал распаривали в воде, а затем расщепляли на лучины нужной длины, ширины и толщины. Линии переплетения проходили на расстоянии 0,3—0,4 м друг от друга. При этом использовались веревка, тальниковый прут, липовая кора, кедровый корень и т. д.

Котцы устанавливались в старицах и других озерах, а также в заросших реках с небыстрым течением. Крылья длиной до 40 м перегораживали всю старицу либо её часть, доходя обязательно до берега. Бердо вдавливалось в дно грудью, либо забивалось в него колотушкой. Опорой служили сваи. Верхний конец котца должен выступать над водой (желательно на 0,4—0,5 м), чтобы рыба не могла перескочить через ограду [11]. Основное время лова — весна, когда рыба идет на нерест, но практиковался и зимний промысел: во время замора рыба стремится к проруби (в которую опускался котец), особенно если она сделана у родника.

Не всякая, однако, ограда из берд представляла собой котец. Такая ловушка отлично сохранилась в Шедемоссе. Но исследование этого же памятника показывает, что камеры у заграждения из дранки может и не быть. Известно также, что коми перегораживали матами из сосновых лучин (шириной 2—3, толщиной 1 см) озерные протоки, оставляя у берега свободное пространство, в которое помещали вершу или вентерь. Кроме того, коми использовали берда для запирания речного залива во время половодий, чтобы воспрепятствовать уходу рыбы, попавшей в него [28, с. 97].

Итак, рядом открытий на Русской равнине и в Фенноскандии доказано, что у неолитических племен существовало развитое запорное рыболовство. При этом добычливый лов рыбы обусловил продолжительное оседлое обитание у водораздельных озер, дающих начало рекам, где она часто мигрирует [11]. В Восточной Европе известные заграждения, которые, бесспорно, создавались людьми и несомненно относятся к неолиту, были сооружены из матов, выработанных из дранки. Датированные же древние заколы из свай и жердей, исследованные в Явроньге I [44, с. 55—58, 114—115] и Висе II [18, с. 165—166], относятся уже к различным периодам железного века (рис. 10) [12]. Заграждения первого типа сложны в изготовлении, но зато их детали легкосъемны и приспособлены для перевозки в челнах. К тому же на берда расходуется немного сырья, что немаловажно для неолита. Напротив, заколы из нерасщепленных древесных стволов, пригодные для установки в реках с быстрым течением, носят стационарный характер, требуют много леса на постройку и широко распространились, по-видимому, только в эпоху железного топора.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Федоров В. В.* Некоторые орудия рыболовства неолитического времени//СА. 1938. № 3.
2. *Ванкина Л. В.* Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига: Зинатне. 1970.
3. *Поляков И. С.* Исследования по каменному веку в Олонецкой губ., долине Оки и на верховьях Волги//Зап. Русск. геогр. о-ва по отделу этнографии. 1882. Т. 9.
4. *Федоров В. В.* Рыболовные снаряды неолитической эпохи из долины р. Оки//СА. 1937. № 2.
5. *Гурина Н. Н.* Оленеостровской могильник. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955.
6. *Телегін Д. Я.* Дніпро-донецька культура. Київ: Наук. думка, 1968.

[11] Если предположить, что уровень воды в старице был близок к погребенной поверхности первого торфяника, то заграждение 1 выступало над этим уровнем более чем на 0,5 м, а заграждение 2 — на 0,2 м.

[12] Правда, о сооружении неолитической эпохи из «кольев» и жердей, открытом в Литве (Швянтойи IX), пишет Р. К. Римантене [45], усматривая в нем закол. К сожалению, в статье не охарактеризована обработка древесины, а также нет ни рисунков, ни фотографий строительных остатков. Такой материал был бы желателен для того, чтобы читатель мог исключить мысль об ископаемой плотине бобров в водоеме с артефактами каменного века. Сооружения этих животных обнаружены при стоянке Плеханов Бор в одном неолитическом слое с описанной ловушкой и синхронными вещами [4, с. 69]. Как известно, плотины бобров напоминают развалы заколов.

7. *Левенок В. П.* Работы в бассейне верхнего Дона//АО — 1965. М., 1966.
8. *Левенок В. П.* Новые раскопки стоянки Подзорово//КСИА. 1969. Вып. 117.
9. *Буров Г. М.* Археологическое изучение торфяников в Северодвинском бассейне// АО—1966. М., 1967.
10. *Буров Г. М.* О поисках древних деревянных вещей и рыболовных сооружений в старичных торфяниках равнинных рек//КСИА. 1969. Вып. 117.
11. *Буров Г. М.* Прочная оседлость и закольное рыболовство у неолитических племен Северо-Восточной Европы//Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М., 1974.
12. *Спицын А. А.* Древности Севера. Тотьма, 1926.
13. *Буров Г. М.* Древний Синдор. М.: Наука, 1967.
14. *Буров Г. М.* Племена Вычегодского края в эпоху неолита и ранней бронзы//МИА. 1973. № 172.
15. *Фосс М. Е.* Вологодская область (р. Сухона и Юг). Материалы к изданию отчетов за 1937—1939 гг. Ч. 2//Архив ЛОИА АН СССР, б. г. Ф. 2. Оп. 1. Д. 258, л. 35, 36; д. 992, л. 25.
16. *Фосс М. Е.* Древнейшая история Севера европейской части СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1952.
17. *Буров Г. М.* Торфяники речных стариц как места археологических находок//Изв. КФВГО. 1964. № 9.
18. *Буров Г. М.* Археологические находки в старичных торфяниках бассейна Вычегды// СА. 1966. № 1.
19. *Попов И. В.* Загадки речного русла. Л.: Гидрометеоиздат, 1977.
20. *Нейштадт М. И.* История лесов и палеография СССР в голоцене. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
21. *Хотинский Н. А.* Голоцен Северной Евразии. М.: Наука, 1977.
22. *Кларк Дж. Г. Д.* Доисторическая Европа. М.: Изд-во иностр. лит., 1953.
23. *Буров Г. М., Романова Е. Н., Семенцов А. А.* Хронология деревянных сооружений и вещей, найденных в Северодвинском бассейне//Проблемы абсолютного датирования в археологии. М.: Наука, 1972.
24. *Буров Г М.* Исследования в Северодвинском бассейне//АО—1967. М., 1968.
25. *Левенок В. П.* Неолитические племена лесостепной зоны европейской части СССР// МИА. 1973. № 172.
26. *Кац Н. Я.* Болота и торфяники. М.: Учпедгиз, 1941.
27. *Иоганзен Б. Г., Петкевич А. Н.* Промысел рыбы ловушками на водоемах Сибири. Новосибирск: Изд-во Главсибпрома, 1948.
28. *Зверева О. С., Кучина Е. С., Соловкина Л. Н.* Рыбные богатства Коми АССР и пути их освоения. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955.
29. *Белицер В. Н.* Очерки по этнографии народов Коми (XIX — начало XX в.). М.: Изд-во АН СССР, 1958.
30. *Конаков Н. Д.* Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX — начале XX в. М.: Наука, 1983.
31. *Brandt A. von.* Das grosse Buch vom Fischfanginternational. Zur Geschichte der fischereilichen Fangtechnik. Insbruck. Frankfurt/Main, 1975.
32. *Becher C. J.* Fund af Ruser fra Danmarks Stenalder//ANOH. 1941. I. Halvbind.
33. *Troels-Smith J.* Pollenanalytisle Datering af Tre Fiskeruser//ANOH. 1941. I. Halvbind.
34. *Лозе И. А.* Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига: Зинатне, 1979.
35. *Rimantiene R.* Sventoji Narvos kultūros gyvenvietes. Vilnius: Mokslas, 1979.
36. *Hagberg U. E.* The Archaeology of Skedemosse. 1. Stockholm, 1967.
37. *Федоров В. В.* Плехановская неолитическая стоянка//МИА. 1953. № 39.
38. *Valonen N.* Geflechte und andere Arbeiten aus Birkenrindenstreifen. Vammala, 1952.
39. *Вихров В. Е.* Применение древесины в неолите//Сб. ботан. работ. Вып. 2. Минск, 1960.
40. *Суховерхов Ф. М.* Рыбоводство в пойменных озерах. М.: Пищепромиздат, 1948.
41. *Егошин В. В.* Деревянные ловушки для рыбы. М.: Пищепромиздат, 1955.
42. *Алексеенко Е. А.* Кеты. Историко-этнографические очерки. Л.: Наука, 1967.
43. *Trocigs D.* Katica-sens zvejniecības veids//Senatne un māksla. № 1. Riga, 1940.
44. *Буров Г М.* Археологические культуры Севера европейской части СССР (Северодвинский край). Ульяновск, 1974.
45. *Римантене Р. К.* Рыболовное сооружение на берегу Балтийского моря//Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л.: Наука, 1983.

G. M. Burov

WEIRFISHING IN EASTERN EUROPE IN THE ENEOLITHIC

Summary

In 1966 three fish traps were discovered in the ox-bowlake sediments of the Yug river at the village of Marmugino (Veliky Ustyug District, Vologda Region). According to C_{14} dating they belonged to the first half of the third millennium B. C. The traps were wicker

screens made of laths 0.5 to 2.5 cm wide and driven into the river bed at the depth of 0.3 to 0.4 m. The earliest screen was made of laths 2.2 m high and rested on splintered logs. The later screens were made of laths 1 m high. The traps sometimes consisted of either screens or chambers. It seems that screen traps were coupled with net traps. The screens were also used to isolate fish in the ox-bow lake (connected with the river during spring floods). The Marmugino fish traps have their analogies in the Neolithic sites of Podzorovo (the Voronezh river), Sarnate (Latvia) and Skedemosse on the Öland Island (Sweden). On the latter site among the three fish traps dated to the middle of the second millennium B. C. there was a chamber trap. A similar construction was investigated in the Plekhanov Bor site on the Oka river (third-first half of the second millennium B. C.). Our studies show in the Neolithic the inhabitants of Eastern Europe frequently used wicker screens made of long laths.

Н. К. СТЕФАНОВА, С. Ф. КОКШАРОВ

ПОСЕЛЕНИЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА НА р. КОНДЕ

Предлагаемая работа посвящена публикации и предварительному анализу древностей поселения Пашкин Бор I. Это один из новых памятников бассейна крупной западносибирской р. Конды, активное изучение которого началось в конце 70-х годов. К настоящему времени здесь выявлено свыше 100 памятников от эпохи мезолита до средневековья[1], около 15 из них полностью или частично исследованы. Поселение Пашкин Бор I, раскопанное одним из авторов [11], выделяется среди прочих благодаря относительной чистоте комплексов эпохи энеолита и развитой бронзы.

Памятник расположен на краю боровой террасы протоки Полымьятской, в 12 км к югу — юго-западу ст районного центра Кондинское Тюменской обл. Высота террасы 15—20 м, крутизна склона около 70°. Объект представлял собой овальную впадину, борта которой переходили в мощную валообразную насыпь, оконтуренную рвом. Его западная часть уничтожена при разрушении берега. К моменту раскопок общая площадь визуально фиксируемых остатков достигала 700 м², средняя ширина рва около 4 м, глубина его от напольной поверхности 0,5—0,6 м, наибольший перепад высоты между гребнем вала и дном рва 2,2 м. В раскопе площадью 657 м² были вскрыты остатки жилой постройки, двух разновременных рвов и насыпей. Культурный слой сложен разными по цвету и мощности слоями песка, материковой породой является желтый песок.

Контуры сохранившейся части жилища имели в плане прямоугольную форму (рис. 1). Постройка практически наземная, площадью около 200 м² (с учетом разрушенной части). Стены ориентированы по линии СЗ — ЮВ и СВ — ЮЗ. Пол относительно ровный, отмечается повышение его уровня вдоль северной стенки и обширное понижение вокруг очага (перепад 25—30 см). Следов выхода не зафиксировано, скорее всего они разрушены обрывом. На полу выявлено 25 столбовых ямок, в размерах и расположении которых можно отметить ряд особенностей. Три наиболее мощные (12, 14, 23), глубиной до 90 см, располагались по оси жилища, в направлении СВ — ЮЗ. Почти параллельно им и южной стенке жилища вычленяется еще один ряд ямок меньшего диаметра и глубины. Три ямки зафиксированы у северной стенки жилища и еще три — в параллельном ей направлении. Часть ям более крупных размеров, вероятно, выполняла хозяйственные функции. В заполнении некоторых из них, как и на полу жилища, прослежены пятна охры.

Для устройства очага в полу, очевидно, выкапывалась подпрямоугольная в плане яма размером 300×200×(20—30) см. Стенки и дно ямы неровные. В момент раскопок яма была заполнена рыже-коричневой и серо-углистой супесью с обильными находками керамики.

Взаиморасположение рвов и насыпей, порядок залегания слоев указывают на их разновременность. Ширина раннего рва достигала 4 м, средняя глубина от уровня погребенной поверхности 50—80 см, стенки почти вертикальные, дно уплощенное. Контуры его сохранились частично, граница внешней стенки почти везде срыта при сооружении позднего рва. Лишь к северо-востоку от жилища на протяжении 8—9 м рвы фиксируются раздельно, на расстоянии до 3 м. Ширина позднего рва сильно

[1] Об известных до этого памятниках см. [1—4; 5, с. 148—149; 6, с. 208; 7, с. 252; 8, с. 279—280; 9; 10].

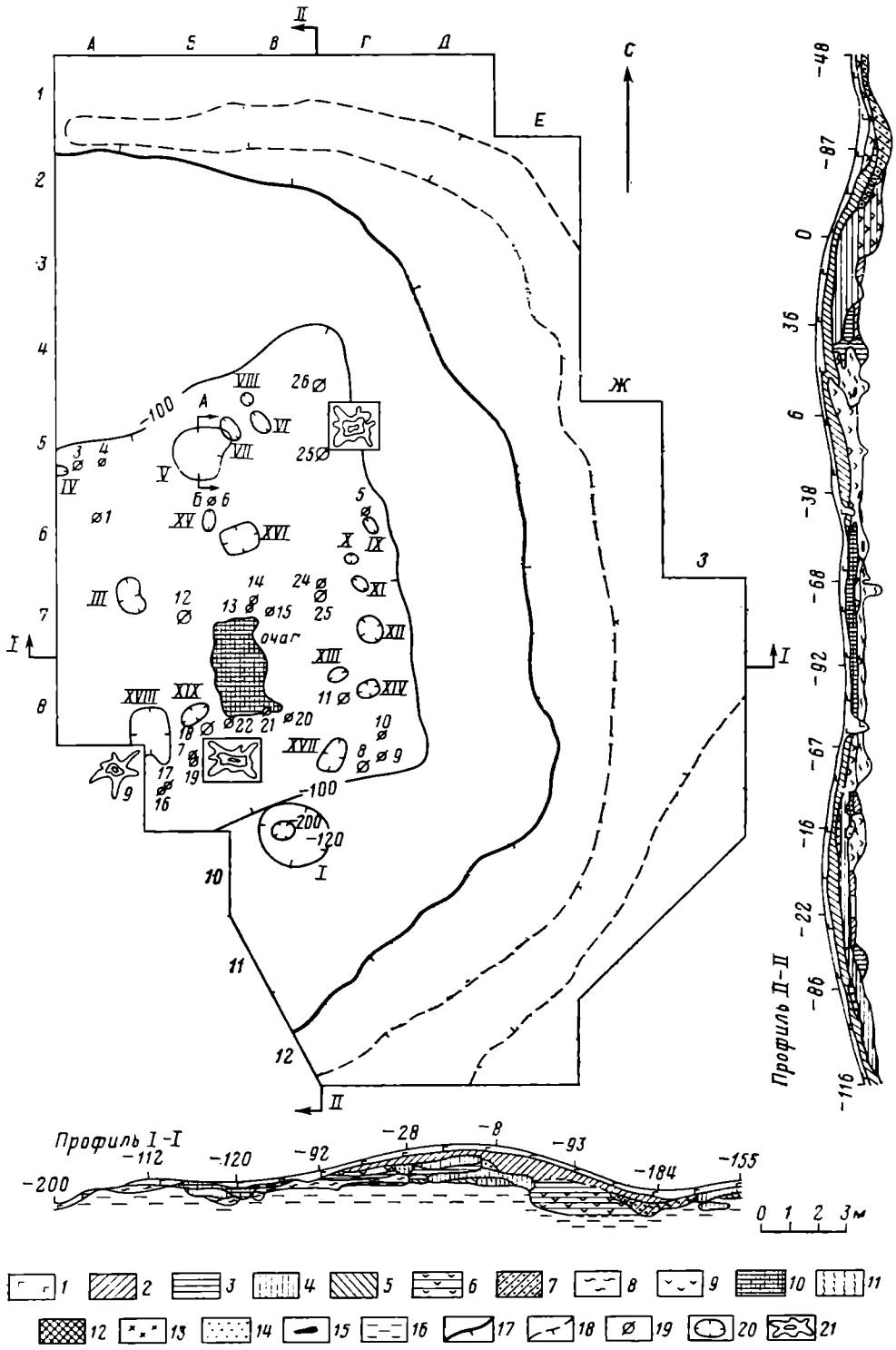


Рис. 1. Поселение Пашкин Бор I. План и профили раскопа. *1* — дерн; *2* — желто-серая супесь (поздняя насыпь); *3* — светло-серая с желтым слоистая супесь (ранняя насыпь); *4* — буро-белесая супесь; *5* — погребенный подзол; *6* — пестроцвет; *7* — буровато-серая супесь; *8* — серая супесь; *9* — углистая супесь; *10* — коричневая супесь; *11* — светло-серая супесь; *12* — прокал; *13* — угли; *14* — выброс; *15* — охра; *16* — желтый песок, материк; *17* — границы жилища и раннего рва; *18* — границы позднего рва; *19* — столбовые ямки; *20* — хозяйственные ямы; *21* — деревья

варьирует (1,5—3,5 м), дно в среднем на 10—20 см ниже дна раннего, стенки очень пологие.

Насыщенность культурного слоя углем позволяет предположить гибель жилища в результате пожара.

Жилище представляло, по-видимому, наземную шатровую постройку площадью около 200 м². На центральных опорных столбах (ямки 11, 12, 14, 21, 22, 23) помещалась рама размерами 4×5 м, к которой прислонялись жерди. Северный скат постройки был более пологим, чем южный, о чем свидетельствует большая удаленность центральной опорной

конструкции от северной границы «котлована». Четкость контуров последнего, возможно, объясняется наличием в древности невысокой бревенчатой (?) конструкции в основании сооружения. Образование первого (раннего) рва связано, видимо, с ее подсыпкой. К этому или чуть более раннему времени относится сооружение хозяйственной ямы 1. Возникновение второго рва и вала связано с более поздней перестройкой жилища. Именно тогда перестала использоваться упомянутая хозяйственная яма, наличие же в пределах жилой площадки слоя, связанного со вторичной подсыпкой, указывает на то, что грунт частично укладывался и на самое перекрытие. Выход находился, вероятно, в разрушенной западной части жилища. Между центральными опорными столбами помещался очаг-кострище.

Планиграфическое распределение находок указывает на сосредоточение различных видов хозяйственной деятельности в определенных местах жилищного пространства: скопления керамики прослежены в центральной части постройки и у южной стенки; предметы, связанные с литейным производством, найдены в основном в северной и восточной частях жилища.

Шатровые жилища с центральными опорными столбами довольно хорошо известны по археологическим [12, с. 227] и этнографическим [13, с. 53, табл. XXXII, *1, 2*] данным. Из этнографии известно также об укреплении стен ямы шатровых углубленных построек бревенчатыми конструкциями [14, с. 20]. З. П. Соколова отмечает, что развитие шатровых форм жилища шло по линии уменьшения его размеров и поднятия на поверхность, создания наземных построек [15, с. 105]. К наиболее древним шатровым сооружениям она относит полуземлянки с центральными опорными столбами [14, с. 19]. Большими размерами, наличием центральных опорных столбов характеризуется и анализируемое нами жилище. Отсутствие котлована компенсировалось,— и это вполне очевидно,— обильной земляной подсыпкой стен. Последнее обстоятельство, если признать правильными рассуждения З. П. Соколовой, отражает одну из переходных форм в эволюции шатровых жилищ от землянок к наземным постройкам.

Сведения о существовании больших по площади построек сохранились в фольклоре обских угров. Так, С. К. Патканов сообщает, что в одной из былин рассказывается об общественном «здании, состоящем из 800 жердей» [16, с. 116]. К сожалению, не приводится никаких данных о других особенностях сооружения.

Традиция сооружения больших жилищ в Зауралье и прилегающих к нему районах Западной Сибири имеет глубокие корни. Наиболее древние сооружения относятся ко времени неолита (стоянка Чес-тый-яг) [3, с. 12—13, рис. 1] и энеолита (поселение Волвонча I) [17]. В первом случае это жилища с углубленным котлованом, во втором — почти наземная постройка, аналогичная жилищу с поселения Пашкин Бор I, также окруженная рвом и мощной валообразной насыпью. Данные конструктивные детали, вероятно, отражают один из этапов развития фортификационного строительства. Наличие рва и валообразной насыпи сближает изученное жилище с туманскими укрепленными постройками конца бронзового — начала железного веков, однако по площади они уступают кондинским [18, рис. 1, *18, 19*, табл. 2]. В эпоху поздней бронзы, отмеченную миграциями таежного населения, наряду с укрепленными жилищами впервые на данной территории появляются городища [19, с. 14].

Из заполнения жилища, в меньшей степени с окружающих его участков происходит большое количество обломков глиняной посуды. По различиям, проявляющимся в ее форме, технологии изготовления и орнаментации, она разделена на три группы [2].

[2] Коллекция средневековой керамики, отнесенная к третьей группе, характерна для карымского этапа нижнеобской культуры и датируется IV—V или V—VIII вв. н. э. [4, с. 160—185; 20, с. 81]. К тому же времени, вероятно, относится и бронзовая личина (рис. 6, *13*), найденная в дерновом слое квадрата Б/7.

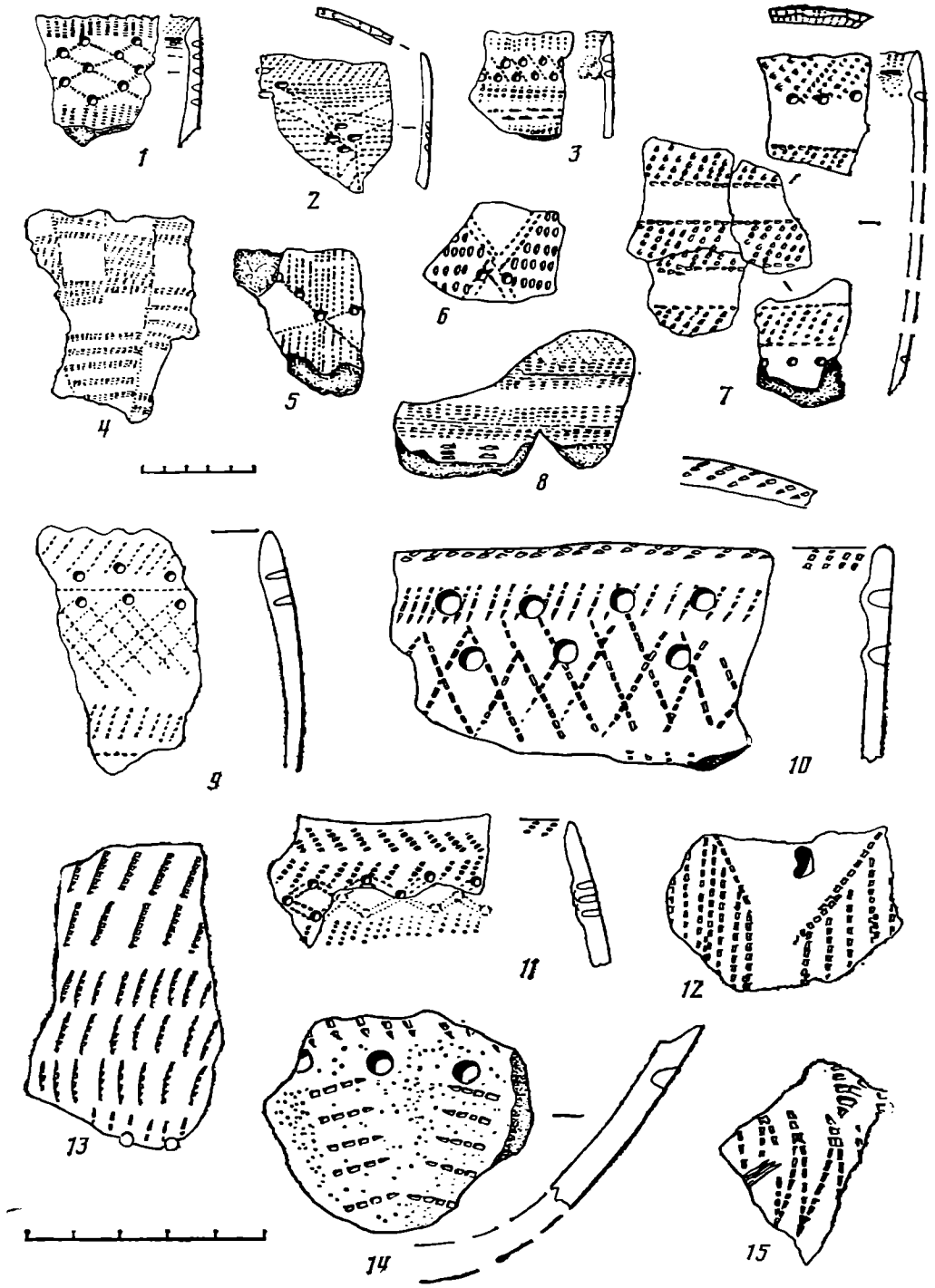


Рис. 2. Пашкин Бор I. Первая группа керамики

К первой группе отнесены фрагменты от 16 сосудов с прямым или слегка закрытым устьем и округлым дном (рис. 2). Посуда изготовлена из хорошо промешанной глины с примесью песка, дресвы, мелких фракций шамота и органики (кость или ракушка). Цвет черепков от светло-коричневого до серого, обжиг качественный, структура плотная. Внешняя поверхность хорошо заглажена, на внутренней — следы зачистки гребенчатым штампом, толщина стенок 0,4—0,7 см.

Венчики округлые или заостренные, некоторым из них придавалась волнистая форма. На внутренней стороне сосудов под венчиком нередко фиксируется наплыв (рис. 2, *1, 3, 7, 9*).

Посуда орнаментировалась сплошь, использовались главным образом гребенчатый штамп и ямки, реже — насечки (рис. 2, *7*). Под вечником

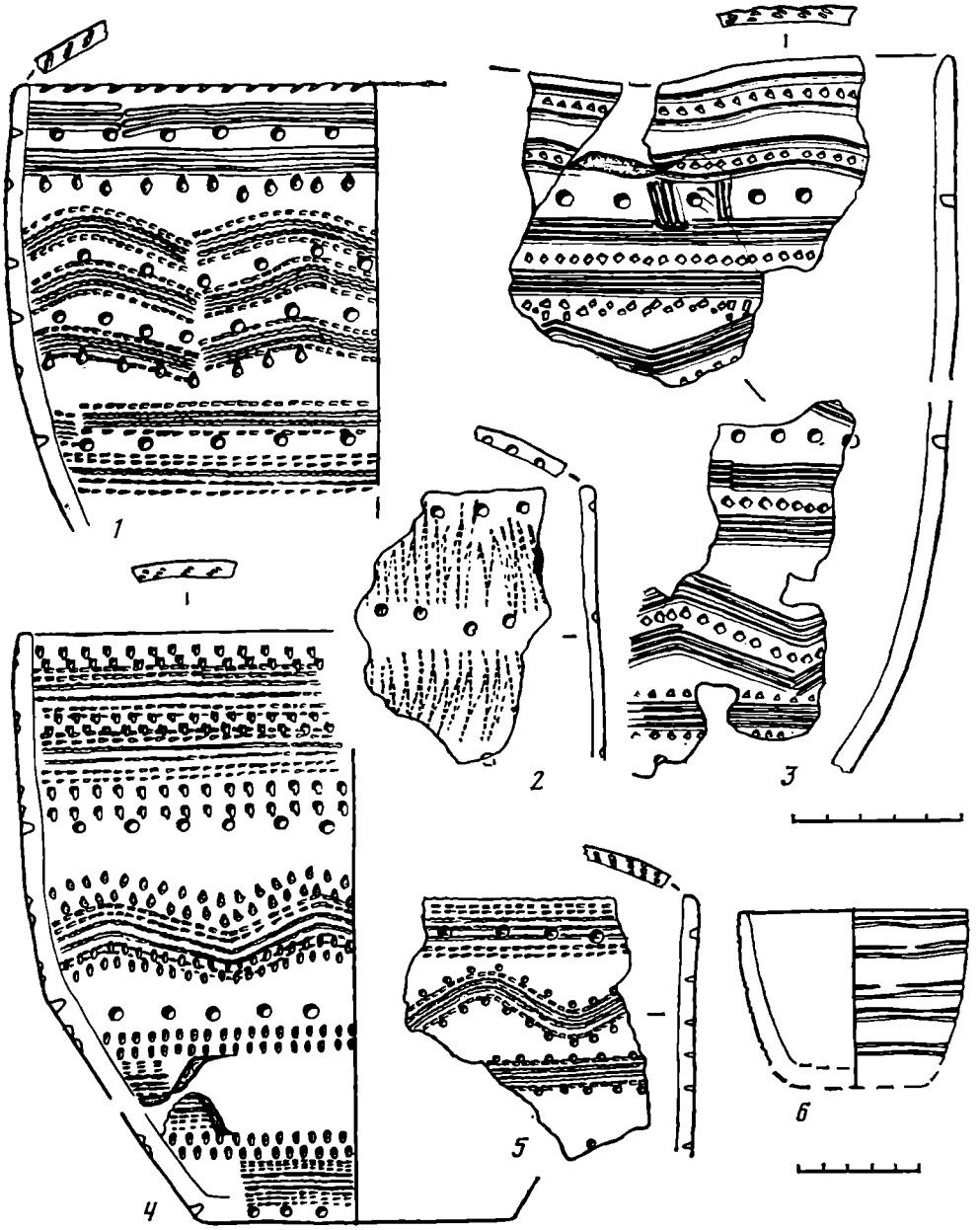


Рис. 3. Пашкин Бор I. Вторая группа керамики, посуда первого (*1, 2, 4, 5*) и второго (*3, 6*) типов

обычен поясок из вертикально или наклонно поставленных оттисков гребенки. Ниже находится поясок из ямок, которые нередко располагались в шахматном порядке и соединялись гребенчатыми оттисками, образуя нарядные горизонтальные пояса (рис. 2, *11, 13*). На тулове помещались горизонтальные пояски, вертикальные колонки (рис. 2, *8*), ромбическая сетка (рис. 2, *8—10*), оконтуренные геометрические фигуры и ленты, перемежающиеся с чистыми полями (рис. 2, *4, 5, 7, 12*). На углах фигур иногда помещались ямки, сгруппированные по две и четыре (рис. 2, *2, 6*).

Форма сосудов, наплыв под венчиком, развитый геометризм сближают данную группу керамики с энеолитическими комплексами Южного Урала [21, табл. 8, *19*, 26, *4*, 27*а*, *14* и др.], Среднего Зауралья [22, с. 154, рис. XXX, *1—9*, *12, 13*] и Тюменского Притоболья [22, рис. XXVII, *1*, XXVIII, *4*, XXX, *12, 13*]. Но наибольшее сходство она обнаруживает с посудой аятского типа [23, рис. 4, 5]. Аятские памятники датируются началом II тыс. до н. э. [24, с. 11] или последней четвертью III — первой третью II тыс. до н. э. [23, с. 32]. Очевидно, в рамки этого периода следует поместить существование описанного выше комплекса.

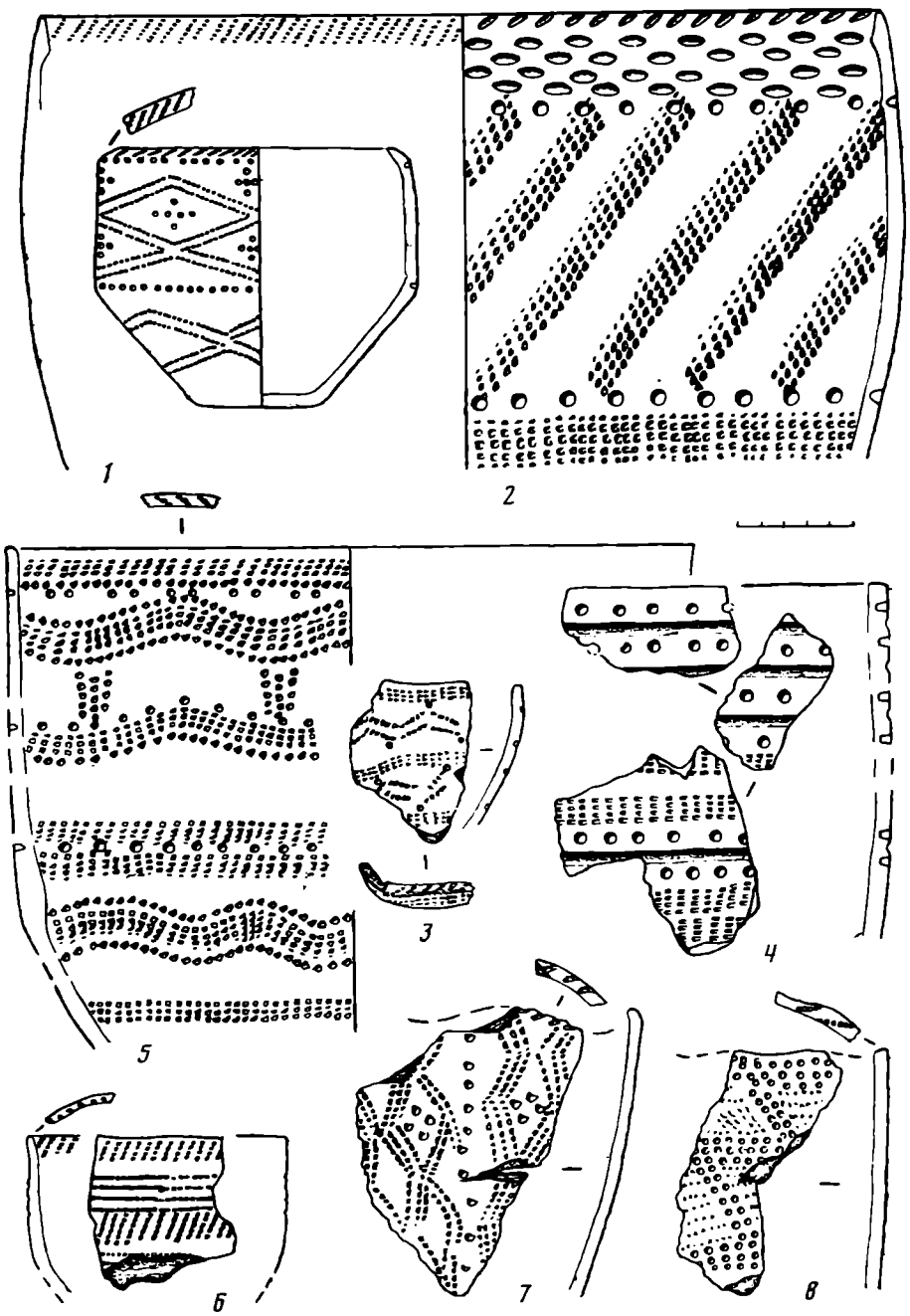


Рис. 4. Пашкин Бор. I. Вторая группа керамики, посуда третьего типа

Планиграфические и стратиграфические наблюдения позволяют констатировать, что керамика первой группы не связана с раскопанным жилищем, а попала в его заполнение после разрушения подстилающего культурного слоя, при прокопке рва и подсыпке стен.

Керамика второй группы происходит в основном из жилища. К ней отнесены фрагменты от более чем 90 сосудов баночной формы с плоским дном (рис. 3—5). Характерен четкий переход от тулова к придонной части, выраженный иногда ребром (рис. 3, *4*; 4, *1, 5*; 5, *5*). Единичны четырехугольные емкости (рис. 4, *3*) и посуда с короткой шейкой. По диаметрам венчиков сосуды делятся на малые (9,5—13 см), средние (около 16 см) и крупные (28—35 см). Нередко высота посуды меньше этого параметра. В глиняном тесте фиксируются крупные фракции шамота, реже встречаются дресва, песок, органика (кость или ракушка). Цвет черепков в изломе серый, коричнево-серый, обжиг некачественный, структура рыхлая. Наружные стенки имеют более ровную поверхность в отличие от внутренних, на которых почти всегда фиксируются следы зачистки гребенчатым штампом или щепой, толщина стенок от 0,7 до 1 см.

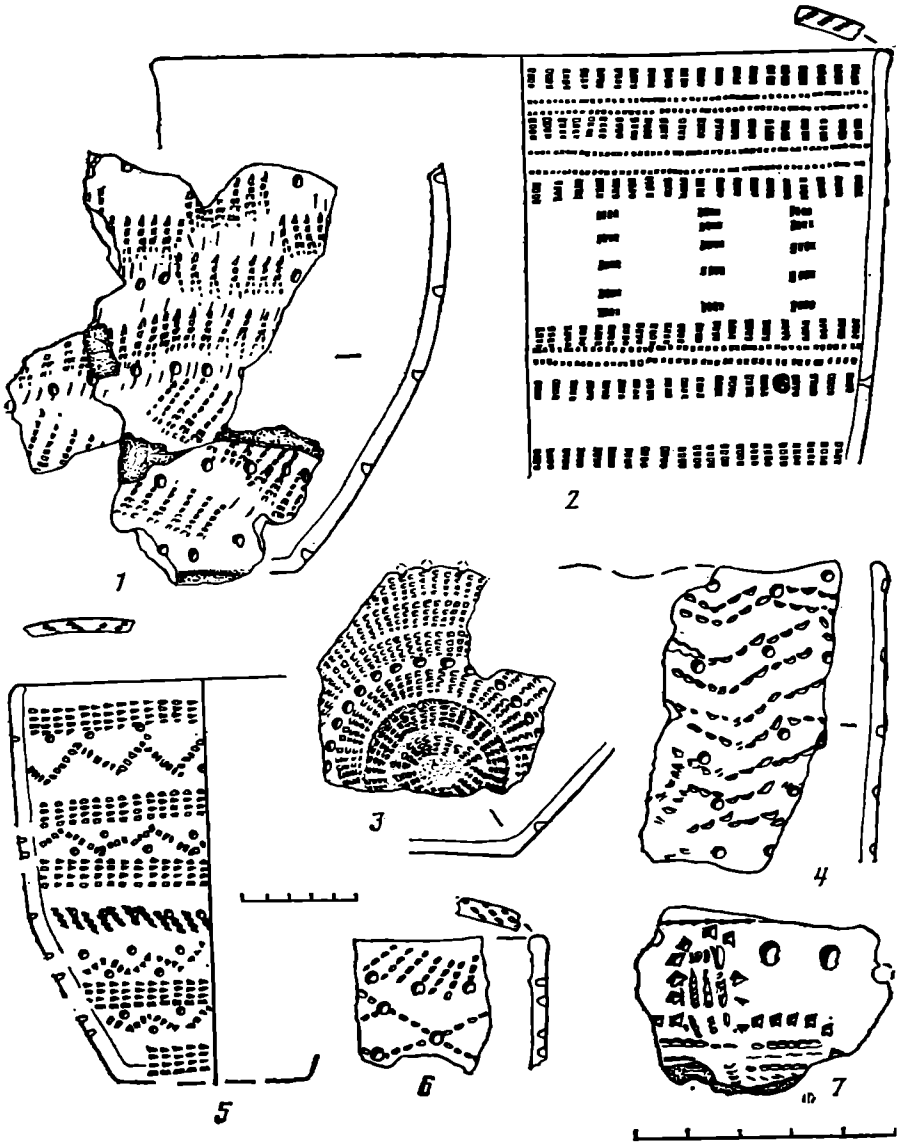


Рис. 5. Пашкин Бор I. Вторая группа керамики, посуда третьего типа (*1—6*)

Венчики сосудов в основном плоские (56,6%) или округлые (26,5%), редко приостренные (рис. 4, *2*). Поверхность их обычно деформирована при нанесении орнамента. Отдельные сосуды сразу формовались с волнистым устьем (9,6%), расположенные ниже узоры нередко полностью повторяют его форму. Единичные сосуды не украшались. В целом характерна сплошная орнаментация, иногда включая дно и внутреннюю поверхность стенок. Известны случаи, когда проводилась разметка будущего орнаментального поля неглубокими вертикальными насечками. Очевидна принадлежность посуды к кругу гребенчато-ямочных керамических комплексов. Кроме этих орнаментальных приемов встречаются желобки, гладкие насечки, редки и специфичны вдавления полой трубочкой и пальцевые защипы. Прослеженные различия в технике нанесения орнамента гребенчатым штампом позволяют выделить внутри данной группы три типа керамики.

К первому типу отнесено 28 сосудов, украшенных преимущественно техникой шагающей гребенки (рис. 3, *1, 2, 4, 5*). Данный технический прием выполнялся как короткой гребенкой (17,4%), так и длинной (20,8%) [3]. Ввиду узкого шага гребенку, особенно короткую, легко принять за плотно поставленную отступающую (рис. 3, *1, 4, 5*). Штампо-

[3] Оттиски, нанесенные инструментом с числом зубцов не более пяти, отнесены нами к короткой гребенке, а с шестью и более — к длинной. Статистическая обработка керамики проведена по программе, предложеной В. Ф. Генингом [25].

ванные гребенчатые оттиски располагаются в основном на венчике (14,9%), редко на стенках. Совершенно не характерны узоры, выполненные техникой прочерчивания (рис. 3, *1*). Основные орнаментальные мотивы: чередующиеся прямые (34,7%) и волнистые (12,5%) пояски, часто оконтуренные ямками или насечками, нанесенными углом гребенчатого штампа (рис. 3, *1, 4, 5*); геометрических узоров немного, около 7%. Орнаментальное поле разделено поясками ямок. Очевидно, они же подчеркивали и морфологические особенности посуды, в частности переход от тулова к придонной части (рис. 3, *4*). В целом для первого типа керамики характерна горизонтальная зональность в расположении узоров.

Ко второму типу отнесены 10 сосудов, орнаментированных в основном прочерчиванием короткой гребенкой 45,4% (рис. 3, *3, 6*). Часто встречаются ямки — круглые, прямоугольные и овальные.

Ведущие орнаментальные мотивы: чередующиеся прямые (36,4%), волнистые (10,5%) или зигзаговые пояски (15%), нередко оконтуренные ямками или гребенчатыми наколами. Часто ямки, наколы, а также гребенчатые оттиски располагаются между параллельными прочерченными гребенкой поясами, объединяющими их в один комбинированный узор (28,7%). Геометрические фигуры представлены в основном зигзагами. Узоры разделяются поясками ямок, иногда их пересекают небольшие вертикальные колонки, выполненные прочерчиванием гребенкой или неглубокими овальными вдавлениями, однако горизонтальная зональность все же преобладает.

К третьему типу отнесены 45 сосудов, украшенных штампованной длинной (11,7%) и косо поставленной короткой (45,8%) гребенкой (рис. 4, *5*). На отдельных сосудах встречены глубокие желобки (рис. 4, *4*), глубокие оттиски углом гребенчатого штампа (рис. 4, *2*), а также узоры, выполненные шагающей гребенкой. Наряду с прямыми и волнистыми поясками, составляющими соответственно 24,4 и 10,9%, для орнамента характерны одно- и двухрядовые зигзаги (7,8%) и ромбы (2,5%), образующие в сочетании с ямками комбинированные фигуры (рис. 4, *1, 3, 7*; 5, *5, 6*). Чаще, чем на керамике первых двух типов, встречаются вертикальные и наклонные пояски (рис. 4, *2, 5, 8*; 5, *1, 2*), перемежающиеся со свободными полями (4,7%). Единичны расположенные в шахматном порядке прямоугольные фигуры и вертикально расположенные цепочки ромбов, разделенные пояском ямок (рис. 4, *7*; 5, *1*). Кроме разделительных функций ямки подчеркивали, так же как и на посуде первого типа, морфологические особенности сосудов (рис. 4, *1*; 5, *5*). Отмечены случаи шахматного расположения ямок, соединенных либо гребенчатыми оттисками (рис. 4, *3*; 5, *6*), либо прочерченными линиями или неглубокими овальными вдавлениями. Они образуют нарядные узоры, почти идентичные известным на керамике первой группы.

Очевидно сосуществование выделенных типов керамики в едином комплексе, о чем свидетельствуют близость технологических и декоративно-морфологических характеристик, сочетание на отдельных сосудах различных орнаментальных приемов. Именно в сочетании упомянутых типов посуды заключается своеобразие данной группы керамики. Это своеобразие в значительной степени обогащается сохранением ряда черт, характерных для керамики предшествующего времени: приостренные венчики, волнистые устья сосудов, орнаментация внутренней стороны стенок, использование шагающей техники, глубокие вдавления углом гребенки, горизонтальные гребенчато-ямочные пояски, вертикальная зональность в расположении узоров. Вместе с тем остроребериость, близкие технологические приемы и методы нанесения орнамента, оконтуривание узоров гребенчатыми оттисками-наколами, преобладание прямолинейных и волнистых мотивов в орнаменте, невысокий процент геометризма — признаки, в той или иной мере присущие керамическим комплексам доандроновского времени сопредельных территорий [23, с. 77, 80, рис. 25, 26; 26, с. 68, 70, рис. 31; 27, с. 54—55, 60, табл. LIV, *1, 3,* LV, *1, 2*].

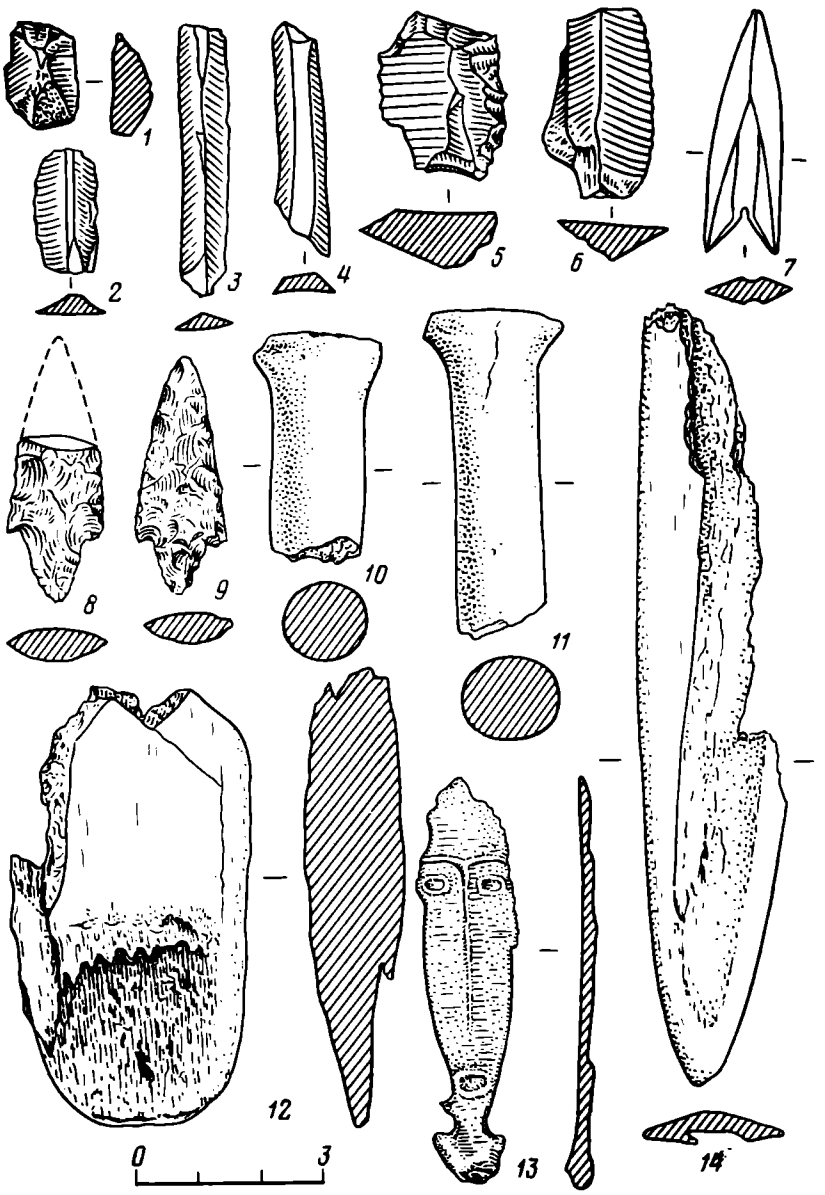


Рис. 6. Пашкин Бор I. Изделия из камня (*1—9*), глины (*10, 11*), кости (*12, 14*) и бронзы (*13*)

Принимая во внимание особенности данного керамического комплекса, мы предлагаем выделить его в особый полымьятский тип[4], а время существования отнести к самусьско-сейминской эпохе, чему не противоречит и облик производственного инвентаря.

Изделия из камня. Из раскопа происходит в общей сложности 29 каменных предметов, 11 из них найдено на полу жилища. Последние представлены разнообразными по форме и размерам абразивами и обломками песта. Отметим находку нижней части черешкового двусторонне обработанного наконечника стрелы. Сечение наконечника линзовидное, лопасти заканчиваются жальцами (рис. 6, *8*).

Находки за пределами жилища представлены в основном кремневыми отщепами и обломками, а также скребком и четырьмя ножевидными пластинками (рис. 6, *1—6*). Кроме того, найдено два наконечника стрел — целый черешковый, аналогичный вышеописанному (рис. 6, *9*), и шлифованный двушипный с ромбической головкой и продольными желобками (рис. 6, *7*).

Шлифованные наконечники стрел с жальцами бытовали в чрезвычайно широком хронологическом диапазоне. Наиболее ранние относят-

[4] Название дано по одноименной протоке, ограничивающей с юго-запада урочище Пашкин Бор.

ся к позднему неолиту [28, с. 192], а самые поздние — к середине второй половины II тыс. до н. э. [29, с. 160, рис. 43]. Что касается черешковых наконечников, то они хорошо укладываются в самусьско-сейминский период [23, с. 107]. Кремневые изделия и обломки могут быть связаны с культурным слоем аятского времени, не исключается, однако, и более ранний возраст этих находок.

Глиняные грузила. Обломки трех (?) глиняных грузил найдены в основном за пределами жилища (рис. 6, *10, 11*). Реставрированный экземпляр имел форму палочки овального сечения с раздвоенными Т-образными концами, его длина 8,7 см, диаметр 1,3—1,5 см. Прямых аналогий таким формам нам неизвестно. Еще один обломок грузила — с рожковидными концами — обнаруживает большое сходство с липчинскими [30, с. 17, рис. 1, *6—9*]. Вполне допустимо существование этих вещей и в развитом бронзовом веке, хотя планиграфические данные свидетельствуют об их раннем возрасте.

Костяные изделия представлены как целыми предметами [11], так и обломками. Это проколки, тесловидные орудия (рис. 6, *12*), нож с продольным желобком (рис. 6, *14*); функция части изделий неясна. Все находки происходят из заполнения жилища.

Ниже приводится таблица определения остеологического материала [5].

Вид животного	Количество костей	Количество особей
Лось	24	3
Северный олень	2	1
Собака	3	1
Медведь	1	1
Martes sp.	1	1
Рыба	Много	—
Неопределимые	14	—

Орудия литейного производства. При выборке жилища найдены многочисленные остатки литейного производства — литейные формы, сердечники, тигли и льячки (рис. 7). Изготовлены они из глины, часто с примесью жженой кости. Среди прочих вещей выделяются две целые створки литейных форм для маленьких кельтов (рис. 7, *1, 4*). Судя по форме полостей, орудия имели слегка расширенные лезвия и овальной формы устья, размеры одного из них 3,8×2,7 см, другого 3,5×2,2 см. Высота кельтов соответственно 7,1 и 4,8 см. У обоих отсутствовали ребра жесткости и орнамент. Найденные сердечники использовались при отливке втульчатых наконечников копий (рис. 7, *6*) и кельтов (рис. 7, *2*). В первом случае это конусы с диаметром основания 2,5 см (высота целого экземпляра 12 см), во втором — изделия прямоугольной формы с овальным сечением. Примечательным фактом является обнаружение еще одного пункта металлообработки в Западной Сибири. Как и другие более или менее крупные литейные центры Западной Сибири [26, с. 159—160; 31, с. 24—26], кондинская мастерская специализировалась на комплексном производстве изделий, т. е. изготовлении копий и кельтов.

Судить о форме и размерах копий сложно ввиду отсутствия литейных форм и самих вещей. Обнаруженный экземпляр литейной шишки позволяет сделать предположение, что применялась она для отливки копий некрупных размеров. Небольшими были кельты, отливавшиеся по найденным в жилище формам. У них отсутствовали ребра жесткости и орнамент. Отклонения от классических форм кельтов, столь выраженные на кондинских вещах, не являются редкостью. Орудия без ребер жесткости отливались в литейных формах найденных на поселениях

[5] Определение проведено сотрудником Института экологии УНЦ АН СССР П. А. Косинцевым.

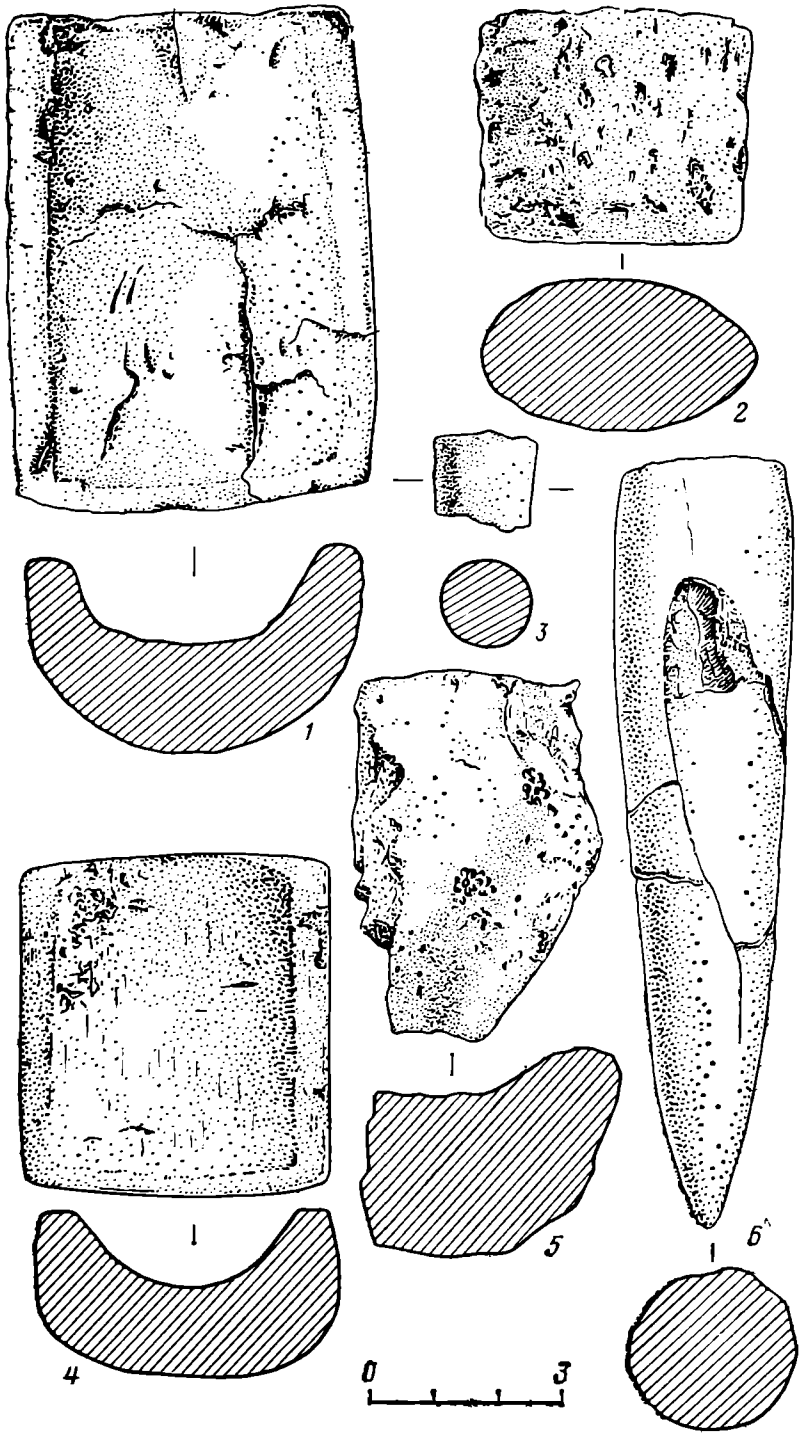


Рис. 7. Пашкин Бор I. Предметы бронзолитейного производства: створки литейных форм кельтов (*1, 4*); сердечники для отливки кельтов (*2*) и наконечников копий (*3, 6*); обломок тигля (*5*)

Крахалевка I [27, с. 75, табл. LXXX, *3*; 32, с. 141, рис. 1, *7*] и Чекист [33, с. 48—49, рис. 1, 2]. Нет их на некоторых кельтах из I Турбинского могильника [34, рис. 42, 54, 57]. У семи изделий из того же могильника отсутствует орнамент [34, с. 76, рис. 42—45]. Более того, как среди собственно турбинских, так и среди западносибирских кельтов известны вещи, у которых отсутствуют и ребра жесткости и орнамент [31, рис. 14, *2*; 34, рис. 42 и 117]. Изделия, близкие кондинским кельтам по пропорциям, отливались в форме, найденной на поселении Тух-Сигат VII. При отсутствии орнамента на форме, что также их сближает, обращают на себя внимание канавки, придававшие ребристость самим изделиям. Предварительно находка датирована рубежом II—I тыс. до н. э. [26, рис. 28, *1*, с. 106]. Полных аналогий выявленным формам нам неизвестно. Однако при всей необычности они обнаруживают куда больше сход-

ства с кельтами турбинского типа, нежели с сейминскими. Вопрос о времени появления указанных типов кельтов решается неоднозначно. Одни исследователи более древними считают сейминские формы [35, с. 39—40; 36], другие, напротив, турбинские [31, с. 54; 34; 37]. Любопытно в этом плане мнение О. Н. Бадера. Эволюция кельтов представляется ему «как развитие от простой клиновидной, сравнительно короткой, неорнаментированной формы (рис. 42—44) к простым кельтам с орнаментальными поясками (основной турбинский тип, рис. 47—58)» [34, с. 150]. Примечательно то, что он признает наиболее архаичными в этом эволюционном ряду изделия, у которых отсутствуют ребра жесткости и орнамент, обнаруживающие большое сходство с кондинскими кельтами.

Турбинский I могильник, в котором найдено большое количество кельтов турбинского типа, датируется О. Н. Бадером второй половиной XVI — началом XV в. до н. э. [34, с. 148]. Количественно преобладают литейные формы кельтов турбинского типа на поселении Самусь IV. Сложение бронзолитейного комплекса на этом памятнике относится В. И. Матющенко к XVI в. до н. э. [31, с. 60]. Наиболее ранние западносибирские формы для отливки турбинско-сейминских кельтов, дошедшие в обломках, встречены на поселениях степановского этапа еловской культуры (первая четверть — середина II тыс. до н. э.) в Васюганье [26, с. 159]. На следующем, тухэмторском этапе (середина — третья четверть II тыс. до н. э.) бронзолитейное производство получает дальнейшее развитие. На памятниках найдены створки и фрагменты литейных форм для кельтов и копий [26, с. 159—160]. Первые, по мнению Ю. Ф. Кирюшина, имеют признаки, позволяющие сопоставлять их и с турбинскими и с сейминскими кельтами, т. е. к числу ранних они относиться не могут [26, с. 77, 78].

Учитывая приведенные выше свидетельства, кондинские литейные формы кельтов и весь литейный комплекс поселения предварительно могут быть датированы серединой II тыс. до н. э. В дальнейшем по мере обнаружения форм для изготовления копий и самих вещей дата будет уточнена.

Изложенное позволяет сделать ряд выводов. Наиболее древнее поселение относится к эпохе энеолита. Древности этого периода представлены керамикой первой группы, рыболовными грузилами. Не исключено, что связан с этим комплексом шлифованный наконечник с жальцами. Аналогичный наконечник происходит с Липчинской стоянки и отнесен к первой половине II тыс. до н. э. [3, с. 38, табл. XX, *84*]. По времени это полностью или частично совпадает с предлагаемыми датировками аятских древностей. Кондинские материалы при всем их своеобразии можно отнести к кругу памятников аятского типа. Ввиду малочисленности данных развернутая характеристика различных сторон жизни населения, оставившего подобные памятики, пока невозможна.

Самая представительная и вместе с тем своеобразная группа артефактов относится к периоду развитой бронзы. С остатками жилища этого времени связаны керамика полымьятского типа (вторая группа посуды), черешковые наконечники стрел, каменные абразивы, орудия из кости, предметы литейного производства и, наконец, фаунистические остатки.

На специфику материала при наличии общих, характерных только для данного периода черт наложило свой отпечаток территориальное расположение Кондинской низменности. Занимая территорию между районами Зауралья и таежного Обь-Иртышья, она была в равной мере доступна для культурных влияний и даже проникновений инородных групп населения. Однако нельзя рассматривать эти процессы как односторонние. Сложность минувших событий нашла частичное отражение на облике посуды и в ее орнаментации.

В настоящее время в бассейне р. Конды известно шесть пунктов, на которых найдена посуда полымьятского типа. На трех поселениях обнаружены остатки жилищ. В двух из них встречены следы плавки ме-

талла. На наш взгляд, эти памятники следует объединить в одну типологическую группу и назвать ее полымьятской, подчеркивая тем исключительно важную роль керамики при определении культурной принадлежности памятников. Существование выделенной группы может быть отнесено к доандроновскому времени.

Несколько слов о занятиях обитателей жилища на поселении Пашкин Бор I.

Многочисленные материалы свидетельствуют о присваивающем характере хозяйства у полымьятского населения. Большое количество костей рыб при незначительном количестве грузил (имеются в виду глиняные) позволяет говорить о преобладании запорного рыболовства. Объектом охоты являлись лось, северный олень, медведь, соболь или куница. Неизменными помощниками при добыче зверя были собаки, которые, кстати, могли использоваться и как тягловая сила при транспортировке различных грузов.

Имеющиеся факты характеризуют таежных рыболовов и охотников как опытных домостроителей, знакомых с традициями возведения больших по площади наземных шатровых жилищ с центральными опорными столбами. Очевидна капитальность этих сооружений, являвшихся постоянными жилищами и, вероятно, укрытиями от нападений. На должном уровне находилось и производство вооружения, доказательство тому — находки сердечников для отливки наконечников копий. О развитом литейном производстве говорят многочисленные его остатки и каменные абразивы, которыми производилась доводка отлитых изделий. Использование в качестве примеси к глине кости, предохраняющей глиняные формы и сердечники от усадки при высокой температуре [38, с. 90], предполагает хорошее знание древними металлургами свойств этих материалов. Небольшие размеры отливаемых орудий и оружия, отсутствие на поселениях лома и сплесков металла указывают, вероятно, на дефицит сырья. Источники его поступления ввиду отсутствия самого металла не ясны, но близость Урала и наличие речной системы, связывающей Конду с Иртышом, позволяют рассматривать прилегающие западные и южные районы как возможные экспортные центры.

Рамки данной работы не позволяют нам подробно останавливаться на проблемах рассмотренных культурных комплексов. Прежде всего они связаны с генезисом, этапами развития и финалом каждого, необходимо также уточнение хронологических рамок и занимаемых ареалов. Этим и другим вопросам будут посвящены специальные работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Боч С. Г* Стоянки в бассейне Северной Сосьвы и Конды//Труды по изучению четвертичного периода. Т. V. М., 1937.
2. *Талицкая И. А.* Материалы к археологичекой карте Нижнего и Среднего Приобья// МИА. 1953. № 35.
3. *Чернецов В. Н.* Древняя история Нижнего Приобья//МИА. 1953. № 35.
4. *Чернецов В. Н.* Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры//МИА. 1957. № 58.
5. *Хлобыстин Л. П.* Исследования на севере Западной Сибири//АО—1966. М., 1967.
6. *Косарев М. Ф.* Разведки на Иртыше и Конде//АО—1976. М., 1977.
7. *Малышкин А. В.* Исследования на р. Конде в Тюменской области//АО—1977. М., 1978.
8. *Хлобыстин Л. П.* Работы в бассейне р. Конды//АО—1978. М., 1979.
9. *Русаков Г. Г.* Находки и сборы в бассейне р. Конды//Архив КА УрГУ. Ф. II. Д. 106.
10. *Русаков Г. Г.* Разведка в урочище «Мавра» в Кондинском районе Тюменской области зимой 1977 г.//Архив КА УрГУ. Ф. II. Д. 106а.
11. *Стефанова Н. К.* Отчет об археологических исследованиях в Кондинском районе Тюменской области летом 1980 г.//Архив КА УрГУ. Ф. II. Д. 390.
12. *Соколова З. П.* Материалы по жилищу, хозяйственным и культовым постройкам обских угров//Тр. ИЭ. 1963. Новая сер. Т. 84.
13. *Пелих Г И.* Происхождение селькупов. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1972.
14. *Соколова З. П.* К вопросу о развитии обско-угорской землянки//Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. Вып. 1. Тюмень: Тюмен. кн. изд-во, 1960.
15. *Соколова З. П.* К истории жилища обских угров//СЭ. 1957. № 2.

16. *Патканов С. К.* Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям//Живая старина. СПб., 1891. Вып. III.
17. *Стефанова Н. К.* Отчет об археологических исследованиях Уральской археологической экспедиции в зоне строительства Кондинского рыбопитомника. Т. 1//Архив КА УрГУ. Ф. II. Д. 320.
18. *Борзунов В. А.* Гамаюнская культура (основные характеристики)//Археологические исследования севера Евразии. Свердловск, 1982.
19. *Васильев Е. А.* Северотаежное Приобье в эпоху поздней бронзы (хронология и культурная принадлежность памятников)//Археология и этнография Приобья. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1982.
20. *Федорова Н. В.* О культурной принадлежности обь-иртышских памятников I тысячелетия н. э.//Ранний железный век Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1978.
21. *Матюшин Г Н.* Энеолит Южного Урала. М.: Наука, 1982.
22. *Старков В. Ф.* Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980.
23. *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981.
24. *Старков В. Ф.* К вопросу о периодизации зауральского неолита//Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1970.
25. *Генинг В. Ф.* Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок//СА. 1973. № 1.
26. *Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М.* Бронзовый век Васюганья. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1979.
27. *Молодин В. И.* Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука, 1977.
28. *Берс Е. М.* Поздненеолитическое погребение на р. Аять в Среднем Зауралье//СА. 1976. № 4.
29. *Брюсов В. Я.* Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: Изд-во АН СССР, 1952.
30. *Косарев М. Ф.* Древнейшие грузила Нижнего Притоболья//История археологии и этнографии Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1979.
31. *Матющенко В. И.* Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 2. Самусьская культура//ИИС. 1973. Вып. 10.
32. *Глушков И. Г* Бронзолитейный комплекс поселения Крахалевка I//Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1983.
33. *Матющенко В. И.* Этапы развития бронзолитейного производства в лесостепном Приобье/ 'Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Наука, 1974.
34. *Бадер О. Н.* Древнейшие металлурги Приуралья. М.: Наука, 1964.
35. *Тихонов Б. Г* Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье//МИА. 1960. № 90.
36. *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья//МИА. 1970. № 172.
37. *Косарев М. Ф.* О хронологии и культурной принадлежности турбинско-сеймин ских бронз//Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1970.
38. *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978.

N. K. Stefanova, S. F. Koksharov

A BRONZE AGE SETTLEMENT ON THE KONDA RIVER

Summary

The Konda basin in western Siberia has yielded more than a hundred sites spanning the time from the Mesolithic to the Middle Ages. The Pashkin Bor I settlement stands aside among others for its purely Early Metal and developed Bronze Age complexes.

Archaeologists have investigated the remains of a ground tent-like construction of about 200 m², which looked like a vast depression encircled with a ramparts and a moat.

The dwelling remains are associated with the Polymyat-type pottery (identified and described for the first time), socketed arrowheads, stone abrasives, bone implements, bronze-making tools and faunal remains.

So far, six sites have yielded the Polymyat-type pottery, three of them also contained dwelling remains, two of them exhibited the traces of metal making. All the sites should be regarded as a cultural group named after the pottery found in them. This emphasises how important pottery is for defining cultural affiliation. This particular cultural group can be dated to the pre-Andronovo time.

В. Н. ИГНАТОВ, А. С. СКРИПКИН

КОМПЛЕКСЫ САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ПРИКУБАНЬЯ

В 1983 г. археологическая экспедиция Волгоградского университета исследовала у станицы Хоперской Тихорецкого р-на Краснодарского края курганный могильник. Было раскопано 13 курганов, тянувшихся с востока на запад вдоль речки Смирновы, впадающей в р. Челбас.

Курганы располагались четырьмя группами на полях, систематически подвергавшихся распашке (рис. 1). Почти все насыпи, имевшие немного оплывшие полусферические формы, были сооружены в эпоху бронзы.

Среди исследованных захоронений 23 относились к сарматскому времени (рис. 2; 3). Они представлены четырьмя типами.

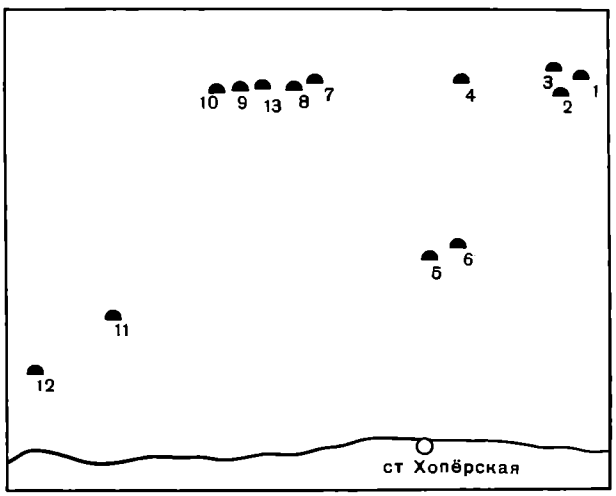


Рис. 1. План курганного могильника у ст. Хоперской

1. Захоронения в узких грунтовых ямах со слегка закругленными углами; могильные ямы ориентированы длинной осью по линии запад—восток (погр. 4 из кург. 4, рис. 2, 4; погр. 6 из кург. 5, рис. 2, *5*; погр. 2 из кург. 7, рис. 2, *6*; погр. 2 из кург. 8, рис. 2, *8*; погр. 6 из кург. 11, рис. 4, *3*; погр. 7 из кург. 11, рис. 4, *2*; погр. 9 из кург. 11, рис. 4, *4*; погр. 3 из кург. 12, рис. 4, *5*) или запад—юго-запад — восток—северо-восток (погр. 1 из кург. 11, рис. 2, *13*; погр. 5 из кург. 12, рис. 4, *6*) и запад—северо-запад — восток—юго-восток (погр. 2 из кург. 11, рис. 2, *14*); размеры ям: длина 1,95—2,6 м, ширина 0,65—0,9, глубина 1,2—2,6 м. Этот тип захоронений существует на протяжении всех этапов сарматской культуры [1, с. 428; 2, с. 20].

2. Захоронение в яме с заплечиками (погр. 3 из кург. 7, рис. 2, *7*); заплечики располагались вдоль продольных и одной поперечной стенок ямы, сверху на них опиралось перекрытие из деревянных плашек; могильная яма ориентирована длинной осью по линии запад—северо-запад — восток—юго-восток; размеры ямы: длина 1,95 м, ширина 0,75, глубина 3 м, ширина заплечиков 0,1 м; этот тип захоронений появляется в сарматских памятниках на рубеже IV—III вв. до н. э. Более всего он представлен в погребениях III—II вв. до н. э. междуречья Волги и Урала [2, с. 20; 3, с. 159].

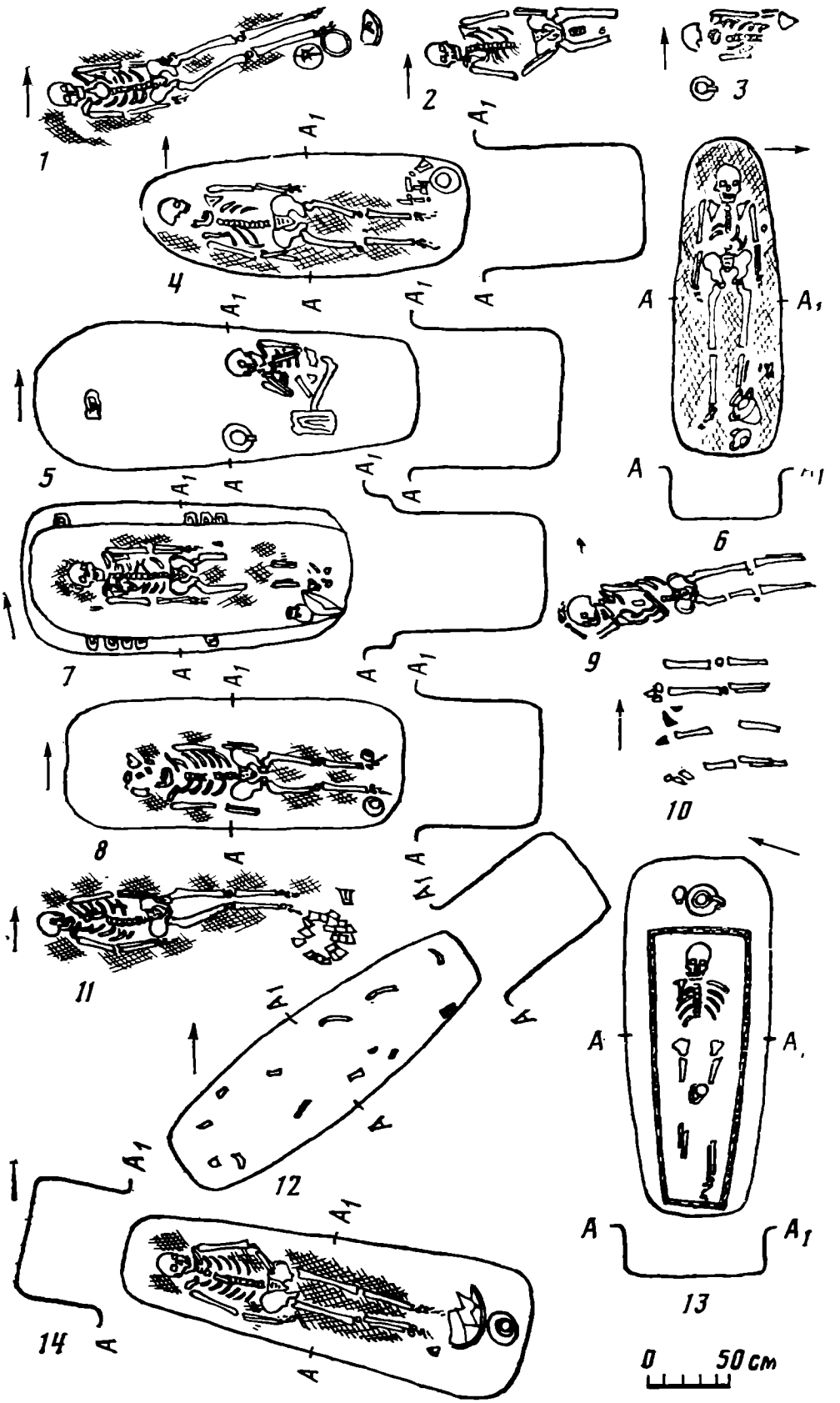


Рис. 2. Погребения сарматского времени из ст. Хоперской. *1* — кург. 1, погр. 3; *2* — кург. 1, погр. 12; *3* — кург. 4, погр. 2; *4* — кург. 4, погр. 4; *5* — кург. 5, погр. 6; *6* — кург. 7, погр. 2; *7* — кург. 7, погр. 3; *8* — кург. 8, погр. 2; *9* — кург. 10, погр. 1; *10* — кург. 10, погр. 3; *11* — кург. 10, погр. 4; *12* — кург. 10, погр. 2; *13* — кург. 11, погр. 1; *14* — кург. 11, погр. 2

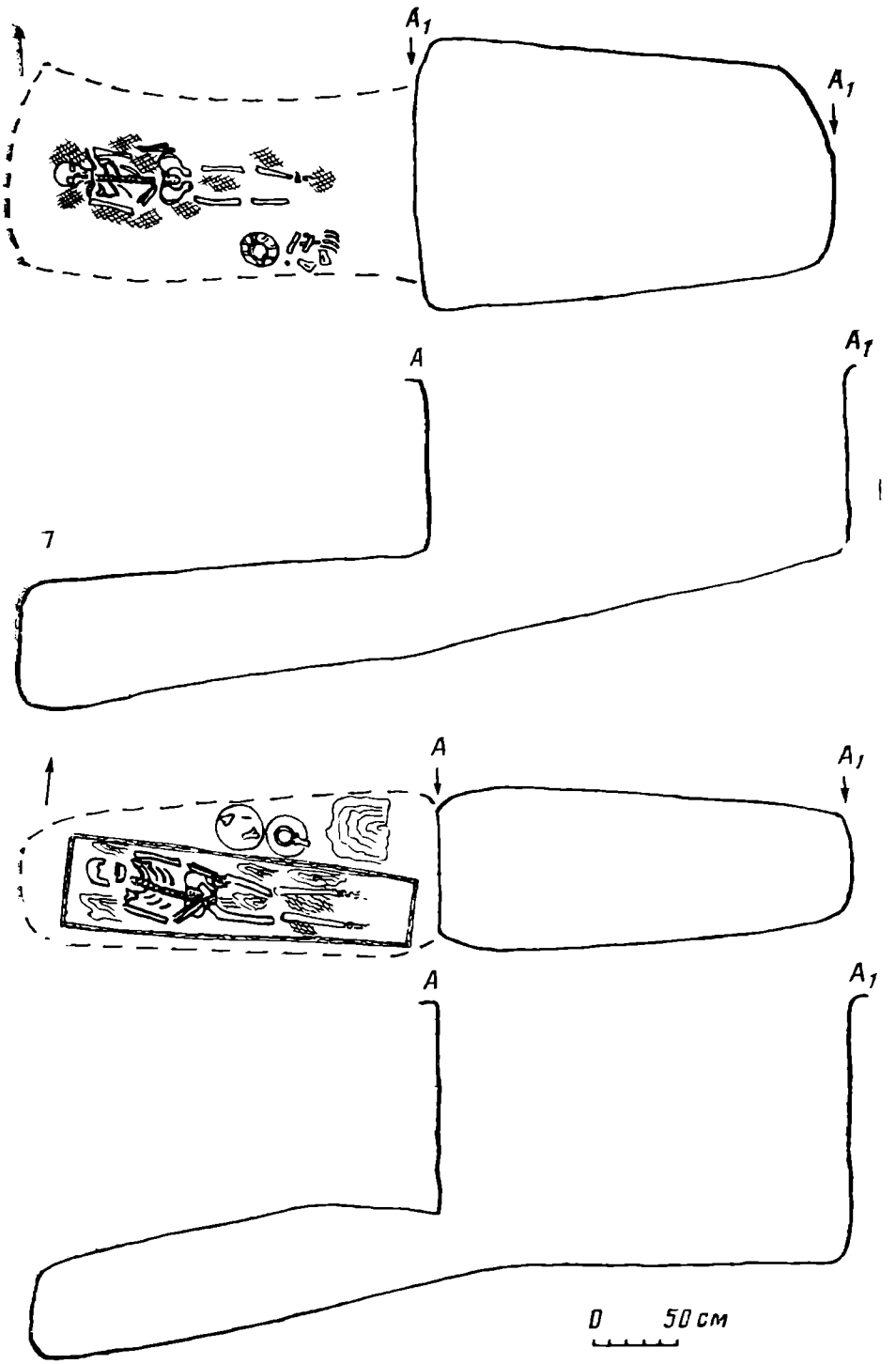


Рис. 3. Погребения сарматского времени из ст. Хоперской. *1* — кург. 10, погр. 8; *2* — кург. 11, погр. 8

3. Захоронения в катакомбах (погр. 8 из кург. 10, рис. 3, *1*; погр. 8 из кург. 11, рис. 3, *2*); обе катакомбы имели сходное устройство: камеры располагались на одной оси с входными ямами, у камеры из кург. 10 небольшое отклонение к северу; входная яма погр. 8 из кург. 10 имела трапециевидную форму и была ориентирована длинной осью по линии запад — восток; ее размеры: длина 2,55 м, ширина 1,5, глубина 2,75 м; входная яма захоронения из кург. 11 имела прямоугольную форму и была ориентирована длинной осью по линии запад—юго-запад — восток—северо-восток; размеры ямы: длина 2,5 м, ширина 0,95, глубина 2,7 м; камера подпрямоугольной формы из кург. 10 имела длину 2,55 м, ширину 1,1, высоту 0,7 м; камера из кург. 11 имела прямоугольную форму; ее размеры: длина 2,5 м, ширина 0,9, высота 0,6 м. По своему устройству данные могилы могут быть отнесены ко II типу сарматских ката-

комб по классификации К. Ф. Смирнова [4, с. 74]. Этот тип катакомб более характерен для районов Поволжья — Приуралья, нежели Северного Кавказа, и появляется здесь уже с IV в. до н. э. [4, с. 77]. В последнее время на Северном Кавказе открыты новые памятники рассматриваемого типа [5, с. 96—101] [1].

4. Захоронения в насыпи (погр. 3 из кург. 1, рис. 2, *1*; погр. 12 из кург. 1, рис. 2, *2*; погр. 2 из кург. 4, рис. 2, *3*; погр. 1 из кург. 10, рис. 2, *9*; погр. 3 из кург. 10, рис. 2, *10*; погр. 4 из кург. 10, рис. 2, *11*; погр. 3 из кург. 11, рис. 4, *1*; погр. 1 из кург. 12, рис. 4, *7*); их глубина колеблется от 0,6 до 1,55 м. Подобные захоронения существуют в течение всей сарматской культуры. Особенно возрастает их количество в III—II вв. до н. э. [2, с. 21].

При оборудовании погребальных сооружений использовались органические и меловые подстилки. Они зафиксированы в 60% исследованных погребений. Этот ритуал, вероятно, был связан со стремлением изолировать погребенных от земли [3, с. 162].

В двух случаях, в грунтовой яме (погр. 1 из кург. 11, рис. 2, *13*) и в катакомбе (погр. 8 из кург. 11, рис. 3, *2*), отмечено положение погребенных в деревянные гробовища. Аналогичный обряд хорошо известен на сарматской территории [1, с. 429].

В 17% погребений зафиксировано наличие охры и реальгара, которым придавалось магическое значение очистительной силы [6, с. 95].

В погр. 5 из кург. 12 (рис. 4, *6*) рядом с погребенным найдена галька. По этнографическим данным, у многих народов галька также связывалась с магической силой, способной предохранить родственников покойного от смерти [1, с. 430].

Поза погребенных представлена шестью положениями: 1 — на спине с вытянутыми конечностями (погр. 3 из кург. 1; погр. 12 из кург. 1; погр. 2 из кург. 4; погр. 4 из кург. 4; погр. 2 из кург. 7; погр. 3 из кург. 7; погр. 2 из кург. 8; погр. 3 из кург. 10; погр. 4 из кург. 10; погр. 1 из кург. 11; погр. 3 из кург. 11; погр. 6 из кург. 11; погр. 7 из кург. 11; погр. 9 из кург. 11); 2 — вытянуто на спине, рука на тазовых костях (погр. 8 из кург. 10; погр. 2 из кург. 11; погр. 8 из кург. 11); 3 — на спине, в «атакующей позе» (погр. 1 из кург. 12; погр. 5 из кург. 12); 4 — вытянуто на спине, кости голеней перекрещены (погр. 3 из кург. 12); 5 — вытянуто на спине, рука на темени (погр. 1 из кург. 10); 6 — в скорченном положении (погр. 6 из кург. 5).

Вероятно, о насильственной смерти свидетельствует поза погребенной в захоронении из кург. 5 (рис. 2, *5*). Костяк женщины был обнаружен в засыпи могильной ямы в 40 см от ее дна. Погребенная, ориентированная головой на запад, лицевыми костями на юг, находилась в неестественной позе: сильно скорченная, на правом боку с завалом на спину, левая рука покоилась кистью на груди, правая — на нижней челюсти, ноги были согнуты в тазобедренных и коленных суставах под острым углом. На шее у погребенной было ожерелье из бус желтого стекла подтреугольной формы. Также в засыпи, в 15 см от дна могильной ямы, найден железный нож с горбатой спинкой. На дне ямы находились глиняный кувшин, кусочек реальгара, стеклянная бусина подтреугольной формы, аналогичная бусам на шее погребенной.

Скорченные погребения по-разному трактуются исследователями. К. Ф. Смирнов считал подобное положение погребенных синдо-меотским признаком [7, с. 121, 122]. В. И. Кадеев полагает, что у сарматских племен этот способ захоронения является признаком подневольности [8, с. 8].

Ориентировка погребенных имеет в основном западную направленность. В четырех случаях зафиксировано отклонение к югу, в трех — к северу, что, вероятно, связано с различными временами года. Известно, что зимой восход и закат солнца отклоняются к югу, летом — к се-

[1] Пользуясь случаем, благодарим Т. В. Мирошину за любезную информацию о 10 подобных катакомбах, исследованных в Ставропольском крае.

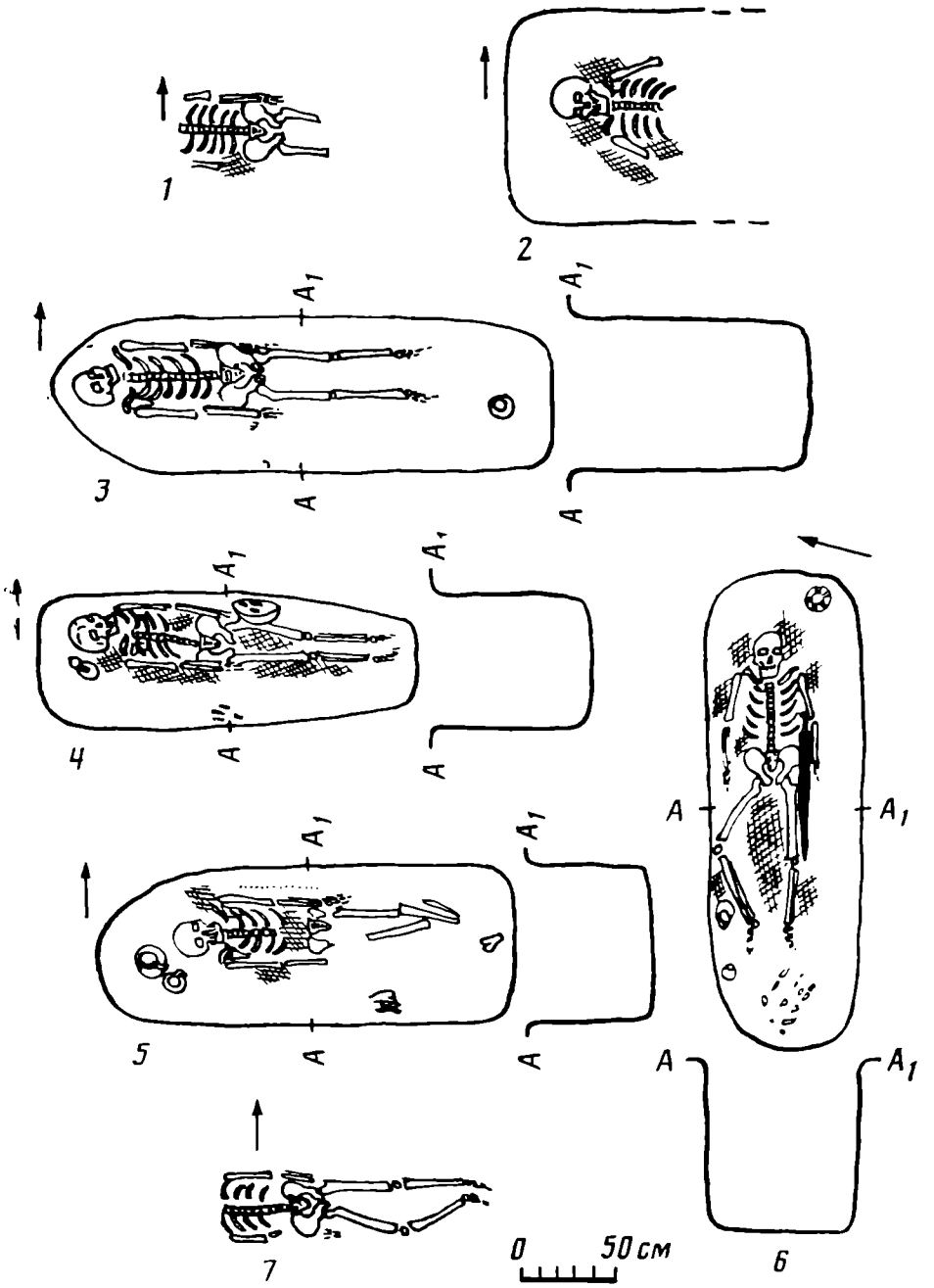


Рис. 4. Погребения сарматского времени из ст. Хоперской. *1* — кург. 11, погр. 3; *2* — кург. 11, погр. 7; *3* — кург. 11, погр. 6; *4* — кург. 11, погр. 9; *5* — кург. 12, погр. 3; *6* — кург. 12, погр. 5; *7* — кург. 12, погр. 1

веру [9, с. 35—55]. Это предположение согласуется с глубиной могильных ям; если в погребениях с южным отклонением (т. е. в зимних условиях, при наличии мерзлого грунта) глубина ям едва превышает 1 м, то в погребениях с северным отклонением она достигает 2—3 м.

В одном случае погребенный был ориентирован головой на восток—северо-восток (погр. 5 из кург. 12, рис. 4, *6*). Данная ориентировка имела место как у меотов Прикубанья [10, с. 184], так и у савроматов Поволжья и Урала [6, с. 91]. В. Б. Виноградов полагает, что в Прикубанье в сарматское время восточная направленность в ориентировке погребенных, возможно, является результатом меотского влияния на сираков [11, с. 52].

В насыпях курганов 1, 4, 5, 10, 11 зафиксированы следы тризны в виде битой гончарной керамики, лепного сосуда и костей животных.

Более подробно данные о системе погребальной обрядности представлены в табл. 1.

Таблица 1

Обряд погребения Хоперского могильника

Номер кургана и погребения	Форма и размеры могилы	Положение погребенного	Ориентировка	Пол, возраст	Особенности погребального обряда	Кости животных	Погребальный инвентарь				Примечание
							керамика	оружие	украшения и принадлежности туалета	бытовые предметы	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1/3	Узкая прямоугольная яма, глубина 1,6 м	На спине вытянуто, кисть левой руки на тазовых костях	ЗЮЗ	Женщина взрослая	На дне могилы органическая подстилка	Ребро барана на фрагменте большой миски	Сероглиняный гончарный сосуд, красноглиняная миска, фрагмент большой сероглиняной миски (в ногах)	—	Сердоликовые, стеклянные, гагатовые бусы (на шее, на кистях рук, у щиколоток ног); бронзовое зеркало с треугольной ручкой (на груди)	—	Впускное
1/12	Яма не прослежена, глубина 1,4 м	На спине вытянуто	ЗЮЗ	Взрослый	—	—	—	Два железных трехлопастных втульчатых наконечника стрел (у тазовых костей)	—	Фрагмент костяной пластинки (у тазовых костей)	Впускное, в засыпи ямы встречены фрагменты лепного сосуда, ракушки, бронзового предмета; отсутствуют кости голени
4/2	Яма не прослежена, глубина 1 м	То же	З	—	—	—	Сероглиняный сосуд (у правого плеча)	—	—	—	Впускное, отсутствуют кости ног
4/4	Узкая подпрямоугольная яма, 2×0,75× ×1,5 м	»	З	Женщина взрослая	На дне могилы органическая подстилка	Кости барана (около сосуда)	Чернолощеный лепной сосуд (в ногах)	—	Стеклянная глазчатая бусина синего цвета (у левого бедра)	Железный нож (на костях барана)	Впускное
5/6	Узкая прямоугольная яма, 2,35×	На правом боку с завалом на спи-	З	То же	На дне могилы остатки деревянных плашек,	Кости барана (у восточной стен-	Светло-желтый лепной сосуд с зооморфной	—	Сердоликовые, стеклянные, пастовая бусы	Железный нож (у восточной стенки ямы)	Впускное. Погребенная — в засыпи ямы,

	×0,9×2,2 м	ну в неестественно скорченной позе			кусочек реальгара	ки ямы)	ручкой (у южной стенки ямы)		(одна стеклянная бусина найдена на дне ямы, остальные на шее погребенной)		в 40 см от дна ямы. В засыпи также найдены кости барана и железный нож
7/2	Узкая прямоугольная яма, 2× ×0,65× ×1,6 м	На спине вытянуто	З	»	На дне могилы органическая подстилка	Кости барана (у левой голени)	Сероглиняный гончарный сосуд с горизонтальными ручками, светло-коричневый лепной сосудик (в ногах)	—	Стеклянные бусы (на шее, на кистях рук)	Глиняное биконическое пряслице (у левой руки), железный нож (у левой голени), каменная зерпотерка (под сосудом)	Впускное
7/3	Узкая прямоугольная яма с заплечиками, 1,95× ×0,75×3 м	То же	ЗСЗ	»	Могильная яма поперек перекрыта деревянными плашками, на дне органическая подстилка, реальгар	Кости барана (в ногах)	Черполощеный сосуд, сероглиняная миска (у правой голени)	Железные трехлопастные втульчатые наконечники стрел (у левой голени)	Сердоликовые, стеклянные, гагатовые бусы (на шее, у предплечий), бронзовое зеркало (слева от черепа)	Глиняное пряслице (у правого бедра), железный крючок (у левого бедра), железный нож (на костях барана)	»
8/2	Узкая прямоугольная яма, 2,1× ×0,8× ×1,35 м	»	З	Взрослый	Могильная яма имела древесное покрытие, на дне органическая подстилка, реальгар	—	Сероглиняный сосуд, сероглиняный сосудик (в ногах)	—	—	—	»
10/1	Яма не прослежена, глубина 0,6 м	На спине вытянуто, правая рука поднята вверх, кистью на темени, левая рука кистью на животе	ЗЮЗ	»	—	—	—	—	—	—	

Таблица 1 (продолжение)

1	2	3	4		6	7	8	9	10	11	12
10/2	Узкая прямоугольная яма, 2,2× ×0,7×2,6 м	Отдельные кости человека	—	—	—	—	Фрагмент сероглиняной гончарной керамики (в восточной части ямы)	—	—	—	Впускное, ограблено
10/3	Яма не прослежена, глубина 0,8 м	Двое погребенных на спине вытянуто	З	Взрослые	—	—	Фрагменты сероглиняной гончарной керамики (у тазовых костей)	—	—	—	Впускное, верхние части скелетов отсутствуют
10/4	Яма не прослежена, глубина на 1,55 м	На спине вытянуто, кисть правой руки под тазовыми костями	З	Взрослый	Под погребенным органическая подстилка	Кости барана (в ногах)	Сероглиняный сосуд (в ногах)	Железный трехлопастной втульчатый наконечник стрелы (у левого бедра)	—	Костяной предмет (у левого локтя)	Впускное
10/8	Катакомба на одной оси с входной ямой, с небольшим отклонением к северу. Входная яма трапециевидной формы, 2,55× ×1,5× ×2,75 м. Катакомба подпрямоугольной формы, 2,55×1,1× ×0,7 м	На спине вытянуто	ЗСЗ	Мужчина взрослый	То же	Кости барана (у правой голени)	Черполощеный сосуд (у правой голени)	Железные трехлопастные втульчатые наконечники стрел (на правом плече)	—	Железный нож (на костях барана)	»

11/1	Узкая прямоугольная яма, 2,2××0,9×1,2 м	На спине вытянуто	ЗЮЗ	Женщина взрослая	Погребенная в деревянном гробовище	Альчик барана (около краснoглиняного сосуда)	Краснoглиняный сосуд, сероглиняный сосудик (за черепом вне гробовища)	—	Стеклянные, пастовые бусы (на тазовых костях), бронзовое зеркало (у колен)	Глиняное пряслице (у левой стопы)	»
11/2	Узкая прямоугольная яма, 2,55××0,85××1,45 м	На спине вытянуто, кисть левой руки на тазовых костях	ЗСЗ	Взрослый	На дне могилы органическая подстилка, кусок серого гранита со следами красной краски	—	Сероглиняный сосуд, сероглиняная миска (в ногах)	—	Фрагменты бронзовой бляшки (у локтя правой руки)	—	»
11/3	Яма не прослежена, глубина 1,05 м	На спине вытянуто	З		Под погребенным органическая подстилка	—	—	—	—	—	Впускное, отсутствуют череп и кости голеней
11/6	Узкая подпрямоугольная яма, 2,6×0,8××1,95 м	То же	З	Мужчина взрослый	То же	—	Сероглиняный сосуд (в ногах)	Железные трехлопастные втульчатые наконечники стрел (у правой кисти)	—	Железный крючок (у правой кисти)	Впускное
11/7	Узкая прямоугольная, глубина 1,8 м	На спине, вытянуто руки отставлены в стороны	З	Взрослый	На дне могилы органическая подстилка	Кости барана (около могильной ямы)	—	—	—	—	Впускное, сохранилась верхняя часть скелета погребенного
11/8	Катакомба на одной оси с входной ямой. Входная яма прямоугольной формы, 2,5××0,95×2,7 м Катакомба прямоугольной формы, 2,5×0,9××0,6 м	На спине вытянуто, кисть правой руки на тазовых костях	З	Мужчина взрослый	Погребенный в деревянном гробовище	Кости барана (в миске)	Лощеный сосуд, сероглиняная миска (слева от гробовища)	—	Бронзовая фибула (на груди)	Железный нож (в миске), фрагменты дерева, оплетенные бронзовыми полосками	Впускное

Таблица 1 (окончание)

Номер кургана и погребения	Форма и размеры могилы	Положение погребенного	Ориентировка	Пол, возраст	Особенности погребального обряда	Кости животных	Погребальный инвентарь				Примечание
							керамика	оружие	украшения и принадлежности туалета	бытовые предметы	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
11/9	Узкая прямоугольная яма, 1,95× ×0,7× ×1,65 м	На спине вытянуто	З	Взрослый	На погребенном органическое покрытие, под ним органическая подстилка	Кости барана (в миске)	Сероглиняный сосуд, красноглиняная миска (у левого бедра)	—	—	Железный нож (в миске)	Впускное, сосуд и кости барана лежали на покрытии
12/1	Яма не прослежена, глубина 1 м	На спине, в «атакующей позе»	З	»	—	—	—	—	—	—	Впускное, отсутствуют череп и предплечье правой руки
12/3	Узкая подпрямоугольная яма, 2,2×0,85× ×1,55 м	На спине вытянуто, кости голеней перекрещены	З	Мужчина взрослый	На дне могилы органическая подстилка	Кости барана (у правого бедра)	Два красноглиняных сосуда (за черепом)	Железные трехлопастные втульчатые наконечники стрел (у кисти левой руки, у бедер)	Бронзовые бляшки (вдоль левой руки)	Железный нож (на костях барана)	Впускное
12/5	Узкая прямоугольная яма, 2,5× ×0,8×1,8 м	На спине, в «атакующей позе»	ВСВ	То же	На дне могилы органическая подстилка, галька	Кости барана (за черепом)	Чернолощеный сосуд, сероглиняный сосуд, черноглиняный сосудик (в ногах)	Железный меч, железные трехлопастные втульчатые наконечники стрел (слева от погребенного)	—	Железный крючок (на груди)	

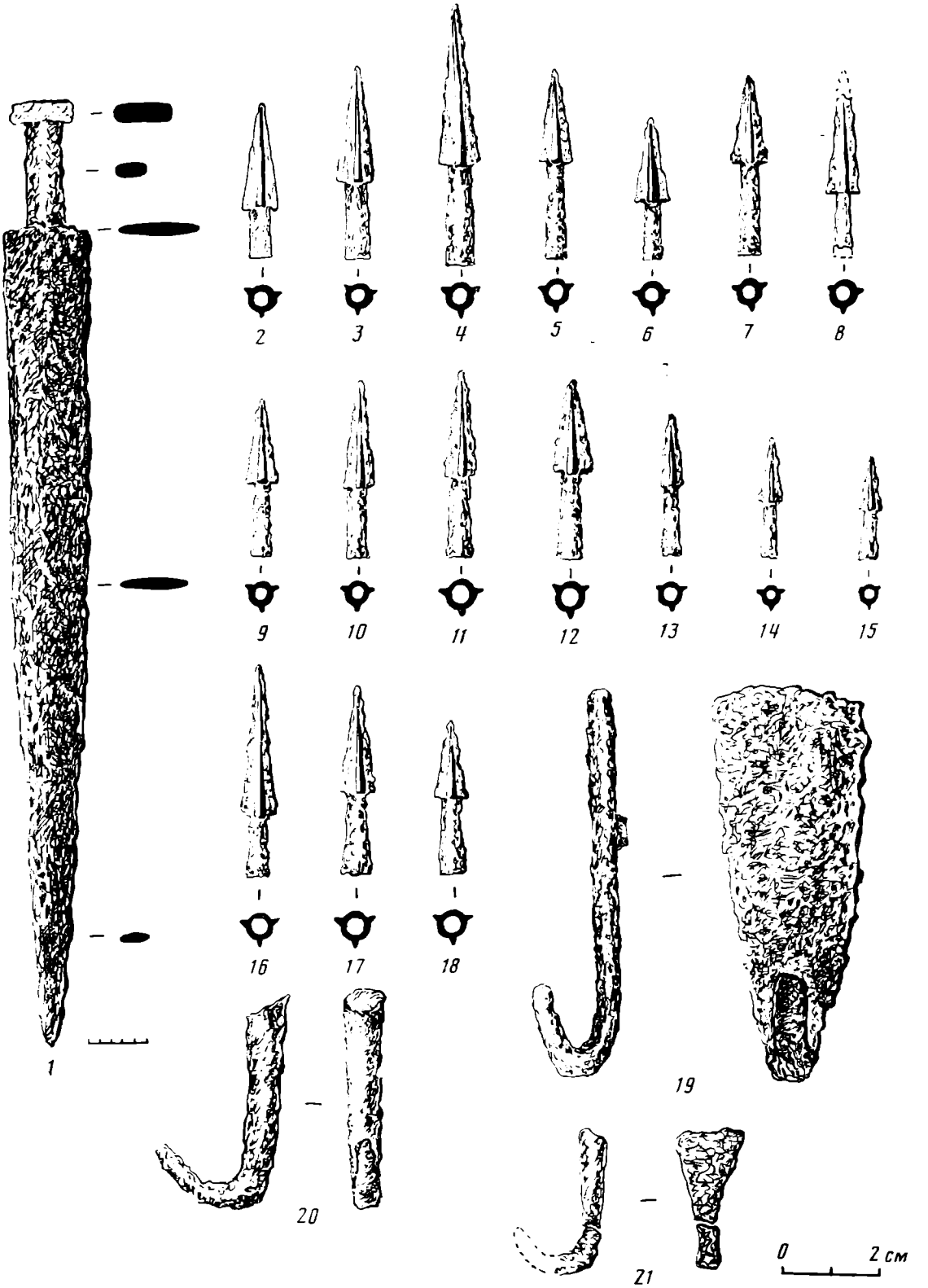


Рис. 5. Предметы вооружения и колчанные крючки. *1* — кург. 12, погр. 5; *2, 3* — кург. 1, погр. 12; *4, 5* — кург. 7, погр. 3; *6* — кург. 10, погр. 4; *7, 8* — кург. 10, погр. 8; *9, 10* — кург. 11, погр. 6; *11—15* — кург. 12, погр. 3; *16—18* — кург. 12, погр. 5; *19* — кург. 7, погр. 3; *20* — кург. 12, погр. 5; *21* — кург. 11, погр. 6

Почти все погребения сопровождались инвентарем, в состав которого входили предметы вооружения (железный меч, железные наконечники стрел), колчанные крючки, глиняные лепные и гончарные сосуды, бронзовые зеркала, фибула, бусы и различные мелкие бытовые предметы.

Перейдем к анализу вещей, наиболее значимых для интерпретации и датировки погребальных комплексов.

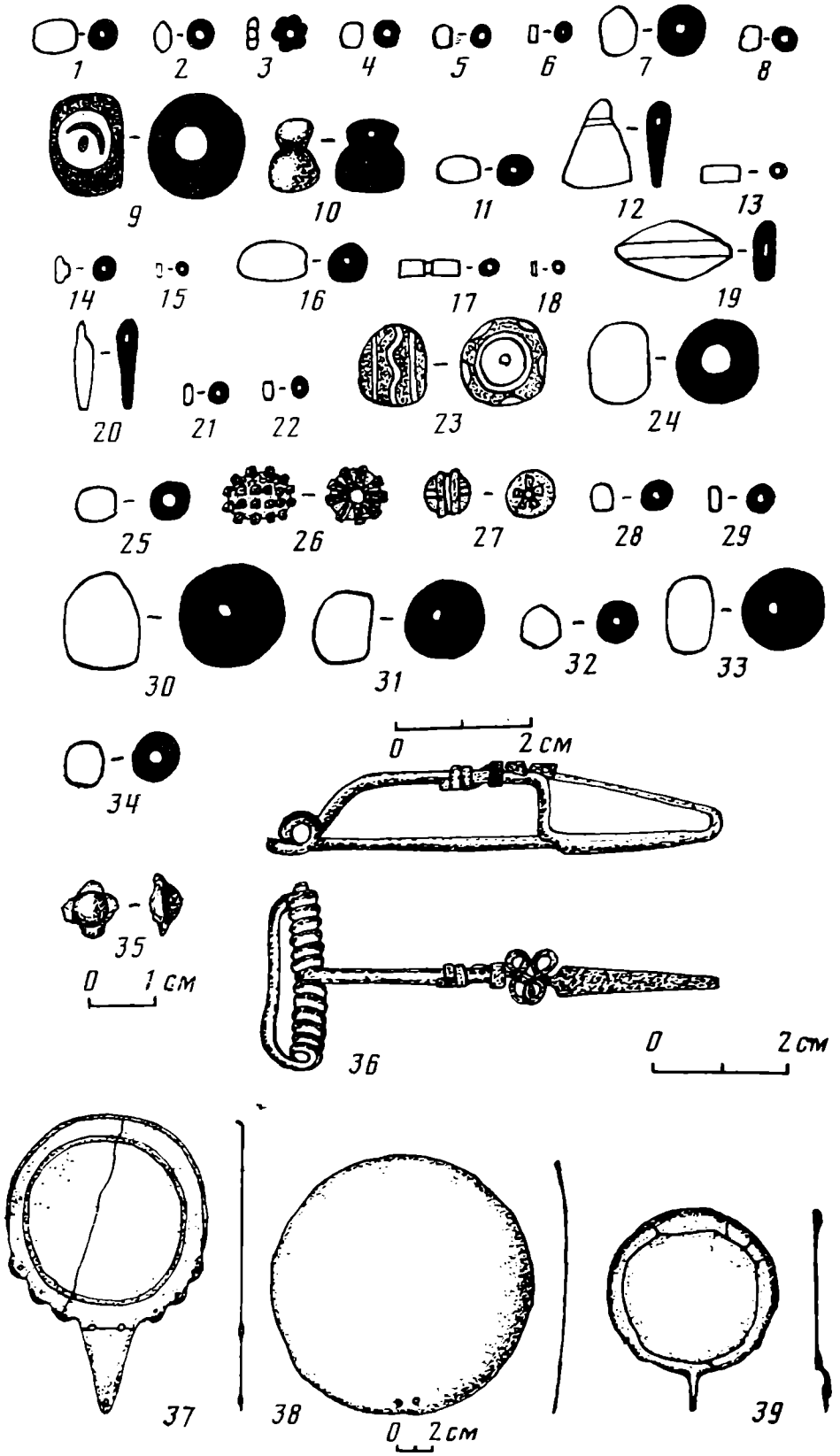


Рис. 6. Зеркала и украшения

В погр. 5 из кург. 12 обнаружен железный меч без перекрестья, с брусковидным навершием (рис. 5, *1*), относящийся к кругу синдо-меотских мечей [12, с. 304, 305]. Его длина 78 см. Этот тип мечей широко известен на территории Прикубанья. Благодаря тесным контактам с сарматами поволжско-донских степей подобные мечи проникают в междуречье Дона и Волги и далее на восток [13, с. 43]. Время наиболее широкого распространения мечей синдо-меотского типа IV — начало III в. до н. э., а отдельные экземпляры доживают до второй половины

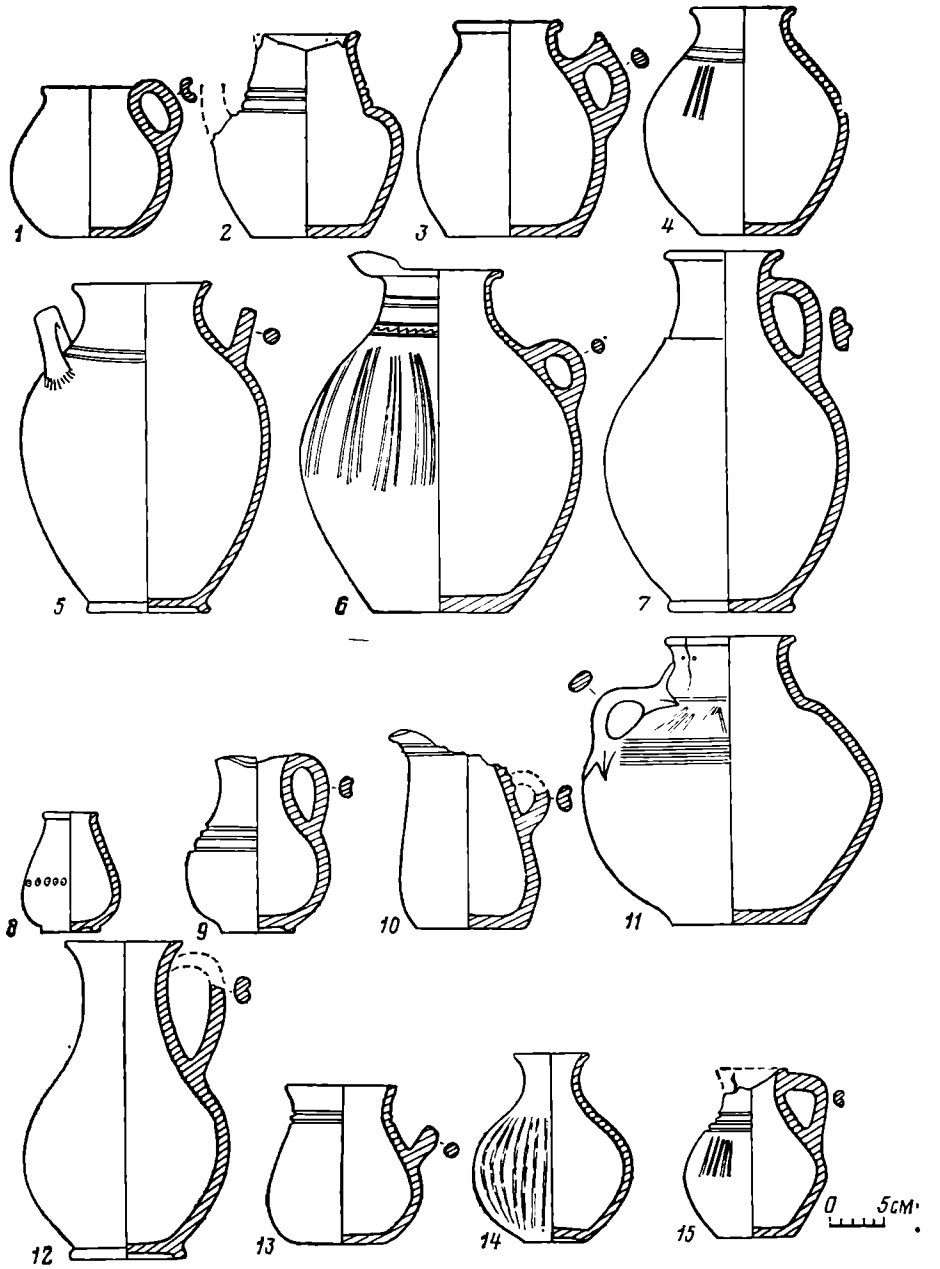


Рис. 7. Керамика из ст. Хоперской

III в. до н. э. [13, с. 41, 43]. В. Б. Виноградов датирует этот тип мечей IV—II в. до н. э. [14, с. 15, 16]. Нижняя дата бытования синдо-меотских мечей подтверждается эпиграфическим материалом [15, с. 90—96].

Наконечники стрел — железные, трехлопастные, втульчатые (погр. 12 из кург. 1, рис. 2, *3*; погр. 3 из кург. 7, рис. 5, *4, 5*; погр. 4 из кург. 10, рис. 5, *6*; погр. 8 из кург. 10, рис. 5, *7, 8*; погр. 6 из кург. 11, рис. 5, *9, 10*; погр. 3 из кург. 12, рис. 5, *11—15*; погр. 5 из кург. 12, рис. 5, *16—18*). Большинство — вытянутых пропорций, лишь отдельные экземпляры небольшого размера. Длина колеблется от 2,3 до 5,6 см. Основная масса наконечников относится к IX типу по классификации К. Ф. Смирнова [16, с. 49, рис. 29, *1—17*, табл. III, *Д, 6, 7*]. Наконечники этого типа широко представлены уже со второй половины IV в. до н. э., оставаясь ведущими вплоть до II в. до н. э. [7, с. 122, 123, рис. 37, *8*; 17, с. 79, рис. 27, 53, 61]. На Северном Кавказе известны их находки в комплексах I в. до н. э. [18, с. 23; 19, с. 68].

В рассматриваемых комплексах было встречено три зеркала. Зеркало из погр. 3 кург. 1 (рис. 6, *37*) имело круглый диск с вертикально отогнутым краем диаметром 11,5 см. От диска шла треугольная ручка длиной 6 см, по углам которой имелись маленькие отверстия. По сторо-

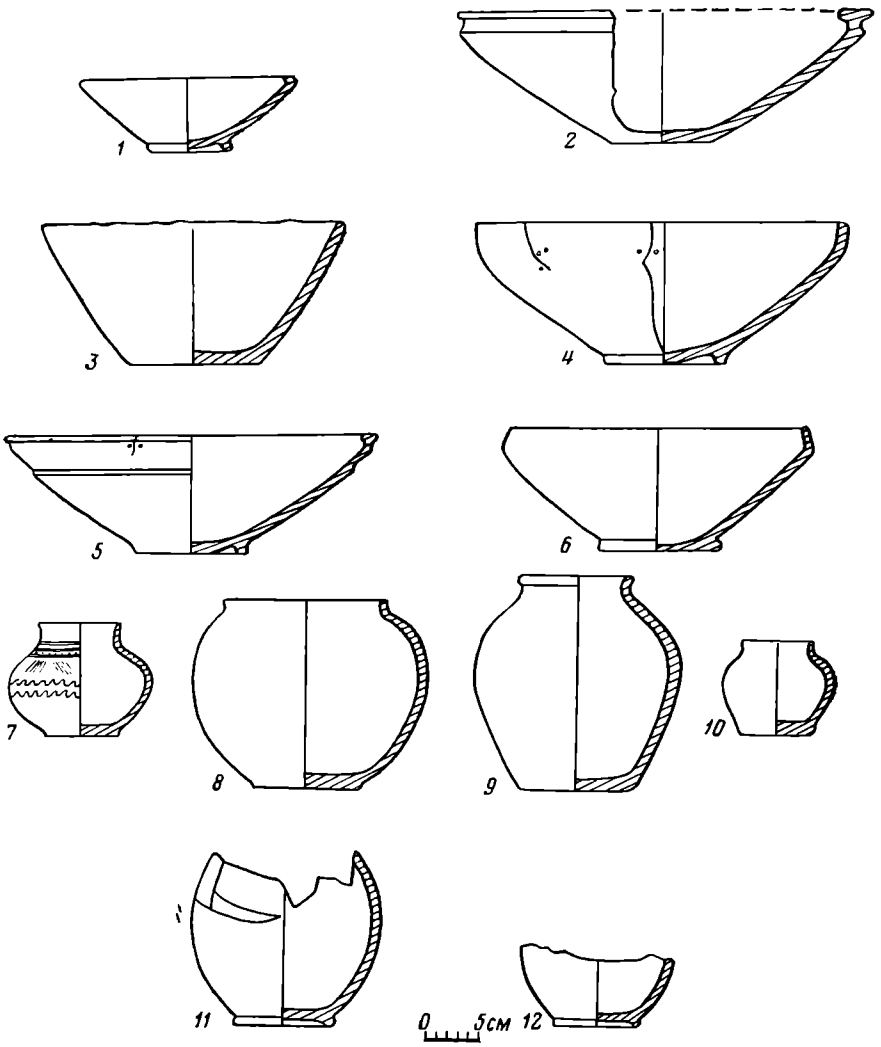


Рис. 8. Керамика из ст. Хоперской

нам от нее располагалось по три фестона. Диск был украшен двумя концентрическими линиями. Зеркало относится к I типу по классификации Н. В. Анфимова. Этот тип зеркал является господствующим в погребениях третьей хронологической группы Усть-Лабинского могильника (III — первая половина I в. до н. э.) [20, с. 184].

Зеркало из погр. 3 кург. 7 (рис. 6, *38*) представляло собой слегка вогнутый диск из листовой бронзы, диаметром 15 см. На нем имелось два отверстия для крепления ручки. Данное зеркало можно отнести к 1-му типу I отдела по классификации М. Г. Мошковой [2, с. 41] или к VI типу по классификации А. М. Хазанова [21, с. 58—63]. Зеркала этого типа ведут происхождение от савроматских форм и бытуют у сарматов вплоть до II в. до н. э. В среднесарматское время этот тип зеркал — господствующий. Но если ранние экземпляры обычно больших размеров (до 16 см), то в III—II вв. до н. э. их размеры начинают уменьшаться и диаметр большинства зеркал не превышает 10 см [2, с. 41].

Представляет интерес зеркало из погр. 1 кург. 11 (рис. 6, *39*), имевшее по краю валик и небольшую ручку в виде головы лебедя. Диаметр диска 10 см, длина ручки 2,3 см. Это зеркало, весьма условно, можно отнести к 3-му типу II отдела по классификации М. Г Мошковой [2, с. 42] или к IV типу по классификации А. М. Хазанова [21, с. 58]. Подобные зеркала, правда имеющие ручку-штырь, встречаются в памятниках ранне- и среднесарматского времени [21, с. 62, 63]. Единственным, но существенным отличием хоперского зеркала является наличие оригинальной ручки.

На груди погребенного из погр. 8 кург. 10 обнаружена бронзовая проволочная фибула. Фибула имела 12-витковую пружину, прямую спинку; ножка расплющена в узкий треугольный щиток, а конец ее за-

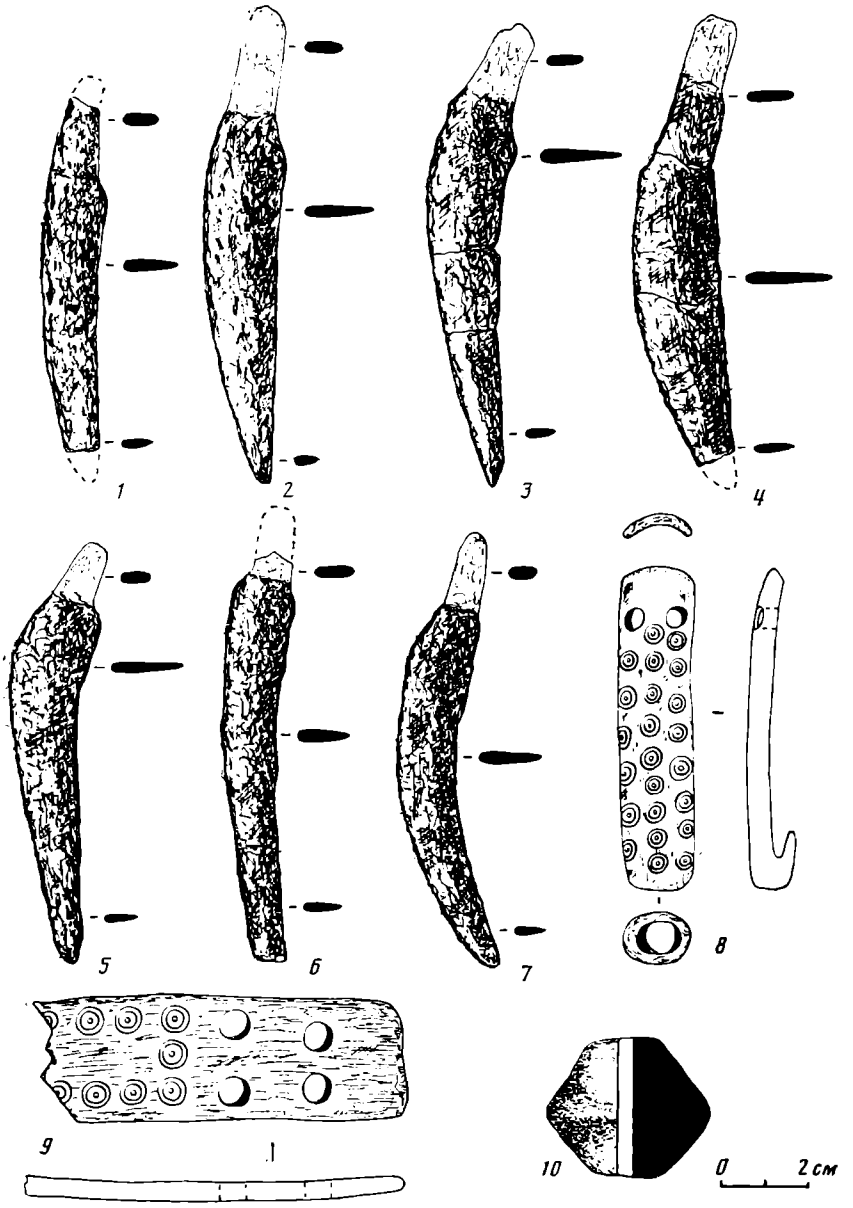


Рис. 9. Бытовые предметы. *1* — кург. 4, погр. 4; *2* — кург. 5, погр. 6; *3* — кург. 7, погр. 2; *4* — кург. 7, погр. 3; *5* — кург. 10, погр. 8; *6* — кург. 11, погр. 8; *7* — кург. 11, погр. 9; *8* — кург. 10, погр. 4; *9* — кург. 1, погр. 12; *10* — кург. 7, погр. 2

кручен в виде восьмерок. По форме и конструкции ее следует отнести к так называемым расчлененным фибулам среднелатенской схемы [22, с. 14, табл. I, *6—11*]. Временем распространения среднелатенских фибул на Юге СССР ряд исследователей считают II в. до н. э. [1, с. 438; 23, с. 275; 24, с. 37].

Происхождение фибул с восьмеркообразным расчленением конца ножки связано с культурами кельто-иллирийского круга Юго-Восточной Европы. Подобные фибулы часто встречаются в памятниках Словакии [25, с. 99, рис. 30, *7*], Румынии [26, с. 58, рис. 28] и Югославии [27, с. 140, табл. LXIV, *7, 8*]. По вопросу о времени бытования этих фибул единого мнения нет. Я. Филип относит их к середине II — началу I в. до н. э. [25, с. 102], З. Возьняк — к рубежу III—II — первой половине II в. до н. э. [28, с. 63].

По строению ножки хоперская фибула близка к фибулам зарубинецкого типа и балканским копьевидным фибулам. По мнению К. В. Каспаровой, наиболее ранние экземпляры фибул зарубинецкого типа появляются не позднее середины II в. до н. э. [29, с. 75]. Исследователем копьевидных фибул З. Маричем фибулы с узкими слаборазвитыми треугольными щитками отнесены ко времени 110—35 г. до н. э. [30, с. 24].

Керамика Хоперского могильника *Таблица 2*

№ п.п.	Номер кургана и погребения	Форма и сохранность сосуда	Высота (см)	Диаметр края (см)	Наибольший диаметр (см)	Диаметр дна (см)	Обработка поверхности	Характеристика массы черепка	Орнаментация	Примечание
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	1/3	Гончарный сосуд с шаровидным туловом на кольцевидном поддоне. Верхняя часть отсутствует	16	13	17,6	9	Серая, хорошего лощения	В изломе светло-коричневый, без видимых примесей	—	Рис. 8,*11*
2	1/3	Гончарная миска на кольцевидном поддоне	6,8	19,2	20	7,8	Красная, хорошего лощения	В изломе красный, без видимых примесей	—	Рис. 8,*1*
3	1/3	Гончарная миска. Сохранилась боковая часть	11,8	37	—	9	Серая, хорошего лощения	В изломе серый с включением частиц извести	По верхнему краю проходит желобок	Рис. 8,*2*
4	4/2	Лепная кружка-кувшин с ручкой	13,5	8,8	14,2	7	Серая, шероховатая	В изломе темно-серый с включением песка и мелкотолченой ракушки	—	Рис. 7,*1*
5	4/4	Лепной кувшин со следом отломанной в древности ручкой	18,4	9	17,2	10,6	Серая, со следами черного лощения	В изломе серый с включением шамота и мелкотолченой ракушки	По горлу проходят три бороздки	Рис. 7,*2*
6	5/6	Лепной кувшин с зооморфной ручкой	19,4	9,7	16,6	12	Светло-желтая с темными пятнами	В изломе темный с включением частиц извести и шамота	—	Рис. 7,*3*
7	7/2	Гончарный кувшин с двумя горизонтальными ручками на кольцевидном поддоне	30	12,8	22,4	10,8	Серая, шероховатая	В изломе светло-коричневый с включением частиц мела	По плечикам проходят две бороздки	Рис. 7,*5*

8	7/2	Лепной реповидный сосудик	10,5	7,5	13	6	Светло-коричневая со следами серого лощения	В изломе светло-коричневый с включением частиц мела	По плечикам прочерчены горизонтальные линии, от которых опускаются косые линии. По тулову проходят два ряда зигзагообразных линий	Рис. 8, *7*
9	7/3	Гончарный кувшин с яйцевидным туловом	20,5	9,7	18,5	9,2	Черная, хорошего лощения	В изломе серо-коричневый с включением частиц мелкотолченой ракушки и мела	По плечикам прочерчены горизонтальные линии, от которых опускаются вертикальные	Рис. 7.*4*
10	7/3	Лепная миска	13,2	28	—	11,8	Серая, шероховатая	В изломе серый с включением песка и мела	—	Рис. 8,*3*
11	8/2	Нижняя часть гончарного сосуда на кольцезидном поддоне	—	—	13	8	Серая, хорошего лощения	В изломе серый, без видимых примесей	—	Рис. 8,*12*
12	10/4	Лепной горшок с шаровидным туловом	17,5	15,4	21,5	9,5	То же	В изломе серый с включением частиц мелкотолченой ракушки и песка	—	Рис. 8,*8*
13	10/8	Гончарный кувшин с яйцевидным туловом, носиком-сливом и петлевидной ручкой	31	14,6	25	12,5	Черная, хорошего лощения	В изломе светло-коричневый с включением частиц мелкотолченой ракушки, мела и охры	По горлу прочерчены две горизонтальные прямые линии. По плечикам идут горизонтальные прямые и зигзагообразные линии, от которых опускаются вертикальные линии	Рис. 7,*6*
14	11/1	Гончарный кувшин с ручкой	32,6	10,6	22,2	11,6	Красная	В изломе красный, без видимых примесей	—	Рис. 7,*7*

Таблица 2 (продолжение)

№ п.п.	Номер кургана и погребения	Форма и сохранность сосуда	Высота (см)	Диаметр края (см)	Наибольший диаметр (см)	Диаметр дна (см)	Обработка	Характеристика массы черепка	Орнаментация	Примечание
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	10
15	11/1	Гончарный сосудик на кольцевидном поддоне	10,8	4,8	8,6	5	Черная, лощеная	В изломе серый, без видимых примесей	По тулову проходят кружочки, нанесенные костяной палочкой	Рис. 7,*8*
16	11/2	Гончарная миска на кольцевидном поддоне со следами древней реставрации	13	34	33	11,2	Серая, хорошего лощения	В изломе серо-коричневый, без видимых примесей	—	Рис. 8,*4*
17	11/2	Лепной горшок с яйцевидным туловом	19,8	10	19	10,6	Серая с пятнами копоти	В изломе коричневый с включением песка и мела	—	Рис. 8,*9*
18	11/6	Гончарный эйнохоевидный кувшин с ручкой, на кольцевидном поддоне	15,5	7,5	13	6,4	Серая, хорошего лощения	В изломе серый, без видимых примесей	По плечикам проходят три горизонтальные бороздки	Рис. 7,*9*
19	11/8	Гончарная миска на кольцевидном поддоне	10,5	34	—	10	Светло-коричневая, хорошего лощения	В изломе светло-коричневый, без примесей	—	Рис. 8,*5*

20	11/8	Лепной кувшин с ручкой в виде птичьих лапок, со следами древней реставрации	26,5	12	27	12	Серая, со следами темного лощения	В изломе светло-коричневый, без видимых примесей	На тулово нанесены разные горизонтальные прямые линии и заключенные между ними треугольники	Рис. 7,*11*
21	11/9	Лепной кувшин с носиком-сливом и поврежденной в древности петлевидной ручкой	17	6,7	12	10	Серая, шероховатая	В изломе светло-коричневый с примесью мела	—	Рис. 7,*10*
22	11/9	Гончарная миска	11	27,5	28,4	11	Красная	В изломе красный, без видимых примесей	—	Рис. 8,*6*
23	12/3	Гончарный кувшин вытянутой формы, на кольцевидном поддоне, с поврежденной в древности ручкой	29	11	18,2	10,4	»	То же	—	Рис. 7,*12*
24	12/3	Гончарная кружка-кувшин с горизонтальной ручкой	14,5	7,4	13,8	6,8	»	»	По горлу проходят две бороздки	Рис. 7,*3*
25	12/5	Гончарный кувшин с шаровидным туловом и вогнутым дном	17	7	14	5,6	Черная, хорошего лощения	В изломе черный с включением частиц мелкотолченой ракушки и песка	По тулову проходят едва заметные продольные бороздки	Рис. 7,*14*
26	12/5	Лепной горшок с выпуклыми боками	8,5	7	10	7	Серая, со следами нагара	В изломе серый, с включением шамота и песка	—	Рис. 8,*10*
27	12/5	Лепной кувшин с грушевидным туловом и ручкой. Большая часть венчика отсутствует	15,6	6,7	12,7	7	Серая, со следами темного лощения	В изломе темный, с включением шамота и извести	По плечикам проходят три горизонтальные прямые линии, от которых опускаются вертикальные линии	Рис. 7,*15*

Номер кургана и погребения	Стеклянные										
	прозрачные с внутренней позолотой					желтые				синие	
	биконические	ребристые	бочковидные	овально-уплощенные	цилиндрические	каплевидные подвески	треугольные подвески	бочковидные	ромбовидные	в виде стилизованной амфоры	глазчатые
1/3	3 шт., рис. 6, *2*	4 шт., рис. 6, *3*	9 шт., рис. 6, *4*	—	—	—	—	—	—	—	—
4/4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1 шт., рис. 6, *9*
5/6	—	—	—	—	2 шт., рис. 6, *13*	1 шт., рис. 6, *10*	2 шт., рис. 6, *12*	—	—	—	—
7/2	—	—	—	—	1 шт., рис. 6, *17*	—	—	15 шт., рис. 6, *16*	—	—	—
7/3	—	—	41 шт., рис. 6, *25, 34*	1 шт., рис. 6, *24*	—	—	—	—	—	—	—
11/1	—	—	—	—	—	—	—	—	1 шт., рис. 6, *19*	1 шт., рис. 6, *20*	—

Сосуществование фибул указанных типов на одной территории, вероятно, привело к созданию таких, у которых сочетаются треугольное расширение ножки и расчлененность восьмеркообразными петлями.

Хоперская фибула представляет собой редкий тип для территории нашей страны. Ближайшие аналогии ей происходят из Йелшовиц (Словакия) [25, с. 99, рис. 30, 7] и Нови Бановци (Сербия) [31, с. 89, табл. XXVI, *1, 1а, 2*].

Исходя из вышеизложенного, мы считаем возможным датировать рассматриваемую фибулу, равно как и катакомбное захоронение, из которого она происходит, временем в пределах второй половины II — первой половины I в. до н. э.

Лепная и гончарная керамика из рассматриваемых погребений включает четыре разновидности сосудов: кувшины (рис. 7, *1—7, 9—15*), горшки (рис. 8, *7—10*), миски (рис. 8, *1—6*), туалетный сосудик (рис. 7, *8*). Подобные сосуды широко представлены в памятниках Прикубанья III—I вв. до н. э. [20, 32]. Исключение составляет кувшин из погр. 6 кург. 5, имеющий ручку с небольшим треугольным выступом в верхней части, что, как правило, воспринимается за стилизованное изображение животного [33, с. 198; 34, с. 70]. Лепная керамика, имеющая небольшие выступы на ручках, появляется в Поволжье в III—II вв. до н. э. [34, с. 70]. В последнее время подобная более ранняя керамика стала известна за пределами Поволжья. В степном Ставрополье она встречена в памятниках IV—II вв. до н. э., имеющих несомненную связь с сарматской культурой [35, с. 230—243]. В Прикубанье аналогичная керамика найдена в сарматских комплексах I в. до н. э. [36, с. 78]. В меотских памятниках керамика с собственно зооморфными ручками появляется с рубежа нашей эры [34, с. 83]. Она сильно отличается от рассмотренной выше керамики и характеризуется высокой степенью реализма в изображении животных. На наш взгляд, небольшой выступ в верхней части ручек сарматской керамики вряд ли имеет отношение к изображению животных и скорее отвечает функциональным требованиям к ним, в то время как для меотской керамики реалистичный зооморфизм ручек является декоративным элементом. Подробные сведения о керамике даны в табл. 2.

Таблица 3

могильника

стеклянные			Сердоликовые			Пастовые				Гагатовые	
синие											
бисер	полихромные с комбинированным орнаментом	фиолетовые биконические	бочковидные	округлые	овально-уплощенные	бочковидные	уплощенные	голубые пузырчатые	голубые реберчатые	дисковидные	бочковидные
	—	—	12 шт., рис. 6,*1*	1 шт., рис. 6,*7*	—	4 шт., рис. *6,5*	—	—	—	112 шт., рис. 6,*6*	—
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2 шт., рис. 6,*15*	—	—	5 шт., рис. 6,*11*	—	—	—	1 шт., рис. 6,*14*	—	—	—	—
62 шт., рис. 6,*18*	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	1 шт., рис. 6,*23*	1 шт., рис. 6,*32*	—	—	3 шт., рис. 6, *30,31,38*	—	—	7 шт., рис. 6,*26*	4 шт., рис. 6,*27*	2 шт., рис. 6,*29*	1 шт., рис. 6,*28*
—	—	—	—	—	—	—	10 шт., рис. 6 *21,22*	—	—	—	—

Наборы бус из стекла, сердолика, гагата и пасты содержали традиционные для сарматских погребений формы (рис. 6, *6—39*). Хронологический диапазон их бытования широк. Но уже с III в. до н. э. почти все эти типы представлены в погребальных комплексах не только Причерноморья [37, табл. 5, 16, 18; 38, табл. 20, 26, 31, 33, 34; 39, табл. 38], но и Поволжья — Приуралья [2, табл. 30, 31]. Данные по бусам приведены в табл. 3.

В захоронениях встречены также костяные предметы с нанесенным на них орнаментом (рис. 8, *8, 9*), бронзовые бляшки (рис. 6, *4*), железные ножи с горбатой спинкой (рис. 9, *1—7*), глиняные биконические пряслица (рис. 9, *10*) и другие мелкие бытовые предметы.

Исходя из анализа погребальных сооружений, обряда и инвентаря, нам представляется возможным отнести рассматриваемые памятники к кругу сарматских и датировать в пределах III—I вв. до н. э. Погребение 6 из кург. 5, где был встречен кувшин с выступом на ручке, аналогии которому, как правило, датируются не ранее рубежа нашей эры [33, с. 198], по своему ритуалу не отличается от остальной массы погребений, что позволяет нам датировать его I в. до н. э. Для катакомбных захоронений также возможна более узкая дата — второй половины II — I в. до н. э. В связи с этим следует заметить, что обнаруженные за последнее время катакомбные захоронения ранее рубежа нашей эры [5] заставляют взять под сомнение попытку ряда исследователей связывать появление катакомб исключительно с аланами [40—42], утверждение которых на сарматской территории можно отнести лишь к началу второй половины I в. н. э. [43, с. 51].

Материал сарматского времени из ст. Хоперской, как и другие последние материалы из Среднего Прикубанья, позволяют в наиболее полном объеме рассмотреть вопрос о характере взаимодействия кочевого и оседлого населения, выявить особенности и черты происшедшей аккультурации, приведшей к сложению на территории Прикубанья самобытной культуры, где органически переплелись различные элементы сарматской и меотской культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник//МИА. 1959. № 60.
2. *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры. М.: Наука, 1963.
3. *Смирнов К. Ф.* Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975.
4. *Смирнов К. Ф.* Сарматские катакомбы Южного Приуралья — Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа//СА. 1972. № 1.
5. *Кореняко В. А.* Погребение сарматского времени в кургане у с. Новоселицкое в Ставропольском крае//КСИА. 1980. Вып. 162.
6. *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М.: Наука, 1964.
7. *Смирнов К. Ф.* Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа// КСИИМК. 1950. Вып. 32.
8. *Кадеев В. И.* Об этнической принадлежности скорченных погребений Херсонесского некрополя//ВДИ. 1973. № 4.
9. *Кияшко В. Я.* Вопросы методики исследования курганных погребений эпохи энеолита и бронзового века в Степном Причерноморье//Очерки древней этнической и экологической истории Нижнего Дона. Ростов-н/Д., 1980.
10. *Городцов В. А.* Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 года//СА. 1936. № 1.
11. *Виноградов В. Б.* Об интерпретации сарматских погребальных памяткниов Предкавказья III в. до н. э.— I в. н. э.//СА. 1968. № 1.
12. *Смирнов К. Ф.* Меотский могильник у ст. Пашковской//МИА. 1958. № 64.
13. *Смирнов К. Ф.* О мечах синдо-меотского типа//КСИА. 1980. Вып. 162.
14. *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963.
15. *Дашевская О. Д., Голенцов А. С.* Кульчукский курган-кенотаф//КСИА. 1982. Вып. 170.
16. *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов//МИА. 1961. № 101.
17. *Мошкова М. Г.* О раннесарматских втульчатых стрелах//КСИА. 1962. Вып. 89.
18. *Абрамова М. П.* Нижнеджулатский могильник. Нальчик: Эльбрус, 1972.
19. *Абрамова М. П.* К вопросу о раннеаланских катакомбных погребениях Центрального Предкавказья//Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978.
20. *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской//МИА. 1951. № 23.
21. *Хазанов А. М.* Генезис сарматских бронзовых зеркал//СА. 1963. № 4.
22. *Амброз А. К.* Фибулы юга европейской части СССР. М.: Наука, 1966.
23. *Скрипкин А. С.* К датировке некоторых типов сарматского оружия//СА. 1980. № 1.
24. *Абрамова М. П.* О хронологии ранней группы погребений Нижне-Джулатского могильника//КСИА. 1983. Вып. 176.
25. *Filip J.* Keltové ve Střední Evropě. Praha, 1956.
26. *Zirra V.* Un cimitir celtic in Nord-Vestul Românie Maramures: Museul regional, 1967.
27. *Тодоровић Ђ.* Каталог праисторијских металних предмета. Београд, 1971.
28. *Wozniak Z.* Osadnictwo celtyckie w Polsce. Wroclaw; Warszawa; Krakov, 1970.
29. *Каспарова К. В.* О фибулах зарубинецкого типа//АСГЭ. 1977. Вып. 18.
30. *Marić Z.* Japodske nekropole u dolini Une//Glasnik Zemaejskog museja u Sarajevu. Nova Serija. Sarajevo, 1968.
31. *Majnarić-Pandžić N.* Keltsko-latenska kultura u Slavoniji i Sijemu//Acta Musei Cibalensis. Vinkovci, 1970.
32. *Ловпаче Н. Г.* Эволюция форм и художественных средств в меотской керамике// Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1981.
33. *Косяненко В. М.* Сарматские кувшины с зооморфными ручками с Кобякова городища и некрополя//Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л.: Наука, 1968.
34. *Абрамова М. П.* О керамике с зооморфными ручками//СА. 1969. № 2.
35. *Кореняко В. А., Найденко А. В.* Погребения раннего железного века в курганах на р. Томузловке (Ставропольский край)//СА. 1977. № 3.
36. *Козенкова В. И.* Комплексы сарматского времени из станицы Ново—Титаровская (Краснодарский край)//Северный Кавказ в древности и в средние века. М.: Наука, 1980.
37. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья//САИ. 1975. Вып. Г1-12.
38. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья//САИ. 1978. Вып. Г1-12.
39. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья//САИ. 1982. Вып. Г1-12.
40. *Нечаева Л. Г* Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе//Исследования по археологии СССР. Л.: Наука, 1961.
41. *Березин Я. Б., Савенко С. Н.* К вопросу о происхождении катакомб сарматского времени на Северном Кавказе//Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977.
42. *Ждановский А. М.* Появление алан в Прикубанье//Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-н/Дону, 1983.
43. *Скрипкин А. С.* Азиатская Сарматия во II—IV вв//СА. 1982. № 2.

V. N. Ignatov, A. S. Skripkin

COMPLEXES OF SARMATIAN TIMES IN THE KUBAN BASIN

Summary

In 1983, an archaeological expedition of the University of Volgograd investigated 13 mounds at the village of Khoperskaya (Tikhoretsk District, Krasnodar Area) in the zone of the Krasnodar irrigation system.

Twenty-three burials belonged to the Early Iron Age. They yielded a sword of the Sindo-Meotian type, three-bladed socketed iron arrowheads, iron quiver hooks, iron knives with hooked upper parts, der- and grey-clay vessels, bronze mirrors, a bronze fibula of the middle La Tène type, coloured glass beads, beads made of cornelian, jet, Egyptian faïence, small objects of everyday use and animal bones. All these objects came from the pit and catacomb burials arranged along the length-wide axis of the entrance pit.

The burial rite and the grave goods relate the sites to the Sarmatian type and date them within the 3rd-1st centuries B. C. Burial 8 of mound 10 and burial 8 of mound 11 can be dated to a narrower period between the latter half of the 2nd century B. C. and the 1st century B. C., while burial 6 of mound 5 to the 1st century B. C.

These and similar materials provide a more detailed information on the nature of relations between the newcomers to the Kuban basin and its indigenous population.

С. Ю. ВНУКОВ

ШИРОКОГОРЛЫЕ СВЕТЛОГЛИНЯНЫЕ АМФОРЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

Настоящая работа посвящена исследованию малоизученного разряда раннеримской амфорной тары — широкогорлых светлоглиняных амфор I в. до н. э.— I в. н. э. из Северо-Западного Крыма. В ней использованы материалы пяти памятников: городищ Кара-Тобе (раскопки П. Н. Шульца 1934 г. и автора 1983, 1984 гг.), Чайка (раскопки А. Н. Карасева и И. В. Яценко 1959—1984 гг.), Южно-Донузлавского и Беляус (раскопки О. Д. Дашевской 1963—1984 гг.) и Калос Лимена (раскопки М. А. Наливкиной 1948 г.) [1] Все находки хранятся в Евпаторийском и Сакском краеведческих музеях.

В общих чертах типология светлоглиняных амфор была намечена в работах И. Б. Зеест, И. С. Каменецкого, Д. В. Деопика и А. М. Карапетьянца и др. [1—4]. В статье Д. В. Деопика и А. М. Карапетьянца выделено четыре разряда светлоглиняных амфор, но только узкогорлые амфоры I—V вв. н. э. рассмотрены достаточно подробно [3, с. 103—106, рис. 1]. Другие исследователи также основное внимание уделяли этому наиболее представительному разряду светлоглиняной тары [4, 5].

Находки из Северо-Западного Крыма позволяют несколько уточнить и дополнить классификационную схему Деопика — Карапетьянца [3, с. 105, рис. 1]. В предлагаемой схеме (рис. 1) выделяются два класса светлоглиняных амфор [2]. При этом учитываются размер и пропорции сосудов, форма ножек, ручек и т. п., но за классами сохраняется традиционное наименование по диаметру горла амфор.

Класс широкогорлых светлоглиняных амфор. *Светлоглиняные амфоры с двуствольными ручками* (С I) — тип, самый распространенный среди ранних светлоглиняных амфор. Его можно разделить на два хронологических варианта (рис. 1).

Вариант С Ia представлен двумя целыми сосудами с городища Чайка и многочисленными фрагментами (в том числе и почти целыми амфорами) со всех других изученных памятников. Это крупные сосуды высотой 0,95—1,1 м (рис. 2, *1*). Наибольший диаметр их 29—35 см, отношение диаметра к высоте примерно 1 : 3. Тулово в средней его части бочонкообразное, нижняя часть почти коническая (рис. 2, *1*). Венчик — простой валик, отделенный от стенок горла более или менее четким врезом (рис. 1, *1*). Форма валика не вполне устойчивая. Как показала статистическая обработка венчиков светлоглиняных амфор I в. до н. э.— начала I в. н. э. с городища Чайка, варианты форм валика носят случайный характер [6, с. 54]. Материал других памятников этот вывод не опровергает. Чаще других встречается валик с выпуклым внешним контуром, округлым верхом, наивысшая точка которого находится примерно на середине ширины валика, и наклонным внутренним контуром (рис. 1, *1*). Диаметр венчика варьирует в пределах 10,5—14,0 см, высота валика 1,2—2,9, ширина 1,1—1,7 см. Горло амфор варианта С Ia имеет бочонковидную форму (рис. 2, *1*). При этом его максимальный диаметр обычно на 0,2—1,0 см превышает диаметр венчика. Место наибольшей припухлости горла — примерно в середине его высоты. От пле-

[1] Автор выражает искреннюю благодарность И. В. Яценко и О. Д. Дашевской за предоставленный материал.

[2] Автор вслед за Д. Б. Шеловым [5] склонен считать выделяемые Д. В. Деопиком и А. М. Карапетьянцем варианты узкогорлых амфор типами.

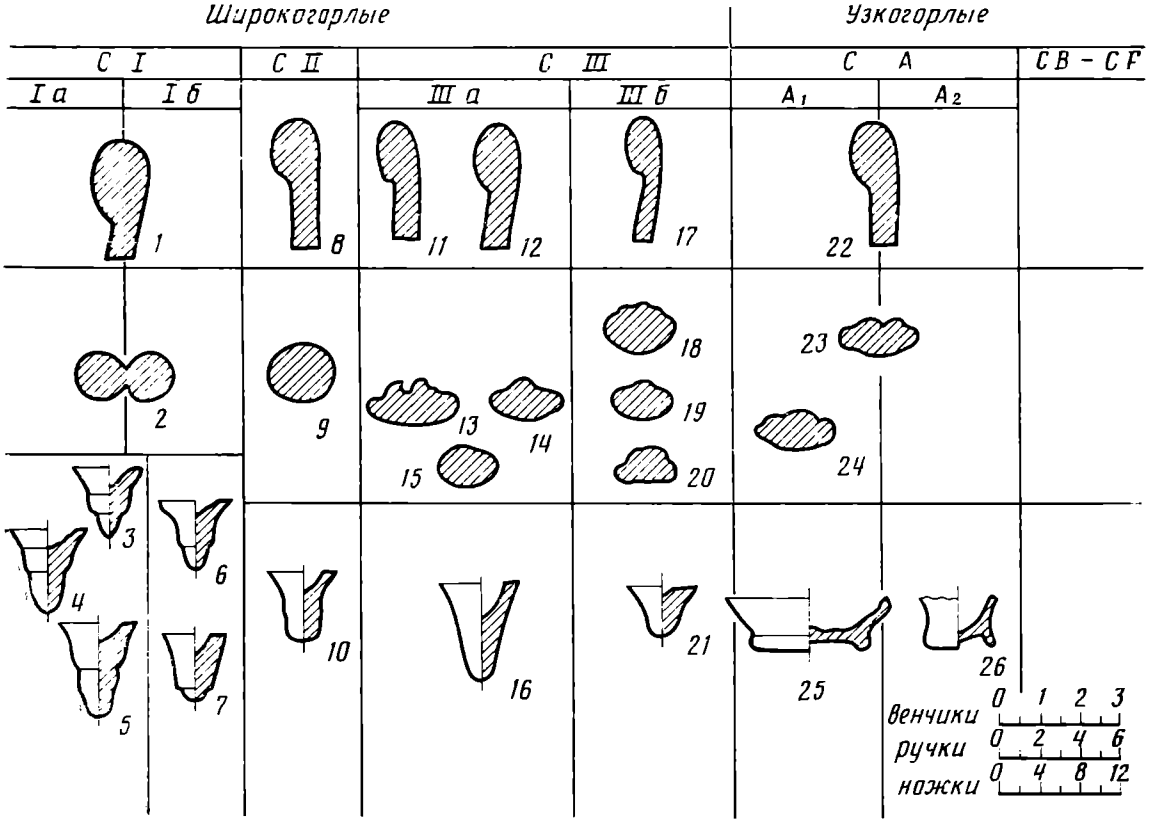


Рис. 1. Светлоглиняные амфоры Северо-Западного Крыма. Типологическая схема. *3, 4, 6, 8—12, 14, 16, 19, 21, 23* — Чайка; *1, 2, 5, 15, 20* — Беляус; *7, 26* — Южно-Донузлавское; *13, 17, 18, 22, 24, 25* — Кара-Тобе

чиков горло отделено четким врезом, так что стенки его в месте среза имеют больший диаметр, чем стенки плечиков, и как бы нависают над ними (рис. 2, *1*; у косских и псевдокосских амфор обычно наоборот). Высота горла колеблется в пределах 15—20 см. Плечики также имеют четкую профилировку. От тулова они отделены резким перегибом. Контур плечиков прямой или слегка вогнутый. Высота их колеблется от 6 до 12 см (рис. 2, *1*).

Ручки описываемых амфор двуствольные. В сечении они представляют собой два немного сдавленных с боков соприкасающихся круга (реже овала — рис. 1, *2*). Верхним корнем они крепятся непосредственно под венчиком, нижним — в нижней части плечиков. Перегиб ручек резкий, под острым углом, но без перелома (рис. 2, *1*). Обычно внутренний контур ручек в месте перегиба переходит из вертикального в почти горизонтальный по дуге, диаметр которой сопоставим с диаметром пальца руки. Наивысшая точка ручки достигает высоты валика венчика. Высота описываемых ручек 20—30, ширина 4,2—6,2, толщина 2,0—3,1 см.

Ножки амфор варианта С Iа принадлежат к нескольким типам. Для их описания в целом применима классификационная схема ножек светлоглиняных амфор Чайкинского городища [6, с. 56—59]. Амфорам описываемого варианта свойственны в основном желудевидные ножки с пояском (тип I, рис. 1, *3*), а также оба варианта больших ножек: с перегибом над желудем (вариант IIб, рис. 1, *4*) и без перегибов (вариант IIIа, рис. 1, *5*). Ножки других вариантов попадаются редко. Возможно, что единично встречаются и крупные тупоконусные ножки (вариант Vб).

Судя по стратиграфическим данным и материалам открытых комплексов, амфоры варианта С Iа являются самыми ранними из светлоглиняных амфор и суммарно датируются второй четвертью I в. до н. э.— началом I в. н. э.[3]

[3] Вопросам хронологии светлоглиняных широкогорлых амфор будет посвящена отдельная работа.

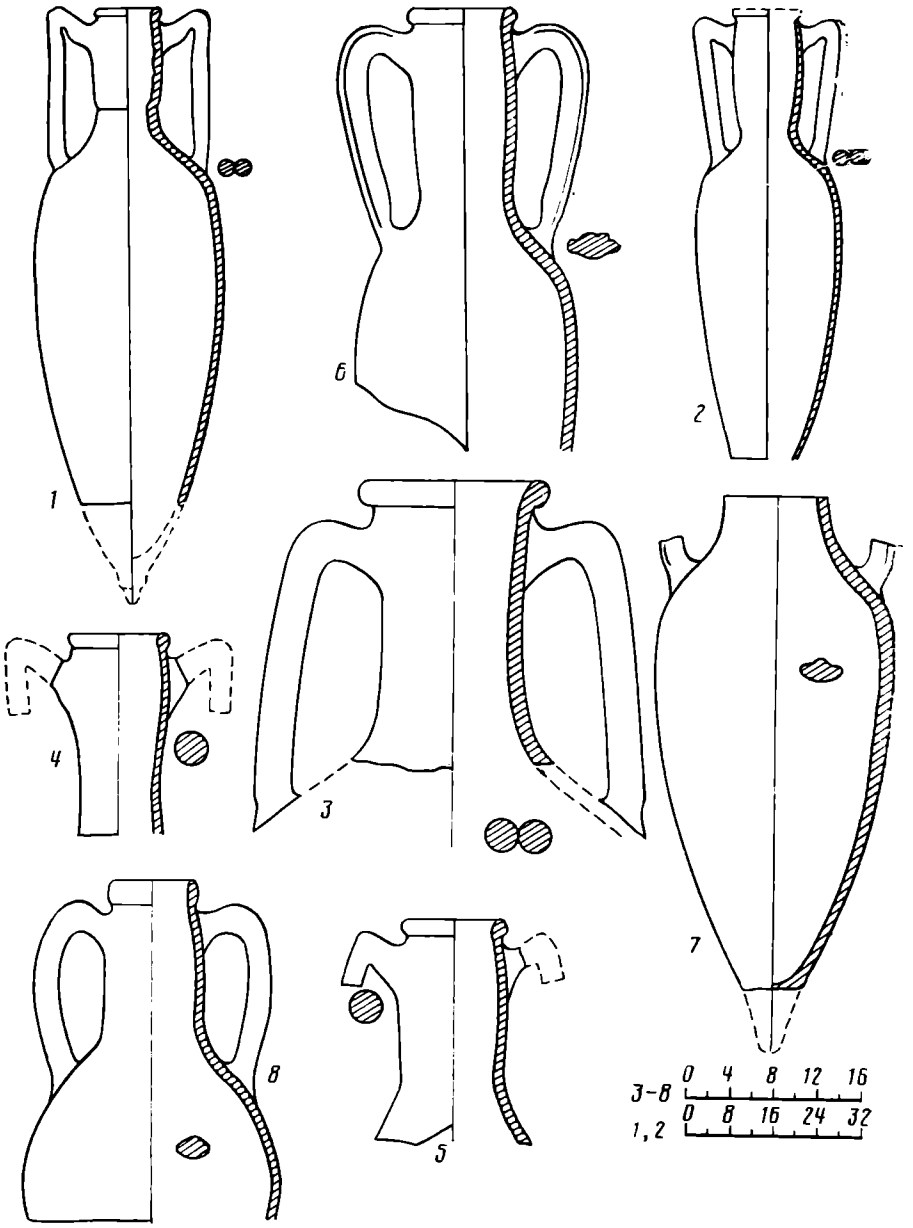


Рис. 2. Светлоглиняные амфоры: *1* — вариант С Ia; *2* — вариант С Iб; *3* — нестандартный экземпляр; *4, 5* — тип С II; *6, 7* — вариант С IIIа; *8* — вариант С IIIб (*1, 4—8* — Чайка; *2* — Южно-Донузлавское; *3* — Калос Лимен)

Вариант С Iб представлен двумя почти целыми амфорами и многочисленными фрагментами различной сохранности (в том числе туловами и горлами с плечиками) с городищ Южно-Донузлавского и Беляус, а также Кара-Тобе, Калос Лимена и единичными — с Чайки. Амфоры варианта С Iб являются дальнейшим развитием форм сосудов варианта С Ia. Это развитие происходило скорее всего постепенно, без резких скачков. Поэтому оба варианта объединены целой серией переходных форм. Само их разделение из-за этого несколько условно.

Рассматриваемые амфоры имеют высоту 80—100 см, максимальный диаметр 19—29 см, отношение диаметра к высоте примерно 1 : 4. Тулово их сигарообразной (реже почти конической) формы. В целом амфоры варианта С Iб меньше и стройнее сосудов варианта С Ia (рис. 2, *2*).

Венчики описываемых амфор морфологически не отличаются от венчиков сосудов предшествующего варианта (рис. 1, *1*), что проверялось статистически. Для сопоставления их параметров использовались два комплекса венчиков амфор с двуствольными ручками: с городища Чай-

ка (I в. до н. э.— начало I в. н. э.; вариант С Iа)[4] и из заполнения рва и землянки 1983 г. на городище Беляус (I в. н. э., вариант С Iб — 38 фрагментов). Сравнение средней величины диаметра венчиков и проверка его критерием Стьюдента показывает, что у поздних амфор диаметр венчика значимо меньше (разброс значений 10,0—13,0 см, среднее — 11,15 см, среднее квадратическое отклонение $\sigma=0{,}69$, критерий Стьюдента $t=4{,}5$). Наоборот, высота валика у поздних сосудов значимо больше (разброс значений 1,3—2,5 см, среднее — 1,8 см, $\sigma=0{,}25$, $t=2{,}13$). Ширина венчика не меняется. Таким образом, венчики амфор варианта С Iб относительно более массивны.

Горло амфор варианта С Iб припухлое. Но максимальный диаметр его обычно не превышает диаметра венчика (рис. 2, *2*). Место наибольшего диаметра может быть как в середине высоты горла, так и в верхней трети. Врез в основании горла нечеткий. Часто это просто процарапанная полосочка. Встречены экземпляры с широкой полосой, прочерченной пальцем, или же с невысоким узким валиком вместо среза. Есть отдельные фрагменты без разделения горла и плечиков. Нависание стенок горла над плечиками встречается редко. Высота горла колеблется в пределах 17—21 см[5].

Плечики описываемых амфор не имеют такой четкой профилировки, как у амфор варианта С Iа. Переход к тулову отмечен слабо или же никак не отмечен, и отделить плечики от тулова можно лишь условно. Контур их чаще почти прямой (рис. 2, *2*). Высота плечиков 7,5—11 см.

Ручки амфор варианта С Iб имеют то же сечение, что и более ранние, и также крепятся под венчиком и в нижней части плечиков. Высота их 24—30 см, ширина, в соответствии с меньшими размерами амфор, значимо меньше, чем у более ранних амфор Чайкинского городища (для сравнения обмерено 100 ручек с городищ Беляус и Южно-Донузлавского; разброс значений 4,0—5,5 см, среднее — 4,85 см, $\sigma=0{,}28$, $t=5{,}25$). Перегиб ручек более резкий, часто с переломом. На внешней поверхности резкость перегиба порой подчеркивается тем, что стволы в этом месте уплощаются и тем самым выделяется острый угол. Только у ручек варианта С Iб встречаются дополнительные детали оформления. Так, у заметного числа ручек имеются дополнительные налепы. Они бывают двух разновидностей. Налепы в виде полосочки шириной 5—7 мм делались на внутренней стороне поперек стволов в месте их перелома (рис. 3, *1*). Они как бы прикрывают образующийся тут резкий перегиб. Видимо, эти налепы имеют функциональное назначение и должны укреплять ручки в месте перелома. Реже в этом же месте ручки намеренно заглаживались так, что изнутри становились почти овальными,— это также укрепляло место перелома.

Налепы другого вида делались на наружной поверхности ручек между стволами в месте перехода в верхний корень (рис. 3, *2*). Они имеют округлую или неправильную форму, диаметр 1—1,5 см. Функционального назначения они, видимо, не несут.

Кроме налепов на двуствольных ручках амфор варианта С Iб встречаются пальцевые вдавления. Они располагаются на верхнем корне сбоку или (реже) сверху от ручки. Судя по размерам, отпечатки делались указательным пальцем.

Налепы и вдавления встречаются как одиночные, так и в самых различных сочетаниях. Но у одной амфоры обе ручки оформляются одинаково. Кроме того, не менее половины ручек этого варианта не имеют дополнительных деталей.

Ножки амфор описываемого варианта принадлежат к нескольким типам. Преобладают желудевидные малые ножки вариантов IIа и IIб (рис. 1, *6, 7*). Ножки типа I встречаются очень редко, при этом поясок

---

[4] Здесь и далее исходные данные Чайкинского комплекса см. [6, с. 55, табл. 4, с. 45, табл. 1].

[5] Недостаточное количество целых сосудов или крупных фрагментов не позволяет провести статистическое сравнение всех параметров амфор вариантов С Iа и С Iб.

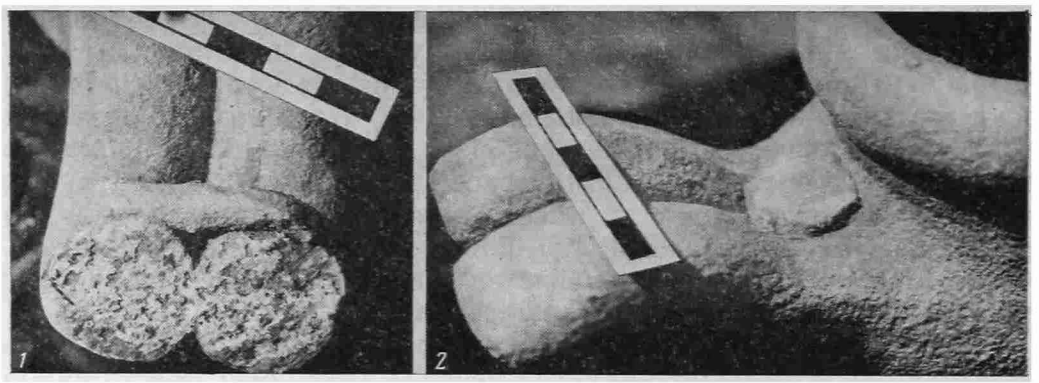


Рис. 3. Налепы на ручках амфор варианта С Iб: *1* — на месте перелома стволов; *2* — на верхнем корне

у них чуть намечен, пережиточен. В нашем материале не встречены крупные ножки вариантов IIб и IIIа.

Амфоры описываемого варианта можно датировать I в. н. э. и, возможно, началом II в. н. э. Они встречаются вместе с узкогорлыми амфорами ранних типов и даже несколько предшествуют им.

Необходимо отметить, что при описании обоих вариантов амфор типа С I отмечались не все возможные, а только наиболее часто встречающиеся сочетания признаков, а также главные направления развития форм.

Описывая амфоры типа С I, надо также отметить находку на Калос Лимене горла необычной формы от сосуда с двуствольными ручками из глины, визуально определенной как светлая (рис. 2, *3*). Оно настолько своеобразно, что не может рассматриваться как случайное отклонение от описанного выше типа.

Высота сохранившегося фрагмента 33,5 см. Горло не расширяется, а сужается в середине (минимальный диаметр 12,5 см) и расширяется к венчику (рис. 2, *3*). Венчик значительно отогнут наружу и оформлен в виде массивного валика с глубокой подрезкой снизу (рис. 2, *3*). Диаметр венчика 17,5, высота валика 2,2, ширина — 1,9 см. Эти размеры превышают предельные значения параметров венчиков амфор типа С I.

Сохранившаяся ручка двуствольная, обычного сечения, но очень крупная (размер сечения 6,1×3,1 см, высота около 29,5 см). Перегиб у нее плавный, почти под прямым углом. Верхняя точка ручки не достигает уровня валика венчика (рис. 2, *3*). Ручка крепится несколько ниже венчика и, видимо, в нижней части плечиков.

Восстанавливаемый контур плечиков чуть выпуклый. От горла они специально никак не отделяются. Тулово не сохранилось, но оно должно быть довольно широким и округлым. Диаметр его (судя по размаху ручек) более 35 см.

Описанный фрагмент найден в северо-восточном углу раскопа В, на границе слоев 1 и 2, которые датируются М. А. Наливкиной соответственно эллинистическим временем и II—III вв. н. э. [7]. Таким образом, этот фрагмент можно датировать, видимо, I в. до н. э.— I в. н. э.

Светлоглиняные амфоры с одноствольными ручками. Тип представлен, видимо, одним вариантом (С II). Целые сосуды этого типа неизвестны. Самый крупный фрагмент — горло с ручкой с Чайкинского городища (рис. 2, *4*). Немногочисленные более мелкие фрагменты встречаются на всех исследуемых памятниках. Полностью восстановить форму амфор этого типа невозможно. Можно только отметить, что это сосуды высотой менее 1 м (скорее 70—90 см) и диаметром 20—25 см.

Венчик амфор типа С II валикообразный. Количество венчиков, бесспорно относящихся к этим сосудам (12), недостаточно для статистической обработки. Визуальное исследование показывает, что они, видимо, очень похожи на венчики амфор типа С I, но внутренний контур их не наклонный, а вертикальный (рис. 1, *8*). Размеры венчиков: диаметр

9,0—11,0, высота валика 1,1—1,9, ширина валика 0,7—1,3 см. Эти параметры значимо меньше параметров венчиков амфор типа С I.

Горла описываемых сосудов заметно отличаются от горл амфор типа С I. Среди них преобладают прямые, а также слабоприпухлые (диаметр горла не превышает диаметра венчика) горла с расширением в верхней трети высоты (рис. 2, *4*). Врез в основании не отмечен. Высота их 15—20 см.

Ручки амфор исследуемого типа почти круглые в сечении, несколько напоминают родосские, но меньших размеров (диаметр 2,3—3,5 см, среднее — 2,85 см) (рис. 1, *9*). Высота их около 20 см. Перегиб резкий, как у амфор варианта С Iб или позднеродосских. Наивысшая точка ручки достигает уровня валика венчика. Ручка крепится непосредственно под венчиком (рис. 2, *4, 5*) и, видимо, в нижней части плечиков. В целом верхняя часть амфор типа С II несколько напоминает позднеродосские амфоры.

О плечиках описываемых сосудов никаких сведений нет, так же как и о всей нижней части. Можно только предположить, исходя из некоторых черт их сходства с позднеродосскими амфорами, что им могут принадлежать ножки типа IV (рис. 1, *10*), также немного напоминающие родосские. Они встречены в небольшом количестве на Чайке.

Фрагменты амфор с одноствольными ручками появляются в слоях второй четверти I в. до н. э. вместе с амфорами типа С I и исчезают, видимо, к середине I в. н. э.

Остродонные амфоры с профилированными ручками (С III). Тип представлен двумя вариантами. Вариант С IIIа распространен относительно широко. Он представлен двумя верхними половинами и несколькими туловами амфор с городища Чайка, а также более мелкими фрагментами со всех исследуемых городищ. Представление о полной форме сосудов этого варианта дает амфора из Ольвии [8, с. 95, рис. 7]. Это некрупные сосуды с вытянутым туловом и конической ножкой (рис. 2, *6, 7*). Высота их 60—80 см, максимальный диаметр 19—24 см.

Венчики амфор варианта С IIIа практически неотличимы от венчиков амфор с одноствольными ручками. Это также простой валик неустоявшейся формы. Чаще других встречается валик с подрезкой внизу, округлым внешним контуром, округлым симметричным верхом и вертикальным внутренним контуром (рис. 1, *11*). Нередки и венчики, морфологически аналогичные венчикам амфор с двуствольными ручками (рис. 1, *12*). Но, как показало исследование материала городища Чайка, параметры всех этих венчиков значимо меньше параметров венчиков амфор варианта С Iа [6, с. 54, 55, табл. 4]. Дополнительный материал с других памятников не противоречит этому выводу. Размеры описываемых венчиков: диаметр 8—12, средний — 10,14 см; высота валика 1,1—2,0, средняя — 1,42 см; ширина валика 0,8—1,3, средняя — 1,1 см.

Горла амфор варианта С IIIа также заметно отличаются от горл амфор с двуствольными ручками. Но определить статистически преобладающую форму на нашем материале затруднительно. Чаще других встречаются припухлые горла с расширением в верхней трети высоты (на уровне крепления ручек), реже — в середине (рис. 2, *6*). Есть и прямые горла. Врез в основании не отмечен. Высота горла 18—20 см.

Плечики амфор описываемого типа никак не отделяются ни от горла, ни от тулова, поэтому границы их определяются условно. Они довольно узкие, покатые (рис. 2, *6, 7*). Высота плечиков 5—7 см.

Ручки амфор описываемого типа также подробно изучались на материале Чайкинского городища [6, с. 45—53]. Они различаются деталями профилировки. Наиболее часто встречается профилировка тремя одинаковыми врезами остроугольной, округлой или подпрямоугольной формы [6, с. 53, тип IV] (рис. 1, *13*). Более редки ручки с двумя плавными врезами и одним ребром между ними [6, с. 45—53, тип I] (рис. 1, *14*). Перегиб ручек плавный. Расстояние между крайними точками обеих ручек по горизонтали (размах) часто превышает наибольший диаметр амфоры (рис. 2, *6*). Крепятся ручки сразу под венчиком и на середине

или в нижней части плечиков. В целом они имеют петлеобразную форму. Высота их 18—22 см.

Ножки амфор варианта IIIа конические, остроконусные [6, с. 58, 59, тип Va] (рис. 1, *16*). Иногда на них заметны следы кручения, что несколько напоминает ножки позднесинопских амфор.

Следует отметить, что на городищах Чайка, Кара-Тобе и Беляус найдены фрагменты таких же амфор с ручками той же формы, но овального сечения (рис. 1, *15*). Вероятно, незначительная часть ручек амфор варианта С IIIа по какой-то причине не получала профилировки и оставалась овальной. Выделять такие амфоры в отдельную группу, видимо, не следует.

Вариант С IIIб довольно редкий. Он представлен нижней половиной амфоры с городища Чайка, двумя верхними половинами с Чайки (рис. 2, *8*) [6] и Беляуса, а также более мелкими фрагментами. Целый сосуд близкой формы известен из некрополя Танаиса [9, табл. XIV, *1*]. Верхняя часть амфоры, идентичной чайкинскому сосуду (рис. 2, *8*), найдена при разведках у мыса Лукулл (хранится в Херсонесском музее).

Описываемый вариант выделяется довольно условно. Амфоры, входящие в него, имеют некоторые различия в пропорциях и деталях, которые позволяют предполагать наличие здесь не одной, а двух разновидностей. Но небольшое количество материала не позволяет твердо установить это.

Сосуды варианта С IIIб небольшие. Диаметр их 20—23 см, высота, видимо, около 50 см. Тулово яйцевидное (рис. 2, *8*).

Венчик рассматриваемых амфор — небольшой удлиненно-округлый или уплощенный валик, прямой или отогнутый наружу. Подрезка внизу валика нечеткая (рис. 1, *17*). Диаметр венчика 8—11, высота 1,4—1,6, ширина 0,8—0,9 см.

Ручки описываемых амфор профилированы двумя — четырьмя угловатыми или округлыми одинаковыми врезами (рис. 1, *18*, *19*), иногда с более или менее выделенной срединной частью (рис. 1, *20*). Перегиб их плавный. Очертаниями они напоминают ручки амфор варианта С IIIа, но размах их не превышает диаметра тулова. Крепятся описываемые ручки под венчиком и в середине плечиков (рис. 2, *8*). Размеры ручек: ширина 2,7—3,6, толщина 1,6—2,3, высота около 17 см.

Горло амфор этого типа короткое. Оно прямое или расширяется книзу, так что наибольший диаметр его расположен на границе с плечиками, а наименьший — под валиком (рис. 2, *8*). Высота горла около 15 см.

Плечики исследуемых амфор довольно узкие, сильно покатые, выпуклой формы (рис. 2, *8*). Они очень плавно переходят в тулово, поэтому их нижнюю границу определить невозможно.

Ножки амфор варианта С IIIб, видимо, тупоконусные [6, с. 58, 59, тип Vб] (рис. 1, *21*), некрупные.

Датировать описанные амфоры затруднительно. Судя по сопутствующему материалу, они относятся к последней четверти I в. до н. э.— первой половине I в. н. э.

Класс узкогорлых светлоглиняных амфор. Находки из Северо-Западного Крыма позволяют несколько уточнить классификацию ранних узкогорлых сосудов. При этом для отличия от широкогорлых амфор за ними сохраняется устоявшееся буквенное обозначение типов [3—5]. Уточнения касаются только самого раннего типа — С А. Его можно разделить на два хронологических варианта — С $А_1$ и С $А_2$.

Полное представление о форме амфор варианта С $А_1$ дают сосуды из Новофилипповки [10, с. 237, табл. V, *4*] и из некрополя Танаиса [11, с. 59, табл. XIII, *2*]. Это некрупные амфоры высотой около 60 см на широком поддоне (рис. 1, *25*). Ручки их обычно профилированы тремя одинаковыми врезами (рис. 1, *23*). Крепятся они сразу под венчиком и

[6] Этот фрагмент по техническим причинам не попал в сводку светлоглиняных амфор Чайкинского городища (см. [6]).

в нижней части плечиков. В нашем материале целых сосудов не зафиксировано, фрагментов тоже немного. Это отчасти объясняется тем, что венчики и ручки амфор варианта С A_1 очень мало отличаются, с одной стороны, от соответствующих частей амфор типа С III, а с другой — от сосудов С A_2 и С В. Главное различие заключается в форме нижней части. Правда, и по форме плечиков можно наметить некоторое различие сосудов С A_1 и С III (у плоскодонных амфор они несколько шире и менее покаты). Но этот признак определяется сугубо визуально, да и фрагментов с плечиками сохранилось немного.

Донца описываемых амфор имеют невысокий кольцевой поддон, отделенный от стенок четким врезом на наружной поверхности (рис. 1, *25*). У поддонов амфор варианта С A_2 врез или значительно выше истинного дна сосуда, или вместо среза имеется плавный перегиб контура (рис. 1, *26*). Сам поддон отогнут наружу, так что его диаметр немного больше диаметра среза. Диаметр поддонов 10—12,5, высота 0,9—1,7, ширина 0,7—1,5 см. Стенки амфор варианта С A_1 заметно утолщаются книзу, достигая у дна толщины 1,5 см и более.

Сосуды варианта С A_2 отличаются от вышеописанных в первую очередь формой и диаметром поддонов, а также местом крепления и профилировкой ручек [5, с. 17, рис. 1]. Диаметр поддонов амфор С A_2 6,5—8, высота 1,9—2,9 см. Врез, отделяющий поддон от стенки, встречается редко, чаще имеется плавный перегиб контура (рис. 1, *26*).

Ручки описываемых сосудов профилированы в комбинированной технике: сначала пальцами выделено срединное ребро, которое затем симметрично рассечено надвое угловатым врезом (рис. 1, *24*) [6, с. 52]. Крепятся эти ручки так же, как и у амфор типа С В — на плечиках и на 2—4 см ниже венчика [5, с. 17, рис. 1].

Целая амфора варианта С A_2 найдена на Южно-Донузлавском городище, более мелкие фрагменты — на всех других исследуемых памятниках, кроме Чайки. На Чайке известны только единичные ручки, профилированные в описанной выше технике [6, с. 52].

Датируются амфоры варианта С A_1 приблизительно второй—третьей четвертью I в. н. э., варианта С A_2 — последней четвертью I в. н. э.— началом II в. н. э.

Таким образом, сосуды, объединенные Д. Б. Шеловым в тип А [5, с. 17—18], можно разделить на два варианта: ранний вариант С A_1 [5, рис. 2, *3*) и более поздний С A_2 [5, рис. 1] (рис. 1).

Фрагменты узкогорлых амфор других типов (С В — С F) на исследуемых памятниках Северо-Западного Крыма немногочисленны. Целых форм не найдено. Их изучение не позволяет добавить ничего нового к существующей классификации [5].

В заключение можно отметить, что все описанные массовые типы светлоглиняных амфор имеют аналогии практически на всех синхронных памятниках Северного Причерноморья I в. до н. э.— I в. н. э. Кроме них могут существовать и другие, еще неизвестные типы и варианты светлоглиняной тары. Об этом свидетельствуют единичные находки профильных фрагментов, значительно отличающихся от описанных выше. Но из-за уникальности этих фрагментов и их малой информативности ничего определенного пока сказать невозможно. Тщательное исследование материала всего Северного Причерноморья может прояснить этот вопрос [7].

Необходимо также отметить, что ряд исследователей относят к светлоглиняным и так называемые амфоры с желобком под венчиком [2, 3]. Петрографические анализы образцов амфор описанных выше типов показали, что они сделаны из близкой по составу глины. Сосуд же из Калос Лимена (рис. 2, *3*) и амфоры с желобком под венчиком

По-видимому, существует еще один тип поздних светлоглиняных амфор, которые отличает воронковидный венчик [1, с. 117, табл. XXXVII, *90*], но на изучаемых памятниках таких фрагментов не найдено.

резко выделяется по составу глины. Сосуды последнего типа по составу глины очень близки синопским амфорам. Поэтому они не включены в нашу схему [8].

Таким образом, изучение материалов городищ Северо-Западного Крыма позволило несколько расширить и уточнить существующую типологическую схему широкогорлых светлоглиняных амфор.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора//МИА. 1960. № 83.
2. *Каменецкий И. С.* Светлоглиняные амфоры с Нижнегниловского городища//КСИА. 1963. Вып. 94.
3. *Деопик Д. В., Карапетьянц А. М.* Некоторые принципы описания применительно к возможностям статистического анализа//Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, 1970.
4. *Деопик Д. В., Круг О. Ю.* Эволюция узкогорлых светоглиняных амфор с профилированными ручками//СА. 1972. № 3.
5. *Шелов Д. Б.* Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология//КСИА. 1978. Вып. 156.
6. *Внуков С. Ю.* Светлоглиняные амфоры городища Чайка близ Евпатории//Вестн. МГУ Сер. 8. Истор. 1984. № 6.
7. *Наливкина М. А.* Отчет о раскопках Прекрасной Гавани в 1948 г.//Архив ЛОИА. Ф. 35. 1948. Д. 154.
8. *Лапин В. В.* Эллинистические колодцы в прибрежной части Ольвии//КСИА АН УССР. 1960. Вып. 10.
9. *Шелов Д. Б.* Некрополь Танаиса//МИА. 1961. № 98.
10. *Вязьмитина М. И.* Сарматские погребения у с. Новофилипповка//Вопросы скифо-сарматской археологии. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
11. *Арсеньева Т. М.* Некрополь Танаиса. М.: Наука, 1977.

S. Y. Vnukov

LIGHT CLAY AMPHORAE WITH WIDE NECKS FROM THE NORTH-WESTERN CRIMEA

Summary

The author turned to a little studied type of early Roman containers—the ligth-clay amphorae dated between the 1st century B. C. and the 1st century A. D. found in the settlements of the North-Western Crimea. He divides them into two classes — wide-necked and narrow-necked — into several types and, some of them, into variants (Fig. 1). Type C I was formed by large amphorae with double handles. It is divided into two chronological variants (Fig. 2, *1*, *2*). The C Ia variant is dated between the second quarter of the 1st century B. C. and the early 1st century A. D.; the C Ib variant between the 1st century and the early 2nd century A. D. Type C II is represented by amphorae with single handles (Fig. 2, *4*, *5*). They belong to the period between the second quarter of the 1st century B. C. and the early 1st century A. D. Wide-necked amphorae with conic bottoms belong to type C III; there are two variants of this type: Variant C. IIIa (Fif, 2, *6*, *7*) and C IIIb (Fig. 2, *5*). All of them belong to the late 1st century B. C. and the early 1st century A. D. The class of narrow-necked amphorae was left out of the article. The vessels of C A type can be divided into two chronological variants: C AI (the second-third quarters of the 1st century A. D.) and C A2 (the second half of the 1st century A. D.-early 2nd century A. D.).

These studies have somewhat extended and detailed the typology of light-clay amphorae (Fig. 1).

[8] Анализы выполнены автором на кафедре археологии МГУ. Результаты будут опубликованы отдельно.

Па'мяти М. А. Тихановой

М. Б. ЩУКИН

КЕРАМИКА КИЕВСКОГО ТИПА С ПОСЕЛЕНИЯ ЛЕПЕСОВКА

Поселение у с. Лепесовка в Белогорском районе Хмельницкой обл., в верхнем течении р. Горыни,— один из самых ярких и наиболее полно исследованных памятников черняховской культуры. Уже неоднократно отмечалось обилие выявленных здесь элементов северо-западного происхождения, восходящих к вельбаркской и пшеворской культурам Польши и к древностям Северо-Западной Европы [1—5]. Особенно отчетливо это выражается в традициях домостроительства и в комплексе лепной керамики. Жители поселения строили большие двухчастные наземные дома со стенами на плетневом каркасе, обмазанном глиной, совмещающие под одной крышей жилое помещение и хозяйственное — хлев или мастерскую. Эта традиция не имеет местных корней, но хорошо прослеживается еще с эпохи Латена в домостроительстве древних обитателей Ютландии, Голландии и Северной Германии. Поселения вельбаркской культуры на территории польского Поморья, Мазовии и Подлясья изучены еще плохо, но и там эта традиция известна [4, с. 90—92]. В керамических комплексах вельбаркской культуры находят многочисленные аналогии — небольшие мисочки-горшочки с маленькими ушками-псевдоручками или без них, с красновато-желтой заглаженной или с черной лощеной поверхностью, иногда с растительной примесью в тесте, от чего на внутренней поверхности черепка видны мелкие точки-углубления от выгоревшей при обжиге примеси, горшки-кувшины с двумя ручками под венчиком (типа II, VIa, X и XIV по классификации Р. Шиндлера). В вельбаркской, а также в соседних культурах — в пшеворской и в эльбском кругу памятников — широко представлены и аналогичные лепесовским яйцевидные горшки с загнутым внутрь венчиком (тип I по Р. Шиндлеру), часто заглаженные у венчика и нарочито ошершавленные, «хроповатые» в средней части корпуса [1, рис. 5, *1*, *2*, рис. 18, *1*, *4*, рис. 19, *6*, *7*; 3, рис. 2, *1—6*; 6, табл. 21, *7*, табл. XXI, XXII, XXV; 8, рис. 4, 6, 7]. Вельбаркско-пшеворский компонент в составе жителей Лепесовки не вызывает сомнений. Сказанное, однако, не дает еще достаточных оснований исключить Лепесовку из состава черняховской культуры, как это иногда делается [9, с. 160, 161].

Типичная черняховская гончарная посуда обильно представлена на поселении и составляет более 79% керамических находок [3, с. 1060]. Это существенно отличает Лепесовку от близлежавших и синхронных собственно вельбаркских памятников Дытынчи [10], Ромош [11], Городище [12] и др. [13], где процент гончарной керамики минимальный. «Длинные дома» и вельбаркско-пшеворские элементы в керамике выявлены и на других черняховских памятниках, однако из черняховской культуры их исключить невозможно [13, рис. 8; 14, с. 70; 15—18]. Не выбивается из общих представлений о черняховской культуре и весь остальной набор находок с поселения — гребни, фибулы, пряжки, стекло, пряслица, глиняные грузила ткацких станков и т. д. Сказанное не лишает Лепесовку определенной специфики, но специфика эта определяется не иной культурной принадлежностью, а особым положением поселения в структуре черняховской культуры и хронологией — здесь отсутствуют находки заключительного этапа развития культуры.

В коллекции лепной керамики из Лепесовки, хранящейся в Эрмитаже, обращают на себя, однако, внимание два сосуда, заметно отличающиеся от остальных (инв. № 2701/404 и 2701/405). Это два больших сла-

бопрофилированных горшка с едва отогнутыми венчиками. Один (№ 404) достаточно стройных пропорций, тюльпановидный, с максимальным расширением на третьей четверти высоты. Высота его 36 см, диаметр венчика 25, диаметр дна — 14 см (рис. 1, *1—3*). Второй (№ 405) более приземистый и округлобокий, с намечающейся биконичностью, максимальное расширение тулова чуть выше середины. Высота его 33 см, диаметр венчика 26, диаметр дна 16 см (рис. 1, *4*). Оба изготовлены из комковатого, плохо промешанного глиняного теста с примесью шамота. Крупные зерна примеси выступают на внешней поверхности сосуда, делая ее шероховатой. Особенно ярко это выражено на сосуде № 404. Поверхность очень небрежно дополнительно обработана. Мастер, вероятно, снимал щепкой излишние натеки глины (тесто не было достаточно плотным), отчего на нижней части сосуда № 404 сохранились своеобразные «расчесы» в виде вертикальных бороздок различной глубины и ширины. На втором сосуде (№ 405) ту же операцию проделали рукой, и на поверхности сохранились расчесы от пальцев. По пропорциям, способу изготовления и обработки поверхности оба сосуда напоминают керамику киевской культуры, ближайшие памятники которой расположены достаточно далеко от Лепесовки — в киевском и белорусском Поднепровье. Так, сосуд № 404 находит наиболее близкие аналогии в керамике из жилища IV в Казаровичах [19, рис. 4, *6*, *7*), а горшок № 405 — в материалах деснинских поселений Ульяновка и Роище [20, рис. 3, *12*, 5, *22*] и в комплексе жилища 1 поселения Колодезный Бугор [21, рис. 5, *1*; 22, рис. 2, *3*].

Однако не возникает сомнений в принадлежности обоих сосудов к черняховскому слою Лепесовки. Оба найдены на западном раскопе II, при расчистке развалов обмазки вблизи «длинных домов» I и IV. Один (№ 404) — в квадрате А-Д/5—8, в 12 м к западу от жилища IV, другой — в квадрате Е-И/17—20, в 8 м к юго-западу от жилища I [2, рис. 17]. В обоих случаях развалы обмазки являлись, по всей вероятности, остатками глинобитных построек, жилых или хозяйственных — сказать невозможно. Они были так сильно разрушены пожаром, что после снятия бесформенных развалов обмазки выявить контуры построек не удалось. Поэтому они и не обозначены на опубликованном М. А. Тихановой плане, в отличие от стоявших попарно в ряд вдоль берега реки жилищ I и IV, II и III, которые пострадали от пожара меньше, а возможно, и построены были более основательно. По местоположению развалов обмазки обе постройки должны были бы составлять следующую пару.

Трагические обстоятельства гибели сгоревшего в сильном пожаре поселения отчетливо запечатлелись на сосуде № 404. На него, очевидно, упала разбившая его горящая балка. Фрагменты, попавшие под нее, особенно сильно обгорели и ошлаковались, и на них отпечаталась форма балки. Это был прямоугольный брус сечением 5×7 см. Несмотря на вторичную пережженность и ошлакованность черепков, удалось их склеить и установить форму сосуда (рис. 1).

На основании этой находки можно утверждать с достаточной определенностью: горшки «киевского типа» были в быту жителей черняховского поселения в момент его гибели.

Фрагменты киевской керамики встречались и на других участках поселения. Поскольку во время раскопок 1958—1959 гг. киевская культура еще не была выявлена, при подсчетах керамических находок соответствующие черепки, естественно, не учитывались. Поэтому теперь трудно определить их реальный удельный вес в составе керамического комплекса Лепесовки. Но из хранящихся в Эрмитаже 4022 фрагментов лепной керамики к киевской культуре могут быть отнесены 410, из 24 целых лепных сосудов — два, т. е. киевская керамика составляет около 10%.

До сих пор еще очень слабо разработан вопрос о генезисе киевской культуры и предшествующего ей культурно-хронологического постзарубинецкого горизонта Рахны — Почеп. Последний представлен серией

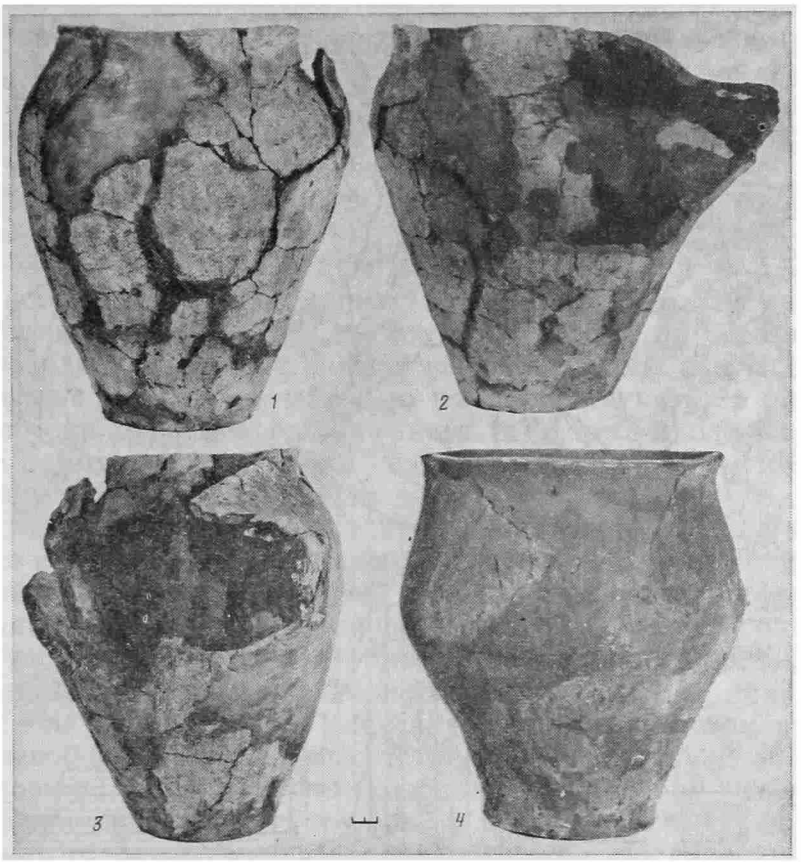


Рис. 1. Лепные сосуды из Лепесовки. *1—3*—сосуд № 2701/404; *4* — сосуд № 2701/405

достаточно разбросанных и разнородных памятников конца I—II в. н. э. [23—26; 27, рис. 29—31, 39—43] от верховьев Днестра до Подесенья и верховьев Псла (Майдан Гологирский, Ремезивцы, Пидрижье, Рахны, Марьяновка, Лютеж, Почеп, Синьково, Картамышево и др.). Он состоит из памятников, оставленных потомками носителей зарубинецкой культуры, разбитых в середине I в. н. э. сарматами, с включением элементов пшеворских и липицких на западе и юхновских на востоке [28, с. 69, 74, 77]. Правобережные памятники этого рода В. К. Воляник объединял в «тип Пидрижье», взяв в качестве эталона пшеворско-зарубинецкое поселение на Волыни [29, с. 10—11].

На памятниках этого горизонта в Поднепровье и Подесенье находят и характерную штрихованную керамику [30, с. 64; 31, рис. 12, *15*, *17*; 32, рис. 1, *1*, *5*, *9*), что заставляет предполагать участие во вновь формирующейся общности, представленной затем киевской культурой, и носителей культуры штрихованной керамики Белоруссии и Прибалтики. Их воздействие особенно усиливается во II в., когда в лесостепи существуют пока плохо изученные переходные памятники типа Грини—Вовки [22, рис. 10; *33*, рис. 1, *8—10*]. Заметно оно и на раннекиевских памятниках типа Казаровичи [19, рис. 5].

Фрагменты штрихованной керамики, одного из компонентов, киевской культуры, также известны и в Лепесовке. Они составляют 1,3% лепной керамики. Специфическая «северная» штриховка достаточно легко отличима от более глубокой и редкой штриховки, встречающейся на посуде римского времени в Центральной Европе [34, табл. XLVIII, L] и представленной также в Лепесовке.

Общим элементом, объединяющим киевскую культуру с древностями лесной зоны, являются плоские или биконические пряслица с большим отверстием [26, рис. 2, *8*, *13*, 3, *6*, *7*, *21—28*, 4, *1—3*, *5—7*; 35, рис. 29, *2—6*, *14*, *17*, *26—28*]. Есть они в небольшом количестве и в Лепесовке. Из 180 пряслиц нашей коллекции 6 (3,3%) относятся к этому типу.

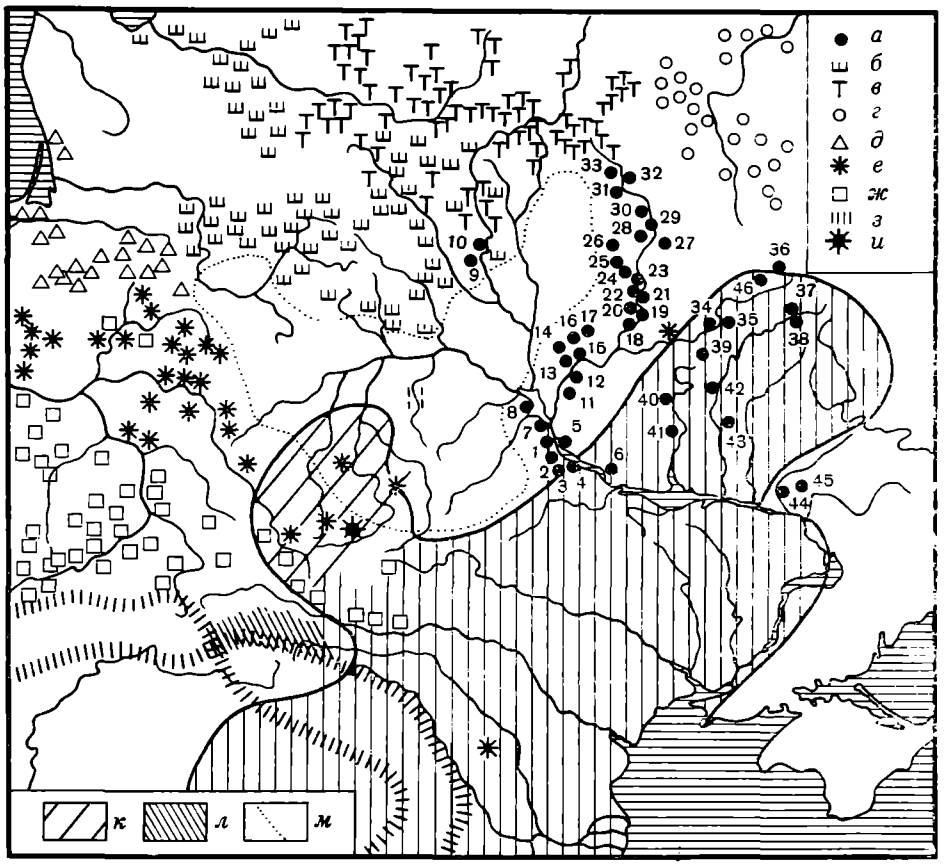


Рис. 2. Киевская культура и археологическая ситуация в III—IV вв. *а* — памятники киевской культуры (по Е. А. Горюнову, Р. В. Терпиловскому, Е. В. Максимову); *б* — памятники штрихованной керамики (по В. В. Седову); *в* — памятники днепро-двинской и среднетушемлинской культур (по В. В. Седову); *г* — памятники мощинской культуры (по В. В. Седову); *д* — памятники западных балтов; *е* — памятники вельбаркско-цецельские; *ж* — памятники пшеворские; *з* — зона черняховской культуры; *и* — Лепесовка; *к* — зона волынской группы черняховской культуры; *л* — зона культуры карпатских курганов; *м* — граница зоны «относительной археологической пустоты». Основные памятники киевской культуры: *1* — Оболонь; *2* — Безрадичи; *3* — Обухов; *4* — Девич Гора; *5* — Бортничи; *6* — Решетки; *7* — Казаровичи; *8* — Грини; *9* — Тайманово; *10* — Абидня; *11* — Золотинка; *12* — Выбли; *13* — Ульяновка; *14* — Роище; *15* — Киселевка; *16* — Макшин; *17* — Ровчак; *18* — Заярье; *19* — Лавриков Лес; *20* — Левкин Бугор; *21* — Целиков Бугор; *22* — Колодезный Бугор; *23* — Кветунь; *24* — Суворово; *25* — Яковлевичи; *26* — Посудичи; *27* — Хохлов Вир; *28* — Макча; *29* — Усох; *30* — Мансурово; *31* — Смольянь; *32* — Жуковка; *33* — Владимировка; *34* — Волынцево; *35* — Комаровка; *36* — Воробьевка II; *37* — Картамышево; *38* — Кулига; *39* — Беседовка; *40* — Артюховка; *41* — Сенча; *42* — Курган-Азак; *43* — Вовки; *44* — Чернечина; *45* — Осиповка; *46* — Лебяжье IV

Северные лесные элементы в киевской культуре не ограничивались, вероятно, только воздействием культуры штрихованной керамики. До сих пор не проводились сопоставления киевской керамики с посудой жителей днепро-двинских городищ, «самой неинтересной во всей лесной зоне», по словам П. Н. Третьякова [36, с. 173], и потому, наверное, не привлекавшей внимания исследователей. Однако типы IV, V и VIII киевской керамики, по классификации Е. А. Горюнова [22, рис. 3], и тип V пеньковской керамики, по О. М. Приходнюку [37, рис. 9], вполне сопоставимы с баночными днепро-двинскими и среднетушемлинскими сосудами. Кроме того, Е. А. Шмидт, характеризуя керамику смоленских городищ, писал про выделенный им 3-й тип: «Поверхность сосудов снаружи сглаживалась пальцами или специальной плоской палочкой в вертикальном направлении от горла ко дну, поэтому на ней заметны полосы или вмятины» [38, с. 355]. Это описание вполне применимо и к киевской керамике. Сказанное не решает проблемы, но внимательное сопоставление днепро-двинской и среднетушемлинской посуды с киевской, очевидно, необходимо, тем более что границы распространения этих культур соприкасаются.

В III—IV вв., когда функционировало поселение Лепесовка, гнезда киевских поселений были разбросаны на обширной зоне (рис. 2). На севере от течения Березины — Абидня, Тайманово и др. [39, 40] — до среднего течения Десны — Жуковка, Смольянь, Форостовичи, Лавриков Лес и др. [22, с. 95—103]. Затем от сравнительно узкой правобережной полосы «киевского треугольника» между Днепром, Стугной и Ирпенем на западе [26, 41] до верховьев Сейма, Сулы и Псла на востоке [22, рис. 15, с. 104—133; 42, с. 48, 49]. И на юге от правобережья Стугны — Обухов [43] до Орели — Иосиповка [44].

На Днепровском лесостепном Левобережье в это же самое время существовала и черняховская культура. В 1980 г. автор принимал участие в разведках Е. А. Горюнова в верховьях Псла и в Посеймье. При этом нетрудно было убедиться, что носители двух столь различных по облику, но синхронных культур занимали разные экологические ниши. Киевские памятники тяготели к низким заболачиваемым местам, к песчаным дюнам в широких поймах и между старицами, а черняховцы предпочитали южные склоны плато с черноземами. Зона существования обеих культур была значительно шире, чем это отмечено Э. А. Сымоновичем [45]. Не удивительно, что живущее чересполосно население имело взаимные контакты — черняховская гончарная керамика встречается в виде незначительной примеси на киевских поселениях, а лепная маловыразительная, слабопрофилированная керамика, близкая киевской,— на черняховских. Киевская культура в чистом виде занимает зону левобережного Полесья. В зоне «чистой» киевской культуры и на ее основе развивается затем колочинская культура, что убедительно продемонстрировал Е. А. Горюнов, а в смешанной черняховско-киевской зоне сложилась, вероятно, пеньковская культура, хотя этот процесс прослеживается пока значительно хуже [22, с. 95—103].

На Правобережье картина иная. К северу от черняховской культуры, вплоть до поселения культуры штрихованной керамики и киевских памятников Среднего и Верхнего Поднепровья, располагается обширное полесское «белое пятно», практически пустующее со времени прекращения зарубинецкой культуры в середине I в. н. э. до появления в VI в. памятников типа Корчак [46, с. 69, рис. 3; 47, с. 69, 70]. На него первым обратил внимание Д. А. Мачинский, заметив, что на эту же зону «относительной археологической пустоты» должны приходиться места обитания ставанов Клавдия Птолемея, в которых можно было бы видеть предков славян [48, с. 94, 95].

Находки в Лепесовке, расположенной в непосредственной близости от юго-западного угла «белого пятна», заставляют думать, что на Правобережье могла существовать картина, аналогичная в какой-то мере левобережной. Только вариант «чистой» киевской культуры в зоне «белого пятна» пока еще не выявлен. На Левобережье целенаправленный систематический поиск киевских памятников в течение ряда лет вели П. Н. Третьяков, Е. А. Горюнов и украинские археологи. Соответствующих работ в правобережном Полесье не проводилось. В 1978 г. автор обследовал лишь небольшой участок по р. Уборти от Олевска до границ с БССР. Положительных результатов это не дало. Было открыто только селище сахновского типа. Но 50-километровый маршрут — это всего лишь «булавочный укол» в обширное «белое пятно» [49].

А если бы соответствующий вариант киевской культуры удалось здесь обнаружить, возможно, удалось бы отыскать и предшественников культуры Корчак, тем более что один из лепесовских сосудов (№ 404) по пропорциям вполне соответствует критериям пражско-корчакской керамики. Тогда, вероятно, нашлись бы связующие звенья между керамикой киевского типа и лепной керамикой черняховских поселений междуречья Днестра и Западного Буга, исследуемых В. Д. Бараном [9, 50], а также керамикой «спецымежского» типа пшеворских памятников Польши, наличие которой и позволило И. П. Русановой [51, с. 207—215] и В. В. Седову [52, с. 53—78] построить гипоте-

зу о славянской принадлежности пшеворской культуры. Появление этой керамики в Польше относится ко второй половине II — первой половине III в. н. э. [53, с. 72—76] [1], т. е. к тому же времени, когда наблюдается активное проникновение носителей вельбаркской и пшеворской культур в юго-восточном направлении [13]. Достигали они и Посеймья [54, с. 33—35] [2], где как раз в это время происходило формирование киевской культуры. Сегодня для понимания всех этих процессов очень не хватает промежуточных звеньев, искать которые следует в «белом пятне».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тиханова М. А.* Раскопки на поселении III—IV вв. у с. Лепесовка в 1957—1959 гг.// СА. 1963. № 2.
2. *Тиханова М. А.* Днестровско-волынская экспедиция 1960—1961 гг.//КСИА. 1964. Вып. 102.
3. *Тиханова М. А.* Раскопки поселения у с. Лепесовка (К вопросу о происхождении черняховской культуры)//Actes du VIIe Congres International des Sciences Prehistoriques et Protohistoriques. Prague, 21—27 août 1966. V. 2. Prague, 1971.
4. *Тиханова М. А.* Еще раз о происхождении черняховской культуры//КСИА. 1970. Вып. 121.
5. *Щукин М. Б.* Комплекс лепной керамики из поселения Лепесовка//Тез. докл. на VIII Всесоюзной конференции студентов-археологов. Л., 1962.
6. *Schindler R.* Die Besiedlungsgeschichte der Goten und Gepieden im unteren Weichselraum auf Grund der Tongefässe. Leipzig, 1940.
7. *Wołągiewicz R.* Kultura wielbarska//Prahistoria ziem Polskich. T. V. 1981.
8. *Щукин М. Б.* Современное состояние готской проблемы и черняховская культура//АСГЭ. 1977. Вып. 18.
9. *Баран В. Д.* Черняхівська культура. Київ: Наук. думка, 1981.
10. *Смішко М. Ю., Свешніков І. К.* Могильник III—IV століть н. е. у с. Дитиничі, Ровенської області//МДАПВ. 1961. Вып. 3.
11. *Крушельницьк Л. І., Опріск В. Г.* Поселения східнопоморсько-мазовецької культурі в верхівьях Західного Бугу//Археологія. 1975. Т. XVIII.
12. *Кухаренко Ю. В.* Могильник у с. Городище//Проблемы археологии. Вып. 2. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
13. *Szczukin M. B.* Zabytki wielbarskie a kultura czerniachowska//Problemy kultury wielbarskiej. Słupsk, 1981.
14. *Рикман Э. А.* Жилища племен черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья//Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975.
15. *Махно Е. В.* Ягнятинська археологічна експедиція//АП. 1952. Т. 3.
16. *Смиленко А. Т., Брайчевський М. Ю.* Черняховское поселение в селе Леськи близ города Черкассы//МИА. 1967. № 139.
17. *Смішко М. Ю.* Селище доби полів поховань у Вікнинах Великих//Археологія. 1947. Т. 1.
18. *Смішко М. Ю.* Дослідження пам'яток культуры полів поховань в західних областях УРСР в 1947 р.//АП. 1952. Т. 3.
19. *Максимов Е. В., Орлов Р. С.* Поселение и могильник второй четверти I тысячелетия н. э. у с. Казаровичи близ Киева//Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.: Наука, 1974.
20. *Терпиловский Р. В.* Новые памятники III—IV вв. н. э. в Черниговском Подесенье//Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев: Наук. думка, 1977.
21. *Третьяков П. Н.* Древности второй и третьей четверти I тыс. н. э. в верхнем и среднем Подесенье//Раннесредневековые и восточнославянские древности. Л.: Наука, 1977.

---

[1] И. П. Русанова, впрочем, полагает, что «спецымежские» горшки присущи пшеворской культуре изначально и восходят еще к «клешам» поморской культуры [51, с. 213. рис. 87]. Но между «клешами» V—IV вв. до н. э. и «спецымежской» керамикой III в. н. э. не менее 500 лет разницы, а в списке пшеворских памятников с «предпражской» керамикой, приведенном И. П. Русановой, лишь один пункт занимает промежуточное положение — могильник Вилянув позднего предримского времени, II—I вв. до н. э. [53, табл. V, *3*, VIII, *9*, IX, *1*, XXII, *6*, XXV, *4*]. Но сравнительно небольшие горшочки (от 18 до 23 см высотой) из плотной, хорошо обожженной глины с мелкими примесями, с тщательно заглаженной черной или желтой поверхностью [53, табл. V, *3*, VIII, *9*, XI, *1*, с. 11, 14, 18] или с «хроповато-лощеной» поверхностью [53, табл. XXII, *6*, XXV, *4*, с. 30, 34] вряд ли можно рассматривать с достаточным основанием в качестве прототипов как больших и груболепных «спецымежских» горшков, так и керамики пражского типа.

[2] Установление контактов с восточными областями, возможно, и объясняет появление «спецымежской» керамики в Польше, представленной как на пшеворских, так и на вельбаркских памятниках. Поэтому в восточный (славянский) вариант пшеворской культуры на картах В. В. Седова и попали по недоразумению некоторые вельбарско-цецельские памятники — Стара Весь, Варшава-Кавенчин, Брулино-Коски, Ростки, Тухлин, Пястув, Гродзиск-Мазовецкий [52, рис. 11; 55, рис. 32].

22. *Горюнов Е. А.* Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.: Наука, 1981.
23. *Хавлюк П. І.* Зарубинецька культура Південного Побужж'я та Левобережжя Середнього Дністра//Археологія. 1975. Вып. 8.
24. *Заверняев Ф. М.* Зарубинецкие памятники Верхнего Подесенья//МИА. 1970. № 176.
25. *Кравченко Н. М.* Исследование славянских памятников на Стугне//Славяне и Русь. Киев: Наук. думка, 1979.
26. *Даниленко В. Н.* Пізньозарубинецькі пам'ятки киевского типу//Археологія. 1976. Вып. 19.
27. *Цигилик В. М.* Населення Верхнього Подністров'я перших століть нашої ери. Київ: Наук. думка, 1975.
28. *Щукин М. Ю.* К предыстории черняховской культуры//АСГЭ. 1979. Вып. 20.
29. *Воляник В. К.* Население Волыни первой половины I тысячелетия н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1978.
30. *Бидзиля В. И., Пачкова С. П.* Зарубинецкое поселение у с. Лютеж//МИА. 1969. № 160.
31. *Заверняев Ф. М.* Почепское селище//МИА. 1969. № 160.
32. *Горюнов Е. А.* Древности I тысячелетия н. э. нижнего течения р. Сновы//КСИА. 1974. Вып. 140.
33. *Максимов Е. В.* Новые зарубинецкие памятники в Среднем Поднепровье//МИА. 1969. № 160.
34. *Pernička R. M.* Die Keramik der älteren römischen Kaiserzeit in Mähren. Brno, 1966.
35. *Митрофанов А. Г* Железный век Средней Белоруссии (VII—VI вв. до н. э.—VIII в. н. э.). Минск, 1978.
36. *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1966.
37. *Приходнюк О. М.* Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI—IX ст. н. е. Київ: Наук. думка, 1980.
38. *Шмидт Е. А.* Некоторые особенности культуры городищ верховьев Днепра во второй половине I тысячелетия до н. э.//Материалы по изучению Смоленской области. Вып. IV. Смоленск, 1961.
39. *Поболь Л. Д.* Основные итоги изучения памятников позднего этапа зарубинецкой культуры в Белорусском Поднепровье//Древности Белоруссии. Минск, 1960.
40. *Поболь Л. Д.* Итоги изучения древностей железного века Белорусского Поднепровья//Древности Белоруссии. Минск, 1969.
41. *Кравченко Н. М., Абашина Н. С., Гороховський Е. Л.* Нові пам'ятки I тисячоліття н. е. в Київському Подніпров'і//Археологія. 1975. Вып. 15.
42. *Горюнов Е. А.* Исследования в Курской области//АО—1980. М., 1981.
43. *Абашина Н. С., Гороховський С. Л.* Кераміка пізньозарубинецького поселення Обухів III//Археологія. 1975. Вып. 18.
44. *Телегін Д. Я., Беляева С. О.* Пам'ятки ранньослов'янського часу на Орелі//Археологія. 1975. Вып. 18.
45. *Сымонович Э. А.* Черняховская культура и памятники киевского и колочинского типов//СА. 1983. № 1.
46. *Щукин М. Б.* О некоторых проблемах черняховской культуры и происхождения славян//СА. 1975. № 4.
47. *Щукин М. Б.* Археологические данные о славянах II—IV веков. Перспективы ретроспективного метода//АСГЭ. 1976. Вып. 17.
48. *Мачинский Д. А.* К вопросу о территории обитания славян. в I—IV веках//АСГЭ. 1976. Вып. 17.
49. *Щукин М. Б.* Славянское поселение Сущаны-Хмельник на реке Уборти//Древние памятники культуры на территории СССР. Л.: Наука, 1982.
50. *Баран В. Д.* До питання про ліпну кераміку культуры полів поховань черняхівського типу у межиріччі Дністра и Західного Бугу//МДАПВ. 1961. Вып. 3.
51. *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв. Культура пражского типа. М.: Наука, 1976.
52. *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979.
53. *Marciniak J.* Cmentarzysko cialopalne z okresu póznolateńskogo w Wilanowie kolo Warszawy//Materialy starożytne. 1957. T. II.
54. *Кухаренко Ю. В.* Погребение у с. Пересыпки//Древние славяне и их соседи. М.: Наука, 1970.
55. *Jaskanis J., Okulicz J.* Kultura wielbarska (faza cecelska)//Prahistoria ziem polskich. T. V. «Ossolenium». 1981.

M. B. Shchukin

POTTERY OF THE KIEV TYPE FROM THE LEPESOVKA SETTLEMENT

Summary

Lepesovka, one of the throughly studied Chernyakhovo sites of the 3rd and 4th centuries, is found in the upper reaches of the Goryn river (Western Ukraine) (Fig. 3). Seventy-nine per cent of its pottery complex are formed by wheeled vessels of the provincial Roman type, while the forms rooted in the Wielbark and Przeworsk cultures dominate

among the modelled vessels. However, 10.2 per cent of modelled vessels have a different origin. They are crudely made vessels (Fig. 1, *2*) closely resembling the pottery of the Kiev culture on the Dnieper's left bank (Fig. 3, *a*) where the Kiev and the Cernyakhovo culture partly overlapped each other. Over a vast territory their bearers lived side by side in ecological niches of their own. The Lepesovka finds permit a conclusion that a similar situation existed on the Dnieper's right bank. A «blank spot» in the Polesie region where no purposeful search for Kiev-type sites was undertaken corresponds to the zone of the purely Kiev culture on the Dnieper's left bank. Any Kiev-type sites on the right bank will probably permit archaeologists to identify the missing links in the prototypes of the Korchak-type pottery. Such finds will also provide an explanation for the presence of crude modelled pots in the Chernyakhovo ceramic complexes in the Dniester and the Bug interfluve and the appearance, at the turn of the 3rd century B. C., of distinctive Specymierz ceramics in the Polish Przeworsk sites.

Н. Г. АРТЕМЬЕВА

ЖИЛИЩА ЛАЗОВСКОГО ГОРОДИЩА

В течение ряда лет на территории Приморского края ведутся раскопки Лазовского городища, датируемого чжурчжэньским временем (XII — начало XIII в.). Впервые раскопки на городище были проведены Э. В. Шавкуновым в 1966 г. [1]. В настоящее время исследования памятника ведутся под руководством В. Д. Ленькова [2—5] [1]. Благодаря осуществленным на городище работам собран интересный материал по домостроительству чжурчжэней.

Лазовское городище расположено на неприступном с трех сторон горном мысу (рис. 1). Чжурчжэни при строительстве своих городов-крепостей максимально использовали удобства рельефа местности, сообразуя с ним как довольно сложную систему оборонительных сооружений, так и внутреннюю топографию [6, 7]. Почти вся площадь Лазовского городища укреплена линией валов, а на наиболее опасных участках — башнями и дополнительными валами. На всей площади городища при его визуальном осмотре видны следы от жилищ в виде рядов террасовидных и обвалованных площадок, а также валы от двух «внутренних городов» и «редута».

К настоящему времени на памятнике раскопано 55 жилищ, здание колоннадного типа, «редут» с четырьмя жилищами и девять плавильных печей. Вскрытая площадь невелика, но на ней хорошо прослеживаются два строительных горизонта. Через какой-то промежуток времени после первоначального заселения городища жилища на нем подверглись перестройке. Старые дома были засыпаны, а на их месте возведены новые, значительно больших размеров. Благодаря этому впервые удалось выявить хронологическую последовательность появления у чжурчжэней различных типов домов и выявить их характерные признаки.

В письменных источниках сообщается: «Образ жизни чжурчжэней таков. Живут в горных ущельях, устраивают помещения, наподобие изгороди, высотой в несколько чи [2], для кровли не употребляют черепицы, а применяют доски, бересту или траву, старательно настилая крышу. Все стены и перегородки делают из дерева. Входные двери в домах чжурчжэней всегда обращены на восток. Вокруг комнаты устраивается земляная постель, под которой разводят огонь. На постели спят, едят и живут. Называется она по-чжурчжэньски — кан» [8, с. 273].

Наиболее важные элементы конструктивных приемов, на основании которых принято выделять тип жилища,— это устройство стен, крыши и пола, а также отношение уровня последнего к поверхности земли. Часть этих элементов при реконструкции жилищ восстанавливается почти полностью, но не всегда только на археологическом материале, поскольку дерево в культурном слое памятников Приморья не сохраняется. Лишь благодаря тому, что жилища каркасно-столбовой конструкции широко распространены у народов Восточной и Юго-Восточной Азии [9, с. 249], а архитектурные традиции отличаются живуче-

[1] Автор выражает свою благодарность В. Д. Ленькову за предоставленный к публикации материал.

[2] Чи — 0,3 м.

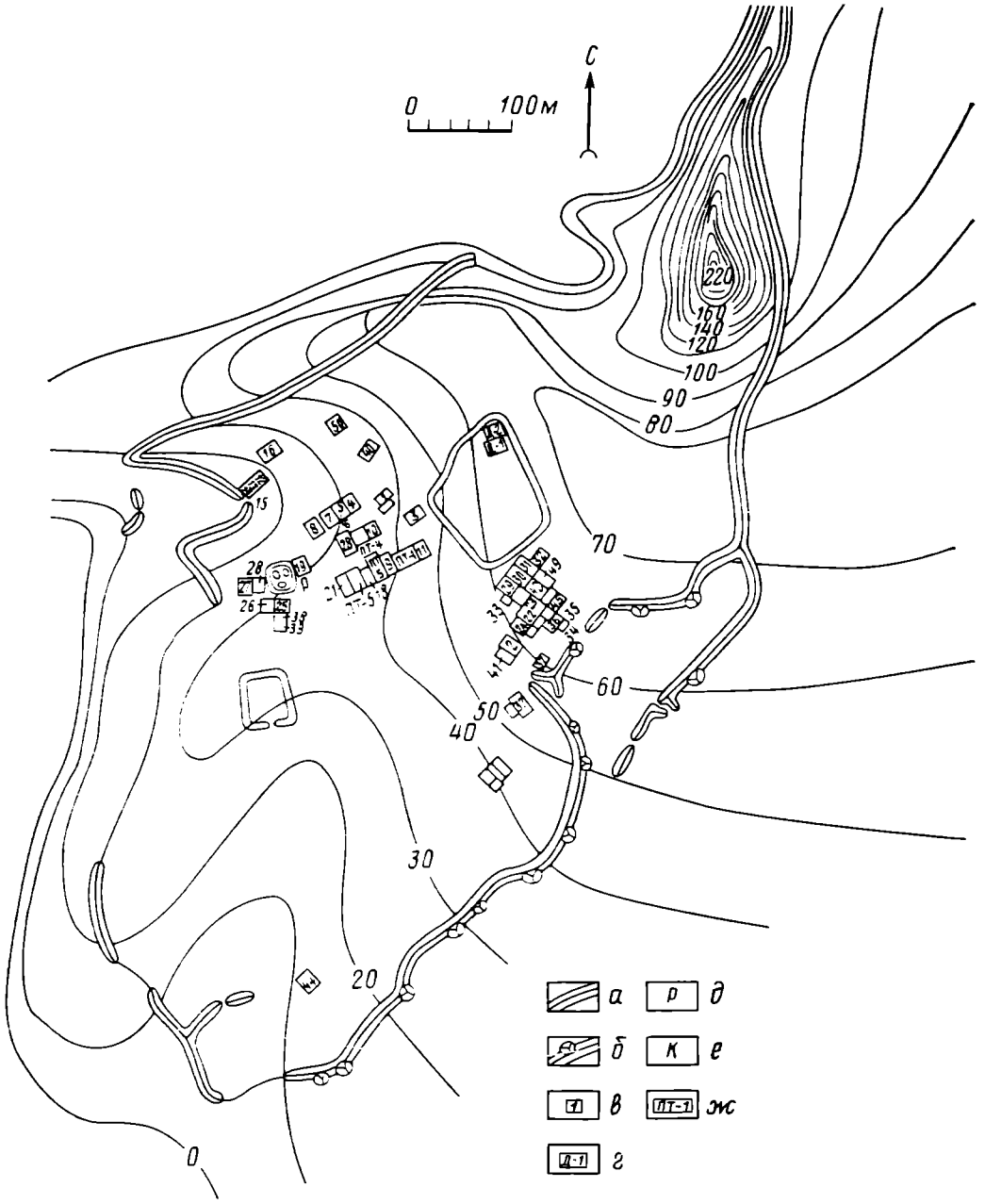


Рис. 1. План Лазовского городища. *а* — вал, *б* — башня, *в* — раскопанные жилища, *г* — здание дворцового типа, *д* — «редут», *е* — завал камней, *ж* — пустая терраса

стью и консерватизмом, мы имеем возможность восстановить жилища чжурчжэней.

Чжурчжэньские жилища сооружались на искусственно созданных террасах, которые вырывались в склонах сопок. Землю, оставшуюся после выборки со склона сопки, подсыпали на край террасы, увеличивая тем самым ее размеры. Такие террасовидные площадки хорошо прослеживаются в северо-западной части Лазовского городища. Юго-восточная часть городища имеет более пологий рельеф, поэтому площадки для жилищ здесь просто выравнивались. Следует отметить, что по краям некоторых площадок прослеживаются земляные обваловки четырехугольной формы, высотой 0,4—0,6 м и шириной до 1 м, с разрывом в том месте, где, очевидно, должна была находиться дверь. Создается впечатление, что обваловки — это остатки стен жилища. По ямкам от каркаса, расположенным по периметру стен жилища (рис. 2, *3*), было выяснено, что все дома на городище — четырехугольные, наземные, каркасно-столбовой конструкции. В постройках этого типа вертикальные столбы каркаса служат основой стен. Пролеты между

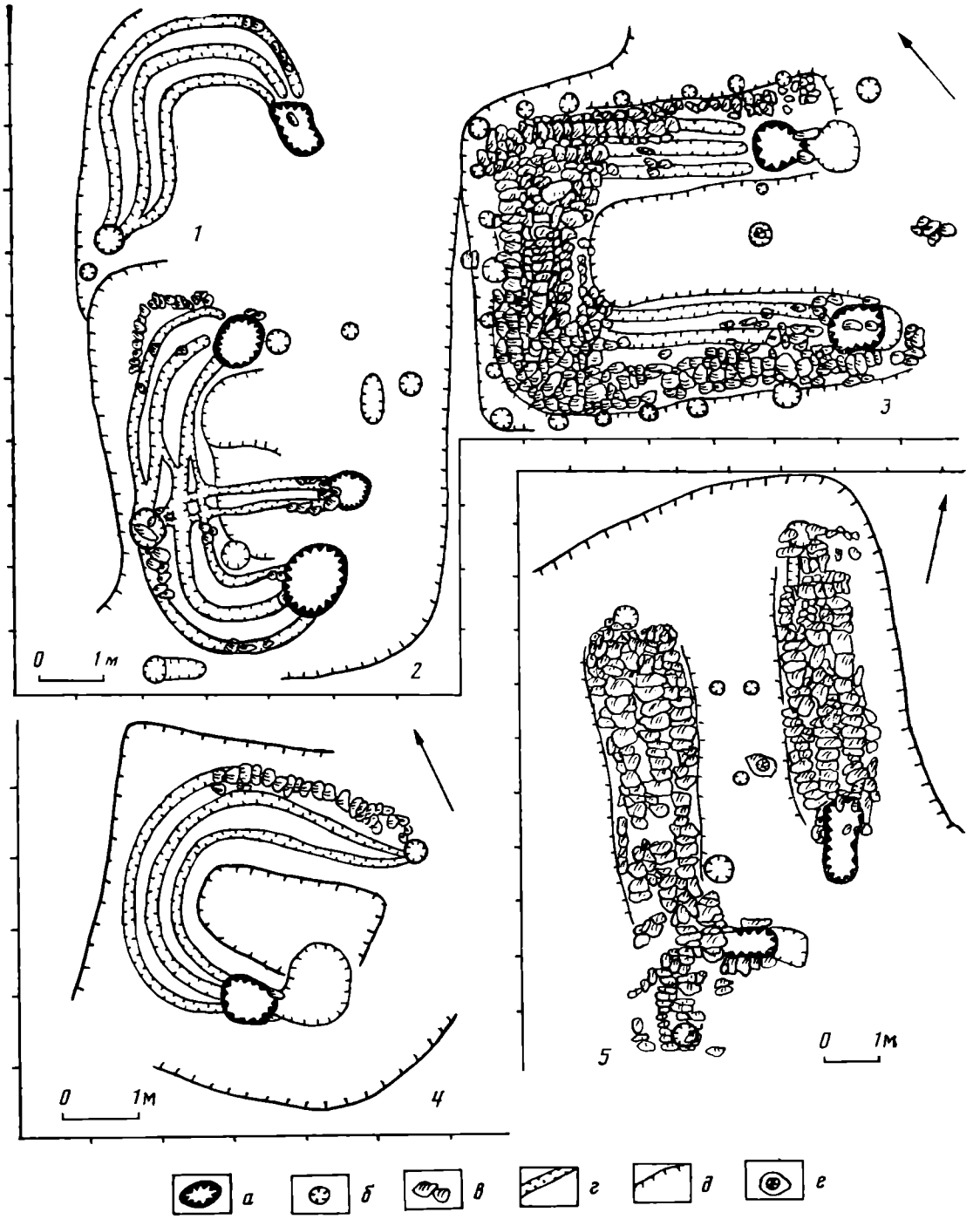


Рис. 2. Жилища Лазовского городища: *1* — жилище 35, *2* — жилище 36, *3* — жилище 34, *4* — жилище 32, *5* — жилище 26. *а* — очаг; *б* — яма; *в* — камни; *г* — дымоходный канал; *д* — понижение; *е* — ступа

столбами заполнялись наиболее доступным для данной местности материалом: жердями и плахами, а затем обмазывались глиной.

В центре некоторых жилищ Лазовского городища прослеживаются ямки от центральных опорных столбов (рис. 2, *3*, *5*), которые поддерживали конек крыши, иногда вместо ямки от столба помещали каменную базу или просто крупную гальку, которая служила опорой столба. Наличие центрального опорного столба в жилищах позволяет предположить, что крыши у чжурчжэньских жилищ были двускатными. Сама по себе каркасно-столбовая конструкция рассчитана на сравнительно легкую крышу, поэтому при раскопках жилищ не обнаружена черепица, хотя она была широко известна чжурчжэням. Очевидно, для крыши использовали солому, жерди, бересту, кору, такая традиция покрытия крыши существовала у народов Приморья и Приамурья вплоть до начала XX в. [10, с. 79].

Вход в жилища располагался с узкой стороны, возможно, это было связано с желанием удержать тепло в доме. Фасад перемещался на широкую сторону лишь в тех домах, в которых прослеживаются перестройки (жилища 12, 36, 50).

Дверь скорее всего была навесной, одностворчатой. Ширина дверей равнялась расстоянию между опорными столбами каркаса, т. е. 0,8—1 м. Определяющим фактором в ориентировке жилища являлся рельеф местности и планировка жилого участка.

Пол оставался земляным. Иногда его забутовывали мелкими камнями или обмазывали глиной.

Внутри жилищ хорошо прослеживается своеобразная система отопления при помощи теплого воздуха — кан (рис. 2). Внешне кан напоминает земляные нары, покрытые камнями, которые проходили вдоль стен. Он являлся теплой постелью, мебелью, от его формы зависела внутренняя планировка в жилище. Кан состоял как бы из трех основных элементов: очагов (печей); подушки кана (лежанки), в которых проходят дымоходные каналы; вытяжной трубы. Теплый воздух, шедший из очагов в дымоходные каналы, нагревал камни, которыми они были покрыты, и выходил в вытяжную трубу. Нагретая таким образом лежанка отапливала дом. Каждый из отрезков лежанки кана, идущий вдоль одной из стен жилища, принято называть секцией кана. Ориентировка всех частей кана начинается от входа в жилище, т. е. секция, проходящая вдоль левой от входа стены, будет называться левой, секция, находящаяся напротив входа,— задней и т. д.

Очаги подразделяются на основные и дополнительные. Основные — это очаги, от которых берут начало дымоходные каналы. Они представлены ямами размерами в среднем от 0,5—1,4 м в диаметре, глубиной 0,25—0,8 м. Форма их чаще эллипсовидная. Рядом с основными очагами располагались предочажные ямы, предназначенные для подачи топлива в очаги. Очаги отделяются от предочажных ям или перегородкой из камней или за счет перепада глубин ям.

В настоящее время можно выделить два типа очагов. Первый очаг, обложенный со всех сторон камнями, т. е. каменная вымостка находилась вокруг очажной ямы. Иногда дно и стенки очага обкладывались плитняком, но чаще обмазывались глиной.

Второй тип очага уже больше напоминает печь. При разборке таких очагов все пространство очажной ямы завалено рухнувшими от свода камнями. По-видимому, они были полностью закрытыми, за исключением места, через которое подавалось топливо. Сооружались очаги этого типа, вероятно, следующим образом: очажную яму обмазывали глиной, а сверху при помощи камней и глины создавали свод. Пищу на таких очагах можно было готовить благодаря раскаленным камням свода, но не исключено также, что для этих целей в своде очага могло быть оставлено отверстие.

К этому же типу относятся очаги с глиняным сводом. В разрезе они выглядят так: нижняя часть — обмазка очага — обожженная глина (0,05—0,08 м), затем древесные угли с золой (0,1 м) — остатки топлива, а выше — глиняный свод (0,1 м), представленный спекшимися кусками обмазки. Создавался этот свод, очевидно, при помощи деревянного каркаса, с обеих сторон обмазанного глиной. При эксплуатации очага свод обжигался, превращаясь в керамическую массу.

Размеры и количество очагов, очевидно, зависели от размеров секции кана. Естественно, что чем длиннее была секция кана, тем больше должен был быть очаг, для того чтобы прогреть весь кан. С этой же целью строили дополнительные очаги, которые располагались с внутренней стороны в середине секций или на их повороте. Такие очаги соединялись с внешними дымоходными каналами при помощи небольшого канальца. Следует отметить, что дополнительные очаги на повороте секции кана, по-видимому, использовались не только для обогрева помещения, а для производственных нужд. Они часто встречаются

в домах ремесленников. Дополнительные очаги были обычно небольших размеров (0,3—0,4 м) и не имели предочажных ям.

Подушка кана представляла из себя чаще всего искусственного происхождения земляное возвышение высотой 0,2—0,5 м, шириной 0,7—1,5, длиной от 1 до 4 м. Существовал и другой прием постройки подушки кана: пол внутри жилища выбирался на глубину 0,2—0,5 м, за исключением площади, где должен был находится кан. Сооружение подушки кана таким образом хорошо прослеживается в ранних жилищах Лазовского городища. На памятнике открыты также два кана, строительство которых завершено не было. При зачистке террасы — II и жилища 23 обнаружены платформы, на которых выявлены П-образной формы возвышения — подушки кана без дымоходных каналов.

Дымоходные каналы прорывались в подушке кана. Это были канавки шириной 0,2—0,3, глубиной 0,1—0,4 м. Внутри дымоходные каналы обмазывались глиной или обкладывались небольшими камнями. В разрезе они представлены полуовальными или прямоугольными углублениями. Дымоходные каналы берут свое начало от основных очагов. Между ними и очагами существуют так называемые коленца, поскольку дымоходные каналы берут свое начало в 0,1 м от очагов. Создается своеобразный перепад, благодаря которому, во-первых, теплый воздух попадал в дымоходные каналы, а во-вторых, каналы не засорялись топливом. В тех случаях, когда «коленца» не прослеживаются, а каналы берут начало непосредственно от очагов, на месте соединения дымоходных каналов и очага, как правило, находятся камни, поставленные на ребро для укрепления этого перехода. Сверху дымоходные каналы покрывались большими плоскими гальками или каменным плитняком, реже кирпичом. Промежутки между большими камнями забутовывались мелкими. Каменная поверхность кана обмазывалась глиной, которая выравнивала все его неровности.

Заканчивались дымоходные каналы в вытяжной трубе, которая обычно располагалась в углу жилища и чаще всего выводилась наружу. Для создания хорошей тяги труба должна была быть достаточно высокой. При раскопках фиксируются лишь основания труб в виде круглых или квадратных ямок диаметром 0,3—0,5 м и глубиной 0,1—0,5 м. Иногда ямки обкладывались камнями в один—четыре ряда. Такие трубы изготовлялись из выдолбленного ствола дерева и хорошо известны по этнографическим данным [11, с. 12, 13; 12, с. 39].

Итак, жилища Лазовского городища — наземные, каркасно-столбовой конструкции, прямоугольной формы, фасадом на короткую или длинную сторону, с канами внутри. Перечисленные черты присущи всем без исключения жилищам чжурчжэней Приморья. Главное, что различает их,— это форма кана.

В литературе давно поднимается вопрос: какой элемент домостроительства может служить критерием для классификации жилищ? Существуют классификации жилищ по конструктивным приемам, по положению пола относительно земли, по внутренней планировке, по местоположению очага или печи, по конструкции крыши и тому подобное [13, с. 115; 14, с. 221; 15, с. 168; 16, с. 61; 17, с. 29—31].

Очевидно, что при классификации жилищ памятников определенной культуры необходимо выбирать свой характерный признак. При этом следует строго придерживаться единого критерия [18, с. 9] и соблюдать иерархический характер классификации (признак второго уровня входит в ведущий, третьего — во второй и ведущий и т. д.). В связи с этим за основу классификации чжурчжэньских жилищ мы берем форму кана, от которой зависит внутренняя планировка дома и местоположение фасадной стороны.

Первая классификация чжурчжэньских жилищ по такому принципу была осуществлена Э. В. Шавкуновым [19, с. 72—89].

Членение материала было произведено последовательно, т. е. каждая подъединица поясняет и конкретизирует характеристику единицы (подкласс включает в себя признаки, последовательно уточняющие ха-

Характеристика жилищ Лазовского городища

№ п.п.	Жилище	Код	Площадь	Ориентировка	Центральный опорный столб	Ступа	Хозяйственная яма	Горн	Хозяйственный двор	Амбар
1*	47	I/Б/1/а/+2	33	Ю						
2*	42	I/А/1/а/+2	12	Ю						
3*	46	I/А/1/а/+2	20	Ю						
4*	30	I/Б/1/а/+3	18	Ю—В						
5*	33	I/Б/1/а/+2	16	Ю—В	+					
6*	43	I/А/1/а/+2	25	Ю—В						
7*	36а	I/Б/1/г/+3	16	Ю—В						
8*	36	I/Б/1/б/+3	26	Ю—В						
9	11	I/А/1/а/+3	35	Ю						
10	9	I/А/1/а/+3	44	Ю		+				
11	18	I/А/1/а/+3	40	Ю—В	+					
12	14	I/А/1/а/+3	20	Ю—В						
13	38	I/А/1/а/+3	28	С—В	+					
14	2	I/А/1/а/+3	35	Ю—В	+					+
15	1	I/А/2/а/+3	40	Ю—З	+		+			+
16	29	I/Б/1/а/+3	40	Ю—В		+				
17	3	I/Б/1/а/+3	48	Ю—З	+					
18	40	I/Б/1/а/+3	40	Ю—З						
19	19	I/Б/1/а/+3	44	Ю	+					
20	20	I/Б/1/а/+3	40	Ю—З	+	+				
21	6	I/Б/1/б/+3	22	Ю—З						
22	10	I/Б/1/е/+3	45	Ю—В	+					
23	44	I/Б/1/а/+3	30	Ю—В			+			
24	49	I/Б/1/а/+3	40	Ю	+				+	
25	24	I/Б/1/а/+3	40	Ю—В	+			+		+
26	34	I/Б/1/а/+3	34	Ю—В	+					
27	17	I/Б/1/б/+3	30	Ю—В						
28	31	I/Б/6/а/+3	33	Ю—В	+					
29	21	I/Б/21/а/+3	40	Ю—З	+	+				
30	4	I/Б/14/а/+3	40	Ю—В						
31	22	I/Б/5/а/+3	40	Ю—В				+		+
32	12	I/Б/1/г/+2	35	Ю—В	+					
33	50а	I/Б/1/г/+3	42	Ю	+					
34	41	I/Б/1/г/+3	24	Ю—В			+			+
35	8	I/Б/4/а/+3	40	Ю—В						
36*	7	II/Б/1/б/+2	21	Ю						
37*	17а	II/Б/1/б/+3	20	Ю—В						
38	16	II/Б/1/б/+2	24	Ю—В						
39	45	II/Б/1/б/+3	42	Ю						+
40	50	II/Б/1/б/+3	35	Ю						
41	Р—1а	II/А/1/а/+2	30	С—В						
42	Р—4а	III/А/1/а/+3	10	С—В						
43	Р—2а	III/Б/1/а/+2	30	Ю—В						
44	Р—3а	III/Б/1/а/+2	30	Ю—В	+					
45	25	III/Б/1/а/+2+3	45	С—З	+					
46	27	III/Б/2/а/+2+3	45	С						
47	26	III/Б/1/б/+3	50	Ю—В	+					
48	5	III/Б/3/в/+2+3	40	Ю—В						
49*	15	IV/А/1/а/+3	16	Ю—В						
50*	13	IV/А/1/а/+3	16	Ю—В	+					
51*	35	IV/Б/1/б/+3	16	Ю						
52*	48	IV/Б/1/б/+2	14	Ю						
53*	39	IV/В/1/б/+3	15	Ю—В						
54*	32	IV/В/1/б/+3	16	Ю—В						
55*	6а	IV/В/1/в/+3	18	Ю—В						

* Жилища нижнего строительного горизонта.
Р — жилища в редуте.

рактеристику более высокой единицы членения — класса). Расположение очагов, труб, количество дымоходных каналов — следующие, самостоятельные ступени классификации, поэтому им даны свои названия (вид, тип, вариант) и обозначения. Для каждой ступени классификации в своем классе дана своя нумерация (или буквенное обозначение), а не сквозная, так как тип, вид полностью зависят от формы кана. Пожа-

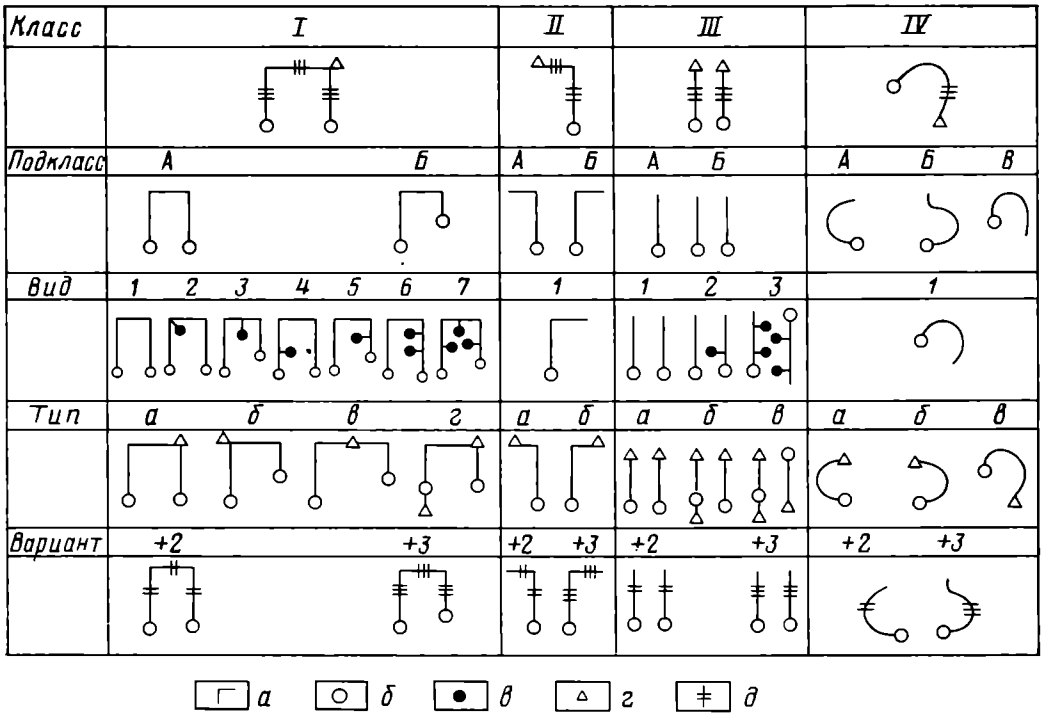


Рис. 3. Схема классификации канов. *а* — секции кана, *б* — основной очаг, *в* — дополнительный очаг, *г* — труба, *д* — количество дымоходных каналов

луй, исключением может служить вариант. Ему можно было бы дать сквозное обозначение по всем классам, но, придерживаясь одной системы, обозначение варианта даем по классам, хотя здесь заведомо происходит повторение.

Проведя классификацию по форме канов, в характеристику классов жилищ вводим и другие элементы домостроительства — площадь, ориентировку входа, наличие или отсутствие хозяйственных ям и т. д. (таблица).

Класс (I, II ...) выделяется на основании формы кана, т. е. количества секций. Подкласс (А, Б ...) определяется по расположению секций кана по отношению друг к другу и относительно местоположения их в жилище. Вид (1, 2 ...) указывает на наличие или отсутствие дополнительных очагов. Тип (а, б ...) выделен по местонахождению трубы. Вариант (+1, +2 ...) зависит от количества дымоходных каналов. Таким образом, класс включает в себя все элементы, из которых состоит кан.

На Лазовском городище выделено четыре класса канов (рис. 3), а отсюда и четыре класса жилищ. Ранние жилища представлены классами I, II, IV, поздние — I, II, III.

Жилища класса I имеют трехсекционный (П-образный в плане) кан, секции которого проходят вдоль правой, задней и левой стен жилища (рис. 2, *3*). Кан имеет два основных очага у начала правой и левой секций[3]. Этот класс самый многочисленный, так как из всего количества раскопанных жилищ на Лазовском городище к нему относится 63%. По статистическим данным, класс I имеет подкласс А — 28,7%, подкласс Б — 71,3%. 82,8% жилищ без дополнительных очагов. 77,1% жилищ имели трубу в правом заднем углу (тип а).

Особенности ранних жилищ I класса. Кан жилища 42 имел в левом заднем углу с внешней стороны дополнительный дугообразный дымоходный канал. Подобные детали в конструкции кана характерны для Ананьевского городища и Аргановского поселения Приморского края [20, с. 89; 21]. В жилище 42 обращает на себя внимание труба. Обычно

[3] Встреченные вариации расположения секций кана, дополнительных очагов, труб и количество дымоходных каналов показаны на рис. 3.

дымоходные каналы собираются у основания трубы. В данном жилище они соединялись в один дымоходный канал, который выходил за пределы жилого помещения на 0,5 м и там только соединялся с основанием трубы. В жилище 47 правая секция кана не заканчивается в правом углу, а, плавно повернув, немного проходит вдоль передней стенки жилища. Таким образом, вход в жилище, очевидно, был несколько смещен к переднему левому углу жилища. Жилище 36 интересно наличием в нем следов перестройки (рис. 2, *2*). Первоначально оно имело площадь 16 м² и двухканальный кан. Затем левую секцию кана присыпали, удлинив заднюю секцию, и построили новую — левую. Благодаря этому площадь жилища увеличилась до 26 м². Труба осталась на месте, но если в первоначальном варианте она занимала задний угол, то теперь — середину задней секции кана.

Особенности поздних жилищ I класса. У жилища 10 от левого основного очага отходил один дымоходный канал к передней стенке жилища. Очевидно, этот канал использовался в летнее время для приготовления пищи. У жилища 12 от середины задней секции кана отходила насыпная каковая подушка шириной 0,6 и высотой 0,2 м. В. Д. Леньков считает, что это остатки неотапливаемой лежанки типа земляных нар [4, с. 6]. Но вполне возможно, что это следы перестройки, с помощью которой древние строители хотели уменьшить площадь жилища. То же можно сказать и о жилище 50а. Жилище было трехсекционным, с трубой в правом заднем углу. Затем оно подвергалось перестройке, в результате которой правую сторону жилища до основания трубы засыпали. Возле трубы дымоходные каналы были перекрыты, при этом площадь жилища уменьшилась. Кан стал двухсекционным. В жилище 41 после снятия каменного покрытия кана обнаружилась интересная конструкция: Г-образный в плане и односекционный прямой кан имел общую трубу. У жилища 24 перед основным очагом левой секции кана находится еще один очаг, соединенный с первым небольшим канальцем. О назначении этого очажка судить трудно, так как часть его оказалась под огромным деревом.

Жилища класса II — с двухсекционным (Г-образным в плане) каном. Секции кана проходят вдоль задней и правой (или левой) со стороны входа стенок жилища. Кан имеет один основной очаг. Этот класс составляет 11% из числа раскопанных жилищ на Лазовском городище. Все жилища без дополнительных очагов.

Жилища класса III имеют односекционный (прямой в плане) кан (рис. 2, *5*). В жилищах каны прослежены от одного до двух. Каждая секция кана имеет свой основной очаг. Жилища этого класса составляют 12,7% из раскопанных жилищ. Жилище, относимое нами к подклассу А, обнаружено при раскопках в валу «редута», на месте предполагаемого прохода. В длину кан достигал 2,5, а в ширину 1,4 м. Жилище плохой сохранности. Остальные жилища этого класса относятся к подклассу Б. Они имеют каны с хорошо выраженной каковой подушкой. Площадь жилищ колеблется в пределах 30—50 м².

Жилища класса IV имеют полукруглый, С-образный в плане кан (рис. 2, *1*, *4*). Переход секции в секцию плавный, поэтому расчленить секции практически нельзя. Кан имеет один основной очаг. Этот класс составляет 13,3%. Он встречен только в ранних слоях Лазовского городища. Все жилища этого класса без дополнительных очагов, в основном трехканальные.

Жилища Лазовского городища, за исключением жилищ с перестройками (12, 36, 50), как отмечалось выше, имели вход с узкой стороны и были ориентированы входом на юго-восток и юг (90%). Площадь домов в зависимости от строительного горизонта различная. Ранние жилища имели площадь в пределах 15—25 м² (90%). Для поздних жилищ она увеличивается в 2 раза и достигает 30—45 м².

Данные, полученные при классификации, позволяют охарактеризовать ранние и поздние жилища Лазовского городища. Ранние жилища имели каны трех классов: трехсекционные, П-образные в плане, кото-

рые в большинстве случаев были двухканальными (75%); двухсекционные, Г-образные в плане каны с двумя и тремя каналами; закругленные, С-образные в плане каны с тремя дымоходными каналами (84%). Пол у этих жилищ в некоторых случаях слегка углублен в материк. Интересная особенность ранних жилищ состоит в том, что их стенки часто укреплялись каменной забутовкой шириной 0,2—0,3 м. Таким же образом иногда заполнялись пространства между дымоходными каналами, что, по всей видимости, способствовало закреплению их стенок. Пол в ранних жилищах всегда выбирался на глубину 0,3—0,4 м в центре, за счет чего образовывалась подушка кана. Удалось проследить, что жилища нижнего строительного горизонта образуют ряды (например, один ряд жилища 33, 32, 30, другой — 43, 46, 47, 48). Дома располагались близко друг от друга, расстояние между ними обычно не превышало 2—3 м. Это позволило предположить, что первоначальное заселение городища было довольно плотным. Следует отметить, что в этих жилищах нет дополнительных очагов, отсутствуют ступы, не обнаружены амбары и хозяйственные дворы. Маленькая площадь жилищ рассчитана на небольшую семью. Вполне возможно, что Лазовское городище при первой застройке могло быть военным гарнизоном, в котором обитали воины со своими семьями [5, с. 80]. Чжурчжэньские пограничные крепости были раскопаны на территории Внутренней Монголии [22, с. 157—174]. При описании этих городищ подчеркивается, что все пограничные войска были с семьями, т. е. живой единицей гарнизона была семья-двор. Гарнизон, помимо военных занятий по обороне, в свободное время занимался сельскохозяйственной деятельностью, разведением скота, пахотой, строительным делом, а в промежутках — охотой в качестве развлечений.

Жилища нижнего строительного горизонта скорее всего принадлежали первостроителям этого городища. Впоследствии оно по каким-то причинам было покинуто. Причем оставлено городище было в спокойной обстановке, так как только этим можно объяснить полнейшее отсутствие вещевого материала в жилищах нижнего строительного горизонта, за исключением нескольких невыразительных фрагментов керамики.

Во время вторичного заселения города меняется и его планировка. Прежние жилища полностью засыпаются, на их месте возводятся новые постройки. Поселение превращается в типичный средневековый чжурчжэньский город, в котором сооружаются «внутренние города» с колоннадными зданиями, возводится «редут», строятся дороги. Город застраивается по определенному плану. Меняются и сами жилища. В верхнем строительном горизонте выделено три класса жилищ: жилища с трехсекционным, П-образным в плане каном с тремя дымоходными каналами (90%); жилища с двухсекционным, Г-образным в плане каном; жилища с односекционным и двухсекционным, прямым в плане каном. Полностью исчезают жилища класса IV, представленные в большом количестве в нижнем строительном горизонте. Жилища класса I становятся преобладающими (75%). Изредка в жилищах появляются дополнительные очаги и горновые ямы. Изменяется принцип постройки подушки кана. Теперь ее насыпают поверх пола, делая земляные нары. Иногда подушку кана закрепляли плоскими, поставленными вертикально камнями. Сама подушка становится высокой, доходит до 0,5 м, увеличивается также ее ширина и длина. Площадь пола внутри жилища становится больше. Вокруг жилищ верхнего строительного горизонта почти всегда прослеживаются обваловки — остатки стен. Рядом с жилищем появляются амбары и хозяйственные дворы. Жилища второго строительного горизонта уже не отличаются от жилищ XII — начала XIII в., раскопанных на других городищах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шавкунов Э. В.* Отчет об археологических исследованиях на территории Приморского края в 1966 г.//Архив ДВФ СО АН СССР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 83.
2. *Леньков В. Д.* Отчет об археологических исследованиях на Лазовском городище в Приморском крае в 1974 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1. № 5298.
3. *Леньков В. Д., Галактионов О. С.* Отчет об археологических исследованиях на Лазовском городище на территории Приморского края в 1975 г./Архив ИА АН СССР. Р-1. № 5718.
4. *Леньков В. Д.* Отчет об археологических исследованиях на Лазовском городище в Приморском крае в 1978 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1. № 6968.
5. *Леньков В. Д.* Археологические исследования на Лазовском городище//Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР. Владивосток: Изд. ДВНЦ АН СССР, 1978.
6. *Воробьев М. В.* Городища чжурчжэней как фортификационные сооружения//Доклады отделений и комиссий географического общества СССР. Вып. 5. Этнография. Л.: Изд-во ГО СССР, 1968.
7. *Хорев В. А., Шавкунов Э. В.* О результатах археологических исследований на Ананьевском городище в 1972—1974 гг.//Новейшие археологические исследования на Дальнем Востоке СССР. Владивосток: Изд. ДВНЦ АН СССР, 1976.
8. *Кычанов Е. И.* Чжурчжэни в XI в. (Материалы для этнографических исследований)//Сибирский археологический сборник. Древняя Сибирь. Вып. 2. Новосибирск: Наука, 1966.
9. Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М.: Наука, 1979.
10. *Иванов С. В.* Старинное зимнее жилище ульчей//МАЭ. 1951. Т. XIII.
11. *Шренк Л.* Об иногородцах Амурского края. Т. II. СПб., 1899.
12. *Стариков В. С.* Материальная культура китайцев Северо-Восточных провинций КНР. М.: Наука, 1967.
13. *Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н.* Древние китайцы: проблема этногенеза. М.: Наука, 1978.
14. *Раппопорт П. А.* Картографирование типов древнерусских жилищ//Проблемы картографии. Л.: Наука, 1974.
15. *Раппопорт П. А.* Древнерусское жилище//САИ. 1975. Вып. Е1-32.
16. *Спегальский Ю. П* Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII в. Л.: Наука, 1972.
17. *Чижикова Л. Н.* Изучение сельского жилища восточных славян. Итоги и задачи классификации//СЭ. 1976. № 4.
18. *Каган М. С.* Классификация и систематизация//Типы в культуре. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979.
19. *Шавкунов Э. В.* К характеристике жилищ чжурчжэней по материалам археологических исследований 1963—1966 гг.//Материалы по истории Дальнего Востока (история, археология, этнография, филология). Владивосток: Изд. ДВНЦ АН СССР 1973.
20. *Хорев В. А.* О некоторых конструктивных особенностях жилищ Ананьевского городища//Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий. Владивосток: Изд. ДВНЦ АН СССР, 1983.
21. *Ивлиев А. Л.* Отчет об археологических исследованиях в Ханкайском районе Приморского края в 1978 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1. № 7478.
22. *Чжан Цинлун.* Отчет о раскопах Цзиньских пограничных крепостей в шахтной зоне Холинхэ. Внутренняя Монголия//Каогу. 1984. № 2 (на кит. яз.) [4].

N. G. Artemyeva

THE DWELLINGS OF THE LAZO FORTIFIED SETTLEMENT

Summary

The Lazo fortified settlement (Primorye Area) is dated between the latter half of the 12th and the early 13th century. The diggings yielded interesting materials on construction methods among the Chehurchzhenies; 55 dwellings permitted the archaeologists to identify two construction horizons. The dwelling types are dated on the basis of the kan design, varying area of the dwellings and construction elements.

The author offers her classification of the dwellings and identifies the later and the earlier ones. She also describes four classes of dwellings and their specific features and comes to the conclusion that the lower construction horizon was left by the original population while the later horizon relates to the typically mediaeval Chehurchzhenian town.

[4] Перевод А. Л. Ивлиева.

И. В. БЕЛОЦЕРКОВСКАЯ

КЕРАМИКА ОГУБСКОГО ГОРОДИЩА

Огубское городище, один из интереснейших памятников верхнеокского бассейна, расположено в Жуковском р-не Калужской обл. на берегу старицы р. Протвы. В 1921 г. оно было обследовано В. А. Городцовым, который в 1923 г. и произвел на нем первые раскопки. С целью уточнения хронологии поселения и пополнения музейной коллекции Т. Н. Никольская в 1949 г. заложила в его северо-западной части раскоп площадью 140 м². Раскопки проводились пластами по 20 см; в результате их вскрыт культурный слой мощностью 1,1—1,3 м, состоящий из двух горизонтов, и две округлые в плане землянки, углубленные в материк — южная на 1,5—1,6 м и северная на 2 м [1, с. 101, 102; 2, с. 101].

Это поселение до сих пор вызывает постоянный интерес исследователей, которые по-разному решают проблему его хронологии и культурной принадлежности [3, с. 18 слл.; 4, с. 41]. Для определения круга аналогичных Огубскому городищу памятников необходимо проанализировать керамику из раскопок Т. Н. Никольской[1], которая специальному исследованию еще не подвергалась. В коллекции В. А. Городцова этот материал почти полностью отсутствует.

В работе рассматриваются 2424 обломка сосудов и немногочисленные целые миниатюрные формы (ГИМ, № 82973) — из них 6,9% фрагментов принадлежат круговой керамике XI—XIII вв., которая прямого отношения к основному комплексу находок, вероятно, не имеет. Остальная посуда вылеплена от руки в ленточной технике на подставке, имеет плоское дно. В глиняном тесте заметны многочисленные включения зерен дресвы, реже — известняка, часто выходящие на поверхность сосудов. Керамика в основном тонкостенная, толщина стенок 3—6 мм, днищ — 7—10 мм. По типу обработки поверхности она делится на грубую кухонную (77,2% всей лепной керамики) и лощеную столовую (15,8%).

Грубая керамика в свою очередь подразделяется на гладкостенную и сетчатую, которая представлена всего девятью фрагментами сосудов с отпечатками так называемой «крапчатой» сетки. Обжиг гладкостенной посуды двух- и трехслойный, а сама она включает фрагменты с шероховатой, бугристой и более тщательно обработанной поверхностью в соотношении примерно 1,5 : 1. Большая часть ее представлена горшкообразными сосудами. Сравнительно небольшое количество венчиков, да и фрагментарность всего материала позволяют лишь очень приблизительно наметить классификацию гладкостенной посуды.

Тип I — банкообразные, характеризующиеся слабой припухлостью стенок и едва выделившимся венчиком. *Вариант* 1 (рис. 1, *1*) включает горшки с едва наметившейся шейкой, диаметр горла одного из них 24 см. Аналогичные формы известны на верхнеокских поселениях Федяшево, Дуна, Гремячее (ГИМ, № 42686, 42786, 39323), Сатинки [5, табл. 9, *13*], Супруты [6, рис. 1, *10*]. *Вариант* 2 (рис. 1, *2*) характеризуется слегка отогнутым наружу венчиком, имеет орнамент в виде слабовыступающих защипов по тулову и пальцевых вдавлений по венчику; диаметр горла 12, 18 см. Похожие формы есть на верхнеокских и москворецких городищах Федяшево, Старшее Каширское (ГИМ, № 61876), Гремячее, Сатин-

[1] Пользуюсь случаем поблагодарить Т. Н. Никольскую за любезное разрешение воспользоваться материалами ее раскопок.

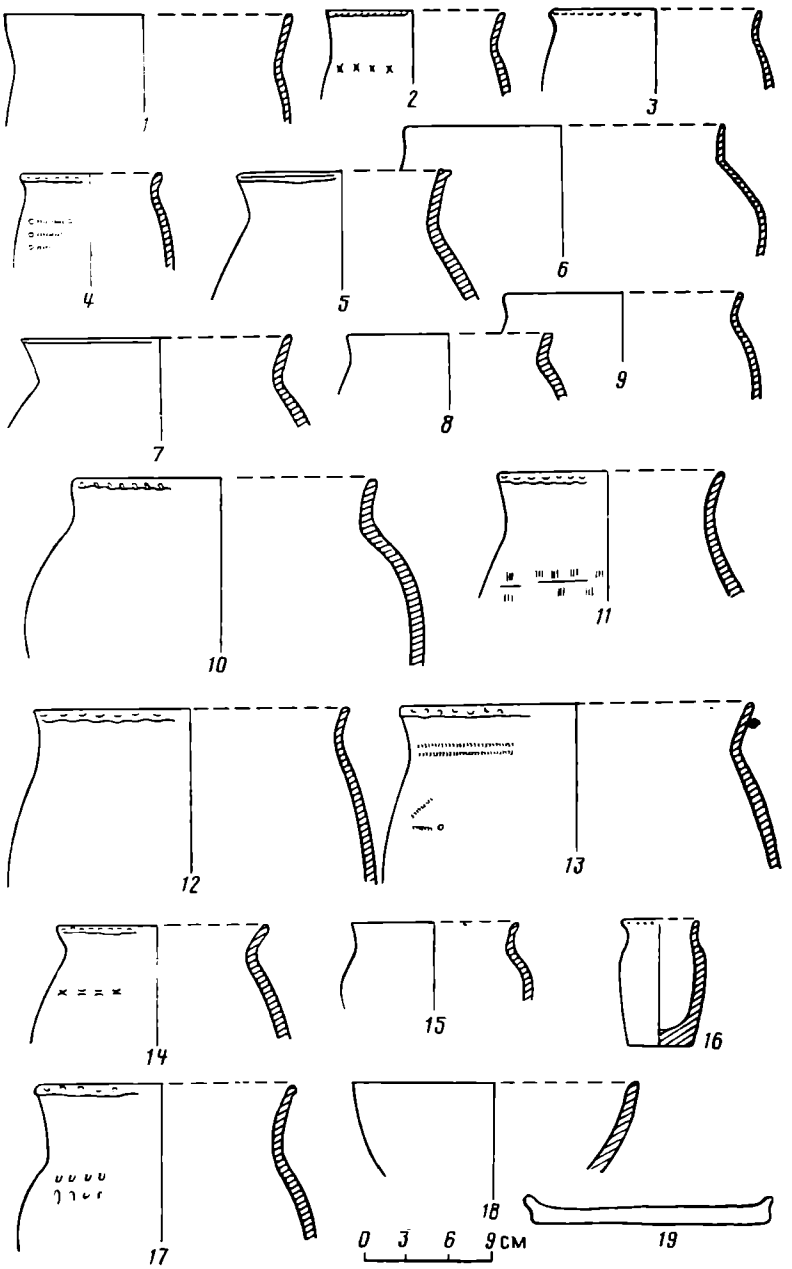


Рис. 1. Формы грубой гладкостенной посуды

ки [5, табл. 9, *16*], Дуна, Дьяково (ГИМ, № 86850), Мамоново [7, рис. 4, 9], Барвиха [8, рис. 30, *15*], в нижнем горизонте верхнего слоя Троицкого поселения [9, рис. 13, *15*, 23, *22*, 27, *12г*]. *Вариант* 3 (рис. 1, *3*) имеет короткую шейку и отогнутый наружу венчик; по венчику украшен насечками, ногтевыми вдавлениями, идущими параллельно краю. Установленный диаметр горла 14 см. Аналогии известны в верхнеокских — Дуна, Гремячее, Сатинки [5, табл. 10, *16*] — и москворецких — Соколовая Гора (ГИМ, № 94248), Мамонова Дача (ГИМ, № 86849) — памятниках, в верхнем горизонте нижнего и нижнем горизонте верхнего слоя Троицкого городища [9, рис. 23, *16*, 27, *14б*]. *Вариант* 4 (рис. 1, *4*) характеризуется отсутствием шейки и отогнутым наружу венчиком с ногтевыми вдавлениями, идущими параллельно краю; по тулову орнамент из оттисков перевитой веревочки и круглых вдавлений. Часть сосудов без орнамента. Диаметр горла 10—16 см. Аналогии известны в нижнем горизонте верхнего слоя Троицкого городища [9, рис. 1, *8*], на городищах Дуна, Дьяково, Кузнечики [10, рис. 1, *4*].

Тип II характеризуется наличием прямого, вертикально поставленного венчика. *Вариант* 1 (рис. 1, *5*) отличается высоким, слегка отогнутым венчиком и округлыми стенками. Венчики украшены тычковыми

вдавлениями, канавкой, идущей параллельно краю, и насечками; по тулову идут вдавления щепкой. Диаметр горла таких сосудов 14—18 см. Схожие формы известны на городищах Соколовая Гора, Дьяково (ГИМ, № 93991), Мамоново [7, рис. 4, *12*], Барвиха [8, рис. 30, *18*], в верхнем горизонте верхнего слоя Троицкого [9, рис. 14, *31*] и Щербинского [11, рис. 24, *13*] поселений, на селище у с. Супруты [6, рис. 1, *15*], в кург. 2 у д. Шаньково [12, табл. IV, *3*, с. 6]. *Вариант* 2 (рис. 1, *6*) характеризуется высоким прямым венчиком и резким переходом от шейки к округлому тулову. Орнамента нет, диаметр горла около 24—26 см. Это довольно редко встречающаяся форма сосудов, аналогии ей известны на поселениях Дьяково, Супруты [6, рис. 1, *14*], чуть менее профилированные есть на Федяшевском городище. *Вариант* 3 (рис. 1, *7*) — венчик также довольно высокий, но слегка отогнутый наружу, орнаментирован пальцево-ногтевыми вдавлениями, кольцевой канавкой; округлое тулово украшено в одном случае горизонтальным пояском защипов. Диаметр горла 16—26 см. Аналогичная форма есть на Супрутском селище [6, рис. 1, *26*]. *Вариант* 4 (рис. 1, *8*) представлен сосудами с относительно низким прямым или слабоотогнутым венчиком без орнамента либо украшенными насечками и вдавлениями палочкой. Диаметр горла этих сосудов 14—18 см. Схожие формы горшков известны на городищах Дуна, Гремячее, в верхнем горизонте верхнего слоя Троицкого поселения [9, рис. 22, *16*, 27, *16*] и на Супрутском селище [6, рис. 1, *16*]. *Вариант* 5 (рис. 1, *9*) отличается коротким прямым немного отогнутым венчиком с резким переходом к тулову; диаметр горла 16 см. Похожие формы есть в керамике городища Гремячее, в нижнем горизонте верхнего и в верхнем горизонте нижнего слоев Троицкого поселения [9, рис. 27, *14в*].

Тип III характеризуется среднеотогнутым наружу венчиком. *Вариант* 1 (рис. 1, *10*) представлен сосудами с относительно коротким отогнутым наружу венчиком и округлым туловом. Венчик без орнамента либо с отпечатками зубчатого штампа или кольцевой канавкой. Диаметр горла 16—21 см. Похожие горшки известны в керамике верхнего горизонта нижнего слоя Троицкого городища [9, рис. 13, *8*, 21, *7*] и городища Дуна. *Вариант* 2 (рис. 1, *11*) характеризуется высоким отогнутым наружу венчиком и очень плавным переходом к тулову. Края венчика орнаментированы ногтевыми вдавлениями, идущими параллельно им, пальцево-ногтевыми и вдавлениями палочкой; стенки украшены защипами и оттисками штампа в сочетании с ямочными вдавлениями. Диаметр горла 16—26 см. Похожие формы есть в керамическом материале Дьякова городища, в верхних горизонтах верхних слоев Троицкого [9, рис. 12, *28*, 13, *21*, 21, *23*, 22, *15*] и Щербинского [11, рис. 24, *15*] поселений, Супрутского селища [6, рис. 1, *20*, *29*]. *Вариант* 3, *подвариант* 1 (рис. 1, *12*) представлен горшками очень плавной профилировки, с высокой шейкой и немного отогнутым наружу венчиком. Венчик орнаментирован вдавлениями параллельно краю, тулово — прочерченным орнаментом в сочетании с тычковыми вдавлениями. Диаметр горла 20—22 см. Подобные горшки есть на городищах Дуна, Гремячее, в верхнем слое Троицкого поселения [9, рис. 12, *13*, 14, *24*]. *Вариант* 3, *подвариант* 2 (рис. 1, *13*) характеризуется относительно коротким отогнутым наружу венчиком и плавной профилировкой тулова. По венчику иногда идут оттиски перевитой веревочки и вдавления палочкой, по тулову — оттиски перевитой веревочки с ямочными вдавлениями. Диаметр горла этих сосудов 16—24 см. Аналогичные формы есть на Гремячевском, Федяшевском, Дьяковом поселениях, в верхнем горизонте нижнего и в нижнем горизонте верхнего слоя Троицкого городища [9, рис. 27, *14а*, *б*], на Супрутском селище [6, рис. 1, *31*], в верхнем горизонте верхнего слоя Щербинского поселения [11, рис. 24, *15*, *16*].

Тип IV представлен горшками с большей степенью отогнутости венчика. *Вариант* 1 (рис. 1, *14*) характеризуется коротким отогнутым наружу венчиком и припухлыми стенками. По венчику украшен кольцевой канавкой, вдавлениями параллельно краю; по тулову — горизонтальными защипами, оттисками перевитой веревочки в сочетании с небольшими

ямками. Эти сосуды, вероятно, были небольших размеров, с диаметром горла 10—15 см. Аналогичная посуда есть на Троицком, Щербинском, Федяшевском и Гремячевском городищах. *Вариант* 2 (рис. 1, *15*) представлен небольшими хорошо профилированными сосудами со средней величины венчиками, сильно отогнутыми наружу. В одном случае венчик украшен тычковыми вдавлениями острой палкой. Диаметр горла 12 см. Единственная целая форма представлена маломерным сосудом с диаметром горла 6 см, дна — 4 см и высотой 7 см (рис. 1, *16*). Похожие горшки есть на городищах Дуна, Гремячее, в верхнем горизонте верхнего слоя Троицкого [9, рис. 1, *20*, 21, *21*, 23, *7*, 27, *29*] и Щербинского поселений [11, рис. 24, *10*], на Супрутском селище [6, рис. 1, *30*]. *Вариант* 3 (рис. 1, *17*) отличается сильной профилировкой верхней части сосуда и высоким отогнутым наружу венчиком. Орнамент по краю — отпечатки зубчатого штампа, по тулову — пальцевые и вдавления палочкой. Диаметр горла 18—22 см. Похожие формы известны на городище Барвиха [8, рис. 30, *11*] и в верхнем слое Троицкого городища [9, рис. 27, *23а*].

На Огубском городище имеются также немногочисленные мискообразные формы сосудов (рис. 1, *18*), как правило, неорнаментированные, с диаметром устья 20, 26 см. Аналогии им известны в нижнем слое Троицкого городища [9, рис. 23, *1*, 27, *38*] и на Супрутском селище [6, рис. 1, *5*, *6*].

Помимо относительно тонкостенной грубой посуды преимущественно в верхних пластах раскопа 1949 г. на Огубском городище обнаружены мелкие обломки толстостенных сосудов с гладкой поверхностью и прямо поставленным венчиком. Тесто с примесью дресвы и известняка, толщина стенок 8—12 мм. Изредка по венчику идет орнамент в виде насечек. Диаметр горла около 20—26 см, детали форм реконструкции не поддаются, сама же группа сосудов немногочисленна — она составляет примерно 9% всей грубой гладкостенной посуды. Подобная керамика происходит с городищ Федяшево, Дуна, Свинухово, Николо-Ленивец, Мощины [2, с. 4, 6, 93, 100, 120, рис. 16, *11*]. Ей на рассматриваемом памятнике сопутствуют находки неглубоких глиняных с заглаженной поверхностью сковородок, по краям, как правило, украшенных насечками (рис. 1, *19*). Диаметр их 18—26, чаще всего 22—24 см; толщина днищ 0,8—1,2, стенок — 0,4—0,8 см, высота бортика 0,4—0,8 см. Общее число фрагментов их из раскопок 1949 г. составляет 58, из них 79,3% происходят из верхней части культурного слоя (I—VI пласты). Аналогии им известны в верхнем слое Щербинского городища [11, рис. 25, *46*, с. 133], на Воротынцевском поселении. По мнению Т. Н. Никольской, эти сковородки похожи на встречающиеся в раннероменских памятниках конца I тыс. н. э. [2, рис. 17, *4*, 8, *10*, *14*, *15*, с. 112].

В определении хронологии и культурной принадлежности памятника большое значение, как показали работы И. Г. Розенфельдт, имеет орнаментация керамики. Следует отметить, что из 1417 фрагментов грубой посуды орнамент имеют 28,6%, из них по краю венчика — 19,4%, по тулову — 9,2%. Орнамент на тулове сосудов размещался, как правило, в верхней трети. По краю венчиков огубская гладкостенная керамика украшалась прочерченной канавкой, идущей параллельно краю (рис. 2, *1*),— 16,09% всех орнаментированных венчиков, оттисками зубчатого штампа (рис. 2, *2*) — 18,2%, пальцево-ногтевыми вдавлениями (рис. 2, *3*, *4*) — 12,4%, ногтевыми насечками (рис. 2, *5*, *6*) — 15,02%, глубокими нарезками (рис. 2, *7*) — 11,84%, прерывистыми вдавлениями параллельно краю (рис. 2, *8*) — 8,88%, тычковыми вдавлениями острой палкой (рис. 2, *9*) — 6,25%, оттисками перевитой веревочки (рис. 2, *10*) — 5,95%, вдавлениями каким-то округлым предметом (рис. 2, *11*) — 4,6%. В единственном случае прослежен прочерченный орнамент (рис. 2, *12*). Все эти виды орнамента характерны для москворецких городищ I тыс. н. э. Кольцевая канавка встречается на сосудах городищ Дьяково, Кузнечики, Соколовая Гора, Неждино, в верхнем горизонте верхнего слоя Троицкого и Щербинского городищ [13, с. 85]. Отпечатки зубчатого штампа известны

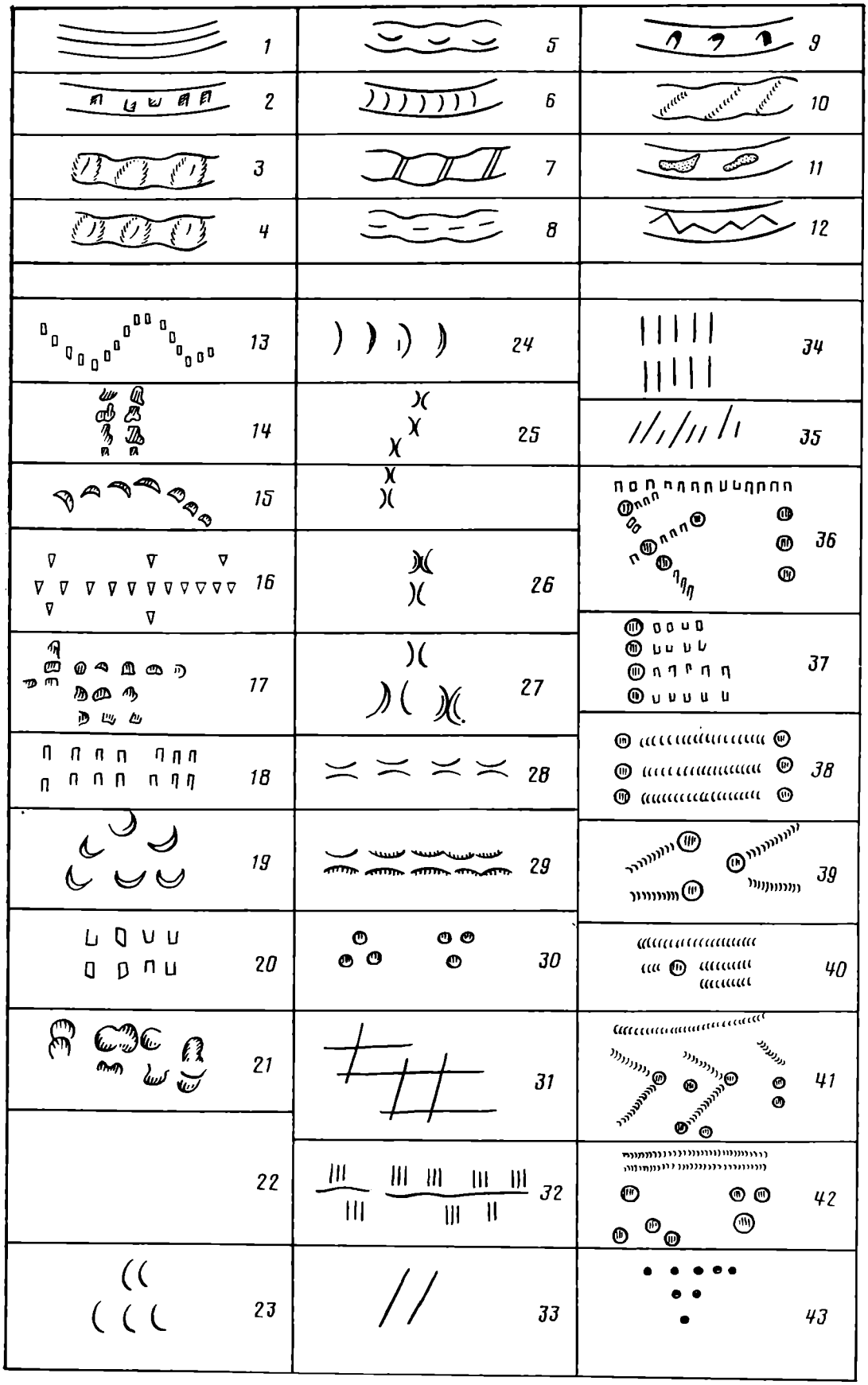


Рис. 2. Орнаментация грубой гладкостенной посуды

на городищах Дуна, Гремячее, Троицкое, Щербинское. Пальцевые, ногтевые и тычковые вдавления и нарезки являются широко распространенными видами орнамента, в частности на москворецких: Щербинское, Кузнечики, Троицкое, Соколовая Гора, Дьяково — и на верхнеокских поселениях: Дуна, Гремячее, Супруты, Сатинки, Федяшево, Мощины, Старшее Каширское, Сетунь. Прерывистые вдавления известны на Дьяковом

и городище Соколовая Гора. Следует отметить, что все указанные виды украшения венчиков применялись на всем протяжении существования Огубского городища, но при этом соотношение керамики с тем или иным орнаментом в разных горизонтах культурного слоя изменялось (табл. 1)

В целом прерывистые и ногтевые вдавления и нарезки чаще встречаются на посуде верхнего горизонта слоя, в то время как оттиски перевитой веревочки, пальцево-ногтевые и вдавления округлым предметом чаще употреблялись в ранний период существования поселения.

Более показательным в хронологическом и культурном аспектах элементом обработки лепной посуды является орнаментация ее по тулову. На 10,2% обломков стенок керамики Огубского городища есть орнамент, из них оттиски различных штампов (рис. 2, *13—21*) составляют 38,5%, оттиски перевитой веревочки (рис. 2, *22*) — 9,4%, пальцевые вдавления— 1,05%, пальцево-ногтевые вдавления — 2,1%, ногтевые вдавления (рис. 2, *23*, *24*) — 2,1%, слабовыступающие защипы (рис. 2, *25—29*) — 20%, ямочный (рис. 2, *30*) — 2,1%, прочерченный (рис. 2, *31—35*) — 7,2%. 13,5% обломков стенок украшено комбинированным орнаментом — оттисками различных штампов в сочетании с круглыми вдавлениями (рис. 2, *36*, *37*), отпечатками перевитой веревочки с ямочным орнаментом (рис. 2, *38—42*), оттисками штампов в сочетании с прочерченным орнаментом. Среди штампов есть: а — прямоугольные (рис. 2, *13*), аналогичные известным на Дьяковом, Федяшевском поселениях, в верхнем горизонте верхнего слоя Троицкого городища [9, рис. 23, *26*, *27*], Кузнечики [10, рис. 2]; б — полукруглые, как на поселениях Федяшево, Кузнечики [10, с. 170], верхнем горизонте верхнего слоя Троицкого городища [9, рис. 23, *30*, *31*]; в — подтреугольные (рис. 2, *16*), встречающиеся на городищах Дуна, Гремячее, Дьяково, Кузнечики, Барвиха, в нижнем горизонте верхнего слоя Троицкого поселения [9, рис. 23, *15*]; г — округлый (рис. 2, *19*) — аналогии есть в Федяшево и Дьяково; д — гребенчатый (рис. 2, *18*), аналогичен керамике поселений Кузнечики, Барвиха верхнего горизонта верхнего слоя Троицкого городища; е — серпообразный (рис. 2, *15*), есть на посуде городищ Соколовая Гора, Кузнечики, Дьяково; ж — ромбовидный, известен на Дьяковом городище; з — точечный (рис. 2, *43*), аналогичен орнаментации посуды с поселений Дьяково, Сатинки, Супруты, Троицкого городища, это всюду редкий вид украшения посуды. Отпечатки перевитой веревочки встречаются на поселениях Нежднно, Кузнечики, Троицкое, на толстостенной посуде городища Дуна и т. д. Пальцево-ногтевые вдавления по тулову часто встречаются на керамике как москворецких (Мамонова дача, Кузнечики, Барвиха, Троицкое), так и верхнеокских памятников (Дуна, Супруты, Сатинки, Федяшево, Старшее Каширское, Мощины). Нерельефные защипы известны на городищах Кузнечики, Нежднно, Дьяково, Барвиха, Соколовая Гора, Федяшево, Супруты. Необходимо отметить, что фрагменты стенок с вертикально расположенным орнаментом в виде защипов есть только в нижних пластах культурного слоя. Ямочный орнамент на керамике Огубского городища представлен мелкими вдавлениями с уплощенным дном и, как правило, в сочетании с оттисками гребенчатого штампа и перевитой веревочки; диаметр ямок 0,4—0,6 см, имеет аналогии на поселениях Дуна, Федяшево, Гремячее, Супруты, Кузнечики, Барвиха, Дьяково, Троицкое и пр. Прочерченный орнамент встречается также на посуде верхнеокских городищ — Дуна, Гремячее, Сатинки — и москворецких — Нежднно, Барвиха, Троицкое, Дьяково (табл. 2)

Для Огубского городища наиболее ранними видами орнаментации гладкостенной посуды являются оттиски гребенчатого штампа, встреченные исключительно в нижних пластах слоя, другие виды штампов, а также отпечатки перевитой веревочки, защипы, насечки щепкой употреблялись на всем протяжении существования поселения. Пальцево-ногтевые вдавления и прочерченный орнамент характерны преимущественно для верхнего горизонта культурного слоя, а процент посуды, орнаментированной защипами, несоизмеримо возрастает на позднем этапе существования памятника.

Таблица 1

Распределение орнаментированных венчиков гладкостенной посуды по горизонтам, %*

Вид орнамента	Нижний горизонт, VII—XIV пласты	Верхний горизонт, I—VI пласты
Прерывистые вдавления	19,8	16,8
Зубчатый штамп	3,6	13,2
Ногтевые вдавления параллельно краю	8,8	10,8
Оттиски перевитой веревочки	8,8	2,9
Нарезки	7,3	15,6
Вдавления округлым предметом	8	1.8
Косые ногтевые вдавления	2,1	7.8
Пальцево-ногтевые вдавления	12,4	8,4
Тычковые вдавления	7,3	5,54
Прочерченный	0	0,6

* Процент вычислен от общего количества орнаментированной посуды.

Таблица 2

Распределение орнаментированной по тулову гладкостенной посуды по горизонтам, %*

Вид орнамента	Нижний горизонт, VII—XIV пласты	Верхний горизонт, I—VI пласты
Оттиски штампов	47,2	23,9
Оттиски перевитой веревочки	11,3	7,1
Пальцевые вдавления	0	2,3
Ногтевые вдавления	0	4,7
Пальцево-ногтевые вдавления	1,8	2,3
Защипной	15,1	26.2
Нарезки щепкой	7,5	2,3
Ямочный	3,7	0
Прочерченный	0	16,7
Комбинированный	13,1	14,2

* Процент вычислен от общего количества орнаментированной посуды каждого горизонта.

Таблица 3

Соотношение видов орнаментации гладкостенной посуды на памятниках верхней Оки и Москворечья, %*

Вид орнамента	Огубское городище	Супрутское селище	Щербинское городище	Троицкое городище	Городище Кузнечики
Защипной	20	61	13,2	7,06	19
Ногтевой	4,2	16,1	6	41,97	22,4
Ямочный	2,1	15,8	—	7,85	5.8
Комбинированный	13,5	5,44	—	—	—
Пальцевый	1.05	0,534	—	—	0,6
Оттиски перевитой веревочки	9.4	0,534	16,4	27,49	13.8
«Жемчужный»	—	0,213	—	—	—
Отпечатки щепки	5,1	—	1,4	3,42	2,6
Прочерченный	7,2	—	6	6,03	1,5
Гребенчатый штамп	18,9	—	21,5	—	—
Штампы	17,9	—	29,4	5,71	2,3
Ямочный с перевитой веревкой	5,15	—	2,3	—	—

* Проценты вычислены от общего количества орнаментированной по тулову посуды.

Орнамент, как правило, располагался в верхней трети сосуда в виде зигзагообразных линий, одно- и трехрядовых поясков и городков (рис. 2). Наиболее сложные схемы его построения применялись в расположении комбинированных видов орнамента. В целом они аналогичны приемам орнаментации керамики с указанных выше верхнеокских и москворецких памятников. В нашем распоряжении имеются данные о процентном соотношении керамики с различными видами орнамента по тулову с пяти поселений — двух верхнеокских (Огубское городище, Супрутское селище) и трех москворецких — городища Кузнечики,Троицкое, Щербинское [6, с. 200—201; 9, с. 10; 10, с. 166; 11, с. 120] (табл. 3).

Как видно из таблицы 3, для Огубского городища характерны примерно те же виды орнаментации, керамики, что и для названных выше памятников, но процент посуды с ногтевыми насечками, оттисками перевитой веревки здесь менее значителен, чем на москворецких городищах. В то же время огубская керамика отличается и от супрутской, где совершенно нет отпечатков штампов и где значителен процент посуды с защипами, ногтевым и ямочным орнаментом. Причина этого, вероятно, кроется как в территориальных, так и в хронологических отличиях.

Лощеная и подлощенная посуда Огубского городища представлена двумя основными категориями — горшками, которых подавляющее большинство, и мискообразными сосудами. Это керамика из хорошо отмученного теста с примесью песка и мелкой дресвы черного, серого, реже коричневого и желтого лощения. Толщина стенок 0,4—0,6 см. Вся посуда без орнамента. Горшки профилированных форм. Тип I представлен относительно слабо профилированными формами с несколько отогнутым наружу венчиком и плавной профилировкой тулова. *Вариант* 1 (рис. 3, *1*) характеризуется небольшими размерами, коротким почти прямым венчиком и слабой припухлостью стенок; диаметр горла 9—16 см. *Вариант* 2 (рис. 3, *2*) отличается большей степенью профилировки, диаметр горла 12—14 см; похожие формы известны среди лощеной посуды городища Дуна и Щербинского поселения [11, рис. 42, *8*]. *Вариант* 3 (рис. 3, *3*, *3а*) представлен подвариантами, характеризующимися невысоким отогнутым наружу венчиком и плавным переходом от него к тулову; диаметр горла 16—26 см. Схожие формы есть на Троицком [9, рис. 10, *5*, *11*, *11а*], Дьяковом и Щербинском городищах [11, рис. 42, *7*] и в кург. 1 у д. Шаньково [12, табл. 3, *5*]. Тип II включает горшки с высоким прямо поставленным венчиком и округлым туловом. *Вариант* 1, *подвариант* 1 (рис. 3, *4*) характеризуется относительно плавным переходом к тулову и небольшой припухлостью стенок; один сосуд по венчику орнаментирован косой насечкой. Диаметр горла 14—24 см. Аналогии ему известны в Дьяково, Дуне и на Щербинском городище [11, рис. 42, *2*, *4*]. *Вариант* 1, *подвариант* 2 (рис. 3, *4а*) отличается большей толщиной стенок и резким, подчеркнутым полосой переходом от шейки к тулову; диаметр горла этих сосудов 18—26 см, аналогии им есть на Щербинском городище [11, рис. 42, *14*]. *Вариант* 2 (рис. 3, *5*) характеризуется сильно раздутым округлым туловом; диаметр горла 14—18 см, аналогичен некоторым формам дьяковской и щербинской посуды [11, рис. 42, *9*]. *Вариант* 3 (рис. 3, *6*) представлен горшками с высоким прямым венчиком, резким переходом от шейки к округлому тулову; формой напоминает вазу, имеет аналогии на Дьяковом городище и в грубой посуде Огубского городища.

Тип III отличается довольно высоким венчиком, слегка отогнутым наружу, и прямой шейкой. *Вариант* 1 (рис. 3, *7*) представлен горшками с диаметром горла 18—26 см, имеет аналогии на Щербинском городище [11, рис. 42, *9*]. Вариант *2* (рис. 3, *8*) имеет своеобразный изгиб в месте перехода от шейки к тулову; стенки его менее округлы; диаметр горла 18, 24 см; похожие формы есть в кург. 1 у д. Шаньково [12, табл. III, *1*]. *Вариант* 3 (рис. 3, *9*) отличается слегка изогнутой шейкой и относительно невысоким венчиком, но более округлым, нежели вариант 2, туловом. Подобные формы известны в Дьяково и на Щербинском городище [11, рис. 42].

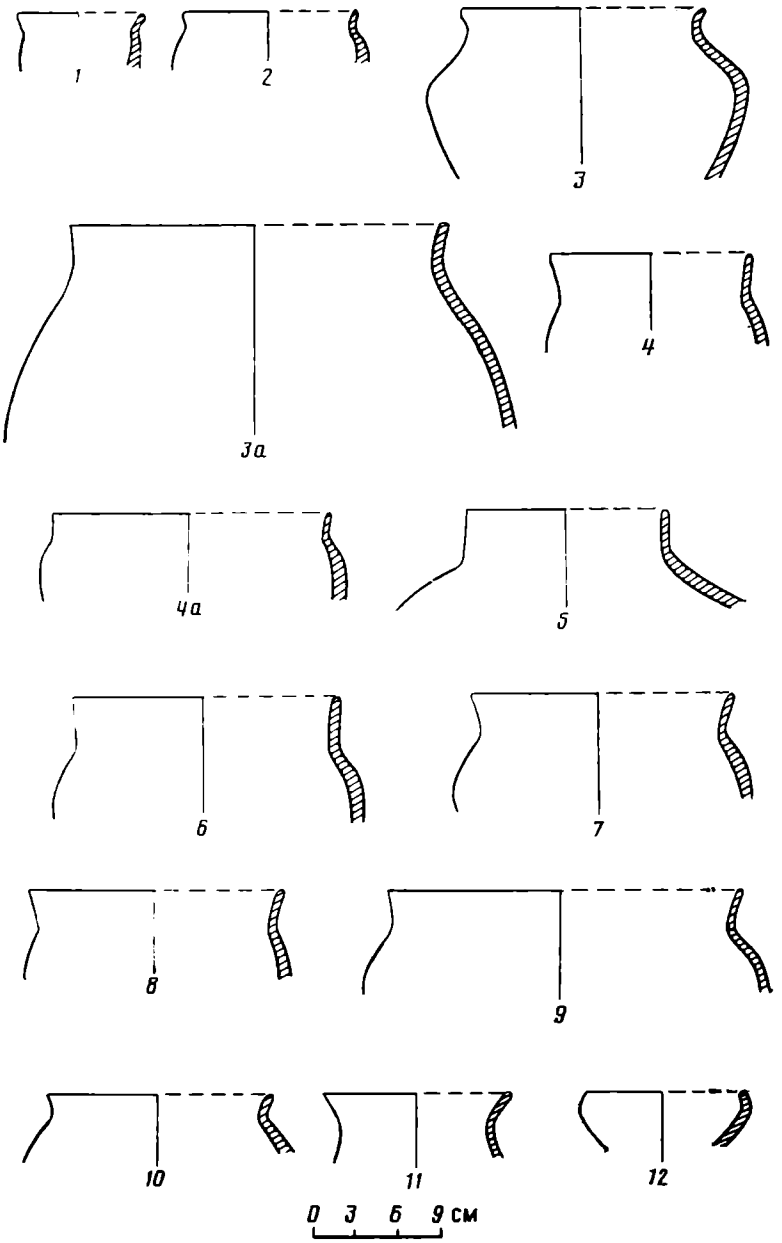


Рис. 3. Формы лощеной керамики

Тип IV характеризуется сильной степенью отогнутости венчика и в целом резкой профилировкой. *Вариант* 1 (рис. 3, *10*) представлен горшками с прямой или слегка изогнутой шейкой, невысоким венчиком; диаметр горла 16—20 см, но есть маломерные сосуды с диаметром горла 10 см. Подобные формы есть в Дьяково, на Троицком [9, рис. 10, *5*, *9*] и на Щербинском [11, рис. 42, *3*] городищах. *Вариант* 2 (рис. 3, *11*) характеризуется сильно изогнутой шейкой и относительно плавным переходом ее в тулово. Диаметр горла 14—16 и 22—24 см. Похожие формы отмечены на Троицком [9, рис. 10, *4*, *5*] и Щербинском городищах [11, рис. 42, *5*, *8*).

Из мискообразных на Огубском городище зафиксирована единственная форма с вогнутым внутрь краем и ребром в месте перехода венчика к тулову (рис. 3, *12*), аналогичная сосуду с городища Дуна. Диаметр устья 10—12 см.

Многие формы лощеной посуды имеют аналогии в грубой гладкостенной керамике рассматриваемого памятника (табл. 4).

Другой категорией находок на Огубском городище являются миниатюрные сосуды, которые составляют 0,7% всего керамического материала из раскопок 1949 г. Для более подробной их характеристики привлекаем коллекцию из раскопок В. А. Городцова.

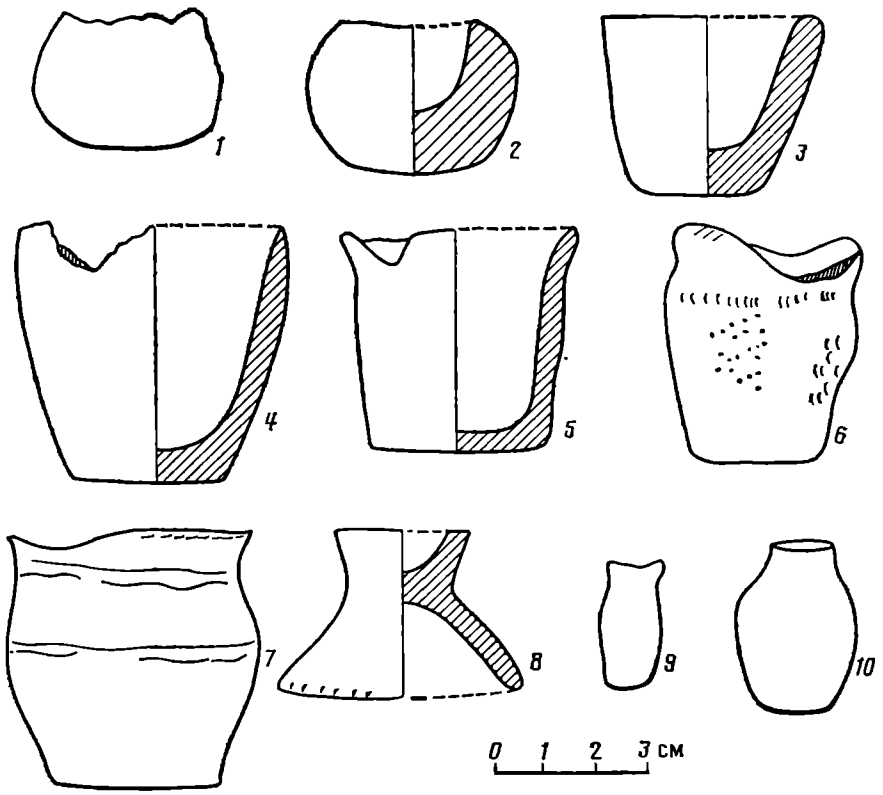


Рис. 4. Миниатюрные сосуды

Миниатюрные сосуды лепились из хорошо отмученной глины, иногда с примесью дресвы; поверхность их временами залащивалась, но чаще оставалась шероховатой или лишь слегка заглаженной. Часть сосудов (рис. 4, *1*, *2*) вылеплена из цельного куска глины; их размеры, пропорции, толщина стенок варьируют в следующих пределах: диаметр устья 1,5—5, высота 2—5, толщина стенок 0,4—1 см. Шейки не выделены, борта прямые. На одном сосудике по краю идут насечки. Аналогичные формы известны на Троицком, Мощинском, Щербинском, Дьяковом поселениях, на городищах Кузнечики, Мужитино [9, рис. 11, *1*, *3*, *5*, *23*, 27, *33*; 10, рис. 1, *12*, 11, рис. 25, 1, 4, 7, 10, *26*]. У некоторых сосудов борта в верхней части расширяются (рис. 4, *3*). Их размеры: диаметр устья 4,5—4,7, диаметр дна 3,2—3,6, высота 4,2—4,4 см. Край одного сосуда украшен насечками. Похожие формы есть на Щербинском, Троицком поселениях и городище Кузнечики [9, рис. 11, *8*, 27, *32*; 10, рис. 1, *9*; 11, рис. 25, *10*].

Часть сосудов (рис. 4, *4*) имеет слегка выпуклые стенки, иногда немного вогнутый внутрь край. Среди них выделяются довольно высокие, вытянутых пропорций и низкие приземистые. Диаметр устья 2,7—6, дна — 1,5—4, высота 2,2—5,5 см. Похожие формы есть на Щербинском, Троицком, Дьяковом, Мужитинском, Мощинском городищах [9, рис. 27, *37*, *45*; 11, рис. 25, *18*, *30*] (ГИМ, № 93991, 25778, 42216, 54746).

Некоторые сосуды имеют едва выделившуюся шейку и слегка припухлые стенки (рис. 4, *5*). На одном из них нанесены пальцевые вдавления. Диаметр устья таких сосудов 3,5—5,4, дна — 2,7—3,3, высота 3,5—4,5 см. Схожие формы есть на Троицком, Щербинском, Дьяковом, Мощинском городищах [9, рис. 11, *8*, *10*; 11, рис. 25, *14*, *38*]. Небольшая часть сосудов имеет округлое тулово, хорошо выделенную шейку и отогнутый наружу венчик. Два из них имеют орнамент в виде вдавлений щепкой (?) по тулову, насечек и тычковых вдавлений острой палочкой; по венчику орнамент представлен ногтевыми вдавлениями параллельно краю, насечками и тычковыми вдавлениями. Диаметр горла 3,2—6, дна — 2—4,2, высота 3,5—5 см. Схожие формы есть в керамическом материале Дьякова и Щербинского городищ [11, рис. 26, *35*] (рис. 4, *6*, *7*).

Часть миниатюрных поделок представлена крышками с диаметром

Таблица 4

Сходство форм лощеной и гладкостенной посуды

Категория			Типы и варианты		
Гладкостенная	II/2	III/1	I/2 III/1	IV/1	II/1
Лощеная	II/2	II/5	III/2 III/3	IV/1	IV/2

Таблица 5

Встречаемость типов посуды (по пластам)

Пласт	Тип посуды			
	грубая лепная	лощеная	сковородки	круговая
I	181	41	1	3
II	144	43	10	18
III	193	4	4	29
IV	167	79	8	31
V	206	31	13	45
VI	96	28	10	23
VII	70	28	4	1
VIII	119	21	3	1
IX	104	17	—	2
X	197	21	3	5
XI	68	—	—	—
XII	146	32	—	1
XIII	30	6	—	1
XIV	57	4	2	7

Таблица 6

Распределение различных типов посуды по горизонтам, %*

Пласт	Тип посуды			
	грубая лепная	лощеная	сковородки	круговая
I—VI	58,9	63,7	79,3	89,3
VII—XIV	41,1	36,3	20,7	10,7

* Процент вычислен от общего количества фрагментов каждого типа посуды, найденного на Огубском городище.

2,3—5 и высотой 2,5—3,2 см (рис. 4, *8*). В коллекции В. А. Городцова есть фрагменты глиняных крышек для большемерных сосудов.

Необходимо отметить, что миниатюрные сосуды встречены как в нижнем, так и в верхнем горизонте культурного слоя Огубского городища. Часть их имела лощеную и подлощенную поверхность и хорошо развитые формы (рис. 4, *9*). Аналогичные сосуды есть на Щербинском и Мощинском городищах [11, рис. 42, *17*]. Другой горшочек (рис. 4, *10*) аналогичен найденным на городищах Дуна и Дьяково. В целом профилированные миниатюрные сосуды повторяют формы бытовой посуды.

Для выяснения стратиграфии Огубского городища и определения времени бытования его посуды большое значение имеет распределение некоторых типов керамики, включая круговую, по пластам (табл. 5).

Эта таблица полностью подтверждает наблюдение Т. Н. Никольской о членении культурного слоя городища на два горизонта — верхний в пределах I—VI пластов и нижний — VII—XII и местами XIV пласты [1, с. 105]. Действительно, с VII пласта резко снижается количество находок обломков сковородок и круговой посуды, в то время как число фрагментов лепной посуды почти не меняется. Если проследить залегание этих типов посуды в верхнем и нижнем горизонтах слоя, то выясняется, что в результате перекопов в нижнюю часть слоя попало 10,7% всех находок фрагментов круговой керамики (табл. 6).

Таблица 7

Встречаемость различных типов посуды на памятниках Верхней Оки и Москворечья, %

Тип посуды	Наименование памятника				
	Огубское городище	городище Кузнечики	Шербинское городище	Троицкое городище	селище Супруты
Лощеная	15,8	2	1,5	2,77	1
Гладкостенная	77	98	81,4	96,69	92
Круговая	6,9	0,05	—	—	—
Штрихованная	—	—	3,4	—	—
Сетчатая	0,3	—	0,06	—	—
Рогожная	—	—	0,06	—	—

Можно полагать, что на исследованном Т. Н. Никольской участке памятника около 11% его площади имело нарушенную в результате деятельности населения XI—XIII вв. стратиграфию, а какая-то часть его была перекопана в более раннее время. Представляется, что эти перекопы тем не менее не могли серьезно повлиять на наши выводы о распределении и относительной хронологии тех или иных типов посуды Огубского городища, тем более что произведенные статистические подсчеты различных видов керамики, в частности орнаментированной, позволяют проследить определенные закономерности в ее стратиграфии.

В целом для нижнего горизонта культурного слоя наиболее характерна грубая гладкостенная посуда, которая чаще всего по венчику орнаментировалась оттисками перевитой веревочки, пальцево-ногтевыми и вдавлениями неопределенных форм, а по тулову — оттисками различных штампов и перевитой веревочки. В верхнем горизонте появляется новый тип толстостенной керамики и глиняные сковородки: грубую, относительно тонкостенную посуду по венчику чаще всего украшают прерывистыми и ногтевыми вдавлениями и нарезками, а по тулову — пальцево-ногтевыми вдавлениями и прочерченным орнаментом, причем значительно возрастает процент горшков, орнаментированных защипами. Весьма примечательно, что лощеная и подлощенная керамика встречается в обоих горизонтах культурного слоя, причем из нижнего происходит 36,3% ее. Даже если предположить, что часть этой посуды попала туда в результате нарушения стратиграфии слоя, то вряд ли она составляла бы такой большой процент. Очевидно, лощеная керамика изготовлялась почти с самого начала существования поселения.

Для определения времени функционирования Огубского городища необходимо обратиться к сравнительной таблице 7.

Как уже упоминалось, из раскопа 1949 г. происходит всего девять обломков сетчатой керамики позднего типа. Из дневника В. А. Городцова [15], в котором специально оговаривались все случаи находок этой посуды, следует, что обломки ее встречались чрезвычайно редко, в количествах, несоизмеримо меньших, чем любой другой тип керамики. Следовательно, можно полагать, что Огубское поселение возникло позже, чем Щербинское и Троицкое городища и селище у с. Супруты, когда сетчатая керамика уже выходит из употребления. По этому показателю памятник тяготеет к городищу Кузнечики.

Для определения хронологии Огубского городища обратимся к аналогиям. Орнамент по тулову сосудов в виде слабовыступающих защипов на городищах Москворечья существует со II в. н. э. [9, с. 45], а горизонтальное и диагональное его расположение характерно в основном для позднего этапа Троицкого городища, т. е. для III—VI(VII?) вв. По удельному весу керамики с защипами Огубское поселение ближе всего к городищу Кузнечики, где этот вид посуды составляет 19% всей орнаментированной. Ногтевые вдавления были распространены в течение длительного времени — они известны на посуде как нижнего, так и верхнего слоев Щербинского и Троицкого городища, но чаще всего встречались в верхнем слое последнего [9, табл. 2, с. 10], т. е. в III—

VI(VII?) вв. А на Огубском городище они известны только в верхних пластах. Ямочный орнамент на рассматриваемом поселении сочетается, как правило, с веревочным и по аналогиям может относиться ко времени не ранее III—IV вв. [9, с. 37, 38; 14, с. 109]. По удельному весу посуды, украшенной таким образом, Огубское городище ближе всего к верхнему слою Щербинского поселения, где эта керамика составляет 2,9% [11, с. 120]. Оттиски перевитой веревки, кроме того, зафиксированы и на грубой толстостенной посуде типа сосудов из верхнего слоя Дуны [2, с. 46], т. е. IV—VII вв. Прочерченный орнамент на рассматриваемом городище известен лишь в верхнем горизонте культурного слоя, а один из его вариантов имеет прямую аналогию в нижнем горизонте нижнего слоя Троицкого городища [9, рис. 22, *6*]; по удельному весу огубская посуда с таким видом орнаментации ближе всего к верхнему слою Щербинского поселения, где ее обнаружено 6,7%. Гребенчатый штамп более всего характерен для нижнего горизонта Огубского городища, а композиционное его построение находит аналогии в верхнем горизонте верхнего слоя Троицкого городища V—VI вв. Другие виды штампов и по исполнению, и по схеме их расположения также тяготеют к верхнему слою этого памятника, т. е. к III—VI вв. Надо отметить, что ранних видов штампов (двудольный, розетка) на Огубском городище нет.

Несмотря на большое сходство гладкостенной посуды рассматриваемого памятника и москворецких городищ, есть и ряд отличий, в частности здесь нет защипов в сочетании с другими видами орнамента, менее богат набор композиционных схем, реже встречается керамика с оттисками перевитой веревочки и ногтевым орнаментом, чаще с защипным.

Формы огубской посуды, как правило, аналогичны посуде из верхних слоев Троицкого и Щербинского городищ и в редких случаях из верхнего горизонта нижнего слоя Троицкого поселения, т. е. относятся к периоду в основном III—VI(VII?) вв. Лишь некоторые типы грубой гладкостенной посуды (тип I, вариант 3; тип II, вариант 5; тип III, вариант 3) можно отнести к началу нашей эры — III в.

Лощеная посуда на памятниках рассматриваемого круга бытует, по общераспространенному мнению, в IV—VI вв. [1, с. 173], а на верхнеокских поселениях — в IV—VII вв. [2, с. 46—49]. Фрагменты толстостенных горшков, украшенные иногда отпечатками перевитой веревочки, и глиняных сковородок, как полагают, наибольшее распространение получили позже — в конце I тыс. н. э. и сравниваются с посудой роменской культуры [2, с. 46].

Все это в целом свидетельствует о том, что наиболее интенсивно культурный слой на Огубском городище нарастал в III—VII вв. Этот вывод основывается, во-первых, на том, что большинство аналогичных огубской гладкостенной керамике форм и типов ее орнаментации происходит из соответствующих этой дате горизонтов культурного слоя Троицкого и Щербинского городищ; во-вторых, на весьма высоком удельном весе (15,8%) лощеной посуды на этом памятнике; в-третьих, на наличии в верхних пластах его грубой толстостенной посуды с веревочным орнаментом и обломков сковородок, что можно считать признаком довольно позднего времени [11, с. 186—196].

Следует подчеркнуть, что лощеная керамика на Огубском городище залегает не только в верхнем, но и в нижнем горизонте культурного слоя, а это означает, что либо памятник возник не ранее IV в., либо данный участок городища был обжит позже, чем остальная его территория. Против этих предположений свидетельствуют находки, хотя и немногочисленные, обломков сетчатой керамики. Интересно, что кольцевая канавка, так же как и горизонтальное расположение ногтевых вдавлений по краю венчиков, известные лишь в верхних слоях москворецких городищ [13, с. 85], на Огубском поселении в равной степени встречаются как в нижнем, так и в верхнем горизонте слоя, что в свою очередь может в какой-то мере говорить о возникновении памятника не

ранее III в. Однако наиболее вероятным представляется предположение, что лощеная посуда появилась на Огубском городище не в IV в., а значительно раньше — в III или даже во II в.[2]

Что касается присутствия на памятнике слоев VI—VII вв., то косвенным свидетельством того могут служить находки прорезной колокольчатой привески [16, рис. 2, *43*, с. 18, 19], привески в виде четырехгранной пирамидки с петлей [16, рис. 3, *31*, с. 22—25], обломка тордированной дротовой гривны с расплющенным концом и дырочкой в нем [16, рис. 13, *4а*, с. 60, 61], наконечников поясов или поясных привесок [16, рис. 24, *18*, с. 106—109], пластинчатых кресал [16, рис. 36, *9*, *10*, с. 144, 145] и пр.

Подводя итоги всему сказанному, на данном этапе исследования можем с достаточной уверенностью утверждать следующее: 1) бóльшая часть керамики Огубского городища по технологии изготовления, по формам и приемам орнаментации идентична керамике дьяковской культуры; 2) наиболее интенсивно культурный слой на этом памятнике, по существующей хронологии, откладывался в III—VII вв.; 3) находки более раннего времени чрезвычайно невыразительны; 4) в верхнем горизонте появляется посуда, характерная для мощинской культуры, но преобладающей остается керамика дьяковского типа; 5) большой процент лощеной посуды выделяет Огубское городище из круга аналогичных ему памятников, что, вероятно, вызвано тесными контактами с носителями мощинской культуры.

Таким образом, Огубское городище, возникшее позже классических дьяковских типа Щербинского и Троицкого, с самого начала было своеобразным памятником; культура его населения была смешанной, синтезировавшей сложнейшим образом переплетенные черты финно-угорской и балтской культур. Представляется, что в целом это поселение относится к кругу позднедьяковских, но с более сильным балтским элементом, хотя и не в такой степени, как верхний слой Супрутского селища, где огромен процент керамики с защипным орнаментом. На позднем этапе его существования ощутимое влияние на него оказывали носители мощинской культуры, о чем свидетельствует появление здесь грубой толстостенной посуды и некоторых типов вещей, что позволило В. В. Седову отнести Огубское городище к памятникам мощинского типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Никольская Т. Н.* Огубское городище//КСИИМК. 1949. Вып. XXXVIII.
2. *Никольская Т. Н.* Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н. э.// МИА. 1959. № 72.
3. *Смирнов К. А.* Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги)//Дьяковская культура. М.: Наука, 1974.
4. *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М.: Наука, 1982.
5. *Белоцерковская И. В.* Древние поселения верхнего течения Упы (на керамическом материале). Дипломная работа. М., 1972//Архив кафедры археологии МГУ.
6. *Белоцерковская И. В.* Керамика некоторых поселений раннего железного века на Верхней Упе//СА. 1981. № 2.
7. *Качанова В. И.* О заселении Московского края в эпоху дьяковской культуры. Мамоново городище//Тр. МИРМ. 1954. Т. 5.
8. *Латышева Г. П., Розенфельдт И. Г.* Раскопки Барвихинского городища//КСИА. 1964. Вып. 102.
9. *Розенфельдт И. Г.* Керамика Троицкого городища//МИА. 1971. № 184.
10. *Розенфельдт И. Г.* Керамический комплекс городища Кузнечики//СА. 1970. № 1.
11. *Розенфельдт И. Г.* Керамика дьяковской культуры//Дьяковская культура. М.: Наука, 1974.
12. *Булычов Н. И.* Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899.
13. *Розенфельдт И. Г.* Керамика дьяковской культуры: Дисс. канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1966//Архив ИА АН СССР. Р-2. № 2047.
14. *Розенфельдт Р. Л.* Разведки и раскопки дьяковских городищ в Подмосковье в 1960—1963 гг.//КСИА. 1964. Вып. 102.

[2] По любезному сообщению Н. А. Кренке, на Дьяковом городище лощеная керамика также появляется ранее IV в., серия углеродных дат указывает на период между рубежом нашей эры — 200 г.

15. Дневник раскопок Огубского городища в 1923 г.//ГИМ, отдел письменных источников.
16. *Розенфельдт И. Г.* Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI—IX вв. М.: Наука, 1982.

I. V. Belotserkovskaya

POTTERY FROM THE OGUBSKOE FORTIFIED SETTLEMENT

Summary

The Ogubskoe fortified settlement, a marsh site in Kaluga Region, was excavated in 1923 by V. Gorodtsov and in 1949 by T. Nikolskaya. The pottery collection includes crude modelled, relatively thin-walled and thick-walled vessels, and also burnished and wheeled pottery dated between the 11th and 13th centuries. The author has concluded that (a) the greater part of the pottery is identical to the vessels from the late Dyakovo sites (the upper layers of Dyakovo, Troitskoe, Shcherbinskoe, etc.); (b) the cultural layer was most intensively formed between the 3rd and 7th centuries; (c) the Moshchino-type pottery appeared in its upper horizon; (d) the culture of the Ogubskoe settlement combined Finno-Ugric and Baltic traits with the predominance of the Baltic element; (e) the Moshchino culture exerted a considerable influence on the Ogubskoe population at the later stage.

Заметки

С. С. КАЛИЕВА

КЛАД АКСУ В СТЕПНОМ ПРИТОБОЛЬЕ

В 1980 г. на левом берегу Тобола, в урочище Аксу, в 3,3 км к северо-западу от пос. Садчиковка, был найден клад каменных орудий. Обнаружил его скреперист В. А. Поносов при нивелировке полосы для канала оросительной системы. Находки были переданы им в Кустанайский музей. Вместе с В. А. Поносовым мы посетили место находки клада. При зачистке поверхности в указанном им месте было найдено еще несколько отщепов и зафиксировано две ямки диаметром 0,35 и 0,45 м, глубиной соответственно 0,1 и 0,3 м. Был зачищен также участок борта пронивелированной полосы непосредственно у того места, где был обнаружен клад. При этом выявлена следующая стратиграфия: вверху — слой темного гумусированного песка мощностью 0,2 м, подстилает его желтый песок. Находок при зачистке не обнаружено. По словам В. А. Поносова, клад залегал на контакте этих слоев и занимал площадку не более 0,5 м в диаметре.

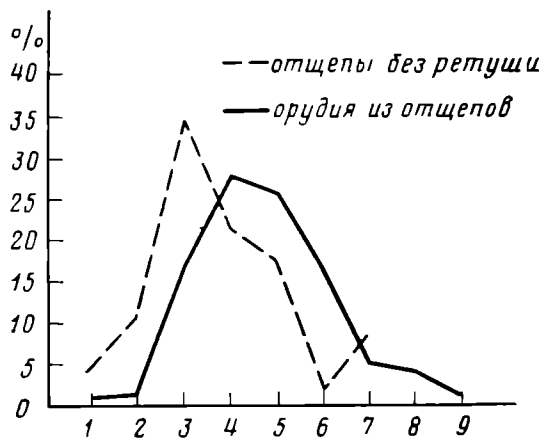


Рис. 1. Распределение отщепов по размерам, мм: *1* — длина отщепов в пределах 11—20: *2* — 21—30; *3* — 31—40; *4* — 41—50; *5* — 51—60; *6* — 61—70; *7* — 71—80; *8* — 81—90; *9* — 91—100

Клад насчитывает 202 предмета. Основным сырьем для изготовления орудий служили кварциты и кварцитопесчаники (96,5%). Для изготовления шлифованных орудий использовались гидротермально измененные туфы (дисковидные орудия) и халцедонолиты (рубящие орудия). Более 2/3 находок представлено орудиями, к которым мы отнесли все предметы со следами вторичной обработки (табл. 1). Сопоставление отщепов без вторичной обработки и орудий из отщепов показывает, что последние в большинстве своем имеют несколько бóльшие размеры (рис. 1). Несомненно, отщепы без ретуши представляли определенную ценность для первого владельца клада, которая, вероятнее всего, заключалась в потенциальной возможности преобразования их в орудия.

В коллекции абсолютно преобладают орудия, изготовленные приемом нанесения краевой ретуши (96,1% всех орудий); двусторонне обработанных орудий — только два; сплошь ретушированную спинку имеют два орудия, и пять орудий изготовлены шлифованием (табл. 2).

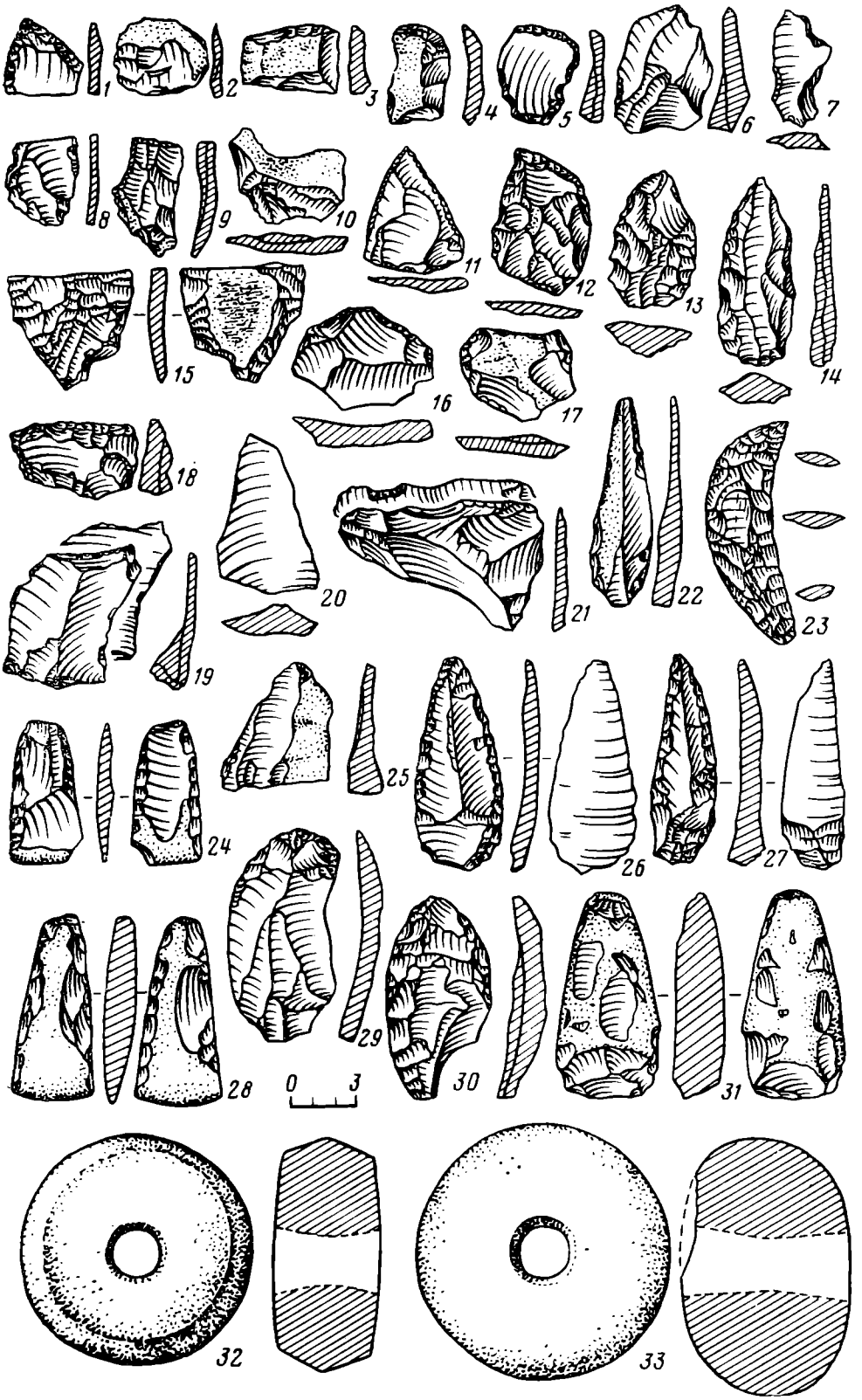


Рис. 2. Находки из клада Аксу

Двусторонне обработанный наконечник представлен обломком основания крупного наконечника со слегка намеченным черешком (рис. 2, *15*). Великолепно изготовленный обоюдоострый двусторонне обработанный нож имеет серповидную форму (рис. 2, *23*).

Из двух орудий со сплошь обработанной спинкой одно, овальной формы, может быть определено как нож-скребок. На одном кончике его нанесена крутая скребковая ретушь, на всей остальной части ретушь пологая (рис. 2, *30*). Второе орудие отнесено к ножам. Пологая краевая ретушь отмечена на одной стороне треугольного отщепа (рис. 2, *13*).

Если не считать отщепы с небольшими участками ретуши, то среди

орудий, изготовленных краевой ретушью, больше всего ножей. К ним отнесены отщепы со значительными участками пологой ретуши. Форма их во многом определяется формой исходного отщепа (рис. 2, *11*, *14*, *16—18*, *21*). Среди них есть один нож треугольной формы (рис. 2, *11*).

Почти все скребки концевые (17 экз.). Изготовлены они из удлиненных отщепов с более или менее параллельными боковыми краями (рис. 2, *3—5*) Один скребок, с лезвием углом, имеет скребковую ретушь по двум сходящимся под углом краям отщепа (рис. 2, *1*). Три острия, изготовленные из пластинчатых подтреугольных отщепов краевой ретушью, нанесенной со спинки, несколько напоминают остроконечники (рис. 2, *22*, *26*, *27*). Два орудия этой группы — комбинированные. Одно может быть определено как скребок-нож. Изготовлено оно из довольно массивного пластинчатого отщепа. Пологая краевая ретушь на одном боковом крае постепенно на концевой части отщепа переходит в скребковую (рис. 2, *29*). Второе орудие — нож-скребок-проколка. На нем скребковой ретушью выделен острый кончик, который, видимо, использовался как проколка. Остальная часть отщепа обработана заостряющей ретушью (рис. 2, *12*).

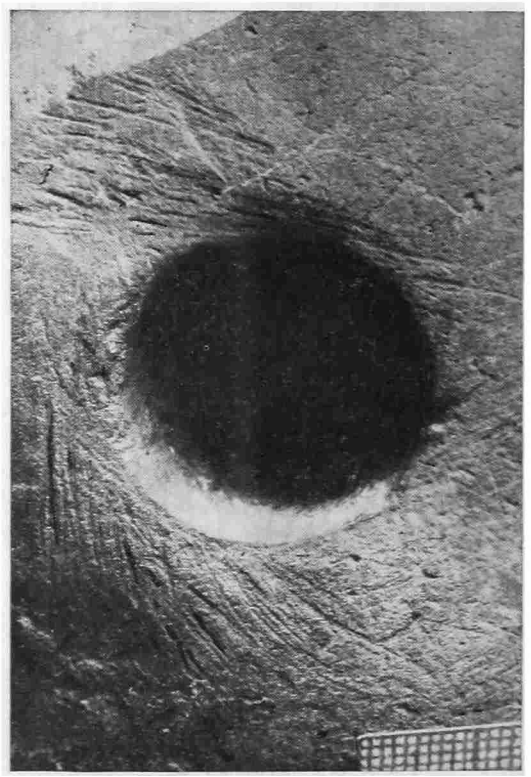


Рис. 3. Фотография поверхности дисковидного орудия. Одно деление сетки соотвествует 1 мм

Единственный ретушер изготовлен из пластинчатого отщепа. Ровный торец его весь покрыт характерными звездчатыми вдавлениями. У этого конца по одному боковому краю отщепа, видимо для удобства захвата орудия, ретушью, нанесенной со спинки, выполнена выемка (рис. 2, *9*).

Среди отщепов с небольшими участками ретуши имеются скобели и отщепы с конструктивно выделенными рабочими элементами. К последним отнесены отщепы, у которых в качестве рабочего элемента использовались естественно выступающие их части, лишь слегка подправленные ретушью. Одни из них по характеру ретуши ближе к скребкам, другие — к проколкам (рис. 2, *6*, *25*). К скобелям отнесены отщепы с выемками (рис. 2, *8*, *10*).

Все рубящие орудия трапециевидной в плане формы, обушок закруглен. Нужная форма вначале придавалась им методом двусторонней оббивки. Затем они шлифовались. Лишь одно симметричное в продольном сечении орудие может быть названо топором (рис. 2, *28*). Два других орудия, вероятно, тесла. В продольном сечении они асимметричны (рис. 2, *24*, *31*).

Оба дисковидных орудия тщательно отшлифованы. Одно из них, диаметром 108 мм, имеет биконическое отверстие в центре. В средней части орудие имеет диаметр 21,3, у поверхности — 28 мм (рис. 2, *33*). Второе орудие, диаметром 100 мм, также имеет биконическое отверстие в центре. Наименьший диаметр отверстия — 21,3, у поверхности он увеличивается до 25 мм (рис. 2, *32*). На одной из боковых плоскостей фиксируются следы распила. Все они направлены по касательной к окружности отверстия. Из этого следует, что по крайней мере эта сторона диска обпиливалась в то время, когда заготовка была насажена на стержень (рис. 3). Необходимо отметить также, что разница в длине взаимно перпендикулярных диаметров каждого орудия не превышает 0,2—

Таблица 1

Распределение находок по материалу

Материал	Отщепы без ретуши	Орудия из отщепов	Шлифованные орудия	Общее количество	%
Кварциты и кварцитопесчаники:					
красные	6	21	—	27	13,4
серые	22	88	—	110	54,5
розовато-серые	11	38	—	49	24,2
красно-коричневые	6	3	—	9	4,4
Кремнистый алевролит	—	1	—	1	0,5
Туф	—	—	2	2	1,0
Халцедонолит	1	—	3	4	2,0
Количество,	46	151	5	202	
процент	22,8	74,8	2,5		100

Таблица 2

Кремневый инвентарь клада Аксу

Орудия	Ретушь			Количество	%
	А	Б	В		
I. Орудия с краевой обработкой:					
острия (рис. 2, *22*, *26*, *27*)	1	—	2	3	1,92
скребки (рис. 2, *1*, *3—5*)	3	13	2	18	11,5
ножи (рис. 2, *11*, *14*, *16—18*, *21*)	41	—	—	41	26,3
отщепы с ретушью (рис. 2, *6—8*, *10*, *19*, *20*, *25*)	43	36	3	82	52,6
комбинированные (рис. 2, *12*, *29*)	1	—	1	2	1,28
ретушер (рис. 2, *9*)	—	1	—	1	0,64
II. Орудия со сплошной обработкой спинки;					
нож (рис. 2, *13*)	—	—	1	1	0,64
нож-скребок (рис, 2, *30*)	—	—	1	1	0,64
III. Орудия с двусторонней обработкой:					
наконечник (рис. 2, *15*)	1	—	—	1	0,64
нож (рис. 2, *23*)	1	—	—	1	0,64
IV. Шлифованные орудия:					
топор (рис. 2, *28*)	—	—	—	1	0,64
тесла (рис. 2, *27*, *31*)	—	—	—	2	1,28
дисковидные орудия (рис. 2, *32*, *33*)	—	—	—	2	1,28
Всего	91	50	10	156	100

Примечание. А — заостряющая ретушь; Б — затупливающая ретушь; В — сочетание заостряющей и затупливающей ретуши.

0,3 мм. Эти наблюдения, а также правильность формы и тщательность изготовления дисковидных орудий заставляют учитывать возможность того, что в процессе отделки заготовка орудия вращалась вокруг своей оси.

Судя по всему, клад был зарыт в терсекское время. В материалах «чистых» терсекских памятников (Терсек-Карагай, Коль, Евгеньевка 2, Соленое Озеро 1 и др.) мы находим те же типы орудий, что и в кладе Аксу [1, с. 70—72; 2]. Отметим также определенную близость состава нашего клада волосовским кладам стоянок Володары и Сахтыш II [3, 4].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Формозов А. А.* Энеолитические стоянки Кустанайской области и их связь с ландшафтом//БКИЧП. 1950. № 15.
2. *Логвин В. Н., Калиева С. С.* Стоянка Евгеньевка 2 (Северный Казахстан)//СА. 1984. № 1.
3. *Цветкова И. К.* Ритуальные клады стоянки Володары//Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука, 1975.
4. *Крайнов Д. А.* Новые исследования стоянки Сахтыш II//КСИА. 1982. Вып. 169.

Т. Н. МИШИНА

ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ТЕЛЛЯ «ПЛОСКАЯ МОГИЛА» У с. ЮНАЦИТЕ (НРБ)

Телль «Плоская могила» находится в 2 км от с. Юнаците Пазарджикского округа. Это местонахождение позволяет отнести памятник к самым западным, уже не столь многочисленным теллям большой группы селищных могил Фракийской низменности [1, карта 3]. Впервые поселение было частично исследовано в 1939 г. раскопками В. Микова. Им был сделан шурф в восточной поле телля, общая площадь которого достигала 250 м [2, с. 56]. В. Миков зафиксировал на телле пять хронологических горизонтов: I (А) пласт (9—6,2 м) энеолитический; II (В) пласт (6,2—2,2 м), раннебронзовая эпоха; III пласт (2,2—1 м), среднебронзовая эпоха; IV пласт (1—0,6 м), фракийское поселение VI—V вв. до н. э.; V пласт (0,60—0,0 м), римский слой II—IV вв. н. э., а также поздние находки XIII—XIV вв. н. э. Отметим, что в шурфе не был достигнут уровень материка, следовательно, можно предположить, что мощный энеолитический слой уходит далее вглубь.

В 1976 г. на телле «Плоская могила» были возобновлены систематические раскопки экспедицией под руководством Р. Катинчарова и В. Мацановой (Институт археологии АН НРБ и Окружной исторический музей г. Пазарджика) [3, с. 32—34]. С 1980 г. в исследовании этого памятника принимают участие советские археологи Н. Я. Мерперт, В. С. Титов, Л. И. Авилова. В 1986 г. в раскопках принимала участие автор данной публикации.

За последние десятилетия был исследован ряд памятников фракийской группы, однако все они располагались восточнее, где концентрация теллей максимальная. Исследуемый телль занимает периферийное положение в этой группе, чем и представляет особый интерес. В результате систематических исследований появилась возможность с помощью современных методов и на гораздо большей площади проверить стратиграфическую колонку В. Микова. Площадь раскопа в настоящее время достигает около 2000 м². В предыдущие годы исследовались слои римского времени и раннего железного века, пласт А, а также пласт бронзового века — В, в котором до сих пор зафиксировано 17 строительных горизонтов.

Цель данной публикации ввести в научный оборот новый энеолитический материал телля «Плоская могила» и уточнить его хронологическое положение. В результате полевых работ 1986 г. в центральной части раскопа впервые достигнут горизонт поселения финального энеолита. Здесь отмечается непосредственное перекрытие этого энеолитического горизонта первым горизонтом бронзового века и не фиксируется наличие хронологического перерыва в заселении памятника. Это важное наблюдение для характеристики соотношения слоев энеолита и раннего бронзового века на теллях. Однако более конкретные выводы о наличии или отсутствии хиатуса между этими эпохами делать еще преждевременно, так как площадь вскрытого энеолитического пласта пока еще незначительна и планиграфически приходится на самый центр телля, где стерильная прослойка может и не сохраниться по различным естественным условиям. Подобная ситуация может быть результатом денивеляции, характерной для более поздних, уже исследованных горизонтов памятника.

Энеолитический материал обнаружен в квадратах С-9, Р-9, П-9. Квадраты С-9 и П-9 расчищены частично, квадрат Р-9 — полностью. Во всех трех квадратах зафиксированы мощные развалы сосудов. В юго-восточном углу квадрата Р-9 имелась столбовая яма (диаметр 0,4 м), которая, судя по расположению фрагментов миски, нарушила развал этого сосуда и, следовательно, была впущена с более позднего строительного горизонта. Столбовые ямы отмечены также у западного края квадрата (диаметр 0,4 м) и в центральной части квадрата (диа-

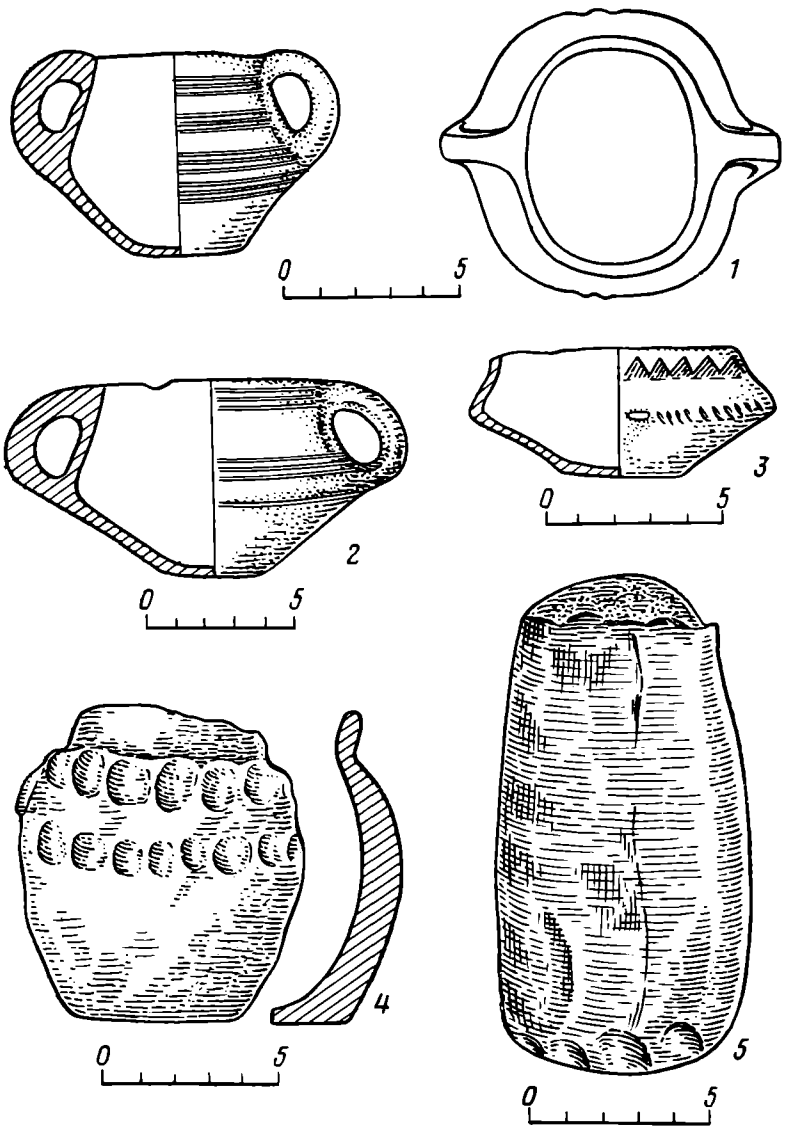


Рис. 1. *1, 2* — двуручные сосуды; *3* — миниатюрная мисочка; *4* — миниатюрный сосудик; *5* — каменный пест

метр 0,2 м). Они также были впущены из более позднего строительного горизонта. Развалы керамики образуют несколько скоплений. Крупные скопления в восточной части квадрата представлены двумя мисками и большим открытым сосудом с прочерченным орнаментом. Западнее лежал на боку сохранившийся не полностью сосуд грушевидной формы. Глубина залегания этого скопления керамики 6,2—6,1 м. Оно располагалось по линии запад — восток. В южной части квадрата имелось еще одно скопление сосудов. Среди них также отмечен фрагментированный сосуд грушевидной формы с высоким горлом. Рядом на донце стоял крупный открытый сосуд с прочерченным орнаментом и шаровидный сосуд с орнаментом в виде организованного барботина. Вокруг них были сконцентрированы развалы четырех мисок. В этой же группе сосудов имелся один полностью сохранившийся сосудик биконической формы с двумя ручками (рис. 1, *2*). Это скопление сосудов располагалось на глубине 6,20—6,04 м и было вытянуто по линии север — юг. В северо-западном углу квадрата С-9 выявлено третье скопление сосудов. Среди них найдены два целых сосудика с двумя ручками небольших размеров (рис. 1, *1*; 2, *2*), сосуд грушевидной формы с невыраженным венчиком и развалы пяти (?) мисок, стоящих на донце. Глубина их залегания 5,90—5,86 м. Скопление сосредоточено в углу квадрата. На остальной его площади зафиксированы фрагменты сосудов, развалы отдельных сосудов и мисок. В центральной части квадрата на боку лежал шаровидный сосудик с антропоморфными элементами (рис. 2, *5*) и сосудик-

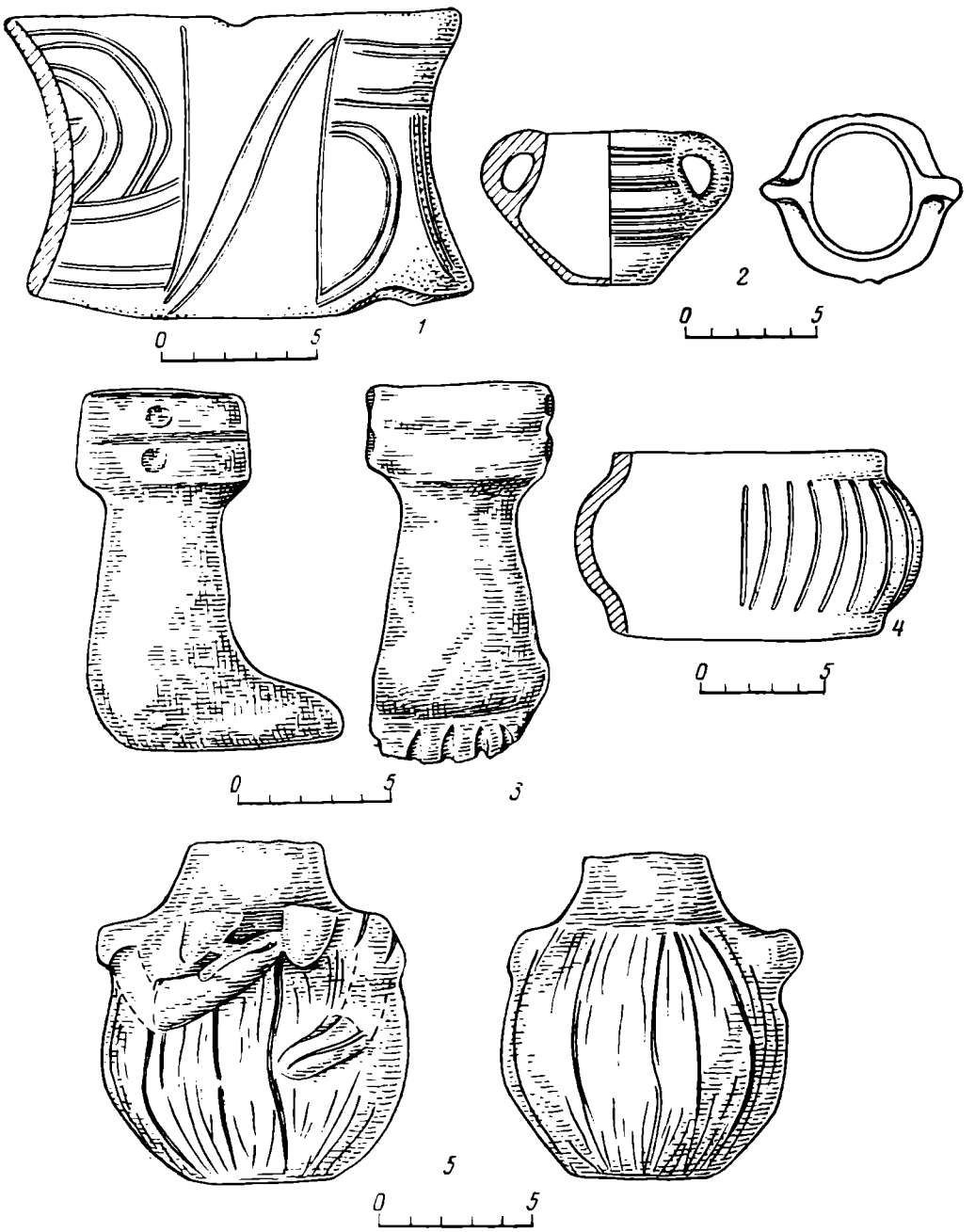


Рис. 2. *1* — подставка; *2* — двуручный сосуд; *3* — сосуд-сапожок; *4* — подставка; *5* — антропоморфный сосудик

сапожок (рис. 2, *3*). Западнее расчищен развал глубокой миски и каменный пест (рис. 1, *5*). Этот квадрат вообще был очень насыщен керамикой.

В квадрате П-9, в его юго-восточном углу, также расчищено скопление развалов крупных сосудов и мисок. Среди них имелась подставка с выпуклым профилем (рис. 2, *4*). Особенность данного скопления состоит в том, что здесь сосредоточены несколько каменных овальных зернотерок. Глубина залегания предметов 5,98—5,84 м.

В квадрате С-9 у северного края расчищены отдельные развалы сосудов, здесь же имелся миниатюрный сосудик с ногтевым орнаментом (рис. 1, *4*). В квадрате Р-8 у северной бровки стояла подставка с вогнутым профилем (рис. 2, *1*). Глубина залегания керамики 6,24—6,18 м.

В настоящее время имеется возможность рассмотреть только тот материал энеолитического горизонта, который был представлен целыми формами и не требовал реставрации. Уже сейчас выделяется группа из трех двуручных биконических сосудиков небольших размеров. Сосуды были залощены от венчика до плечиков и по лощеной поверхности нанесен графитный орнамент в виде параллельных горизонтальных линий,

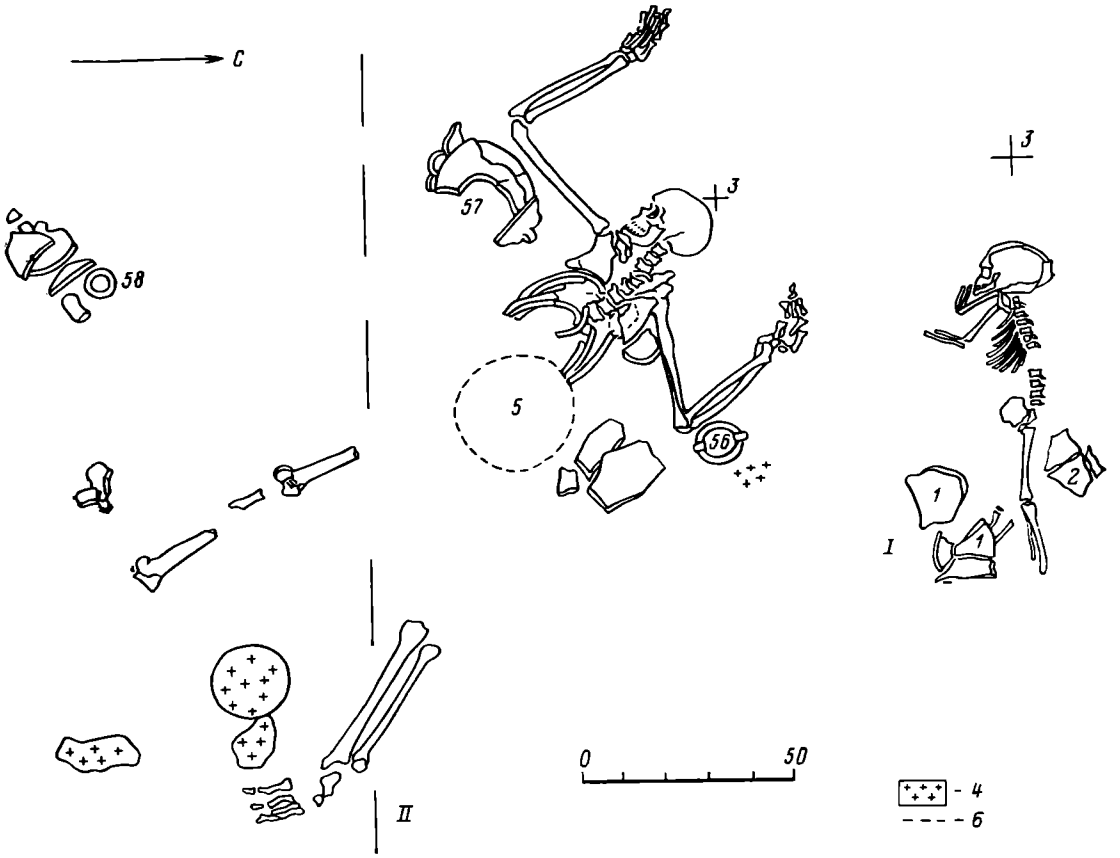


Рис. 3. Погребения 23 (I), 24 (II). *1* — фрагменты миски; *2* — фрагменты сосуда; *3* — точка привязки; *4* — уголь; *5* — нора; *6* — линия квадратов; *56—58* — сосуды

сгруппированных по три. Подобный, но вертикально расположенный орнамент проходил по верхней плоскости ручек. Наличие этих форм с ручками дает возможность отнести исследуемый здесь энеолитический материал к третьей, финальной фазе культуры Коджадермен-Гумельница-Караново VI [1, с. 28, 29, рис. 24]. Как особенность формы отметим у двух двуручных сосудов приплюснутость тулова, которое в месте своего максимального расширения имеет подквадратные очертания. По утверждению Х. Тодоровой, миниатюрные биконические миски (рис. 1, *3*) и антропоморфные сосудики наиболее характерны именно для III фазы культуры [4, с. 110, 111, рис. 34, *4*].

Приведенные на рис. 2 подставки относятся к предметам, широко представленным в позднем энеолите Болгарии [2, с. 66]. Подставки имеют цилиндрическую, конусовидную форму. Подставка с вогнутым профилем и резным орнаментом (рис. 2, *1*) — наиболее часто встречаемый вариант этой категории предметов. В шурфе 1939 г. В. Микова, в пласте А (I) была зафиксирована аналогичная подставка [2, с. 65, рис. 8]. Подставка с выпуклым профилем (рис. 2, *4*) не имеет прямых аналогий в опубликованных материалах. Что касается посуды, то сосуды грушевидных форм характерны исключительно для финального этапа культуры [4, с. 112].

Краткая характеристика небольшого числа в основном целых керамических форм позволяет весь комплекс финального энеолита телля Юнаците отнести к III фазе культуры Коджадермен-Гумельница-Караново VI. Ряд теллей фракийской группы имеют слои III фазы этой культуры: Садиево [5, с. 96—100], Старозагорские минеральные бани, Окружная больница, Чаталка, Яссатепе [6, с. 40—47], Мдрец и др. Однако все эти поселения располагались значительно восточнее телля «Плоская могила», материалы большинства из них не опубликованы.

В энеолитическом слое памятника открыты три погребения. Обнаруженные скелеты погребениями названы условно, так как ни погребальной конструкции, ни определенного обряда зафиксировать не удалось.

Погребение 20 располагалось у западной бровки квадрата Р-8 на глубине 5,92 м. Скелет сохранился плохо, кости представлены фрагментарно. Череп, ориентированный на север, лежал на левом виске, лицевой частью на восток. Кости грудной клетки, таза располагались соответственно позе «на спине». Расположение рук не восстанавливается, длинные кости перекрывали грудную клетку. Правая нога, очевидно, согнута в колене, положение левой не восстанавливается. Под тазовыми костями скелета лежала фрагментированная чернолощенная миска. Слева от скелета в непосредственной близости к нему располагались фрагменты керамики с графитным и барботинным орнаментом.

Погребение 23 (рис. 3, I) располагалось в квадрате Р-8 на глубине 6,18—6,13 м. Скелет принадлежал ребенку 4—7 лет. Сохранность костей плохая. Череп, ориентированный на юго-восток, лежал на правом виске, лицом на восток — северо-восток. Правая рука согнута в локте, запястье перед лицом. Кости грудной клетки соответствовали положению на правом боку. Правая нога вытянута, левая нога была смещена в сторону. На костях левой ноги лежали фрагменты миски.

Погребение 24 (рис. 3, II) располагалось в квадратах Р-9—С-9. Череп, ориентированный на северо-запад, лежал на правом виске, лицом на юго-запад. Руки были раскинуты и подняты вверх от локтя, левая кисть лежала ладонью вниз. Кости ног значительно смещены норой и сохранились фрагментарно. Зафиксирована нижняя часть правой ноги: она соответствовала позе туловища «на груди» — малая и большая берцовые кости лежали на передней стороне, пяточной костью вверх. В области ног имеются мощные угольные пятна. Кости левой ладони и запястья обожжены.

Позы описанных выше скелетов, отсутствие погребальных сооружений, общая ситуация позволяют предположить непреднамеренный характер захоронений и интерпретировать эти скелеты как результат гибели людей на этом поселении в момент разрушения жилища.

Этот факт в свете стратиграфического положения описанного комплекса финального энеолита, т. е. непосредственно перекрывание его первыми, наиболее ранними для этого телля пластами эпохи бронзы, представляет особый интерес. Поэтому возможно предположить разрушение существующего здесь поселка культуры Коджадермен-Гумельница-Караново VI на III, финальной фазе развития пришлым враждебным населением.

Представленный здесь материал, несмотря на малочисленность, позволяет, основываясь на керамическом комплексе, прийти к выводу, что финальный энеолитический горизонт телля «Плоская могила» соответствует III фазе культуры Коджадермен-Гумельница-Караново VI.

Дискуссионным пока остается вопрос о хронологическом перерыве на этом памятнике к концу финального энеолита. Стратиграфически на этом очень небольшом участке хиатус не прослежен. Однако, как уже указывалось, это может быть результатом денивеляции. Возникает проблема соотношения энеолита и эпохи бронзы.

Раскопки селищных могил с мощным культурным слоем всегда трудны и представляют собой длительный процесс. Энеолитический пласт, который по колонке В. Микова имеет мощность 2,8 м, а при последних раскопках оказался более мощным (свыше 3 м), еще лишь предстоит исследовать. Многие вопросы остаются открытыми, и прежде всего вопрос о характере жилищ, планиграфии всего строительного горизонта III фазы культуры Гумельница, о судьбе всего этого поселка и др. Дальнейшие тщательные раскопки телля «Плоская могила» у с. Юнаците, возможно, дадут ответы на эти вопросы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тодорова Х.* Энеолит Болгарии. София, 1979.
2. *Миков В.* Селищна могила при Юнаците Пазарджишко//ГПНБМ. 1939.
3. *Катинчаров Р., Мацанова В.* Разкопки селищной могилы при с. Юнаците Пазарджишки окръг//АОР—1980. София, 1981.

4. *Тодорова Х.* Каменно-меднота епоха в България. София, 1986.
5. *Kànčev M.* Fouilles du tell pres du vilage Sadievo, deportament Sliven//Studia praehistorica. 1—2. Sofia, 1978.
6. *Детев П.* Разкопки на селищната могила Яса-тепе в Пловдив през 1959 г.//ГНМПЛ. IV. София, 1960.

И. В. СЕРГАЦКОВ

НОВЫЕ НАХОДКИ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1982 г. в кабинет археологии Волгоградского гос. педагогического института был передан меч редкого типа, найденный во время пахотных работ близ хут. Стеженского Алексеевского р-на Волгоградской обл. К сожалению, не удалось установить, происходит ли он из погребения[1].

Меч имеет железный клинок ромбовидный в сечении, сужающийся в нижней четверти своей длины. Рукоять меча бронзовая, прорезная, в нее вставлялся плоский черенок клинка: таким образом, бока плоской рукоятки образуют продольные валики. Навершие меча брусковидное, в нем пробито отверстие для черенка клинка, под навершием имеется поперечная планка. Перекрестие широкое, почковидное. Длина клинка — 27 см, рукоятки — 12,5, ширина клинка — 3, толщина — 0,5 см (рис. 1).

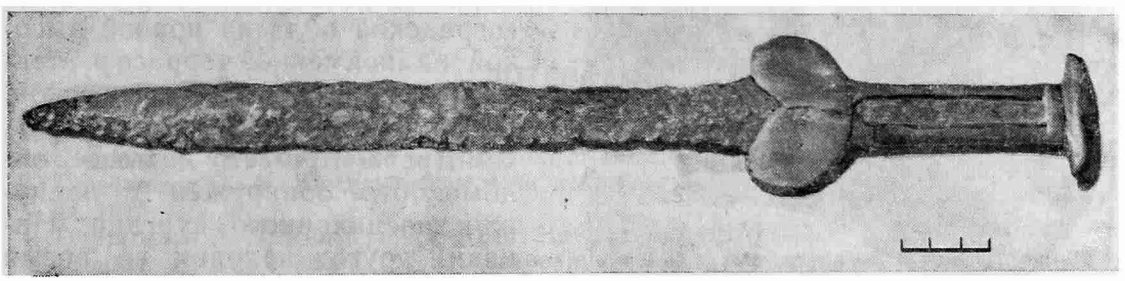


Рис. 1. Меч из Алексеевского района

Меч, по классификации А. И. Мелюковой, относится к первому отделу, I типу [1, с. 47, табл. 15]. До сих пор в Нижнем Поволжье был известен один меч с железным клинком и бронзовой рукоятью, найденный на бугре Стеньки Разина близ Камышина [2, с. 10, 11, рис. 1, *4*]. К. Ф. Смирнов, следуя классификации А. И. Мелюковой, отнес его ко II типу (мечи с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием) [2, с. 10]. По своим морфологическим признакам меч из Алексеевского р-на близок к камышинскому, отличия состоят в отсутствии поперечной планки на рукояти и в форме перекрестия. Однако следует заметить, что почковидное перекрестие алексеевского меча по форме приближается к бабочковидному.

К. Ф. Смирнов, тщательно проанализировавший савроматские мечи и кинжалы, отметил архаичность камышинского меча и датировал его временем не позже второй половины VII в. до н. э. [2, с. 11]. А. И. Мелюкова согласилась с этой датой и определила время бытования мечей с брусковидным навершием и почковидным перекрестием в Скифии концом VII — началом V в. до н. э. [1, с. 47—49]. Особенно интересен меч с бронзовой рукояткой и железным клинком из кург. 2 у Райгородка. Он датируется чернолаковым киликом не ранее середины VI в. до н. э. [1, с. 47]. По-видимому, он определяет верхнюю хронологическую

[1] Приносим благодарность В. И. Мамонтову за любезно предоставленную информацию о находках.

границу периода существования биметаллических мечей в Скифии и Нижнем Поволжье. К. Ф. Смирнов ограничил время бытования у савроматов мечей с брусковидным навершием и почковидным перекрестием VI в. до н. э. [2, с. 10]. А. И. Тереножкин относил время появления раннескифских акинаков, в том числе и камышинского, к середине VII в. до н. э. [3, с. 30; 4, с. 130]. Меч из Алексеевского р-на по такому признаку, как сочетание бронзовой рукояти с железным клинком, принадлежит к числу наиболее архаичных акинаков Нижнего Поволжья, форма навершия и перекрестия сближают его с раннескифскими мечами VI в. до н. э. Наиболее вероятная дата его — конец VII — начало VI в. до н. э.

Вопрос о происхождении мечей и кинжалов подобного рода остается открытым. К. Ф. Смирнов, отмечая близость камышинского меча скифским образцам, поставил вопрос о его кавказском происхождении [2, с. 11, 12]. По словам А. И. Мелюковой, «в скифское время на основной территории распространения оружия скифского типа бронзовые рукояти для железных мечей не типичны» [1, с. 47]. Возможно, что мечи, подобные камышинскому и алексеевскому, проникали в Нижнее Поволжье и Подонье с Северного Кавказа.

Рис. 2. Обломок оленного камня из Даниловского района

В кабинете археологии Волгоградского пединститута хранится обломок оленного камня, найденного в 1968 г. краеведом А. Зенкиным в Даниловском р-не Волгоградской обл., на правой высокой надпойменной террасе р. Медведицы, около ст. Сергиевской. По словам В. И. Мамонтова, осмотревшего место находки, обломок был обнаружен у подножия распаханного кургана. Никаких других находок во время осмотра сделано не было.

Обломок представляет собой часть плоской гранитной плиты неровных очертаний. Сломы камня старые, покрыты патиной: по-видимому, он был разбит в древности. Ширина фрагмента — 16,5, высота — 20, толщина — 5,5 см. На камне сохранилась часть не совсем ясного изображения, видимо зооморфного, выполненного глубокими врезными линиями, сделанными каким-то орудием с полукруглым лезвием. Затем поверхность была зашлифована. К сожалению, рисунок сильно поврежден и лишь предположительно можно судить о его сюжете. По-видимому, это обломок стелы с высеченным на ней изображением оленя. Изображение сильно стилизованное, схематичное. Морда зверя вытянута, похожа на клюв, глаз показан горизонтальным врезом в форме полумесяца, скула выделена вертикальным косым штрихом. Сверху над мордой, параллельно ей вырезана линия, вероятно представляющая собой передний отросток рогов, вытянутый вперед. Линии рисунка мягкие, без резких изломов и углов (рис. 2).

Фрагментарность изображения не позволяет с уверенностью реконструировать рисунок, но, судя по вытянутой шее, составляющей с мордой одну прямую, можно полагать, что на камне была высечена фигура оленя в классической «скифской» позе «летящего галопа» или «привставшего на цыпочки». В искусстве савроматов подобные изображения оленей довольно редки и отличаются стилистическим и сюжетным своеобразием. Видимо, этот образ у савроматов не пользовался особой по-

пулярностью, хотя и существовал во всех районах распространения звериного стиля.

До настоящего времени в Нижнем Поволжье не было известно ни одного оленного камня. В Северном Причерноморье, на Северном Кавказе и в Южном Приуралье известно несколько оленных камней, однако они относятся к предскифскому времени и изображения на них не имеют ничего общего с даниловским камнем [5, с. 3—10]. В скифское время в Причерноморье и на Северном Кавказе бытовали антропоморфные стелы типа каменных баб, изваяний с зооморфными изображениями не известно. Основной ареал распространения оленных камней скифской эпохи локализуется в восточной области обитания кочевых племен «скифского» круга (Тува, Алтай, Монголия). Оттуда происходят многочисленные изображения оленей скифского периода, у которых, так же как и у даниловского, передний отросток рогов вытянут далеко вперед, почти параллельно морде животного [6, табл. II, *20*; 7, с. 27—35; 8, с. 69—87]. Вероятно, обломок оленного камня с берегов Медведицы следует датировать раннескифским временем.

В настоящее время решить вопрос о происхождении даниловской находки невозможно, видимо, ее следует причислить к кругу памятников, свидетельствующих о связях Нижнего Поволжья с далекими восточными областями «скифского мира».

В археологической литературе уже говорилось о своеобразии памятников скифского времени западных и северо-западных районов Волгоградской обл. [9, с. 154—157]. Новые находки, публикуемые в данной работе, наглядно свидетельствуют о перспективности археологических исследований на этих территориях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов//САИ. 1964. Вып. Д1-4.
2. *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов//МИА. 1961. № 101.
3. *Тереножкин А. И.* Киммерийские мечи и кинжалы//Скифский мир. Киев: Наук. думка, 1975.
4. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наук. думка, 1976.
5. *Савинов Д. Г., Членова Н. Л.* Северокавказские оленные камни в ряду оленных камней Евразии//КСИА. 1980. Вып. 162.
6. *Членова Н. Л.* Скифский олень//МИА. 1962. № 115.
7. *Членова Н. Л.* Об оленных камнях Монголии и Сибири//Монгольский археологический сборник. М., 1962.
8. *Волков В. В.* Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор, 1967.
9. *Скрипкин А. С.* Материалы к истории племен раннего железного века северо-западных районов Волгоградской области//Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979.

Р. Н. СИНКХ

ТЕХНИКА ИЗГОТОВЛЕНИЯ СТЕКЛЯННЫХ БУС И КОЛЕЦ В РАЙХАТЕ

Райхат, район Варанаси, представляет собой древнейшую часть «вечного» города, история которого началась в 800 г. до н. э. (период IA). Время его существования (800—200 гг. до н. э.) было установлено благодаря раскопкам, которые ведет университет в Барнасе, Хинду [1]. Стекло встречается на поселении с раннего периода (период IA) в виде бус, в то время как кольца дошли до нас начиная с периода IC (400—200 гг. до н. э.).

Для периода I характерно также появление керамики «северной черной полированной» разных форм и металлов (железо и медь). Никаких других стеклянных предметов, кроме бус и колец, на поселении не найдено. Цвет изделий варьирует от светло-желтого до различных оттенков зеленого и синего. Есть бусы печеночно-красные, красные и коричневые

и темных оттенков вплоть до черного. Есть немного двуцветных бус черного и белого, черного и красного цветов. Кольца преимущественно одноцветные и двуцветные.

Некоторое количество бус и колец исследовано с целью определения способа их изготовления. Образцы были разделены на классы путем визуальных наблюдений. Отобранные экземпляры были подвергнуты специальному исследованию. Сверленые, резные и полированные поверхности бус были исследованы сначала под обычным микроскопом: он показал присутствие небольших пузырьков воздуха в большинстве образцов и других включений, которые делали большинство стекол непрозрачными.

Тонкие срезы некоторых образцов были подготовлены в соответствии со стандартной методикой, употребляемой в петрографическом анализе камней. Для микроскопических исследований в проходящем и отраженном свете использовался универсальный микроскоп Leitz Pamphon [2, с. 57, 58]. Направление полос, которое выпукло выделилось в сечении трубчатой бусины, и полосы, обнаруженные в других предметах, позволяют предполагать, что материал в расплавленном состоянии был вытянут в форме трубы и затем разрезан на части. Следы разреза характерны для некоторых бус. Другой метод изготовления, который выявлен при изучении меньших по размерам бус, представлял собою вытягивание нити расплавленного стекла, которой манипулировали вокруг неподвижного стержня или инструмента, чтобы придать ей желаемую форму. Вытягивание стеклянной нити при пристальном изучении достаточно очевидно. Поперечное сечение бус, накрученных из нити, показало, что они имели грубую, неотделанную поверхность внутри отверстия, свидетельствуя, таким образом, что этот процесс изготовления бус был очень медленным. Еще один, более популярный метод изготовления бус, который выявляется при их изучении,— это прессование в форме. Другая техника, называемая золочением, при которой тонкий золотой листок помещают между двумя слоями прозрачного или полупрозрачного стекла, также известна в этот период, но ее образцы были недоступны для изучения [3, с. 157—159]. Изучение химического состава стеклянных бус показывает, что массу, из которой они изготовлены, можно превращать в любые формы без большой опасности кристаллизации [4; 5, с. 105].

Поперечное сечение обломка двуцветного кольца, которое было прекрасно отполировано и исследовано микроскопически в отраженном свете, показывает, что кольцо было изготовлено из двух отдельных палочек — голубого и черного цветов. Кажется, концы кольца были сварены с большой осторожностью. Другой метод: расплавленное стекло накручивалось вокруг тонкого стержня и затем вытягивалось подобно патоке на конце железного «вертела» в толстый неровный круг. Кольцо превращалось в палочку, увеличиваясь до нужных размеров. Приведенный пример показывает, что составы бус и колец существенно различались [6, с. 74—81].

Изучение материалов из Райхата позволяет говорить, что для изготовления бус использовалась разная техника, но наиболее популярной была обработка палочки, трубочки и литье, в то время как для колец применялось литье. Ремесленники, которые делали эти кольца, хорошо знали искусство ручной обработки стекла и могли манипулировать расплавленной массой с большим мастерством.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Narain A. K., Roy T. N.*//Excavations At Raighat. III. Varanasi, 1976.
2. ***Brill R. H.*** The Scientific Investigation of Ancient Glasses//Proc. VIII Inl. Cong. Glass. L., 1968.
3. *Singh R. N.* The Antiquity of Gold Glasses in India//Puratattva. 1983. 12.
4. ***Bhardweaj H. C.***//Aspects of Ancient Indian Technology. Delhi, 1979.
5. *Singh R. N.* Technology of Glass in Ancient India//Symposium for Archaeometry. Naples, 1983.
6. *Singh R. N.*//An Archaeo-Technological Study of Ancient Indian Glasses. Varanasi, 1984.

А. Г. ПОЛЕГАЙЛОВ, Е. И. ОСАДЧИЙ

СВИНЦОВАЯ ГИРЬКА ИЗ ИЗЯСЛАВА НА р. ГОРЫНИ

В 1982 г. во время архитектурно-археологических исследований замка князей Заславских в г. Изяславе Хмельницкой обл. было открыто древнерусское жилище городского типа [1, с. 270—274]. Среди комплекса находок на полу жилища обнаружена и свинцовая гирька[1], имеющая форму сферы с уплощенными полюсами (рис. 1). Ее диаметр — 27—28, толщина — 5,5—6,5 мм, вес — 39,4 г, кратность (5+7); сохранность хорошая.

В центре сферы гирьки расположено одно сквозное отверстие-глазок диаметром около 1 мм. На обеих ее сторонах, приблизительно на одинаковом расстоянии от центрального отверстия и друг от друга, наколоты четыре глазка такого же диаметра, как и центральное, но не сквозные. Кроме этого, на одной из сторон почти по самому краю диска наколоты еще два отверстия меньшей глубины и диаметра.

Находки свинцовых гирек, по сравнению с гирьками из железа в медной оболочке, редки. К тому же в ряде случаев сохранность или описание гирек не дают возможности определить «номинал» взвешиваемого ими серебра [2, с. 178; 3, с. 10]. По мнению В. Л. Янина, основными районами распространения разновесов из свинца были Булгар и Киевщина [4, с. 174]. Известны отдельные находки свинцовых гирек (XIII—XIV вв.) и на территории Северо-Восточной Белоруссии [5, с. 66, 67; 6, с. 110, 111]. Малочисленность древнерусских разновесов и возможность использования их для проверки теоретического расчета величин денежно-весовых единиц, естественно, должны вызывать интерес к каждой новой находке.

Изяславская гирька, как уже говорилось, имеет 12 проколов-глазков. Единица веса при этой кратности составит 3,28 г, что соответствует теоретической величине южной куны-сребряника (3,275 г), рассчитанной по монетному материалу и по весовой норме слитков киевского типа [4, с. 179; 7, с. 380]. Аналогичную единицу веса имела также сферическая гирька из Киева, опубликованная акад. Ф. И. Кругом [8, с. 199—201].

Наряду с изложенным вариантом расчета возможны и иные. Учитывая разную величину глазков, можно предположить, что они согласуются с разными фракциями гривны. Соответствующие величины мы находим в «номинале» общерусской гривны IX—X вв. (204, 756 г), в которой теоретическая величина ногаты равнялась 3,41 г, а куны — 2,73 г [4, с. 203, 204; 7, с. 378, 379]. В этом случае у нас точно получается вес 10 ногат и 2 кун, что лишь на 16 сотых больше теоретической суммы этих величин.

Сравнивая эту же кратность с величинами других денежно-весовых систем, мы увидим, что наш разновес может соответствовать 20 ногатам и 4 кунам новгородской денежной системы XIII в. (1,87 г×20) + + (0,467 г×4) = 38,334 г [9, с. 331]. Однако комплекс жилища датируется не позже первой половины XIII в., а известные свинцовые гирьки из Витебска и Друцка (XIII—XIV вв.) соответствуют ногате, равной 1,8 г, и почти не имеют обозначений кратности [5, с. 66].

Вместе с этим не исключено и иное объяснение разности диаметра глазков-проколов, а именно их разновременностью. Вначале на гирьке могло быть только 10 больших глазков, а позднее, уже другим мастером, проколоты еще два поменьше. Тогда при расчете первоначальной единицы (39,4 г 10) мы получим вес, соответствующий арабскому дирхему[2].

---

[1] В предшествующей публикации она ошибочно определена как свинцовая поделка [1, с. 273, рис. 4, *3*].

[2] Сферические гирьки с такой же единицей веса известны в Старой Рязани, Владимире и Новгороде [4, с. 175, № 13, 18, 37, 42].

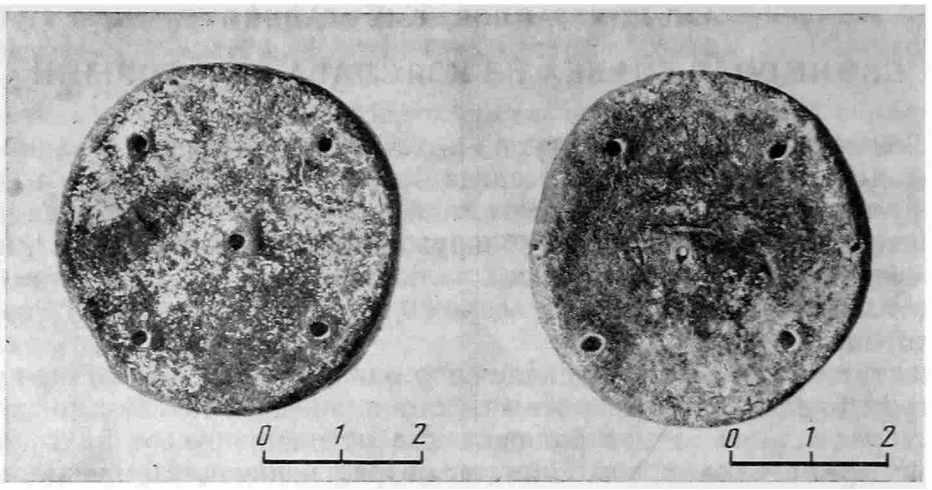


Рис. 1. Свинцовая гирька из Изяслава

Изучение свинцовой гирьки из Изяслава показывает, что она могла использоваться в течение длительного времени и служить универсальным разновесом в составе нескольких общерусских денежно-весовых систем. Однако предположение, безусловно, требует дальнейших подтверждений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Никитенко М. М., Осадчий Е. И., Полегайлов А. Г* Древнерусское жилище в г. Изяслав Хмельницкой области//СА. 1985. № 1.
2. *Жизневский А. К.* Описание Тверского музея. М., 1888.
3. *Каргер М. К.* Новые данные к истории древнерусского жилища//КСИИМК. 1951. Вып. XXXVIII.
4. *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. М.: Изд-во МГУ, 1956.
5. *Бектинеев Ш. И.* Свинцовые гирьки северо-восточной Белоруссии//Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983.
6. *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля (Очерки истории Северной Белоруссии) в IX—XIII вв. М.: Наука, 1966.
7. *Анохін В. О.* Гроші Київської Русі//Археологія Української РСР. Т. III. Київ: Наук. думка, 1975.
8. *Круг Ф. И.* Критические разыскания о древнерусских монетах. СПб., 1807.
9. *Янин В. Л.* Деньги и денежные системы//Очерки русской культуры XIII—XV веков. Ч. I. М., 1969.

В. С. НЕСТЕРОВ

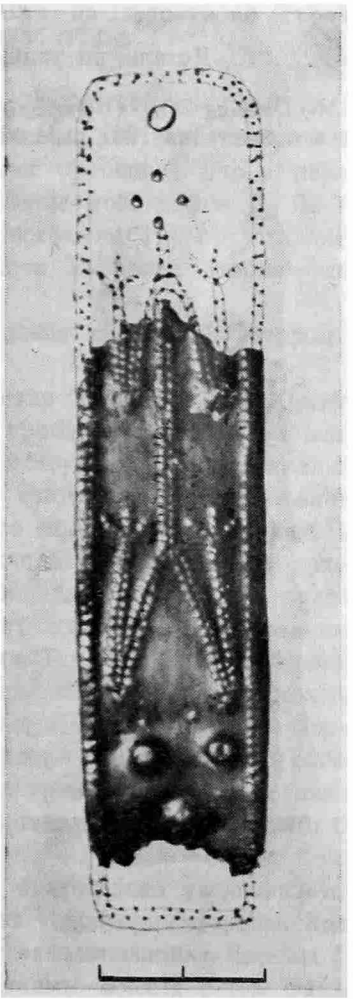
ОБ ОДНОЙ НАХОДКЕ С ОГУБСКОГО ГОРОДИЩА

В 1983 г. известное Огубское городище, расположенное в Жуковском р-не Калужской обл., было уничтожено: невысокий останец, на котором располагался памятник, был срезан бульдозером. На обнаженной поверхности оказалось много керамики и костей. Сбор подъемного материала для Обнинского городского музея производился учениками Обнинской школы № 3 под наблюдением автора[1] и членами Обнинского Дома пионеров.

Среди многих находок в подъемном материале имеется фрагмент чеканной бронзовой пластинки с интересным зооантропоморфным изображением (рисунок). Пластинка имеет длину 65, ширину 21 и толщину

[1] Нестеров Владимир Сергеевич (07.01 1906—22.08.1987) кандидат физико-математических наук, на протяжении более 15 лет активно занимался археолого-краеведческой работой в долине р. Протвы. Неоднократно выступал с докладами и сообщениями в Институте археологии АН СССР, на конференциях. Данная заметка, к сожалению, первая и единственная его печатная работа по археологии.

0,4 мм, концы ее обломаны. Чеканка произведена тонким орудием, похожим на тупую иглу или шило, диаметром не более 0,5 мм, и круглым чеканом диаметром около 2,5 мм. Основная фигура и окружающая рамка выполнены двойным пунктиром, пальцы — одинарным пунктиром. На обороте имеются прямые линии (по-видимому, предварительная разметка рисунка), нанесенные острым орудием. Эти линии идут вдоль одной ноги, хребта и к двум из трех крупных вдавлений, расположенных ниже основной фигуры. По технике исполнения публикуемая пластинка близка к пластинкам, ранее найденным на Щербинском, Троицком, Огубском и других городищах балтского времени. Утраченная верхняя часть с достаточной достоверностью реконструируется по аналогии с изображением на щербинской пластинке [1, с. 267, рис. 1]. Однако в нижней части пластины изображения существенно различны: на щербинской пластинке конечности человеческой фигуры изображены



Бронзовая пластинка с Огубского городища (пунктиром дана предложенная автором реконструкция)

правильно, на публикуемой пластинке ноги повернуты в сторону головы. Сходными задними конечностями обладает лягушка: ее сильно развитые стопы задних ног в спокойном положении повернуты в сторону головы. На щербинской и на огубской пластинке, найденной В. А. Городцовым, изображены женщины, производящие потомство. Поэтому с определенной степенью вероятности можно предположить, что на публикуемой пластинке изображен фантастический гибрид женщины и лягушки. В известной русской сказке лягушка превращается в женщину, а затем обратно в лягушку. Обстоятельный разбор мифов о лягушке содержится в статье Т. М. Судник и Т. В. Цивьяк [2]; здесь описаны поверья, обычаи, приметы, колдовские действия и пр., по настоящее время бытующие у балтов, балканских славян и белорусов. В частности, авторы пишут: «Примечательно совпадение сюжетов о превращении лягушки и черепахи: в том и другом случае речь идет о превращении женщи-

ны, но превращение в лягушку рассматривается как награда (благословение), а в черепаху — как наказание» [2, с. 137]. Наша находка, по-видимому, может рассматриваться как подтверждение глубокой древности этих мифов.

Интересен вопрос о производстве и назначении пластинок. Описанная выше пластинка гладкая, тонкая (толщина — 0,4 мм), производит ложное впечатление прокатанной. Полная длина аналогичных пластинок достигает 20 см. Трудно себе представить, что такие пластинки изготовлялись путем отливки. Возможно, прибегали к способу проковки между двумя слоями кожи, как при изготовлении сусального золота (последнее проковывалось между слоями замши).

Более толстые пластинки обычно трактуются как накладки на концы ремней. Наша тонкая пластинка, возможно, составляла часть налобного венчика.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Розенфельдт И. Г* Детали ритуальных поясов и позднедьяковских городищ//СА. 1980. № 1.
2. *Судник Т М., Цивьяк Т В.* О мифологии лягушки (балто-балканские данные)//Балто-славянские исследования 1981 г. М.: Наука, 1982.

Критика и библиография

Телегін Д. Я. Мезолітичні пам'ятки України (IX—VI тисячоліття до н. е.). Київ: Наук. думка, 1982, 235 с.

Телегин Д. Я. Памятники эпохи мезолита на территории Украинской ССР. (Карта местонахождений). Киев: Наук. думка, 1985. 176 с.

Мезолитические памятники Украины имеют европейскую известность. Однако, несмотря на более чем вековую историю их изучения, эти значительные материалы не были в достаточной степени систематизированы и обобщены. Это в первую очередь определило тот интерес, который вызвало появление монографий Д. Я. Телегина, посвященных мезолиту этого региона. Первая монография [1] представляет собой попытку историко-культурного осмысления мезолита Украины, вторая — свод соответствующих археологических памятников [2].

Сразу же заметим, что, на наш взгляд, решение этих задач автором монографий не может быть признано удовлетворительным.

В первом разделе книги «Мезолітичні пам'ятки України» Д. Я. Телегин обращается к чрезвычайно сложной и дискуссионной проблеме определения мезолитической эпохи. При этом исследователь опирается на существующую в науке традицию выделения мезолита на основе комплекса различных критериев: социально-экономического, технологического, хронологического и этнического порядка. Не вдаваясь в дискуссию о правомочности и плодотворности такого подхода к определению археологических эпох, отметим, что в наиболее существенной для собственно археологического исследования части этого определения — технологической Д. Я. Телегин избирает критерии мезолита, уже отвергнутые развитием науки. Так, основным признаком, отделяющим раннемезолитические памятники от палеолитических, он считает «распространение в комплексах первых геометрических микролитов или макролитических форм» [1, с. 5]. Однако последовательная реализация такого критерия повлекла бы за собой отнесение в разряд мезолитических целого ряда позднепалеолитических памятников, включая комплексы относительно ранней поры позднего палеолита [3; 4, с. 1146; 5; 6, с. 315; 7, с. 454, 455; 8, с. 168; 9, с. 280—283; 10].

Действительно, к концу позднего палеолита значительно увеличивается количество памятников с геометрическими микролитами на территории Европы, Кавказа и Передней Азии. По словам Ж. Комбье, происходит «азилинизация» Европы [11, с. 291]. Расширяется число индустрий с рубящими орудиями. Вместе с тем финально-палеолитические индустрии были генетически неразрывно связаны с предшествующим периодом развития верхнего палеолита, полностью палеолитическим оставался технико-типологический облик каменного инвентаря, не произошло заметных перемен и в экономике. Поэтому нет никаких оснований относить индустрии конца плейстоцена с геометрическими микролитами к мезолиту.

Появление геометрических микролитов в позднепалеолитических индустриях отражало наличие довольно ограниченной и неустойчивой потребности человека в микролитах стандартизированных форм. С началом голоцена эта потребность становится постоянной и всеобщей. Происходит технологический скачок, который выразился в массовом распространении вкладышевой техники [12, с. 45], что особенно ярко проявилось в намеренном фрагментировании пластинчатой заготовки и микролитизации подавляющего большинства кремневых индустрий Европы. И здесь чрезвычайно важно подчеркнуть, что в большинстве хорошо изученных регионов (Западная, Южная, Центральная, Северная Европа) в раннеголоценовых индустриях нет одной из наиболее распространенных форм геометрических микролитов — трапеций [6, с. 929; 13, с. 56; 14, с. 512; 15, с. 253]. Они появляются только в атлантическое время, что свидетельствует об отсут-

ствии прямой генетической связи между финально-палеолитическими и мезолитическими формами трапеций. Осознавая степень своеобразия финально-плейстоценовых индустрий Украины, мы полагаем, что их развитие происходило в русле общеевропейских закономерностей, подтверждающих существующий в литературе взгляд на памятники рогаликско-осокоровского, шанкобинского и оселивского типа как на финально-палеолитические индустрии [3, с. 57; 7, с. 597, 598, 617—621; 16, с. 5—21; 17, с. 118, 119; 18, с. 53].

Ничего нового, кроме путаницы, не вносит предложенная Д. Я. Телегиным система классификации археологических общностей, которая включает следующие компоненты: тип памятника — культура — культурно-генетический цикл — культурно-территориальная область. Тип памятника, если следовать определению автора [1, с. 21],— рабочее определение археолога, которое может применяться как для обозначения локального варианта, хронологического этапа культуры, так и самой культуры. Как нам представляется, если последнее установлено, то надобность этого понятия в системе вышеуказанной классификации отпадает. Если же «тип памятника» является «вещью в себе», то такое понятие должно находиться в одном ряду с понятиями первичной классификации археологических материалов, а не на уровне интерпретационных построений.

Весьма неопределенно в формулировке Д. Я. Телегина выглядит разграничение понятий культурно-генетического цикла и культурно-территориальной области [1, с. 52]. Первое из них, обозначающее «группы близкородственных культур и типов памятников, которые в целом отличаются от соседних аналогичных образований, и в частности по происхождению», идентично традиционному в советской археологии понятию «культурная область» [19, с. 19; 20, с. 9]. Однако в заключительном разделе монографии автор выходит за рамки этого понятия. Среди культурно-генетических циклов Украины выделены единства, объединяющие родственные культуры — цикл с остриями на пластинках, цикл трапеций — и в то же время циклы, объединяющие культуры, параллельно развивающиеся в одном направлении,— цикл сегментов и отщепово-макролитические культуры.

Понятие культурно-территориальной области, по Д. Я. Телегину, «более широкая единица систематики, чем культурно-генетический цикл, различия, кроме разного территориального охвата, в том, что в первом случае доминирует культурно-территориальный принцип, во втором — типолого-генетический элемент». На наш взгляд, такое определение не снимает вопросов: с какой целью выделяются культурно-территориальные области, что это единство отражает? Указанные вопросы остались, видимо, открытыми и для самого автора, уклонившегося от их рассмотрения.

Достоверность культурно-исторических построений археолога обуславливается достаточно полным обобщением всех имеющихся источников, возможностью контролировать и проверять теоретические построения, научно обоснованной методикой работы с материалом. К сожалению, по перечисленным параметрам рецензируемые монографии Д. Я. Телегина содержат много изъянов. Даже эталонные памятники, в том числе впервые вводимые в научный оборот, сопровождаются чрезвычайно краткими иллюстративными таблицами. По многим памятникам, даже крупным, отсутствуют данные по количественному составу комплексов. В ряде случаев статистические сведения и типологические определения ошибочны.

Принципиальные возражения вызывает методика применения статистики, при которой с целью определения культурно-хронологической позиции памятников подсчитываются индексы их родственности на основе сопоставления видов (категорий) орудий. С такой процедурой можно отчасти согласиться, если бы различия между отдельными археологическими памятниками возникали лишь в случае их культурно-хронологического своеобразия. На самом деле это не так. Советскими и зарубежными исследователями каменного века установлено, что на памятниках однокультурных, но различного функционального назначения и сезонности могут наблюдаться значительные несоответствия не только в процентных соотношениях видов орудий, но даже в их наборе [21, с. 35; 22—24].

К чему приводит игнорирование принципа функционального подхода к анализу археологических памятников, можно убедиться на примере рецензируемого исследования. Так, на очевидном недоразумении основывается вывод автора о принадлежности стоянки Миньевский Яр к особому «отщепово-макролитическому пути развития» мезолитической культуры [1, с. 151]. Попытки выделить «макролитические» культуры в мезолите уже не раз справедливо критиковались [25, 26]. Аналогичная ситуация сло-

жилась в случае со стоянкой Миньевский Яр. Последняя представляет собой ярко выраженную мастерскую по изготовлению тесел, прочих крупных изделий из кремня, добываемого на месте стоянки. Особой макролитичности ее противоречат находки микролитов: пластинки со скошенным концом и острия янославицкого типа [27]. Об этом же говорят нуклеусы с негативами микропластинок, находки которых ставят под сомнение и второй постулат Д. Я. Телегина об отщеповом характере индустрии Миньевского Яра. Совершенно очевидно, что исследователь абсолютизировал одну из фракций культуры как черту общекультурного своеобразия.

Возражение вызывает и выведение обобщенного индекса сходства по всем видам орудий в сравниваемых комплексах, поскольку диагностичность, скажем, отщепов с ретушью, с одной стороны, и наконечников стрел на пластинах, геометрических микролитов — с другой, противоположна. Для культурно-хронологических построений очень важно сопоставление на уровне типов орудий, но такой статистический анализ в работе не проводился. Примером подобного применения статистики является выделение Д. Я. Телегиным памятников «типа Моспино», для которых автором подсчитаны высокие индексы родственности [1, с. 127]. Анализ материалов памятников этой группы противоречит выводам Д. Я. Телегина. Оказывается, что коллекция «эталонной» стоянки, собранная на поверхности регулярно распахиваемого поля площадью около 10 000 м², содержит разновременные изделия. Другие стоянки разнокультурны. Среди них — памятники с трапециями (Теплое, Зимовники I—2, I—3), стоянка с трапециями и сегментами (Зимовники I—1), стоянка без геометрических микролитов (Петровка), стоянка с постсвидерскими наконечниками стрел на пластинах, рубящими орудиями и трапециями (Кременная гора). Значительны различия памятников «типа Моспино» и по технике расщепления кремня [28].

В силу вышеуказанных причин вызывает сомнение необходимость и значимость усредненных данных состава орудий по мезолитическим культурам Украины. Среднеарифметические показатели лишь нивелируют объективно существующие, порой значительные различия между комплексами внутри отдельной культуры. Так, например, по усредненным данным индекс скребков в стоянках рогаликско-осокоровского типа в 2 раза выше индекса резцов. Вместе с тем в инвентаре Рогалик-Якимовской стоянки, одной из опорных в этой группе, это соотношение обратное, что иллюстрирует степень устойчивости одного из ведущих, по Д. Я. Телегину, показателей.

Остановлюсь на замечаниях частного порядка, которые касаются выделения отдельных культур, типов памятников, их хронологии, взаимосвязей, проблемы реконструкции хозяйства. Рассматривая проблему генезиса индустрии стоянки Сюрень 2 в Крыму, Д. Я. Телегин называет Волынь в качестве возможной исходной территории, с которой свидерское население по Днепру проникало в Крым [1, с. 69]. По мнению исследователя, выделяемые им памятники нобельского типа в наибольшей степени сопоставимы с комплексом Сюрени 2. Однако доводы Д. Я. Телегина не убеждают. Материалы нобельских стоянок, содержащие черешковые наконечники стрел на пластинах постсвидерского типа, высокие трапеции, свидетельствуют скорее всего в пользу их послебореального возраста [13; 29, с. 119], что делает гипотезу Д. Я. Телегина маловероятной.

Довольно противоречив подход Д. Я. Телегина к определению культурных связей и ориентации памятников шанкобинского типа. С одной стороны, он указывает на генетическое родство шанкобинской индустрии и памятников кебаранской и натуфийской культур [1, с. 64], а с другой — пишет о принадлежности шанкобинской индустрии к единому культурно-генетическому циклу со стоянками типа Белолесье, которым он вслед за В. Н. Даниленко находит румынские аналогии, и считает эту индустрию пришлой с территории Балкан и Подунавья [1, с. 229].

Вклад Д. Я. Телегина в изучение кукрекской культуры бесспорен, однако границы этого единства, очерченные в рецензируемой работе, на наш взгляд, малообоснованны. Наличие единичных кукрекских вкладышей в памятниках типа Фрумушика или Игрень 8 не является достаточным основанием для отнесения их к кукрекской культуре. Думается, что и отсутствие геометрических микролитов в этих памятниках — признак, который может рассматриваться не столько как культуроопределяющий, сколько как хронологический, что согласовывается с бореальной датировкой Игрени 8 радиокарбонным методом. Как нам представляется, до определения устойчиво повторяющегося, эталонного кукрекского комплекса, выяснения его генезиса и развития на всех хронологических этапах решение проблемы локальных вариантов кукрекской культуры является преждевременным.

Столь же преждевременным является выделение двух других культурных типов — Нобеля и Смячки. Памятники, отнесенные к ним, пока территориально обособлены, но в культурном отношении близки между собой по всем существенным признакам и датируются, за исключением, по-видимому, Смячки 14, атлантическим временем. К этому же периоду следует отнести комплекс Народичей, к чему в целом склоняется Д. Я. Телегин [1, с. 148], хотя и включает этот памятник в разряд раннемезолитических стоянок. На наш взгляд, при рассмотрении комплекса Народичей исследователь не учитывает очевидных параллелей ему в инвентаре Гренской стоянки. Приводимые им аналогии Народичам в индустриях круга маглемозе — дуфензе достаточно спорны. Рубящие орудия наряду с наконечниками стрел на пластинах могут трактоваться как переживания свидерских культурных традиций. Негеометрические микролиты Народичей единичны и трудноопределимы. Более перспективно, по нашему мнению, рассмотрение аналогий Народичам в инвентаре Песочного Рва и сходных с ним комплексов иеневской культуры [24].

Вслед за Л. Л. Зализняком мы считаем неправомерным объединение Д. Я. Телегиным памятников рудоостровского и загайского типов в единую днепро-припятскую культуру [30, с. 98]. Типологический набор микролитов памятников обоих типов совершенно различен. Комплексы рудоостровской культуры справедливо отнесены Л. Л. Зализняком к янисла вицкой культурной области, в материалах загайских комплексов угадываются культурные компоненты южнорусской культурной области и памятников типа Ставинога — Кудлаевка.

Генетические корни днепро-припятской культуры Д. Я. Телегин ищет в инвентаре осокоровско-рогаликских памятников [1, с. 178]. По мнению исследователя, для построения такой ответственной гипотезы вполне достаточно наличия «высокого индекса пластинчатости», «ортогнатных нуклеусов», «приблизительно одинакового резцово-скребкового показателя» в инвентаре памятников упомянутых единств. Столь же малообоснованно в монографии участие рогаликско-осокоровской индустрии в сложении памятников типа Нобеля и Смячки [1, с. 143] донецкой культуры [1, с. 185].

В рассмотрении Д. Я. Телегиным донецкой культуры новым положением стало выделение памятников раннего (райгородского) хронологического этапа. Однако и здесь фактологическая база для подобного построения крайне скудна и спорна. Эталонный комплекс — местонахождение Райгородок насчитывает всего девять орудий, стратиграфическое положение его неясно. Материалы местонахождения Рубцы более многочисленны, но единственный культуроопределяющий элемент в этом комплексе — наконечник стрелы на пластине с выделенным полукрутой ретушью черешком — неизвестен в инвентаре многочисленных памятников донецкой культуры, геометрические микролиты в нем отсутствуют. Техника расщепления кремня, стратиграфия памятника свидетельствуют о наиболее вероятной датировке его концом мезолита — ранним неолитом.

В разделе, посвященном анализу хозяйственного развития мезолитических культур Украины, Д. Я. Телегин отстаивает давно уже высказанную в литературе гипотезу о доместикации в мезолитическое время на территории региона некоторых видов животных, в частности быка и свиньи. При этом он замалчивает уже прозвучавшую, довольно убедительную критику этой гипотезы [31, 32]. Точно так же автор поступает и при рассмотрении антропологических материалов днепровских могильников. Опираясь на точку зрения Г. Ф. Дебеца о восточносредиземноморской принадлежности погребенных Волошского могильника, опубликованную в 1955 г. [33], Д. Я. Телегин совершенно игнорирует хорошо обоснованное мнение И. И. Гохмана, высказанное позднее по этой же антропологической серии [34, с. 180]. Видимо, это понадобилось для того, чтобы подкрепить довольно парадоксальную, на наш взгляд, гипотезу о заимствовании идеи создания крупных некрополей днепровским населением с Переднего Востока [1, с. 215].

Перечень основных недостатков рецензируемых монографий хотелось бы завершить досадными для исследования такого уровня ошибками в историографии. Так, на с. 24 Д. Я. Телегин утверждает, что В. Н. Станко выделил рогаликский тип памятников, «подчеркивая значительные различия между памятниками типа Осокоровки и Рогалик-Якимовской» [1]. На самом деле В. Н. Станко показал общность Рогалика и Осокоровки 3-в [35, с. 256], что повторено Д. Я. Телегиным. Однако идея выделения рогаликского типа памятников принадлежит не В. Н. Станко, а В. Н. Даниленко [36, с. 53—55; 37, с. 145]. На с. 26 [1] Д. Я. Телегин, указывая на роль В. Н. Станко в выделении памятников типа Белолесье и Анетовки, гребениковской культуры, даже

не упоминает, что в одной из цитируемых им работ В. Н. Станко выделил и кукрекскую культуру [35, с. 261]. На с. 31 Д. Я. Телегин ошибочно приписывает Л. В. Кольцову отнесение стоянок Северского Донца (Петровское 4, Изюм 4) к особой янславцкой культурной группе, а на с. 199 искажает смысл слов К. Маркса о давлении избытка населения на производительные силы в архаичных обществах [1].

Было бы неверно анализ монографий Д. Я. Телегина ограничить лишь освещением их негативных сторон. Автор проделал большую работу по сбору, учету, систематизации мезолитических памятников Украины, им получены первые для этого региона радиоуглеродные даты для мезолитических памятников, исследованы крупные стоянки и могильники. Некоторые теоретические положения, высказанные Д. Я. Телегиным, представляют значительный интерес. В их числе положение о различии генетических корней культур Левобережной Украины и Крыма, отнесенных в свое время П. П. Ефименко к единой южнорусской культурной области; постановка вопроса о генезисе кукрекской культуры, о культурных различиях стоянок Среднего Поднестровья.

Подытоживая сказанное, следует отметить, что задача историко-культурной интерпретации мезолита Украины, создания полноценного свода источников еще не решена, тем не менее вышедшие в свет монографии Д. Я. Телегина послужат предпосылкой для движения науки в этом направлении.

А. Ф. Горелик

ЛИТЕРАТУРА

1. *Телегін Д. Я.* Мезолітичні пам'ятки України (IX—VI тисячоліття до н. е.). Київ: Наук. думка, 1982.
2. *Телегин Д. Я.* Памятники эпохи мезолита на территории Украинской ССР (Карта местонахождений). Киев: Наук. думка, 1985.
3. *Григорьева Г. В.* Позднепалеолитические памятники с геометрическими микролитами на Русской равнине//КСИА. 1983. Вып. 173.
4. La préhistoire Francaise. Les civilisations paléolithiques et mésolithiques de la France. Nice, 1976.
5. *Schwabedissen M.* Die Federmesser-Gruppen des nordwestenropaischen Flachlands. Neumünster, 1954.
6. *Rozoy J. G.* Les derniers chasseurs. L'Epipaléolithique en France et en Belgique. Essai de synthese. Charleville, 1978.
7. *Ефименко П. П.* Первобытное общество. Киев: Изд-во АН УССР, 1953.
8. *Семенов С. А.* Топор в верхнем палеолите//КСИИМК. 1950. Вып. XXXI.
9. *Ефименко П. П.* Костенки I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
10. *Воробьев В. М.* Происхождение и начальные этапы развития рубящих орудий: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1980.
11. *Combier J.* Le Paleolithique de l'Ardeche des son cadre paleoclimatique. Bordeaux, 1967
12. *Семенов С. А., Коробкова Г Ф.* Технология древнейших производств. Л.: Наука, 1983.
13. *Kozlowski S. K.* Z problematyki polskiego mezolitu, czecs 2: O podziale chronologicznym//Materialy do prahistorii plejstocenu i wczesnego holocenu Polski. Wroclaw; Warszawa; Krakow, 1967
14. *Rozoy J G.* The Franco-Belgian Epipalaeolithic Current Problems//Mesolithic in Europe. Warszawa, 1973.
15. *Allesio M., Allegri L. et al.* ^{14}C Dating of Three Mesolithic Series of Trento Basin in the Adige Valley (Vatte di Zambana, Pradestel, Romagnano) and Comparisons with Mesolithic Series of Other Regions//II popolamento delle Alpi in eta mesolitica VIII—V mil. a. s. Trento, 1983.
16. *Станко В. Н.* Поздний палеолит и сложение мезолита в степях Северного Причерноморья//Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытнообщинного строя. Киев: Наук. думка, 1980.
17. *Gatsov I.* The Archaelogical Cultures of the Late Pleistocene and Early Holocene in the Western Black Sea Region, and Their Significance for the Formation of the Neolithic Flint Industries//Origin of the Chipped Stone Industries of the Farming Cultures in Balkans. Warszawa; Krakow, 1982.
18. *Kozlowski J. K., Kozlowski St. K.* Upper Palaeolithic and Mesolithic in Europe. Taxonomy and Palaeohistory. Wroclaw, 1979.
19. *Формозов А. А.* Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
20. *Бадер Н. О.* Историко-культурные области верхнепалеолитического и мезолитического времени в Восточном Средиземноморье: Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1965.
21. *Любин В. П.* Нижний палеолит//Каменный век на территории СССР//МИА. 1970. № 166.
22. *Binford S. R.* Variability and Change in the Near Eastern Mousterian of Levallas facies//New Perspectives in Archaeology. Chicago, 1968.

23. *Clark J. G. D.* Seasonality and the Interpretation of Lithic Assemblages//Separata de Estudios dedicados al professor dr. Luis Pericot. Barcelona, 1973.
24. *Кольцов Л. В.* О сезонном функционировании мезолитических стоянок (по материалам Волго-Окского междуречья)//СА. 1985. № 3.
25. *Wieckowska H.* Outline of the Division of Cultures of the Polish Mesolithic//The Mesolithic in Europe. Warszawa, 1973.
26. *Крижевская Л. Я.* Еще раз о мезолите среднерусского Днепровско-Донского междуречья//КСИА. 1977 Вып. 149.
27 *Горелик А. Ф., Духин А. О.* Раскопки мезолитических памятников Миньевский Яр и Рубцы//Новые археологические исследования на Одесчине. Киев: Наук. думка, 1984.
28. *Горелик А. Ф.* Мезолит бассейна Северского Донца и Северо-Восточного Приазовья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 Л., 1986.
29. *Кольцов Л. В.* Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М.: Наука, 1977
30. *Зализняк Л. Л.* Мезолит Юго-Восточного Полесья. Киев: Наук. думка, 1984.
31. *Цалкин В. И.* Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М.: Наука, 1970.
32. *Ермолова Н. М.* Формирование мезолитической культуры в связи с природной обстановкой//КСИА. 1977 Вып. 149.
33. *Дебец Г Ф.* Черепа из эпипалеолитического могильника у с. Волошское//СЭ. 1955. № 3.
34. *Гохман И. И.* Население Украины в эпоху мезолита и неолита. М.: Наука, 1966.
35. *Станко В. Н.* Типы памятников и локальные культуры в мезолите Северного Причерноморья//МИА. 1972. № 185.
36. *Даниленко В. Н.* Неолит Украины. Киев: Наук. думка, 1969.
37 *Даниленко В. Н.* Энеолит Украины. Киев: Наук. думка, 1974.

Телегін Д. Я. Мезолітічні пам'ятки України (IX—VI тисячоліття до н. е.). Київ: Наук. думка, 1982. С. 235.

Телегин Д. Я. Памятники эпохи мезолита на территории Украинской ССР. (Карта местонахождений.) Киев: Наук. думка, 1985. С. 176.

Рассматриваемые монографии Д. Я. Телегина посвящены обобщению материалов по мезолиту Украины. Название их сходно, и поэтому может сложиться обманчивое впечатление, что это одна и та же книга, изданная на разных языках — украинском и русском. В действительности же это две самостоятельные монографии. Первая из них посвящена исследованию проблем мезолита, вторая представляет собой сводку памятников, которая не только дополняет обобщающую монографию, но и может служить самостоятельным справочником. Возникает естественный вопрос: а есть ли необходимость в издании столь большого количества книг по одной эпохе одного и того же региона?

Ответить на это можно только положительно, прежде всего по трем главным причинам: 1) мезолит — одна из менее изученных эпох каменного века; 2) это одна из наиболее важных эпох истории человечества; 3) территория Украины в истории изучения мезолита СССР занимает особое место.

Для подтверждения первого положения достаточно вспомнить, что совсем недавно, еще в конце 60-х годов [1], в нашей научной литературе велись споры о правомерности выделения мезолита. Одни авторы были склонны включать его в неолит, другие — относить к палеолиту [2]. Сам термин «мезолит» стал распространяться в науке еще в конце прошлого века и не сразу принял современное содержание [3].

Как отмечал Г. Чайлд, «ученые XIX века думали даже, что Европа, покинутая охотниками на мамонтов и северных оленей, оставалась необитаемой пустыней до прихода новых племен неолитического периода, которые начали использовать ее для пастбищ и обработки земли» [4, с. 19]. Важность изучения мезолита обусловлена прежде всего тем, что именно в этот период складываются условия для перехода к новой, производящей экономике, которая до сих пор является определяющей для всего человечества.

Территория Украины была тем регионом, где впервые в Восточной Европе были выделены мезолитические памятники и определено их промежуточное (между палеолитом и неолитом) место. Не случайно более трети известной сводки по Восточной Европе М. В. Воеводского [5, с. 96—119] занимали материалы мезолита Крыма. В периодизации мезолита европейской части СССР А. А. Формозова [6] материалы мезолита Украины также занимали значительное место. К сожалению, длительное время

не выходило обобщающих работ по мезолиту всей Украины. Исследователи, начиная с Д. А. Крайнова [7], большей частью ограничивались монографическими исследованиями крупных памятников или отдельных ареалов Украины. И вот, наконец, специалисты получили полную сводку всех памятников мезолита Украины и обобщающее исследование связанных с ними проблем.

Монография Д. Я. Телегина 1982 г. [8] состоит из 10 разделов. В первом вводном разделе автор дает определение мезолита, характеризует основные задачи и методику изучения мезолитических памятников Украины. В разделе I специально выделены: 1) заметки по типологии кремневых изделий; 2) метод статистической обработки материалов.

Раздел II — историографический. Впервые мезолитические стоянки на Украине были выявлены еще в прошлом веке, но особенно больших успехов добились украинские археологи в последние годы. Так, если в сводке М. В. Воеводского 1950 г. названо 100 мезолитических памятников Украины, то в рецензируемой монографии 1982 г. их учтено около 300, а в работе 1985 г.— уже более 400. В их числе — могильники и отдельные погребения мезолита, которые за пределами Украины известны пока очень мало. Более 50 памятников мезолита Украины исследованы широкими стационарными раскопками. В абсолютных рамках мезолит Украины датируется автором в пределах IX—VI тыс. до н. э.

Во вводной части автор подробно характеризует методику исследования. На основе типологического анализа и других методов исследования им выделено на территории Украины около 20 культур и типов памятников, представленных и временными стоянками, и убежищами под навесами и в гротах, и могильниками, и отдельными погребениями. В работах Д. Я. Телегина дается четкое определение «культуры», «типа памятников» и других важных понятий, которыми он оперирует. Термин «культура» обычно применяется автором в приложении к группе памятников, среди которых можно выделить локальные или хронологические варианты.

В разделе III Д. Я. Телегин анализирует природные условия, топографию, стратегию и хронологию памятников мезолита. Начальный период мезолита автор относит еще к концу плейстоцена и началу голоцена. Мне это представляется оправданным, хотя и не совпадает с общепринятым представлением. Принято считать, что граница мезолита и палеолита проходит по границе голоцена и плейстоцена. Однако, как мне уже приходилось замечать [9], совпадение это не может быть идентичным по всем регионам, ибо в то время, когда на территории Среднего и Ближнего Востока уже появилось производящее хозяйство, в умеренной зоне Европы еще кое-где продолжалась охота на мамонта. Границы геологических эпох определяются на основе уже сложившихся в результате многолетнего воздействия определенных факторов изменений во флоре и фауне. Человек — часть биосферы, и изменения в образе его хозяйственной деятельности большей частью определялись не многовековыми, а ежегодными засухами или наводнениями, особенно в условиях степей и лесостепей Украины. Человек вынужден был адаптироваться здесь к аридизации более оперативно, нежели флора и фауна в лесной полосе, отвечавшие на изменения природно-климатических условий более опосредованно и медленно. Мне представляется вполне обоснованным, что автор исходит в определении границ между отдельными периодами мезолита, а также между мезолитом и другими эпохами каменного века из конкретных данных изучения инвентаря памятников Украины.

В частности, вполне обоснованным мне представляется отнесение автором в первой монографии [8] дриаса III к мезолиту, а не к палеолиту, как это принято в геологической периодизации. На период дриаса и аллёрёда падают наиболее существенные изменения температуры атмосферы на планете. Именно в этот период происходят наиболее значительные регрессии закрытых крупных водоемов и морей, свидетельствующие о существенных колебаниях влажности, которая плохо фиксируется по палеогеографическим данным.

Любопытны наблюдения Д. Я. Телегина над изменениями уровня стоянок относительно уровня рек и других водоемов. В целом прослежено, что уровень рек в мезолите был выше современного, однако он менялся в течение мезолита, что свидетельствует о колебаниях уровня влажности в первой половине голоцена. Подобные, но более детальные данные получены и по другим регионам степей и лесостепей Евразии, что позволяет выяснить новые особенности изменения палеогеографических условий в голоцене и определить степень взаимосвязи таких колебаний влажности в атмосфере с изменениями в экономике первобытных общин.

Д. Я. Телегин выделяет в мезолите Украины два периода: ранний (IX—VII тыс. до н. э.) и поздний (VII—VI тыс. до н. э.). Датировка основана на 20 абсолютных датах, полученных для различных памятников мезолита этого огромного региона. Нельзя не заметить, что начало каждого из периодов мезолита Украины падает на эпохи существенной аридизации, прослеженные нами в восточных регионах степей и лесостепей Евразии. Не исключено, что именно эти периоды аридизации, вызвав сокращение биомассы в степях и лесостепях, и определили необходимость изменений в инвентаре памятников мезолита Украины.

Автор вполне обоснованно выделяет две основных культурно-территориальных области в мезолите Украины: Азово-Черноморскую, или степную, микролитическую (Крым, степное Приднепровье и Приазовье, Донец) и Полесско-Лесостепную микро-макролитическую область (лесостепное левобережье Днепра, Северский Донец, Киево-Днепровский ареал, Волынь и Десна). Кроме того, на Среднем Днестре и в Прикарпатье выделяется отдельный «промежуточный» регион, для которого типично сочетание инвентаря, как северного микро-макролитического, так и южного микролитического [10, рис. 1].

В южном Азово-Причерноморском регионе в мезолите выделяется восемь культур и типов памятников. В раннем мезолите шан-кобинский и Сюрень 2 в Крыму, осокоровско-рогаликский в Днепровском ареале и в бассейне Донца и белолесский тип памятников в Северном Причерноморье. В Крыму исследованные памятники отнесены в основном к двумя культурам — горно-крымской и кукрекской и, кроме того, выделены также памятники типа Сюрень 2.

Памятники шанкобинской стадии горно-крымской культуры (Шан-Коба (нижние слои), Фатьма-Коба, Алимовский навес и др.) характеризуются микролитическим инвентарем с преобладанием сегментов над трапециями и треугольниками. Тип Сюрень 2 имеет инвентарь свидерского облика и, по мнению автора, представляет собой свидетельство инвазии северного населения.

В инвентаре памятников белолесского типа сохраняется ведущая роль сегментов, как и в горно-крымской культуре, но скребки большей частью изготовлены не на пластинах, а на отщепах. Характерная черта памятников осокоровско-рогаликского типа Нижнего Днепра и Северского Донца — крупные трапеции среди в общем-то еще позднепалеолитического инвентаря.

В позднем мезолите автор различает пять типов памятников и культур в южном регионе мезолита Украины: мурзак-кобинская стадия горно-крымской культуры, гребенниковская культура Северного Причерноморья, кукрекская культура (Крым, степное Приазовье, Причерноморье), памятники типа Моспино в Донецком бассейне и типа Ненасытец в ареале Днепровских порогов.

В мурзаккобинской стадии горно-крымской культуры (Мурзак-Коба, Ласпи 7, Замиль-Коба и др.) число сегментов в сравнении с шанкобинской стадией значительно падает, а число трапеций повышается. Довольно высок процент пластин с выемками. Памятники гребенниковской культуры (Гребенники, Гиржева, Мирное) отличаются довольно большим количеством скребков из отщепов. Геометрических форм немного. Большей частью это средневысокие симметричные трапеции. Кукрекская культура имеет варианты: крымско-азовский (Кукрек, Каменная могила), днепровский (Игрень 8), причерноморский (Абузова балка, Конецпол). Для получения орудий здесь пользовались как отщепами, так и пластинами. Характерны вкладыши так называемого кукрекского типа. В позднем мезолите на памятниках типа Ненасытец и Моспино преобладает микролитический инвентарь. Встречаются здесь симметричные высокие трапеции, резцы, скребки и другие изделия из пластин и отщепов.

Второй крупный регион мезолитических культур Украины охватывает лесостепное Полесье, Среднее Приднестровье и Прикарпатье. Характерная черта памятников этого региона — сочетание микролитической техники с макролитической. В раннем мезолите автор выделяет нобельский тип на Волыни, смячкинский на Десне, Миневского яра на Северском Донце и оселевский тип на Среднем Днестре и в Прикарпатье.

Для нобельского типа характерны наконечники стрел на пластинах, встречаются также высокие трапеции, топоры, долота, пики и другие изделия микролитического характера. Смячкинский тип памятников довольно близок к нобельскому. Оба они, видимо, примыкают к культурам северного свидерско-кундинского характера. Инвентарь памятников типа Миневский яр изготовлен преимущественно из отщепов. Геометрические микролиты здесь неизвестны. В памятниках оселевского типа встречаются единично поздние типы геометрических форм вместе с остриями свидерского типа.

Для позднего мезолита северного, лесостепного региона выделяются памятники типа Ставиного-Кудлаевка, днепроприпятской культуры и Посочного рва на Десне. Таковы основные культуры и типы памятников северного региона мезолита Украины.

Исследование памятников мезолита Украины широкими стационарными раскопками позволило выявить здесь жилища, даже попытаться представить планировку поселков и определить количество их жителей. Жилища большей частью были наземными или слегка углубленными в землю, в поселке обитало от 50—60 до 150 человек. Основой экономики были охота, рыболовство и собирательство. Прослеживаются местами и элементы производящего хозяйства. В Крыму найдены остатки домашней свиньи, в Причерноморье и Приднепровье — крупный рогатый скот.

Важным достижением археологов Украины являются открытие и исследование ими могильников и погребений мезолитического времени. Пожалуй, нигде в Европе не известно такое их сосредоточение. На территории СССР за пределами Украины, кроме Оленеостровского, мы не знаем пока ни одного могильника эпохи мезолита, малоизвестны и могильники других эпох каменного века. Изучение мезолитических некрополей на Украине дает редкую возможность исследователям представить антропологический тип населения этой эпохи и попытаться выяснить истоки заселения Восточной Европы не только по археологическим, но и по антропологическим данным. Основываясь на последних, Д. Я. Телегин приходит к заключению, что в мезолите «степной юг Украины был заселен племенами южного средиземноморского типа, и лишь к концу этой эпохи, и главным образом в неолите, здесь распространяется высокорослое, широколицее европеоидное позднекроманьенское население» [10, с. 176]. Автор обоснованно заключает, что мезолитические культуры Украины сложились, видимо, не только на местной основе, но и «под влиянием шедших из Кавказья, Переднего Востока, Балкан и Нижнего Подунавья культур», считая, что культуры южной Азово-Черноморской области входят в так называемый азило-тарденуазский круг культур [10].

Что касается направления культурных связей второго региона — микро-макролитических культур Полесско-Лесостепной зоны, то, по мнению автора, его следует видеть в культурах «зандровой зоны Европы, севера Центральной Европы и Прибалтики» [10, с. 176].

Оценивая в целом обе монографии Д. Я. Телегина по мезолиту Украины, следует признать, что они представляют собой полноценный и исчерпывающий источник для изучения важной эпохи каменного века Восточной Европы и в то же время это крупное обобщающее исследование по каменному веку важнейшей ее части — территории Украины. Благодаря этим работам мезолит Украины в настоящее время исследован полнее, чем где-либо на территории СССР.

Однако в этих монографиях, как и в любых других работах по археологии, выпущенных в последние годы, можно найти недочеты. Их можно объединить в две группы: 1) недочеты, связанные с неточным цитированием, путаницей в сносках на рисунки, противоречиями в таблицах и графиках, и 2) недочеты теоретического плана.

Первые недочеты, к сожалению, стали данью широко распространенной «моды». Пожалуй, нет ни одной книги по археологии, опубликованной в последние 5—10 лет, в которой нельзя было бы найти подобных изъянов. Вина за такие недостатки во многом ложится на издательства. Видимо, следует обращать внимание лишь на те недочеты, на которых строятся какие-то существенные выводы. В связи с этим я позволю себе остановиться на одном из подобных недочетов рецензируемых монографий. В монографии 1982 г. [8, с. 49] и во второй [10, с. 6] даны схемы периодизации мезолита Украины. Они несколько расходятся между собой. Так, на первой из них дриас III отнесен к мезолиту, а на второй — к палеолиту. Может быть, это отражает изменение взглядов автора, но тогда это следовало бы оговорить обстоятельнее и обосновать передатировку раннего мезолита Украины. Каких-либо существенных недочетов теоретического плана я не заметил ни в той, ни в другой монографии.

Конечно, это не значит, что с автором нельзя дискутировать по каким-либо положениям, выдвинутым в его монографиях. Например, мне представляется, что направление культурных связей, определенных для мезолита Украины, нуждается в дополнениях. В большинстве случаев Д. Я. Телегин видит его лишь западным. Однако не исключено, что связи с южными культурами Ближнего и Среднего Востока шли не только через запад и юг, но и через восточные области Волжско-Уральского междуречья и Южный Урал. Свидетельством этих связей может быть открытие в Южном Зауралье памятников с геометрическими микролитами (янгельская культура). Геометрические формы янгельского типа иногда просто идентичны и по характеру обработки, и по своим исход-

ным заготовкам, и по форме микролитам Южного Прикаспия и Ближнего Востока. В последние годы исследователи памятников с геометрическими микролитами Среднего Востока также стали замечать удивительное сходство микролитов Закаспия с микролитами юга [11]. Еще раньше было высказано предположение о наличии культурных связей мезолита Южного Урала с мезолитом Южного Прикаспия [9, с. 182—253].

Не исключено, что в сложении культур мезолита юга Украины приняли участие и элементы, проникшие сюда с юго-востока, со стороны Северного Прикаспия и Южного Урала. В этом убеждает и то обстоятельство, что в раннем мезолите Крыма и Северного Причерноморья больше низких и даже иногда асимметричных форм с боковыми выемками, нежели в позднем мезолите той же территории. В Приуралье и Северном Прикаспии преобладают микролиты низких и асимметричных форм. Для неолита Южного Урала геометрические формы нехарактерны. Отсутствуют они практически и в мезолите Южного Предуралья и Среднего Поволжья, что также может служить доводом в пользу того, что культурное влияние юга доходило до Украины в эпоху раннего мезолита через Прикаспий.

Следует заметить, что еще в 50-е годы А. А. Формозов [3, 6] выделил в мезолите Восточной Европы две крупные этнокультурные области. Для одной из них, охватывающей преимущественно лесную зону, были типичны наконечники стрел на пластинах, для второй (степной и лесостепной) — геометрические микролиты. Позднее отдельные геометрические формы стали выявляться в лесной зоне [12]. Однако обращало на себя внимание то обстоятельство, что в лесной зоне почти не встречались микролиты ранних типов. Здесь преобладали единичные или немногочисленные находки лишь мелких симметричных микролитов поздних типов. Вряд ли такое распределение микролитов случайно. Все это заставляет высказать пожелание систематизировать памятники мезолита Украины с геометрическими формами и попытаться выделить среди них более ранние и более поздние типы и проследить их распространение. Не исключено, что это покажет новые стороны культурных связей мезолита Украины.

Что касается грациальности мезолитического населения Украины, то видеть здесь только средиземноморские антропологические типы, может быть, не всегда бесспорно. Следует иметь в виду, что выводы о наличии нового средиземноморского типа в Европе впервые были сделаны на основании офнетских черепов из Баварии еще в 20-х годах Г Осборном [13, с. 16]. Однако в дальнейшем оказалось, что грацилизация офнетских черепов обусловлена большей частью преобладанием там детских и женских черепов [14]. Последние исследования офнетских черепов показывают, что о какой-либо грацилизации не может быть речи. Т. С. Кондукторова, специально исследовавшая скелеты из погребений каменного века Украины, подчеркивает, что в серии черепов из средиземноморских памятников типа Афалу-бу-Румель и Тафальт аналогии скорее можно найти в неолите Украины, чем в мезолите [14, с. 22]. Все высказанное ни в коей мере не означает, что я стремлюсь поставить под сомнение вывод автора о наличии южных связей мезолита Украины. Этот вывод мне представляется верным. Однако направление этих южных связей могло не ограничиваться западом и югом, а включать в себя и восток.

В целом монографии Д. Я. Телегина заслуживают самой высокой оценки, и выход их в свет можно считать большим достижением в изучении мезолита нашей страны.

Г Н. Матюшин

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рогачев А. Н.* Некоторые вопросы изучения эпипалеолита Восточной Европы// МИА. 1966. № 126.
2. *Окладников А. П.* К вопросу о мезолите и эпипалеолите в азиатской части СССР// МИА. 1966. № 126.
3. *Формозов А. А.* О термине «мезолит» и его эквивалентах//СА. 1970. № 3.
4. *Чайлд Г* У истоков европейской цивилизации. М.:«Изд-во иностр. лит.», 1952.
5. *Воеводский М. В.* Мезолитические культуры Восточной Европы//КСИИМК. 1950. Вып. XXXI. С. 96—119.
6. *Формозов А. А.* Периодизация мезолитических стоянок европейской части СССР//СА. 1954. Т. XXI.
7. *Крайнов Д. А.* Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма. М., 1950.
8. *Телегин Д. Р.* Мезолітичні памятки України. Київ: Наук. думка, 1982.
9. *Матюшин Г Н.* Мезолит Южного Урала. М.: Наука, 1976.
10. *Телегин Д. Я.* Памятники эпохи мезолита на территории Украинской ССР. Киев: Наук. думка, 1985.

11. *Lechevallier M., Quivron* The Neolithic in Baluchistan: new evidences from Mehrgarn// South Asien Archaeology. 1979.
12. *Кольцов Л. В.* Локальные группы Волго-Окского мезолита//КСИА. 1973. № 137.
13. *Осборн Г. Ф.* Человек древнего каменного века. Л., 1924.
14. *Кондукторова Т С.* Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. М.: Наука, 1973.

Couraud Claude. L'Art Azilien. Origine-Survivance. XX-e supplément a «Gallia Prehistoire». P., 1985. 175 с., 50 рис., 40 табл.

Широко известно наскальное палеолитическое искусство Франции и Испании с его великолепными реалистическими зооморфными и антропоморфными изображениями — рисунками, рельефами, гравюрами. Но эти шедевры, по праву входящие в сокровищницу мирового искусства, связаны с поздним палеолитом, главным образом с мадленской культурой, причем не всегда с самыми финальными ее проявлениями. И вдруг со сменой культуры — мадлена азилем — это искусство потрясающей силы и выразительности как бы бесследно исчезает. На смену ему приходит до сих пор загадочное, трудно интерпретируемое искусство азильской культуры — каменные гальки с живописными или гравированными схематическими изображениями. Что это — вырождение реализма, замена его схематизмом или своеобразное выражение новых эстетических воззрений? Эти вопросы волновали многих исследователей в течение почти 100 лет. Но серьезного и решительного ответа на них не получено и сейчас.

Рецензируемая книга французского ученого Клода Куро как раз и посвящена азильскому искусству. Автор ее попытался всесторонне осветить проблему, столь волнующую многих специалистов по первобытному искусству.

Работа состоит из трех частей (разделов), которым предпослано авторское предисловие и вступление (еще одно предисловие к работе написано известным французским исследователем первобытного искусства А. Леруа-Гураном).

Первая часть работы носит название «Обоснование источников». Она в свою очередь делится на три главы, первая из них знакомит читателя с основными терминами, употребляемыми в работе. Здесь упоминаются основные виды исходного сырья (гальки, плитки, куски и обломки камня и т. д.), на которые наносились рисунки или гравировка, основные технические приемы, употреблявшиеся при рисовании, краски, состояние рисунков, мотивы узоров, математические термины, которыми пользовался автор.

Глава II посвящена истории открытия галек со схематическими изображениями, географическому распространению таких находок и включает список основных памятников, где найдены гальки с рисунками. Как широко известно, история исследования и первых попыток интерпретации азильских галек началась с раскопок Э. Пьетта в гроте Мас д'Азиль во второй половине прошлого века. Автор книги приводит большой, снабженный указаниями года открытия или исследования список памятников, в которых найдены произведения азильского искусства. Всего в этом списке около 40 памятников. Затем автор перечисляет музеи, в которых хранятся самые большие коллекции крашеных галек. На карте, приведенной в этой главе, показано размещение памятников с произведениями азильского искусства.

Глава III касается вопроса о достоверности крашеных галек. К. Куро добросовестно приводит мнения некоторых ученых, выражавших сомнения в подлинности произведений азильского искусства. Затем в этой же главе характеризуется методика, которая доказывает несомненную подлинность крашеных азильских галек. Эта методика, по мнению автора книги, может доказать древний возраст даже тех изделий, которые найдены вне стратиграфии, в подъемном материале. Главную роль, как считает К. Куро, здесь играет прежде всего степень состояния самой находки. Обработка различных данных о гальках статистическим методом тоже позволяет судить об их подлинности.

Вторая часть работы посвящена самим произведениям азильского искусства, иначе говоря, тем источникам, на которых она основана. Здесь важно отметить раздел о датировке галек, найденных в культурных слоях памятников. Наибольшее количество азильских галек с рисунками, по данным радиокарбонового анализа, размещается в промежутке между 9700 и 7000 гг. до н. э. Палинологические датировки, приведенные К. Куро, помещают эти культурные слои во время, включающее аллерёд, дриас III и предбореал. Большинство датировок падает на два первых периода. Стратиграфически азильские слои лежат выше позднемадленских, правда, не всегда между ними есть сте-

рильная прослойка. Автор книги подчеркивает, что в итальянских поселениях с крашеными гальками нет других характерных признаков азильской культуры (например, плоских гарпунов из рога благородного оленя, азильских кремневых острий с выпуклым изогнутым затупленным ретушью краем и др.), известных во французских памятниках.

В главе II этой части книги автор касается основных поселений с азильскими произведениями искусства. Она подразделена на несколько географических областей. В Пиренейской группе автор особо останавливается на гротах Мас д'Азиль, Эспелюг, Марсулас, Ля Турас, Тру Вьоле, Ля Ваш, Биз, Ле Крузад, навесах Дюфор, Род II, Монфор. Описание Кантабрийской группы включает испанские гроты Лос Азулес I, Риера, Валле. В Аквитанско-Перигорско-Керсийской группе основными поселениями с большим количеством разрисованных галек являются грот Рошрей, навесы Виллепен и Паже. В группе Юры и бассейна Роны автор подробно разбирает гроты Эрмитаж, Таи и навесы Рошдан, Гей и Кампалу. Многочисленны находки крашеных галек в Италии. Здесь особенно выделяются гроты Арене Кандиде и Святилище Мадонны. Перечисленными памятниками с находками азильских произведений этот список не исчерпывается. Однако другие памятники, по-видимому, менее важны для автора работы. Поэтому подробно он на них не останавливается.

В главе III второй части автор излагает сумму имеющихся взглядов об интерпретации описываемых находок. История этих интерпретаций начинается с ученого, который первым обратил внимание на крашеные гальки,— Э. Пьетта. Он предложил в свое время два объяснения этим находкам: с одной стороны, он считал знаки на них пометками какой-то формы счета, с другой — зачатком письменности типа ближневосточных. Точка зрения А. Б. Кука на крашеные гальки сводилась к параллелизму с австралийскими чурингами, которые в большей мере являются символами духа предков. в основном на той же позиции, считая изображения на гальках схематическим воспроизведением фигуры человека. М. и С.-Ж. Пекары поддерживали Э. Пьетта, дополняя его теорию предположением об использовании азильских галек в качестве жетонов для какой-то игры. М. Шолло-Легу и А. Вараньяк считали азильские гальки началом символизма. А. Леруа-Гуран тоже расценивал азильские символы как схематические изображения людей и животных. Э. П. Кёнинг, развивая эту точку зрения, высказывал мысль о связи азильских изображений с космическими воззрениями. А. Тевенен, посчитав количество знаков на ряде галек, пришел к такому же выводу, несколько усложнив эту гипотезу. Надо сказать, что К. Куро достаточно критически относится к высказываниям своих предшественников.

Глава IV носит название «Материальное содержание произведений». Здесь автор останавливается прежде всего н типологии азильских шедевров. Начинает он ее с описания пород камней, на которые наносился рисунок. Азильские художники использовали самые различные камни: песчаник, известняк, кварцит, кварц и т. п. Форма галек, как правило, закругленная, удлиненная. Их размеры могут быть совершенно различными. Использовались красящие вещества разных цветов, но преобладают разные оттенки красного, довольно часто употреблялись темно-коричневые, почти черные красители. Состояние рисунков на найденных гальках, разумеется, тоже различно, что в значительной степени зависит от почвенных условий, в которых была найдена та или иная галька. Элементы и мотивы узора, применявшиеся древними художниками, весьма разнообразны: это и простые точки или линии, зигзаги, как угловатые, так и плавные, шевроны, кресты, овалы, дуги, трезубцы и т. д.

В этой же главе подвергаются анализу технические приемы нанесения изображений. Как уже было сказано, преобладают два — рисунок и гравировка. Иногда одна из поверхностей гальки или ее часть полностью закрашивалась. К. Куро приводит результаты химических анализов, которые показали, что более 70% галек окрашены окислами железа, в частности гематитом, смешанными, вероятно, с животным жиром. Автор высказывает предположение, что часть узоров наносилась с помощью кисточки, в других случаях,— видимо, пальцем, обмоченным в краске. Иногда в сложных узорах ему удается восстановить последовательность нанесения рисунков. Иногда удается выяснить, что рисовал ребенок или подросток. В этой же главе К. Куро пытается установить, из каких естественных месторождений, близких к определенным стоянкам с находками крашеных галек, добывались красящие вещества. Большой раздел посвящен расположению рисунка на гальках. Иногда для нанесения изображения использовался естественный рельеф заготовки. Иногда рисунком покрывалась вся галька, порой только ее концы или части, прилегающие к краям.

Глава V называется «Тематическое содержание произведений». Она посвящена самим знакам на гальках. Автор книги пишет, что он изучил 1510 их экземпляров с изображениями. Эта глава снабжена большим количеством статистических таблиц, иллюстрирующих распространение тех или иных знаков на гальках. Знаки наносились преимущественно на одной стороне гальки, но довольно часто встречаются и двусторонние изображения. Наиболее распространенным мотивом были точки, очень широко применялось окрашивание края заготовки зигзагообразной линией. Достаточно был распространен и мотив с поперечной или продольной чертой. Применялась полная окраска одной поверхности гальки и сложные геометрические знаки и гравировка. Остальные элементы узора были менее распространены. Часто в орнаментации галек прослеживалось соединение различных элементов узора: точек с чертами, точек или черт со сложными знаками (овалами, крестами и т. п). Затем К. Куро рассматривает зависимость узора от размера и формы заготовки, при этом он приходит к выводу, что сложные знаки чаще встречаются на широких заготовках; он справедливо считает, что большая площадь более удобна для размещения изображений. К. Куро показывает далее распространенность различных сочетаний элементов узоров. Ему удается сделать ряд интересных статистических выводов: выяснилось, что гальки, имеющие один и тот же узор на двух поверхностях, чаще всего сланцевые, а гальки из других пород камня имеют на разных поверхностях разные узоры. Если одна поверхность закрашена целиком, то на другой чаще всего нанесены только точки. Линейные знаки на одной поверхности и закрашенная при этом боковая часть гальки сочетаются с точками или поперечными линиями на другой. И в случае с размещением узоров на двух поверхностях гальки замечается та же закономерность, что и у галек с одной орнаментированной поверхностью: узоры из простых точек на небольших заготовках, сложные — на широких и длинных. Далее автор подсчитывает число знаков на отдельных гальках и получает такой результат: статистическое большинство распадается при этом на три блока: 1—4 (с преобладанием 2): 9—33 (с преобладанием 21—29); больше 33. Он считает, что два последних блока могут быть отображениями лунного календаря. Надо полагать, что эта его мысль является гипотезой, однако выражена она здесь недостаточно четко.

В этой же главе автор работы делает попытку расчленить изучаемый материал по стилям и хронологии. По многочисленным статистическим подсчетам он приходит к заключению, что древнейшими изображениями на гальках были горизонтальные линии с отходящими от них перпендикулярными штрихами, как он пишет, гальки с «зазубренными знаками». Все другие гальки с узорами, нанесенными живописной техникой, появились позднее, а на третьей хронологической ступени стоят гальки с гравировкой.

Третья часть книги носит название «Происхождение и переживание. Аналогии». Глава I посвящена происхождению азильского искусства. К. Куро помещает в ней огромную таблицу, где приводит данные о находках камней (галек или плиток) в палеолитических местонахождениях Франции, Испании, Бельгии, Нидерландов, ФРГ, Чехословакии, Швейцарии, Италии и СССР. Он подчеркивает, что найдены памятники, в частности, во Франции и Швейцарии, где есть гальки с изображениями в азильских и нижележащих мадленских слоях. Сравнение другого археологического материала из этих слоев заставляет автора книги признать, что азиль указанных районов, по-видимому, ведет свое происхождение от местного мадлена. То же самое автору удается проследить и по произведениям искусства, и делает он это всесторонне. Сначала К. Куро рассматривает заготовки, показывая при этом, что по мере приближения к азилю все больше изображений в палеолите наносится на гальки, а число изображений на стенах пещер сокращается. При изучении мотивов изображений выясняется, что мотивы, присущие азильскому искусству, особенно продольные и поперечные черты, известны уже в мадлене. Таким образом, по мнению К. Куро, можно говорить о возникновении азильского искусства уже в мадлене.

Следующая, II глава этой части посвящена проблеме реминисценций мотивов азильского искусства в более поздние эпохи. Автор книги показывает, что в значительном числе послеазильских поселений, во Франции, Италии и Испании сохраняются мотивы, характерные для азильских художников. Кроме того, азильские мотивы найдены и в других районах первобытной ойкумены послеазильского времени, например, в мезолитических памятниках Шотландии и Румынии. Рассматривая узоры на различных произведениях искусства из названных регионов, К. Куро находит в них определенное сходство с азильскими. Далее он упоминает и находки с территории СССР — из Балин-Кош в Крыму. Автор не решается говорить о прямой генетической связи этих находок с азильскими, что, безусловно, совершенно правильно. Принадлежность памятников, рас-

положенных в разных районах, к разным археологическим культурам очевидна, и генетическая связь этих культур с азильской просматривается далеко не всегда.

В главе III предложены читателю аналогии азильским изображениям, найденные в Африке, Азии и Америке. Аналогии в элементах узора и мотивах, конечно, есть, как есть они и в этнографических материалах из Индии и Австралии, которые приводит К. Куро. Однако он справедливо говорит, что их удаленность (территориальная и хронологическая) не способствует решению проблемы азильского искусства.

В главе IV автор суммирует все результаты своей работы. Здесь же он высказывает мысли об интерпретации азильских изображений, хотя делает это, с нашей точки зрения, не очень выразительно. По мнению К. Куро, произведения азильского искусства могут рассматриваться с двух позиций: как живописные отображения языка, который нам остается неизвестным (надо понимать, как письменность!— *Л. К.*) и как лунный календарь. В этой же главе намечены и перспективы дальнейшего исследования азильского искусства.

Короткое заключение также резюмирует основное содержание работы. К сказанному необходимо добавить, что книга богато иллюстрирована, содержит кроме карт и статистических таблиц значительное число рисунков и таблиц (в том числе цветных) материала, на котором базируется исследование. К работе приложены списки крашеных галек из поселения Мас д'Азиль, где они впервые были выделены, список других памятников с такими находками и др. Работа снабжена серьезным библиографическим списком (334 названия) и резюме на английском, испанском, итальянском, немецком и русском языках.

В целом выход рецензируемой книги следует оценить как очень полезный вклад в изучение одного из чрезвычайно важных археологических источников. Автору, с нашей точки зрения, удалось в некоторых аспектах по-новому осветить проблему азильских галек с изображениями. Здесь прежде всего хотелось бы отметить сведение воедино и характеристику, как статистическую, так и стилистическую, всех изученных К. Куро рисунков. Несомненным достижением автора следует считать решение вопроса о происхождении азильского искусства от палеолитического. Очень важны его наблюдения о хронологическом делении азильских шедевров. Чрезвычайно показательны результаты химических анализов красителей.

Вместе с тем необходимо отметить и ряд недостатков книги. В первую очередь кажется странной ее композиция. Так, нам представляется, что было бы логичным сведение в одной главе всех данных по истории изучения и интерпретации азильских крашеных галек. В работе же эти сведения разбросаны по разным главам. То же самое можно сказать и о таком вопросе, как обработка самих источников. Данные о технике нанесения изображений, характеристика мотивов, статистическая обработка также разбросаны по разным главам, что неизбежно приводит автора к многочисленным повторениям уже сказанного. В заключительной же части надо было бы представить положения о происхождении азильского искусства, его хронологическом и стилистическом членении и т. д. Предлагаемое нами построение значительно облегчило бы пользование работой и понимание основных положений автора.

Вторым существенным недостатком книги представляется не четкая формулировка положений автора об интерпретации азильского искусства. Ей посвящены практически два абзаца, сформулированные очень расплывчато и поэтому неубедительно звучащие. После прочтения работы остается впечатление, что у К. Куро не сложилась четкая позиция по этой проблеме. Тем более нельзя считать, что он решил ее. Его мысли о том, что азильские произведения — это или зачатки письменности, или форма лунного календаря, самое изложение этих моделей не убеждают читателя в его правоте. Видимо, и сам К. Куро это понимает, поскольку приводит в последнем разделе работы, посвященном дальнейшим перспективам изучения азильского искусства, в качестве одной из первостепенных задач подтверждение или отрицание предложенных им гипотез.

Нам кажется, что с первым вариантом гипотезы К. Куро очень трудно согласиться. Азильские племена стояли на таком уровне социального развития, который полностью исключал возможность появления письменности. Что касается второй его гипотезы, то она тоже требует своего подтверждения: число знаков на гальках далеко не всегда может доказывать наличие календаря, соответствующего циклам Луны. Только небольшая часть галек может соответствовать этому условию.

И наконец, совсем в стороне от внимания автора книги осталась семантика сложных изображений. Их никоим образом нельзя подогнать ни под ту, ни под другую гипо-

тезы, высказанные автором. В самом деле, что должны означать зигзагообразные линии, линии в виде лесенки, овалы, кресты и т. д.? Автор книги об этом умалчивает.

Можно было бы привести и другие слабые стороны исследования. Однако думается, что следует в настоящей рецензии остановиться на главных ее недостатках, которые в значительной степени обедняют содержание работы, и пожелать К. Куро при дальнейших изданиях и при расширении работ над азиатским искусством подойти к решению многих вопросов, так и оставшихся еще не решенными. Вместе с тем хочется повторить, что эта книга, безусловно, важна, так как ее автору удалось по-новому осветить ряд спорных проблем.

Л. В. Кольцов

Археология и этнография Марийского края. Вып. 1—9. Йошкар-Ола, 1976—1985. Серийное издание Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории

В 1976 г. Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (далее — МарНИИ в г. Йошкар-Ола) начал издавать сборник, в титуле которого было уже сказано о его серийности: «Археология и этнография Марийского края», вып. 1 (далее — АЭМК) [1—9]. Само по себе явление весьма примечательное, свидетельствующее о значительном росте научного потенциала марийских ученых в области археологии и этнографии своего края. Вместе с тем издание совместной серии для данных двух смежных наук свидетельствует о близости этих наук не только по традиции, но и по существу.

В выпусках серии АЭМК публикуются статьи, представляющие материалы и теоретические обобщения практически по всем периодам археологии не только Марийского края, но и значительно шире — по археологии Волго-Вятского междуречья и Среднего Поволжья. Как уже видно из названий выпусков, каждый из них имеет тематическое направление. Вместе с тем во многих из них наряду со статьями, имеющими конкретный и в силу этого несколько частный характер, имеются статьи и общего направления.

Так, уже в выпуске 1 АЭМК были помещены статьи: Г. А. Архипова, посвященная 20-летию Марийской археологической экспедиции; Г. А. Архипова и В. С. Патрушева, перечисляющая наиболее важные археологические наблюдения и открытия в Марийской АССР за 1969—1975 гг., и А. Х. Халикова об этнических основах марийского народа. В последующих выпусках эта традиция была продолжена. В выпуске 4 помещена обстоятельная библиография трудов А. П. Смирнова, одного из первых ученых, обративших внимание на археологические памятники Марийского края [10]. Выпуск 5 АЭМК содержит информационную статью Г. А. Архипова и В. В. Никитина, рассматривающую деятельность археологов МарНИИ и Марийского университета в 1976—1980 гг.

В одном из последующих выпусков [9] помещена обзорная статья А. Х. Халикова, посвященная 100-летию Финно-угорского общества Финляндии, внесшего большой вклад в изучение языка, фольклора, археологии и этнографии народов Среднего Поволжья. В свою очередь марийские ученые, роль их, в том числе и археологов, а также серии АЭМК в дальнейшем развитии финно-угроведения высоко оценены в недавно опубликованном в Венгрии рецензионном обзоре директора Национального музея Венгрии И. Фодора [11].

Значительный материал информационного, публикационного и теоретического характера содержится в выпусках АЭМК почти по всем периодам археологии. Так, в девяти выпусках опубликовано 18 статей, посвященных результатам раскопок неолитических и энеолитических памятников не только Марийского края, но и сопредельных территорий Среднего Поволжья и Приуралья. Особый интерес среди них вызывает статья В. В. Никитина «Ранненеолитические поселения у поселка Дубовский» [8], где вводятся в научный оборот материалы XIII и XXIII Дубовских поселений, давших остатки жилых сооружений и выразительный каменный инвентарь, сочетающий в себе мелкопластинчатую кремневую индустрию и крупные деревообрабатывающие шлифованные орудия. Автор справедливо сопоставляет материалы этих поселений с комплексом II Русско-Луговской позднемезолитической стоянки и, таким образом, значительно расширяет круг бескерамических памятников Марийского Поволжья. Все эти материалы позволяют в значительной степени по-новому подойти к проблеме перехода от мезолита к неолиту. Одновременно здесь же ставится вопрос о возможном бытовании даже в

эпоху неолита особых мужских жилищ или жилищ охотников-рыболовов, в культурном слое которых нет остатков глиняной посуды. В других статьях В. В. Никитина — «Новые материалы к изучению эпохи камня в Марийском Поволжье» [7] и «Накольчатая керамика на севере Среднего Поволжья» [9] поднимается вопрос о памятниках с так называемой накольчатой керамикой, которые укладываются в формально-типологическую группу памятников с аналогичной керамикой лесостепной полосы Восточной Европы, включая и поселения усть-камской группы [12]. Для марийских памятников с накольчатой керамикой характерны сочетание мелкопластинчатой кремневой индустрии со шлифованными долотами и теслами, плоскодонная керамика баночной и горшковидной формы с разреженной зональной орнаментацией и небольшие полуземные жилища. Судя по остеологическому материалу, племена, оставившие эти памятники, уже знали скотоводство. Автор датирует эти комплексы поздним неолитом и синхронизирует их с поздними памятниками ямочно-гребенчатого круга, связывая их генетически с районами Среднего Подонья. Ввод в научный оборот этих материалов в значительной степени позволяет по-новому подойти к проблеме формирования энеолитических культур волосовского типа в Марийском Поволжье.

Результатам раскопок памятников с ямочно-гребенчатой керамикой посвящена статья В. В. Никитина «Сутырское поселение (к вопросу о волосовско-ямочно-гребенчатых контактах)» [3]. В статье выделяется принципиально важное положение о разной хронологической и этнической принадлежности комплексов с ямочно-гребенчатой посудой Марийского Поволжья, обычно объединяемых в единую балахнинскую (по А. Х. Халикову) культуру или средневолжский вариант ямочно-гребенчатой культуры (по В. П. Третьякову). Вместе с этим следует отметить, что, судя по описанию комплекса Сутырского поселения (жилища, каменный инвентарь, керамика), он может рассматриваться и как комплекс марийского варианта камской неолитической культуры на ее позднем (левшинском) этапе развития. Таким образом, из содержания публикации возникает проблема расчленения позднекамских (гребенчатых) и волго-окских ямочно-гребенчатых памятников.

Целый ряд публикаций посвящен памятникам волосовского типа Марийского Поволжья. Г. А. Архиповым и В. В. Никитиным публикуются результаты раскопок Уржумкинского [2], I Мазарского [3], IV Майданского [8] и Руткинского [3] поселений, В. В. Никитиным — II Ахмыловского [2] и III Баркужерского [6] поселений, Г. А. Архиповым совместно с Т. Б. Шикаевой — материалы Выжумских стоянок [7]. Волосовским памятникам у пос. Юрино посвящена и статья В. С. Патрушева [3]. Публикации весьма подробны, снабжены планами поселений и выявленных жилищ. При описании материала даются реконструкции форм сосудов и статистические подсчеты как по отдельным группам керамики, так и по кремневому инвентарю, позволяющие определить удельные соотношения тех или иных категорий находок. Ввод в научный оборот огромного количества нового материала по эпохе раннего металла Марийского Поволжья является весьма значительным вкладом в изучение энеолита лесной зоны Восточной Европы.

Несомненной заслугой марийских археологов является включение в серию АЭМК и ряда публикаций материалов раскопок крупных памятников сопредельных территорий. Так, в выпуске 3 АЭМК помещены публикации Р. С. Габяшева и П. Н. Старостина «О памятниках волосовско-турбинского типа в Икско-Бельском междуречье», М. Ф. Обыденнова «Нижнебельские стоянки эпохи раннего металла», Л. А. Неговицына «Поселение эпохи раннего металла Аркуль III на Средней Вятке». В выпуск 8 АЭМК включены публикации А. А. Выборнова и В. П. Третьякова «Поселение Подлесное IV на Верхней Суре», Р. С. Габяшева и Е. А. Беговатова «Тенишевский („Сорокин бугор") энеолитический могильник», А. А. Выборнова «„Флажковый" комплекс керамики Нижней Белой», в которых наряду с публикацией новых материалов ставится и проблема выделения локальных и хронологических групп среди «флажковых» комплексов Прикамья.

Ряд статей посвящен вопросам хозяйства племен эпохи раннего металла Марийского Поволжья. Это статья В. В. Никитина «О хозяйстве населения Марийского края в начале эпохи раннего металла» [4], в которой ставится принципиально важный вопрос о зарождении мотыжного земледелия в эпоху раннего металла в среде лесных племен, о возможности одомашнивания в какой-то форме лося. Автор вполне обоснованно отмечает комплексный характер хозяйства волосовских племен Марийского края, где традиционные виды хозяйства — рыболовство, охота и собирательство — играли ведущую роль. Значительный интерес представляют статья А. Г. Петренко «К истории фауны памятников волосовской культуры Марийской АССР» [2] и совместная статья

Е. И. Черных и С. В. Кузьминых «О химическом составе металла с волосовских поселений Верхнего и Среднего Поволжья» [2], где вопросы хозяйства рассматриваются на основе естественно-технических методов.

Из работ обобщающего характера следует отметить статьи А. Х. Халикова «Волосовская проблема», Г. А. Архипова «Волосовские поселения Марийской АССР (к истории изучения)» [3], В. В. Никитина «Волосовские племена на Средней Волге» [3], В. П. Третьякова «Финал волосовских древностей на Оке и Волге» [3]. В выпуске 3 помещена также статья И. Б. Васильева «Южные районы лесостепного Поволжья в волосовское время», где наряду с публикацией материалов ставится проблема культурно-хронологической корреляции энеолита лесостепной и лесной полосы Среднего Поволжья [3].

Ближе к середине II тыс. до н. э. в лесную полосу Среднего Поволжья усиливается проникновение новых групп населения. К этому времени у многих племен намечаются существенные сдвиги в области развития производящих отраслей хозяйства, обусловленные контактами с более развитыми пришельцами. Истории изучения этой немаловажной проблемы посвящена статья Г. А. Архипова [4]. Взаимоотношения между местными и пришлыми племенами нередко принимали форму непосредственных контактов. Наиболее выразительным примером в этом отношении является поселение Галанкина Гора, иллюстрирующее процесс активного смешения поздневолосовского и балановского населения и формирования на этой основе чирковско-сейминских племен. В статье Б. С. Соловьева «О „валиковой" керамике поселения Галанкина Гора», вновь обратившегося к материалам этого интересного памятника, рассматривается группа так называемой «валиковой» керамики [9], которая, по его мнению, наряду с поздневолосовской и балановской сыграла немаловажную роль в формировании керамики чирковско-сейминского типа. В частности, обращается внимание на трансформацию налепного валика в характерный для чирковских сосудов узор в виде выпуклой «змейки». Автор указывает на восточные параллели «валиковой» керамике и в осторожной форме высказывается за ее взаимосвязь с носителями сейминского металла [9, с. 94, 95].

В ряде статей серии изложены результаты раскопок памятников второй половины II тыс. до н. э. Это материалы Мало-Кугунурского абашевского кургана [13], где впервые для Волго-Вятского междуречья было отмечено сооружение оградки вокруг насыпи, и поздний комплекс поселения Подлесное IV [14]. Последний интересен тем, что фиксирует контакты приказанского населения с племенами, обитавшими в верховьях р. Суры.

Большого внимания заслуживает публикация материалов жилищ Марийского края, исследованных на поселениях Баркужерском IV, Кокшайском IV, Акозинском [15, 16] и «Сосновая Грива» [17], относящихся к концу эпохи бронзы. Исследователи справедливо отмечают, что все они характеризуются общими чертами, проявляющимися в наземном устройстве конструкций, сходстве планировки и внутреннего интерьера. Для ряда жилищ (поселений Баркужерского IV и Акозинского) даются возможные варианты их реконструкции.

Значительное по объему место в серии АЭМК занимают статьи, посвященные ананьинской проблеме. Большую роль в решении связанных с ней вопросов играют материалы Старшего Ахмыловского и Акозинского могильников. Среди них примечательны изделия с зооморфными изображениями, публикации и подробному разбору которых посвящена одна из работ В. С. Патрушева [2]. Интересна публикация материалов нижнего слоя Ардинского городища, относящегося к ананьинскому времени [18, с. 51—57]. По сути, она является единственной за последнюю четверть века работой, характеризующей ананьинские поселения Марийского края. В основе исследования лежит керамический комплекс, в котором, как и на других памятниках этой территории, по фактуре теста, обработке поверхности и орнаментации вычленяются три группы. К сожалению, характеристика керамики дана очень скупо и по полноте значительно уступает подробному исследованию ананьинской керамики региона, проведенному А. Х. Халиковым в начале 60-х годов [19, с. 92 и сл., 142—151]. Тем не менее В. С. Патрушев считает возможным сопоставлять керамику Ардинского городища с широким кругом синхронных памятников Волго-Камья. Он указывает на черты, значительно сближающие ее с керамикой ветлужских городищ, и подчеркивает особую близость ее к керамике западноволжских памятников, что в целом является верным. Однако утверждение, что сравнение керамики западноволжских памятников с вятскими и нижнекамскими показывает несомненное их отличие, ни на чем не основано. Во всяком случае, никаких данных в пользу такого вывода в статье не приводится. Так же бездоказа-

тельно прозвучало высказывание о том, что вятские и нижнекамские памятники стоят ближе друг к другу, нежели к западноволжским.

Наличие различных групп керамики ананьинского времени на западноволжских памятниках, выделяемых и на Ардинском городище, уже давно было отмечено исследователями и определено как своеобразие региона, обусловленного пограничной зоной и контактами между западной (дьяково-городецкой) и восточной (ананьинской) группами племен [19, с. 115]. Этой точки зрения придерживался ранее и В. С. Патрушев [20, с. 14, 15], который сейчас стремится выделить так называемую «ахмыловскую» культуру, объединяющую в единое целое представителей двух групп населения с различными традициями изготовления керамики, орудий труда, украшений и т. п. О существовании особого, «ахмыловского» населения, оставившего памятники типа Старшего Ахмыловского могильника и Ардинского городища, считает возможным говорить и Г. А. Архипов [21, с. 18, 19]. Как известно, наличие двух групп различной по происхождению керамики, перемешанных в одном слое, еще не дает повода говорить о сложении единой культуры, хотя и позволяет предполагать существование брачно-родственных связей между обитавшими здесь различными группами населения. Черты, позволяющие безошибочно различать их, неоднократно отмечались различными исследователями, в том числе и В. С. Патрушевым и Г. А. Архиповым.

Подходя к вопросу о выделении археологической культуры с позиций В. С. Патрушева, мы будем вынуждены признать необходимость выделения в самостоятельные культуры памятники всех контактных зон. Подобный вывод, конечно, будет неверным, если нет убедительных данных о нивелировке культур взаимодействующих групп населения. Вызывает возражение и мнение В. С. Патрушева, что брачные связи обязательно должны осуществляться в рамках одного племени, которое к тому же он необоснованно отождествляет с археологической культурой [18, с. 57]. В противном случае это предполагает узкозамкнутое этническое образование в рамках Марийского Поволжья, чему противоречат многочисленные находки на сопредельных территориях (например, «текстильная» керамика известна почти по всему бассейну Нижней Камы; крайний восточный пункт — Икское I поселение, расположенное в восточных районах Татарии [22, с. 39, рис. 4—13]. В бассейне Вятки «текстильная» керамика известна на Чутайском II городище, расположенном на границе Татарии с Кировской областью). Или же надо признать существование единого племени и соответствующей ему «ахмыловской» культуры на невообразимо огромной территории. Очевидно, в разрешении этой проблемы больше правы исследователи, предполагающие активное взаимодействие племен, изготавливающих «текстильную» и ананьинскую керамику (об этом свидетельствуют немногочисленные находки гибридной керамики, относимые к третьей группе), которое, однако, не завершилось слиянием их культур [23, с. 7].

Более удачно в этом отношении складывается судьба обеих групп племен, занимавших участок Средней Волги к югу от устья р. Камы. Своеобразию памятников этого региона посвящена статья В. Н. Маркова «Об особенностях юго-западных памятников ананьинской общности» [9]. Выделяемая здесь третья группа керамики количественно преобладает над остальными, свидетельствуя об активном взаимоассимиляционном процессе. Однако и здесь он не был завершен полностью, о чем говорит наличие в третьей группе керамики двух разновидностей, которые в неодинаковой степени содержат исходные компоненты. Окончательное формирование нового типа керамики фиксируется на памятниках белогорского типа, расположенных на Самарской Луке [9, с. 38 сл.].

Определенный интерес вызывает статья С. В. Кузьминых «Об ананьинской обработке бронзы» [2]. Анализ всей совокупности признаков, связанных с производством бронзовых изделий, привел автора к выводу о наличии у населения ананьинской культуры не металлургии, а голько металлообработки, которая, однако, достигла значительного развития по сравнению с предшествующей эпохой.

В одном из выпусков серии, посвященных ананьинской тематике, содержится анализ остеологического материала Малахайского поселения [24]. Его результаты позволили А. Г. Петренко говорить, что разведение домашних животных имело большее значение, в хозяйстве ананьинских племен Марийского Поволжья, чем охота. Вместе с тем отмечается и некоторое увеличение роли охоты по сравнению с предшествующей эпохой бронзы.

На страницах разных выпусков АЭМК нашли отражение археологические материалы, относящиеся и к более поздним периодам: I тыс. н. э., а также к непосредственно связанным с марийцами IX—XII и XV—XVIII вв.

Так, в выпуске 1 помещена статья Г. А. Архипова «К вопросу о городецко-азелинских контактах в связи с проблемой происхождения марийцев» [1]. Автор, остающийся сторонником точки зрения о превалирующем значении в этногенезе древних марийцев городецких племен, одновременно вынужден признать ведущую роль азелинских племен в сложении этноса луговых мари [1, с. 37]. С этой темой непосредственно соприкасается статья П. Н. Старостина и А. Г Петренко «О погребениях с остатками коня Рождественского V могильника» [8], где рассматриваются материалы азелинских погребений, содержащих захоронения вместе с остатками человека и ритуального конского комплекса (шкура вместе с черепом и конечностями), что отмечено почти в 40% могил. Исследователи хотя и не разбирают истоки этого интересного обряда, зафиксированного во многих южных азелинских могилах (на территории МарАССР в могильниках Мари-Луговском и Уржумкинском), но склоняются к мнению, что это был автохтонный процесс, обусловленный в первую очередь социально-экономическим развитием [8, с. 106]. Однако это едва ли так. Как установлено многими исследователями, обряд помещения с умершим конского комплекса возникает и получает широкое распространение у кочевников евразийских степей I тыс. н. э., и, очевидно, его проникновение в азелинскую среду следует рассматривать как южнокочевнический импульс.

Ряд статей посвящен публикации и анализу материалов изучения древнемарийских могильников и поселений IX—XII вв. В основном это статьи Г. А. Архипова, являющегося ведущим специалистом в этой области. Интересны в связи с этим материалы Дубовского могильника, расположенного на левом берегу Волги и ныне затопленного Чебоксарским водохранилищем. Здесь раскопками 1963—1981 гг. исследовано 82 погребения выполненных как в обряде ингумации (59 погребений), так и кремации (14 погребений), что в общем-то характерно для погребального обряда марийцев рубежа I—II тыс. н. э. Получен большой вещевой материал, характеризующий быт и культуру древних марийцев. Очень жаль, что автор статьи Г. А. Архипов [8] ограничивается лишь публикацией материалов и не приводит никаких соображений не только по поводу этнокультурных особенностей памятника, но даже и датировке. В какой-то мере это упущение снимается статьей Г. А. Федорова-Давыдова «Монеты из Дубовского могильника» [8], где излагаются результаты определения большого числа (до 50) серебряных монет и их подражаний, старшая из которых (№ 1) относится к началу X в. (907—914 гг.), а младшая (№ 45) — к середине XI в. (1059—1071 гг.), датируя, таким образом, в целом могильник X—XI вв.

Показательно, что монеты и подражания им из Дубовского могильника чеканены в Волжской Булгарии, с которой древние марийцы имели самые тесные контакты. Этот вопрос разбирается также и в статье Е. П. Казакова «О характере связей волжских булгар с финнами и уграми в X—XII вв.» [9], где отмечается, что «расширение контактов, в первую очередь торговых, волжских болгар с финнами Поволжья началось с конца раннеболгарского — начала домонгольского периода, т. е. со второй половины X — начала XI в.» [9, с. 34]. Одновременно фиксируются и более западные связи, чему в значительной степени способствовало выявление и изучение в Волго-Вятском междуречье городищ и селищ древних марийцев IX—XI вв. В этом отношении показательны статьи Г. А. Архипова и В. С. Патрушева в [6], где публикуются сведения о ряде городищ (Ардинское, I и II Сомовские, Богородское, Шилихинское, Русенихинское) и селищ (Наговицинское, I Коринкинское, III Носельское), содержащих, по мнению авторов, наряду с древнемарийскими материалами и славянскую керамику. Если последняя как будто и присутствует на указанных памятниках, то вопрос о древнемарийской принадлежности и особенно о дате памятников, кроме Ардинского городища, практически остается открытым.

В ряде статей [4] рассматриваются вопросы хозяйства древних марийцев и их предков. Интересны в этом отношении материалы не только могильников (Младший Ахмыловский), но и поселений (II Сомовское городище), ставших, по мнению Г. А. Архипова, уже к середине I тыс. н. э. поселениями ремесленников [25, с. 50].

Заслугой марийских археологов следует считать открытие и изучение бесспорно марийских археологических памятников позднего средневековья, т. е. XVI—XVIII вв. Здесь показательны в основном работы Т. Б. Шикаевой как общего порядка, например посвященные общей характеристике погребального обряда марийцев [5] и вопросам культурно-этнического единства [25], так и статьи, публикующие материалы исследований отдельных памятников типа I Выжумского могильника XVII в. (см. статью Г А. Архипова, В. В. Никитина и Т. Б. Шикаевой в № 7 АЭМК) и Малокугунурского могильника XVII—XVIII вв. [7]. В целом материалы этого времени теперь достаточно

обширны: выявлено до 30 могильников XVI—XVIII вв., на которых вскрыто около 500 погребальных комплексов. Заслуживает внимания и прослеженная Т. Б. Шикаевой чрезвычайная близость погребального обряда марийцев и чувашей [26, с. 107], что должно быть учтено при выяснении вопросов этногенеза как марийского, так и чувашского народов. В качестве пожелания при изучении проблемы археологии марийцев XVI—XVIII вв. хотелось бы высказать мнение о необходимости выявления и изучения археологических памятников, оставленных марийцами в промежутке между XII и XVI вв. К сожалению, этот вопрос, поставленный еще в начале работы Марийской археологической экспедиции в 1950-х годах [27, с. 126], до сих пор остается открытым.

Несмотря на это, широкое и углубленное исследование археологических памятников Марийского края и оперативное введение их материалов в научный оборот, о чем свидетельствует регулярная публикация рецензируемой серии, позволило марийским исследователям на страницах АЭМК изложить свои мнения и по проблеме археологического обоснования этногенеза марийского народа. Для нас в этой связи наибольший интерес представляет статья Г. А. Архипова, где в сжатой форме предлагается автохтонная теория древнемарийского этногенеза. При этом автор выделяет три этапа в этом процессе: прамарийский, уходящий в среду так называемых «ахмыловских» племен VII—VI вв. до н. э.; древнемарийский, отраженный в памятниках типа Младшего Ахмыловского могильника V—VII вв. н. э.; этап формирования «единой марийской культуры и этноса» IX—XI вв. [21, с. 19—23]. Не вступая в дискуссию по этой периодизации, хотелось бы заметить, что у нас пока нет достаточных данных для отрыва памятников типа Старшего Ахмыловского могильника от более общей ананьинской культуры, а памятников типа Младшего Ахмыловского могильника от азелинской культуры, к чему стремится Г. А. Архипов. Тезис же о единой марийской культуре и этносе IX—XI вв. противоречит существованию даже в XX в. в марийском этносе двух самостоятельных субэтносов: горных и луговых (вместе с восточными) марийцев.

Заключая обзор, следует подчеркнуть, что издание серии «Археология и этнография Марийского края» является весьма положительным фактом не только для археологической науки, но и для финно-угроведения вообще. Хорошо оформленные иллюстративно, имеющие единый стандарт и формат публикации, грамотные и высококультурные в типографском отношении выпуски АЭМК безусловно займут достойное место среди серийных изданий СССР по археологии и этнографии.

Р. С. Габяшев, В. Н. Марков, А. Х. Халиков

ЛИТЕРАТУРА

1. Древние и современные этнокультурные процессы в Марийском крае. АЭМК. 1976. Вып. 1.
2. Из истории и культуры волосовских и ананьинских племен Среднего Поволжья. АЭМК. 1977 Вып. 2.
3. Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. АЭМК. 1978. Вып. 3.
4. Из истории хозяйства населения Марийского края. АЭМК. 1979. Вып. 4.
5. Материальная и духовная культура марийцев. АЭМК. 1981. Вып. 5.
6. Поселения и жилища Марийского края. АЭМК. 1982. Вып. 6.
7. Историография и источниковедение по археологии и этнографии Марийского края. АЭМК. 1984. Вып. 7.
8. Новые памятники археологии Волго-Камья. АЭМК. 1984. Вып. 8.
9. Древние этнические процессы Волго-Камья. АЭМК. 1985. Вып. 9.
10. *Смирнов А. П.* Археологические памятники на территории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья. Козмодемьянск, 1949.
11. *Fodor I.* Egy ui cseremisz régeszeti és néprajzi kiadvanysorat//Különlenyomat a nyelvtudomanyi kozlemények. Budapest, 1983.
12. *Габяшев Р. С.,* Памятники неолита с накольчато-прочерченной керамикой приустьевой части Камы//Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976.
13. *Соловьев Б. С.* Раскопки Малокугунурской курганной группы//АЭМК. 1984. Вып. 8.
14. *Выборнов А. А., Третьяков В. П.* Поселение Подлесное IV на Верхней Суре//АЭМК. 1984. Вып. 8.
15. *Никитин В. В., Соловьев Б. С.* Жилище Баркужерского IV поселения//АЭМК. 1982. Вып. 8.
16. *Патрушев В. С.* Жилища эпохи поздней бронзы Марийского края//АЭМК. 1982. Вып. 6.
17. *Соловьев Б. С.,* Поселение «Сосновая Грива»//АЭМК. 1984. Вып. 7.
18. *Архипов Г. А., Патрушев В. С.* Ардинское городище//АЭМК. 1982. Вып. 6.

19. *Халиков А. Х.* Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа//Тр. МАЭ. 1962. Т. 2.
20. *Патрушев В. С.* Марийско-Чувашское Поволжье в эпоху раннего железа (VIII—VI вв. до н. э.): Автореф. дис. канд. ист. наук. Л., 1971.
21. *Архипов Г А.* Основные этапы этногенеза марийцев//АЭМК. 1986. Вып. 9.
22. *Ашихмина Л. И.* Поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа на Средней Каме//МАЕСВ. 1978. № 7.
23. *Кузьминых С. В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М.: Наука, 1983.
24. *Петренко А. Г* Остеологический комплекс Малахайского поселения//АЭМК. 1977. Вып. 2.
25. *Архипов Г А.* Археологические свидетельства о ремесле древних марийцев//АЭМК. 1979. Вып. 4.
26. *Шикаева Т Б.* Памятники XVI—XVII веков Марийско-Чувашского Поволжья (к вопросу о культурно-этническом родстве)//АЭМК. 1985. Вып. 9.
27 *Халиков А. Х., Архипов Г А.* Марийская археологическая экспедиция 1957 года// Тр. Марийского НИИЯЛИ. 1959. Вып. XIV.

Teresa Stawiarska. Szkła z okresu wpływów rzymskich z Północnej Polski. Studium technologiczne. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk — Lódź: Ossolineum, 1984. 155 s. 21 rys. 9 tab.

За последние десятилетия Польская Народная Республика стала значительным центром по изучению древнего стеклоделия. Эта тема объединила вокруг себя историков, археологов, искусствоведов, инженеров, химиков и петрографов, немалое отношение к ней имеют современные технологи и художники. Литература предмета на польском языке насчитывает более десятка фундаментальных работ и более сотни статей. Нельзя быть на уровне современных знаний о древнем стекле, не зная польской литературы.

Польской науке о древнем стекле присуща новизна исследуемых материалов, совершенство аналитических методов, современность подходов, строгие организационные формы работ (в этой связи нужно назвать лабораторию по истории стекла, которую создал и возглавляет в университете в Торуни Е. Ольчак).

Рецензируемая книга является и завершением, и очевидным продолжением работ Т. Ставярской по древнему стеклу, интересно начатыми ею более 10 лет назад [1, 117—233]. Технология бус может показаться небольшой темой, однако исторический подход к теме сделал ее разработку не только интересной, но и необходимой во всех случаях, когда речь идет о хронологии памятников, изучении направлений, объеме, интенсивности и характере торговых и экономических связей варварского мира с областями древней и античной цивилизации и т. д.

Технология изготовления бус складывается из трех частей: технологии стекловарения, техники изготовления изделий и техники исполнения декора. Можно рассматривать каждую часть отдельно, это приносит важные результаты, но совместное рассмотрение всех частей более значительно и плодотворно.

Т. Ставярская свою работу по изучению технологии стеклянных бус мыслит и в широкой связи с проблемами римских импортов на территорию barbaricum и в связи с общими проблемами истории стеклоделия. Специальная цель работы формулируется так: выявить специфику производства некоторых видов стеклянной продукции в пределах Римской империи. Для достижения цели автор располагает достаточными средствами: практически бесконечными (около 3000) данными по технологии украшений и относительно небольшой, но представительной серией химических и петрографических анализов (90 с территории ПНР и около 250 с других территорий). Риск сопоставлений столь разных по объему данных автору очевиден, поэтому, отделив эти части друг от друга, автор справедливо сосредоточила свое внимание на методике извлечения из химических анализов информации, столь необходимой для археологов и историков. Однако методический характер работы не вытесняет ее конкретно-исторического содержания. В этой связи существенно, что для исследования химического состава выбраны бусы, происходящие из погребений, отнесенных к вельбарской и западнобалтийской культурам Западного и Среднего Поморья. В выборку включены бусы, которые датируются в широких пределах I — середины V в. н. э. Иными словами, рассматриваются возможные изменения источников поступления бус на относительно небольшую территорию в относительно широких хронологических пределах.

Общая постановка проблемы и самый общий подход к ней, цели работы и ее масштаб, а также ее территориальные и хронологические пределы освещены в коротком вступлении (с. 7—13). Основная часть работы, которая включает три главы и заключение (с. 13—89), дополнена библиографией (с. 90—95) и каталогом источников с подробным описанием стеклянных изделий, состав которых изучен, с указанием даты, литературы, места хранения, инвентарного номера и других деталей (с. 96—106); завершают работу три приложения (с. 107—148) и резюме на английском языке (с. 149—156).

Глава I — «Состояние исследований» — представляет собой очень сжатую историю изучения стеклоделия. В литературе нашего времени заметно постепенное размежевание научных направлений: в истории стекла сформировалось направление — история стеклоделия, включающее в себя историю технологии и историю химического состава древнего стекла. Новый объект исследования, негуманитарный по своему характеру, предполагает новые методы исследования: разного рода элементный анализ и технологические наблюдения. Эти данные должны быть вписаны в историю стекла — науку, гуманитарную по своей природе. Необходимость полно использовать в историческом исследовании данные, иные по своей природе и языку, породила несколько систем перевода этих данных на язык слов. Этим сюжетам посвящена глава II (с. 18—27). Автор справедливо указывает, что в современной технологии приняты критерии разделения стекол на химические типы, без этого немыслима ни номенклатура стекол, ни контроль за их свойствами. Справедливо считается, что подобное разделение необходимо и для древних стекол, правда, цели преследуются иные, чисто научные. Первоначально считалось достаточным явное или неявное приложение к древнему стеклу современных норм разделения на типы. Параллельно велся поиск иных критериев типологии, более соответствующих древнему стеклу [2].

Э. Сайр и Р. Смит предложили пять категорий: древнее стекло II тыс. до н. э.; римское; римское богатое сурьмой; раннеисламское и исламское свинцовое. Эта работа, по мнению авторов, представляла собою начальное приближение к систематическому изучению предмета. К сожалению, работа не имела дальнейшего продолжения: сами авторы от нее отошли, а продолжать ее разработку, опираясь только на публикацию, было невозможно, поскольку принципы отбора данных, их первоначальная разбраковка и классификация остались нераскрытыми. Нововведения Э. Сайра и Р. Смита, обманув надежды, заняли свое достойное место в историографии [3, с. 1824—1826]. Самое главное значение их работы состоит в том, что она стимулировала дальнейший поиск критериев для классификации древних стекол самого массива. С этой целью специалисты рассмотрели сохранность древнего стекла и химические превращения в нем, которые определило течение времени и активность среды пребывания [4, с. 120—131; 5, с. 47—68]. Общее заключение было удовлетворительным: древнее стекло, дошедшее до нас, скорее адекватно, чем превратно, представляет древние оригиналы.

Поиск критериев разделения стекол на химические типы продолжается (Р. А. Бахтадзе [6], Ю. Л. Щапова [7]. В. А. Галибин [8, с. 98, 99]). Т. Ставярская в качестве основы разделения древних стекол на типы приняла систему, которую разработала и предложила Ю. Л. Щапова [9, с. 15—72], и существенно развив, обогатила ее.

Параллельно велся поиск критериев, с помощью которых можно было бы различать виды сырья, использовавшегося в стеклоделии. Этот поиск подчинен идее научиться доказательно определять правила составления шихты. Суть проблемы состоит в следующем. Следуя древним и средневековым авторам (Плиний Старший, Теофил), современные исследователи согласно считают, что песок и щелочное сырье смешивались в заданных пропорциях и этого было достаточно для получения стекла. Ведутся нескончаемые споры о том, каким образом в древнем стекле оказываются щелочные земли.

Т. Ставярская, зная хорошо литературу предмета, смело включилась в дискуссию. Критически рассмотрев аргументы Ю. Л. Щаповой, она находит их справедливыми и достаточными для утверждения, что древним была известна не только так называемая двойная шихта (когда щелочные земли попадают в стекло неосознанно), но и так называемая тройная шихта, когда щелочные земли вводятся согласно рецептуре. Т. Ставярская установила, что стекла, исследованные ею,— это стекла тройной шихты и, следовательно, надлежит изучать каждую часть легкоплавких фракций самостоятельно. Следует заметить, что Т. Ставярская нашла простой, «чуткий»

и надежный способ различения щелочного и щелочно-земельного сырья: сохранив исходную позицию, что сырье различается отношением входящих в его состав соединений, она преобразовала самое отношение: вместо просто $3<Na_2O\ K_2O<13$ и $CaO:MgO$ она ввела более сложное $\frac{K_2O}{N_2O+K_2O}\cdot 100\%$ и $\frac{MgO}{CaO+MgO}\cdot 100\%$. Это нововведение позволило Т. Ставярской установить не столько виды сырья — они так или иначе были известны или предполагались,— сколько, во-первых, установить сочетания различных видов сырья между собой и, во-вторых, констатировать сходство массива стекол, найденных при раскопках в Польше, с огромным массивом синхронных европейских и ближневосточных стекол (рис. 3, 4). Причем ее установления и констатация очевидны, доказательны, просты и изящны. Особенно интересен способ различения некоторых галофитов Kalidium caspicum (разные его части) и Salicornia herbacea (разные ее части); надо отдать должное и ясному способу разделения щелочно-земельного сырья на четыре группы.

Основная глава (III) — «Технология стекол Северной Польши на сравнительном фоне» разделена на три части: «Общая характеристика стекол» (с. 28—38), «Детальная характеристика стекол» (с. 39—78) и «Наблюдения над зависимостью между химическим составом, техникой изготовления и морфологией бус» (с. 79—84)

Общая характеристика стекол включает в себя рассмотрение щелочного и щелочно-земельного сырья, корреляцию рецептурных норм с химическими типами и щелочно-земельным сырьем. Такая последовательность в изложении нам представляется логичной, но автор предпочел иную логику, начав с рассмотрения корреляции рецептурных норм с химическими типами.

Исследуемый массив и сравнительные материалы поделены на 15 типов, объединенных в группу содовых стекол (типы I и II, VII—X), золистых стекол (типы III—VI) и группу свинцовых стекол (типы XII—XV), последние известны только среди сравнительных материалов, составляя и там малую часть — 2,5%; особняком стоят калиевые стекла (тип XI). Основной итог сопоставлений подводит таблица 2. В этой таблице, на наш взгляд, недостает данных, выраженных в процентах. Общее впечатление можно составить по рис. 2, и тем не менее хотелось бы, чтобы проценты были рассчитаны.

Главный вывод о сходстве бус из северных районов ПНР с бусами с синхронных памятников иных территорий имеет два следствия: во-первых, становится очевидным, что бусы в Северную Польшу поступали из разных источников, и, во-вторых, не менее очевидна необходимость более детального анализа данных, ставящего целью установить эти источники.

Литературой предмета установлено, что в качестве щелочного сырья использовалась зола растений, если иметь в виду районы Ближнего и Среднего Востока, Месопотамии и Средней Азии. Анализов золы пустынных растений, континентальных трав, кустарников и деревьев остается так же мало, как и в начале 20-х годов. Новые материалы для решения проблемы приобретаются за счет новых подходов к прежнему объему данных, а не за счет увеличения их объема. Т. Ставярская нашла, что в Salicornia относительное содержание K_2O до 33%, а в большинстве золистых стекол не более 25%. В золе континентальных растений относительное содержание K_2O от 70 до 100%. Следует признать, что содержание K_2O относительно суммы щелочей, взятое в процентах, обладает более чувствительной и тонкой реакцией на особенности щелочного сырья, минерального или растительного, чем простое отношение Na_2O K_2O, предложенное ранее. Столь же перспективным представляется расчет процентного содержания MgO относительно суммы щелочных земель. Таким расчетом тонко и остро улавливаются различия между известняком, мелом, доломитизированным известняком.

Очень правильно поставив проблему различения щелочно-земельного сырья, автор рассмотрела ее полностью, но решение предложила частичное. Геологи различают шесть видов щелочно-земельных пород (в табл. 5 приведена польская номенклатура и ее английский эквивалент). Автор, объединив вместе все геологически различные виды доломитов, сократила список до четырех позиций, сохранив деление на две части по-разному доломитизированных известняков. Упростив характеристику доломитов, нужно было бы, оставаясь последовательной, не разделять известняки с относительным содержанием MgO в 7,6—10 и 10—22, а рассматривать совместно и их. Получилось бы трехчленное деление щелочно-земельного сырья, которого стекловары придерживались вплоть до конца XIX в. Деление древнего щелочно-земельного сырья на шесть видов более современно и научно, а работа, надо признаться, не более труд-

ная, чем деление на четыре: для этого нужно было бы, удлинив ординату, провести только две горизонтальные штрихпунктирные линии. Маленькая недоделка, поставив в невыгодное положение прекрасную идею, дает возможность упрекнуть автора в половинчатости решений.

Желая уравновесить впечатление, следовало бы отметить другие интересные наблюдения автора. Она убедительно показала, что кроме корреляции между химическим типом древних стекол и видом использованного сырья в ее выборке заметна связь между щелочным и щелочно-земельным сырьем: применение чистой соды сочетается с применением извести и легко доломитизированного известняка, применение загрязненной соды допускает применение более разного щелочно-земельного сырья и т. д. Далее автор показала, что стекла, составляющие один химический тип, следует разделить на подтипы в зависимости от количества стеклообразующих, т. е. в зависимости от рецептурной нормы. Автор не вносит такого предложения открыто, но оно представляется очевидным и вытекающим из корреляции рецептурных норм с химическими типами, приводимыми на рис. 2. Подобная работа произведена впервые, и ее последствия не осмыслены еще до конца. Совершенно очевидно, что Т. Ставярская стоит на пороге открытия, важность и значение которого предстоит оценить.

Детальное рассмотрение основного состава стекол сопровождают экскурсы в историю и технологию стекловарения, короткие комментарии сообщений, касающихся истории стеклоделия, которые известны из древних авторов, тонкие и свежие наблюдения над технологией древнего стекла, значение которых выходит далеко за пределы выбранной автором темы. Более всего внимания (с. 41—63) уделено содовым стеклам, которые составляют две трети исследованного материала. Рассмотрена связь обесцвечивателей (сурьмы и марганца) с химическим составом, для чего составлена таблица 7. Хотелось бы, чтобы и эта таблица была более полной: приведенные в ней данные хотелось бы видеть представленными в процентах. Содовые стекла разделены на части с учетом рецептурной нормы, химического типа и содержания (или отсутствия) сурьмы.

Подробный комментарий каждой части дополнен списком аналогий составам и ссылками на рисунки. Рисунки-схемы легко читаются, а сплошная нумерация облегчает пользование текстом и рисунками. Комментарий — прекрасный образец эрудиции автора. Он включает в себя суждения о происхождении стеклоделия западных римских провинций, о роли Сидона в происхождении европейского стеклоделия; здесь же автор обсуждает особенности песков, красителей и обесцвечивателей, особенно роль сурьмы, возвращаясь к этому сюжету всякий раз, как только возникает повод.

Золистые стекла рассмотрены в целом, поскольку ясно не выражена корреляция химических типов и рецептурной нормы. Рассматривая золистые стекла из своей выборки, автор обращает внимание на особенности щелочного сырья, указывая, что Kalidium caspicum используется чаще, чем Salicornia; уточняет пути, которыми попадали в стекло окись алюминия и окись магния. В литературе предмета не затихает спор о древней рецептуре, вернее о правилах составления шихты: составлялась ли она только из двух видов сырья, песка и щелочей, т. е. была двойной, или из трех — песка, щелочей и щелочных земель. Уточнения, сделанные Т. Ставярской: что окись магния попадает в стекло не столько через золу, сколько независимо от нее, и, напротив, в связи с щелочно-земельным сырьем — важны и для диагностики древних стекол, и для изучения истории технологии и производственной культуры; в частности, это надежный аргумент в пользу знания и употребления древними «тройной» шихты.

Золистые стекла тройной шихты в рассматриваемой выборке характеризует сложная технология: использование в качестве красителей и глушителей сурьмы, свинца, олова, меди и железа. Попутно автор приводит не только суждения М. Хьюза о красных стеклах раннеримского времени и его дефиницию haemation Плиния Старшего (PbO до 34%, CuO до 32%), но и данные других авторов (Р. Брилла, Э. Сайра и М. А. Безбородова), и все это с тем, чтобы высказать банальную мысль о вероятном использовании металлургических шлаков в качестве красителя для получения красного цвета. Вероятность в этом случае выступает как догадка, а не как научное предположение, в основе которого лежит анализ данных. Ссылки на находки таких шлаков в стекольных мастерских как на аналогии или прецедент ничего не объясняют и тем более не решают, а только запутывают и автора, и читателей.

Творческому методу Т. Ставярской свойственна осторожность, пунктуальность, корректность в обращении с чужими материалами и идеями. Располагая новыми данными, оценивая их, она не упускает ни одной возможности уточнить парадигму,

усомниться в ее составляющих или подкрепить их, но в случае со шлаками она изменила себе. Активность в познании предмета понятна, она присуща не только Т. Ставярской — все историки древнего стекла одни и те же проблемы обсуждают постоянно, и поводом для продолжения дискуссии обычно становится, как и в данном случае, публикация новых материалов и новых анализов. Каждый следующий участник такой дискуссии (международной и долговременной) заново перечисляет все точки зрения, бытующие в литературе предмета, касаясь «всего и вся», и пытается, кроме того, вписать в известный массив новые данные, как правило обработанные иначе по сравнению с «фоном». Именно поэтому каждый следующий автор обрабатывает по своей методике и все сравниваемые материалы. Т. Ставярская поступила так же: обработала 256 анализов с учетом химического типа, рецептурной нормы и относительного содержания K_2O и MgO (Приложение II, III). Наличие этого приложения, несомненно, увеличивает ценность книги Т Ставярской. Нельзя не видеть, какого внимания и труда потребовала эта работа. Практический ее результат представляется в виде списка сходных (или одинаковых) по составу стекол, в котором дополнительно указаны хронология и место находки. Безошибочно составить такой список трудно, но и пользоваться этим списком нелегко и еще сложнее его комментировать: он разнесен по трем таблицам, которые в свою очередь разделены на десять строк и три-четыре колонки (таблицы 6, 8, 9). Весь массив данных (из 350 позиций) разделен на 59 (!) групп, или классов. Деление это, безусловно, справедливо, но слишком дробное, на наш взгляд. Из этого следует вывод, что рецептурная норма и химический тип недостаточны как основания для классификации состава древних стекол. Форма, в которой классификация представлена, называется матричной. С ее помощью реализуется прогностическая функция классификации, а отчасти и функция «наведения порядка». Эта форма классификации не дает оснований для выявления связей между отдельными классами. Для этого, очевидно, нужна иная форма представления данных. Представляется очевидным, что нужны иные основания для объединения этих данных в классы, меньшие числом и большие по объему, с тем, чтобы можно было бы если не установить, то хотя бы наметить характер этих связей. Насколько важно ориентироваться в характере этих связей, ясно каждому: установить происхождение бус на территории barbaricum иным путем нельзя.

Более того, не имея принципиальных основ для разработки и решения этой проблемы, нельзя серьезно обсуждать проблему так называемого местного производства бус в пределах barbaricum. В рецензии на хорошую книгу, автор которой ставит и рассматривает конкретные технологические проблемы, начинать дискуссию о «местном» производстве вряд ли имеет смысл. Эта тема имеет концептуальное значение и заслуживает серьезного отдельного обсуждения в рамках большого семинара.

Работа Т. Ставярской представляет собою законченное технологическое исследование, выполненное добротно и с большой долей новизны. Направив все внимание на выявление такой характеристики стекла как химический тип, она углубила само понимание химического типа древнего стекла, приблизив его к общему пониманию, принятому в современной химической технологии, начала которого уходят в работы Д. И. Менделеева, в середину прошлого века. Т. Ставярская показала, что химический тип в применении к древнему стеклу — понятие более высокого уровня, чем в применении к современному стеклу. Химический тип древнего стекла объединяет сходные стекла, в составе которых содержание основных стеклообразующих выше некоторого порогового уровня (2% для Al_2O и MgO, 1,5% (при соблюдении условий $\frac{Na_2O}{K_2O} < 13$) для K_2O и Na_2O и т. д.). Различия в больших содержаниях не рассматриваются, хотя они и очевидны. Принятая степень обобщения характеристик, вероятно, целесообразна для современного состояния изучения предмета, и уточнения всякого рода — дело будущего, в которое Т. Ставярская сделала важный вклад.

Конечно, хотелось бы поправить некоторые представления автора: например, поняв и приняв мою идею «рецептурной нормы», Т. Ставярская ошибочно считает ее арбитральной (читай: произвольной). Этот ее недочет выступает как возможное следствие, во-первых, неадекватности русской и польской научной терминологии и, во-вторых, недостаточной ясности в изложении исходной позиции, описания метода и способа его применения. В итоге из неизвестного числа реально существовавших рецептурных норм, многие из некоторых предстоит еще открыть, Т. Ставярская выбрала только шесть, назвав их арбитральными.

Каковы бы ни были реальные причины, побудившие ее отнестись «с дистанцией» к идее и отказаться от предложения представлять состав древнего стекла в виде точки на корреляционном поле с заданной системой координат, в итоге потеряно много информации. Дело в том, что, определяя химический тип и рецептурную норму, автор отдает предпочтение и придает бóльшое значение то рецептурной норме (для содовых стекол, таблицы 6, 8, 9), то химическому типу (для золистых стекол, таблицы 11, 12). Такая непоследовательность — очевидный симптом того, что химический тип и жестко определяемая норма (1; 1,5; 2,0; 2,5; 3,9; 3,5) позволяют фиксировать лишь некоторые статистические положения, а сами данные выстраивать в ряд или в линию. Такая «линейная» форма знаний о предмете сказывается на группировке стекол по составу и последующем переходе к теме происхождения бус. Если представить состав стекла на корреляционном поле, то группировка меняет свой характер, приобретая вид ограниченных зон, непересекающихся на плоскости. Если нанести на таблицу гиперболы, которые описывают стекла разного происхождения то станет очевидным и несовпадение с ними одних и совпадение других группировок: высокощелочные содовые 37, 38, 43; 39, 40, 42, 44—49, которые Т. Ставярская очень осторожно и с оговорками согласна признать соответственно египетскими и столично-римскими. На гиперболу ложатся группировки, в которые входит основная масса среднещелочных содовых, представляющих собой продукцию провинциально-римских, преимущественно европейских мастерских. Группировка разными методами данных о составе золистых стекол при общем сходстве существенно разнится в деталях. Стекла разных химических типов, но одной рецептурной нормы составляют компактные группы, которые иным путем не выявлялись. Группа $N=2\pm0,2$ (дело в том, что рецептурная норма, как удалось установить, допускала свободу в доверительных интервалах $\pm10\%$ от определения, отсюда и уточнения) не включает в себя только два примера из таблицы 11 (58в и 58с), а в целом обе группировки совпадают. Группа $N=1,5\pm0,15$ (1,35—1,65) компактно расположена на корреляционном поле непосредственно на гиперболе, описывающей ближневосточные (сирийские) стекла, и в нее не входят анализы № 56, 64 и 67 (примечательно полное совпадение характеристик стекол 59 и 62, несмотря на разное содержание окиси свинца). Из этого следует, что детализация характеристик с учетом окиси свинца нередко уводит в сторону от главного. В исследовании составов древних стекол главная трудность заключается в отыскании надежных и плодотворных основ объединения стекол в большие, по возможности родственные группы. Химический тип объединяет стекла на основе их сходства, но между сходством и родством нельзя ставить знак равенства. Родство выражается в сходстве не всегда, значительно чаще родственные явления не имеют ясно выраженного сходства. Связь родства и сходства выражают полностью следующие сочетания: сходные — родственные; несходные — родственные; сходные — неродственные; несходные — неродственные. Именно поэтому химический тип может объединять одновременно родственные и неродственные вещи, а родственные не включать. Рецептурная норма, казалось бы, более ориентирована на родство. Строго говоря, рецептурная норма одна для стекол разных химических типов. Исходя из нашего стремления объединить материал в группы, очевидно, что предпочесть нужно рецептурную норму, поскольку норм 6—8—10, т. е. в 6—10 раз меньше, чем химических типов, которых 68. И снова мы подходим к заключению, что линейная форма представления рецептурной нормы достаточна для характеристики стекла лишь с одной стороны, в системе координат лишь по одной оси, в частности по оси абсцисс. Если на ординате отложить содержание RO по их сумме, то состав каждого стекла можно представить как точку в выбранной системе координат. Родственные стекла располагаются по одной гиперболе, а сходные по рецептурной норме, но неродственные — по одной вертикали и на разных гиперболах. В этой системе координат потеряна информация о виде щелочного сырья, ее можно возместить, обозначив содовые и золистые стекла разными условными знаками. Более того, систему условных знаков можно широко использовать при решении некоторых частных задач. Генеральное деление стекол удовлетворительно, если учтены рецептурные нормы и основные виды щелочного сырья древности и средневековья: сода, зола галофитов и древесная зола.

Если принять за основу предложенный порядок представления данных, то станет очевидной генетическая связь содовых стекол с рецептурной нормой 3, 2,5 и 2, родство с последними золистых стекол с $N=2$ (№ 54, 55а и в, 57в, 69, 70 74), с $N=1$ (№ 60а и в) и с $N=1,75$ (№ 56, 57а, 58в, 58с, 62). Эта последняя группировка очевидна при взгляде на схему. Ее можно описать аналитически; приняв 10%-ный до-

верительный интервал ±0,175, найдем пределы 1,57—1,92. Эта норма располагается между двумя более частыми, для которых пределы уже рассчитаны: N=1,5 (1,35—1,65), N=2 (1,8—2,2). Возможно, что области наложения 1,57—1,65 и 1,8—1,92 являются границами норм. Идя другим путем, можно отдать область наложений более частным нормам и сократить интервалы для N=1,75 до пределов 1,65—1,8. Столь же очевидно родство золистых стекол с N=1,5 со стеклами, которые подчиняются N=1,25 золистыми (№ 65, 67, 68) и содовыми (№ 52), N=1 и даже N=0,75 (№ 61). Стекла с N=1 и N=0,5 (№ 63 и 96) родственны между собой и лишь сходны с предыдущими.

Конечно, трудно уследить за всеми операциями автора, за группировками и перегруппировками данных, их можно продолжать до бесконечности, меняя старые и вводя новые основания. Дело не в этом. Существенно, что разные подходы дают хорошую сходимость конечных результатов, равную 0,8.

В заключение хотелось бы сказать, что история стекла, ее химико-технологический аспект обретает значение самостоятельного научного направления, междисциплинарного и международного по своему характеру. Химия, технология, петрография, математика и моделирование — все вместе, помноженное на энтузиазм и интерес к делу, приносят столь заметные плоды. Книга Т. Ставярской о стеклянных бусах римского времени — явление столь яркое и интересное, как и книга М. Декувны о раннесредневековом стекле Европы. Эти книги — надежная ступень в развитии наших представлений о древнем стекле и его производстве, в общем плане истории производств и в конкретном плане химии и технологии стекловарения. Делать что-либо серьезное по истории стекла, в обход работ М. Декувны и Т. Ставярской нельзя; именно с их помощью и при их непосредственном участии создается новая и более современная концепция истории стекла. Насыщенное содержание рецензируемой книги Т. Ставярской, ее активная позиция и хорошее знание предмета определяют интерес и к ее новой книге, которая продолжает начатую тему [10].

Завершая рецензию на вышедшую книгу, хотелось бы соотнести поставленные цели с достигнутыми результатами. Автор последовательно идет к цели, стремясь выявить специфику производства некоторых видов стеклянной продукции в пределах Римской империи. Наблюдений сделано много, и автор пытается разделить и разделяет их во времени и пространстве. В результате этих попыток (и многих других) выявленная специфика римского стеклоделия постепенно затмевает общее представление о нем. Недавно еще казалось, что римское стеклоделие изучено более подробно, чем стеклоделие любой другой эпохи или региона. Теперь же, в результате ряда уточнений, стало очевидным, что о нем науке известна лишь малая часть, а бо́льшая часть, напротив, неизвестна. В неизвестности растворились черты и свойства этого исторического явления, которые считались основными и бесспорными.

В этом парадоксе скрыта главная закономерность диалектически развивающегося знания: новое знание не согласуется с общепринятыми теориями и представлениями, и чем далее, тем более очевидно это рассогласование и тем более актуален поиск новых теорий и создание новых представлений. Это дело науки завтрашнего дня. В актуальной задаче накопления новых фактов плодотворное участие Т. Ставярской очевидно и неоспоримо.

Ю. Л. Щапова

ЛИТЕРАТУРА

1. *Stawiarska T* Paciorki szklane z okresu wpływów rzymskich występujące w kulturze zachodniobałtyjskiej//Archeologia Polski. 1974. XIX. Z. 2.
2. *Безбородов М. А.* Химия и технология древних и средневековых стекол. Минск: Наука и техника, 1969.
3. *Sayre E. V., Smith R. W.* Compositional Categories of Ancient Glasses//Science. 1958. 133, № 3467.
4. *Brill R. H.* Ancient Glass//Scientific American. 1963. V. 209. № 5.
5. *Brill R. H.* The Scientific Investigation of Ancient Glasses//VIII Congress on Glass, London, 1968. Sheffield, 1969.
6. *Бахтадзе Р. А.* К изучению грузинских археологических стекол. Тбилиси: Мецниереба, 1964 (на груз. яз.).
7. *Щапова Ю. Л.* Очерки истории древнего стеклоделия. М.: Изд-во МГУ, 1983.
8. *Галибин В. А.* Состав стекла из памятников Красноярского края (V в. до н. э.—I в. н. э.)//Древние культуры евразийских степей (по материалам археологических работ на новостройках). Л.: Наука, 1983.
9. *Szczapowa J. L.* Zasady interpretacij analiz składu szkła zabytkowego//Archeologia Polski. 1973. XVIII. Z. 1.
10. *Stawiarska T.* Szkła z okresu wpływów rzymskich z Północnej Polski. Studium morfologiczne. Ossolineum, 1986.

Плешанова И. И., Лихачева Л. Д. Древнерусское декоративно-прикладное искусство в собрании Государственного Русского музея. Л.: Искусство, 1985. 35 с. 144 табл., 30 рис.

Любая музейная коллекция — не только памятник эпох, оставивших нам художественные произведения высокого класса. Это и памятник той эпохи, к которой принадлежали люди, их собиравшие. Коллекция Государственного Русского музея с этой точки зрения — явление замечательное. Более 12 тыс. экспонатов — результат подвижнического труда нескольких поколений русских людей, труда, безымянного для широкого читателя и посетителя музея. Поэтому краткая история создания коллекции Русского музея, данная авторами на первых страницах, очень важна. Из нее мы узнаем, что значительная часть произведений древнерусского искусства, попавших в музей в 1898 г., собиралась старообрядцами и хранилась в скитах и молельнях по меньшей мере на протяжении столетия до этого. Роль старообрядцев в сохранении книжной культуры Руси в наши дни хорошо известна. Деятельность таких подвижников, как В. И. Малышев и целая плеяда собирателей — историков, музыковедов, этнографов, работавших в Сибири, показала, что гонимое официальной церковью старообрядчество исполнило свою историческую миссию, сохранив для нас драгоценные произведения книжной и музыкальной культуры Руси. Коллекции Государственного Русского музея показывают, как велик их вклад в историю художественной культуры Руси.

По странной иронии судьбы дело сохранения памятников культуры оказывалось часто в руках людей, находящихся не в ладах с государством. Так, известно, какую большую роль сыграли в музейном деле России декабристы и их потомки, революционные демократы второй половины XIX в. [1, с. 145—165]. Да и большие коллекции создавались частной инициативой, без помощи государства, и государство обращало на них внимание, лишь когда какое-нибудь частное лицо вроде купца П. М. Третьякова, опережая в щедрости самого царя, делало России такой подарок, как картинная галерея. Ведь известно, что Русский музей открылся в 1895 г. как ответ на дар П. М. Третьякова своей галереи Москве в 1892 г.

Создание Русского музея было итогом многолетней деятельности частных коллекционеров, собрания которых вошли сначала в музей Академии художеств, а потом в Русский музей. Хорошо, что имена их упомянуты авторами: это М. П. Погодин, П. Коробанов, П. И. Севастьянов, В. А. Прохоров, Н. М. Постников, В. В. Верещагин, В. В. Шереметьев, А. А. Васильчиков. Позже, в 1900-е годы, «Древлехранилище памятников русской иконописи и старины» Русского музея пополнилось произведениями, подаренными В. В. Сусловым, коллекцией Н. П. Лихачева, вещами из собрания Ф. М. Плюшкина и М. П. Боткина.

Их имена принадлежат эпохе подъема интереса к русской национальной культуре, интереса, наполнившего содержанием жизнь самых образованных людей русского общества.

В наши дни коллекции музея выросли за счет поступления уникальных памятников шитья и драгоценной утвари из ризниц монастырей и соборов, а также из Духовной академии и Русского археологического общества. Самое же главное — началась научная обработка богатейших коллекций музея. Она продолжается и сейчас. Предлагаемое широкому читателю издание — пример именно такой научной обработки. Остановимся на нем подробнее.

В каталоге, прилагаемом к альбому, подробно описаны 123 произведения декоративно-прикладного искусства Древней Руси с указанием всей относящейся к каждому из них литературы. Посмотрим, насколько полно отражают выбранные авторами произведения уровень и общий характер древнерусского искусства.

Авторы удачно начинают публикацию древностей Руси с «Черниговской гривны» — золотого амулета, найденного в 1821 г. недалеко от Чернигова (Кат. 1, рис. 1, 2). Первые исследователи амулета правильно связали его с Владимиром Мономахом, прочтя славянскую надпись с крестильным именем Владимира — Василий. Влияние этой находки и самих посвященных ей исследований было огромно. Приведенная в каталоге литература показывает, что в XIX в. она публиковалась 20 раз. Авторы правы, утверждая, что с этой находки началось изучение русских древностей. Можно добавить, что эта находка, связанная со столь значительной исторической личностью, повлияла и на характер будущего подхода к древностям. Изучение «Черниговской

гривны» повлекло за собой исследование целой группы изделий, получивших в науке название змеевиков, по змеиной композиции на обороте. В альбоме публикуются два золотых змеевика.

Русская надпись на «Черниговской гривне» не оставляла сомнений в местном ее происхождении. Авторы справедливо считают, что второй золотой змеевик — «Белгородская гривна», найденная в 1877 г. под Киевом,— был изготовлен в той же мастерской. Об этом говорят совершенно аналогичная композиция обратной стороны с головой Горгоны Медузы, два пояса надписей (на этот раз греческих) вокруг основного изображения, драгоценный материал. Перед нами ярчайшее свидетельство деятельности золотых дел мастеров княжьего двора. Вероятно, это киевские мастерские при дворе отца Владимира — великого князя Всеволода Ярославича. Архангел Михаил, изображенный на «Черниговской гривне», был патроном Киева, он изображался на киевском гербе вплоть до XX в. [2, с. 20]. Обе гривны изданы в альбоме прекрасно (рис. 1, 2, 4, 5).

Помимо двух золотых гривен-змеевиков в альбоме публикуются и змеевики-складни, широко бытовавшие на Руси с XII по XIV в. (Кат. 3, 4). Исторически вполне оправданно, что публикация предметов христианского культа в альбоме начата со змеевиков. Они показывают, как тесно было связано христианство с древними народными верованиями даже в Византии. На Руси эта связь никогда и не прерывалась.

Самую многочисленную категорию древностей, связанных с христианским культом, составляют бронзовые кресты-энколпионы и нагрудные иконки из камня. Русский музей обладает одним из самых значительных их собраний. Особенно это относится к энколпионам. Они хранятся во многих музеях. Находки их часты во время раскопок, и тем не менее они остаются до сих пор мало изученными. В альбоме им отведено тоже мало места: в текст попали только три креста-энколпиона, данных почему-то не в хронологическом порядке. Большого внимания заслуживает и иконка из песчаника с изображением в рост Бориса и Глеба (Кат. 8, с. 9). Они представлены в виде пеших воинов с крестом в правой руке и с мечом в левой. Выполнены изображения с необыкновенной тщательностью, и, несмотря на малые размеры, фигуры Бориса и Глеба, первых русских святых, выглядят монументальными. Иконка эта, относящаяся к рубежу XII—XIII вв. [3, с. 65, 75], является уникальным произведением местного мастерства резьбы по камню; она заслуживала того, чтобы ее представить в альбоме на большой таблице. Произведения, подобные иконке с Борисом и Глебом, показывают, что каменная пластика Владимиро-Суздальской Руси была логическим шагом в развитии камнерезного искусства в Древней Руси.

Великолепные цветные таблицы отведены авторами для хорошо известных и много раз издававшихся произведений золотого и серебряного дела Руси. Это женские украшения с перегородчатой эмалью из кладов (рис. 3—17). Высокое качество воспроизведения вполне оправдывает это. В целом и текст, и таблицы дают представление об основных направлениях декоративно-прикладного искусства Киева и о самых высоких его достижениях. Это касается только домонгольского периода.

Декоративно-прикладное искусство XIII—XV вв. рассмотрено на богатейшем материале Новгорода и отчасти Пскова. Новгород выполнял в этот период важнейшую задачу сохранения и развития художественной культуры Древней Руси, внезапно прерванной монголо-татарским нашествием. Связь с искусством Киевской Руси ощущается на всех публикуемых в альбоме произведениях. Особенно это касается произведений медного литья, представляющих собой остатки массовой продукции рядового городского ремесла. Публикуемые в альбоме образки-тельники XIII—XIV вв. даже в излюбленных сюжетах (змеевики) продолжают традиции домонгольской Руси. Вместе с тем появляются серии образков с сюжетами, характерными именно для Новгорода: это Козьма и Демьян (Кат. 25), Сисиний и архангел (Кат. 26), чудо Георгия о змие (Кат. 27). Отмечаемая авторами связь медного литья с более дорогим и индивидуальным производством — резьбой по камню — вполне очевидна. Думается, однако, уникальная коллекция мелкой пластики, хранящаяся в Русском музее, заслуживает большего внимания, чем ей уделено в рецензируемом издании. В частности, хотелось бы дать увеличенное воспроизведение двух публикуемых в натуральную величину иконок: с Гробом господним (Кат. 30) и с Богоматерью Умиление (Кат. 31). Помимо отмеченных авторами достоинств эти два образка дают в миниатюре пример той монументальной резьбы по камню или дереву, которая не дошла до нас, но, конечно, существовала в действительности, иначе архитектурные детали (порталы, ко-

лонки, их капители, антаблементы), показанные в них, не появились бы в фантазии резчика.

Это предположение подтверждается прекрасно воспроизведенными в альбоме царскими вратами, исполненными в технике «огненного золочения» и в резьбе по дереву (Кат. 51). На вратах XIV—XV вв., хранящихся в музее, мы находим почти того же рисунка сквозную плетенку, которая украшает колонки на образке с Богоматерью Умиление, и густую сетку плетения, похожую на полосу бордюра, идущего под аркой иконки с Гробом господним.

Прекрасно воспроизведены в альбоме уникальные царские врата из собрания Н. П. Лихачева (Кат. 33). Соглашаясь с авторами в общей оценке этого выдающегося произведения, необходимо отметить, что сама техника отнюдь не относится к «новым веяниям» в искусстве Руси. И это подтверждается не только публикуемой панагией с Троицей, исполненной золочением по меди и относящейся ко второй половине XIII — началу XIV в. (Кат. 35). Стоило бы упомянуть «Золотые Васильевские врата», сделанные в той же технике в Новгороде в 1336 г. по заказу архиепископа Василия Калики [4, с. 38]. При этом необходимо отметить, что успехи искусства золотой наводки по меди нельзя связывать только с Новгородом. Это не соответствует действительности. Золочение по меди было хорошо известно в Киевской Руси. Достаточно вспомнить фрагмент от дверей какого-то светского здания из Киева, и такое выдающееся произведение, как двери Рождественского собора в Суздале, относящиеся к началу 1230-х годов [5, с. 326; 6, с. 55—58; 7, с. 46, рис. 62—72], и Тверские двери Троицкого собора Александровской слободы, относящиеся к середине XIV в. [6, с. 89—94, рис. 32—35]. Эти произведения предстают перед нами как звенья в непрерывной цепи шедевров техники золотого письма, идущей на протяжении нескольких столетий, вплоть до XVI в. Последний ее этап представлен дверями Благовещенского и Успенского соборов Московского Кремля и Троицкого собора в Костроме. Врата из собрания Н. П. Лихачева — одно из свидетельств преемственности металлообработки Московской Руси от традиций художественного металла домонгольского времени.

Полно представлены в альбоме произведения художественного шитья, из которых особенно выделяется пелена «Положение во гроб», созданная в мастерских архиепископа Евфимия в Новгороде (Кат. 44). В этом уникальном произведении выразительно запечатлены характерные черты живописного стиля новгородского лицевого шитья [8, с. 29 и сл.; 9, с. 118]. Это произведение и более поздние изделия лицевого шитья, созданные в Новгороде, показывают, каким высоким был уровень мастерских владычного двора в эпоху активной деятельности архиепископа Евфимия (1428—1458 гг.) и его преемников.

Не менее выразительно говорит о высоте художественной жизни Новгорода и деревянная скульптура, сохранившая шедевры северно-русской пластики. Исследователи этой области искусства Руси подчеркивали ее общенациональное значение [10, с. 133].

Приведенные в альбоме произведения свидетельствуют еще об одной характерной черте деревянной резьбы — о тесной ее связи с другими областями художественной жизни Руси, в частности с металлообработкой. Это касается таких произведений, как царские врата (Кат. 51), резьба которых очень близка литью и орнаменту сканных окладов. Сохранившиеся орнаментальные пластины амвона 1533 г. (Кат. 52) мягкой линией узоров напоминают тисненые оклады икон [6, рис. 56, 66, 67].

Деревянная круглая скульптура даже в технике идет от иконописи: роспись ее производится по левкасу и темперными красками (с. 19, 20). Публикуемые в альбоме произведения деревянной скульптуры поражают индивидуальностью образов и красотой в передаче одежд, рук, глаз, волос. Персонажи менее условны, чем иконописные типы святых, лица отличаются своим, особым для каждого выражением: молитвенно углубленным у Антония Римлянина и Евфимия (Кат. 59 и 57), тихим и нежным у мученицы Екатерины (Кат. 50) и даже ироничным и чуть улыбающимся у Николы Можайского (Кат. 54).

Публикуемые в альбоме произведения деревянной скульптуры показывают, как органично резьба по дереву была связана с искусством Руси в целом, как она была значительна и своеобразна.

Немногие, но выразительные произведения серебряного дела Новгорода дают представление о высоком уровне этого искусства. Большинство изделий серебряников

Новгорода и близкого ему Пскова имели культовое назначение, но были и заказные сосуды светского назначения, часто именные. Больше, чем какое-либо другое из художественных ремесел, серебряное дело указывает на социальный ранг мастерских. Перед нами — продукция владычных мастерских, куда собирались лучшие мастера: иконописцы, резчики по камню и дереву, «кузнецы» по серебру и золоту. Благодарная память современников иногда сохраняла их имена. Авторы сумели подчеркнуть тот общественный резонанс, который имело искусство серебряников, на примере истории создания водосвятной чаши Троицкого собора в Пскове: это замечательное произведение было «построено» в 1674 г. на средства, собранные «мирским подаянием».

Художественные ремесла Новгорода, удачно представленные выразительными экспонатами Русского музея, выступают перед читателем как драгоценные хранилища тех общерусских богатств, которые уходят корнями во времена домонгольской Руси.

Москве, столице Русского централизованного государства, посвящен самый большой раздел альбома. Между тем искусство Москвы в Русском музее представлено только двумя категориями произведений — художественным металлом и шитьем. На примере этих произведений и необходимо было показать роль Москвы в становлении художественной культуры централизованного государства, наследовавшего высокие достижения Киевской Руси.

Представляется, что синтезирующую роль мастерских Московского Кремля, где создавались лучшие произведения того времени, можно было бы показать рельефнее. Так, при анализе замечательной во многих отношениях панагии из Симонова монастыря (Кат. 65) важно особо отметить применение черни — техники, приемы которой перешли в ювелирное дело Московской Руси от мастеров, работавших в Киеве, Владимире, Рязани вплоть до монголо-татарского нашествия. Чернь применяется на ряде изделий второй половины XIII—XIV в.; публикуемая панагия, относящаяся к концу XIV в., интересна и с этой точки зрения.

Говоря об окладе «Христофорова Евангелия» (Кат. 66), подробно и интересно разобранном авторами, надо было отметить одну его особенность — применение эмали для фона надписей, где она сохранилась, и для фона изображений в киотцах, где она вся выпала. В Киевской Руси эмаль в таком качестве не применялась. Зато в Новгороде в XIV в. для покрытия фона, специально обработанного резцом, употреблялась черная эмаль [6, с. 64—66]. На окладе евангелия из Русского музея фон для эмали тоже был обработан резцом, но слабо, отчего эмаль и выкрошилась. Оклад датируется 1448 г., новгородские приемы декора, как видно, с охотой, но без должного умения пытаются воспроизводить в Москве.

При анализе и панагии, и оклада интересно было бы подробнее остановиться на том обстоятельстве, что сам прием серебряного литья, столь типичный для XV и XVI вв., в ранних своих образцах характерен для произведений владимиро-суздальской школы [11, с. 20], что кажется логичным перенесением в металл принципов каменного рельефа. Развитие серебряного литья в Москве явно связано с традициями владимиро-суздальского искусства. Так, уникальные произведения московских мастеров: панагия конца XIV в. из Симонова монастыря и оклад «Христофорова Евангеля» середины XV в.— красноречиво указывают на три источника, питавшие молодое искусство Москвы,— наследие Киева, Владимира и Новгорода.

О хронологической глубине этих источников выразительно свидетельствуют прекрасно подобранные образцы богослужебной и светской столовой утвари. Авторы отмечают роль традиции, на которую опиралась Москва в становлении торевтики XVII в.,— Владимир, Суздаль, Новгород и другие центры. Однако к вопросу наследия можно было бы подойти и с другой стороны.

Письменные источники донесли до нас названия сосудов: — чаши (с XI в.), кубки и чары (с XII в.). Новгородская земля сохранила формы древней посуды [12, с. 32; 13, с. 32—42]. Сравнивая посуду из драгоценных металлов, изготовлявшуюся в Москве в XV—XVI вв., с деревянной точеной посудой из раскопок в Новгороде, мы убеждаемся в неизменности ее идеально найденных форм. На стол новгородца в X—XIV вв. подавались деревянные братины и чаши, очень близкие братинам и чашам, изготовлявшимся московскими мастерами из серебра и золота для царского двора в XV—XVII вв. [11, табл. 21, *1—4*, 17, *9*].

Новгородская земля сохранила нам деревянную посуду, но совершенно ясно, что такая посуда выделывалась на Руси повсеместно. Поэтому можно утверждать, что

московская посуда из драгоценных материалов восходит к общерусским традициям столовой посуды, традициям, насчитывавшим ко временам Московской Руси почти половину тысячелетия.

Последний раздел — художественное шитье, рассмотренное на примере богатейшей коллекции Русского музея. Авторы проанализировали самые яркие ее произведения, относящиеся к мастерским жены Василия III великой княгини Соломонии Сабуровой, жены Иоанна Грозного царицы Анастасии Романовны, княгини Евфросинии Старицкой, жены царя Федора Ивановича царицы Ирины Федоровны Годуновой. На примере этих произведений авторы сумели показать историю интересной области художественной жизни Руси — от деятельности дворцовых светлиц до строгановских мастерских в далеком Усолье.

В связи с этим разделом можно высказать только один упрек: глубокое единство художественной основы шитья и иконописи было бы яснее, если бы авторы остановились подробнее на роли художника в создании произведений лицевого шитья. Известно, что в роли знаменщиков выступали ведущие художники-иконописцы, о чем дважды упомянуто в надписях на самих шитых пеленах 1514 и 1673 гг. [14, с. 7, 8]. При этом художественная индивидуальность знаменщиков проявляется столь ярко, что принадлежность их к той или иной иконописной школе исследователи устанавливают и в тех случаях, когда такими неопровержимыми данными, как надпись, не располагают [14, с. 8, 9].

Рецензируемый альбом безусловно является заметным событием в художественной жизни современности. Прекрасное воспроизведение выдающихся произведений из коллекции Государственного Русского музея, подробный каталог и сжатый по необходимости, но информативный текст делают шедевры национального русского искусства, хорошо известные узкому кругу специалистов, достоянием всех интересующихся прошлым своей Родины.

Остается только высказать сожаление, что издательство «Искусство» выпустило из своих рук издание исследований, посвященных разным областям богатейшего искусства России на всем протяжении ее тысячелетней истории. Богатый опыт издательства и великолепные полиграфические возможности позволили бы поднять на большую высоту подобные издания, а они нашли бы ценителей не только в Советском Союзе, но и за рубежом. Думается, издательство «Искусство» обеднило себя, специализируясь на издании только подарочных изданий. Оно имеет все возможности для того, чтобы взять на себя почетную миссию возвращения из забвения шедевров древнерусского искусства, которые отнюдь не исчерпываются лучшими произведениями ведущих музеев. Это было бы настоящим подарком широкой общественности.

Т. И. Макарова

ЛИТЕРАТУРА

1. *Формозов А. А.* Страницы русской археологии. М.: Наука, 1986.
2. *Рыбаков Б. А.* Русские датированные надписи XI—XIV вв.//САИ. 1964. Вып. Е1-44.
3. *Николаева Т. В.* Древнерусская мелкая пластика из камня XI—XV вв.//САИ. 1963. Вып. Е1-60.
4. *Постникова-Лосева М. М.* Русское ювелирное искусство, его центры и мастера. М.: Наука, 1974.
5. *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
6. *Николаева Т. В.* Прикладное искусство Московской Руси. М.: Наука, 1976.
7. *Рыбаков Б. А.* Русское прикладное искусство X—XIII вв. Л.: Аврора, 1970.
8. *Свирин А. Н.* Древнерусское шитье. М.: Искусство, 1963.
9. *Маясова Н. А.* Художественное шитье//Троице-Сергиевская лавра. Художественные памятники. М.: Искусство, 1968.
10. *Чекалов А. К.* Народная деревянная скульптура Русского Севера. М.: Искусство. 1974.
11. *Николаева Т. В.* Древнерусская мелкая пластика XI—XVI вв. М.: Сов. художник, 1968.
12. *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Деревянные изделия//САИ. 1968. Вып. Е1-55.
13. *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Резное дерево//САИ. 1971. Вып. Е1-55.
14. *Маясова Н. А.* Древнерусское лицевое шитье XVI в.: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17824. М., 1971.

Хроника

25 ЛЕТ РЕГУЛЯРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ БУДДИЙСКОГО КУЛЬТОВОГО ЦЕНТРА В СТАРОМ ТЕРМЕЗЕ

В 1986 г. исполнилось 25 лет работ совместной экспедиции ряда научных учреждений Москвы, Ленинграда и Самарканда на холме Каратепе в Старом Термезе (на юге Узбекистана). Экспедиция была создана в 1961 г. Отделом Востока Государственного Эрмитажа совместно с Институтом истории и археологии (ИИА) АН УзССР. С 1962 г. в работах на Каратепе стал участвовать Государственный музей искусства народов Востока (ГМИНВ), а затем и Всесоюзная центральная научно-исследовательская лаборатория по консервации и реставрации музейных художественных ценностей (с 1979 г. Всесоюзный НИИ реставрации — ВНИИР). Позднее в организации экспедиции приняли участие также Институт востоковедения АН СССР, Государственный музей истории религии и атеизма, Институт археологии АН Уз. ССР, Самаркандский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. В результате регулярных раскопочных работ и разносторонних исследований, в которых наряду с археологами принимали участие архитекторы, искусствоведы, востоковеды (индологи, иранисты, арабист), реставраторы и специалисты естественных наук (химики, биофизики, медик-палеопатолог), Каратепе стал одним из наиболее известных археологических памятников Средней Азии. Ему посвящено пять сборников «Материалов совместной экспедиции» [1—5] и около 200 публикаций, изданных как в СССР, так и в Индии, ВНР, ГДР, Италии, ФРГ, Нидерландах, США и других странах [6, с. 155—164; 7].

Своей широкой известностью Каратепе обязан в основном работам экспедиции 1961—1986 гг. Однако успех этих исследований в значительной мере был подготовлен самоотверженным трудом первооткрывателей Каратепе, ученых конца 20-х — 30-х годов, когда закладывались основы археологии Средней Азии вообще. А. С. Стрелков, известный специалист по искусству древнего мира, участвовавший в первой крупной экспедиции советских ученых в Среднюю Азию (ее организовал в 1926—1928 гг. Музей восточных культур), обратил внимание на три почти полностью засыпанные пещеры на Каратепе и высказал предположение, что это остатки буддийских храмов. Сам А. С. Стрелков это предположение не опубликовал, но в конце 20-х годов оно приобрело широкую известность среди исследователей Средней Азии. В 1936 г. Б. Б. Пиотровский вел в составе Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) раскопки на соседнем холме Чингизтепе и одновременно обследовал пещеры Каратепе, обнаруженные ранее А. С. Стрелковым и частично раскопанные в 1934—1936 гг. Г. В. Парфеновым. В 1937 г. Е. Г. Пчелина приступила к раскопкам Каратепе и открыла еще две пещеры, а также наземный храм и часть храмового двора. Позже она обобщила результаты своих раскопок, работ Г. В. Парфенова и группы Б. Б. Пиотровского в своей кандидатской диссертации [8, с. 52—56], а после создания нашей экспедиции опубликовала основные данные своего исследования в первом выпуске ее «Материалов» [9, с. 88—99]. Значительный вклад в изучение Каратепе внес начальник ТАКЭ проф. М. Е. Массон; он тщательно проследил и описал историю изучения городища Старого Термеза (в том числе и Каратепе) до 1936 г. и суммировал итоги исследований 1936—1937 гг. подтвердив буддийский характер Каратепе и датировку его кушанским временем [10, с. 30, 40, 77—80, 90, 91; 11, с. 3, 5]. В итоге, начиная работы на Каратепе, наша экспедиция знала, что перед нами крупный буддийский памятник первых веков нашей эры, в состав которого входили пещерные и наземные храмы и вспомогательные помещения. Было известно также, что у входа в наземный храм находились остатки стенной росписи (не имея возможности снять ее со стен, Е. Г. Пчелина засыпала живопись землей; в 1961 г., раскопав этот участок, мы никаких следов росписей уже не обнаружили).

Работы на Каратепе в 1961—1986 гг. позволили установить, что здесь в кушанское время, скорее всего во II—IV вв. н. э., располагался самый крупный в Средней Азии буддийский культовый центр, включавший десятки отдельных комплексов, каждый из которых состоял из пещерных и наземных помещений — храмов, святилищ, дворов и т. п. Помещения размещались часто в два яруса, соединенных между собой лестницами и переходами. В ряде случаев во дворах находились буддийские ступы различных типов — со ступенчатым основанием и купольным верхом или же со стоящим на полу цилиндрическим туловищем, обрамленным по низу рельефными изображениями лепестков лотоса. В других храмовых дворах по их периметру тянулись портики с колоннами — айваны. Пещерные храмы и наземные святилища, а также айваны нередко украшала монументальная орнаментальная и сюжетная живопись с изображениями Будды, божеств, донаторов и, возможно, сцен из каких-то (местных или индийских) преданий. В святилищах, храмах и айванах найдены фраг-

ментированные глиняные и ганчевые (местная разновидность гипса) скульптуры и обломки каменных статуй и рельефов, обычно со следами многоцветной раскраски и позолоты. Образцы стенных росписей и скульптуры, открытые на Каратепе, заметно обогатили наши представления об искусстве Средней Азии кушанского периода (I—IV вв. н. э.)

Почетное место среди находок на Каратепе занимают разноязычные надписи; эпиграфическая коллекция из раскопок 1961—1986 гг. пока не имеет себе равных. Эти надписи четко делятся на две группы. К первой относятся тексты, написанные на стенках керамических сосудов в период функционирования буддийских комплексов; ко второй — настенные надписи граффити, оставленные посетителями буддийских пещер.

Надписи на керамике из Каратепе, кроме сделанных на нескольких почти целых сосудах, дошли до нас во фрагментах. Однако в большинстве случаев удалось определить не только их письмо и язык, но и содержание. К настоящему времени обнаружено более 130 фрагментов керамики с индийскими надписями и восемь настенных граффити. В надписях используются два вида письма: кхароштхи и брахми. Надписи кхароштхи составлены на северо-западном пракрите (гандхари), надписи брахми — на буддийском гибридном санскрите, но чрезвычайно близком к пракриту. Среди находок имеются образцы, выполненные одновременно на двух алфавитах (брахми-бактрийские), и один — на трех алфавитах (брахми-бактрийский-кхароштхи).

По палеографическим данным, среди надписей нет образцов ранее времени Канишки. Поздней датой можно считать рубеж IV—V вв. Исследования показали, что основным видом надписи на керамике была буддийская посвятительная надпись с репрезентацией нескольких наборов традиционных формул, засвидетельствованных в индийской эпиграфике (в двух случаях прямые аналогии неизвестны). Кроме этих были выявлены надписи, являющиеся свидетельством личной принадлежности сосуда отдельному монарху; сама вероятность таких надписей ранее отвергалась отдельными индологами. Надписи сообщают нам ряд собственных имен как донаторов (видимо, монахов и горожан Термеза), так и владельцев сосудов.

Сведения о характере буддийских помещений на Каратепе дают нам надписи кхароштхи со словом «вихара» — «буддийский монастырь». При этом наименование «кхадевака-вихара» — «государева вихара», представляющее индийскую транслитерацию бактрийского «хвадев» — «владыка, государь» и являющееся калькой индийского «раджа-вихара», позволяет предполагать местного термезского правителя (наместника) в качестве донатора и покровителя монастыря (скорее всего, одного из комплексов Каратепе, представляющих самостоятельные единицы).

Ряд надписей, где удалось прочесть слово «махасангхика», позволяет утверждать присутствие на Каратепе этой буддийской школы, по-видимому, в ранний период функционирования монастыря. Этот термин зарегистрирован только в надписях кхароштхи. По ряду терминов и формул можно сделать некоторые предположения о характере буддийского учения на Каратепе. Можно говорить о разработке учения о бодхисаттве (прежде всего об уровнях бодхисаттвы) и о связи положений с учением, изложенным в тексте махасангхиков — «Махавасту».

Публикация надписей осуществлялась Т. В. Грек (раскопки 60-х годов) и В. В. Вертоградовой (раскопки 70—80-х годов). В интерпретации надписей также принимали участие М. И. Воробьева-Десятовская и зарубежные лингвисты: акад. ВНР Я. Харматта, проф. Х. Хумбах из ФРГ, О. фон Хинюбер из Нидерландов и др.

Помимо индийских надписей во время раскопок комплекса В было найдено пять фрагментов надписей на керамике, которые можно отнести к тому «неизвестному письму», остатки которого были найдены в Даште-Навуре и Сурх-Котале (Афганистан), а недавно обнаружены и в ряде мест советской Средней Азии. Эти надписи требуют дальнейшего исследования.

На Каратепе найдено также около десятка местных — бактрийских надписей на керамике, а также двуязычных—бактрийских и брахми и трехъязычных—бактрийско-брахми-кхароштхи. Изучение неведомого еще 20 лет назад бактрийского языка началось практически недавно, и вклад коллекции таких надписей из Каратепе в исследование бактрийского языка и письменности очень велик, причем большое значение имеет и то, что бактрийские тексты в ряде случаев дополняют на сосудах индийские надписи. Изучение бактрийских надписей на керамике из Каратепе обогатило наши знания палеографии, лексики и грамматики местного языка Бактрии, относящегося к среднеиранской языковой группе. Над дешифровкой и интерпретацией бактрийских надписей Каратепе (на керамике и настенных граффити) помимо В. А. Лившица работали Я. Харматта, Х. Хумбах, Г Джелани Давари (ФРГ) и другие ученые.

В отличие от надписей на керамике большинство граффити Каратепе (если не считать поздних — мусульманских надписей X—XII вв.) — бактрийские; их открыто около двух десятков. Они, как и две среднеперсидские и одна двуязычная (бактрийско-среднеперсидская), содержат в основном имена посетителей, а в ряде случаев, видимо, даты посещений. Иной, видимо, характер носили индийские граффити, которых на Каратепе открыто пока восемь; три — брахми и пять — кхароштхи. Значение граффити, как и надписей на керамике из Каратепе, для изучения истории и культуры кушанской эпохи трудно переоценить. Среднеперсидские надписи-граффити (их изучали В. Г. Луконин и проф. В. Хеннинг из США) засвидетельствовали, в частности, появление в Термезе сасанидских (персидских) войск, что наряду с монетными находками подтверждает сведения древних авторов о завоевании иранскими царями из династии Сасанидов в III(?)—IV вв. н. э. сердца Кушанской империи — Бактрии.

Открытия на Каратепе, как и работы наших коллег в Айртаме, Халчаяне, Дальверзинтепе и других городищах кушанского времени, продемонстрировали высокий уровень культуры и искусства бактрийцев. Но еще ярче эти открытия свидетельствуют о широких культурных связях, и в первую очередь о культурных взаимосвязях древней Средней Азии с Индостаном, северная часть которого была завоевана кушанскими царями и испытала на себе заметное политическое и культурное влияние среднеазиатских народов.

Возникновение крупного буддийского культового центра в пригороде кушанского Термеза (как и загородных буддийских комплексов вокруг этого города) подтверждает свидетельства буддийской традиции о распространении буддизма из Индии в Среднюю Азию при кушанах. Добавим, что обозначение буддийского культового центра на Каратепе (или, что более вероятно, одного из его комплексов) как кхадевака-вихара — «государева вихара» показало — тоже в соответствии с буддийской традицией — важную роль кушанских правителей в распространении буддизма.

В свете раскопок Каратепе теперь видно, что распространение буддизма в Среднюю Азию в кушанский период сопровождалось появлением здесь ряда элементов древнеиндийской культуры. Так, из Индостана пришли: обычай возводить ступы (и сама форма этих мемориальных культовых построек), использовать для культовых целей пещерные помещения, создавать скульптуры и стенные росписи с изображениями Будды в образе человека с характерными, выработанными в древней Индии особенностями и позами. Оттуда же заимствованы и такие мотивы, как цветок лотоса, отдельные растительные и архитектурные орнаментальные элементы. Находки надписей на керамике ярко продемонстрировали, что с распространением буддизма было связано и знакомство с индийской грамотностью — знание индийских письменностей и языков.

Материалы из раскопок Каратепе в то же время показывают, что распространение буддизма в Средней Азии при кушанах сопровождалось не слепым восприятием веяний древнеиндийской культуры, а их усвоением и сочетанием с элементами местных культурных традиций. Показательно, например, что буддийские храмы Каратепе, в том числе и пещерные, по планировке восходят не к древнеиндийским постройкам, а к ближневосточно-среднеазиатской культовой архитектуре, где были широко распространены храмы с центральным святилищем, окруженным обводом из четырех коридоров. Следует отметить, что даже изображения Будды в стенных росписях Каратепе имеют свои особенности. Так, Будда здесь помимо трех своих основных отличительных признаков — пятна на лбу (урна), выпуклости на темени (ушниша) и удлиненных мочек ушей — наделен еще нимбом и ореолом вокруг тела или помещен в окружение стилизованных языков пламени.

А между тем и храмы, по планировке сходные с каратепинскими, и изображения Будды с нимбом и ореолом или языками пламени, нехарактерные для Индостана кушанской эпохи, широко представлены в буддийских памятниках Синьцзяна и Дальнего Востока, что отражает, вероятно, изменения, внесенные в буддийскую архитектуру и искусство в Средней Азии.

Хорошо известно, что дальнейшее распространение буддизма в Центральную Азию и на Дальний Восток многим обязано буддийским монахам, выходцам из Средней Азии. Эти монахи основывали новые монастыри и лично переписывали «священные тексты», переводили на местные языки и комментировали их. Среди таких ученых монахов упоминается и Дхармамитра из г. Тармита (Термез) на берегу р. Паксу (Вахш — Амударья) [12, с. 400—403; 13, с. 122; 14, с. 141]. Теперь можно, видимо, полагать, что среднеазиатские монахи занимались переводами и вероятно, толкованием буддийских текстов не только в монастырях Дальнего Востока, но и в Средней Азии.

Систематическое изучение Каратепе, участие в нем широкого круга ученых и, не в последнюю очередь, регулярное издание в СССР и за рубежом научной информации о ходе исследований этого замечательного памятника обусловили тот значительный вклад, который внесло исследование этого памятника в историческую науку.

Б. Я. Ставиский, В. В. Вертоградова,
В. А. Лившиц, | *В. Г. Луконин* |

ЛИТЕРАТУРА

1. *Грек Т. В., Пчелина Е. Г., Ставиский Б. Я.* Кара-тепе I. Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе. М.: Наука, 1964.
2. Кара-тепе II. Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М.: Наука, 1969.
3. Кара-тепе III. Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. М.: Наука, 1972.
4. Кара-тепе. IV. Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе. М.: Наука, 1975.
5. Кара-тепе V. Буддийские памятники Кара-тепе в Старом Термезе. М.: Наука, 1982.
6. *Щеголев О. Н.* Исследования Кара-тепе в 1961—1970 гг. в освещении печати. Аннотированная библиография//Кара-тепе III. М.: Наука, 1972.
7. *Заднепровская Т. Н.* Исследования Кара-тепе в Старом Термезе в 1971—1985 гг. Библиографический указатель//Информ. бюл. Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Вып. 11. М.: Наука, 1987.
8. *Пчелина Е. Г.* Дневнебуддийский монастырь Кара-тепе, Термез//Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. 1946. Вып. 4.
9. *Пчелина Е. Г.* Начало работ по обследованию буддийского монастыря Кара-тепе в Термезе//Кара-тепе. I. М.: Наука, 1964.

10. *Массон М. Е.* Городища Старого Термеза и их изучение//Тр. УзФАН СССР. Сер. 1. Вып. 2. Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г. Ташкент, 1940—1941.
11. *Массон М. Е.* Работы Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) 1937 и 1938 гг.//Тр. АН УзССР. Сер. 1. Термезская археологическая экспедиция. Ташкент, 1945. Т. II.
12. *Bailey A.* Indo-Iranica//Bull. School Oriental and African Studies. L., 1950. V. XIII. Pt 2.
13. *Рерих Ю. Н.* Тохарская проблема//Народы Азии и Африки. 1963. № 6.
14. *Рерих Ю. Н.* Память о тохарах в Тибете//Краткие сообщения Ин-та народов Азии. 1964. № 65.

X ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН И ФИНЛЯНДИИ

Очередная конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы скандинавских стран и Финляндии состоялась 25—29 августа 1986 г. в Москве. Активное участие в ее работе приняли археологи. На заседаниях секции археологии и этнографии и на совместных заседаниях ее с секцией истории средних веков был прочитан 21 археологический доклад. Большинство из них вызвало оживленные прения.

Большой научный интерес представляет группа докладов, в которых на широком фоне исследовалась культурная, экономическая и этническая ситуация в Балтийском регионе. Г. С. Лебедев (Ленинград) в докладе «Балтийская субконтинентальная цивилизация раннего средневековья», суммируя фактические материалы, накопленные археологией к середине 80-х годов, показывает, как в VIII—XI вв. в равнинных низменных землях, примыкающих к Балтийскому и Северному морям, сложилось культурно-экономическое сообщество, которое составили части нескольких этнических массивов — германцев, славян, балтов и финно-угров, проживавших в почти тождественных географических условиях. Накануне, в V—VII вв., в Балтийском регионе происходили единые по направленности процессы разложения племенного строя и накопления некоторых излишков общественного продукта. В VIII—IX вв. наблюдается быстрая урбанизация и формируются сети международной торговли с торговыми центрами. «Балтийская» торговля покоилась на единой системе денежного обращения (арабское монетное серебро, позднее — германское и английское). Складывающаяся, во многом единая городская культура Балтики воздействует на формирование дружинной культуры. Северорусские протогородские и городские центры активно участвовали в развитии балтийской цивилизации раннего средневековья. Внутри последней сохранялись местные этнокультурные традиции, сообщество обогащало их. По мере укрепления феодального строя, государственности и христианизации населения балтийское сообщество теряет самостоятельное значение, адаптируется к местным условиям.

Следует заметить, что проблема «балтийской культурной сообщности» в последние десятилетия активно разрабатывается за рубежом (И. Геррманн, Г. Янкун и др.).

Для познания культурных взаимосвязей стран и народностей Балтийского региона существенное значение имеют доклады В. В. Бебре (Рига) «Средневековая мягкая кожаная обувь Восточной и Северной Европы», Л. С. Розановой и Т. А. Пушкиной (Москва) «Железные изделия из Гнездова». А. Стальсберг (Норвегия) «Викингские мечи в Скандинавии и на Руси» и О. И. Давидан (Ленинград) «Скарабей из Старой Ладоги».

В докладе В. В. Бебре исследовалась мягкая кожаная обувь из археологических памятников XI—XIV вв. Северной и Восточной Европы. Основное внимание было уделено систематизации обуви из средневековых поселений и могильников Латвии. Сравнительный анализ показал, что многие типы обуви средневековой Латвии (туфли с боковыми свободными и шнурованными разрезами, туфли со специальными ремешками для крепления на ноге, башмаки и сапоги, верх которых состоял из головки и цельнокроеного голенища) имеют прямые аналогии в странах Балтийского региона, свидетельствуя о некотором единстве культурного развития его населения. Другие типы средневековой обуви с территории Латвии (поршни, сапоги, передняя часть голенища которых выкраивалась вместе с головкой) сопоставимы с древнерусскими.

В выступлении Л. С. Розановой и Т. А. Пушкиной были представлены результаты металлографического анализа железных изделий из Гнездовского комплекса археологических памятников, выполненного в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии АН СССР. Коллекция исследованных предметов включала ножи, топоры, косы и кресала, происходящие с городища, селища и могильника. Выявлено несколько технологических схем изготовления железных предметов, которые обнаруживают связь с технологией других памятников Северной Руси. По своим технологическим характеристикам севернорусское железообрабатывающее ремесло сопоставимо с аналогичным производством Скандинавии и других земель, примыкающих

к Балтике. В железообработке южнорусских земель наблюдаются совершенно иные традиции, аналогичные великоморавскому ремеслу и другим славянским регионам Средней Европы.

А. Стальсберг исследовала находки так называемых викингских мечей, получивших распространение как в Скандинавии, так и на Руси. Ее наблюдения говорят о том, что многие мечи рассматриваемых типов поступали в русские земли из Западной Европы.

Небольшой сюжет торговых связей стран Востока со Скандинавией через посредство восточноевропейских земель был рассмотрен в докладе О. И. Давидан. Речь шла о сердоликовых изделиях — продукции восточной торговли, появившейся на Руси с середины VIII — начала IX в., а в Скандинавии — с первой четверти IX в. Ладога, утверждает докладчица, была промежуточным пунктом движения сердоликовых бус с Востока в Скандинавию.

Общие вопросы славяно-скандинавских отношений в рамках 750—1050 гг. рассматривались в докладе А. Н. Кирпичникова, И. В. Дубова и Г. С. Лебедева (Ленинград) «Славяне и скандинавы в эпоху раннего средневековья (проблемы интеграции и периодизации культур)». Исследователи выделяют четыре основных уровня славяно-скандинавских взаимоотношений: 1) материально-ценностный, включавший многосторонние обмены товарами, серебром и т. п.; 2) социально-экономический (сходные явления в социальных институтах дружинного и городского общества); 3) идеологическо-культурный (гибридизация орнаментики, некоторых элементов прикладного искусства, взаимодействие эпосов); 4) совстречаемость знаковых обозначений в славянском и скандинавском мирах.

Докладчики отметили, что нельзя говорить об одностороннем влиянии Скандинавии на Русь — осуществлялось встречное движение материальных и духовных ценностей, что было взаимообогащающим и стимулирующим в становлении феодальных культур обеих стран. В пределах Киевской Руси импульс из Скандинавии был в значительной степени подчинен интересам древнерусского господствующего класса.

Ежегодно в результате экспедиционных работ активно пополняется база археологических источников по всем вопросам восточноевропейско-скандинавской проблематики. Целый ряд докладов, прочитанных на конференции, был посвящен введению в научный оборот новых фактов, их анализу, научной интерпретации всего, что накоплено археологами к настоящему времени.

Истории и археологии Ладоги в связи с древнерусско-скандинавскими контактами были посвящены два доклада. В результате анализа многолетних раскопок в Ладоге Д. А. Мачинский, С. Л. Кузьмин и А. Д. Мачинская (Ленинград) в докладе «Ранние скандинаво-славянские контакты по материалам Ладоги VIII—X вв.» выделили 11 строительных ярусов. Начальная застройка (ярусы I—II, 750—770 гг.) уже характеризуется двумя строительными традициями («большие» дома с отопительными устройствами в середине связываются исследователями со скандинавской традицией, «малые» жилища с печами в углах — с балто-славянами) и разнохарактерным вещевым инвентарем, свидетельствующими о сложном составе населения Ладоги (выходцы из земель смоленских кривичей, из Скандинавии и Фрисландии).

Дальнейшая история Ладоги характеризуется отливами и приливами скандинавских переселенцев. Так, в ярусе IV (810—830 гг.) исчезают «большие» дома, слабее представлены скандинавские вещевые находки. Исследователи связывают это с прибытием в Константинополь и на Рейн группы «свеонов» — послов хакана народа «рос», резиденцией которого, по их мнению, по-видимому, была Ладога. Ярус V (840—862 гг.) связывается с летописным известием о вторжении варягов из-за моря: возрастает число «больших» домов и скандинавских вещей, появляются погребения норманнов (уроч. Плакун под Ладогой). Застройка яруса VI (865—870 гг.) слабая, исторически, по мнению докладчиков, соответствует летописному сообщению об изгнании варягов и последующему призванию на княжение Рюрика, который поселился в Новгороде. Ярус VIII датируется временем княжения Олега (880—920 гг.). К нему относится «большой» дом площадью 170 м^2, принадлежащий представителям военно-торговой верхушки. Ярусы VIII—XI характеризуются возникновением рядовой системы застройки, состоящей из «малых» домов с печами в углу. Это — свидетельство эволюции полиэтничного протогорода в древнерусский город.

Доклад А. Н. Кирпичникова (Ленинград) «О Ладоге, ее первых 100 годах развития» представляет результаты многолетних раскопок памятника. По мнению докладчика, они дают основание говорить о том, что Ладога была тем межплеменным центром, где происходили исторические события, послужившие основой варяжской легенды, позднее записанной русским летописцем. А. Н. Кирпичников полагает, что Рюрик — реальное историческое лицо.

И. В. Дубов (Ленинград) в докладе «Русско-скандинавские связи по материалам Тимеревского археологического комплекса» познакомил участников конференции прежде всего с новейшими экспедиционными открытиями. Результатом обобщения всего археологического материала стал вывод о том, что славяне и выходцы из Скандинавии появились в Ярославском Поволжье в начале IX в. и основали протогородской торгово-экономический центр на транзитном пути в страны Востока. К началу XI он приобретает сугубо древнерусский характер

Об интереснейшем усадебном комплексе XI в., исследованном раскопками в Суздале, рассказала М. В. Седова (Москва). Среди многочисленных находок, обнаруженных в этой усадьбе, наряду с древнерусскими имеется целый ряд предметов бесспорно скандинавского происхождения. Это была усадьба дружинников-скандинавов, осевших в славянской среде.

В докладе «О скандинавских находках в Изборске» В. В. Седов (Москва) на основании раскопок этого поселения показал, что в его напластованиях VIII—X вв. обнаружены лишь единичные, разрозненные предметы, происходящие из Скандинавии и Финляндии. Предположение о проживании здесь дружинников-скандинавов одного из легендарных братьев Рюрика в археологических материалах не находит подтверждения.

Несомненный интерес представляют поиски культурных элементов, отражающих ранние связи населения Верхнего Поднепровья со Скандинавией, которые предшествовали функционированию Гнездовского комплекса. Е. А. Шмидт (Смоленск) в докладе «Связи Скандинавии с землями кривичей в середине — второй половине IX в.» произвел сопоставление отдельных видов глиняной посуды из смоленских длинных курганов с керамикой Бирки. Находки керамики сходных форм позволили докладчику говорить о контактах скандинавов со смоленскими кривичами с середины IX в.

В докладе Ф. Д. Гуревич (Ленинград) «Скандинавские находки IX—XI вв. на территории Белоруссии» получили характеристику предметы скандинавского происхождения, обнаруженные в пределах Белорусской ССР. Решая вопрос о путях их проникновения в восточноевропейские земли, исследовательница утверждала, что импорт осуществлялся через Юго-Восточную Прибалтику, по Западной Двине и Неману.

Для изучения условий формирования раннесредневековой дружины в странах Балтийского региона существен доклад В. И. Кулакова (Москва) «Начало дружины у пруссов». Обширнейший археологический материал, послуживший основой для построений, делает выводы докладчика весьма надежными: раннефеодальная дружина формировалась в прусской среде при участии иноэтничных элементов и базировалась в значительной степени на эксплуатации торговых путей.

С. И. Кочкуркина (Петрозаводск) в докладе «Костюмы населения Юго-Восточной Финляндии и Северо-Западного Приладожья в XII—XIV вв.» рассказала о работах финляндских археологов и собственных изысканиях по реконструкциям средневековой одежды финнов и корелов на основе материалов из могильных памятников.

Трапециевидные подвески из билона, бронзы и кости с тамгами князей Рюриковичей были объектом анализа в докладе А. А. Молчанова (Москва) «Верительные знаки киевских князей и древнескандинавские jartegnir». Эти находки были верительными знаками лиц, уполномоченных для выполнения официальной миссии. Обычай предъявления такими лицами верительных знаков, так называемых jartegnir, описывается в исландских сагах. Поскольку на Руси верительные знаки применялись только князьями скандинавского происхождения, А. А. Молчанов полагает, что этот обычай был заимствован из Скандинавии.

Е. А. Мельникова и В. Я. Петрухин (Москва) в докладе «Славяно-финно-скандинавские этноязыковые контакты в раннем средневековье» утверждают, что основной зоной контактов (с середины VIII в.) восточных славян и скандинавов, как показали археологи, была Ладога. Затем зона контактов расширяется и включает Верхнее Поволжье. Здесь и осуществлялись первые языковые связи между местным западнофинским, древнерусским и скандинавским населением. В этом регионе и распространился термин «Русь». Этимология его, по мнению докладчиков, скандинавская — «гребец, участник похода на гребных судах». Первоначально это был не этноним, а, по-видимому, этносоциальное название скандинавов, приплывших на территорию финских племен. Возможно, с этим связаны погребения в ладьях (в Финляндии — с VI в., в уроч. Плакун под Ладогой — с IX—X вв. и др.). Ассимиляция скандинавов восточнославянским населением и восприятие этого названия разноэтничными княжескими дружинами способствовали, как полагают докладчики, распространению термина «Русь на все земли, подвластные киевскому князю, и превращению его в этноним.

А. В. Назаренко (Москва), выступая с докладом «Происхождение древнерусского „Русь": состояние проблемы и возможности лингвистической ретроспекции», отрицательно отнесся к гипотезе о скандинавско-финском происхождении имени «Русь», хотя и считает, что в лингвистическом отношении она безупречна. Исследователь показал, что в южнонемецких письменных источниках (грамота Людовика Немецкого, 863 г., и др.) термин «Ruzzi» известен не позже VIII и IX в., а вероятно, и ранее, и это невозможно согласовать с гипотезой о финско-скандинавском его происхождении.

В двух докладах, прочитанных на совместном заседании секций археологии и истории средних веков.— Д. А. Авдусин (Москва) «Современный антинорманизм» и И. П. Шаскольский (Ленинград) «Норманнская проблема в исторической науке 1970—1980-х гг.» — обсуждалась проблема русско-скандинавских отношений в раннем средневековье в историографическом аспекте.

В нескольких докладах были затронуты вопросы восточноевропейско-скандинавских отношений в более ранние периоды истории. Оживленную дискуссию вызвал доклад М. Б. Щукина (Ленинград) «Готы, готоны, Готискандза и Ойум». Исследователь рассказал о работах польского археолога Р. Волонгевича, в результате которых в Польском Поморье удалось выделить Готискандзу. Это регион Кашубского поозерья, где в 20—40-х годах I в. н. э. появляются каменные круги со стрелами, аналогичные скандинавским. В конце II — начале III в. н. э. вельбаркские памятники появляются в Мазовии, Подляшье, на Волыни, достигают Молдовы и Посеймья, свидетельствуя о переселении готов и гепидов в страну Ойум. Движение этих восточногерманских племен было не одноразовым переселением, а, как свидетельствуют исследования археологов, многоразовой миграцией.

Этногенезу саамов был посвящен доклад В. Я. Шумкина (Ленинград), который утверждал на основе археологических материалов, что формирование этого этноса было сложным, многоактным процессом, включавшим в себя несколько миграционных потоков на протяжении нескольких тысячелетий. А. П. Журавлев (Петрозаводск) в докладе «Заонежский культурно-хронологический вариант мезолита Фенноскандии» сосредоточил внимание на характеристике особенностей каменных орудий этого региона.

Этнической ситуации северной части Восточной Европы в каменном веке и в эпоху раннего металла был посвящен доклад А. П. Баранцева (Петрозаводск) «К проблеме древнего заселения Восточной Прибалтики и Фенноскандии». Исследователь утверждает, что создатели культур эпохи мезолита: Комса, Кунда, Суомусъярви и др.— в языковом отношении остаются нам неизвестными. Племена неолита и эпохи бронзы в рассматриваемом регионе не принадлежали к финно-уграм. Это были потомки палеоевразийцев, а в Волго-Окском междуречье — индоевропейцы. Прибалтийско-финско-саамская языковая общность существовала вне Прибалтики и распалась в середине 1 тыс. до н. э. Только в раннем железном веке финно-угры проникли в Прибалтийский регион, где вступили в контакт с балтами, германцами и позднее со славянами.

Дискуссия по проблематике культурных, торговых и экономических отношений раннесредневекового населения Восточной Европы и Скандинавии еще раз показала, что археологические материалы стали основным источником по изучению общих и частных вопросов. Активное пополнение источниковедческой базы делает историко-культурные выводы более надежными, конкретизирует их. В частности, выступавшие в прениях положительно оценили выводы и наблюдения, полученные в результате археологических изысканий Тимеревского комплекса, Ладоги, Суздаля. Участники дискуссии поддержали гипотезу о балтийском культурно-экономическом сообществе раннего средневековья, указали на необходимость дальнейших изысканий по этой проблематике. Было отмечено большое научное значение докладов, решавших восточноевропейско-скандинавские отношения на широком фоне, а также исследований технологии металлообрабатывающего ремесла Северной Руси и Скандинавии. Г. С. Лебедев высоко оценил выступление В. И. Кулакова, выводы которого имеют общебалтийское значение,— получено важное звено формирования раннебалтийской культуры.

Дискуссия о происхождении термина «Русь» не дала каких-либо ощутимых результатов. Правда, Ю. К. Кузьменко, А. А. Сванидзе и Д. А. Мачинский поддержали скандинаво-финскую гипотезу о происхождении этого термина. И. П. Шаскольский предложил искать какие-либо иные истоки названия «Русь». Возражая Д. А. Авдусину, он утверждал, что антинорманизм относится к прошлому. В настоящее время собраны значительные материалы для конкретного решения условий формирования древнерусского государства. Однако Д. А. Авдусин с этим не согласился. В этой связи Г. С. Лебедев предложил запланировать в программе следующей конференции по скандинавистике специальный доклад по новейшей историографии восточноевропейско-скандинавских взаимоотношений последних 20—30 лет, когда наука стала располагать более значительными фактами, дающими возможность конкретного решения основных вопросов этой тематики.

На заключительном заседании конференции было отмечено, что обширнейшие археологические материалы, которыми в настоящее время располагает наука для решения проблематики культурных, экономических, торговых и этнических отношений между населением Восточной Европы и Фенноскандии, малодоступны для исследований. Причиной этого является отсутствие их современной каталогизации и систематизации. Некоторые материалы хранятся в небольших музеях и нередко остаются вне поля зрения исследователей. Поэтому первоочередным является создание надежных источниковедческих трудов — полного Корпуса скандинавских древностей на территории Восточной Европы и такого же Свода восточноевропейских вещевых находок и культурных элементов на территории Скандинавии и Финляндии.

Работа конференции показала, что весьма плодотворным является обсуждение основных вопросов восточноевропейско-скандинавских взаимоотношений на совместных заседаниях археологов и медиевистов. Практику организации и проведения совместных заседаний историков и археологов следует продолжать и совершенствовать. Весьма полезным и необходимым является участие зарубежных археологов в обсуждении раннесредневековой проблематики конференции.

Краткие тезисы докладов, прочитанных на коференции, опубликованы в сборнике «X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии» (Ч. I, II. М., 1986).

В. В. Седов

ТРЕТИЙ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СИМПОЗИУМ (Вашингтон, 1986)

В мае 1986 г. в Вашингтоне (США) состоялся Третий советско-американский археологический симпозиум [1, 2]. Как и предшествующие два симпозиума (первый — в Кембридже, Массачусетс в 1981 г., второй — в Самарканде в 1983 г.), он был орга-

низован в рамках Протокола о сотрудничестве между Академией наук СССР и Американским советом познавательных обществ (АСПО). Организатором симпозиума в Вашингтоне выступал Смитсоновский институт — старейшее научное учреждение США (основан в 1846 г.), и, в частности, его директор (или, по местной терминологии, «секретарь») — известный специалист по археологии Месопотамии проф. Р. Мак-Адамс.

Если встречи в Кембридже и Самарканде были посвящены в основном проблемам археологии Ближнего Востока и Центральной Азии с древнейших времен до I тыс. до н. э., то на этот раз, по желанию американской стороны, тематика симпозиума была значительно изменена и расширена. Она включала в себя вопросы развития древних культур Старого (Европа, Центральная Азия, Ближний Восток, Индия и Пакистан, Арктика) и Нового (США, Мексика, Гватемала, Панама, Перу) Света от верхнего палеолита до позднего средневековья, а также ряд актуальных вопросов теории и методов археологической науки.

В состав советской делегации для участия в симпозиуме вошли специалисты Института археологии АН СССР (Р. М. Мунчаев — руководитель делегации, Н. Я. Мерперт, В. И. Гуляев, Н. О. Бадер, В. А. Башилов, В. М. Массон, Л. П. Хлобыстин), а также два сотрудника Института истории АН Таджикской ССР (Н. Н. Негматов и А. И. Исаков) и сотрудник Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР К. М. Байпаков. Все члены нашей делегации выступили с докладами.

В состав американской делегации официально входили 23 ученых (с докладами выступил 21), представлявшие, кроме Смитсоновского института, Гарвардский (г. Кембридж), Пенсильванский (г. Филадельфия), Калифорнийский (г. Нортридж), Аризонский (г. Тусон), Вашингтонский (г. Сент-Луис), Иллинойский (г. Урбана), Мичиганский (г. Анн Арбор), Мерилендский (г. Колледж-Парк), Брандейсский (г. Уолтхэм, Массачусетс), Нью-Мексико (г. Альбукерк) и Кентукки (г. Лесингтон) университеты, а также Хантер-колледж (г. Нью-Йорк), Уеллесли-колледж (г. Бостон) и колледж «Уильям-энд-Мэри» (г. Вильямсбург, Вирджиния). Руководителем делегации США являлся директор (секретарь) Смитсоновского института проф. Р. Мак-Адамс.

Симпозиум проходил в течение 3 дней — с 7 по 9 мая. Заседания проводились в административном здании Смитсоновского института, в зале «Центра Вудро Вильсона». Всего был заслушан 31 доклад, в том числе 10 — советских ученых. Доклады были объединены в отдельные группы по тематическому (а иногда и хронологическому) признаку. На каждом заседании выступали от 4 до 6 человек. Всего было проведено шесть заседаний.

Симпозиум открыл кратким вступительным словом Р Мак-Адамс. Он коснулся главным образом организационных вопросов, предложив задавать вопросы и выступать сразу после каждого доклада, а если останется время, то проводить общую дискуссию по каждому заседанию утром и вечером. К сожалению, программа симпозиума оказалась настолько насыщенной, что провести сколько-нибудь плодотворное обсуждение докладов так и не удалось.

На первом заседании было заслушано 5 докладов проблемного и теоретического характера. Первым выступил проф. У. Адамс (Университет Кентукки) с докладом «Археология: естественная или общественная наука?». Суть его выступления заключалась в том, что он подверг серьезной критике правомерность широкого применения в англо-американской археологии методов, взятых из естественных наук (таких, как гипотезно-дедуктивный подход К. Гемпеля, общая системная теория, Линнеевский подход к классификации, числовая таксономия Сокаля и Снита, теория парадигм и их изменений Томаса Куна). По мнению автора, парадокс ситуации в том и состоит, что многие археологи США рассматривают свою науку как принадлежащую к естественным наукам и одновременно изучают человеческую культуру. Острие критики У Адамс направил против «новой археологии». И поскольку на симпозиуме присутствовало немало активных представителей именно этого научного направления (Марк Лионе, Фред Плог, Патти Джо Уотсон, Генри Райт, Чарлз Редман), доклад вызвал бурную реакцию со стороны ряда членов американской делегации. Нам представляется, что, хотя в докладе У Адамса есть ряд достойных внимания моментов (например, о сложности и ограниченности в ряде случаев применения методов и концепций естественных наук в археологии), общая его направленность — резкое противопоставление «антропологии» (науки о человеке, включающей археологию, этнографию и др.) естественным (биологическим, математическим и др.) наукам и тезис о невозможности использования археологами методов и положений этих наук — вряд ли может быть принята.

Н. Я. Мерперт прочитал доклад «Ранний бронзовый век: культурные связи и взаимодействия в Циркумпонтийской зоне». Данная зона охватывает обширную территорию, включающую в себя Кавказ, Малую Азию, Эгейский мир, Балканы и Северное Причерноморье. Здесь в III тыс. до н. э. протекали сложные этнокультурные процессы, во многом определившие весь ход дальнейшей истории в данном регионе Старого Света. Доклад был встречен с большим интересом, в прениях по нему выступил Р. Мак-Адамс.

Заседание завершилось тремя проблемно-теоретическими выступлениями американских ученых: М. Лионе (Мерилендский университет) — «Противоречие и самоотражение» (проблемы «исторической археологии» в США по материалам археологических исследований в г. Аннаполисе, XVIII в., с использованием концепции о противоречиях как важной движущей силе в развитии сложных классовых обществ), Г. Джонсона (Хантер-колледж) — «Проблемы интерпретации организационных переходов на археологическом материале» и Г. Райта (Мичиганский университет) — «Стратегия регио-

нального изучения ранних цивилизаций» (об эффективности регионального подхода к исследованию политических и экономических систем древнейших цивилизаций по материалам Месопотамии, Ирана и Мадагаскара).

6 докладов было заслушано на втором дневном заседании, в том числе доклад К. М. Байпакова «Археологические исследования в Казахстане и реконструкция процессов взаимодействия скотоводческих культур и древних цивилизаций». Из выступлений американских ученых следует отметить прежде всего доклад Ф. Плога (Университет Нью-Мексико) «Изменчивость и стабильность: цикл в доисторическом развитии». Он представил схему развития древних культур на Юго-Западе США с 680 по 1700 г. н. э., обратив особое внимание на «взаимодействие между гибкими и стабильными обществами» в данном регионе Нового Света в указанный период. Однако предлагаемые автором общие постулаты на основе дихотомии гибких (resilient) и стабильных культур и обществ вызвали возражения. Ему было указано, в частности, что в Месопотамии и Индии культурно-исторический процесс происходил совершенно по-иному и предложенный в докладе «диапазон гибкости» там неприемлем.

Вопрос о необходимости методического обоснования используемых в археологии этнографических аналогий поставила Л. С. Корделл (Университет Нью-Мексико) в докладе «Новые аналогии для прошлого? Дискуссия по доисторическому Юго-Западу». О. Ф. Линарес (Панамское отделение Смитсоновского института) выступила с интересным докладом «Идеологические основы власти вождей в древней Панаме», использовав для своих выводов археологические материалы по «вождеству» (chiefdom) Баррилес, существовавшему в горах провинции Чирики с 200 г. до н. э. по 600 г. н. э. Для более глубокой интерпретации данных археологии автор использует богатые и разнообразные этноисторические источники (испанские хроники XVI в.) об индейских племенах, живших на той же территории в момент прихода европейских завоевателей.

Р. Райт (колледж «Уильям-энд-Мэри») в докладе «Интегрирующий лабораторный анализ и археологические материалы» попыталась показать (в основном по керамическим коллекциям из Белуджистана), что применение некоторых аналитических методов (например, нейтронной активации) при исследовании керамики позволяет прийти к выводам, значительно дополняющим, а иногда и принципиально изменяющим результаты обычного морфолого-стилистического анализа. Но выступивший по ее докладу проф. К. Ламберг-Карловски отметил, что в районе ирано-иракской и ирано-афганской границ никаких серьезных археологических работ не производилось и потому делать какие-либо серьезные выводы о керамических материалах данной территории (Белуджистан) пока нельзя.

Г. Поссел (Пенсильванский университет) рассказал в своем выступлении о раскопках древнего поселения Роджи (штат Гуджарат, Индия) и о послеурбанистической фазе Хараппской цивилизации.

Вечером в общей дискуссии выступили Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев, В. М. Массон, Р. Мак-Адамс, Г. Джонсон, Ч. Редман, К. Ламберг-Карловски и др.

Утреннее заседание 8 мая началось с двух докладов, посвященных реконструкции историко-культурных процессов в общей для СССР и США Арктической приполярной зоне. В. Фицью (Смитсоновский институт) рассмотрел в своем выступлении вопросы развития хозяйства, культуры и общественных отношений охотников на северного оленя и морских животных в прибрежных районах Лабрадора. Доклад Л. П. Хлобыстина касался проблемы формирования и эволюции древних культур в евразийском Заполярье и освоения арктических территорий колонистами Древней Руси и поморами в XVI—XVII вв.

Оба доклада вызвали у присутствующих большой интерес. Отвечая на вопросы, Л. П. Хлобыстин рассказал о связях древнего населения Восточной Сибири с племенами Аляски и Канады, а В. Фицью информировал о новейших полевых исследованиях на севере Американского континента. Оба специалиста говорили о необходимости всемерного расширения обмена информацией между археологами СССР и США и о выработке единых понятий и методов при изучении соответствующих археологических памятников. На советских материалах был в значительной мере основан и доклад О. Соффер (Иллинойский университет) «Реконструкция верхнепалеолитической Европы: культурные стадии, технокомплексы и региональные адаптации».

Дж. Йеллен (Национальная научная организация, г. Вашингтон) в докладе «Доисторические модели добывания пищи: данные о бушменах кунг» на примере сведений об одной из групп современных бушменов ставит вопрос о сочетании археологических материалов с их этнографическими аналогами.

Выступление П. Д. Уотсон (Вашингтонский университет) «Археоботаника и геоархеология архаической раковинной кучи в Западном Кентукки (Карлстон Аннис)» было посвящено весьма важной проблеме зарождения земледелия в древних культурах Северной Америки. Стратиграфические раскопки и пыльцевой анализ в пещере Солтс Кейв (Кентукки) выявили интересную картину: оказалось, что еще во II тыс. до н. э. индейцы возделывали такие местные виды полезных растений, как подсолнечник (Helianthus annuus) и др. Позднее к этому набору добавились и пришедшие с юга, из Мезоамерики, культуры: тыква (Cucurbita pepo) и тыква-горлянка (Lagenaria siceraria). На другом памятнике, Карлстон Аннис в долине р. Грин Ривер, среди остатков диких растений — ореха гикори (Carya gen.), желудей и др.— в ранних слоях были обнаружены и семена культивируемой тыквы (Cucurbita pepo). Таким образом, процесс происхождения и развития земледелия на территории США в древности оказался гораздо более ранним и сложным, чем предполагалось до сих пор.

Этот вывод подтвердил и дополнил на еще более широком материале из лесных районов восточной части США Б. Д. Смит (Смитсоновский институт) в докладе

«Новые перспективы по поводу происхождения земледелия: взгляд из восточных лесных областей Северной Америки». Он убедительно показал, что изучение растительных остатков из культурного слоя древних поселений с помощью сканирующего электронного микроскопа позволяет решительно пересмотреть ряд традиционных представлений о становлении земледелия на востоке США. Выяснилось, что ряд местных растений, у которых шли в пищу семена (подсолнечник, marsh elder, goose-foot), был доместицирован индейцами Северной Америки еще до II тыс. до н. э., задолго до появления здесь южной жительницы — кукурузы. Найдены и остатки тыквы. Но принадлежат ли они тропической разновидности Cucurbita pepo или же местным диким видам из Техаса и Буффало, определить очень трудно. Во всяком случае, ясно одно: первые навыки земледелия североамериканские индейцы получали, возделывая местные виды полезных растений. Однако эти растения долго играли лишь весьма ограниченную роль в пищевом рационе населения. Лишь около рубежа новой эры наблюдается какой-то подъем в развитии культур Востока США, особенно в долинах больших рек (например, расцвет культуры Хоупвелл), но с чем это конкретно связано в хозяйственной сфере, объяснить пока не удается. Мезоамериканский маис (кукуруза) появляется здесь только после 400 г. н. э. (хорошо прослеживается он на археологических памятниках с 800 г. н. э.).

Близкий по тематике доклад — «Происхождение земледелия в горных областях Южной Мексики» сделал профессор Мичиганского университета К. В. Флэннери. На материалах из долины Оахака (пещеры и открытые стоянки) он доказал, что первые опыты по возделыванию растений (тыква) начались в этом районе уже в VIII тыс. до н. э.; маис со следами доместикации появляется около 5000 г. до н. э а оседлые земледельческие поселения возникают лишь около 2000 г. до н. э. С помощью пыльцевого анализа современных и древних отложений было установлено, что в целом на протяжении последних нескольких тысячелетий значительных изменений климата не наблюдалось и, следовательно, растительность и животный мир, наблюдаемые сейчас в горах Оахаки, были весьма похожи на свои доисторические прототипы. Очень интересны и эксперименты по моделированию с помощью компьютера процессов собирательства и собирательства с зачатками земледелия в том же регионе. Окончательные итоги многолетних исследований комплексной археолого-ботанической экспедиции К. В. Флэннери в Оахаке были подведены в фундаментальной публикации, вышедшей незадолго до начала симпозиума, и ныне вполне доступны специалистам [3].

В докладе В. А. Башилова «Новые центры неолитической революции в Перу» рассматривалась структура первичного земледельческого центра, существовавшего в перуанских Андах в VIII—IV тыс. до н. э. Им выделены две модели процесса возникновения производящего хозяйства в этом регионе: земледельческо-скотоводческая и преимущественно скотоводческая. Непосредственно связан с этой проблематикой и доклад Н. О. Бадера «Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии». Обобщив материалы исследований советской экспедиции в Ираке и соответствующие сравнительные данные, он наметил пути, время и динамику освоения равнинной зоны Северной Месопотамии.

Четвертое заседание симпозиума завершилось докладом Н. Н. Негматова о проблеме урбанизации Уструшаны. В основу доклада были положены материалы из северной части Средней Азии, прежде всего из поселения Нуртепе в Таджикистане, датируемого первой половиной I тыс. до н. э.

Утреннее заседание 9 мая было посвящено в основном различным аспектам раннегосударственных образований в Старом и Новом Свете. Дж. Л. Каугилл (Брандейсский университет) сделал доклад на тему «Религиозное значение и политическое использование монументальной архитектуры в доисторической Центральной Мексике» На основе анализа архитектурных ансамблей Теотихуакана I тыс. н. э. (в частности, Сьюдаделы — предполагаемого дворца правителя города) он пытается реконструировать специфику социально-политической структуры местного общества.

В докладе В. И. Гуляева «Эволюция верховной власти у древних майя» рассматривается важный теоретический вопрос о том, что органы нарождающегося раннеклассового государства часто используют для своих нужд уже существующие институты и формы родового общества.

Дж. Маркус (Мичиганский университет) в своем выступлении, озаглавленном «Разделение труда в перуанском прибрежном царстве», ставит вопрос о неадекватности сведений раннеколониальных испанских документов по поводу разделения труда, специализации занятий между индейскими общинами в древнем Перу, отмечая их односторонность и противоречивость. По ее мнению, необходимо проверять достоверность письменных источников с помощью археологических материалов (в частности, это делается с помощью привлечения данных из раскопок в Серро Асуль на территории бывшего древнего царства Уарко, на побережье Перу).

Доклады Н. Иоффе (Аризонский университет) — «Продажа земли в Старовавилонском Дилбате» (Месопотамия) и В. М. Массона — «Две эпохи урбанизации в Средней Азии: взаимодействие культурных традиций» касались различных проблем истории цивилизации Старого Света.

На заключительном заседании было сделано 6 докладов. А. Хилман (Калифорнийский университет) в своем сообщении «Управляющие и эксплуататоры в доистории Иберийского полуострова» изложил итоги изучения археологических памятников на юго-востоке Испании от эпохи неолита до бронзового века (с 4500 до 1500 г. до н. э.) и дал их социологическую интерпретацию. Ч. Л. Редман (Аризонский университет) в докладе «Антрепренеры, идеология и легитимизация в раннегосударствен-

ных обществах» основное внимание уделил проблеме происхождения и развития древнейших государств и оценке роли различных факторов, участвовавших в этом процессе.

А. И. Исаков в докладе «Новые данные о развитии древних культур в долине Зеравшана» охарактеризовал новые археологические материалы о процессе сложения раннеземледельческой культуры в верховьях р. Зеравшан. Речь шла прежде всего о поселении Саразм (III тыс. до н. э.) — памятнике, который привлекает сейчас к себе пристальное внимание многих специалистов, как советских, так и зарубежных. В его раскопках в 1985 г. приняли участие археологи США. Один из них, проф. К. К. Ламберг-Карловски, доложил на симпозиуме о результатах своих исследований по технологии металлургии в Саразме.

Ф. Кол (Уеллесли-колледж) поделился своими впечатлениями о длительной научной командировке в Советский Союз, в частности в Баку, где он в течение месяца изучал археологические коллекции эпохи бронзы. Он отметил важность этих материалов для решения многих проблем археологии Евразии и подчеркнул перспективность и необходимость дальнейшего расширения советско-американского сотрудничества в области археологии.

Доклад Р. М. Мунчаева «Раннебронзовый век Кавказа», посвященный характеристике куро-аракской археологической культуры, распространенной в IV—III тыс. до н. э. в Закавказье и прилегающих районах Северного Кавказа, Восточной Турции и Северо-Западного Ирана, был заключительным на симпозиуме.

Отсутствие времени не позволило 8 и 9 мая провести общую дискуссию по прочитанным докладам, но обмен вопросами и ответами в какой-то мере это компенсировал.

Завершая работу симпозиума, Р. Мак-Адамс произнес короткую речь, в которой подвел некоторые общие итоги встречи советских и американских археологов в Вашингтоне. Говоря о докладах делегации США, он отметил, что во многих из них были использованы новые теоретические и методические подходы для интерпретации археологического материала, в то время как доклады советских ученых отличались широтой региональных исследований и хорошей проработкой фактических данных. Недостатком симпозиума, по мнению Р. Мак-Адамса, следует считать отсутствие настоящих дискуссий (из-за нехватки времени) по важнейшим проблемам мировой археологии, а также то, что к работе этого научного форума не были привлечены специалисты-естественники — палеоклиматологи, палеозоологи, палеоботаники и др.

Были, на наш взгляд, и другие недостатки. Наиболее существенный из них — слишком широкая и расплывчатая тематика симпозиума (без каких-либо ограничений во времени и пространстве). При организации работы последующих симпозиумов нужно, видимо, брать какую-то одну крупную археологическую проблему («неолитическая революция», происхождение раннеклассовых цивилизаций, древнее поселение — социологические аспекты исследования, роль металлургии и металлических орудий в развитии человеческой культуры и т. д. и т. п.) и рассматривать ее с позиций специалистов по разным эпохам и регионам. Есть и другие альтернативы.

Однако в целом симпозиум, проведенный в Смитсоновском институте, был, безусловно, полезным и продуктивным. Представленные на нем материалы, несмотря на их разнородность и пестроту, представляют для археологов большой интерес, поскольку отражают общее состояние разработки многих важных проблем археологии Старого и Нового Света на современном этапе развития нашей науки.

Необходимо особо отметить и общую традиционно дружественную атмосферу, в которой проходила эта встреча ученых Советского Союза и США. Советско-американское сотрудничество в области археологии с каждым годом получает все больший размах и глубину, и есть все основания верить в его дальнейшее успешное развитие.

Р. М. Мунчаев, В. И. Гуляев

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М.* Первый советско-американский симпозиум по археологии//СА. 1982. № 3.
2. *Мунчаев Р. М., Гуляев В. И.* Второй советско-американский симпозиум по археологии Ближнего Востока и Центральной Азии//СА. 1985. № 3.
3. Guila Naquitz. Archaic Foraging and Early Agriculture in Oaxaca, Mexico/Ed. Flannery K. V N. Y., 1986.

КОНФЕРЕНЦИЯ «СКИФСКАЯ ЭПОХА АЛТАЯ»

2—3 апреля 1986 г. в Барнауле состоялась конференция «Скифская эпоха Алтая», посвященная столетию со дня рождения выдающегося исследователя древностей Алтая С. И. Руденко. В работе конференции участвовали археологи, этнографы, географы, лингвисты ряда научных учреждений и учебных заведений Москвы, Ленинграда, Абакана, Барнаула, Бийска, Горно-Алтайска, Кемерово, Новосибирска, Омска, Томска, Тюмени. На конференции было заслушано свыше 30 докладов и сообщений, посвященных различным аспектам истории населения Алтая в эпохи раннего железа и поздней бронзы, динамике климата Алтая в скифский период, а также некоторым проблемам топонимики.

Конференцию открыл вступительным словом проректор Алтайского университета А. Г. Галочкин. Затем с обзорным докладом выступил А. П. Деревянко. Ос-

тановившись на проблеме первоначального заселения Сибири, докладчик определил древность человека в этом регионе в 150—200 тыс. лет, подчеркнув особую важность изучения Денисовой пещеры, в отложениях которой выявлено 22 культурных горизонта. Наиболее древние из них имеют возраст 40—50 тыс. лет и содержат находки костей неандертальцев. Далее А. П. Деревянко охарактеризовал деятельность С. И. Руденко как ученого-энциклопедиста, высоко оценил его заслуги в изучении палеолита Алтая, Усть-Канской пещеры, а также курганов раннего железного века — Пазырыка, Туекты и др. Докладчик отметил также большой вклад С. И. Руденко в дело создания лаборатории естественных методов исследования в ЛОИА АН СССР (1957 г.).

Большинство докладов, заслушанных на конференции, было связано с тремя основными проблемами истории Алтая скифского времени: 1) особенности генезиса и специфика культурного развития населения лесостепи Верхнего Приобья и степных районов Алтая в I тыс. до н. э.; 2) специфика культуры Горного Алтая в скифское время; 3) семантика предметов скифо-сибирского звериного стиля. Кроме того, в ряде докладов была дана характеристика наиболее интересных материалов по эпохе бронзы и раннего железа, полученных в ходе полевых исследований на Алтае в последние годы, а также подняты некоторые дискуссионные вопросы по ряду других проблем.

Центральное место в работе конференции заняли вопросы специфики культуры населения лесостепных районов Алтая в скифское время — проблема генезиса большереченской культуры. Ей были посвящены доклады Ю. П. Алехина, Ю. Ф. Кирюшина, В. А. Могильникова, Т. Н. Троицкой, А. П. Уманского и других исследователей. Острота проблемы определялась существованием в науке двух различных точек зрениях на генезис населения лесостепного Приобья скифской эпохи — об автохтонном развитии большереченской культуры (Т Н. Троицкая и Ю. В. Кирюшин) и о трансформации большереченской культуры в V—IV вв. до н. э. в степных и лесостепных районах в новую, каменскую культуру в результате интенсивного притока населения из юго-восточных районов Казахстана, ассимилировавшего относительно немногочисленных большереченцев (В. А. Могильников, А. П. Уманский). В лесных же районах большереченское население в основном сохранило свой этнический состав.

В докладе «Лесостепной Алтай в скифское время» Ю. П. Алехин выделяет в ареале большереченской культуры V—I вв. до н. э. три локальные группы памятников — староалейскую, каменскую и чумышско-ишинскую, которые не имеют хронологических различий в рамках V—I вв. до н. э. и не могут быть разделены на два этапа —бийский и березовский, как это делал М. П. Грязнов. Памятники Юго-Западного Алтая, согласно Ю. П. Алехину, составляют особую группу, не входящую в большереченскую культуру и находящуюся в контактной зоне между казахстанскими, горно-алтайскими и в меньшей мере североалтайскими племенами. Большереченский этап Ю. П. Алехин рассматривает как переходный между культурами эпохи бронзы и большереченской культурой V—I вв. до н. э., не входящий в круг культур скифо-сибирской общности. Большереченское население из Барнаульского Приобья продвигается в соседние районы, что приводит к формированию староалейского типа памятников.

Вопросы происхождения и развития большереченской культуры получили освещение в докладе Ю. Ф. Кирюшина «Лесостепной Алтай в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке». По мению автора, большереченская культура формируется в Верхнем Приобье на базе местной корчажкинской культуры эпохи поздней бронзы при участии ирменской культуры, происхождение и датировка которой, как он считает, еще не могут быть окончательно определены. Ирменская культура частично сосуществует с большереченской. В окончательном виде большереченская культура складывается в VI в. до н. э., демонстрируя в своем непрерывном развитии связи с тагарской культурой и Горным Алтаем, которые наиболее четко фиксируются материалом могильника Староалейка II. Проникновение нового населения с запада в конце бийского — начале березовского этапа не привело к изменению облика культуры, большереченцы ассимилировали пришельцев. Делая такое заключение, автор игнорирует коренные изменения в керамике и погребальном обряде, происшедшие под влиянием пришельцев и обусловившие фактически формирование новой культуры с преобладанием нового этноса. Да и проникновение последнего следует относить не к рубежу бийского и березовского этапов — III—II вв. до н. э., а к V—IV вв. до н. э.

Те же проблемы развития населения лесостепного Алтая в I тыс. до н. э. прозвучали в докладе А. П. Уманского «К вопросу о периодизации большереченской культуры», где он фиксирует приход нового населения в лесостепное Приобье в IV в. до н. э. По его мнению, вопрос о соотношении пришлого и местного элементов может быть решен работами антропологов. Привлекая материал могильника Рагозиха, докладчик приходит к заключению о преобладании влияния горных племен на население каменской культуры. Об этом, по его мнению, свидетельствуют находки гривны, бляхи, зеркала с грифоном и каменных жертвенников. Надо сказать, что находки каменных жертвенников скорее отражают западное, степное влияние. Находки гривен также не обязательно связаны с горно-алтайским влиянием, поскольку они были распространены и в соседних культурах степной зоны. Иное дело грифоны, облик которых очень близок горно-алтайским, особенно грифону из Берельского кургана [1, рис. 10, 11]. Кстати, этот курган по отношению к памятникам каменской культуры находится на юго-западе, откуда пришла основная масса пришельцев в лесостепное Приобье в V—IV вв. до н. э.

В. А. Могильников в докладе «К этнокультурной ситуации на Алтае в скифское время» констатировал наличие в составе пришельцев V—IV вв. до н. э. сако-усуньского и савроматского компонентов, иранского этноса и предложил под

большереченской культурой понимать главным образом собственно памятники большереченского этапа VII—VI вв. до н. э., большинство же памятников V—I вв. до н. э. особенно на левобережье и частью на правобережье Оби, относить к новой, каменской культуре, сформировавшейся в результате смешения большереченцев с пришельцами, при котором пришлый элемент получил преобладающее значение. Внутри новой культуры следует сохранить деление, предложенное еще М. П. Грязновым, на два этапа — бийский и березовский. В отдельных лесных районах правобережья Оби, между Бийском и Барнаулом, а также на р. Томи, куда пришельцы не дошли или проникли в небольшом количестве, большереченское население, видимо, сохранило этническое своеобразие. Перемены, происшедшие в V—IV вв. до н. э. в связи с приходом нового населения с юго-запада, отразились не только на облике культуры, но и на этническом составе населения лесостепного Приобья. Большереченцы VII—VI вв. и население, продолжавшее жить здесь в лесных районах, были, видимо, самодийцами. В каменской культуре возобладал, очевидно, иранский этнический компонент с характерными чертами культур скифо-сибирского мира. В докладе было отмечено также, что в III—II вв. до н. э. в лесостепь Верхнего Приобья проникают также группы и отдельные представители населения саргатской культуры, присутствие которого документируется находками саргатской керамики и отдельными чертами погребального ритуала на могильниках Верхнего Приобья вплоть до низовий Катуни. Возможно, под влиянием саргатской орнаментальной традиции на посуде Верхнего Приобья распространяется резная орнаментация елочкой и треугольными фестонами. В решении указанных этнических проблем значительную роль мог бы сыграть большой антропологический материал, полученный на могильниках Верхнего Приобья за последние годы, но еще не получивший научной интерпретации.

Доклад Т. Н. Троицкой был посвящен сопоставлению материала Томского могильника и Ближних Елбан и обоснованию самостоятельности большереченской культуры Верхней Оби и завьяловской культуры Томского и Новосибирского Приобья.

Ряд докладов и выступлений касался частных проблем большереченской культуры. Е. А. Сидоров в докладе «Поселения большереченской культуры в Новосибирском Приобье» сообщил об исследовании нескольких поселений и жилищ большереченской культуры в Новосибирском Приобье. По его мнению, они являлись местами долговременного обитания оседлых скотоводов и земледельцев. В докладе «Камнеобработка на памятниках VII—VI вв. до н. э.» А. Л. Кунгуров сообщил, что на ряде большереченских городищ в предгорьях Алтая: Усть-Иша, Королев Лог, Сростки, Бехтемир — в культурном слое вместе с керамикой найдены каменные орудия скребловидной и нуклевидной формы, сделанные достаточно небрежно, без учета структуры камня, в отличие от орудий палеолита. Данный факт указывает на ограниченное использование каменных орудий большереченцами. В сообщении «Лесной Алтай в V—II вв. до н. э.» В. Б. Бородаев отметил специфику лесных большереченских памятников, локализующихся на правобережье Оби от устья Чумыша до Бийска. В отличие от левобережья на поселениях здесь часто встречаются следы бронзолитейного производства. Известны могильники с большим количеством бронзовых предметов, но в отличие от левобережья в них нет вещей из железа и костей овцы в остатках заупокойной пищи, изредка встречаются золотые украшения. Бронзолитейное производство здесь носит пережиточный характер.

Большое внимание конференция уделила рассмотрению вопросов развития культуры населения Горного Алтая в скифское время. Им были посвящены доклады В. И. Молодина, В. Н. Елина, С. М. Киреева, В. А. Кочеева, В. Д. Кубарева, П. И. Шульги и др. Важным достижением археологии Алтая в последние годы явилось открытие большого числа поселений, относящихся преимущественно к раннему железному веку. Своеобразие их было показано в докладе В. И. Молодина «К изучению поселенческих комплексов эпохи раннего железного века Горного Алтая». Особенно интересным представляется материал Денисовой пещеры, где в слое толщиной до 1,5 м прослежены отложения от афанасьевской до аскизской культуры. Отсюда взяты образцы для более чем 15 радиоуглеродных дат. Выявлено пять слоев скифского времени VIII—IV вв. до н. э., в том числе майэмирский, датируемый бронзовыми ножом и наконечником стрелы. Большой интерес представляет находка в хозяйственной яме скифского времени нескольких ведер зерна россыпью и в колосках, а также запаса мяса в ее верхней части в виде изрубленных костей жеребенка. К сожалению, керамика, найденная в слоях скифского времени, была неорнаментирована и потому пока типологически нерасчленима. В докладе «К вопросу о культуре скотоводов Горного Алтая в VI—II вв. до н. э.» П. И. Шульга говорит, что в Горном Алтае существовала одна пазырыкская культура, включающая в себя несколько типов погребений, тогда как А. С. Суразаков и В. М. Могильников выделяют в Северном и Центральном Алтае памятники кара-кобинского типа. Интересны наблюдения докладчика о концентрации поселений на севере Алтая, в увлажненной зоне, и скотоводческого населения в засушливой зоне, за Семинским хребтом. Уже это наблюдение говорит о существовании в Горном Алтае по крайней мере двух культур скифского времени. Некоторые поселения были довольно большими. Так, поселение Эликмонар имело протяженность до 1 км. На некоторых поселениях (Чепош II) открыты остатки бронзолитейного производства. Остеологические остатки с поселений представлены преимущественно костями лошади и крупного рогатого скота, меньше мелкого рогатого скота, что также свидетельствует о различных типах скотоводства в северных и южных районах. В последних мелкий рогатый скот, видимо, преобладал в силу специфики экологических условий южных районов Алтая.

С. М. Киреев в докладе «Новые памятники эпохи раннего железа в предгорь-

ях Алтая» охарактеризовал материал ряда поселений V—I вв. до н. э., исследованных в последние годы, и связал их с продвижением в предгорья Алтая большереченского населения, которое вступило во взаимодействие с пазырыкским населением, использовавшим алтайские предгорья в качестве летних пастбищ. Следует оговориться, что алтайские предгорья использовались пазырыкским населением, по-видимому, в ограниченной мере, поскольку у них, вероятно, преобладало скотоводство с вертикально-зональным кочеванием (тип хозяйства, известный и сейчас).

Об изучении новых памятников гуннского времени в низовьях Чулышмана рассказал В. Н. Елин в докладе «Памятники гуннского времени Восточного Алтая». Наземные сооружения этих памятников имеют вид овальных многорядных выкладок с сильно задернованной центральной частью и овальных каменно-земляных насыпей. По мнению докладчика, они сходны с гуннскими, хотя относятся к особой культуре.

Анализу вооружения населения Горного Алтая скифской эпохи был посвящен доклад В. А. Кочеева «Костные наконечники стрел из курганов раннего железного века Горного Алтая». Докладчик выделяет несколько типов костяных наконечников стрел и считает, что они использовались не только как охотничьи, но и как боевые. Ранее наконечники стрел этого региона детально не изучались.

Основное внимание ряда докладов было направлено на анализ семантики звериного стиля и искусства Алтая скифского времени. Это доклады А. И. Мартынова, Я. И. Сунчугашева, Б. Н. Пяткина, С. А. Суразакова, А. П. Бородовского и др. Новую интерпретацию изображений зооморфных фигур на колоде из Башадарского кургана предложил А. С. Суразаков в докладе «К семантике изображений на Башадарском саркофаге». По его мнению, здесь в зооморфных образах изображены батальные сцены, в которых участвовал погребенный военачальник при жизни, выступавший в образе тигра против родов лосихи, кабана и барана. В докладе А. И. Мартынова были подняты вопросы развития культа божества плодородия в искусстве Алтая скифского времени. Проблемы влияния искусства Алтая на искусство населения Минусинской котловины скифского времени получили освещение в докладах Я. И. Сунчугашева и Б. Н. Пяткина. В докладе «О некоторых петроглифах Хакасии» Я. И. Сунчугашев высказывает мнение, что хищные звери, вырезанные на плите одного из тагарских курганов, сопоставимы с тиграми Башадарского саркофага. В свою очередь Б. Н. Пяткин сопоставляет изображения Башадарской колоды и Тепсейского фриза и говорит о проникновении алтайского искусства на Енисей. А. П. Бородовский в своем докладе сопоставил бронзовую бляху с изображением лошади под седлом и полулежащего человека, найденную в кургане у д. Сибирячиха, с композицией на известной золотой пластине из Сибирской коллекции с изображением отдыхающих всадников и рассматривает сибирячихинскую пластину как реплику сюжета, изображенного на золотой пластине.

Ряд докладов был посвящен характеристике материала наиболее интересных памятников. К ним относятся доклады Г. С. Мартыновой и И. В. Новгородченковой «Раскопки поселения Лачиново II», А. Б. Шамшина «Поселение Мыльниково — памятник финальной бронзы и переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа», В. Д. Кубарева «Окуневские погребения на Алтае», Г. В. Масленниковой «Памятники предгорий Алтая первой половины I тысячелетия до н. э.» и др. Большой интерес вызвали материалы могильника эпохи бронзы, исследованного В. Д. Кубаревым у Каракола, где на стенках погребальных каменных ящиков нанесены полихромные сцены с изображением идущих антропоморфных фигур. Выступая по докладу В. Д. Кубарева, Г. Н. Грачева отметила, что данные сцены сопоставимы с изображениями на бубнах у нганасан. По ее мнению, черной краской здесь изображены люди подземного мира, а изображения, нанесенные красной краской, символизируют идею возрождения жизни.

Дискуссионные проблемы хронологии херексуров и оленных камней получили отражение в докладе Ю. С. Худякова «Херексуры и оленные камни». Докладчик выделяет пять фаз развития оленных камней. Он отмечает совпадение ареалов херексуров и оленных камней и относит оба класса объектов к одной культуре, именуемой им предварительно культурой херексуров и оленных камней и датируемой в основной части периодом развития бронзы.

Серия из трех докладов была посвящена анализу проблем раннего железного века лесостепи Прииртышья и Притоболья. А. В. Матвеев в докладе «К проблеме этнографии Западно-Сибирской лесостепи в скифскую эпоху» сопоставляет население баитовской культуры с исседонами, а саргатской — с аримаспами. Н. П. Матвеева в докладе «О жертвенных камнях скифского времени из Зауралья» обсудила дискуссионные вопросы хронологии и культурной принадлежности каменных плит с изображением головы барана, известных по случайным находкам. В 1985 г. одна такая плита со схематичным изображением и обломок плиты с реалистичным изображением головы барана были обнаружены докладчиком во время раскопок под курганом IV—III вв. до н. э. саргатской культуры на Рафайловском городище на р. Исети. В докладе высказано предположение, что эти плиты были атрибутами культа барана, характерного для племен баитовской культуры, предшествовавшей саргатской и воспринятого мигрировавшим в Притоболье в V в. до н. э. саргатским населением. Пока к этому мнению надо подходить осторожно, поскольку такие плиты известны не во всем ареале баитовской культуры, их нет в Прииртышье и в междуречье Ишима и Тобола, где открыто много баитовских памятников. Отсутствуют они и в основном ареале саргатской культуры. Район находок большинства плит с головой барана совпадает в основном с ареалом гороховской культуры в лесостепи левобережья Тобола и Исети, поэтому с большей долей вероятности их можно связывать с населе-

нием гороховской культуры. Проблемы происхождения саргатской культуры рассматривались в докладе А. Я. Труфанова, который считает, что она сформировалась в Прииртышье в результате взаимодействия населения иртышского варианта ирменской культуры и продвинувшегося к югу этноса сузгунской культуры. Данная точка зрения близка концепции В. А. Могильникова о происхождении саргатской культуры [2, с. 78, 79] и представляет ее развитие с использованием нового материала. Выступая по докладу А. Я. Труфанова, В. И. Молодин отметил, что в саргатской культуре прослеживается ирменский компонент, тогда как остальные недостаточно ясны. Надо сказать, что проблема происхождения саргатской культуры окончательно еще не решена. Можно утверждать, что эта культура формировалась в лесостепи Прииртышья, на западе Барабы, частично на юге Среднего Приишимья и в V в. до н. э. распространилась в северную часть лесостепного Притоболья, на Нижнюю Исеть и Ницу.

Топонимии был посвящен только одни доклад А. М. Малолетко в сообщении «Топонимика „скифских" районов Алтая», выделяя топонимические пласты различного происхождения, пытается выявить слабо улавливаемые иранские элементы, которые он хронологически относит к андроновской культуре и скифской эпохе. А. М. Малолетко и Л. А. Орлова сделали также совместный доклад «Климат Алтая в скифскую эпоху», в котором приходят к заключению, что скифское время на Алтае совпадало с климатическим оптимумом, максимально благоприятствовавшим развитию скотоводческих культур.

По основным проблемам, поставленным в докладах конференции, проведена плодотворная дискуссия.

Конференция была хорошо организована. К ее открытию был опубликован сборник тезисов большинства докладов [3]. Это позволило участникам заранее ознакомиться с их содержанием, что способствовало активному обсуждению поставленных проблем.

В. А. Могильников

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сорокин С. С.* Большой Берельский курган//Тр. ГЭ. 1969. Т. 10.
2. *Могильников В. А.* Об этническом составе культур Западной Сибири в эпоху железа// Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1983.
3. Скифская эпоха Алтая (тез. докл. к конф.). Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1986.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АОР — Археологически открития и разкопки

АОИРС — Архангельское общество по исследованию Русского Севера

ВЦНИЛКР — Всесоюзная центральная научно-исследовательская лаборатория по консервации и реставрации музейных художественных ценностей. Москва

ГНМПЛ — Годишник на народния археологически музей. Пловдив

ГПНБМ — Годишник на Пловдивската народна библиотека и музей

ЖС — Живая старина

ИАИ — Известия на Археологическия институт на Българска Академия на науките. София

ИИС — Из истории Сибири. Томск

МАЕСВ — Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Сыктывкар

МДАПВ — Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Київ

НИС — Новгородский исторический сборник

ПГКБ — Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. Менск

ОЛЕАЭ — Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии

ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ. Ленинград

ППС — Православный палестинский сборник

САС — Северный археологический сборник. Вологда

СКНЦВШ — Северо-Кавказский научный центр высшей школы. Ростов-на-Дону

СТ — Советская тюркология

ЯГСК — Ярославский губернский статистический комитет

AAAS — Annales archéologiques arabes de Syrie. Damas

AJ — Antiquaries j. London

ANOH — Aarbøger for Nordisk Oldkyndighed og Historie. København

AS — Anatolian Studies. London.

BASOR — Bulletin of the American Schools of Oriental Research. New Haven

BSA — Annual of the British School of Archaeology at Athens. London

CAH — Cambridge Ancient History

CNS — Corpus nummorum saeculorum. Stockholm

JDAI — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. Berlin

JGS — J. of Glass Studies. Corning; New York

JHS — j. of Hellenic Studies. London

JNES — J. of Near Eastern Studies. Chicago

QDAP — Quarterly of the Department of Antiquities of Palestine. Jerusalem

ПАМЯТИ ГЛЕБА АЛЕКСЕЕВИЧА МАКСИМЕНКОВА

10 сентября 1986 г. на 57-м году жизни скончался старший научный сотрудник ЛОИА АН СССР, доктор исторических наук, крупнейший специалист в области первобытной археологии Южной Сибири — Глеб Алексеевич Максименков.

Г А. Максименков родился 26 июля 1930 г. в Ленинграде. В 1953 г. он окончил кафедру археологии исторического факультета ЛГУ; после окончания университета работал в Артиллерийском музее, и эта деятельность нашла отражение в первой научной статье Глеба Алексеевича — «Из истории древнерусской артиллерии», помещенной в журнале «Советская археология» № 3 за 1957 г.

С 1957 г. Г. А. Максименков является сотрудником Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. В 1961 г., после окончания аспирантуры, он защитил кандидатскую диссертацию по теме «Культура древних племен Среднего Енисея в эпоху бронзы».

Ученик и ближайший сотрудник М. П. Грязнова, с первого дня создания Красноярской экспедиции Г. А. Максименков работает в зоне затопления водохранилища Красноярской ГЭС. Размах археологических работ, исследование десятков и сотен курганов различных исторических эпох позволили Г А. Максименкову выделить и установить хронологию памятников новой, наиболее яркой культуры Южной Сибири — окуневской, генетически не связанной с предшествующей ей афанасьевской и последующей андроновской культурами Минусинских степей. Основные итоги этих исследований изложены им в работе «Окуневская культура в Южной Сибири» (МИА, 1965, № 180). Только теперь, когда памятники окуневской культуры и близкие ей стали известны не только на Среднем Енисее, но и в лесостепной зоне Красноярского края, Тувинской АССР и на Алтае, становится в полной мере ясным значение этого открытия. Отныне окуневская культура занимает такое же прочное место в древней истории Южной Сибири и Центральной Азии, как андроновская, карасукская и тагарская культуры, и в этом отношении Глеб Алексеевич Максименков является достойным продолжателем таких выдающихся исследователей археологии Сибири, как С. А. Теплоухов, С. В. Киселев и М. П. Грязнов. В 1975 г. Глеб Алексеевич защищает докторскую диссертацию по теме «Окуневская культура», в которой были обобщены более чем 10-летние полевые исследования и теоретические разработки автора. К проблемам и исследованию различных аспектов окуневской культуры Г. А. Максименков будет возвращаться в продолжение всей своей жизни.

В 60-е годы Г. А. Максименков выступает с серией статей и докладов о неолите и энеолите Енисея и Западной Сибири, является автором ряда глав и разделов первого тома «Истории Сибири». В начале 70-х годов он продолжает полевые работы, связанные с размывом берегов Красноярского водохранилища, возглавляет Тубинскую археологическую экспедицию. В 1977 г. Г. А. Максименков создает и в течение 2 лет возглавляет Сибирскую экспедицию ЛОИА АН СССР, целью которой стали изучение и спасательные раскопки археологических памятников в зоне строительства Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса. В 1978 г. вышла в свет монография Г. А. Максименкова «Андроновская культура на Енисее» (Л., 1978), а затем коллективная монография «Памятники окуневской культуры» (Л., 1980) в соавторстве с Э. Б. Вадецкой и Н. В. Леонтьевым. Обе монографии, наиболее крупные исследования археологии Южной Сибири за последние годы, являются итоговыми в научной деятельности Г. А. Максименкова.

В последние годы жизни Г. А. Максименков занимался проблемами периодизации и хронологии карасукской культуры, но эта работа не была им завершена, Г. А. Максименков был первоклассным полевым исследователем. Его научное наследие насчитывает 50 печатных работ, являющихся ценным вкладом в развитие отечественной археологии. Г. А. Максименков пользовался глубоким уважением и авторитетом среди археологов-сибиреведов. Светлую память о Глебе Алексеевиче Максименкове сохранят все, кому довелось с ним работать.

Д. Г Савинов, Вл. А. Семенов